

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1959

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

LED
HALL USE
MAR 1 1978

5920 $\frac{05}{P89}$

АПРѢЛЬ.

1896.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

~~1906~~
Издательство д. ф.

√ 4443 эк. ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92

1896.

Р. 8ав 620. 5 ($\frac{1896}{4}$)

ИЮЛ 1939 ✓

61 * 2

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
1. Въ міръ отверженныхъ. Записки бывшаго каторж- наго. <i>Л. Мельмина</i> . Продолженіе.	5—28
2. Тѣнь. <i>И. И. Иванова</i> . Окончаніе	29—64
3. Въ ожиданіи поѣзда. <i>Е. А. Ганейзера</i>	65—82
4. Подсѣнникини. Стихотвореніе <i>А. М. Ѳедорова</i> . .	83
5. Радости и горести знаменитой Молль Флендэрсъ. <i>Да- тэля Дефо</i> . Переводъ съ англійскаго П. Кан- чаловскаго. Окончаніе	84—143
6. Бодлэръ, его жизнь и поэзія. <i>П. Я.</i>	144—173
7. Борцы. Романъ <i>К. С. Баранцевича</i> . Продолженіе. .	174—197
8. Юность. Стихотвореніе. <i>А. М. Ѳедорова</i>	198
9. Исторія какъ наука. <i>П. Н. Ардашева</i>	1—25
10. Новыя книги:	
А. Е. Заринъ. Повѣсти и рассказы.—А. Е. Заринъ. Говорящая голова.—Гусли звончаты. Стихотворенія. Н. А. Панова.—М. Л. Гольдштейнъ. Впечатлѣнія и замѣтки.—А. Алферовъ, А. Гру- зинскій, Ф. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литера- турѣ.—Овсяннико-Куликовскій. Языкъ и искусство.—Опытъ математическаго выраженія понятій и выводовъ этики. Н. А. Шапошникова.—Что такое гомеопатія. Е. А. Дюкова.— Шарль Жидъ. Основы политической экономіи.—Землевладѣ- ніе и сельское хозяйство.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	25—49
11. Изъ Австрій. <i>Л. Василевскаго</i>	50—71
12. Изъ Германіи. <i>А. Коэрова</i>	71—89
13. Изъ Франціи. <i>Н. К.</i>	90—114
14. Литература и жизнь. <i>Н. К. Михайловскаго</i>	115—138
15. Русское Географическое Общество и его полулѣтняя дѣятельность. <i>А—е—с—е</i>	139—144

	ОТРАД.
16. Дневникъ журналиста. <i>С. Н. Южакова</i>	145—170
17. Хроника внутренней жизни: I. Слухи и толки о денежной реформѣ. <i>Н. Ѳ. Анженская</i> . II. Общество и печать.—Обостренныя отношенія.—Прививка прессы.—Инцидентъ Жеденева. <i>О. Б. А.</i>	170—214
18. Отчетъ конторы редакціи журнала «Русское Богатство».	215
19. Отъ комитета Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій	215—217
20. Объявленія.	

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Галарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Н. Гаринъ. Очерки и рассказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. второе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Очерки и рассказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Н. К. Михайловскій. Критическіе опыты:
— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Щедринъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер., 1 р. 25 к.

Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

С. Н. Ожаковъ. Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Уральскіе рассказы. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.

С. Я. Елпатыевскій. Очерки Сибири. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

К. М. Станюковичъ. Откровенные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Морскіе силуэты. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Н. Сѣверовъ. Рассказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

В. Сѣрошевскій. Якутскіе рассказы. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Ю. Безродная. Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

П. Добротворскій. Рассказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи: жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Э. Реклю. Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.

И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Н. А. Карышевъ. Крестьянскія вѣнчающіяся аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

- С. Н. Кривенко.** На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Э. К. Ватсонъ.** Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- Н. А. Рубакинъ.** Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- С. Я. Надсонъ.** Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- В. Острогорскій.** Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Р. Левенфельдъ.** Графъ Л. Н. Толстой. (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- А. Н. Анненская.** Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно послать почт. марками).
- Дж. Мармер.** Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Э. Реклю.** Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- И. К. Елунчли.** Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (вместо 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большею уступки не дѣлается.
- Дж. Леббокъ.** Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- В. А. Гольцевъ.** Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Съ благодѣтельной цѣлю:

- Путь-дорога.** Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На веленовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.
- О. Петерсонъ.** Семейство Бронте. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Въ добрый часъ.** Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.
- Т. Жиггинсонъ.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Черезъ Контору редакціи и Московское отдѣленіе конторы можно выписывать только книги, означенныя въ этомъ спискѣ.

Другія книги высылаются въ видѣ исключенія и не иначе, какъ по номинальной цѣнѣ книжныхъ магазиновъ и съ платежомъ за пересылку. Въ этомъ случаѣ уступки никакой не дѣлается.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. 8 р., съ перес. 10 р. 50 к.

Г И М Н А З И С Т Ы

Н. Гарина.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ Петербургѣ—Контора журн. «Русское Богатство»—Басейная ул., 10.
Въ Москвѣ—Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Никитскія ворота, д. Гагарина.

Обращающіеся въ складъ за пересылку не платятъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Бассейная, 10.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

• 1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

Продолжается приёмъ подписки
на 1896 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота,
д. Гаварина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается зарочка: для городскихъ и многородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му июля 4 р., или при подпискѣ 6 р. и къ 1-му июля 3 р.

Другихъ условій разорочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства», уплатившіе подписную сумму ополна, пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книгѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

СОЧИНЕНИЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

- Томъ I. Жертва старой русской исторіи.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Суздальцы и суздальская критика.—Преступленіе и наказаніе.—Вольтеръ челоѣкъ и Вольтеръ мыслитель.—Естественный ходъ вещей. *Цѣна 2 р.*
- Томъ II. Литературныя замѣтки 1872 и 1873 гг.—Письмо къ графу Орлову-Давыдову.—Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго.—Графъ Бисмаркъ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. *Цѣна 2 р.*
- Томъ III. (*Въ двухъ выпускахъ*). Записки профана. *Цѣна 3 р 75 к.*
- Томъ IV. Что такое 'прогрессъ'? — Въ перемежку. (*Этого тома въ продажѣ больше нѣтъ*).
- Томъ V. Теорія Дарвина и общественная наука.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники. *Цѣна 2 р.*
- Томъ VI. Экспериментальный романъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа. *Цѣна 2 р.*

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ этихъ книгъ, пользуются уступкой 50%.

Складъ изданія: книжный магазинъ А. Я. Панафидина. — Москва, Фуркасовскій пер., д. 10.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Критическіе опыты: { Левъ Толстой. Ц. 1 р.
Щедринъ. Ц. 1 р.
Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р.

ПРОДАЮТСЯ: въ Конторѣ журнала «Русское Богатство» — Петербургъ, Бассейная ул., 10 и въ Отдѣленіи конторы — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Литература и жизнь. Цѣна 1 р. Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова — Петербургъ, Лештуковъ пер.

Литературно-критическія характеристики М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій.—Левъ Толстой. — Н. В. Шелгуновъ.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Т. Аксаковъ.—А. М. Жемчужниковъ.—Глѣбъ Успенскій.—О. М. Рѣшетиловъ.—Н. Н. Златовратскій.—Н. Е. Петрова-Молодая (Баронья).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНИЯ Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

Очерки и рассказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе пятое. Ц. 75 к. съ перес. 90к.

С К Л А Д Ы:

Контора журнала «Русское Богатство»—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Кн. магаз. журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, № 2—24.

СБОРНИКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей В. П. Безобразова и при ближайшемъ содѣйствіи профессоровъ И. Е. Андреевскаго, М. И. Горчакова, А. Д. Градовскаго, Ф. Ф. Мартенса, В. И. Сергѣевича, Ю. Э. Янсона, Г. А. Леера, П. В. Калачова и Ф. Г. Тернера.

ВОСЕМЬ томовъ. Цѣна 26 руб.

Подписчики „Русскаго Богатства“ платятъ ЧЕТЫРЕ рубля, съ перес. 6 руб. 70 к.

ПРОДАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—контора журнала «Русское Богатство»—Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ—отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Никитскія ворота, д. Гагарина.

НОВАЯ КНИГА: СОЦИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ С. Н. Южакова.

Томъ II. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Обращающіеся въ контору журнала «Русское Богатство»—Петербургъ, Бассейная ул., 10 или въ Отдѣленіе конторы—Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина за пересылку не платятъ.

Складъ изданія: въ кн. магаз. М. М. Стасюлевича—Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, 28.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Вторая серия.

Х.

Побѣги и первая кровь.

Въ первыхъ числахъ мая какимъ-то путемъ достигъ изъ Пороховскаго рудника до Шелайской вольной команды сенсационный слухъ о побѣгѣ одного арестанта черезъ старыя выработки. Слухъ этотъ перешелъ скоро и въ стѣны тюрьмы и чрезвычайно взволновалъ все ея населеніе. Только и разговоровъ было, что о фартовцѣ Красоткинѣ (такъ и назывался бѣжавшій арестантъ). Многіе удивлялись, какъ это раньше никому въ голову не приходило бѣжать черезъ гору.

— Я и раньше слышалъ, — рассказывалъ почти каждый арестантъ, бесѣдовавшій со мной объ этомъ предметѣ, — что гдѣ-то съ другой стороны горы, гдѣ конвой не ставится, выходъ есть. Тамъ вѣдь на пятьдесятъ верстъ, говорятъ, выработки идутъ. Тамъ заблудиться можно. Что твой лѣсъ: то прямо идти, то вправо, то влево поворачишь, то внизъ спустишься, то опять вверхъ полѣзешь... И вдоль и поперекъ десятки корридоровъ тянутся... Одно только: страшно заходить далеко. Нѣкоторыя выработки много ужъ лѣтъ заброшены, и ходить туда строго-на-строго запрещается: крѣпи всѣ сгнили — того и гляди повалятся, задавятъ; а въ другихъ мѣстахъ вода, ледъ.

Однако большинство утверждало, что выходъ съ другой стороны все-таки есть, и духовому человѣку бѣжать можно. А поэтъ Владиміровъ, прослушавъ нѣсколько такихъ разсужденій, вдругъ поднялся съ наръ и забасилъ категорически:

— Да и раньше бѣгали!

— Когда бѣгали? Кто бѣгалъ!

— Да вотъ бѣгалъ. Не хотѣли уходить только совсѣмъ, потому семейные были, а проходъ находили. Вотъ полякъ Нина съ хохломъ Егозой нашли разъ. Забрали въ ледяной корридоръ и заблудились. Страху столько натерпѣлись, рассказывали послѣ. По обмерзлымъ лѣстницамъ, чуть живыми, лѣзли. Продогли, промокли

всѣ... И вдругъ къ выходу пришли... Вышли вонъ — смотреть — лѣсъ кругомъ, и цѣпь далеко-далеко въ сторонѣ осталась. Такъ и могли-бъ уйти, кабы захотѣли. Только они не хотѣли, потому женатые были, и пошли къ казакамъ навстрѣчу. Тѣ сначала пропустили ихъ въ цѣпь не соглашались, а потомъ какъ объяснилось въ чемъ дѣло, такъ конвой просто диву дался, испугался!

— Да не во снѣль это приснилось тебѣ, Медвѣжье ушко?—спросилъ насмѣшливо Соколыцевъ.

— Зачѣмъ во снѣ! Спроси хохла Егору и Нюса спроси.

— Гдѣ-жъ я теперь спрошу, коли они въ волости давно? А тебѣ-то они сами оказывали?

— Да хоть и не сами... Другіе все равно слышали... Уйти бы могли, кабы захотѣли! Только они не хотѣли.

— То-то, кабы захотѣли. Нѣтъ, ужъ мы подождемъ лучше, узнаемъ, какимъ путемъ Красоткинъ бѣжалъ, а потомъ повѣримъ тебѣ, дружище. Кабы выходы изъ горы были, начальство лучше-бъ нашего съ тобой знало, что они есть, и безъ караула не оставляло-бы ихъ во время работы. Я такъ полагаю.

Скептическій взглядъ Соколыцева раздѣляли Гончаровъ, Юхоревъ и другіе бывалые и опытные люди. Взглядъ этотъ и оправдался черезъ нѣкоторое время, когда пришло другое, болѣе вѣрное извѣстіе, что Красоткинъ не бѣжалъ вовсе, а только пробовалъ отсидѣться въ горѣ, но, благодаря собственной глупости, черезъ двадцать сутокъ принужденъ былъ сдаться начальству. Соколыцевъ самъ принесъ изъ мастерской этотъ слухъ и рассказалъ такимъ образомъ собравшейся вокругъ него шпанкѣ.

— Онъ точно могъ бы бѣжать, Красоткинъ, кабы другой на его мѣстѣ человѣкъ былъ. Я его хорошо знаю и тогда, въ первый же разъ, какъ услышалъ, подумалъ про себя, что не Красоткину-бъ обдѣлать такое дѣло. И задумалъ-то его не самъ онъ, а ребята предложили, силой почти уговорили, потому жалко парня: молодой совсѣмъ, а за спиной сорокъ пять лѣтъ работы сидитъ. Задумано было такъ. Спрятали его во время работы въ старыхъ выработкахъ, въ очень прекрасномъ мѣстѣ, про которое два-три только человѣка изъ всей тюрьмы знали. Туда заранѣе ему всякаго провіанту натаскали, чтобъ можно было дня три или даже четыре просидѣть. Заложили камнями и ушли. Кончилось рабочее время, пора въ тюрьму идти. Сосчитали казачишки арестантовъ, разъ и два сосчитали—что за чортъ? Нѣтъ одного. Нѣтъ да и нѣтъ. Пошла тревога. Всю гору обѣгали казачишки—ничего не могли сыскать. Рѣшили все-таки цѣпи не снимать, выждать: можетъ быть, онъ спрятался гдѣ-нибудь, притаился—такъ рано, молъ, или поздно долженъ все-таки объясниться. Часовые клялись и божились, что изъ цѣпи никого не выпускали. Кабы кобылка вела себя хорошо, а главное, кабы самъ Красоткинъ не дремалъ, это все не бѣда-бъ, что цѣпи не сняли, потому ребята и раньше такъ располагали, что три-че-

тыре дня караулъ будетъ стоять. Эти дни надо ухо остро держать, сидѣть спокойно. Въ первую же ночь цѣлая сотня казаковъ съ фонарями въ гору пошла, все обыскала, перерыла. Опять ничего, конечно, не нашли. Еще сутокъ двое постояли, постояли; глядь — и сняли посты. Рѣшили, что часовой, должно быть, прокараулилъ, того-жъ разу изъ цѣпи выпустилъ. Тутъ бы и махнуть Красоткинну драга — наши успѣли ему шепнуть, что розыски, молъ, утихли, проходить свободный. Одежда вольная, деньги — все у него было. А онъ возьми, дьяволовъ сынъ, и струсь! Еще почему-то три дня пропустилъ, даромъ пролежалъ. А тутъ, смотри, и провіантъ истощился, что въ запасъ былъ. Пришлось таскать каждый день изъ тюрьмы. Придутъ утромъ на работу. Ну, думаютъ, теперь, должно быть, ушелъ. Глядь — а онъ все еще лежитъ. Что же ты, такъ тебя и такъ, дѣлаешь? Погубить себя хочешь? — «Ей Богу, братцы, сегодняшнюю ночь убѣгу. Пошелъ было сегодня, да показалось, караулъ опять стоитъ». Вотъ трусливая ворона! А еще молодой парень, сорокъ пять лѣтъ каторги сумѣлъ заработать! И вотъ промежъ кобылки шорохъ пошелъ. Спервоначалу-то человѣка четыре только знали, вѣрные люди; большая часть, какъ и начальство, тоже думали, что Красоткинъ на волѣ давно — лови въ полѣ вѣтра! А тутъ — замѣтила-ль какая сука, что пищу ему носить въ гору, промежъ себя шепчутся, али по другому по чему — только скоро вся тюрьма узнала, что Красоткинъ въ выработкахъ старыхъ сидитъ. А вся тюрьма узнала — и надзиратели узнали и конвой. Вспокоились опять — цѣпь поставили, караулы; строго стали обыскивать всѣхъ, чтобы хлѣба ему не проносили... Мало того! какіе хитрые шельмы: пепла по всѣмъ корридорамъ [насыпали, нитки протянули. Думаютъ: коли станетъ ночью ходить — воды искать или бѣжать захочетъ — непременно слѣды останутся. И днемъ и ночью въ горѣ зачали шарить. Разъ какую-даже штуку удрали? Не выгнали арестантовъ на работу, а замѣсто того казачишкамъ молотки и буры дали. Такой стукъ въ рудникѣ подняли, будто заправская работа идетъ. Ну, да Красоткинъ догадался почему-то, что — подвохъ, и не вышелъ. Натерпѣлся, однако, бѣдняга страху за эти дни. Однажды (сказывалъ послѣ ребятамъ) два казачишка во время обыска вплоть подошли къ самому тому мѣсту, гдѣ онъ заложень камнями былъ. Стали, слышать, разбирать. Одинъ говоритъ другому: «Сейчасъ же заколемъ мерзавца, коли тутъ окажется». Ажно духъ въ немъ замеръ; вотъ-вотъ увидать!.. Вдругъ, на его фартъ, гдѣ-то вдали другіе закричали: «Здѣсь, здѣсь онъ!» Какъ бросятся туда духи... Такъ гроза и прошла мимо. Однако плохо его дѣло стало. Проносить удавалось только по крохотному кусочку хлѣба, да и то не каждый день. Отощалъ вовсе. Темнота къ тому же, воздухъ душный... Ноги стали пухнуть, цынга появилась... И тутъ иной бы фартовецъ сумѣлъ еще выкрутиться! На проломъ бы пошелъ! Прямо на часового-бъ ночью кинулся: подкараулилъ бы, какъ онъ зазѣ-

вается, стоит себя, въ носу ковыряетъ, и пришибъ бы духа проклятаго! А Красоткинъ могъ только вокругъ да около ходить, а ни на что не рѣшался. Разъ насмѣлялъ было, пошелъ... да такъ неосторожно высунулся, что часовой увидалъ: выстрѣлъ дакъ, закричалъ! Казаки набѣжали! Насилу ноги уволокъ. Послѣ того онъ и совсѣмъ оробѣлъ, вылѣзть изъ своей норы пересталъ. Вовсе разнемогся. «Смерть, видно, думаетъ, предстоитъ теперь». Разъ лежитъ онъ такимъ манеромъ, вдругъ слышитъ—идетъ кто-то, промежъ камней пробирается. Мелкіе камешки падаютъ. Вотъ къ самому къ нему подошелъ, и въ темнотѣ ровно свѣтлѣе стало. Стоитъ передъ нимъ, какъ есть, человѣкъ—ни высокій, ни низкій, съ сѣдой бородкой. «Ты здѣсь?»—спрашиваетъ.—«Здѣсь»,—отвѣчаетъ Красоткинъ.—«Ѣсть хочешь?»—«Шибко, говорить, хочу».—«А холодно тебѣ?»—«Закоченѣлъ весь».—«Ну, погоди, говорить, маленько, легче станетъ». Сказалъ—и словно въ землю провалился, невидимъ сталъ. А ему и точно легче сейчасъ же сдѣлалось: голодъ пропалъ и будто тепломъ откуда-то потянуло...

— На другой день послѣ того (это на девятнадцатый ужъ день!) Красоткинъ прямо объявилъ ребятамъ, что дальше терпѣть не въ силахъ, и если не придумаютъ средства вывести его живого, такъ онъ самъ выйдетъ—пускай убиваютъ. Что тутъ дѣлать? Сказали старшему надзирателю (хорошій, говорятъ, человѣкъ для нашего брата): такъ и такъ, молъ, человѣку смерть предстоитъ, потому казаки безпремѣнно убьютъ, какъ только онъ покажется,—обозлены сильно; явите божескую милость, примите подъ свою защиту. На утро онъ пошелъ съ ребятами въ гору, одѣлъ Красоткина въ вольную одежду и вывелъ незамѣтно для казачишекъ. Кто былъ на Покровскомъ, тотъ знаетъ вѣдь, что рудникъ тамъ совсѣмъ подлѣ тюрьмы, и цѣнь разставляется далеко-далеко кругомъ... Какъ подошли они къ воротамъ—тутъ только два молодыхъ подчаска смекнули въ чемъ дѣло. Какъ сумасшедшіе, метаться зачали туда, сюда, зубами щелкаютъ, не знаютъ что дѣлать. «Смѣйте только пальцемъ тронуть!»—прикрикнулъ на нихъ старшій надзиратель:—«строго отвѣчать будете». Канули подчаски въ караульный домъ—выбѣжалъ оттуда весь караулъ съ ружьями. Безпремѣнно убили-бъ Красоткина, ни на что-бъ не поглядѣли, да въ эту минуту дежурный ворота успѣлъ растворить и втолкнуть его во дворъ. Такъ и остались казачишки съ носомъ, ружьями только погрозились сквозь рѣшетку да поругались вслѣдъ. Вотъ вѣдь звѣрье какое!

— Каждого изъ ихъ давить надо, духовъ окаянныхъ!—подтвердили слушатели, глубоко взволнованные разсказомъ Сокольева.

Красоткина тоже ругали на всѣхъ корки. Разочарованіе было полное. Хотя идея побѣга черезъ горныя выработки и не имѣла никакого смысла въ крошечномъ Шелайскомъ рудникѣ, гдѣ обширныя выработки старыхъ временъ находились далеко отъ нынѣшнихъ,

но въ арестантской душѣ были разбужены этой исторіей самыя за-
вѣтныя чувства, задѣты самыя больныя струны... Къ тому же весна
была уже въ полномъ разгарѣ: за высокой тюремной оградой зе-
лѣли красивыя сопки, благоухали цвѣты и деревья... Все напо-
минало о волѣ, о жизни и счастьи, и сердце у каждого мучительно
ныло... Но бѣжать изъ Шелайской тюрьмы, такъ зорко оберегаемой
Шестиглазымъ, было нелегко, и самыя дерзкіе смѣльчаки предпочи-
тали выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, мечтали о предва-
рительномъ переводѣ въ другіе рудники. За то съ началомъ лѣта
начались массовыя побѣги изъ вольной команды, за которой не
было почти никакого надзора.

Прежде всего скрылись поваръ и кухарка самого Лучезарова.
Послѣдній снарядилъ за ними погоню изъ нѣсколькихъ надзира-
телей и казаковъ; но трехдневные поиски не привели ни къ чему,
и преслѣдователи вернулись съ пустыми руками. Едва успѣло
улеяться волненіе, произведенное въ тюрьмѣ этимъ первымъ побѣ-
гомъ, какъ исчезъ арестантъ, бывшій любимцемъ Лучезарова и за-
нимавшій въ его конторѣ должность писца. Съ нимъ вмѣстѣ ушла
бродяжить и сестра жены Ракитина, дѣвочка четырнадцати лѣтъ.
На этотъ разъ бравый штабсъ-капитанъ самолично отправился въ
погоню, получивъ отъ какого-то изъ арестантовъ свѣдѣніе, по ка-
кому направленію ударились бѣглецы. Рассказывали, будто, уѣз-
жая, онъ хвалился, что приведетъ писаря назадъ, живого или
мертвого.

— Ишь вѣдь аспидъ какой!—толковали межъ собой арестан-
ты,—почему въ другихъ рудникахъ не взирають на то, что изъ
вольной команды бѣгутъ? Начальство за нее вѣдь не отвѣчаетъ.
Идите себѣ, голубчики, на всѣ четыре стороны, хоть всѣ разбѣ-
гайтесь!

— Потому что онъ змѣй шестиглазый и шестиголовый,—оратор-
ствовалъ полусумасшедшій и озлобленный Жебреекъ,—онъ ровно зо-
лотомъ дорожить нашимъ братомъ. Ровно мы братья ему родине—
такъ дорожить! Спать безъ насъ, ѣсть спокойно не можетъ. Вѣкъ бы
не разстался онъ ни съ однимъ арестантомъ. Сердце его радуется,
когда кому изъ насъ сроку набавятъ. Почему насъ на Сахалинъ
не пустили? Потому онъ не хотѣлъ этого. Ужъ я знаю, что это онъ
не хотѣлъ. Самъ за бѣглымъ арестантомъ погнался—гдѣ это ви-
дано? Какой благородный начальникъ во вниманіе такіе пустяки
возьметъ? Ну, да пушай потѣшится, кровушки нашей напьется,
пушай! Придетъ когда-нибудь и его точка... Ужъ я знаю, что
придетъ! При-детъ!

И, вытянувъ руку, Жебреекъ торжественно поднималъ указа-
зательный перстъ къ небу.

Похвальба Лучезарова оказалась, однако, напрасной. Ему съ
казаками приходилось ѣхать по проѣзжей дорогѣ, а бѣглецы могли
идти стороною, черезъ тайгу, имѣя передъ собой десятки дорогъ, и

даже посмѣиваться надъ нимъ издали. Другое было дѣло—дальнѣйшій путь, гдѣ въ 30—50 верстахъ отъ Шелайскихъ сопокъ начинались шедшія вплоть до Читы и дальше голыя степи, покрытыя казачьими станицами. Тамъ рѣдко кому удастся пройти, и изъ десятковъ и сотенъ бѣглецовъ, направляющихся каждое гдѣто изъ всѣхъ рудниковъ, только немногимъ удастся пробраться за черту Нерчинскаго каторжнаго района. Большинство опять попадаетъ въ руки властей. Для Шелайскихъ бѣгуновъ было счастьемъ, впрочемъ, и то, если имъ удавалось попасть послѣ поимки въ одну изъ другихъ тюремъ.

Шестиглазый вернулся изъ своей неудачной поѣздки злой и темный, какъ ночь. Кобылка въ тайнѣ души ликовала и въ тюрьмѣ, и въ вольной командѣ. Изъ послѣдней побѣги продолжались чуть не ежедневно: оставались на мѣстѣ только семейные, да тѣ, у кого срокъ совсѣмъ уже скоро кончался. Рассказывали, что къ этому же времени Лучезаровъ получилъ непріятныя для него бумаги съ выговоромъ за излишнія траты по управленію Шелайскимъ рудникомъ, что не были утверждены также представленныя имъ смѣты на новые расходы, отчасти уже сдѣланные имъ изъ собственнаго кармана. Не знаю, правда это была или ложь, но такими именно слухами старались объяснить перемѣну, замѣченную этой весной въ Лучезаровѣ. Не смотря на всѣ свои громы и молніи, онъ представлялся до сихъ поръ человѣкомъ ровнымъ, всегда одинаково грознымъ съ арестантами, способнымъ держаться въ рамкахъ строгой законности. Даже послѣ оскорбленія, полученнаго отъ Шахъ-Ламаса, онъ не поддался чувству личнаго озлобленія и ограничился карцерами, запоромъ камеръ на замки, словесными угрозами; теперь онъ проявилъ вдругъ совершенно новую, скрытую раньше, черту своего характера, чисто-русскую черту — способность «зарываться». Въ тюрьму онъ являлся въ послѣднее время очень рѣдко, но до насъ то и дѣло доносились слухи о подвигахъ его на волѣ. Тамъ онъ рвалъ и металъ. Прежде всего пришлось извѣдать его раздраженіе арестантами, рывшимъ канаву подлѣ тюрьмы: имъ стали задавать немовѣрно большіе уроки, почти по кубической сажени въ день на человѣка, забывая, что каторжные не наемные рабочіе, у которыхъ и лучшая пища, и больше физической силы и нравственной бодрости. Послѣ нѣсколькихъ дней подобной работы, начали ослабѣвать самые сильные. Маленькаго Лунькова товарищи принуждены были босого вытаскивать изъ глинистаго дна канавы, въ которомъ такъ вязли сапоги, что ихъ вырубали потомъ желѣзными лопатами... Не выработавшимъ полного урока уменьшали на слѣдующій день порцію мяса и хлѣба и все таки приказывали идти на работу. Здѣсь ярче всего обнаружилась дешевизна тѣхъ изъ арестантовъ, которые, обладая широкимъ горломъ и иванской репутаціей, были храбры и смѣлы лишь на словахъ. Теперь, когда дошло до дѣла, они были тише воды, ниже травы и, какъ волю, тянулись изъ жилъ, лишь

бы не прогнѣвить страшнаго Шестиглазаго. За то Луньковъ, сверхъ общаго ожиданія, показалъ, что онъ вовсе не трусъ. Выбывшись однажды изъ силъ, онъ обругалъ пристававшаго къ нему надзирателя и отправился въ карцеръ. Шестиглазый распорядился арестовать его на мѣсяць съ закованіемъ въ наручни и отдачей подѣ судъ. Той же участи подвергся вскорѣ толстакъ Ногайцевъ. Карцеры въ эти дни не пустовали. По слухамъ, Лучезаровъ бушевалъ и у себя на дому, собственноручно расправляясь съ прислугой. Нѣсколько надзирателей, вообще трусившихъ его больше самихъ арестантовъ, также подверглись удаленію, выговорамъ и штрафамъ. Въ тюрьмѣ съ трепетомъ ожидали появленія его на вечернихъ повѣркахъ, будучи увѣрены, что произойдетъ что нибудь страшное. Всѣ притаились, точно въ ожиданіи бури... И буря, дѣйствительно, разразилась, хотя и не съ той стороны, откуда ея ждали.

Вернувшись однажды изъ рудника, я услыхалъ новость, отъ которой у меня самого подкосились ноги, и вся кровь прихлынула къ сердцу... Только что былъ подвергнутъ жестокому наказанію розгами кучеръ Лучезарова Салмановъ, и его раздирающіе душу крики были явственно слышны во дворѣ тюрьмы и даже въ больницѣ. Салмановъ былъ хорошо мнѣ знакомый киргизъ, жившій нѣсколько мѣсяцевъ въ Шелайской тюрьмѣ, неуклюжій медвѣдь, огромнаго роста, съ безобразнымъ лицомъ, изрытымъ оспой, и голосомъ, похожимъ на ревъ звѣря, но за то въ высшей степени добродушный и честный. Даже не любившіе киргизовъ арестанты удивились, услыхавъ, что такой человѣкъ обвиняется въ кражѣ двухъ хомутовъ. Впослѣдствіи выяснилось, что воромъ былъ другой арестантъ, уже окончившій свой срокъ, но дожидавшійся еще назначенія волости. Все это можно бы было выяснитъ въ тотъ же день при маломальски спокойномъ разслѣдованіи дѣла; но Лучезаровъ поспѣшилъ отдать въ первой бѣшености вспышкѣ гнѣва: онъ немедленно велѣлъ наказывать Салманова розгами подѣ окнами своей канцеляріи. Цалачи-казаки били безпощадно-свирѣпо. Послѣ тридцати ударовъ, Лучезаровъ вышелъ на крыльцо и спросилъ у кучера, куда онъ дѣлъ хомуты. Несчастный киргизъ повалился въ ноги, но отвѣта дать не могъ, такъ какъ самъ ничего не зналъ. Бравый штабсъ-капитанъ ушелъ, приказавъ продолжать наказаніе. Послѣ тридцати новыхъ ударовъ, онъ опять вышелъ изъ конторы, опять задалъ тотъ же вопросъ и, опять не получивъ никакого отвѣта, еще разъ махнулъ казакамъ рукой. Эта жестокая сцена продолжалась четыре раза подрядъ, и Салмановъ самъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что получилъ всего 134 розги, тогда какъ «по инструкціи», мѣстная администрація имѣла право наказывать собственной властью лишь ста ударами. Обливавшійся кровью, Салмановъ отведенъ былъ послѣ этого въ тюремный карцеръ, отданъ подѣ судъ и по истеченіи мѣсяца посаженъ въ общую камеру. Къ счастью, невинность его обнаружилась вскорѣ сама собою, и его снова выпустили въ вольную

команду. Добродушный и трусливый дикарь не посмѣлъ жаловаться на самовольную расправу съ нимъ, и дѣло это такъ и было предано забвенію.

XXVII.

Осиновое Ботало развеселяетъ меня.

Какъ солнце не бываетъ безъ тѣни и ночи безъ утренней зари, такъ и въ жизни трагичное и ужасное почти всегда стоитъ рядомъ со смѣшнымъ и веселымъ. Нѣсколько дней спустя послѣ исторіи съ Салмановымъ, разнесся по тюрьмѣ слухъ, будто Ракитинъ до полусмерти искусалъ зубами свою жену: если бы не сосѣдка, побѣжавшая немедленно къ старшему надзирателю, бабѣ конецъ бы пришелъ. Вечеромъ того же дня, послѣ повѣрки, загремѣлъ замокъ въ нашей камерѣ, дверь отворилась и на порогѣ появился Ракитинъ съ вещами.

— Наше почтеніе, старики,—развязно обратился къ намъ Ракитинъ.

Кобылка радостно загоготала.

— Попался, голубчикъ! Скоренько! Ну, рассказывай, братъ, какъ и за что?

Тутъ Ракитинъ понесъ такую чепуху, что ровно ничего нельзя было понять. Въ одну кучу сваливалъ онъ и тайную торговлю виномъ, въ которой Шестиглазый будто бы подозрѣвалъ его, и побѣгъ свояченицы съ писаремъ, и связь Марфы, жены своей, съ этимъ же самымъ писаремъ, и чортъ знаетъ еще что.

— А правда-ли, что жену то вы искушали, Ракитинъ?

— Пощипалъ немножко, Иванъ Николаевичъ, что вѣрно — то вѣрно. Да какъ же и не искушать было подлую? Вѣдь онѣ головушку мою закрутили! Вѣдь онѣ давно ужъ собирались меня въ тюрьму упрятать!

— Кто онѣ?

— Да все онѣ же: Марфа-жена и Домна, сестра женина, что съ писаремъ то сбѣжала. Вѣдь если бы знали вы, что выдѣлывали онѣ, какъ сердечушко мое раздражали... Кровь во мнѣ просто кипяткомъ по жиламъ волновали!

— Что-жъ онѣ такое дѣлали?

— Эхъ! всю ночь говорить—не перескажешь. Домнѣ—тринадцать лѣтъ всего дѣвчонкѣ. Отца, матери нѣтъ—сирота круглая. Я ее пріютилъ, я ее одѣлъ, кормилъ, поилъ. И какой же благодарности, Иванъ Николаевичъ, дождался? Змѣю лютую отогрѣлъ на груди своей! Сколько хитрости и лицемерія въ ней, подлой, таилось, вы не повѣрите. Когда я въ тюрьмѣ еще сидѣлъ, спрашиваю разг. Марфу, что дѣлаетъ Домна. «Домна больше чтеніемъ, говоритъ, займется. Все за евангеліей сидитъ». А она точно грамотная у насъ,

Домна то. Ну, это хорошо, думаю. Вотъ вышелъ я на волю, Иванъ Николаевичъ, вижу: дѣйствительно, за чтеніемъ Домна сидитъ. Что ты читаешь, спрашиваю, Домнушка? «Божественное, отвѣчаетъ, братецъ». Мнѣ бы самому тогда же провѣрить ее, поглядѣть въ книжку то, потому мало-мало вы научили ужъ мараковать меня, Иванъ Николаевичъ. Ну, только недосугъ все было. Вышелъ это, знаете, на волю, круженье головы нѣкоторое пошло—до науки-ль тутъ. Ну, а какъ бѣжала-то она... съ писаремъ этимъ проклятымъ, чтобы ему кишки чедоны изъ нутра выдавили! — я и домекнись въ книжки ея заглянуть. Что-жъ бы вы думали, Иванъ Николаевичъ, какія книжки? Все про любовь, да про любовь описано, такое все, что и не гоже вовсе дѣвкамъ читать. Это писарь, значить, таскалъ ей отъ надзирателей, да отъ Монахова романы разные. А она какія пули отливала мнѣ: божественное, говорить, евангелье, да библія! Вотъ что темнота то наша значить! Что значить, коли въ тушь то нашъ колыванскій ничего, кромѣ простокниши, не налито. Безпремѣнно теперь стану учиться у васъ, Иванъ Николаевичъ, въ науку хочу безпремѣнно углубиться!

— Почему же убѣжала отъ васъ Домна?

— Я не столько ее виню, Иванъ Николаевичъ, потому робачій еще умъ у дѣвчонки, сколько его, продово сѣмя, писаря этого проклятаго. Вѣдь онъ землякъ мнѣ, и пріятели мы съ нимъ были закадышные, до послѣдняго часу друзья неострынные... Вы не повѣрите, Иванъ Николаевичъ,—сказалъ Ракитинъ, понижая голосъ до шопота: вѣдь я же... Егоръ же Алексѣевъ и къ побѣгу то его подготавлилъ! Я и сухарей ему насушилъ на дорогу и другихъ припасовъ надавалъ... А онъ—вотъ вѣдь, какую машину подвелъ подъ меня!

Арестанты захохотали.

— Да ты чего-жъ жалѣешь ее, дѣвчонку то?—спросилъ Чирокъ:— аль самъ на нее мѣтилъ? Что она, родная тебѣ, что-ли? Ушла—и дьяволъ съ ней, лишній ротъ съ шеи долой! Особливо ежели гадана такая лицемѣрная.

— Чудакъ ты, Кузьма, право, чудакъ! А чтобы ты заплѣлъ, кабы у тебя сапожки плюнедевы утащила стерва, шубку на колонколо-вомъ мѣху, двадцать рублей денегъ... Вѣдь жалко! Кровные мои денежки.

— Ну, это не ври. Откуда онѣ взялись у тебя? Марфа водкой наторговала, а не ты.

— Это, братъ, все равно. Что мужъ, что жена—одна сатана. Какъ же не жалеть мнѣ ей, стервенку, голову оторвать?

— Но все-таки, я не понимаю, Ракитинъ, за что вы Марфу-то искушали?

— За то, Иванъ Николаевичъ, что она, навѣрное, знала, подлая, объ сборахъ сестры бѣжать. Безъ этого никакъ не обошлось. Я человѣкъ казенный, съ утра до вечера на работѣ, а она весь день дома.

— Что вы говорите, Ракитинъ! неужели Марфа сама участвовала въ покражѣ у себя вещей и денегъ? Да и могла-ль бы она согласиться на побѣгъ родной сестры, почти еще дѣвочки, съ каторжнымъ бродягой, который можетъ ее обидѣть, убить и ограбить? Жена у васъ, говорятъ, хорошая женщина.

— Эхъ, Иванъ Николаевичъ! Ничего то вы въ нашемъ быту не понимаете, ничего не знаете... Известное дѣло, что вы всегда эту змѣйную породу защищать готовы!

— Молодецъ, Егорка! Здорово укусилъ Миколанча... Хоть разъ за правду истинную молвилъ... Душить ихъ, тварюгъ, надо, всёхъ безъ разбору душить!

— Конечно, надо,—ободрился еще болѣе Ракитинъ, ударяя по столу кулакомъ. Его очень обрадовало, что сочувствіе арестантовъ, недавно смѣявшихся надъ нимъ, начало, видимо, переходить на его сторону.

— Я и раньше, Иванъ Николаевичъ, замѣчалъ за ей такія продѣлки, что ей давно бы голову свернуть надо. И все прощай. Развѣ не видалъ я, напримѣръ, какъ она съ тѣмъ же писаремъ сама любовь крутила? И такой то, и сякой то у насъ Дормидонтъ Иванычъ, и сухой и немазанный, то то, то другое Дормидонту Иванычу подарить надо, тѣмъ то угостить надо... За мной, за мужемъ своимъ роднымъ, такого ухода не было. А ужъ Егоръ ли Ракитинъ въ грязь лицомъ передъ Дормидоншкой ударить? Нѣтъ, ей не хочется, шкурѣ, по закону жить! Запретный плодъ, значить, больше просвѣщаетъ!

— Но какъ же вы только что говорили, Ракитинъ, что сами и къ побѣгу готовили писаря, что друзьями съ нимъ неотрывными до послѣдняго часа были? Если вы замѣчали такія вещи за нимъ и за женой...

— Да вы какъ же полагаете, позвольте васъ спросить, объ Егорѣ Ракитинѣ? Дуракъ онъ, что-ли, набитый? Нѣтъ, Иванъ Николаевичъ! въ башкѣ этой тоже сидитъ что-нибудь. Сколько времени вы меня знаете, а все еще не вызнали. Думаете, я лицемѣрить тоже не умѣю? Химикомъ прикинуться? Еще какъ умѣю то! Самому дьяволу безъ масла въ душу залѣзу, коли захочу. Какъ же мнѣ было съ одного разу выказать ему, что я всё ихъ продѣлки наскрозъ вижу? Я радоваться долженъ былъ, что онъ уйдетъ, смутитель семьи, мучитель жизни моей!

— Вотъ тебѣ и на! то другъ неотрывный, то жизни мучитель... Васъ и не поймешь, Ракитинъ. Но почему же вы зубами искусили жену, а не какъ-нибудь иначе поколотили?

— Скусу больше, Иванъ Николаевичъ.

— Какъ скусу?!

— Такъ. Вцѣпишься зубами въ живое мясо — ажно замрешь весь! Распрекрасное дѣло. Поглядите, какіе зубки то у меня, ровненькіе, будто у бѣлочки молоденькой, маленькіе, востренькіе...

И, подъ оглушительный хохотъ камеры, Ракитинъ пресерьезно оскалилъ ротъ, и я увидалъ тамъ два ряда ослѣпительно-бѣлыхъ и дѣйствительно мелкихъ и острыхъ зубовъ.

— Кабы не отняли ея отъ меня, напился-бъ я изъ стервинны крови, показалъ бы, какъ мужа обманывать и имущество его раззорять!

— Что же теперь думаете вы дѣлать, Ракитинъ?

— Теперь же, конечно, пропащая моя головушка, Иванъ Николаевичъ! Теперь сгноить меня въ тюрьмѣ Шестиглазый. Одно теперь остается мнѣ: выпустить ей брюшину на первомъ же свиданіи, на которое явится...

— Какой вздоръ вы несете! Лучше же попросить прощенія и у Шестиглазаго, и у жены и снова на волю выйти. Вы вѣдь, навзрное, пьяны были, когда совершили этотъ подвигъ?

— Въ одномъ только глазу-съ, въ другомъ порошники не было... Но чтобъ я покорился? Бабѣ чтобъ покорился? Помилуйте! Чтобъ Егоръ Ракитинъ въ вольную команду проситься опять сталъ? Ни за что-съ на свѣтѣ. Пушай лучше съ живого шкуру съ меня сымутъ. Вы сами могли увѣриться, Иванъ Николаевичъ, что я не хвостобой и не язычникъ, и въ подлинномъ смыслѣ арестантъ. Вотъ увидите: какъ пень, будетъ стоять Егорушка передъ Шестиглазымъ, словечушка въ свое оправданіе не промолвить. Этакъ вотъ головушку только повѣшу на буиную грудь, и пушай господинъ начальникъ обрушить на меня свою немилость! Ихняя власть.

И при этихъ словахъ онъ съ такой комичной искренностью изобразилъ изъ себя рыцаря плачевнаго образа, что всѣ опять невольно расхохотались.

— Ахъ ты, осиновое ботало!—твердили арестанты.

Но осиновое ботало до глубокой полночи не давало еще уснуть мнѣ, то впадая въ самое воинственное и задорное настроеніе, обѣщаясь убить жену и стоять твердо, какъ пень, подъ ударами окружающихъ враговъ, то принимая минорно-слезливый тонъ и нагоняя на всѣхъ тоску и уныніе...

На вечерней повѣркѣ слѣдующаго дня въ тюрьму заявился самъ Шестиглазый. Зловѣщее молчаніе, которое хранилъ онъ во все время повѣрки, наводило еще большій трепетъ и холодъ. Однако, все сбилось, казалось, благополучно. Во время обхода камеръ никто изъ арестантовъ не обращался къ нему ни съ какими вопросами. Только Ракитина, къ величайшему моему удивленію, точно кто за пружину дернулъ сзади, и когда Лучезаровъ собирался уже выплыть вонъ изъ нашей камеры, онъ выступилъ вдругъ нѣсколько впередъ и заговорилъ сладенькимъ, печальнымъ голоскомъ.

— Стоять на мѣстѣ! не выходить изъ строя!—закричали надзиратели.

— Что тебѣ нужно?—тихо и безучастно спросилъ Лучезаровъ.

— Господинъ начальникъ, явите божещую милость! Какъ я есть отецъ семейства... И къ тому же здоровьемъ очень слабо...

— Чего нужно?—повысилъ голосъ начальникъ.

— Я посаженъ въ тюрьму.

— Знаю. Это ты хотѣлъ сообщить мнѣ?

— Ей-Богу, напрасно, господинъ начальникъ! Ей-Богу, не знаю за что.

— За то, что ты истязалъ жену. Я не могу допускать звѣрствъ со стороны арестантовъ, вѣренныхъ моей власти.

— Семейное дѣло, господинъ начальникъ... Сами знаете: какъ иногда мужу жену или дите родное не поучить? Въ случаѣ бѣловства особливо...

— Такъ не учать, какъ ты учишь. Я самъ видѣлъ черные знаки отъ твоихъ зубовъ на ея тѣлѣ. Ты у меня поплатишься, братецъ, за такое ученъе!

— Простите великодушно, господинъ начальникъ!

Но послѣдній, блеснувъ глазами изъ подъ темныхъ очковъ, поспѣшно удался. Дверь шумно захлопнулась за нимъ и за его свитой. Ракитинъ стоялъ обезкураженный, переконфуженный... Арестанты принялись подтрунивать надъ нимъ.

— Какъ же ты божился вчера Ивану Николаичу, что пускай лучше шкуру съ тебя живого сымутъ—не станешь проситься у Шестиглазова? Банки-бъ тебѣ хорошия отрубить, ботало осиновое!

— Эхъ вы, братцы мои родные!—отвѣчало находчивое ботало: что я такое передъ Шестиглазымъ? Червякъ—одно слово. Намъ ли фордыбачить, носъ кверху подымать, убитымъ людямъ? Семейный я человекъ къ тому же... Жена то, конечно,—чортъ съ ней! Объ ней я-бъ не заплакалъ... А сыночекъ то. Кашенька то родной. Какъ подумаю теперь объ емъ, что онъ одинъ тамъ, голубчикъ мой, повѣрите ли, Иванъ Николаевичъ, зубы такъ сами и заскряжечутъ. Истинное слово. Какой вѣдь забавникъ! Съ матерью ляжетъ—ни за что на свѣтѣ не заснетъ, безпремѣнно тятки дожидается. Есть у меня на груди бородавочка. Такъ онъ, знаете, все эту бородавочку руками теревить. Теревить, теревить—съ тѣмъ и заснетъ.

Въ мрачное настроеніе впалъ съ этого вечера Ракитинъ. Куда дѣвались его пѣсни, шутки и прибаутки. Все свободное отъ работы время онъ бродилъ по тюрьмѣ, какъ «неприкаянный», не зная, очевидно, куда дѣваться. Лишился сна и аппетита; ни о чемъ другомъ не могъ говорить, кромѣ предстоящаго ему наказанія и той формы, въ какой оно выразится. Многіе нарочно пугали его увеличеніемъ срока каторги, розгами и пр. Вскорѣ я подмѣтилъ, что Ракитинъ началъ передавать черезъ Сокольцева и другихъ арестантовъ, работавшихъ за оградой, по близости къ вольной командѣ, какія то таинственныя порученія женѣ. Прошло одно, два воскресенья, и поправившаяся отъ побоевъ Марфа явилась къ нему на свиданіе... Ракитинъ опять повеселѣлъ. Вечеромъ этого дня онъ пѣлъ уже ди-фирамбы женѣ и пускался въ свои обычныя откровенности, утверж-

дая, что она влюблена, какъ кошка, въ его молодость и честную красоту, что она вѣрная жена и славная баба, обладающая двумя только пороками—старостью и глупостью, и все негодованіе свое обрушивала на Домнушку и писаря Дормидонта. Съ своей стороны и Марфа, очевидно, не первый уже разъ отвѣдавшая зубовъ своего любезнаго муженька и находившая этотъ способъ расправы столь же естественнымъ, какъ и всякій другой, начала хлопотать о выпускѣ его на волю. Семейная драма закончилась неожиданно комическимъ выходомъ самого браваго штабсъ-капитана. На одной изъ повѣрокъ, когда Ракитинъ снова присталъ къ нему съ просьбой о помилованіи, онъ вдругъ выпалилъ:

— А жаль, Ракитинъ, что ты до смерти не загрызъ своей жены, очень жаль. Я убѣдился, что она дурная женщина: она вѣдь водкой торгуетъ. Тебѣ извѣстно это?

Ракитинъ такъ былъ ошеломленъ этими словами грознаго начальника, посадившаго его въ тюрьму за варварское обращеніе съ женою, что не нашелся что отвѣтить.

— Хорошо,—отвѣчалъ между тѣмъ Лучезаровъ на свой же вопросъ:—я выпущу тебя, но подѣ условіемъ, что ты дашь мнѣ слово немедленно прекратить эту торговлю.

Обрадованное ботало начало клясться и божиться, что свято выполнить это условіе, что не только торговать, даже и пить никогда не станетъ проклятаго зелья.

— Ну, смотри же!—погрозила ему пальцемъ Шестиглазый:—собирай сейчасъ же вещи и выходи вонъ.

Ракитинъ вылетѣлъ изъ камеры, какъ бомба, позабывъ даже попрощаться съ товарищами.

XXVIII.

Избѣненіе младенцевъ и женъ.

Шестиглазый продолжалъ свирѣпствовать. Выпускъ Ракитина въ вольную команду былъ какой то счастливой случайностью, шедшей въ разрѣзъ со всей его политикой этого злополучнаго лѣта. Арестанты, надзиратели, даже казаки, которые не были ему прямо подначальными, всѣ находились каждый день въ невообразимомъ страхѣ. Любившій вѣщать и пророчествовать Жебреекъ, къ удивленію моему, не торжествовалъ и не резонировалъ, а ходилъ все время печальный и молчаливый. Разъ мнѣ вздумалось почему то заговорить съ этимъ сумасшедшимъ, и, проходя мимо и поздоровавшись, я кинулъ ему замѣчаніе:

— Недоброе время наступило у насъ въ тюрьмѣ.

Въ отвѣтъ Жебреекъ только грустно поглядѣлъ на меня, мотнулъ величественно своей красной, какъ огонь, козлиной бородкой и пробурчалъ:

— Того ли еще дождемся!..

Я невольно вздрогнулъ отъ этого зловѣщаго карканья...

Однажды, по нездоровью, я не ходилъ на работу. Вдругъ вбѣгаетъ въ камеру запыхавшійся Чирокъ и объявляетъ, что одинъ изъ самыхъ недюбимыхъ арестантами надзирателей, Змѣнная Голова по прозванію, разоряетъ гнѣзда щурковъ подъ крышею тюрьмы. Щурками или стрижами зовется въ Сибири порода ласточекъ съ большими неуклюжими головами и звукомъ голоса, похожимъ на трещанье стрекозъ. Эти безвредныя и милыя созданія, лѣпящія свои гнѣзда подъ окнами домовъ и каждую весну возвращающіяся на грустный и холодный сѣверъ, доставляютъ большое утѣшеніе тюремнымъ обитателямъ своею хлопотливой заботливостью, неумолкаемой, веселой болтовнею и чириканьемъ. Всѣ арестанты очень любили этихъ птичекъ и покровительствовали имъ. Если случалось кому-нибудь раздобыть клочокъ ваты, то его разрывали на мелкіе кусочки и, разбросавъ по двору, съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, какъ щурки подхватывали ихъ и уносили въ свои жилища. Завернувъ иногда въ вату камышекъ, забавлялись тѣмъ, какъ щурку не хватало силъ утащить желанную добычу, какъ, поднявшись на воздухъ, онъ ронялъ ее изъ ножекъ на землю и снова пытался поднять... Если глупые птенцы съ неокрѣпшими еще крыльями выпархивали преждевременно изъ гнѣздъ, то ихъ бережно подбирали и старались пристроить къ подходящей семьѣ (такъ какъ родную узнать было трудно). Ласточки, случалось, отказывались отъ подкидышей и выталкивали ихъ вонъ. Тогда изъ среды арестантовъ отыскивалась сердобольная душа, бравшая на себя заботы матери и выкармливавшая покинутыхъ сиротъ тараканами и мухами.

Понятно, послѣ этого, какъ возобновалась вся тюрьма, слышавъ о несчастіи, постигшемъ любимыхъ птичекъ. Вмѣстѣ съ другими и я вышелъ на тюремный дворъ. Съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ Змѣнная Голова дѣйствительно расхаживалъ около зданій и разбивалъ имъ гнѣзда злополучныхъ щурковъ. Изъ однихъ валялись на землю невысиженные еще яички, изъ другихъ голые птенчики; падая, они немедленно разбивались, и множество ихъ корчилось уже въ предсмертныхъ судорогахъ. Въ рѣдкихъ только гнѣздахъ были оперившіяся уже малютки, но и тѣ не умѣли еще летать. Сострадательные изъ арестантовъ ловили ихъ на лету въ шапки и уносили прочь, надѣясь какъ-нибудь выкормить и воспитать. Нѣкоторые другіе, посмѣяе, обращались къ надзирателю съ вопросомъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ.

— Начальникъ приказалъ, — отвѣчала Змѣнная Голова, замахиная палкой на новое гнѣздо: — замѣтилъ соръ на фундаментахъ тюрьмы и сказалъ, чтобъ этого больше не было.

— Противъ сора можно бы принять другія мѣры, выѣшася и я: можно бы приказать парашникамъ обметать ежедневно фундаменты.

— Не мое это дѣло,—отвѣчала Змѣиная Голова:—я то исполняю, что мнѣ предписываютъ.

— А если-бъ вамъ приказали объ стѣнку головой биться,—за-мѣтить староста Юхоревъ, или насъ убивать,—вы и это стали-бъ исполнять? Во всемъ нужно, Василий Андреичъ, разсужденіе.

— За такія неподобныя слова я-бъ тебя наказать, Юхоревъ, могъ, если бы захотѣлъ. Начальникъ не можетъ дать мнѣ такого приказанія. Онъ человѣкъ въѣдъ.

— А это приказаніе развѣ человѣчно?—спросилъ я:—посмотрите—въѣдъ они тоже живыя существа; имъ, какъ и людямъ, тоже больно... Вонъ сколько ужъ вы побили ихъ! А около всей тюрьмы такихъ гнѣздъ наберется, пожалуй, нѣсколько сотъ съ цѣлой тысячей птенчиковъ... И всѣхъ ихъ умертвите?

Кобылка поддержала мои слова громкимъ ропотомъ. Змѣиная Голова смутилась.

— Что же мнѣ дѣлать?—жалобно заговорилъ онъ:—развѣ мнѣ пріятность составляетъ это занятіе? Съ меня самого взыскиваютъ.

— Доложите начальнику, что черезъ двѣ недѣли птенцы оперятся, и тогда, если нужно, можно будетъ разорить гнѣзда.

— Нѣтъ, ужъ благодаримъ покорно долаживать. Насъ онъ еще больше арестантовъ распекаетъ.

— Такъ вотъ я съ обѣденной пробой пойду сейчасъ и доложу,—вызвался Юхоревъ.

— Ну, вотъ и распрекрасное дѣло, — смягчился Змѣиная Голова:—до одиннадцати часовъ я могу повременить. Мнѣ что! Я даже радъ.

Юхоревъ, пойдя къ Шестиглазому съ пробой, дѣйствительно имѣлъ съ нимъ любопытную бесѣду по поводу щурковъ. Этотъ умный и представительный на видъ разбойникъ умѣлъ говорить весьма патетически. Лучезаровъ спокойно выслушалъ его и сказалъ съ насмѣшкой:

— Ага! позднеенько надумались. Въ каторгѣ жалости начали набираться? На волѣ семьи вырѣзывали, маленькихъ дѣтей живьемъ жгли: среди васъ есть одинъ такой артистъ... Да ты и самъ, помнится, не одного человѣка покрошилъ... А тутъ птичекъ пожалѣли!.. Вздоръ, вздоръ, лицемеріе. Изволь сказать надзирателю, что я приказываю всѣ гнѣзда разорить къ вечеру. На повѣрку я самъ приду посмотреть.

Юхоревъ принужденъ былъ замолчать, и съ обѣда возобновилось избиеніе младенцевъ. Кобылка ограничивалась тѣмъ, что въ присутствіи Змѣиной Головы обсуждала отвѣтъ Шестиглазаго.

— Это точно, что я былъ варваръ,—говорилъ Соколицевъ, принявшій на свой счетъ сдѣланный намекъ:—такой варваръ, какихъ и на свѣтѣ мало. Но все-таки и я до такого варварства не доходилъ, какъ вы и вашъ начальникъ. Безъ крайней нужды я мухи не убивалъ, не только что птицы. Потому что, по моему понятію,

меньше грѣха вреднаго человѣка убить, чѣмъ невинное Божье творенье—ласточку. Даже изъ ребенка можетъ образоваться со временемъ варваръ, а ласточка никому никакого вреда не можетъ причинить.

Эта философія Сокольцева съ большимъ сочувствіемъ выслушивалась собравшимися на дворъ арестантами, на всѣ лады развивалась и иллюстрировалась примѣрами; но ласточкамъ отъ нея не было легче: гнѣзда такъ и валялись, такъ и валялись подъ неистовыми ударами Змѣиной Головы. Взрослые шурки съ жалобнымъ пискомъ вились цѣлыми десятками вокругъ своихъ дорогихъ пепелищъ, но подѣлать ничего не могли. Только часа два спустя въ тюрьму полюбопытствовалъ заглянуть самъ Лучезаровъ и, увидавъ собственными глазами работу Змѣиной Головы, приказалъ остановить кровазное побоище. Удѣлило, такимъ образомъ около сотни гнѣздъ; но главное дѣло было уже сдѣлано: множество маленькихъ трупиковъ долгое еще время валялось по всему двору, вызывая тяжелыя воспоминанія...

Приблизительно въ эту же пору произошло другое непріятное событіе. Вернувшись разъ изъ рудника, я чрезвычайно былъ удивленъ, узнавши, что наша камера № 1 подвергнута на цѣлый мѣсяцъ тяжкому наказанію: заперта на замокъ, закована въ наручни, лишена табаку, собственнаго чаю, свиданій и переписки съ родственниками; камерный староста посаженъ, кромѣ того, на недѣлю въ темный карцеръ. Въ числѣ прочихъ и я подвергся назначенному для всего номера режиму. Оказалось, что утромъ этого дня приходилъ въ тюрьму съ обыскомъ самъ Шестиглазый и замѣтилъ, что дверной пробой въ нашей камерѣ нѣсколько шатается. Немедленно онъ велѣлъ одному изъ арестантовъ притащить ломъ и вытаскивать имъ пробой. Нѣсколько арестантовъ, одинъ за другимъ, пытались сдѣлать это и не могли.

— Не такъ вы дѣлаете, — вызвался тогда одинъ изъ надзирателей и, взявъ ломъ въ руки, началъ крутить имъ пробой на подобіе винта. Этимъ способомъ дѣйствительно удалось его вынуть. Приказавши отнести пробой въ кузницу и перековать по новому, а камеру арестовать, Лучезаровъ въ гнѣвѣ удалился. Всѣ недоумѣвали. Дѣло объяснилось только на вечерней повѣркѣ: старшій надзиратель передъ строемъ арестантовъ прочелъ приказъ по Шелайской тюрьмѣ, въ которомъ значилось, что при обыскѣ, произведенномъ самимъ начальникомъ, дверной пробой въ камерѣ № 1 оказался «вынутымъ», что несомнѣнно будто бы свидѣтельствовало о подготовлявшемся побѣгѣ. Всѣ разинули рты, выслушавъ этотъ приказъ—такъ онъ былъ неожиданъ и курьезенъ! Посудивъ и погалдѣвъ втихомолку, кобылка, какъ водится, покорила своей участи, и не подумавъ какъ иному протестовать противъ причиненной ей явной несправедливости; но я, признаться, волновался... Мнѣ было тѣмъ обиднѣе и больнѣе, что одна изъ наложенныхъ каръ (лише-

ніе переписки) относилась прямо ко мнѣ и только ко мнѣ, такъ какъ большинство остальныхъ арестантовъ писало письма не чаще одного раза въ годъ... Осмотрѣвъ тщательно то мѣсто двери изнутри камеры, гдѣ выходилъ наружу одинъ конецъ стараго пробоя, я замѣтилъ, что оно такъ же гладко покрыто краской, какъ и вся остальная дверь: ясное доказательство того, что загнутаго конца пробоя никогда не существовало, и что никакой умышленной порчи его не могло быть. Кромѣ того и арестантамъ и надзирателямъ отлично было извѣстно (и это всегда легко было провѣрить), что дверные пробои и во многихъ другихъ камерахъ точно также шатались, какъ у насъ, и, очевидно, при самой постройкѣ тюрьмы были непрочны вкочлены. Не говорю уже о томъ, что приготовленіе къ побѣгу черезъ дверь камеры, выходившую въ запертый со всѣхъ сторонъ корридоръ, гдѣ постоянно присутствовалъ надзиратель, было бы явнымъ безуміемъ, и предположить такое безуміе могло только намѣренно-злостное желаніе создать первый попавшійся предлогъ для новыхъ перуновъ и стѣсненій. Но и предлогъ-то былъ крайне неудачно и нехитро выбранъ... Подобныя размышленія страшно волновали меня и злили. Въ первый же воскресный день я потребовалъ себѣ жалобную книгу и внесъ въ нее заявленіе объ оказанной мнѣ и всей камерѣ несправедливости. Ближайшимъ результатомъ этого заявленія было то, что дня черезъ три нашъ староста (наиболѣе отвѣтственное по закону лицо) прямо изъ темнаго карцера былъ выпущенъ въ вольную команду... Этимъ какъ бы еще рельефнѣе подчеркивалось безсмысліе нашего ареста. Шестиглазый, какъ будто, говорилъ намъ: «Я самъ знаю, что обвиненіе мое вадорно и несправедливо; но помните денно и нощно, что я что хочу, то и дѣлаю».

Ровно черезъ полгода послѣ этой исторіи, уже почти забытой всѣми, на вечерней повѣркѣ торжественно было объявлено, что моя жалоба на незаконное якобы наказаніе за вынутый арестантами дверной пробой оставлена завѣдующимъ Нерчинской каторгой безъ послѣдствій...

Камера наша сидѣла еще подъ арестомъ, когда изъ управленія пришли приговоры Лунькову и Ногайцеву за отказъ отъ работы и обруганіе надзирателя: первый, какъ болѣе виновный, лишился скидокъ «за поведеніе» (что равнялось надбавкѣ одного года каторги) и подвергался ста ударамъ розогъ, а второй присуждался къ мѣсяцу заключенія въ темномъ карцерѣ и пятидесяти розгамъ. (Изъ управленія приходятъ обыкновенно тѣ самыя рѣшенія, какія предлагаютъ въ своихъ докладахъ смотрителя тюремъ). Лунькова дѣйствительно высѣкли въ одномъ изъ карцерныхъ двориковъ, Ногайцевъ же отдѣлался карцеромъ: когда онъ вышелъ оттуда, гроза уже пронеслась, Лучезаровъ былъ снова въ гуманномъ настроеніи, и розги его были забыты.

Въ эти же дни бравый штабсъ-капитанъ велъ упорную войну

съ каторжными женщинами, находившимися въ вольной командѣ. Женской тюрьмы при Шелайскомъ рудникѣ не существовало, но для исполненія нѣкоторыхъ чисто женскихъ работъ и въ немъ постоянно имѣлось нѣсколько каторжанокъ (нерѣдко безсрочныхъ), которыя за отсутствіемъ тюрьмы жили на волѣ. Въ дорожныхъ воспоминаніяхъ я рассказывалъ, что каторжанка въ большинствѣ случаевъ и продажная вмѣстѣ съ тѣмъ женщина. Скопленіе огромнаго количества мужчинъ, арестантовъ и казаковъ, при полномъ почти отсутствіи женскаго элемента, дѣлало то, что въ Шелайской вольной командѣ эти 5—6 каторжанокъ были въ буквальный смыслѣ коммунальными женами. Развратъ достигалъ ужасающихъ размѣровъ. Безстыдство нѣкоторыхъ изъ этихъ мегеръ, всегда почти пьяныхъ и не боявшихся никакихъ наказаній, доходило до какого-то кретинизма. Уничтожить вѣщныя безобразныя проявленія разврата можно было только двоякимъ путемъ: или увеличеніемъ числа женщинъ, или же высылкой изъ Шелайскихъ предѣловъ и тѣхъ, какія были на лицо. Лучезарову хотѣлось найти третій путь; онъ вѣрилъ въ цѣлебную силу репрессій и строгихъ взысканій. Въ это роковое лѣто онъ особенно неусыпно стоялъ на стражѣ арестанской нравственности и каждый день цѣлыми толпами присылалъ въ тюремные карцеры вольнокомандцевъ и самихъ женщинъ. Въ послѣднемъ случаѣ, несмотря на крики и угрозы надзирателей, подъ окнами секретныхъ съ утра до вечера бродила и шныряла кобылка; шли пріятные разговоры съ обмѣномъ комплиментовъ, почерпнутыхъ не изъ «Хорошаго тона» Гоппе; тайно передавалось въ карцера мясо, чай, сахаръ, табакъ. Но одна чисто-платоническая любовь не удовлетворяла, конечно, тюремныхъ ловеласовъ или «любителей» (какъ называются они на арестантскомъ жаргонѣ), и вскорѣ были пущены въ ходъ вся арестантская хитрость, ловкость и дерзость: въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія грозила не пустая вѣдь кара, и требовалась дѣйствительно дерзкая отвага и рѣшимость...

Среди каторжныхъ Дульциней была одна, до тѣхъ поръ мѣняе другихъ развращенная и безстыдная, но теперь преимущественно обрушившая на себя громы и молніи лучезаровскаго гнѣва. Лучезаровъ недоумѣвалъ, почему кроткая и тихая прежде Еленка превратилась внезапно въ нахальную грубіянку, которую не могло сдѣлать покоритѣ и нравственнѣе даже ежедневное почти сидѣнье въ темномъ карцерѣ. Ему и въ голову не приходило, что въ то самое время, когда вокругъ полновластно царилъ, казалось, ужасъ, навѣденный на арестантовъ его строгостями, карцерами, наручниками, розгами, лишеніемъ скидокъ и пр.,—въ эти самые дни тюрьма, *его образцовая тюрьма*, сдѣлалась притономъ разврата, и что собственныя его мѣропріятія способствуютъ этому! Что почувствовалъ бы бравый штабсъ-капитанъ, что онъ сказать бы, если бы хоть во снѣ пригрезилась ему однажды картина, какъ ненавистные ему «арти-

сты», разставивъ на дворѣ стрему, перелѣзаетъ черезъ заборъ карцернаго дворика, проникаютъ въ «секретный» корридоръ и идутъ на тайное свиданіе къ Еленкѣ Зоновой черезъ искусно разбивающуюся стѣну? Вѣроятно, онъ сошелъ бы съ ума или умеръ отъ апоплексическаго удара...

За время пребыванія своего въ карцерахъ эта каторжная сильфидѣ успѣла приобрести и вынести на волю нѣсколько десятковъ рублей! Дерзость «любителей» достигла, наконецъ, того, что даже изъ однихъ карцеровъ въ другіе были продѣланы тайные ходы, такъ что сговорчивая Еленка и днемъ и ночью находила себѣ работу, а для арестантовъ попасть въ карцеръ стало не только не страшнымъ, но даже, напротивъ, желательнымъ дѣломъ. Когда въ послѣдствіи надзиратели открыли эти потаенные ходы, то пришли въ ужасъ и, не рѣшившись донести о нихъ Шестиглазому, при ближайшемъ ремонтѣ карцерныхъ помѣщеній сами заставили арестантовъ задрѣлать ихъ. Я самъ узналъ только много позже объ этихъ романтическихъ похожденияхъ своихъ сожителей и долгое время недоумѣвалъ: что означали всѣ эти перешептыванья, таинственная бѣготня, загадочныя остроты надъ Чиркомъ и пр. и пр., такъ невѣроятно было то, что я рассказываю. Лучезаровъ, конечно, еще меньше подозрѣвалъ истину и, полагая, что гроза его гнѣва единственно могучее средство исправленія арестантскихъ нравовъ и обузданія страстей, продолжалъ свой негодующій походъ противъ женщинъ.

Въ одинъ прекрасный день разнесся по тюрьмѣ слухъ, что Шестиглазый отдалъ Зонову и вольнокомандца Калинкина подъ судъ за непристойное поведеніе на глазахъ у маленькихъ дѣтей одного изъ надзирателей. Одинъ ребенокъ былъ трехъ лѣтъ, другой пяти. Кромѣ нихъ свидѣтелей не было, и должно быть маленькіе доносчики получили хорошее воспитаніе, если могли понимать подобныя вещи... Изъ управленія получился приказъ: Калинкина посадить до срока въ тюрьму, а Зонову подвергнуть ста ударамъ розогъ. Лучезаровъ долго не объявлялъ этого приказа и, посадивъ Калинкина въ тюрьму, относительно Зоновой, сидѣвшей по прежнему въ карцерѣ, не принималъ никакихъ мѣръ. Срокъ ея каторги, между тѣмъ, кончился; уже пришелъ конвой, который долженъ былъ отвезти ее на поселеніе, и я питалъ тайную надежду, что жестокий приказъ не будетъ приведенъ въ исполненіе. Однако, я и на этотъ разъ ошибся... Рано утромъ Зонову вывели изъ карцера и за воротами тюрьмы, недалеко отъ нея, свирѣпо наказали. Палачами были татары-арестанты, какъ говорятъ, имѣвшіе злобу противъ своей жертвы...

Я хорошо зналъ, что женщина эта стояла на низшей ступени нравственнаго паденія, и что въ обыкновенное время въ ней было, быть можетъ, небольшое стыдливости, чѣмъ въ послѣднемъ изъ арестантовъ; я зналъ все это—и однако не могъ отдѣлаться отъ мысли,

что она была женщина, олицетворяющая собой все, что есть у человечества рыцарски-прекраснаго высокаго и благороднаго...

Да и кто знаетъ, что въ минуту истязанія даже и въ этой падшей душѣ не шевельнулось чувство, которое до тѣхъ поръ было подавлено невѣжествомъ и развратомъ,—чувство опозоренной женщины?..

Объ этомъ именно подумалъ я, когда узналъ, что тотчасъ же послѣ наказанія подруги Еленки, такія же, какъ и она, погибшія и несчастныя созданія, собрались вокругъ нея и долго молча плакали *)...

XXIX.

Любопытная бестѣда.

Недѣли двѣ спустя послѣ этого событія, совершенно для себя неожиданно, я вызванъ былъ въ тюремную контору. За широкимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ Лучезаровъ, сіяя во все лицо, плотный, румяный, видимо довольный собою и всѣмъ на свѣтѣ. Я безмолвно поклонился.

— Тутъ опять получилась на ваше имя посылочка, любезно заговорилъ бравый штабсъ-капитанъ:—потрудитесь сами раскупорить ее и принять во всей цѣлости и невредимости. Да кстати я хотѣлъ спросить васъ... лично спросить: какъ ваше здоровье?

Я удивился и сухо спросилъ, какая можетъ быть причина подобнаго вниманія.

— Видите-ли, отвѣчалъ Лучезаровъ нѣсколько смущенно:—одно лицо въ Петербургѣ осѣдомляется у меня объ этомъ.

— Лицо? Въ Петербургѣ? удивился я еще больше. Въ Петербургѣ у меня одна только мать, которая можетъ интересоваться моею судьбою; но я веду съ ней непосредственную переписку.

— Нѣтъ, есть, значить, и другія лица. По крайней мѣрѣ, одно лицо—и замѣтьте: сановное лицо!—просить меня телеграфировать ему о вашемъ здоровьи.

— Ничего не понимаю. Объяснитесь, пожалуйста.

Лучезаровъ, послѣ мгновеннаго колебанія, подавъ мнѣ телеграмму. Я прочиталъ: «Телеграфируйте здоровье Н. Родные тревожатся». Слѣдовала общезвѣстная подпись. Въ сильномъ безпокойствѣ я бросилъ на Лучезарова пытливый взглядъ.

— Почему же мои родные тревожатся? Почему они лично мнѣ не телеграфировали, а обратились къ постороннему человѣку? Или, можетъ быть...

*) Весною 93 года рѣшеніемъ государственнаго совѣта окончательное отмѣнено въ Россіи тѣлесное наказаніе женщинъ.

Страшнее подозрѣніе мелькнуло у меня въ головѣ. Я вспомнилъ, что три недѣли тому назадъ былъ день моего рожденія, который на волѣ торжественно праздновался въ нашей семьѣ и въ который я поджидалъ даже поздравительной телеграммы, но не дождался. Потомъ, въ чаду быстро смѣнявшихся одно другимъ непріятныхъ впечатлѣній, я позабылъ объ этомъ; но теперь подозрѣніе мое превратилось тотчасъ же въ увѣренность.

— Вы, должно быть, задержали телеграмму моей матери?—спросилъ я Лучезарова взволнованнымъ голосомъ.

— Да, я долженъ въ этомъ сознаться... Дѣйствительно...—торопливо заговорилъ онъ:—но... видите-ли. Вы не вините меня. Я, по долгу службы (конечно, какъ я ее понимаю), не могъ передать вамъ той телеграммы.

— Почему-же?

— Потому что... она показалась мнѣ подозрительной.

— Подозрительной? Телеграмма моей матери?

— Да. Теперь-то я вижу, разумѣется, что я ошибался, но тогда...

— Бога ради скажите скорѣе, въ чемъ заключалась телеграмма?

— Спрашивалось о здоровьи и посылалось поздравленіе.

— И только? Боже мой! Поздравленіе было съ днемъ моего рожденія... Что могли вы тутъ заподозрить?

— Да! но почему же не было упомянуто, съ чѣмъ именно васъ поздравляли? Лишнихъ какихъ-нибудь два слова... двадцать копѣекъ... и ничего бы этого не случилось!

— Телеграмма была съ уплоченнымъ отвѣтомъ?

— Да.

— И вы ничего не отвѣтили хоть сами?

— Нѣтъ.

— Но вы могли бы, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ, что получила телеграмма, которая не можетъ быть выдана? Я, право, не знаю, какимъ именемъ слѣдуетъ назвать вашъ поступокъ. Понимаете ли вы, какія послѣдствія могъ онъ имѣть? Моя мать — бѣдная мать!—что она подумала, не получивъ отвѣта? Что она теперь думаетъ и чувствуетъ послѣ трехъ недѣль напраснаго ожиданія! Она сама могла захворать и даже умереть съ горя! Представляю себѣ, сколько начальствъ она обошла, прежде чѣмъ наткнулась, наконецъ, на сострадательную душу.

— Да, это вѣрно, это вѣрно. Горькая правда. Я не подумалъ въ то время; я, дѣйствительно, виноватъ передъ вами. Мы поспѣшимъ исправить ошибку. Я телеграфирую сановному лицу, которое спрашиваетъ... Скажите: что именно я долженъ написать?

Я съ сердцемъ отвѣчалъ, что мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до сановнаго лица, что оно не ко мнѣ обращается, и онъ можетъ отвѣчать ему что хочетъ.

— Но все-таки... Написать: здоровъ, бодръ?

— Повторяю: пишите, что вамъ угодно. Я пошлю телеграмму самой матери.

— Прекрасно, прекрасно. Вотъ бумага, садитесь и пишите сейчасъ же. Вотъ и бланки даже для телеграммъ. У меня онъ всегда есть. Пишите, пожалуйста, я немедленно отошлю на станцію. Вижу, что я доставилъ вамъ сильное огорченіе. Въ нынѣшнія времена подобная привязанность къ родителямъ рѣдкость, и она сильно меня трогаетъ.

Эти развязныя слова, отъ которыхъ вѣяло безсердечнымъ самодовольствомъ, опять взорвали меня. Я снова разразился горькими упреками.

— Преслѣдуйте меня, оскорбляйте, — сказалъ я съ нервной дрожью и слезами въ голосъ: — унижайте, мучьте! Я человѣкъ со связанными руками и весь въ вашей власти... Но по какому же праву и за что мучите вы неповинныхъ ни въ чемъ людей — мою мать, моихъ родныхъ?

Лучезаровъ на минуту, казалось, растерялся, покраснѣлъ, какъ пѣвецъ, и не зналъ, что дѣлать, что говорить.

— Я, кажется, не мучилъ васъ, не оскорблялъ, — лепеталъ онъ — совсѣмъ даже напротивъ...

— И вы говорите это не противъ совѣсти? — продолжалъ я свое нападеніе: вы не скорбляли меня въ исторіи съ пробоемъ? во всѣхъ несправедливыхъ прижимкахъ и придиркахъ, которыя дѣлали арестантамъ, въ томъ числѣ и мнѣ? Вы полагали, что я равнодушно смотрю на то, что въ тюрьмѣ проливается кровь и совершается надруганіе надъ женщиной?

— Я вижу, что вы теперь сильно взволнованы и не знаете, что говорите, — отвѣчалъ Лучезаровъ, понижая голосъ почти до конфиденціального шопота. — Выйди, братецъ, за дверь! — обратился онъ громко къ стоявшему тутъ же съ ружьемъ часовому. Тотъ немедленно повиновался.

— Совершенно напрасно вините вы меня за отношенія къ арестантамъ, началъ онъ свое оправданіе. — Что касается васъ лично, то какъ могу я выдѣлять васъ изъ общей массы? У меня нѣтъ даже права на это. Въ исторіи съ пробоемъ, наиримѣръ, я упустилъ даже изъ виду первоначально, что вы были въ этой самой камерѣ...

— Но неужели вы до сихъ поръ искренно убѣждены, что были правы въ этой исторіи?

— Видите ли что. Вы судите, какъ частное лицо и отчасти нѣсколько заинтересованное... Можно сказать, пострадавшее... Вы не въ состояніи вникнуть въ положеніе лица, начальствующаго надъ такимъ... такимъ сложнымъ учрежденіемъ, какъ каторжная тюрьма. Я сомнѣваюсь даже, чтобы вы успѣли хорошо узнать, что за артисты господа арестанты. Вы слишкомъ для этого неопытны въ жизни и...

слишкомъ неиспорчены! Для того, чтобы держать ихъ въ уздѣ, нужно уметь быть страшнымъ, нужно употреблять время отъ времени грозныя мѣры!

— Да! Но все-таки справедливыя мѣры...

— Конечно, конечно. По возможности. Знаете-ли вы, напримѣръ, что весной нынѣшняго года я получилъ свѣдѣнія о подготовлявшемся побѣгѣ и о томъ, что одинъ изъ этихъ артистовъ находится именно въ вашей камерѣ?

Я вспомнилъ о пикахъ Сокольцева и промолчалъ. Лучезаровъ продолжалъ:

— Не такъ-то легко рѣшаются вопросы, какъ вамъ кажется. Острастка была необходима. Я хорошо знаю каторжный міръ, я десять уже лѣтъ имѣю несчастье вести знакомство съ этими артистами. Но признаюсь вамъ: начальство надъ Шелайскимъ рудникомъ я принялъ съ самыми радужными мечтаніями, съ вѣрой въ человека, даже и заклеяннаго позоромъ, и съ надеждой, что для исправленія и обузданія его достаточно однихъ угрозъ и обычныхъ мѣръ наказанія... Повѣрьте: я серьезно и съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ... передъ строемъ говорилъ... что не хочу прибѣгать къ тѣлесному наказанію. И не прибѣгъ бы!

— Но однако прибѣгли? Вы наказали даже женщину, одѣляли то, о чемъ вспомнить нельзя безъ содроганія!

— Къ чему такъ сильно чувствовать?.. Знаете-ли вы, что это была за женщина?

— Все равно. Важно не то, какая она, а то, что она женщина.

— Но что жъ мнѣ было дѣлать? Я видѣлъ, что всѣ другія средства, предоставленныя мнѣ закономъ, безсильны, что распушенность и наглость этой твари доходить до невозможнаго, и значеніе власти такъ или иначе слѣдуетъ поддержать.

— И розгами, вы думаете, поддерживали его? Въ чьихъ это глазахъ? Извѣстно-ли вамъ, какъ сами арестанты относятся къ тѣлесному наказанію?

— Они страшно его боятся!

— Да, боятся физическаго мученія. Вся же нравственная сторона этой кары для большинства не существуетъ. Знаете-ли вы также, что любой арестантъ предпочтетъ розги мѣсяцу тяжкаго заключенія въ карцеръ? Итакъ, повторяю, въ чьихъ же глазахъ поддерживали вы престижъ власти? Ужъ не въ глазахъ-ли образованнаго міра? Но желали-ли бы вы, чтобы печать русская и заграничная называла ваше имя въ связи съ такимъ фактомъ, какъ поруганіе женщины? Навѣрное, нѣтъ? Вы достигли этимъ фактомъ одного, что замарали свое имя!

— Довольно, довольно. Прекратимъ этотъ разговоръ. Хотѣлъ бы я посмотреть на того, кто осмѣлился замарать мое имя!

— Я не имѣлъ въ виду оскорблять васъ, а только открыть

вамъ глаза на настоящее положеніе вещей. Тѣлесными наказаніями можно, по моему мнѣнію, и неиспорченныхъ людей испортить, окончательно принизивъ въ нихъ чувство человѣческаго достоинства, заставивъ утратить послѣднюю искру стыда.

— Возможно, конечно, что и вы правы. Я дѣйствовалъ въ порывѣ отчаянія. Всѣ мои добрыя намѣренія и планы терпѣли одно за другимъ крушенія, я видѣлъ кругомъ одну черствую неблагодарность и низость. Самъ Господь Богъ вышелъ бы на моемъ мѣстѣ изъ терпѣнія! Во всякомъ случаѣ я поступалъ на основаніи закона. Изъ предѣловъ законности я не выходилъ. Что дѣлать, если и законы наши еще несовершенны? Больше всего, впрочемъ, огорчаетъ меня, что я причинилъ такіа неприятыя вашей матушкѣ. Не могу-ли я чѣмъ-нибудь загладить свою вину передъ нею?

Я молча пожалъ плечами.

— Однако? Подумайте... Не послать ли мнѣ ей отъ себя телеграмму?

— Это лишнее. Будьте добры—отопишите сегодня же вотъ эту мою телеграмму. Этого будетъ достаточно. Что сдѣлано, того не вернуть. Пожелаемъ только, чтобы впредь не случалось подобныхъ недоразумѣній.

— Да, именно, недоразумѣній! вотъ настоящее слово... Вѣсьма печальное недоразумѣніе.

Забравъ свою посылку, я раскланялся и поспѣшилъ въ тюрьму, полный горестныхъ чувствъ и мыслей о матери, о томъ, что должна была выстрадать за эти ужасныя три недѣли моя бѣдная старушка. Впослѣдствіи я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ были описаны всѣ ея муки, письмо, растерзавшее мнѣ сердце... Не знаю, чувствовалъ ли какія-нибудь угрызенія совѣсти бравый штабсъ-капитанъ, но послѣ описанной бесѣды со мною дышать въ тюрьмѣ стало опять легче: прекратился на время свистъ розогъ, сажанія въ карцеръ, лишенія скидокъ. Что касается арестантовъ, то они не сдѣлались, конечно, ни хуже, ни лучше отъ этого новаго вѣянія луче заровской политики.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Мельшинъ.

ТЭНЪ.

ХVIII.

Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей исторической науки нашего времени около четверти вѣка тому назадъ горько сѣтовалъ, что исторія во Франціи и даже въ Германіи совершенно утратила научное спокойствіе и безпристрастіе, превратилась въ орудіе партійной или международной политики. Ученый находилъ себя вынужденнымъ примириться съ этимъ фактомъ и поощрялъ французскихъ историковъ выступить «со щитомъ и мечомъ» противъ зарейскихъ ученыхъ патріотовъ ¹⁾.

Это было довольно смѣлое заявленіе, но оно не осталось единичнымъ. Популярнѣйшія имена историковъ на западѣ неизмѣнно сопровождаются весьма опредѣленными представленіями о томъ или другомъ политическомъ направленіи, — и сами историки, въ родѣ Моммзена, Трейчке, Давида Штрауса — откровенно сознаются въ своемъ пристрастіи къ живой критической мысли общественнаго содержанія. Совершенно въ этомъ свѣтѣ выказываетъ себя Тэнъ.

Мы знаемъ, съ какой покорностью и равнодушіемъ онъ встрѣтилъ первые годы наполеоновской власти и презрительно отрянулъ прахъ современныхъ политическихъ вопросовъ отъ ногъ своихъ. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ увѣрять читателей, что «очень мало любить политику, и весьма — исторію» ²⁾, всякій разъ предупредить, что цѣли его — исключительно научныя, что, напримеръ, онъ хочетъ опредѣлить понятіе причины, — и ничего больше, «разсмотрѣть этого человѣка», т. е. Кузена, «будто онъ жилъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ», и опять «ничего другого»; что исторію онъ будетъ писать подобно натуралисту и не признаетъ «никакой другой цѣли», кромѣ строжайшей научности ³⁾.

Можетъ показаться нѣсколько подозрительнымъ такое усердіе со стороны автора при всякомъ случаѣ заклинять публику въ своемъ безпристрастіи и даже безстрастіи. И на самомъ дѣлѣ, усер-

¹⁾ *De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans. Revue des deux Mondes*, 1872, 1 Sept. 241.

²⁾ *Essais*. p. 278.

³⁾ *Филос. XIX в.*, 9, 55; *Прогресс. соврем. Франціи*, p. изд. V.

дѣ это ничто иное, какъ именно политика. Тѣнь отъ начала до конца не переставалъ преслѣдовать извѣстный политическій принципъ, мѣняя и перетолковывая его сообразно обстоятельствамъ.

Въ началѣ дѣятельности нашъ философъ—несомнѣнно демократъ. Именно Кузана, о которомъ Тѣнь общалъ говорить съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, онъ подвергаетъ жестокому издѣвательству за идеализацію общественныхъ порядковъ XVII-го вѣка и рисуетъ безпощадно мрачными красками частную и политическую нравственность изящныхъ маркизовъ и знатныхъ принцевъ.

Тотъ же отрицательный тонъ въ *Пиренейскомъ путешествіи* при изображеніи свѣтскаго общества и разныхъ типовъ туристов¹⁾, въ характеристикахъ лафонтеновскихъ героев: вѣдь «рабство и нахальство» признаются обычными свойствами самыхъ высшихъ представителей общества, «вызывающая дерзость предъ фактами и людьми», неспособность даже въ простомъ разговорѣ обойтись безъ оскорбленій—таковъ аристократъ вѣка Людовика XIV²⁾. Вообще классическая эпоха своего рода *bête noire* для Тѣни пятидесятыхъ годовъ. Онъ не можетъ коснуться ни одного писателя, ни одного событія изъ царствованія великаго короля, чтобы рѣчь его не превратилась въ рѣзкую сатиру.

Особенно Сент-Симонъ, авторъ знаменитыхъ мемуаровъ, даетъ ему богатѣйшій матеріалъ. Представивъ рядъ примѣровъ наумительно низкаго корыстолюбія и эгоизма знатнѣйшихъ дворянъ, Тѣнь заключаетъ: «мы понимаемъ теперь обожаніе, нѣжности, радости слезы, колѣнопреклоненія придворныхъ предъ ихъ господиномъ. Привѣтствовали мѣшокъ съ червонцами, который долженъ былъ наполнять ихъ карманы, и палку, готовую избить ихъ враговъ». Авторъ находитъ, повидимому, великое удовольствіе выводить на свѣтъ божій безконечныя препирательства придворныхъ изъ-за мелкихъ отличій, изъ-за права жены сидѣть на табуретѣ, изъ-за несказаннаго счастья—ѣздить въ королевскихъ каретахъ. Тѣну невольно припоминаются китайскіе мандарины, а когда онъ описываетъ законодательный порядокъ относительно незаконныхъ дѣтей короля,—ему съ конца XVII-го вѣка уже чутся 1789-й годъ³⁾.

Еще ярче ничтожество стараго французскаго дворянства видно изъ сравненія съ англійской аристократіей. И Тѣнь пользуется этимъ сравненіемъ, чтобы показать намъ глубокій политическій смыслъ, истинно-національный характеръ, близость къ народнымъ интересамъ—англійскихъ лордовъ и кастовое продажное тщеславіе французской знати, ея полнѣйшую оторванность не только отъ народа, даже отъ государства, «враждебность къ цивилизаціи, порядку и общественному миру», мелкій деспотизмъ и въ то же время раб-

¹⁾ *Voyage aux Pyrenées. Le monde*, 273.

²⁾ «Le commerce de servilité et d'arrogance». *La Fontaine*. 102, 109, 118.

³⁾ *Essais*. 215—218.

скіе инстинкты. Это совершенно безнадежная критика и она, конечно, даетъ Тѣну полное право возмущаться чужими попытками—перенести англійскіе порядки на французскую почву. Для созданія у французовъ «демократической» и «популярной» аристократіи Англіи, пришлось бы передѣлать до самыхъ основъ природу француза ¹⁾.

Очевидно, сколько бы Тѣнъ ни завѣрялъ насъ, что онъ не занимается политикой и «о настоящемъ Франціи думаетъ не больше, чѣмъ о японскихъ или мексиканскихъ дѣлахъ»,—въ результатѣ выходитъ очень краснорѣчивая общественная философія. Тѣнъ даже рѣшается противопоставить современныхъ людей, «воспитанныхъ въ равенствѣ», рабскому трепету человѣка XVII-го вѣка передъ высшими, его интригантству и лести ради карьеры ²⁾. Даже больше. Онъ явно сочувствуетъ развитію средняго класса, на сколько этому способствовала революція, т. е. перемѣщеніе собственности изъ рукъ привилегированныхъ туеаддцевъ въ руки дѣятельныхъ производителей,—и Тѣнъ рисуетъ сильную и правдивую картину всесторонняго развитія промышленности, знанія, просвѣщенія, государственнаго богатства—все при усиліяхъ средняго класса ³⁾.

Наконецъ, у насъ есть еще болѣе убѣдительное доказательство политическихъ или, по крайней мѣрѣ, проповѣдническихъ стремленій Тѣна. Независимо отъ исторіи и историковъ онъ высказалъ въ высшей степени любопытный принципъ художественной критики, — принципъ, чреватый самой крайней тенденціозностью, на какую только способенъ литературный судья. Не даромъ про Тѣна сказано, что никто «больше его не осуждалъ и не оправдывалъ» ⁴⁾. И иначе не могъ поступать писатель, изрекающій такую истину:

«При одинаковыхъ во всемъ остальномъ условіяхъ, произведеніе, выражающее благотворный характеръ, выше произведенія, выражающаго характеръ злоторный. Изъ двухъ данныхъ произведеній, если въ обоихъ при одинаково талантливомъ исполненіи выведены одинаково крупныя природныя силы, произведеніе, представляющее намъ героя, лучше того, въ которомъ изображенъ негодяй» ⁵⁾.

Болѣе странную идею трудно и представить въ области научной критики, и достоинства этой идеи, разумѣется, немедленно и обнаруживаются, когдадъ обрѣдѣтельныя героини англійскихъ романовъ Диккенса и даже Ричардсона оказываются выше шекспировской Клеопатры и леди Макбетъ или Донъ-Кихота Сервантеса.

Но для насъ важны не аттестаты нравственной зрѣлости, выдаваемые трибуналомъ Тѣна отдѣльнымъ писателямъ и героямъ,—

¹⁾ *Ib.* 301—313.

²⁾ *Ib.* 216.

³⁾ *Ib.* 294.

⁴⁾ Brunetière. *L'Evolution*, 265.

⁵⁾ *Ученіе объ искусствѣ*, русск. изд. 173.

а его *общая* склонность во что бы то ни стало изрекать приговоры *практическаго* свойства. И несомненно съ подобной склонностью писателю трудно удержаться на высотѣ фактической истины и положительной справедливости. Вѣдь, до безконечности разнообразны человѣческія представленія о *благотворности* и *злотворности* и зависятъ они отъ многихъ часто внѣшнихъ обстоятельствъ. Что казалось ученому критику положительнымъ въ тридцать, то совершенно въ другомъ свѣтѣ можетъ являться въ сорокъ лѣтъ.

Именно такъ и происходитъ съ Тэномъ. Онъ *по натурѣ* не былъ способенъ къ такой чистой и возвышенной научной работѣ, о которой безпрестанно твердилъ. Всѣ добрыя намѣренія ограничивались обыкновенно предисловіями и вступлениями. Золя дѣйствительно могъ выходить изъ терпѣнія, видя разительнѣйшее противорѣчіе между тэновской программой изслѣдованій и смысломъ и содержаніемъ его работъ ¹⁾.

Но мы не станемъ увлекаться сильными чувствами романиста, а поведемъ дальше свой разборъ политическихъ воззрѣній Тэна.

Они далеко не оставались на одной и той же почвѣ, — напротивъ, необычайно быстро измѣняли весь свой характеръ. Критическія идеи Тэна могутъ похвалиться рѣдкой устойчивостью. Отъ Кузена до Шекспира и Расина мы имѣемъ удовольствіе встрѣчать вѣчно одно и то же вступленіе къ характеристикѣ писателя: «По слогу судять объ умѣ. Слогъ открываетъ господствующую способность ума», — но, къ удивленію, одинъ и тотъ же ключъ въ разные времена открываетъ разные секреты, — то *галльскій гений*, то *классическій духъ*, то двуличную «пропасть мелочей и плутовства», то необычаинокультурное и увлекательное царство салоннаго вкуса.

Можно ли повѣрить, что одно и то же перо разоблачило въ животныхъ Лафонтена принцевъ и маркизовъ Людовика XIV и набросало на бумагу слѣдующія мысли:

Мы не должны судить объ аристократическомъ обществѣ классической эпохи на основаніи волеи нашихъ поэтовъ и по «нашимъ плебейскимъ нравамъ». Есть особенная красота въ талантѣ хорошо говорить, напримѣръ, въ Неронѣ, избочающемъ Агриппину доводами самыми изысканными и презрѣніемъ самымъ вѣжливымъ. На этомъ талантѣ лежитъ отпечатокъ «высшаго ума и несравненнаго воспитанія». «Я осмѣливаюсь даже идти дальше, я прихожу въ восторгъ (je me transporte) среди нравовъ XVII-го вѣка». Но этого мало, — критикъ, восхищенный и, очевидно, немного отуманенный своимъ восторгомъ, сознается, что ему «больше нравится преступникъ свѣтскій человѣкъ, столь же злой, но лучше замаскированный», чѣмъ, напримѣръ, шекспировскій Ричардъ III ²⁾. И все равно какъ раньше у нашего автора не находило пощады «нахальство»

¹⁾ «В. Евр.». Парижск. письма. 1876, V, 416.

²⁾ *Nouveaux Essais*. 181, 182. 206.

аристократовъ, теперь его рѣчь не знаетъ предѣловъ въ восхваленіи идеальной культурности тѣхъ же героевъ.

Такъ мѣняются научныя истины!

Но дѣло этимъ не кончается. Раньше мы слышали отъ Тэна очень искусную обвинительную рѣчь противъ историковъ, избирающихъ исторію для защиты излюбленной политической теоріи. Такъ философствовать очень легко, по мнѣнію Тэна. Писатель свободно вѣрить тому, во что хочетъ вѣрить, и факты подъ его руками примутъ какую угодно окраску, римляне, греки, англичане окажутъ всякую требуемую услугу. Книга выйдетъ весьма живая, ловкая, выгодная для автора и ущербъ потерпитъ лишь исторіа. Авторъ, изъ историка превратившись въ политика, будетъ заинтересованъ въ сущности *настоящимъ*, преподастъ *намъ урокъ*, но за то не пойметъ *прошлаго* ¹⁾.

Такъ рассуждалъ Тэнъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ концѣ 1871-го была написана статья *Основаніе свободной школы политическихъ наукъ* ²⁾. Она безусловно разрывала со всѣми прошлыми разговорами автора о чистой безстрастной наукѣ, но разрывала по своему смыслу, а не по формѣ. Тэнъ и теперь усиливался сохранить во всей свѣжести и дѣйственной неприкосновенности свою мантію отрѣшеннаго служителя научной истины. Четыре года спустя онъ будетъ все еще толковать о своей роли *натуралиста* и *научной мобознательности*. А на счетъ опредѣленныхъ политическихъ мнѣній для Тэна, очевидно, не будетъ совсѣмъ урожайной эпохи. По крайней мѣрѣ, въ концѣ 1885 года, т. е. почти за семь лѣтъ до смерти, онъ даже отчаивается когда-либо имѣть «научное мнѣніе» о настоящемъ порядкѣ вещей, онъ только ищетъ его путемъ «соціальной анатоміи» Съ цѣлью помочь этимъ поискамъ и былъ составленъ планъ *Школы политическихъ наукъ* ³⁾.

Въ дѣйствительности подобное заявленіе имѣло исключительно платоническій характеръ. Тэнъ окончательно превратился въ политика извѣстной окраски и, какъ слѣдовало ожидать, весьма настойчиваго въ стремленіи «преподать урокъ» и «въ исторіи отыскать не истину, а доказательства для своего ученія и оружіе для своего вопроса». Такъ, когда-то Тэнъ упрекалъ другихъ историковъ, и въ особенности глубокимъ презрѣніемъ заклеилъ Кузена за его поучительныя обращенія къ юношеству, теперь нашъ высокопарный критикъ рѣшился послужить тому, чему раньше посмѣялся,—съ одной лишь разницей. Кузенъ горячо и искренно звалъ юную аудиторію къ «возвышенной цѣли», къ идеализму. Въ этомъ идеализмѣ было немало метафизическаго тумана и эклектической смуты, но искренность профессора не подлежала сомнѣ-

¹⁾ *Essais*. 270, 275.

²⁾ Напечатано въ *Derniers Essais*. Paris, 1894.

³⁾ Письмо къ Havet отъ 18 ноября.

нiю: онъ откровенно науку и философію дѣлалъ орудіями морали и политики.

Тѣмъ въ компаніи съ другими учеными замышляетъ основать специальное высшее учебное заведеніе съ цѣлью воспитывать въ молодомъ поколѣніи здравыя политическія идеи.

Цѣль и средства опять не представляли ничего оригинальнаго: Кондорсе съ прибавкой Мерсье или еще лучше г-жи Сталь. Философъ XVIII-го вѣка мечталъ создать систему точныхъ политическихъ воззрѣній на основахъ общественныхъ наукъ, а Мерсье и позже г-жа Сталь настаивали на исконномъ національномъ невѣжествѣ французовъ касательно культуры и мысли другихъ европейскихъ націй и рекомендовали расширить отечественный кругозоръ. Въ сущности то же самое имѣлъ въ виду и Тѣмъ. Программа начиналась заявленіемъ, которое должно было звучать необычайно архаически для всѣхъ, кромѣ ученаго, рѣшившаго, наконецъ, открыть свое окошко изъ кабинета на улицу. Правда, онъ сейчасъ же его вновь захлопнулъ, точнѣе отошелъ отъ него и попрежнему погрузился въ книжныя методическія операціи,—но въ порывѣ новыхъ впечатлѣній говорилъ слѣдующее:

«Общественные интересы Франціи являются личными интересами каждаго француза отдѣльно». Въ виду этого, необходимо приобрѣсти политическіе взгляды—не поверхностныя, не симпатіи и впечатлѣнія,—а настоящія научныя убѣжденія, основанныя «на фактахъ, цифрахъ и достовѣрныхъ документахъ». *Школа* и должна собрать всѣ эти матеріалы.

Дальше авторъ записки рисовалъ крайне плачевное состояніе историческихъ и государственныхъ познаній французовъ. Юныя поколѣнія должны погрузиться въ подробное изученіе родной и иностранной исторіи, національнаго и иноземнаго быта, наполнить головы «фактами, цифрами и документами» — по администраціи, политической экономіи, военнымъ вопросамъ разныхъ государствъ. Въ результатѣ создадутся идеальныя граждане, обладающіе подлинными политическими идеями и способностями, такъ сказать, патентованные правители государства и вожди націи. Тѣмъ даже назначаетъ срокъ, когда этого счастья дождется, наконецъ, Франція,—лѣтъ черезъ пятьдесятъ.

Все это прекрасно задумано и съ самыми лучшими наміреніями, но, какъ все измышленное исключительно-теоретическимъ, книжнымъ умомъ—неминуемо приводитъ къ роковымъ вопросамъ.

Во-первыхъ,—всѣ свѣдѣнія, какія должно приобрѣтать юношество, относятся къ области нравственности и политики, слѣдовательно требуютъ по существу извѣстнаго *общаго освѣщенія*. Ни единого моральнаго и государственнаго факта не можетъ быть безъ *идеи*, сообщаящей ему тотъ или другой смыслъ и опредѣляющей его историческое и современное значеніе. На сцену слѣдовательно является *истолковывающій разумъ*, т. е. та же сила убѣжденія.

Очевидно, преподаваніе новой науки—быть гражданами—съ самаго начала должно подчиниться какому-либо принципу или нѣсколькимъ принципамъ—въ лицѣ самихъ преподавателей. А по собственному представленію Тэна, задача истиннаго историка даже не въ собираніи фактовъ, а въ обобщеніи; онъ долженъ «стремиться къ общей идее», располагая факты въ естественномъ порядкѣ и производя выборъ. Этихъ затрудненій Тэнь не желаетъ признавать: его *Школа* будетъ свободна отъ всякой «доктрины», будетъ лишь «источникомъ свѣдѣній». Потомъ,—что же будутъ дѣлать французы въ ожиданіи ученыхъ властителей и администраторовъ? Вѣдь политическая жизнь, конечно, не прекратится и будетъ идти своимъ путемъ. Какое же участіе станетъ принимать въ ней школа?

Отвѣтъ—никакого. *Школа* съ ея библіотеками и аудиторіями—храмъ, а живая политика—улица и двери храма должны быть наглухо закрыты отъ вѣшняго шума. Таковъ способъ вырабатывать гражданъ съ научно-политическими взглядами! Эта рѣдкостная лабораторія дѣятелей внѣ всякой связи съ дѣятельностью имѣетъ только одного соперника въ исторіи человѣческой мысли—платоновскій диалектическій искусъ для образованія философовъ-правителей государства. Нетрудно представить, какихъ геніевъ могутъ представлять подобныя учрежденія, вполне достойныя острова Лапуты.

Но для насъ любопытно это изобрѣтеніе, какъ яркая черта тэновскаго ума. Не переставая быть чисто-отвлеченнымъ по направленію, онъ теперь мѣняетъ цѣль—и вмѣсто развѣчиванія метафизиковъ, изобрѣтенія новыхъ методовъ философіи и критики,—выступить просвѣщеніе юношества, или, по сильному выраженію самого автора,—«медицинская консультація» по адресу Франціи.

Удивительно это пристрастіе писателя, не имѣющаго ничего общаго ни съ духомъ, ни съ пріемами естествознанія или точныхъ наукъ,—употреблять сильныя *научныя* термины! Но еще удивительнѣе, что авторъ проекта объективной *Школы* явится выразителемъ одного изъ самыхъ узкихъ и пристрастныхъ политическихъ воззрѣній, какія только знаетъ Франція XIX-го вѣка. И иначе не могло быть—по свойству самого предмета и по характеру историка-политика.

XIX.

Тэнь, долгое время игравшій въ политику съ видомъ гордаго ученаго, принужденъ былъ объяснить свой слишкомъ явный поворотъ въ презираемыя сферы. Записка о *Школѣ* ссылается на франко-прусскую войну, на ея бѣдствія. На самомъ дѣлѣ не бѣдствія войны повліяли на Тэна, а внутреннія событія, вызванныя ими. Трудно сказать, какое изъ этихъ событій было ненавистнѣе Тэну и съ особенной болью отзывалось въ его сердцѣ.

Нашъ авторъ давно составилъ о французахъ представленіе,

как о нации, фанатически влюбленной въ сильную власть. Они будто как манны небесной ждуть всюду и всегда всевозможнаго начальства,—жандармовъ, префектовъ, комиссаровъ ¹⁾. И бонапартизмъ, конечно, въ изобиліи раздавалъ эту манну. Потомъ во время путешествія по Италіи Тэнъ великій здравый смыслъ итальянцевъ усмотрѣлъ въ ихъ отвращеніи къ республикѣ. Наконецъ, въ Парижѣ, глазами Грандоржа удостовѣрилъ полное исчезновеніе романтическихъ идей и прочное царство «позитивизма».

И вдругъ,—самый совершенный представитель сильной власти оказывается низверженнымъ, поле дѣйствія занимаетъ революціонная толпа, демократія, и разыгрываются дѣйствительно потрясающія сцены коммуны. Тэну приходится видѣть только начало республиканскихъ смутъ, на время коммуны онъ уѣзжаетъ въ Англію, въ Оксфордъ—читать лекціи. Сюда приходили вѣсти одна другой ужаснѣе; жестокія условія мира, пожаръ Парижа, болѣзненные судороги вновь народившейся республики. Ученаго быстро подавила одна идея, по свойству его ума, немедленно ставшая *idée fixe*: все зло въ демократіи, — въ парижской толпѣ. Она создала первую революцію, потомъ мучила Францію въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, она—грубая, непросвѣщенная, способная истреблять великія произведенія искусства и превращать въ пепелъ родную столицу. На кабинетнаго арудита должны были произвести страшное впечатлѣніе эти безпрестанныя колебанія общественнаго порядка, и особенно—разнузданныя буйства черни. Никогда не отличаясь особенной проникательностью въ психологическихъ и еще менѣе въ общественныхъ вопросахъ, — теперь, во дни крови и ужаса, Тэнъ, несомнѣнно, испытывалъ чувства эмигрантовъ первой революціи.

Онъ рѣшилъ выступить на поприще дѣятельнаго политика въ минуты ужаса, отвращенія и гнѣва,—но воображалъ идти подъ руководствомъ *знанія* и даже противопоставлялъ его *разуму 1789 года*. Этимъ самымъ былъ уже пронанесенъ приговоръ надъ революціоннымъ движеніемъ. Такъ заявилъ и самъ Тэнъ. Онъ отождествилъ принципы 89-го года съ идеями *Общественнаго договора* Руссо и, не долго думая, провозгласилъ: «слѣдовательно, они ложны и злоторны» ²⁾. Можно подумать,—не будь Руссо, не было бы и революціи. Заключение болѣе чѣмъ легкомысленное, но оно впопыхахъ составлено Тэномъ и проведено съ обычной «маніей системы». У историка скла- дывается очень простая картина французской исторіи и политики. Съ одной стороны *теорія, метафизика, разумъ*, съ другой—положительная дѣйствительность, факты, наука. Найдутся и требуемыя иллюстраціи: съ одной стороны—идеологи-революционеры, читатели трактатовъ Руссо и подобныхъ мечтателей, оптимисты-фантазеры,—съ другой—обыкновенные смертные, крѣпкіе житей-

¹⁾ *Essais*, 320.

²⁾ Письмо къ Navet отъ 24 марта 1878 г.

скимъ «здравымъ смысломъ». Въ виду этого авторъ поспѣшилъ изобразить провинціальную Францію, какъ страну «единого хлѣба», крестьянъ и буржуа, поглощенныхъ исключительно матеріальными вопросами, особенно на счетъ сбереженій. Никакихъ высшихъ цѣлей они и знать не хотѣли, имъ никакого дѣла нѣтъ до столичныхъ волненій и особенно идей и теорій. Историкъ убѣжденъ, что именно въ такой формѣ «французское общество и нашло свою почву», сельское населеніе голосовало за имперію исключительно потому, что оно продавало свои продукты въ два раза дороже. Этимъ фактомъ все сказано. Очевидно, нація не только равнодушна къ отвлеченнымъ принципамъ, но даже къ правительственнымъ формамъ, лишь бы «былъ обезпеченъ капиталъ» ¹⁾.

Ясно, какъ съ этой точки зрѣнія можно оцѣнить какія бы то ни было общія идеи политическаго и общественнаго характера. Онѣ естественно являются чѣмъ-то лишнимъ, наноснымъ, болѣзненнымъ, и, слѣдовательно, всѣ движенія, ими вызываемыя,—результатъ недомыслия и безумія. Именно этими словами историкъ будетъ характеризовать самую идейную, фанатически принципіальную эпоху французской исторіи,—и только за *идеи и принципы*, потомъ увѣнчаетъ Наполеона за его положительный и проникательный умъ, свободный отъ утопій и теорій. Бонапартъ съ его скалозубовскимъ представленіемъ о государственномъ порядкѣ и безнадежно-низменнымъ понятіемъ о человѣческой природѣ будетъ противопоставленъ оптимизму революціонеровъ и «произвольнымъ гипотезамъ» дѣятелей конвента ²⁾. И такая комбинація идей образовалась у Тэна во время событій, напомнившихъ ему—въ его воображеніи—идеи и факты первой революціи. Заключение было дано заранѣе, а за послылками, конечно, дѣло не стало.

Съ начала семидесятихъ годовъ Тэнь всѣ силы свои отдаетъ историческому труду. Онъ ждетъ отъ него такихъ же результатовъ, какъ и отъ *Школы*. Работа идетъ очень успѣшно и результаты ея вполне совпадаютъ съ исходнымъ моментомъ. Тэнь, два раза забаллотированный въ Академію, былъ, наконецъ, принятъ въ 1878 году, по выходѣ двухъ первыхъ томовъ *Происхожденія современной Франціи*, и за него голосовали тѣ, кто раньше сопротивлялся избранію. Особенно второй томъ долженъ былъ умиротворить академикъ: въ немъ излагалась революція 1789 года съ точки зрѣнія аристократическаго современника коммуны. Тэнь, изображая прошлое, смотрѣлъ на настоящее. Когда-то въ этомъ «неисторическомъ» приѣмѣ онъ упрекалъ другихъ, — теперь ему самому открыто заявляли: «онъ воиетъ съ настоящей республикой» ³⁾. И стоило лишь

¹⁾ *L'opinion en Allemagne et les conditions de la paix*, 9 oct. 1870, *Essais*. 427—9,

²⁾ *Le régime moderne* I, 170.

³⁾ Золя. *Ib.* 406.

сравнить публицистическую статью о всеобщей подачѣ голосовъ съ историческимъ сочиненіемъ, — никакого сомнѣнія на счетъ цѣлей историка не могло оставаться.

Но раньше Тэнъ непониманіе прошлаго у историковъ приписывалъ ихъ желанію это прошлое эксплуатировать ради настоящаго... Что же оказалось у самого Тэна? Какъ отразилась «консультация медика» на «любопытности натуралиста»?

XX.

Первый томъ *Les origines de la France contemporaine* изображаетъ «старый порядокъ». Этотъ планъ не принадлежитъ Тэну. У нашего историка былъ предшественникъ, до такой степени тяготившій надъ нимъ, что даже Тэнъ, при всей своей нелюбви къ ссылкамъ на чужіе труды, очень часто цитируетъ книгу Токвиля. Въ дѣйствительности, изслѣдованіе Тэна, сравнительно обширное и уснащенное цитатами изъ источниковъ, не дало *ни одной* положительной новой идеи о старомъ порядкѣ сравнительно съ сочиненіемъ Токвиля.

Предшественникъ нашего автора писалъ:

«Французская революція останется темною для тѣхъ, кто будетъ смотрѣть только на нее; лишь въ прошедшемъ можно отыскать свѣтъ, объясняющій ее». И у Токвиля былъ совершенно тотъ же замыселъ, какой стремился выполнить Тэнъ: послѣ стараго порядка изслѣдовать революцію и, наконецъ, общество, вышедшее изъ нея. У Токвиля замыселъ не осуществился, у Тэна въ общемъ получилъ извѣстное завершеніе. Въ первой части труда Тэнъ былъ по необходимости связанъ тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать Токвиль, и этимъ невольнымъ подчиненіемъ объясняются особые качества тэновскаго *Стараго порядка*, безслѣдно пропадающія въ позднѣйшихъ томахъ.

Оба историка подробно разбираютъ нравственное и общественное положеніе привилегированныхъ ословій и народа наканунѣ революціи и оба приходятъ къ одному и тому же результату: дворянство освободилось отъ всякихъ государственныхъ обязанностей, утратило совершенно даже политическія способности, окончательно выдѣлилось изъ остальной массы населенія и между тѣмъ приобрѣло новыя выгоды и преимущества. Пониженіе нравственнаго достоинства и общественной роли дворянства сопровождалось умноженіемъ его привилегій и подъемомъ его претензій. Тэнъ посвятилъ разъясненію этой идеи почти половину своей книги, пополняя ее преимущественно анекдотическими данными, живописными характеристиками и жанрами. Токвиль той же цѣли достигаетъ не путемъ изящной литературы, а фактами — старой администраціи и экономическаго развитія. Въ этомъ и заключается существенная разница между обоими историками.

Тэнъ и дальше остается на почвѣ литературы, характеризуетъ

писателей XVIII вѣка, не сообщая, конечно, ничего новаго для читателей *научныхъ* сочиненій. Историкъ единственный разъ въ теченіи всей своей дѣятельности попадаетъ въ самую подходящую для себя область. Его стремительность открывать непременно типичныя явленія и по нимъ изучать цѣлое общество, находить удачное примѣненіе въ аристократической средѣ XVIII вѣка. Еще современниками стараго порядка было указано на полное исчезновеніе оригинальныхъ личностей въ парижскихъ салонахъ, на превращеніе всего свѣтскаго міра въ одноцвѣтную и въ духовномъ отношеніи совершенно тождественную массу. Поэтамъ не было возможности подмѣтить здѣсь болѣе или менѣе яркія своеобразныя явленія для своего творчества, и этому тщедушью самой жизни современники приписывали упадокъ комедіи и вообще художественной литературы ¹⁾. Тѣнь, слѣдовательно, безъ малѣйшихъ затрудненій могъ набросать фигуру свѣтской дамы, ея кавалера, салоннаго остроуслова: фактическія данныя, удивительно согласныя и подробныя, переполняютъ разные мемуары и корреспонденціи эпохи.

Но Тѣнь увлекся легкой, удобной живописью, — и за своими рисунками проглядѣлъ сущность культурнаго фона. Недаромъ онъ чувствовалъ себя въ восторгѣ на расиновской оценкѣ, — теперь онъ окончательно забылся и упустилъ изъ виду капитальнѣйшіе факты того самаго салоннаго блеска, какой онъ росписываетъ съ великими подробностями. Онъ всюду находитъ «только людей оппозиціоннаго направленія и реформаторовъ», по его представленію «все новое поколѣніе совершенно покорено новыми идеями»... Неизвѣстно, почему тогда эта *вездѣсущая оппозиція* допускаетъ разбиваться въ прахъ лучшимъ намѣреніямъ благороднѣйшихъ министровъ въ родѣ Тюрго и живетъ день за день въ очагѣ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, почему, наконецъ, требуется революція при всеобщемъ либерализмѣ и просвѣщеніи?

Очевидно, былъ какой то изъянъ въ этой оппозиціи, — и изъянъ самый простой: его объяснили виновники идей и ихъ свѣтскіе послѣдователи вполне опредѣленно.

Вольтеръ находился въ большой дружбѣ съ аристократами и самыми высшими сферами, и никто больше его не цѣнилъ этой дружбы, но бывали минуты — философъ откровенно объяснялъ, чего собственно стоятъ дары благородныхъ данайцевъ. Вся аристократическая философія и оппозиція, столь поражающая Тѣна, по мнѣнію Вольтера, заключалась въ слѣдующей логикѣ: «У насъ сто тысячъ экю ренты и кромѣ того почести. Мы не желаемъ всего этого лишиться ради вашего удовольствія. Мы раздѣляемъ ваши взгляды, но мы заставимъ васъ сжечь при первомъ же случаѣ, чтобы научить васъ, какъ высказывать свои мнѣнія».

Такая отвѣдь слышалась философу подъ шумъ «новыхъ идей»,

¹⁾ Grimm. *Corresp. littéraire* I, 267—9.

оживлявшихъ болтовню салонныхъ дамъ. Даламберъ въ свою очередь не переставалъ сообщать Вольтеру о двоедушныхъ поступкахъ знаменитѣйшихъ «просвѣтительницъ»,—въ родѣ г-жи Жоффренъ и Дюдеффанъ: на его взглядъ все это—*ложные друзья философіи* ¹⁾.

Графъ Сегюръ, одинъ изъ «новаго поколѣнія», увлеченнаго «новыми идеями», очень просто и искренно поясняетъ отзывы философовъ: они—«новое поколѣніе»—увлекались идеями, какъ «интересными зрѣлищами», отнюдь не помышляя о практическихъ результатахъ. Тѣну извѣстно это заявленіе Сегюра, но историкъ пребываетъ въ ненарушимомъ гипнозѣ на счетъ салонной оппозиціи и не желаетъ, очевидно, даже справиться у самихъ философовъ, какъ они относились къ аристократическому либерализму. По крайней мѣрѣ, переписка Вольтера и Даламбера, — подлинный источникъ для вѣрнаго представленія о вопросѣ—не входитъ здѣсь въ число тѣновскихъ «документовъ и фактовъ».

Токвиль не могъ впасть въ подобное заблужденіе. Онъ настойчиво подчеркиваетъ школьническое легкомысліе благородныхъ философовъ, совершенное непониманіе самого смысла новыхъ идей и слѣзаніе литературныхъ увлеченій съ вѣковой алчностью власти ²⁾. У Тѣна салоны выходятъ будто фокусами умственного свѣта, у Токвиля они только семейныя сцены для спектаклей на модныя идейныя темы. Политическая неопытность и праздная игра остроумія—расовыя черты старой французской аристократіи сохранились въ неприкосновенности до великаго переворота.

Но блаженныя настроенія историка по поводу свѣтскаго общества повлекли еще болѣе важныя недоразумѣнія. Онъ третье сословіе изобразилъ, какъ одну изъ ступеней салоннаго міра и съ этимъ положеніемъ связалъ буржуазный протестъ противъ привилегированнаго строя. Буржуа сталъ «свѣтскимъ человѣкомъ», принялся вести «философскій разговоръ» и такимъ путемъ превратился въ либерала, подобно аристократамъ. Но почему же тогда аристократы во время революціи оказались жертвами, а третье сословіе—героемъ, по крайней мѣрѣ, въ эпоху первыхъ двухъ представительныхъ собраній? Очевидно,—существовало нѣчто помимо свѣтскихъ успѣховъ и мѣщанской зависти, какая-то вполне реальная политическая и общественная сила: ея не видно на картинѣ Тѣна.

Относительно народа вопрозь обстоятъ еще хуже. На долю этой среды не остается ничего, кромѣ «слабой злобы» голоднаго разъяреннаго звѣря. Это безусловно темное царство, безъ единого проблеска сознательныхъ стремленій, съ одними истребительными наклонностями. И такое представленіе естественно у историка, черпающаго свои свѣдѣнія въ полицейскихъ и другихъ официальныхъ донесеніяхъ и пренебрегающаго обратиться къ самому народу.

¹⁾ *Lettres de M. Voltaire*. 1784, II, 194; I, 320; II, 64.

²⁾ *Старый порядокъ и революція*. Спб. 1861, 149.

Этотъ способъ характеризовать низшіе классы останется у Тэна до конца: онъ довѣряетъ только свидѣтелямъ, облеченнымъ въ мундиръ или высокопоставленнымъ особамъ и знатымъ иностранцамъ.

Можно ли допустить, чтобы историкъ рѣшился писать о революціи, не ознакомившись предварительно съ *cahiers*, — инструкціями трехъ сословій для генеральныхъ штатовъ? Эти инструкціи богатѣйшій источникъ для историческаго изображенія состоянія Франціи наканунѣ революціи — матеріальнаго и нравственнаго. Члены Генеральныхъ Штатовъ, признаваемые Тэномъ наиболее почтенными и правдивыми, смотрѣли на *cahiers*, какъ на подлинное выраженіе воли и настроенія націи, «людей честныхъ и просвѣщенныхъ»¹⁾. Токвиль перечиталъ эти документы и увидѣлъ всеобщее желаніе коренного преобразованія стараго порядка. Только дворянство въ подавляющемъ большинствѣ продолжало стоять за привилегіи и подъ именемъ *революціи* разумѣло даже укрѣпленіе феодальныхъ правъ. Народъ далеко не пребывалъ на уровнѣ бессмысленной ненависти къ высшимъ — во что бы то ни стало. Духовенство въ *cahiers* свидѣтельствовало о широкомъ распространеніи новыхъ идей даже въ деревняхъ. И мы вѣримъ этому свидѣтельству. Вольтеръ былъ правъ, называя просвѣтительную философію, если не всю цѣликомъ, то во множествѣ идей общественнаго содержанія — *здравымъ смысломъ* — *bons sens*; и не требовалось непремѣнно быть гостемъ парижскаго салона, чтобы понять критику феодальныхъ правъ и уродливаго положенія высшего католическаго духовенства²⁾. Во всякомъ случаѣ, немыслимо все населеніе Франціи противопоставлять парижскимъ франтамъ, какъ первобытное дикое стадо высоко-просвѣщенной экзотической касты.

Одинъ изъ авторитетовъ Тэна, членъ генеральныхъ штатовъ, до послѣдней степени уменьшаетъ революціонное вліяніе салонной философіи и народное движеніе 1789 года считаетъ столь естественнымъ, какъ удаленіе плебеевъ на Священную гору, возстаніе Вильгельма Телля. Основную идею революціонныхъ теорій — *равенство* — очевидецъ считаетъ просто «естественной наклонностью человѣческаго сердца», какъ и чувство свободы³⁾. Въ результатъ, — среди народа могли и не разсуждать на философскія темы, но сознавать не менѣе ясно, чѣмъ и всѣ другіе «честные и просвѣщенные» люди, принципъ новаго общественнаго порядка.

Ясно, слѣдовательно, сколько неполноты и неясности въ представленіи Тэна о дѣателяхъ будущей революціи. Тамъ, гдѣ онъ идетъ рядомъ съ Токвилемъ, его изображенія носятъ историческій характеръ, напримѣръ — политическое и нравственное разложеніе

¹⁾ Malouet. *Mémoires*. Paris 1868, I, 330.

²⁾ Токвиль безъ оговорокъ приписываетъ *крестьянамъ* даже такіа выраженія, какъ «сограждане», «верховное существо»... *Ib.* 154.

³⁾ Mounier. *De l'influence attribuée aux philos., aux fr.-maçons et aux illuminés sur la revol. de France*. Paris 1828, 26—7, 45.

дворянства; но гдѣ онъ пускается въ область художественныхъ живописаній, начинаетъ примѣнять на дѣлѣ свою теорію о типахъ и преобладающихъ способностяхъ,—тамъ фактическія, весьма существенныя подробности исчезаютъ изъ-за преднамѣренной цѣльности и гармоничности картины. Отсюда непримиримыя противорѣчія: исторія стараго порядка «одно долгое самоубійство», и «внезапно осмирѣвшій народъ», «распаденіе Франціи задолго до общаго крушенія» оттого, что «привилегированные» перестали быть «общественными дѣателями»,—и изумительная картина революціи въ книгѣ, гдѣ Тэнъ былъ предоставленъ исключительно своимъ наклонностямъ и вкусамъ.

XXI.

Первая французская революція и современникамъ и потомству всегда представлялась явленіемъ въ высшей степени сложнымъ, роковымъ, провиденціальнымъ. Такъ называлъ ее Деметръ и то же опредѣленіе она сохранила даже у новѣйшихъ французовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ азартомъ мракобѣса-католика. Тэну она представляется совершенно иначе; первая книга его исторіи революціи называется *Непроизвольная анархія*, т. е. безсознательный разгулъ дикихъ страстей, враждебныхъ общественному порядку. «Животный инстинктъ возстаетъ», «это скотское движеніе» *c'est le mouvement de brute*. Герой его—«самая низкая чернь», «презрѣннѣйшій плебсъ», поддонки общества, «разбойники». Что же вызвало эти ужасы? «Пустой желудокъ», «больной мозгъ», «потребность своевольства», «стремленіе къ нововведеніямъ», т. т. знаменитое *rerum novarum studium*, въ которомъ римскіе историки упрекали государственныхъ преступниковъ въ родѣ Катилины.

Дальше—картина очень художественная: это негры-рабы, внезапно получившіе свободу и наперерывъ другъ передъ другомъ желающіе управлять кораблемъ. Историкъ описываетъ весьма тщательно внѣшность, жилище, образъ жизни возставшихъ рабовъ. Все это — босьяки, немые, оборванные нищие, вожди ихъ не лучше: адвокаты безъ практики, обитатели меблированныхъ комнатъ, живущіе на счетъ семьи—въ родѣ Демуллена, или на счетъ другихъ родственниковъ — въ родѣ Дантона, тоже «адвоката втораго сорта», идеалисты съ прорванными локтями—напримѣръ Бриссо, освистанные писатели въ родѣ Марата. Все это «гримасничающія обезьяны, кровожадные и развратные»,—и въ особенности народъ.

Таковъ главный герой революціи и характеристика его проходитъ черезъ всю исторію. Тэнъ не признаетъ хронологіи и не различаетъ періодовъ въ революціонномъ движеніи. Одни и тѣ же эпитеты для дѣателей революціи и въ періодъ національнаго соборачія и при якобинствѣ: прибавятся развѣ еще «плуты», «шарла-

таны», «дикіе звѣри», «бѣсноватыце». Такъ оригинально выполняетъ историкъ свое обѣщаніе—«дѣйствовать подобно натуралисту» и «никакой другой цѣли не преслѣдовать», «отрѣшиться отъ всѣхъ предвзятыхъ цѣлей и взглядовъ». На самомъ дѣлѣ,—цѣль у историка была еще въ то время, когда онъ изображалъ народъ накануне революціи въ состояніи животнаго отупѣнія. Теперь предъ нами то же животное, но въ бодрствѣнномъ состояніи.

Также послѣдователенъ Тэнъ и относительно жертвъ звѣря. Это, конечно, дворянство. Правда, мы о немъ отъ самого же историка слышали много нелестныхъ вещей,—но за то онъ намъ изобразилъ философскіе салоны и теперь ему ничего не стоитъ превозносить французскихъ феодаловъ «культурной, любезной, довѣрчивой отборной частью націи»,—и—замѣтите—распространить этотъ лирический комплиментъ на все сословіе, такъ еще недавно изображенное тунеяднымъ, жаднымъ, рабскимъ и деспотическимъ. Теперь оно, по представленію Тэна, не думаетъ даже защищаться и не видитъ нигдѣ защиты ¹⁾).

Да и трудно защищаться: въ сущности первыя два сословія только и сохраняютъ человѣческій образъ, для народа Тэнъ неистощимъ въ сравненіяхъ, какія мы знаемъ по запискамъ Грэндоржа. Автору не достаточно просто «опасныхъ скотовъ», ему, какъ художнику стиля, нужны картины: быкъ, устремившійся по дорогѣ съ грозно-выставленными впередъ рогами; ручной слонъ, одичавшій во мгновеніе ока и сбросившій съ себя жожака, — короче «животное, сверхъ мѣры раздраженное и дикое», и въ довершеніе картины—настоящіе «волки», воспользовавшіеся безпомощностью или гибелью пастуховъ... Вообще, — весь зоологическій садъ или циркъ, выпущенный на свободу.

Но вѣдь мы читали кое что на счетъ идей, теорій, философій,—куда же все это дѣвалось?

Отвѣтъ—генеральные штаты. Правительство допустило непростительную ошибку — обратилось къ націи и разожгло звѣрскую анархію, вызванную голодомъ, «распустило возжи», предоставило «разбойникамъ, бродягамъ, нищимъ, вообще толпѣ, до сихъ поръ поглощенной исключительно заботой о насущномъ хлѣбѣ, ни разу не поднимавшей взоровъ на общественный порядокъ, составлявшей его низшій слой и несшей его тяготу»—право стать противъ «установленнаго строя».

А въ Версали собралось «стадо теоретиковъ», «опасныхъ бѣсноватыхъ», которые вступать въ связь съ «опасными скотами»; они станутъ пробавляться «пустозвонствомъ и воплями», «ломаться на подобіе актеровъ предъ галереями», изобразятъ «патріотическую оперу». Народъ—мы видѣли—«взбунтовавшіеся негры-рабы на

¹⁾ *La Révolution* I, 101.

кораблѣ», члены генеральныхъ штатовъ—«общество адвокатовъ, литераторовъ и другихъ пассажировъ, ободренное бунтомъ голоднаго экипажа, и присвоившее поэтому себѣ право управлять кораблемъ»¹⁾. Очевидно, корабль въ открытомъ морѣ ничѣмъ не отличается отъ революціонной Франціи и главное—ея представители столь же и по уму и способностямъ далеки отъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, какъ и отъ технического искусства управлять судномъ.

Кто же за нихъ будетъ выполнять роль кормчаго, т. е. законодателя? Мы уже слышали—*галлерей*; это и есть настоящій источникъ законодательной дѣятельности представительныхъ собраний. А галлерей въ свою очередь ничто иное, какъ то же представительство *Палерояля*. А что такое Палерояль—для изображенія требуется по крайней мѣрѣ перо Золя: Тэнъ при всей свободѣ своего спеціального революціоннаго непечатнаго текста, повидимому, не достигаетъ словомъ высоты своего настроенія.

Палерояль — центръ мятежныхъ животныхъ. Главные дѣтели здѣсь—*публичная женщины* и *souteneurs*, преимущественно гвардейцы. Палерояль резюмируетъ революцію, галлерей представляютъ Палерояль, національное собраніе рабски подчиняется галлереймъ. Такова простая *естественная* группа фактовъ: на одномъ концѣ—*mouvement de brute*, на другомъ—*théories de café, excitations de tréteaux* и вся революція, при такихъ условіяхъ, ничто иное какъ разбойническое нарушеніе всѣхъ неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ—личности, собственности и совѣсти, «торжество скотства надъ мыслью», «мятежнический карнавалъ», наконецъ—«бѣлая горячка» алкоголика—голоднаго и перепившагося до полнаго органическаго разстройства²⁾.

Если бы мы вздумали дальше продолжать исторію революціи по Тэну,—мы ничего не встрѣтили бы, кромѣ все тѣхъ же эпитетовъ натуралистическихъ картинъ. Можно подивиться, какъ историкъ не устаётъ отъ удручающе однообразной и мрачной перспективы. На пространствѣ трехъ томовъ его взоръ сосредоточенъ на самыхъ отвратительныхъ проявленіяхъ низшихъ животныхъ инстинктовъ,—и только гений Бонапарта, совершенно противоположный идеологій и метафизикѣ революціонныхъ героевъ, возвращаетъ историка способность писать свое сочиненіе литературнымъ языкомъ и въ умиротворенномъ тонѣ.

Но вѣдь, — не личный же вымыселъ повѣряетъ намъ Тэнъ, живописуя оргію звѣрства? Его страницы усыяны цитатами, подѣ

¹⁾ Лб. 175.

²⁾ Говоря о правительствахъ, вышедшихъ изъ революціи до появленія власти Наполеона, Тэнъ о каждомъ изъ нихъ говоритъ: «il a commis ou laissé commettre trop d'attentats contre les personnes, les propriétés et les consciences; en somme la Révolution n'a été que cela». *Le régime moderne* I, 193. *La Révolution* I, 138, 459—460.

его руками во всякую минуту грома документовъ. Его сообщенія, повидимому, основаны на фактахъ, вообще на источникахъ.

Не только повидимому, а даже несомнѣнно. Тэну принадлежатъ только слишкомъ сильныя выраженія, и то, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не всегда, — а подробности заимствованы имъ изъ свидѣтельствъ очевидцевъ.

Кто же эти очевидцы, вообще какого свойства источники Тэна и какъ онъ ими пользуется? Вѣдь всякому и неученому извѣстно, что одинъ и тотъ же фактъ разные свидѣтели рассказываютъ по разному, такъ что иной разъ оказывается два совершенно противоположныхъ словесныхъ воспроизведенія факта. Золя, напримѣръ, стоитъ на документахъ и «общественной анатоміи». Романы онъ стремится превратить въ лекціи по социальной наукѣ съ совершенно жизненными, подлинными иллюстраціями. И вотъ что пишетъ тотъ же Золя о событіяхъ, столь глубоко повліявшихъ, между прочимъ, на нашего историка:

«Я думалъ о нашей междоусобной войнѣ 1871 года, объ этой коммунѣ, которая еще такъ недалеко отошла отъ насъ. Прошло только семь лѣтъ, всѣ мы видѣли восстаніе вблизи и должны были бы судить о немъ безошибочно. И что же? спросите десять чловѣкъ, выбранныхъ на-удачу, десять очевидцевъ; вы услышите десять различныхъ рассказовъ, смотря по политическимъ мнѣніямъ, темпераментамъ, взглядамъ рассказчиковъ. Что же будетъ черезъ восемьдесятъ лѣтъ, если историкъ вздумаетъ рыться въ современныхъ документахъ, и если у него явится претензія отличать писанія честныхъ людей отъ нечестныхъ?»

Тэнь съ самаго начала обошелъ этотъ вопросъ, — еще въ книгѣ о *Старомъ порядкѣ*. Онъ заранѣе готовился изобразить «животное на дѣлѣ», — и, слѣдовательно, «честные» свидѣтели для него были опредѣлены очень просто: всѣ, кто изображалъ именно животное, и ничто другое. А кто же могъ быть такого рода «рассказчиками»?

Самъ Тэнь, обѣщая быть исключительно натуралистомъ, такъ исчисляетъ свои документы: «переписка значительнаго числа *интендантовъ, судей, всевозможныхъ служащихъ всѣхъ степеней іерархіи*»; «донесенія и памятные записки по различнымъ частямъ *дворцоваго (вѣдомства)*», «переписка *командующихъ войсками* въ 1789 и 1790 годахъ; письма, памятные записки и подробныя статистическія, содержащіяся въ ста картонахъ *церковнаго комитета*; переписка, состоящая изъ девяносто четырехъ связокъ членовъ *департаментской и муниципальной администраціи* съ министрами», «переписка *префектовъ*»... Тэнь также говоритъ и о перепискѣ частныхъ лицъ и даже о *cahiers*, которыя у него не играютъ никакой роли во всей исторіи революціи. Но что могутъ значить письма частныхъ лицъ предъ такимъ потокомъ *официальныхъ* документовъ? Или ничего или только то, что подтверждается этими же документами.

Очевидно, на судѣ была выслушана лишь одна сторона и притомъ обиженная, побѣжденная, всѣми нервами своего нравственного и матеріальнаго существованія привязанная къ погибавшимъ порядкамъ.

И пересмотрите ссылки Тэна: предъ вашими глазами на каждой страницѣ, гдѣ изображается народная революція, пестритъ одинъ и тотъ же источникъ *procedure Châtelet du criminel*, т. е. исключительно полицейскіе протоколы, или донесенія военныхъ начальниковъ, еще болѣе подавленныхъ событіями, чѣмъ даже префекты, потому что народное движеніе быстро сообщается арміи и лишаетъ командировъ власти и положенія. Естественно, подобные документы будутъ сообщать исключительно одни отрицательные факты, умалчивать о другихъ или освѣщать ихъ въ своихъ интересахъ, короче—это будетъ сплошная обвинительная рѣчь.

Съ этими источниками дальше и нечего считаться,—ихъ, конечно, нельзя исключить изъ числа документовъ, но на каждомъ шагѣ слѣдуетъ помнить ихъ происхожденіе и назначеніе.

Гораздо сложнѣе и интереснѣе другія данныя тэновской исторіи,—преимущественно для идейной революціи, т. е. для національнаго собранія. Ихъ назвалъ самъ Тэнъ и не одинъ разъ: депутаты—Малуэ, Мунье, Мирабо и журналистъ Малледюпанъ. Особымъ уваженіемъ Тэна пользуются интендантъ Малуэ и Малледюпанъ, историкъ называетъ Малуэ «разсудительнѣйшимъ человѣкомъ» во всемъ собраніи, «самымъ умѣреннымъ, самымъ либеральнымъ и самымъ твердымъ по сердцу и по уму»; Малледюпана компетентнѣйшимъ, разсудительнѣйшимъ и глубочайшимъ наблюдателемъ революціи»; трояхъ—Малледюпана, Мирабо и Малуэ признаетъ, «лучшими умами революціи», Мунье ставится рядомъ съ Малуэ, оба вожди одной партіи. У Тэна есть еще одинъ весьма предпочитаемый источникъ—Записки парижскаго мэра и президента третьяго сословія въ генеральныхъ штатахъ, Вальи. На него очень часто ссылается историкъ, но остерегается слишкомъ одобрять, почему—сейчасъ увидимъ ¹⁾).

Обратимся же къ этимъ безусловно признаннымъ источникамъ Тэна и посмотримъ, какъ онъ ими воспользовался. Мы отдаемъ справедливость усердію историка въ изученіи полицейскихъ рапортовъ. Онъ по этимъ документамъ подробно перечисляетъ ущербы, понесенные домовладѣльцами, съ ужасомъ описываетъ, какъ на «прекрасномъ паркетѣ» одного аббатскаго дворца толпа раскладывала огонь, потомъ изломала «великолѣпную карету» аббата, разлила вино въ погребахъ, похитила «бѣлье и серебро», не пощадила, конечно, буфетовъ и сундуковъ. «Ясно», прибавляетъ историкъ,—«общество окончательно испровергается». Не пропускаетъ историкъ сообщить намъ и о томъ, какъ толпа бросила въ бас-

¹⁾ *La Rév.* I, 71, 154, 172, 140, 165.

сейнъ и избилъ полицейскаго шпіона: «его казнь продолжалась отъ полудня до пяти съ половиной часовъ и палачей было вѣрныхъ десять тысячъ»... Такія чудеса вычиталъ Тѣнъ въ своихъ документахъ и ни на минуту не усомнился, какъ это *десять тысячъ* человекъ были и не могли убить одного въ теченіи болѣе пяти часовъ!.. Но такъ пишется исторія. Узнаемъ мы даже и еще болѣе потрясающее событіе, какъ женщина, беременная на девятомъ мѣсяцѣ, перепивается до смерти... ¹⁾ Безъ революціи такихъ происшествій, очевидно, не могло быть.

Но не въ нихъ дѣло,—а въ авторской добросовѣстности и обстоятельности. Онъ съ терпѣніемъ бенедиктинца využívаетъ изъ «томовъ», «картоновъ» и «связокъ» алкоголическіе припадки революціи и заноситъ на свои страницы, сопровождая все это подходящими восклицаніями: *C'est une Kermesse! La société se renverse!* Очевидно, у Тѣна большой запасъ способности собирать факты по историческимъ документамъ и оцѣнивать ихъ. Какъ же онъ проявилъ эту способность, пользуясь и открыто восхищаясь—другими источниками? На первомъ мѣстѣ, по отзыву самого Тѣна, долженъ быть поставленъ Малуэ.

XXII.

Передъ нами человекъ, исполнившій обязанности интенданта, т. е. главнѣйшаго провинціального администратора при монархіи Людовика XVI, членъ національнаго собранія и сторонникъ реформъ въ духѣ умѣренной конституціи, потомъ членъ государственнаго совѣта при имперіи Наполеона. Всѣ эти метаморфозы, по крайней мѣрѣ, послѣдняя, не говорятъ объ особенно твердыхъ политическихъ принципахъ Теновскаго героя. Но для насъ важнѣе не столько Малуэ политикъ, сколько рассказчикъ и судья революціонныхъ событий. Въ этой роли онъ производитъ, несомнѣнно, выгодное впечатлѣніе скромностью и простотой своего повѣствованія. Онъ нигдѣ не стремится выдвинуть свою личность и нерѣдко его рѣчь исполнена даже искреннаго чувства самоотверженія: онъ умѣетъ отдать должное не только союзникамъ, но и дѣятелямъ противныхъ партій. И уже достаточно этого одного качества, чтобы Малуэ оказался на недостигаемой высотѣ сравнительно съ своимъ поклонникомъ. Онъ такъ говоритъ о своихъ мемуарахъ:

«Я не намѣренъ вести дневникъ генеральныхъ штатовъ. *Moniteur*, бумаги роялистовъ и якобинцевъ, если ихъ взаимно контролировать, лучшіе матерьялы для исторіи эпохи» ²⁾.

Малуэ, слѣдовательно, даже сообщенія якобинцевъ считаетъ необходимыми источниками для правильной хроники революціонныхъ

¹⁾ *Ib.* 96, 45, 53.

²⁾ *Mémoires I*, 309.

событій,—и ни слова не говорить о полицейскихъ и судебныхъ протоколахъ, т. е. совершенно далека отъ мысли превращать исторію въ уголовную хронику. Онъ будто даже предчувствовалъ появленіе историка, способнаго почти всѣхъ дѣателей революціи отождествить съ преступниками и безумцами. Преступленія, конечно, совершались въ разгаръ переворота, это участь всякой общественной и политической смуты, но Малуэ безусловно отдѣляетъ злодѣевъ отъ революціонеровъ, насилія отъ революціоннаго движенія, и остерегается смѣшивать фанатиковъ какой бы то ни было партіи съ разбойниками и грабителями ¹⁾, даже больше, отдѣляетъ личности отъ доктринъ, т. е. признаетъ въ высшей степени важный фактъ, подчеркнутый позже Токвилемъ: необычайно рѣшительныя и навязныя теоріи рядомъ съ благороднѣйшимъ энтузіазмомъ и идеализмомъ. Для Тэна всякій, исповѣдующій демократическія убѣжденія, «опасный бѣсноватый» и «якобинецъ» въ смыслѣ политическаго преступника; «умѣреннѣйшій и разсудительнѣйшій» свидѣтель революціи судить совершенно иначе и, признавая нравственныя достоинства даже за вождями народной партіи, Малуэ пишетъ: «слѣдуетъ остерегаться розыскивать виновныхъ между тѣми, которые сами себя не признаютъ таковыми,—напротивъ, слѣдуетъ считать невинными всѣхъ, кто желаетъ ими быть. Плодить разслѣдованія—значить длить чувства ненависти и мести, и если въ этой плачевной исторіи писатель возьметъ на себя распредѣлить всѣ роли, каждому приписать извѣстную долю преступленій и дурныхъ намѣреній,—пусть онъ не забудетъ удостовѣрить чистоту собственныхъ намѣреній и подлинность своихъ доказательствъ» ²⁾.

Любопытно бы знать, съ какимъ впечатлѣніемъ прочиталъ Тэнъ эту отповѣдь своего авторитета? Или, вѣрнѣе всего, онъ совсѣмъ не почувствовалъ силы разсужденій Малуэ, «поглощенный — absorbé—одной идеей»?

У Малуэ несравненно болѣе полная характеристика дѣателей революціи, чѣмъ у Тэна. Историкъ относительно аристократіи ограничивается комплиментами ея культурности, долготерпѣнію и сѣтованіями на ея беззащитность, и не говоритъ о положеніи двора во время смуты. Малуэ не находитъ словъ заклеймить совершенно противоположныя свойства высшихъ сословій и въ особенности безразсудную игру придворныхъ. Его выводъ будто рассчитанъ на полное уничтоженіе фантазій Тэна.

«Демократія и всѣ ея неистовства были порождены вызывающими притязаніями аристократіи». Она упорно стояла за старыя злоупотребленія и сторонилась отъ всѣхъ самыхъ умѣренныхъ реформаторовъ, людей сколько нибудь либеральныхъ и благоразумныхъ, даже Малуэ слытъ у нея «еретикомъ съ добрыми намѣрені-

¹⁾ *Mémoires* I, 281, 327, 332. 316, 324.

²⁾ *Id.* I. 327.

ями», вообще дѣлала все, чтобы у своихъ же друзей вызвать отчужденіе, а людей пылкихъ толкнуть во всевозможныя крайности ¹⁾. Малуэ свидѣтельствуетъ о фактѣ, совершенно опущенномъ у Тэна. Дворъ своимъ сопротивленіемъ какому бы то ни было преобразованіямъ ставилъ людей «честныхъ и просвѣщенныхъ» въ безвыходное положеніе — или раздѣлять кастовый фанатизмъ или прослыть измѣнникомъ. Эта дилемма заставила броситься въ объятія народной партіи людей отнюдь не демократическаго направленія, въ родѣ герцога Ларошфуко, архіепископа Вѣнскаго и «ученаго и добраго» Балли ²⁾.

Потомъ,—аристократія отнюдь не оставалась беззащитной. Дворъ безпрестанно грозилъ войсками, стягивая полки вокругъ Парижа и Версаля и приводилъ въ трепетъ національное собраніе, а парижанъ въ ярость. Малуэ картинно описываетъ эти настроенія и снова сообщаетъ любопытнѣйшее явленіе: умѣренные, подъ вліяніемъ упорства и угрозъ двора, пришли къ убѣжденію, что ихъ безопасность связана съ торжествомъ народной партіи и скрѣпя сердце взирали на разгулъ злобы запуганной и раздраженной толпы ³⁾. Малуэ, къ великому стыду нашего историка—психолога, глубоко проникаетъ въ психологію толпы, непрестанно находящейся подъ страхомъ быть раздавленной и уничтоженной, и вмѣсто Тэновскихъ ругательствъ, налагаетъ логическій ходъ событій. Для Тэна безусловно было *достойные и научные* просто изложить или переписать текстъ Малуэ, чѣмъ охотиться по участковымъ архивамъ за уличными скандалами. Малуэ рассказываетъ, какъ одно слово *контръ-революція* приводило въ ужасъ рѣшительно всѣхъ, кто сколько нибудь сознательно относился къ положенію вещей ⁴⁾.

Контръ-революція желала возвращенія ко всѣмъ бѣдствіямъ и неправдамъ стараго порядка. Это казалось безусловно невысказаннымъ такимъ людямъ, какъ Малуэ, и самому Тэну стоило бы только припомнить собственное изображеніе бурбонской монархіи, чтобы раздѣлить мнѣніе скромнаго интенданта. А между тѣмъ, дворъ выбралъ своимъ лозунгомъ *контръ-революцію* и, когда не удалась операція съ войсками, бросился въ эмиграцію. Тэнь ее считаетъ необходимой и разумной, а Малуэ выражается: «нелѣпная система эмиграціи» и совершенно правильно указываетъ, какъ не только «якобинцы», а вообще французская демократія воспылала національнымъ чувствомъ негодованія на *французовъ*, ставшихъ подъ знамена Пруссіи и Австріи *противъ своего отечества*. Отсюда безпримѣрный энтузіазмъ революціонныхъ войскъ ⁵⁾.

¹⁾ *Id.* I, 334, 285, 306, II, 188—9.

²⁾ *Id.* I, 324—5, 337.

³⁾ I, 352.

⁴⁾ II, 76.

⁵⁾ II, 78, 134.

Въ результатъ—по разсказу Малуэ политика привилегированныхъ производить несравненно болѣе отрицательное впечатлѣніе, чѣмъ поведеніе демократовъ.

Столь же рѣшительно и краснорѣчиве *Мемуары* Малуэ опровергаютъ навѣты историка на войско, національное собраніе. Тѣмъ договаривается до одной изъ самыхъ вопіющихъ несправедливостей, приписывая бездѣйствіе солдатъ противъ народа соблазнамъ публичныхъ женщинъ. Полицейскіе источники сообщили ему о нѣсколькихъ скандальныхъ сценахъ въ Палероялѣ, и онъ немедленно усмотрѣлъ повальное растлѣніе всей французской арміи, одинаково и парижской, и являвшейся изъ провинцій. Солдаты превращались въ *souteneurs* и благодаря этому могла свободно развиваться революція! ¹⁾. Можно бы счесть за галлюцинацію подобное представление, если бы авторъ съ такой увѣренностью цѣлую страну не обвинялъ въ томъ же недугѣ.

Въ дѣйствительности происходило совершенно другое. Войска не стрѣляли въ народъ, почему—объясняетъ самъ Тэнъ. Одна изъ его цитатъ гласитъ: «солдаты отвѣчали, что они скорѣе на все готовы, чѣмъ истребить такое большое количество своихъ *souffrants*». А это происходило при штурмѣ Бастиліи ²⁾. Въ другой разъ по сообщенію офиціального *Moniteur*'а гвардейцы кричали по улицамъ Парижа: «Да здравствуетъ *третье сословіе*! Мы солдаты *нации*» ³⁾. И опять нашему историку слѣдовало только справиться съ тѣми страницами, на которыхъ онъ самъ изображалъ раньше невѣроятно униженное и бѣдственное положеніе солдатъ при старой монархіи; у него даже существуетъ особое заглавіе: «вооруженная сила разлагается» и послѣ этой справки ему совершенно не пришлось бы прибѣгать къ сказкѣ о подвигахъ палерояльскихъ героинь ⁴⁾.

Такой теоріи, въ своемъ родѣ не уступающей якобинскому азарту, Малуэ не могъ, конечно, высказать. Онъ видѣлъ, что лишь незначительная часть войска сочувствуетъ бунтовщикамъ, а вся остальная армія стоитъ просто за революцію и демократію, и требовалъ отъ правительства не экзекуцій, а прежде всего политическаго плана реформъ и высшаго руководительства въ собраніи ⁵⁾. Тэнъ, для доказательства своей идеи вспоминаетъ, какъ удачно подавляли возстанія при старыхъ монархахъ, хотя тогда «больше голодали и страдали». Но вѣдь онъ самъ началъ свою книгу разговоромъ придворнаго съ Людовикомъ XVI. Король взятіе Бастиліи называлъ было «мятежомъ»,—придворный поправилъ: «Нѣтъ, это—*революція*»... И Тэнъ здѣсь же немедленно припоминаетъ блаженные вре-

¹⁾ *La Rév.* I, 129.

²⁾ *Ib.* I, 57, чет.

³⁾ *Maluet.* I, 239, чет.

⁴⁾ *L'ancien Régime* русск. изд. 509.

⁵⁾ I, 290, 282.

мена драгонадъ и жакерій. Это значить—вмѣстѣ со смысломъ утратить даже историческую память.

Не менѣе поучительныхъ уроковъ могъ бы дать Тѣну «разсудительнѣйшій членъ» Національнаго Собранія и на счетъ этого самаго собранія, столь униженнаго историкомъ. Вмѣсто стада теоретиковъ, оперныхъ патріотовъ, актеровъ райка—отъ Малуэ мы слышимъ: «никогда ни одно собраніе не соединяло столь большаго количества замѣчательныхъ людей»; «независимо отъ тѣхъ, которые выказали себя на трибунѣ, въ обѣихъ партіяхъ (т. е. умѣренной и народной) было множество просвѣщенныхъ и трудолюбивыхъ депутатовъ; они говорили только въ комитетахъ и здѣсь въ разнаго рода дѣлахъ обнаруживали основательныя свѣдѣнія». Въ народной партіи Малуэ видитъ «блескъ талантовъ, происхожденія, богатства, извѣстности и даже добродѣтели» Малуэ рассказываетъ, что «слишкомъ рано и открыто отдѣлился отъ народной партіи» и сознается въ своемъ роковомъ заблужденіи,—онъ среди крайнихъ видѣлъ мятежниковъ, какихъ тамъ въ дѣйствительности не было, по крайней мѣрѣ въ количествѣ, стоющемъ вниманія ¹⁾. Вообще весь рассказъ Малуэ и здѣсь клонится къ упрекамъ по адресу правой, оттолкнувшей Мирабо, уклонявшейся отъ голосованія, пробавлявшейся угрозами и жившей по принципу: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Тѣнъ, въ конецъ унизивши національное собраніе, высказалъ самую невѣроятную мысль, какая только могла придти въ голову историку революціи. По мнѣнію Тѣна, генеральныя штаты слѣдовало составить изъ представителей *администраціи*—военной, гражданской и духовной, т. е. попытаться реформировать старый порядокъ съ помощью именно тѣхъ господъ, противъ которыхъ была направлена всякая реформа ²⁾. Малуэ и здѣсь ясно и сильно поражаетъ тѣновскую галлюцинацію. Онъ—интендантъ и въ этомъ его великое несчастіе. «Если бы я не былъ на службѣ у правительства, если бы у меня не было открытыхъ связей съ дворомъ, если бы я явился въ генеральныя штаты независимымъ собственникомъ,—мнѣ кажется, я тогда могъ бы быть полезенъ». При такихъ же условіяхъ, продолжаетъ Малуэ, онъ не въ силахъ былъ побѣдить предубѣжденія народа и своихъ товарищей ³⁾. А Тѣнъ фантазируетъ о великой пользѣ чиновниковъ депутатовъ, ссылаясь именно на примѣръ Малуэ... Можно ли представить болѣе отважный произволъ въ фактахъ и болѣе тенденціозную путаницу въ идеяхъ!

Но, послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній, вы въ правѣ спросить, чѣмъ же тогда пользуется Тѣнъ въ Мемуарахъ? Малуэ, столь высоко ставя его разсудительность?

¹⁾ I, 297, 306, 335.

²⁾ *La Rev.* I, 154.

³⁾ *Mém.* II, 32—3.

XXIII.

Мы не имѣемъ возможности разбирать всѣ ссылки Тэна на Малуэ, мы возьмемъ лишь важнѣйшія, дающія историку право рѣшать въ извѣстномъ смыслѣ одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ революціоннаго движенія, — именно относительно самостоятельности дебатовъ и рѣшеній національнаго собранія. По представленію Тэна, — Собраніе съ самаго начала подпало подъ власть галлерей и установился союзъ «опасныхъ бѣсноватыхъ» съ «опасными скотами». Подъ давленіемъ галлерей, между прочимъ, произошло превращеніе третьяго сословія въ Національное собраніе. Для доказательства Тэнъ рассказываетъ эпизодъ. Едва лишь Малуэ предложилъ удостовѣрить счетомъ голосовъ рѣшеніе представителей третьяго сословія, «какой то человекъ бросается съ галлерей на Малуэ, хватаетъ его за горло и кричитъ: «замолчи, дурной гражданинъ!» Малуэ немедленно освободили, но «ужасъ распространился по залѣ» — и большинство на слѣдующій день рѣшило вопросъ утвердительно ¹⁾.

Обратимся къ Малуэ. Эпизодъ, получившій такое исключительное значеніе у Тэна, затрогивается въ *Мемуарахъ* три раза. Одинъ разъ Малуэ, рассказывая о вотумѣ собранія, — ни однимъ словомъ ни обмолвливается на счетъ приключенія съ нимъ, съ Малуэ. Въ другой разъ, въ письмѣ къ избирателямъ, т. е. въ официальномъ документѣ, Малуэ повѣствуетъ, что онъ слышалъ съ галлерей крики по адресу «нашъ», т. е. вообще умѣренныхъ: «замолчите, дурные граждане», и двое изъ публики спустились въ залу, схватили за горло одного депутата, но онъ — Малуэ позвалъ стражу, приказалъ арестовать насильниковъ, — они успѣли исчезнуть. Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ Малуэ передаетъ эпизодъ, какъ онъ заимствованъ Тэномъ, съ одной весьма характерной разницей: незнакомецъ у Малуэ «très bien vêtu» — очень хорошо одѣтъ, — нашъ точный историкъ эти слова выбрасываетъ въ своей цитатѣ, конечно, изъ страха, чтобы мы не заподозрѣли какого нибудь джентльмена, вообще «почтеннаго человѣка» въ протестѣ противъ Малуэ ²⁾.

Можно-ли, при такомъ положеніи факта, считать его безусловно достовѣрнымъ и на основаніи его объяснять одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи революціи? Тэнъ, повидимому, самъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе: фанатикъ цитатъ, — онъ въ данномъ случаѣ не указываетъ, гдѣ въ *мемуарахъ* Малуэ онъ нашелъ свое происшествіе и, конечно, ни звукомъ не намекаетъ, въ какомъ видѣ событіе является въ источникѣ. Историкъ нужно было

¹⁾ *La Rév.* I, 47.

²⁾ *Mém.* I, 818, 353, 421.

одно слово—*la terreur*,—и онъ схватился за цитату, предварительно даже искаживъ ее.

Наконецъ, Малуэ совершенно ясно рѣшаетъ вопросъ о вліяніи публики на депутатовъ. Оно «начало подниматься» со смерти Мирабо, т. е. съ *апрѣля 1791 года* ¹⁾. А до тѣхъ поръ великій ораторъ съ трибуны издѣвался надъ страхами предъ Палероялемъ и осмѣивалъ рѣшенія и настроенія этого, по мнѣнію Тѣны, очага революціи. Тѣнь взглядъ Мирабо на Палерояля и, слѣдовательно, на галлерей могъ прочесть въ собственныхъ рѣчахъ Мирабо, произнесенныхъ въ самые горячіе моменты дѣятельности собранія ²⁾. У того же Мирабо Тѣнь могъ познакомиться съ многочисленными причинами, вызвавшими превращеніе третьяго сословія въ національное собраніе ³⁾. Эти причины съ удивительнымъ единодушіемъ высказаны тѣмъ же Малуэ и президентомъ третьяго сословія Балли. Мирабо указываетъ дилемму—или «политическая бездѣятельность» штатовъ или «самоконституированіе» (*se constituer*) третьяго сословія независимо отъ первыхъ двухъ, такъ какъ тѣ упорнымъ отказомъ соединиться съ третьимъ парализовали всякое дѣйствительное значеніе созыва генеральныхъ штатовъ. Это признаетъ и Малуэ: разъ не былъ рѣшенъ вопросъ о голосованіи поголовно,—«генеральные штаты были парализованы съ самаго начала». А противъ положительнаго рѣшенія вопроса стояли первыя сословія, слѣдовательно и здѣсь претензіи аристократіи были первоисточникомъ крайней революціонной мѣры ⁴⁾. Балли свой очень подробный рассказъ о событіи начинаетъ словами *Nous mettre en activité*, и здѣсь же поясняетъ ихъ значеніе—*se constituer en assemblée séparée* ⁵⁾. Первыя два сословія именно и рассчитывали взорвать генеральные штаты, настаивая на посословномъ голосованіи. Очевидно, старый порядокъ при такомъ оборотѣ вещей былъ заранѣе гарантированъ двумя голосами противъ одного.

Самый фактъ совершился въ дѣйствительности далеко не такъ, какъ его изобразилъ Тѣнь. Предъ нами свидѣтельства очевидцевъ, и одинъ изъ нихъ—весьма часто призываемый въ свидѣтели Тѣномъ и, слѣдовательно, совсѣмъ не другъ народной партіи, прямо утверждаетъ, что во время окончательныхъ преній «галлереймъ приказано было безусловное молчаніе. Это былъ смотръ двухъ партій» ⁶⁾. Другой очевидецъ—главный герой событія, Балли. Его

¹⁾ *Тб.* II, 25.

²⁾ Напримѣръ, рѣчь въ защиту Неккеровскаго проекта единовременнаго чрезвычайнаго налога, въ размѣрѣ четвертой части съ доходовъ (сентябрь, 1789 года). *Mirabeau peint par lui même. Recueil des discours*. Paris, 1791, I, 408.

³⁾ Рѣчи въ іюнѣ 1789 г. *Тб.* 36 etc.

⁴⁾ *Mém.* I, 290.

⁵⁾ *Mémoires de Bailly*. Paris, 1821, I, 138.

⁶⁾ Dumont. *Souvenirs*. 74. Этотъ Дюмонъ цитируется Тѣномъ такъ, гдѣ изображается ненависть народа къ «аристократамъ». Но по поводу разбѣгаемаго вопроса Дюмонъ опускается. Ср. I, 45—6.

мемуары Тэнъ признаетъ, повидимому, вполне удовлетворительнымъ источникомъ,—по крайней мѣрѣ не подвергаетъ критикѣ ихъ достовѣрность. Правда, онъ не выдаетъ похвального листа ихъ автору, и стоитъ прочесть нѣсколько страницъ у Балли, чтобы понять причину.

Балли—въ высшей степени искренній и честный рассказчикъ, высоко уважаемый дѣятель не только въ средѣ третьяго сословія, но и первыхъ двухъ. Его рассказъ ярко отражаетъ именно тотъ энтузіазмъ и великодушіе, которые Токвиль ставитъ во главѣ революціоннаго движенія. Читая простое по формѣ и задушевное по тону повѣствованіе Балли, мы будто присутствуемъ среди преобразователей-романтиковъ и политиковъ-пророковъ. Тэнъ въ ихъ рѣчахъ видитъ одну глупость и лицедейство, — Балли безпрестанно умилается предъ благороднѣйшими порывами своихъ товарищей и нѣкоторые моменты онъ хотѣлъ бы увѣковѣчить золотыми буквами ¹⁾).

Очевидно, Тэну приходится съ показаніями подобнаго свидѣтеля производить еще болѣе рѣшительныя операціи, чѣмъ съ другими. Балли, напримѣръ, исторію возникновенія національнаго собранія рассказываетъ, по крайней мѣрѣ, на сорока страницахъ,—у Тэна все ограничивается нѣсколькими строками. У Балли длинный рядъ засѣданій, подробнѣйшихъ и всестороннихъ обсужденій вопроса,—въ особенности касательно самаго термина,—у Тэна все дѣло кончается однимъ эпизодомъ. Балли, приводя окончательное рѣшеніе, заявляетъ: *rien de plus méthodique*, такъ какъ третье сословіе въ вотумѣ указало причину пятинедѣльнаго бездѣйствія генеральныхъ штатовъ и нашло себя вынужденнымъ организовать ²⁾). У Тэна вмѣсто логики фактовъ—простой скандалъ.

И оказывается, объ организаціи хлопотали преимущественно провинціалы. Малоу сообщаетъ, что они были изумлены рѣшительностью парижскихъ депутатовъ голосовать противъ аристократіи и двора. «Парижъ почти цѣликомъ зависѣлъ отъ двора или жилъ злоупотребленіями», говоритъ Балли, и провинціальные депутаты долго сохраняли предубѣжденіе противъ парижанъ и версальцевъ, не ожидали отъ нихъ энергіи и искренности въ уничтоженіи старыхъ золъ. И самъ Балли не рассчитывалъ особенно на парижанъ, зная ихъ «дѣйствительный интересъ» въ существующемъ порядкѣ вещей. Но на дѣлѣ вышло иначе, и Балли приписываетъ это «любви къ свободѣ и мужеству» Парижа ³⁾. Картина получается совершенно обратная той, какую нарисовалъ Тэнъ.

Чтобы достигнуть требуемыхъ результатовъ, историку пришлось извратить или прямо изуродовать сообщенія Балли.

Онъ, напримѣръ, для доказательства все той же власти черни

¹⁾ Bailly. I. 203.

²⁾ Ib. 158.

³⁾ Ib. 150—1.

надъ собраніемъ рассказываетъ два эпизода, осторожно умалчивая объ источникѣ для одного изъ нихъ, т. е. ни на кого не ссылаясь. Одинъ эпизодъ—угроза депутату съечь его домъ за недемократическое голосованіе. Другой—отказъ нѣкоего Martin d'Auch отъ общей клятвы во время знаменитаго собранія въ Мянчонъ залѣ: въ результатѣ онъ долженъ былъ тайнымъ ходомъ скрыться отъ народной ярости и въ теченіи нѣсколькихъ дней не являлся въ собраніе ¹⁾).

Оба факта приведены у Балли,—но сравните рассказъ Тэна и дѣйствующаго лица, вы увидите, что значить писать исторію по способу «натуралиста». Балли горько сътуетъ, что подобныя угрозы «бездѣлать революцію» и заявляетъ, что онѣ почти никогда не приводились въ исполненіе. И на этотъ разъ такъ дѣйствительно и случилось. Тэнь, слѣдовательно, словамъ, брошеннымъ на вѣтеръ, придавъ значеніе совершившагося факта. Еще больше искажена исторія съ Martin d'Auch. Онъ отказался противъ *всего* собранія принести клятву. Независимо отъ толпы отказъ возмущилъ *депутатовъ*; ярость овладѣла *большинствомъ*. Балли напелъ «общее недовольство» и «негодование» «вполнѣ законными» и подвергъ «оппонента» строгому внушенію. Депутатъ остался при своемъ мнѣніи, но на слѣдующій же день «несчастный» попросилъ у Балли свиданія и растрогалъ его своимъ горемъ. Martin d'Auch былъ въ отчаяніи, что онъ «оказалъ формальное неуваженіе собранію» и что могутъ заподозрѣть его патріотизмъ и искренность. Онъ не могъ измѣнить свой взглядъ, и потому не зналъ, имѣетъ ли онъ право являться на засѣданія. Балли успокоилъ его, объяснилъ, что онъ никоимъ образомъ не могъ утратить свое званіе представителя націи, но посовѣтывалъ ему въ теченіи нѣсколькихъ дней не являться въ собраніе, пока не улягутся умы, а онъ—Балли—между тѣмъ походатайствуетъ за него предъ собраніемъ и устроить ему «возвращеніе легкое и мирное». Такъ дѣло и кончилось спустя дней пять или шесть ²⁾).

Балли ничего не говоритъ о ярости толпы, но если эта ярость и была, — дальнѣйшій ходъ исторіи бросаетъ совершенно другой свѣтъ на событіе и его героя, чѣмъ у Тэна. Также разрѣшается у Балли и вопросъ о галлерейхъ собранія.. У Тэна, повидимому, были всѣ основанія—вмѣсто скандальной хроники обратиться за свѣдѣніями къ президенту представителей Франціи. Балли понимаетъ неудобство многочисленной публики изъ народа въ законодательной залѣ: «гдѣ много народу, тамъ онъ господинъ». Но устранить его не было никакой возможности: слишкомъ былъ возбужденъ всеобщій интересъ къ собранію и, кромѣ того, само собраніе, по словамъ Балли, нуждалось въ опорѣ и одобреніи извнѣ. Въ со-

¹⁾ *La Rev.* I, 47—8.

²⁾ Bailly, 180, 190—5.

брани было много нерѣшительныхъ, боязливыхъ, новичковъ на политическомъ поприщѣ: такимъ необходимо одобрѣніе, воодушевленіе, нравственная электризація. И публика выполняла это назначеніе до такой степени цѣлесообразно, что національное собраніе просило короля удалить отъ зданія военный караулъ и открыть свободный доступъ зрителямъ. Балли отмѣчаетъ тѣ дни, когда Парижъ заявлялъ особенно горячее сочувствіе собранію, оказывалъ ему «поддержку и покровительство» ¹⁾).

Съ современной точки зрѣнія эти факты и соображенія можно подвергать какому угодно суду, но мы должны опѣивать историческія явленія въ ихъ *среде* и въ ихъ *моментъ*, т. е. точно представлять ихъ внѣшнюю обстановку и психологію дѣйствующихъ лицъ. Тэнъ гордится мнимымъ открытіемъ этихъ тайнъ, почему же онъ забылъ при самомъ удобномъ случаѣ примѣнить ихъ?

И замѣчательно, у *всѣхъ* тэновскихъ излюбленныхъ очевидцевъ революціи выполняется эта задача въ большей или меньшей степени, — отсутствуетъ она только у новѣйшаго историка. Изобразивъ *внѣшнюю картину* революціи въ видѣ большого скандала, дикаго буйства сумасшедшихъ, Тэнъ совершенно опустилъ революціонное законодательство, *внутреннюю сторону* движенія, ограничился бранными крѣпкими словами и глухимъ замѣчаніемъ на счетъ «добрыхъ сѣмянъ» нѣсколькихъ частныхъ постановленій учредительнаго собранія ²⁾. Другими словами—громадная работа, положившая основы новой Франціи и во многихъ отношеніяхъ новой Европы,—для Тэна не существуетъ. Онъ предпочитаетъ остановиться на вопросахъ, по его мнѣнію, очень удобныхъ для глубочайшаго униженія «стада теоретиковъ».

Самое теоретическое произведеніе революціи, несомнѣнно *декларация правъ*, на нее Тэнъ обрушиваетъ всю тяжесть своего натуралистическаго стиля и снова оказывается въ полномъ разногласіи съ своими авторитетами.

Прежде всего, *декларацию правъ* предложилъ Мунье—*умпретный* и объяснилъ мотивы. Французамъ не на чѣмъ было построить конституцію, нельзя было отыскать никакихъ принциповъ свободы и равноправности въ старой монархіи и въ феодализмѣ, оставалось прибѣгнуть къ *отвлеченнымъ идеаламъ*. Балли раздѣляетъ взглядъ Мунье, какъ и весь комитетъ, выработывавшій конституцію. Но этого мало. Малледюпанъ—избранникъ Тэна, фанатикъ золотой середины, типичный буржуа, хотя и швейцарецъ, доктринеръ и педаантъ, снабдившій Тэна большою частью бранныхъ выраженій противъ дѣателей революціи, этотъ самый Малледюпанъ извиняетъ, если не оправдываетъ *декларацию*. Онъ раньше Тэна обозвалъ революцію «яростью и безсмысліемъ», «безсмысліемъ и невѣжествомъ», посмѣ-

¹⁾ *Ib.* 225—6, 234—5, 248.

²⁾ *La Rev.* I, 277.

ялся надъ читателями брошюръ—преобразователями вселенной, надъ «бѣсноватыми», «бѣшенными теоретиками», «жонглерами», указалъ на «оперную республиканскую болтовню», и «неистовство варваровъ», изобразилъ Палероаль—центромъ заговора, разврата и въ то же время революціоннаго движенія, выдвинулъ на первый планъ роль падшихъ женщинъ, вообще предвосхитилъ цѣликомъ и словарь Тѣна и сцены его исторіи. Нашему автору рѣшительно ничего не приходилось живописать собственными усиліями, оставалось только перефразировать газетныя статьи и письма роялистскаго публициста. Даже общая характеристика революціи, какъ нарушенія правъ личности и собственности, безпрестанно повторяется у Малледюпанъ и удивительно, какъ всѣ критики историческихъ трудовъ Тѣна могли просмотрѣть настолько тѣсную связь его разсказа и даже лирическихъ отступленій съ твореніями «разсудительнѣйшаго свидѣтеля» революціи, что большинство самыхъ сильныхъ страницъ въ книгѣ Тѣна превращается въ простую компиляцію и перефразировку ¹⁾.

Но Тѣнь компиляторъ себѣ на умѣ и мы уже знаемъ, онъ беретъ изъ источниковъ только *нужная вещи*, все остальное замалчиваетъ съ самой легкой совѣстью. Такъ и съ Малледюпаномъ. Правда, для этого политика—все «резюме революціи» въ одномъ фактѣ: «недвижимая собственность дворянина въ рукахъ лакея законодателя» и такое заключеніе составляется, какъ и у Тѣна, на основаніи эпизода ²⁾. Но тотъ же Малледюпанъ даетъ истинно-трагическую характеристику *роялистовъ* и *собственникововъ*, не щадитъ и по ихъ адресу своихъ обычныхъ эпитетовъ. Онъ не скрываетъ эгоизма, политической бездарности, алчности, дѣтскаго неразумія привилегированныхъ и подвергаетъ самому рѣзкому порицанію слѣпое упорство первыхъ словесій, уклонявшихся отъ всякаго примиренія съ народной партіей и увидѣвшихъ средство спасенія въ эмиграціи и въ иностранномъ вмѣшательствѣ ³⁾. Здѣсь Малледюпанъ единодушенъ съ Малузъ, Мунье, Балли и Мирабо, т. е. всѣми авторитетами Тѣна ⁴⁾. Потомъ,—что особенно важно, Малледюпанъ, какъ и всѣ современники революціи, строго различаетъ эпохи въ революціонномъ движеніи, сравниваетъ его съ каскадомъ воды, падающимъ все ниже—вплоть до власти черни, и первую революцію, т. е. революцію генеральныхъ штатовъ» авторъ считаетъ «революціей, совершенной для всей націи, кромѣ короля», даже «революція 14-го іюля», по его мнѣнію, революція для «всей націи» за исключеніемъ первыхъ двухъ сословій ⁵⁾. И Малледюпанъ очень наивно

¹⁾ *Considérations sur la nature de la révol. en France.* Londres 1793. Avant-propos VII, V. 1. 3, 9, 10, 11, 30, *Correspondance politique pour servir à l'histoire du republicanisme français.* Hambourg 1796. Avant-propos, VII, *Introd.* XXX, XXV, LV, 11—13. 23.

²⁾ *Correspondance*, 25.

³⁾ *Considerations*, 21.

⁴⁾ Mounier. *De l'influence attribuée aux philosophes.* 99, 100—101.

⁵⁾ *Mémoires et correspondance.* Paris 1851, I, 597—8.

сознается, что крѣпкими словами онъ въ сущности изобразилъ революцію, какъ «ее *понимаю маратисты*»¹⁾. А Тэнъ только этой «революціей маратистовъ» и ограничился.

Очевидно, Малледюпанъ не могъ отнестись къ конституціи учредительнаго собранія съ безпощадностью Тэна. По поводу *декларации правъ* публицистъ припомнилъ, что къ такого рода «абстракціямъ» прибѣгали всюду, гдѣ приходилось создавать основы новаго политическаго и общественнаго строя. Такъ поступили англичане въ концѣ 1688 г., хотя въ ихъ исторіи существовали идеи и факты конституціонной свободы. Сотни парламентскихъ рѣчей и брошюръ обсуждали эти «метафизическіе принципы». Малледюпанъ даже называетъ книгу, цѣлкомъ предвосхитившую *общественный договоръ* Руссо. Правда, англичане не публиковали *деклараций*, какъ законодательнаго документа, но вѣдь они въ сущности только *возстановили* свободу. За то американцы прошли путь законодательной метафизики²⁾.

Тэнъ одновременно съ военнымъ натискомъ на революцію и превращеніемъ генеральныхъ штатовъ въ административную канцелярію рекомендуетъ еще одно столь же опасительное средство: національное собраніе должно было спросить совѣта у «кормчихъ и профессиональныхъ кораблестроителей», т. е. у иностранцевъ, англичанъ и американцевъ, жившихъ въ Парижѣ во время революціи³⁾. И Тэнъ приводитъ отзывы этихъ иностранцевъ о французскихъ дѣлахъ. Изъ отзывовъ видно только, что и американскій министръ, и англійскій путешественникъ судили Францію съ своихъ *национальныхъ* точекъ зрѣнія и надѣялись видѣть легкое осуществленіе основныхъ конституціонныхъ законовъ, въ родѣ—*habeas-corpus*, суда присяжныхъ, свободы совѣсти, печати—и настаивали на участіи высшей знати въ подобныхъ реформахъ. Это значило совершенно не понимать и даже не видѣть событий и людей. Такъ думать было естественно иностранцамъ XVIII-го вѣка, но совершенно непростительно современному *французскому* историку, въ слѣдъ за *англичаниномъ* Юнгомъ,—погружаться въ разсужденія на счетъ политическаго генія и законодательной дѣятельности аристократіи. Вѣдь онъ же самъ представилъ самую удручающую картину стараго французскаго дворянства, отвергъ у аристократовъ всякое понятіе «объ архитектурѣ и устройствѣ зданія», т. е. государства, даже способность осваиваться съ дѣйствительностью, и именно рядомъ съ англійской знатью Тэнъ произнесъ смертный приговоръ французской⁴⁾.

А теперь мы читаемъ длинныя разсужденія о томъ же дворян-

¹⁾ Курсивъ автора. *Considerations*, 89.

²⁾ *Mémoires*, I, 176—7.

³⁾ *La Rév.* I, 156—7.

⁴⁾ *Старый порядокъ*. 86—7, 92, 226—7.

ствѣ, какъ единственномъ надежномъ рассадникѣ государственныхъ дѣятелей. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ характеризовалъ англійскихъ политиковъ благороднаго происхожденія и отдѣлялъ ихъ цѣлой пропастью отъ французскаго дворянства, а теперь онъ во всей неприкосновенности эту характеристику переноситъ на французскую почву ¹⁾. И заговаривается нашъ историкъ до такой степени, что въ примѣръ *аристократической* талантливости въ политикѣ приводитъ Питта, Каннинга, Пилля,—а они-то именно и не принадлежали къ привилегированному классу, столь краснорѣчиво изображенному у историка ²⁾. Но самое странное, конечно, совершенно неожиданная роль столь горячаго защитника *расы* и *среды*. Превращеніе французовъ въ англичанъ у Тѣна, несомнѣнно, болѣе фантастическая теорія, чѣмъ «отвлеченный человѣкъ» у Руссо и національнаго собранія. И Тѣнъ снова по научности и серьезности идей становится ниже своего учителя изъ прошлаго вѣка—Кондильяка, преподававшего самыя трезвыя и положительные уроки насчетъ основныхъ законодательныхъ реформъ ³⁾.

Мы ограничимся этими замѣчаніями о революціонной исторіи Тѣна. Въ сущности эта исторія для полной оцѣнки требовала бы столь же обширной по объему работы, какой она представляетъ у Тѣна. Систематически «уродуя дѣйствительность», Тѣнъ свой процессъ довелъ до геркулесовыхъ столбовъ именно въ историческихъ трудахъ. И совершенно естественно. Въ философіи и въ критикѣ онъ находился преимущественно подъ влияніемъ отвлеченной *маніи системъ*, а въ исторіи къ этой маніи присоединилась еще *консультація врача*, стремленіе преподавать извѣстный практическій урокъ. И заранѣе можно было ожидать, какая участь предстояла историческимъ фактамъ въ передѣлкѣ ума безусловно ненаучнаго по своей природѣ и, кромѣ того, еще загипнотизированнаго опредѣленнымъ политическимъ идеаломъ. Потому что этотъ идеалъ у Тѣна былъ съ самаго начала, когда онъ еще взялся за *старый порядокъ*, и если онъ окончательно не извратилъ также и этой эпохи, то исключительно благодаря Токвилю. Въ исторіи революціи его ненависть къ демократіи и особенно страхъ предъ нею разыгрались на полной свободѣ,—и воплотивъ логически его сужденія совпали съ идеями крайнихъ реакціонеровъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Въ результатъ онъ только осуществилъ предсказаніе энергичнѣйшаго изъ этихъ друзей погибшаго строя, графа Деместра.

«Наши современники», писалъ графъ, «пусть вѣрятъ или не вѣрятъ, но потомство рѣшить слѣдующее: безразсуднѣйшими изъ людей были тѣ, кто собрались вокругъ стола и сказали: «мы отни-

¹⁾ *Notes sur l'Angleterre*. 208, 217; 194—6. Тоже относительно и американскихъ порядковъ, невысказанныхъ во Франціи—220.

²⁾ *La Rev.* I, 188—191.

³⁾ *Traité des systèmes*, chap. XV.

мемъ у французскаго народа его древній государственный строй и дадимъ ему другой» (все равно какой—неважно). Пальма первенства въ преступленіи принадлежитъ якобинцамъ, но потомство единодушно обвинить учредительное собраніе въ безуміи»¹⁾.

Тэнъ прошелъ этотъ путь съ буквальной точностью и, уничтоживъ учредителей, онъ съ яростью обрушился на якобинцевъ, несомнѣнно самыхъ прямолинейныхъ теоретиковъ среди всѣхъ дѣятелей революціи²⁾.

Правда, когда англійскій историкъ Карлейль напалъ на французскихъ революціонеровъ, уличалъ ихъ въ «канибализмъ», въ проявленіи «всей демонической природы человѣка», т. е. готовилъ для Тэна нѣкоторыя крѣпкія слова,—другой историкъ отвѣчалъ ему:

«Но не забывайте рядомъ со зломъ добра, и вмѣстѣ съ пороками отмѣйте и доблести! Эти скептики вѣровали въ логическую истину и только ее признавали своей повелительницей. Эти логики основали общество на одной лишь справедливости и скорѣе рисковали своей жизнью, чѣмъ отказывались отъ установленной теоріи. Эти эпикурейцы обнимали своимъ сочувствіемъ все человечество. Эти бѣшеные, эти рабочіе, эти Жаки безъ хлѣба, безъ одежды, дрались на границахъ отечества за интересы гуманности и отвлеченные принципы. Благородство и энтузіазмъ здѣсь были въ такомъ же изобиліи, какъ и у васъ, и вы признайте ихъ въ другой формѣ, чѣмъ ваша. Французскіе революціонеры были преданы отвлеченной истинѣ такъ же, какъ ваши пуритане божественной; они слѣдовали философін, какъ ваши пуритане—религін; они стремились къ всемірному спасенію такъ же, какъ ваши пуритане къ личному. Они поражали зло въ обществѣ, какъ ваши пуритане—въ душѣ. Они были благородны настолько же, насколько тѣ добродѣтельны. Они также обладали героизмомъ, но исполненнымъ любви къ людямъ и къ обществу, готовымъ на пропаганду, и этотъ героизмъ преобразовалъ Европу въ то время, какъ вашъ сослуживъ службу только вамъ».

Не правда-ли, краснорѣчиво? — и такъ писалъ когда-то Тэнъ! ³⁾...

¹⁾ *Etude sur la Souveraineté. Livre I, chap. VIII.*

²⁾ Тэнъ даетъ множество характеристикъ якобинства, необычайно разнообразныхъ и часто непримиримыхъ: здѣсь и юности-идеалисты, и неудачники, желающіе «быть чѣмъ нибудь», и шарлатаны, и фанатики формулъ равнодушные къ фактамъ, чистые догматики, энтузіасты, вѣрующіе въ признательность потомства... Однимъ словомъ, порода якобинцевъ до такой степени, очевидно, обширна, что къ ней можно приписать двухъ совершенно противоположныхъ героевъ—шиллеровскаго маркиза Пова и самого Тэна съ его фанатизмомъ формулъ и пренебреженіемъ къ фактической истинѣ. *La Rév.* II, 1—70.

³⁾ *L'idéalisme anglais. Etude sur Carlyle. Paris. 1844, 164—8.*

Теперь эти времена прошли безвозвратно,—и историкъ съ свойственной ему отвагой вернется вспать—гораздо дальше всѣхъ своихъ авторовъ—прямо къ Людовику XIV. Такимъ идеаломъ и закончится жизнь и дѣятельность философа, критика и ученаго.

XXIV.

Послѣднія части тѣновекаго труда—*возстановленіе стараго порядка*. Журналъ Литтре, давая отчетъ о первомъ томѣ революціонной исторіи Тѣна, смѣялся надъ его научными претензіями, надъ его манерой ставить тезисы во главѣ своего повѣствованія, находилъ, что въ сочиненіи нѣтъ *достоинства по формѣ и справедливости по существу* и заканчивалъ остроумнымъ сравненіемъ раздраженнаго историка съ ребенкомъ. Послѣ бури сидитъ этотъ ребенокъ на берегу моря, спокойнаго и яснаго, и изо всѣхъ силъ яростно бьетъ рученкой по волнамъ, бросаетъ камни въ воду, рассчитывая наказать море за вчерашнюю бурю...

«Я улынулся», говоритъ авторъ статьи, «и та же самая улыбка явилась на мои уста, когда я закрылъ книгу Тѣна» ¹⁾.

Но авторъ врядъ-ли правъ съ своей улыбкой. По нынѣшнимъ временамъ Тѣнь—своего рода сила. Въ настоящую минуту предъ нами лежитъ новѣйшая книга профессора философіи въ неаполитанскомъ университетѣ, и Тѣнь здѣсь является въ роли учителя, «разнообразнаго», «плодовитѣйшаго», «могучаго» ума, достойнаго продолжительной славы независимо отъ какихъ бы то ни было мнѣній и системъ. Итальянскій профессоръ, конечно, знаетъ не мало изъяновъ въ трудахъ Тѣна: ужъ очень они бросаются въ глаза. Но ему и на умъ не приходитъ, что онъ имѣетъ дѣло въ сущности съ компиляторомъ въ философіи, который приѣмами мысли XVIII-го вѣка воспользовался ради стремленій, прямо противоположныхъ идеаламъ прошлаго, съ фанатикомъ-прозелитомъ въ критикѣ, доведшимъ предшествовавшія и современные ему идеи до нелѣпости, и съ памфлетистомъ въ исторіи, который позволялъ себѣ свою якобы историческую работу превратить въ личное изліяніе пессимистическихъ построеній въ области культуры и нравственности и реакціонныхъ страховъ и возжелѣній въ области политики. Всѣ самостоятельныя заслуги Тѣна ограничиваются *формой* его произведеній, но и она, сообразно съ математическимъ методомъ, на каждомъ шагѣ становится утомительно однообразной и педантичной ²⁾. А потомъ, одинъ изъ старыхъ авторитетовъ Тѣна

¹⁾ *La philos. positive*. 1878, Tome XXI, авторъ Hipp. Stupuy.

²⁾ Эти свойства тѣновскаго стиля вызвали забавную игру словъ у критика Бабу, предложившаго слова *monotone* и *monotonie* замѣнить выраженіями *monotaine* и *monotainie*, все равно какъ Вольтеръ вмѣсто *galimathias* употреблялъ *galithomas*.

совершенно справедливо спрашивалъ: «что значить литературный талантъ безъ усердія къ истинѣ?» ¹⁾).

А какое же усердіе къ истинѣ у человѣка, возвышающаго въ концѣ своихъ дней развѣчанное раньше путемъ слѣдующихъ соображеній:

При старомъ порядкѣ процвѣтало страшное мотовство, одни переѣзды двора стоили громаднхъ суммъ, придворные свои издержки возвращали почти въ двойномъ количествѣ. Но,—указываетъ Тэнъ,—прокормленіе парижской черни стоило также очень дорого при революціи. Потомъ, старое неравенство достаточно извѣстно, одни питались по цѣлымъ мѣсяцамъ травой, а другіе получали отъ короля миллионныя подарки на картежную игру. Но и при революціи — говорить историкъ — среди черни одни получали больше порцій, чѣмъ другіе: «слѣдовательно неравенство существовало».

Дальше столь же остроумно защищаются самыя вопіющія злоупотребленія доброй старины,—неравенство состояній, общественнаго положенія, недоступность высшихъ административныхъ и военныхъ мѣстъ для непривилегированныхъ, даже наследственность и, слѣдовательно, продажность должностей. Всякій зналъ свое мѣсто, не было карьеризма и соревнованія, «жизнь, ограниченная и заключенная въ извѣстномъ кругѣ, была пріятнѣе», французы веселѣе «пользовались удовольствіями и забавляли другихъ безъ задней мысли», — *chansons* процвѣтали. А если кому было тѣсно, напримѣръ если кто «не могъ вполне развернуть свои высшія способности», — тотъ могъ выселиться изъ Франціи въ Индію, Америку, въ Россію, превратиться въ авантюриста, флибустьера или.. въ учителя фехтованія. Не будь революція, — такова и была бы судьба Наполеона и его маршаловъ. *Mais la Revolution est venue...* ²⁾.

Но Тэнъ не смущается,—онъ и послѣ революціи найдетъ свой идеаль. Изображеніе Наполеона у Тэна не идеальное въ нравственномъ смыслѣ, здѣсь характеристика Бонапарта—*эгоиста* и *кондомъера*—цѣликомъ заимствована у г-жи Сталь—но восторженно—въ умственномъ и государственномъ. Наполеонъ «единственный въ мірѣ гений», «сверхчеловѣческій умъ», превосходящій всѣ извѣстные и даже вѣроятныя размѣры, у него «необъятный мозгъ», — а какъ политикъ онъ создалъ изъ Франціи «*chef d'oeuvre de l'esprit classique*», нѣчто въ родѣ версальскаго сада Ленотра или сооруженій Мансара: «въ первый разъ въ новой

¹⁾ Mounier. *Ib.* 13. Любопытно замѣчаніе Брюнетъера, благосклоннѣшаго критика Тэна, по поводу презрѣнія нашего историка къ «краснорѣчію» и «литературному эффекту» источниковъ: *Bizarre dédain de la «littérature» et de «l'éloquence» sous la plume d'un écrivain qu'elles ont seules fait tout ce qu'il est.* *Revue des deux Mondes.* 15 sept. 1885, 390.

²⁾ *Le régime moderne.* I, 258—9, 311—8.

исторіи общество построено съ помощью разума и въ то же время прочно» ¹⁾). А мы знаемъ—*классическій духъ*—національно-французскій,—таково, слѣдовательно и твореніе Наполеона. Этимъ объясняются безпрестанные восторги Тэна предъ *положительностью* наполеоновскаго ума, предъ его реальнымъ взглядомъ на человѣческую природу, вообще передъ всѣмъ, что діаметрально противоположно воспоминаніямъ революціи, и Тэнь вполне можетъ подписаться подъ знаменитой выходкой Бонапарта противъ идеалистовъ и метафизиковъ: и герой и его историкъ одинаково считаютъ ихъ безразлично «якобинцами».

За много лѣтъ до разсужденій Тэна Контъ издалъ свою *Позитивную политику* и высказалъ здѣсь нѣсколько мыслей, вызвавшихъ недоумѣніе и даже негодованіе его учениковъ. Признавая «основнымъ назначеніемъ позитивизма—обобщать реальное знаніе и систематизировать социальное искусство»,—Контъ всѣ историческія эпохи оцѣнилъ съ точки зрѣнія «систематизаціи человѣческой жизни». Во имя этого принципа было увѣнчано средневѣковое католичество, въ революціи усмотрѣнъ лишь критическій отрицательный моментъ и въ догматической реакціи Деместра—положительное значеніе ²⁾). Эти идеи въ такомъ видѣ—ничто иное какъ тэновское воззрѣніе, но съ одной существенной разницей. Контъ, подобно Тэну, не оцѣнилъ *положительную* сторону революціоннаго законодательства, но зато *отрицательную* призналъ актомъ поступательнаго движенія позитивной мысли. «Безъ теоріи прогресса, теорія порядка недостаточна», социологія можетъ возникнуть лишь изъ ихъ внутренней комбинаціи. Таково убѣжденіе Конта,—и здѣсь есть мѣсто для теорій и увлеченій XVIII-го вѣка, хотя и не въ ихъ настоящемъ полномъ видѣ.

Тэнь пошелъ гораздо дальше,—считая революцію чисто-отрицательнымъ явленіемъ, онъ въ немъ не нашелъ ни единого элемента общаго прогресса, одни лишь «частныя» «добрыя сѣмена» въ нѣкоторыхъ законахъ. Онъ—историкъ—проглядѣлъ великую историческую силу новаго и будущаго времени—*демократію*, и принялъ первые шаги ея за нарушеніе общественной тишины и порядка, а дальнѣйшіе стремился парализовать идеаломъ самаго удивительнаго состава—изъ петиметровъ Людовика XIV въ костюмѣ англійскихъ лордовъ. Не обнаруживъ даже «пророческой» проницательности Конта, Тэнь не достигъ справедливости самыхъ ярыхъ реакціонеровъ въ родѣ того же Деместра. Графъ также до послѣдняго часа поносилъ народъ, на его языкѣ «канальократію», но вполне сознавалъ ея современныя и грядущія завоеванія. Je finis avec l'Europe,—говорилъ умирающій аристократъ. Тэнь думалъ иначе,

¹⁾ Т. I, 3, 41, 42, 44, 49, 61, 179.

²⁾ *Système de politique positive*. Paris 1851—2. I, 3; II, 117—8; I, 62—7.

точно́е онъ совсѣмъ не думалъ, мы хотимъ сказать—*не изсмѣдовавъ и не критиковавъ*, а будто въ гипнотическомъ снѣ шелъ къ поставленной цѣли и въ научномъ отношеніи окончилъ свою дѣятельность такъ же, какъ и началъ ее, какъ самъ охарактеризовалъ ее въ молодости,—т. е. человекомъ, всецѣло поглощеннымъ (*absorbé*) известною системою и какъ изобразилъ ее въ своемъ послѣднемъ трудѣ!

«Система намъ нравится не потому, что мы признаемъ ее вѣрной, а мы признаемъ ее вѣрной, потому что она намъ нравится, и у фанатизма политическаго или религіознаго, каковъ бы ни былъ богословскій или философскій его результатъ, всегда главная руководящая сила—настоятельная потребность, тайная страсть, скопленіе глубокихъ и могущественныхъ желаній, которымъ теорія только открываетъ выходъ.»¹⁾

Ив. Ивановъ.

¹⁾ *La Rev.*, II, 24—25.

ВЪ ОЖИДАНИИ ПОѢЗДА.

Къ станціи Грязи, гдѣ скрещиваются линіи нѣсколькихъ дорогъ и гдѣ многимъ пассажирамъ приходится ждать своего поѣзда болѣе или менѣе долго, подходилъ курьерскій поѣздъ. На обширной площадкѣ вокзала, обыкновенно наполняющейсѣ къ приходу поѣзда суетой и движеніемъ, сегодня было пусто. Нѣсколько пассажировъ, два-три носильщика, да желѣзнодорожный чиновникъ въ мундирѣ спокойно и безъ малѣйшей торопливости встрѣчали поѣздъ прямого сообщенія, выпускающій и принимающій главную массу своихъ пассажировъ только въ конечныхъ пунктахъ линіи. Въ сторонѣ отъ этой маленькой группы, у входа въ залу перваго класса стоялъ высокій, худощавый старикъ, въ короткомъ городскомъ пальто и въ круглой барашковой шапкѣ и смотрѣлъ на приближающійся локомотивъ подуравнодушными, полускучающими глазами. Онъ никого не ждалъ съ этимъ поѣздомъ и самъ ѣхалъ въ другую сторону. Когда поѣздъ остановился, старикъ машинально скользнулъ по вагонамъ глазами, бросилъ давно потухшую, не докуренную папиросу и, заложивъ руки въ карманы пальто, изъ которыхъ торчали пачки измятыхъ газетъ, собрался уходить. Въ это время изъ вагона перваго класса вышли два господина, похожіе съ виду на иностранцевъ. Съ возбужденными, даже нѣсколько встревоженными лицами они оживленно разговаривали, продолжая начатый раньше разговоръ. Всецѣло поглощенные предметомъ своей бесѣды, они никого и ничего не замѣчали и, конечно, не обратили вниманія, что высокій старикъ смотрѣлъ на нихъ, не спуская глазъ. Старикъ они также показали иностранцами, но, услышавъ ихъ русскую рѣчь, онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, назвалъ ихъ «поддѣльными иностранцами изъ Москвы» и еще внимательнѣе сталъ ихъ разсматривать.

Оба пріѣхавшіе господина направились въ залъ перваго класса, прямо навстрѣчу старикъ. Они были приблизительно одинаковаго роста и одинаковаго тѣлосложенія, — роста выше средняго, тѣлосложенія тучнаго; они были также однихъ лѣтъ — около сорока. Приблизительно одинаково были они

и одѣты—оба въ дорогахъ пальто съ бобровыми воротниками, только одинъ былъ въ бобровой шапкѣ, а другой въ высокомъ цилиндрѣ. Лица ихъ были также одинаково розовыя, полныя, тщательно выбритыя. Вообще во всемъ ихъ составѣ, въ походкѣ, въ жестикуляціи было много сходства, было что-то родственное. Наблюдавшій за ними старикъ, когда они проходили мимо него, рѣшилъ, что они близнецы и, во всякомъ случаѣ, братья, если не по крови, то по духу.

Старикъ принадлежалъ къ числу пассажировъ, которымъ нужно было ѣхать по второстепенной линіи и приходилось долго ждать поѣзда; онъ скучалъ и не зналъ, чѣмъ занять время. Войдя въ залу вслѣдъ за братьями, онъ сѣлъ возлѣ того же стола, гдѣ расположились и они, и, вынувъ изъ кармана газету, сдѣлалъ видъ, что намѣренъ читать. Въ дѣйствительности же ему хотѣлось послушать, о чемъ такъ оживленно бесѣдуютъ эти два господина и не удастся-ли ему принять участіе въ ихъ разговорѣ. Но братья на минуту прекратили бесѣду; къ нимъ подошелъ лакей, по приглашенію котораго они направились къ буфету и тамъ очень обстоятельно и долго разсматривали блюда, разставленныя на стойкѣ буфета, также обстоятельно и долго совѣщались съ буфетчикомъ, съ поваромъ, съ лакеемъ, затѣмъ, не спѣша, выпили водки, закусили и возвратились на свое мѣсто.

Курьерскій поѣздъ ушелъ въ это время; а братья, къ удовольствію старика, остались въ вокзалѣ. Они расположились въ концѣ стола, а старикъ сидѣлъ черезъ два-три прибора отъ нихъ и продолжалъ свои наблюденія. Онъ замѣтилъ, что у господина въ бобровой шапкѣ была толстая, красная шея, а у господина въ цилиндрѣ были тщательно подстрижены и заботливо приглажены усы, сверхъ того была оставлена подъ нижней губой крошечная рыжеватая эспаньолка. Старикъ вывелъ изъ этого заключеніе, что господинъ въ цилиндрѣ отличается большей щеголеватостью и вообще любитъ заниматься собой больше, чѣмъ его собесѣдникъ. Старикъ еще болѣе укрѣпился въ своемъ мнѣніи, когда замѣтилъ у господина въ цилиндрѣ маленькія бачки, акуратно подбритыя, спускавшіяся въ видѣ узенькихъ язычковъ до одной трети щеки.

Между тѣмъ, братья возобновили прерванную бесѣду. Собственно говорилъ почти все время господинъ въ цилиндрѣ: его товарищъ только сочувственно поддакивалъ или выражалъ свое участіе соотвѣтственной игрой лица, преимущественно губами и бровями, а также носомъ, посредствомъ выдуванія изъ него большими количествами воздуха. Станный звукъ, происходившій при этомъ, раздражалъ старика.

Господинъ въ цилиндрѣ говорилъ о какихъ-то новыхъ комбинаціяхъ желѣзнодорожныхъ линій, объ акціяхъ, обли-

гаціяхъ, процентахъ; онъ требовалъ, чтобы господинъ въ бобровой шапкѣ обратилъ вниманіе на возмутительное обстоятельство, вслѣдствіе котораго онъ, господинъ въ цилиндрѣ, потерялъ четверть процента на какихъ-то акціяхъ какой-то желѣзной дороги. Въ чемъ заключалось возмутительное обстоятельство, онъ разсказалъ шопотомъ, близко нагнувшись къ своему собесѣднику. Но негодованіе онъ выражалъ громко, смѣло и съ такой проникновенной искренностью тона, что каждый слушатель долженъ былъ вывести заключеніе, что дѣйствительно случилось нѣчто такое, чего ни подъ какимъ видомъ не должно было случаться и отъ чего безвинно пострадалъ бѣдный господинъ въ цилиндрѣ, потерявшій четверть процента.

Предметъ разговора не заинтересовалъ старика, но странное чувство поднялось въ немъ вдругъ. Это было чувство зависти, чувство какой-то невысказанной обиды, таившейся глубоко въ душѣ. Проникновенный тонъ, какимъ господинъ въ цилиндрѣ усчитывалъ свои четверть процента, и горячее участіе, съ какимъ внималъ ему его собесѣдникъ, раздражали старика. Въ то время какъ господинъ въ цилиндрѣ разливался пылкой рѣчью, сопровождаемой живыми жестами, игрой лица, рѣзкими переходами интонаціи, въ то время какъ господинъ въ бобровой шапкѣ всѣмъ своимъ существомъ выражалъ сочувствіе и, какъ въ зеркалѣ, отражалъ всѣ внутреннія и внѣшнія движенія своего товарища, старикъ за своей измятой газетой машинально водилъ глазами по печатнымъ строчкамъ и невольно отдавался овладѣвавшему имъ настроенію.

— Четверть процента, ахъ, четверть процента!—мысленно восклицалъ старикъ.—Только четверть процента и сколько волненія, сколько свободного чувства, какой откровенный протестъ, какая страстная защита своей четверти процента и сколько участія, сколько чуткаго, отзывчиваго сочувствія къ своей обидѣ! О, за это можно было бы отдать и побольше четверти процента. За возможность пожаловаться, застонать отъ боли, разразиться проклятіемъ. Онъ такъ и сдѣлаетъ, этотъ господинъ съ маленькими бачками, съ розовымъ нѣжнымъ лицомъ. Онъ вскочитъ на стулъ, на столъ, на крышу и оттуда будетъ кричать о своей четверти процента, онъ напишетъ объ ней статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», онъ проникнетъ во всѣ департаменты, заберется въ пріемныя министровъ и всюду, всѣмъ будетъ жаловаться, кричать, вопить съ сознаніемъ своего права.

Старикъ опустил газету и мелькомъ взглянулъ на братьевъ лихорадочно злобными глазами. Имъ подали обѣдъ. Когда они начали ѣсть, раздраженіе старика усилилось до такой степени, что онъ почувствовалъ къ нимъ ненависть и въ то же время

не могъ оторваться отъ нихъ. Господинъ въ бобровой шапкѣ бралъ въ ротъ большіе куски мяса; онъ необыкновенно быстро и жадно хваталъ ихъ съ вилки большими, полными губами и потомъ на мгновеніе плотно закрывалъ ротъ; затѣмъ онъ долго и тщательно разжевывалъ каждый кусокъ. Напротивъ, господинъ въ цилиндрѣ ѣлъ маленькими кусочками и осторожно, медленно снималъ ихъ съ вилки, но жевалъ онъ не долго. Такимъ образомъ братья не отставали другъ отъ друга и кончали каждое блюдо почти одновременно. Они предавались ѣдѣ съ полной серьезностью. Видно было, что въ этомъ дѣлѣ у нихъ все было хорошо обдуманно. Поданное имъ вино они подвергали внимательному изслѣдованію: разсматривали его въ бутылкѣ на свѣтъ, потомъ въ стаканахъ, при этомъ обмѣнялись какими-то очень серьезными замѣчаніями и тогда только стали вино пробовать, и опять отставляли руку съ стаканомъ на свѣтъ, и опять возвращались къ бутылкѣ. Каждая мелочь въ ихъ поведеніи подмѣчалась старикомъ и дѣйствовала на него раздражительно. Его наблюдательная способность достигла какой-то болѣзненной впечатлительности. Но что особенно раздражало его, такъ это чмоканіе братьевъ, ихъ сладострастные движенія губами и важная сосредоточенность въ лицѣ.

— Когда же кончится этотъ обѣдъ!

Старикъ рѣзкими порывистыми движеніями сложилъ свою газету и повернулъ свой стулъ спинкой къ сосѣдямъ. Прошло довольно много времени, но братья все еще обѣдали. Четыре переѣмныя блюда были уже благополучно съѣдены, а услуживые лакеи спѣшили съ пятымъ блюдомъ.

Въ большой залѣ вокзала стало совсѣмъ тихо. Бѣготня прислуги, звонъ посуды, шумъ выдвигаемыхъ и задвигаемыхъ стульевъ прекратилась; немногіе пассажиры разбрелись по разнымъ угламъ и коротали скуку въ томъ апатичномъ и довольно глупомъ состояніи, какое нападаетъ на людей обыкновенно во время долгаго ожиданія поѣзда. Облокотившись на столъ и вынувъ изъ кармана другую газету, старикъ опять смотрѣлъ въ нее, не читая, а легкій шумъ, производимый братьями, казался ему рѣзкимъ, громкимъ и наглымъ. Онъ однако надѣялся, что съ пятымъ блюдомъ будетъ конецъ обѣду. Но когда онъ услышалъ, что лакей опять несетъ тарелки, а другой лакей спѣшить съ шестымъ кушаньемъ, онъ не могъ вынести этого. Онъ съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ и, схвативъ свои газеты, быстро ушелъ въ противоположный конецъ залы.

Само собою разумѣется, что всѣ протестующія чувства, мысли и жесты старика не произвели рѣшительно никакого впечатлѣнія на обѣдающихъ и прошли совершенно незамѣченными.

Старикъ только что собирался сѣсть на диванъ, стоявшій въ дальнемъ углу передъ круглымъ столомъ, какъ замѣтилъ, что къ этому же дивану подходятъ молодая дѣвушка и студентъ медикъ въ своей военной формѣ. Старикъ хотѣлъ уйти, чтобы уступить имъ мѣсто на диванѣ, но дѣвушка остановила его.

— Зачѣмъ вы уходите? Развѣ мы васъ стѣснимъ?—спросила она.

— О нѣтъ, я боялся, что помѣшаю вамъ.

Онъ сѣлъ на диванъ и молодые люди сѣли съ нимъ рядомъ. Старикъ было пріятно, что они не прогнали его, потому что и дѣвушка, и студентъ очень ему нравились. Онъ познакомился съ ними еще въ вагонѣ, гдѣ имъ пришлось ѣхать вмѣстѣ почти двое сутокъ. Знакомство ихъ было маленькое, но не совсѣмъ похожее на обычныя вагонныя знакомства, хотя и началось оно самымъ обыкновеннымъ образомъ, стереотипными вопросами, обмѣномъ газетъ, случайными услугами. Старикъ узналъ, что молодые люди возвращаются съ земской службы, что студентъ служилъ въ городѣ, а дѣвушка работала въ деревнѣ. По поводу этого то послѣдняго обстоятельства у нихъ тогда въ вагонѣ завязался довольно странный разговоръ о деревнѣ. Какъ только дѣвушка сказала, что она жила въ деревнѣ, старикъ взглянулъ на нее испуганными, удивленными глазами и нѣсколько мгновеній не сводилъ съ нея своего страннаго взгляда.

— Въ деревнѣ?—воскликнулъ онъ.—Вы жили въ деревнѣ?

Онъ предложилъ этотъ вопросъ такимъ необыкновеннымъ тономъ, съ такимъ удивительнымъ выраженіемъ, какъ будто спрашивалъ дѣвушку, не жила ли она на лунѣ.

Дѣвушка ничего не отвѣтила, но смотрѣла на старика съ искреннимъ недоумѣніемъ, почему о такихъ простыхъ вещахъ нужно говорить такимъ страннымъ тономъ.

— Позвольте вамъ сказать,—продолжалъ старикъ— что въ такомъ случаѣ вы необыкновенный человѣкъ! Вы просто сверхъестественный человѣкъ послѣ этого! Могу ли я предполагать, что вижу передъ собой храбрую, героическую, можно сказать, самоотверженную особу, рискнувшую жить въ деревнѣ!

Нельзя было понять, говорить ли онъ серьезно или шутить и зачѣмъ ему это было нужно. Дѣвушка чуть-чуть покраснѣла, смущенная такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ на ея воспросительный взглядъ, но тотчасъ же овладѣла своимъ смущеніемъ и, улыбаясь, перебила рѣчь старика.

— Вы говорите такъ, какъ будто я ѣдила къ людоедамъ...

— Хуже-съ!—быстро отвѣтилъ старикъ.—Въ тысячу разъ хуже. Къ людоедамъ, такъ вы и знаете, что къ людоедамъ; вы и готовитесь сообразно съ людоедскими правами, берете

оружіе, стражу, проводниковъ, разноцвѣтные ситцы и бусы, а туда вы идете съ голыми руками...

— А вы жили когданибудь въ деревнѣ? — спросила дѣвушка.

— Сохрани меня Богъ! — съ преувеличеннымъ ужасомъ воскликнулъ старикъ. — Лучше жить въ аду, чѣмъ въ русской деревнѣ. Туда можно ссылать людей за какіянибудь преступленія, но добровольно жить тамъ, ужъ это извините...

Дѣвушка заволновалась: «Какъ можно говорить о томъ, чего не знаешь... И это такъ трудно знать, потому что вѣдь молчить деревня, совсѣмъ въ ней тихо, ничего не услышишь и не узнаешь издали. Вотъ если бы многіе хорошо познакомились съ деревенской жизнью... Если бы, напримѣръ, тысяча или двѣ тысячи человѣкъ пожили поближе къ деревнѣ, а потомъ бы съѣхались и рассказали все другъ другу и всѣмъ про деревню, про деревенскую жизнь, какъ она есть. Вотъ тогда бы вы узнали все. А то что же говорить, не зная! Развѣ можно говорить такъ о милліонахъ, о десяткахъ милліоновъ. И не только о милліонахъ, а вы возьмите одну деревню, загляните-ка въ каждый домъ, въ каждую маленькую избушку, вотъ вы тогда увидите, тогда узнаете. Можетъ быть и тамъ у каждого человѣка есть свое горе, свое личное горе, своя обида... Съ этимъ никто никогда не считается у деревенскихъ людей... Вы что же думаете себѣ, что они всѣ сдѣланы по одной мѣрѣ, что ихъ лѣпятъ, какъ кирпичики, по одной формѣ, изъ одной глины... Конечно, на нихъ можно всего наговорить. Еще бы, это легко! Это даже очень просто, но это... возмутительно».

Старикъ сталъ вести себя самымъ неожиданнымъ образомъ. Во время рѣчи дѣвушки лицо его совершенно преобразилось; въ немъ явилось новое выраженіе, свѣтлое, радостное, оживленное. Точно онъ получилъ неожиданно пріятное извѣстіе, такъ загорѣлись его глаза, мягкіе и влажные, за минуту передъ этимъ смотрѣвшіе насмѣшливо и сухо. Старикъ всталъ, пересѣлъ къ окну, поближе къ студенту, и положилъ свою блѣдную, худую руку на его колѣно.

— Извините меня, молодой человѣкъ, и вы, Анна Павловна, меня простите — сказалъ старикъ. — Я, видите ли, немножко чужакъ... Немножко, а можетъ быть даже очень много, юродивый. Это отъ старости, а можетъ быть и отъ другихъ причинъ... Но вы меня простите. Я говорилъ вамъ не то, что я думалъ. Да. Видите ли, я вамъ объясню, въ чемъ дѣло и какъ это вышло, хотя главная причина, конечно, это мое юродство. Деревни я дѣйствительно не знаю и согласенъ съ вами, Анна Павловна, что говорить о томъ, чего не знаешь, не слѣдуетъ. Но, видите ли, вчера мнѣ случилось бесѣдовать съ однимъ молодымъ человѣкомъ, заявившимъ, что онъ отлично знаетъ де-

ревню и знаетъ, чего ей нужно. Онъ недавно кончилъ университетъ, недавно получилъ мѣсто, только что спилъ себѣ новенькую шапку съ кокардой и ѣхалъ въ деревню. Вотъ отъ него я и узналъ все это. Онъ мнѣ говорилъ все то, что вы давеча слышали отъ меня. Я вамъ его же словами почти буквально повторялъ. Вы простите меня, старика. А? Вы не сердитесь, Анна Павловна?

Онъ протянулъ руку студенту, а потомъ дѣвушка и смотрѣла на нихъ такими дружелюбными глазами, что они охотно помирились съ старымъ чудакомъ и послѣ этого бесѣдовали дорогой, какъ добрые знакомые.

Теперь они опять встрѣтились въ большой и пустынной залѣ вокзала. Старикъ откровенно обрадовался имъ.

II.

— Вы общались разказать мнѣ что то изъ вашей деревенской жизни,—сказалъ старикъ дѣвушка, когда они втроемъ усѣлись на одномъ диванѣ.

Диванъ былъ маленький и сидѣть на немъ было довольно тѣсно, но въ этой тѣсотѣ была интимная уютность, которую, безъ словъ, почувствовалъ каждый и невольно улыбнулся.

— Ну, хорошо... — сказала дѣвушка — я расскажу вамъ одну маленькую исторію. Вы знаете, что я жила въ очень бѣдной и глухой деревушкѣ. Въ моемъ участіи было нѣсколько деревень, и хотя другія были побольше и побогаче моей Жабовки, но мнѣ пришлось поселиться въ ней, потому что тамъ былъ заброшенный господскій домъ, въ которомъ была устроена временная больничка, т. е. собственно баракъ, но мы его называли больница, потому что слово баракъ на мѣстномъ нарѣчій значить оврагъ, и везти больного въ баракъ значило везти его въ оврагъ. Ну, а это не хорошо, не нравилось людямъ... Приѣхала я въ Жабовку въ половинѣ іюня и въ первые дни мнѣ было ужасно скучно. Все чужія лица кругомъ, а у крестьянъ даже недружелюбныя, непривѣтливныя. Больныхъ не было, никто за помощью ко мнѣ не обращался, сидишь цѣлый день совершенно одна. Такъ хотѣлось поближе подойти къ людямъ, но невозможно же лѣзть къ нимъ, когда никто не зоветъ. Выйдешь вечеромъ на крылечко—моя квартира была въ томъ же домѣ, гдѣ и больница—сидишь и смотришь на деревню. Съ господскаго крыльца всю ее видно было. Видишь этихъ людей, какъ они возвращаются съ поля, какъ собираются кучками на улицѣ, и тянетъ къ нимъ, вотъ бы такъ вскочила и побѣжала туда... Врачъ у насъ былъ какой то странный, всего боялся и вѣчно говорилъ о какой то осто-

рожности. Приѣзжалъ онъ въ Жабовку рѣдко; даже потомъ, когда явилось много больныхъ, я его видѣла мало; пріѣдетъ, заглянетъ на минутку ко мнѣ, напомнитъ объ осторожности, мелькомъ посмотритъ больныхъ и спѣшитъ уѣхать. Отъ него я узнала о разныхъ, какъ у насъ говорили, антимедицинскихъ беспорядкахъ, бывшихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Ни на секунду не приходило мнѣ въ голову, что нѣчто подобное можетъ случиться въ Жабовкѣ. И меня ужасно тянуло къ нимъ, хотѣлось какъ можно ближе познакомиться съ ними, съ моими жабовцами... Я вамъ безтолково рассказываю, но мнѣ кажется, что вы поймете...

— Пойму, пойму, все пойму. Говорите, какъ вамъ хочется.

— Ну, хорошо... Мои сношенія съ деревней начались черезъ посредство старухи Федотовны, которая состояла при мнѣ въ качествѣ не то сторожихи, не то стряпухи и была жабовская. Она знала всю деревню и ее тамъ также знали всѣ. Отъ нея я многое узнала о жабовцахъ, но она была такая невѣроятная выдумщица, что рассказывала со всѣми подробностями событія, которыхъ никогда не бывало въ дѣйствительности. У нея была страсть все преувеличивать. Если ребенокъ обжегъ себѣ руку, она скажетъ, сожгли ребенка на смерть, а когда на жабовскихъ поляхъ появилась саранча, то я узнала отъ Федотовны, что сосѣдніе мужики нашли въ полѣ одну такую саранчу, что насилу вдвоемъ донесли ее до деревни; и что когда показали ее одному грамотному солдату, то онъ прочелъ у нея на крыльяхъ „красныя“ слова: „Божіе насланіе“ и какъ только онъ прочелъ, то саранча эта тотчасъ же вырвалась и улетѣла. Ну, всего не расскажешь, да и не припомнишь всего, что я слышала отъ старухи. Еще нужно бы вамъ рассказать о другой личности, о Домнѣ Ивановнѣ, молодой вдовушкѣ, тогда вы будете знать весь нашъ больничный штатъ. Домну Ивановну мнѣ прислала изъ города земская управа, въ качествѣ сидѣлки или хожатки, какъ у насъ называли. Она была крестьянка, но пожила въ городѣ, одѣвалась по модѣ и презирала простыхъ мужиковъ. Она была очень недурна и любила заниматься собой. Она мнѣ сразу ужасно не понравилась... Приставала съ разговорами, съ разспросами: кто я, изъ какого званія, зачѣмъ я служу, кто мнѣ больше нравится: купцы, писаря или военные, есть ли у меня женихъ и т. п. Мнѣ стыдно теперь вспоминать, что я была къ ней несправедлива, что я даже старалась спихнуть ее отъ себя куда нибудь... Ну, да это вамъ не интересно.

— Очень интересно! Продолжайте, пожалуйста, о Домнѣ Ивановнѣ,—сказалъ старикъ.

Онъ всталъ, взявъ по сосѣдству стулъ и сѣлъ напротивъ рассказчицы, возлѣ стола, стоявшаго передъ диваномъ. Ему

показалось, что онъ затрудняетъ ее тѣмъ, что ей приходится постоянно поворачивать къ нему голову.

— Нѣтъ,—продолжала дѣвушка, — мнѣ очень совѣстно... Всегда говоришь себѣ, что не слѣдуетъ судить о человѣкѣ по первому впечатлѣнію, а никогда этого не дѣлаешь. Домна Ивановна дала мнѣ хорошій урокъ. Я всегда теперь буду помнить, что нельзя смотрѣть на человѣка поверхностно... Что съ того, что она бѣлилась, болтала всякій вздоръ, брови подводи́ла и мазала губы какой то красной помадой. А какъ она работала, какъ она съ больными обращалась! У нея былъ удивительный характеръ. Всегда веселая, добродушно насмѣшливая, она никогда не теряла хорошаго настроенія... И въ то же время она такъ нѣжно, такъ заботливо ухаживала за больными, что я сама вмѣстѣ съ ними готова была ей руки цѣловать. Всегда буду помнить одну сцену. Домна Ивановна стояла возлѣ больного, съ которымъ мы провозились передъ этимъ всю ночь. Это былъ молодой, сильный парень, оставленный намъ проходившей мимо партіей переселенцевъ. Страшные припадки болѣзни, съ которыми онъ упорно боролся, сломили его и довели до полнаго изнеможенія. Онъ лежалъ неподвижно и тихо стоналъ, но стоналъ какимъ то особеннымъ способомъ... Онъ пѣлъ... Я не знаю, какъ это назвать иначе. Онъ тянулъ одинъ звукъ, долго и жалобно, пока хватало духу; потомъ, мѣняя тонъ, тянулъ другой звукъ... Домна Ивановна давала ему ледъ и, покачивая головой, въ тактъ этого страннаго пѣнія, вторила больному и также долго, также протяжно и жалобно тянула вмѣстѣ съ нимъ а-а-а... и-и-и... о-о-о... И я видѣла, какъ больной открылъ глаза, взглянулъ на нее и улыбнулся ей. Заставить умирающаго человѣка улыбаться, кто же сумѣетъ сдѣлать это!

Дѣвушка замолчала.

— Онъ умеръ, этотъ парень?—сказалъ старикъ.

— Да, умеръ... потомъ, отъ тифа. Холеру онъ перенесъ... Тифъ страшнѣе холеры,—отвѣтила дѣвушка.

— Ну, хорошо...—продолжала она, послѣ короткаго молчанія.—Я забыла, на чемъ остановилась... Ага, вспомнила. Однажды утромъ влетѣла ко мнѣ съ дикимъ видомъ Федотовна и заявила, что на мельницѣ человѣка на куски разорвало. Я, конечно, сейчасъ же побѣжала туда. Разорванный на куски человѣкъ это былъ мельникъ. Когда я пришла на мельницу, онъ сидѣлъ внутри мельничнаго колеса и что то тамъ работалъ топоромъ. Оказалось, что его ударило колесомъ; на щекѣ съ лѣвой стороны была довольно большая царапина—вотъ и все. Мельникъ попросилъ у меня примочки; я обѣщала прислать и при этомъ рассказала ему про выдумку Федотовны. Такимъ образомъ мы познакомились. Звали мельника Иванъ

Герасимовичъ. Это было мое первое знакомство. Въ томъ же день, по просьбѣ Ивана Герасимовича, я зашла къ его женѣ, у которой болѣли ноги; по сосѣдству съ нею позвала меня старуха, жаловавшаяся на боль въ спинѣ, а сосѣдка старухи, молодая съ груднымъ младенцемъ, пригласила меня посмотреть ребенка, у котораго раздуло животъ. Словомъ, сразу явилась практика и новыя знакомства. Въ теченіе двухъ-трехъ дней число моихъ паціентовъ, преимущественно бабъ и дѣтей, возросло настолько значительно, что все мое время было занято больными. Я совершенно не замѣчала времени и вообще ничего не замѣчала: слишкомъ увлеклась. Такъ прошло недѣль двѣ. Два раза приѣзжалъ нашъ врачъ. Одинъ разъ самъ приѣхалъ и, узнавъ о моихъ деревенскихъ успѣхахъ, сухо посоветовалъ мнѣ не сближаться съ этимъ народомъ, потому что если съ ними близко сойтись, то они не станутъ васъ слушать. Показалъ мнѣ новенькій револьверъ. Я, говорить, всегда съ этимъ ѣзжу и вамъ совѣтую завести. Въ другой разъ я его вызвала къ холерному больному, рабочему, котораго привезли къ намъ изъ сосѣдней экономіи. Онъ приѣхалъ довольно поздно и больной умеръ при немъ. Правда, его привезли въ нашу больницу уже почти безнадежнымъ. Изъ этой экономіи, гдѣ не принимали никакихъ мѣръ предосторожности, къ намъ потомъ привозили больныхъ чуть не каждый день. Между прочимъ, это очень не нравилось моимъ жабовцамъ... У нихъ были враждебныя отношенія съ экономіей, какіе то старые счеты изъ-за земли... Въ тотъ день, какъ умеръ рабочій... нѣтъ, на другой день... позвали меня на роды къ одному очень бѣдному мужику... Ну-да, т. е. къ его женѣ... Хотя знаете что: это былъ такой необыкновенный мужикъ, онъ такъ былъ влюбленъ въ свою жену, что, если бы могъ, онъ бы и родить за нее согласился. Мнѣ хочется рассказать про Василія Игнатьича, хотя это къ дѣлу не относится...

Дѣвушка вопросительно взглянула на старика. Тотъ ничего не отвѣтилъ, только улыбнулся.

— Можно? Я не долго, нѣсколько словъ... Ну, хорошо... Этотъ Василій Игнатьичъ огромный мужчина, страшно сильный человѣкъ. Въ деревнѣ смѣялись надъ его нѣжной привязанностью къ женѣ; въ особенности завидовали и злословили бабы. Онъ все дѣлалъ для своей Кати; не позволялъ ей дѣлать никакой трудной работы, а по праздникамъ привозилъ ей изъ города изюмъ и мятные пряники. Я сама видѣла лѣтомъ въ страдную пору, какъ они оба работали въ полѣ. Василій косить или жнеть, а Катя принесетъ ему обѣдъ и сидитъ на снопахъ, смотреть на него и ничего не дѣлаетъ. И знаете, эта Катя такое слабое, блѣдное созданіе; маленькая, худенькая, очень миловидная и тихая.

Съ ней именно такъ и нужно было обращаться, какъ Василій, т. е. жалѣть и нѣжить ее, наперекоръ деревенскому общественному мнѣнію. И Катя гордилась своимъ силачомъ мужемъ и я знаю, что ему было легче и веселѣе работать, когда она сидѣла и смотрѣла на него... Ну, хорошо. У этой то Кати я была на родахъ. Роды были трудные и я провозилась тамъ цѣлый день. Домой пришла часовъ въ 12 ночи и страшно устала. На крылечкѣ меня встрѣтила старуха Федотовна. Она тяжело, тяжело вздохнула, проводила меня, вздыхая, до моей комнаты и въ то время, какъ я, мечтая объ отдыхѣ, собиралась спать, вдругъ выпалила ни съ того, ни съ сего: «Какъ же намъ быть то, Анна Павловна? Мужики тебя не хотятъ... Порѣшили на сходѣ вывезти тебя въ поле, за 12 верстъ, на три перекрестка»... и еще какую то глупость, не помню. Я разсердилась и прогнала старуху безъ всякихъ церемоній, потому что страшно хотѣлось спать. Но лишь только я легла въ постель, какъ сонъ мой пропалъ. Это часто бываетъ, когда очень устанешь. Только передъ разсвѣтомъ я немного заснула. Проснулась рано, вся разбитая, съ головной болью, въ самомъ скверномъ настроеніи. Утро было отвратительное, грязное, сѣрое съ мелкимъ дождемъ, отъ котораго было совсѣмъ темно. Только что поднялась съ постели, слышу Домна Ивановна съ кѣмъ то бранится, на кого то кричитъ. Я кликнула ее, она не шла. вмѣсто нея явилась Федотовна и заявила мрачнымъ, укоризненнымъ тономъ: «Мужики пришли»... Пока я одѣвалась да умывалась, она мнѣ сообщила, что мужики давно здѣсь, что они дожидаются меня въ больницѣ, что Домна Ивановна ихъ бранить, ссорится съ ними и гонить ихъ, но они ее не слушаютъ и т. д. Я была въ такомъ раздражительномъ настроеніи, что мнѣ стоило труда сдержать себя, чтобы не разсердиться на неповинную старуху. Но я за то не безъ ожесточенія берегла свой гнѣвъ для жабовцевъ и испытывала даже нѣкоторое удовольствіе при мысли, что вотъ сейчасъ я выйду къ этимъ господамъ, которые намѣрены выгнать меня изъ Жабовки, и скажу имъ все, что у меня на душѣ... А на душѣ у меня было такъ обидно, такъ горько, какъ никогда въ жизни... Да вы меня не слушаете?

— О, нѣтъ, я слушаю! Я ничего не пропустилъ.

Старикъ дѣйствительно слушалъ внимательно, но былъ одинъ моментъ, почти неуловимый, гораздо меньше секунды, когда онъ, заглядѣвшись на дѣвushку, не слушалъ, что она говоритъ, и задумался о другомъ. Она только что передъ этимъ сняла свою черную шерстяную шапочку, положила ее на столъ и машинально поправила рассыпавшіеся изъ подъ нея волосы. Свѣтлыя, мягкія выющіяся пряди упали съ обѣихъ сторонъ лица и окружили его легкой, ажурной, золотистой рамкой;

взволнованное лицо дѣвушки покрылось нѣжнымъ румянцемъ; ея большіе, темные, почти синіе глаза загорѣлись, освѣщенные невидимымъ, гдѣ-то глубоко скрытымъ въ ея душѣ источникомъ свѣта. И эти глаза, волосы, лицо и вся эта дѣвушка вдругъ показались старику знакомыми. И чѣмъ то близкимъ повѣяло на него и онъ задумался на мгновеніе надъ вопросомъ: «Гдѣ же я видѣлъ раньше это лицо?»

— Ну, хорошо—продолжала между тѣмъ дѣвушка.—Я вошла въ контору, гдѣ меня ждали жабовцы. Ихъ было много, полная комната. Сидѣли на окнахъ, на кроватяхъ, на табуреткахъ; стояли кучкой возлѣ печки. Домна Ивановна была тутъ же. «Посмотрите, сколько грязи наслѣдили», закричала она, какъ только увидѣла меня.—«Истинное наказаніе божіе съ этимъ грязнымъ народомъ»... Я прекратила ея болтовню и прогнала ее изъ комнаты. Домна Ивановна безпрекословно удалилась, но, какъ оказалось потомъ, онѣ вдвоемъ съ Федотовой все время стояли за дверью и подслушивали. «На тотъ случай,—объяснила мнѣ послѣ Домна Ивановна, что, если мужики захотятъ меня убить, то что бы она могла не допустить до этого».

Когда я вошла въ больницу, всѣ крестьяне встали, собрались въ кучку и придвинулись ко мнѣ. Странно подѣйствовали на меня ихъ спокойныя лица. Многіе даже привѣтливо улыбнулись мнѣ, когда я поздоровалась съ ними. Гнѣвъ мой сразу упалъ и мнѣ стало какъ то неловко.

— Ну, что скажете?—спрашиваю. Молчать. Я смотрю, ищу знакомыхъ лицъ и узнаю Василя Игнатьича. Онъ стоялъ впереди всѣхъ: смотрѣлъ на меня, какъ бы ожидая, что я заговорю съ нимъ. И я заговорила. Ну, что Катя, какъ она себя чувствуетъ?—спрашиваю.—Слава Богу—говорить—благодаримъ васъ.—И опять молчаніе. Чувствую, какъ сердце болѣзненно сжимается и слезы подбираются къ глазамъ, но стараюсь сохранить спокойствіе. Ну, хорошо... Въ дальнемъ ряду стоялъ молодой крестьянинъ, котораго я замѣтила по его безпокойнымъ глазамъ и нетерпѣливымъ движеніямъ. Потомъ я съ нимъ познакомилась; звали его Степанъ и у него зимой умерло двое маленькихъ ребятъ отъ дифтерита. Когда я взглянула на него, онъ мнѣ вдругъ напомнилъ одного петербургскаго чиновника, страшнаго ненавистника докторовъ. Такой же у него орлиный носъ и маленькая свѣтло-русая бородка. Этотъ несчастный чиновникъ, когда у него умерла дочь, ходилъ по всѣмъ своимъ знакомымъ и проповѣдывалъ о необходимости истребить всѣхъ врачей. Степанъ и держался такъ, какъ тотъ чиновникъ: не могъ устоять на одномъ мѣстѣ, переступалъ съ ноги на ногу и безпрестанно двигалъ плечами; такое же у него было блѣдное худое лицо. Не знаю почему, но я по-

чувствовала, что онъ мой врагъ и что онъ сейчасъ долженъ заговорить со мной. И онъ дѣйствительно заговорилъ, только не со мной, а обратился къ моему знакомому Василию Игнатьевичу.

— Что жъ ты, Василий Игнатьичъ,—произнесъ онъ какимъ то язвительнымъ тономъ,—сказывай, зачѣмъ пришли.

Василій Игнатьичъ чуть-чуть выступилъ впередъ и сказалъ: «Мы къ тебѣ, Анна Павловна, всѣмъ обществомъ пришли: просимъ тебя уѣхать отъ насъ, а больницу помрачить»... Какое словечко выдумали—помрачить! «Мы ее, говорить, забьемъ, какъ прежде было, и пусть стоитъ. Къ чему намъ больница? Намъ больница нечему»... Нѣсколько голосовъ въ толпѣ поддерживали его, повторивъ послѣднее слово: «Нечему, нечему»... Потомъ Василій Игнатьичъ еще что то говорилъ, но ужъ я не помню. Съ этого момента я потеряла способность наблюдать за отдѣльными лицами. Я инстинктивно почувствовала, что мнѣ приходится имѣть дѣло не съ Иваномъ и Петромъ, а со всѣми, а я одна, чужая этому міру людей, которыхъ я уже успѣла полюбить. О, я не умѣю вамъ передать, какъ мучительно было для меня перенести эту незаслуженную обиду. Вѣдь я до послѣдней минуты не вѣрила, что мнѣ такъ спокойно и просто скажутъ уѣхать изъ Жабовки. «Чѣмъ же вы мной недовольны?»—спрашиваю, и чувствую, что это праздный вопросъ, что дѣло совсѣмъ не въ личныхъ отношеніяхъ, а въ чемъ то другомъ, чего ни объяснить, ни понять невозможно. Они всѣ заговорили разомъ, и всѣ одно и то же. Они мной совершенно довольны, ничего дурного во мнѣ не замѣтили, но никогда у нихъ ни больницы, ни фельдшеровъ не было. Къ чему имъ больница—нечему. Нечему и конецъ. Это тянулось долго. Я боялась припадка слабости, боялась, какъ бы мнѣ не расплакаться. А плакать хотѣлось, такъ хотѣлось, что не знаю, какъ я удержалась отъ слезъ... Ну, хорошо... Когда они замолчали, я начала имъ доказывать пользу медицины, объяснять опасность заразы и т. п. Ахъ, какая это была скука! Я чувствовала, что и голосъ у меня какой то чужой. Я слушала сама себя и самой себѣ не вѣрила. Меня слушали терпѣливо, но я сама вдругъ обрвала чуть не на полусловѣ. Тогда опять заговорили они, повторяя то же самое, что говорили раньше. Но я больше не слушала. Я думала о томъ, какъ же мнѣ быть? Неужели уйти? Признать себя виноватой? Въ чемъ? Нѣтъ, низачто! Но что сказать имъ, чтобы меня поняли, повѣрили? Но вмѣсто отвѣта мнѣ вдругъ пришло въ голову... какъ было бы хорошо пойти вонъ на ту кровать, спрятаться въ подушку и вволю, вволю наплакаться. Я чувствовала, что слабѣю, что ноги у меня дрожатъ; я испугалась, что упаду, и машинально

направилась къ кровати,—и пока я шла черезъ комнату, гудѣвшіе голоса разомъ стали затихать, а когда я сѣла, то и совсѣмъ притихли. Только Степанъ не успѣлъ замолчать вмѣстѣ со всѣми и я услышала его одинокій голосъ, ясно и рѣзко звучащій среди внезапно установившейся тишины. Голосъ у него былъ непріятный, что то фальшивое слышалось въ немъ. Чувлось какъ-то, что онъ совсѣмъ не то думаетъ, что говоритъ. Я услышала его послѣднія слова, прозвучавшія неожиданно громко при общемъ молчаніи: «А чего, Боже сохрани, случится чего, такъ тебя же обвиноватятъ»... Эти слова, а главное тонъ, какимъ они были сказаны, тонъ, въ которомъ угроза маскировалась фальшивой благожелательностью, страшно подѣйствовали на меня. Слабость моя вдругъ исчезла, и я почувствовала, что знаю теперь, что мнѣ нужно сказать имъ. Я вскочила съ постели и закричала, обращаясь къ толпѣ и невольно передразнивая лицемерный тонъ Степана: «Обвиноватятъ? Да вѣдь вы уже меня обвиновали. Вы зачѣмъ пришли сюда? Что я вамъ сдѣлала?.. Безсовѣстные! Всѣ вы безсовѣстные... Всѣ вы врете. На умъ у васъ одно, а на языкѣ другое: «много довольны, спасибо тебѣ, ты добрая», а сами гоните меня. Хорошо, я уйду, а только я скажу вамъ, что это безсовѣстно такъ поступать со мной. Вы вашимъ враньемъ всю душу изъ меня вымотали»... «Вы думаете,—кричала я,—что меня подослали, за деньги наняли, чтобы морить васъ... А кто меня послалъ, кто нанялъ? Объ этомъ вы подумали? Вы что? вы вчера родились... Вы не знаете, что меня земство послало, а въ земствѣ тамъ и ваши мужики сидятъ... Большіе, бородатые люди, а глупостямъ вѣрите»... Меня почему то особенно взволновало слово «наняли»... «Ну да, кричу, наняли меня, за деньги наняли... И васъ когда нанимаютъ работать, такъ деньги вамъ платятъ. И меня наняли, ваше земство наняло, за ваши деньги наняло работать для васъ, лѣчить васъ... Не хотите меня, ладно, я уйду, сію минуту уйду! Пусть къ вамъ другихъ присылаютъ...» И я дѣйствительно чувствовала потребность сейчасъ же уйти отъ нихъ и дѣйствительно возмущались ихъ безсовѣстностью...

Дѣвушка улыбулась и поправила рукой волосы.

— Ну, хорошо.... Вдругъ я вспомнила, что у меня въ карманѣ деньги... недавно врачъ привезъ мнѣ мое жалованье. Я выхватила ихъ изъ кармана, да и швырнула въ толпу. И кричу имъ: «Вотъ ваши деньги... вы меня нанимали, вы мнѣ платили. Ваше земство ваши деньги платило. Не хочу я ихъ, не нужно мнѣ вашихъ денегъ, не нужно, не нужно!» Я такъ кричала, что въ концѣ-концовъ у меня голоса не хватило и силъ больше не было. Я упала на кровать и залилась плачемъ въ истерикѣ... Вотъ и все.

— Какъ все? А дальше?—воскликнулъ старикъ, опять за-смотрясь на дѣвушку.

— Дальше? Дальше все пошло, какъ слѣдуетъ. Вотъ только мнѣ ѣсть хочется и чаю хочется.

Студентъ ушелъ за чаемъ, а старикъ, при напомниманіи о ѣдѣ, вспомнилъ обѣдающихъ братьевъ и взглянулъ въ ихъ сторону. Они все еще сидѣли на томъ же мѣстѣ и все еще не кончили обѣда. Но старикъ оставилъ ихъ въ покоѣ, потому что дѣвушка продолжала свой рассказъ.

— Я не помню, что было дальше... Знаю, что я долго плакала, а потомъ заснула. Жабовцы ушли, но прежде они собрали раскиданныя деньги и сунули ихъ мнѣ подъ подушку. Изъ за меня досталось немножко бѣдной Домнѣ Ивановнѣ. Какъ только я упала на кровать, обѣ женщины,—онѣ подглядывали въ щелку,—вбѣжали въ комнату. Домна Ивановна сейчасъ же набросилась на мужиковъ съ ругательствами. Вся комната наполнилась ея крикомъ, это я помню,—и помню, какъ потомъ внезапно крикъ этотъ прекратился. Оказалось, что Домну Ивановну заперли въ чуланъ. Василій Игнатьичъ схватилъ ее въ охапку своими ручищами и вынесъ изъ комнаты. Самое главное при этомъ было, конечно, то, что ей измяли свѣже выглаженный воротникъ и совершенно испортили прическу. Какъ только Домну Ивановну выпустили изъ чулана, она первымъ дѣломъ побѣжала къ зеркалу...

— Позвольте, а вы, что съ вами было?—перебилъ старикъ, повидимому, не интересуясь Домной Ивановной.

— О, я также была очень растрепана и нуждалась въ помощи зеркала.

— Ахъ, я не о томъ!—сердито сказалъ старикъ, но тотчасъ же и самъ засмѣялся.

— Вы мнѣ скажите вотъ что,—продолжалъ онъ.—Когда вы проснулись, вы всетаки хотѣли уѣзжать изъ Жабовки?

— И не думала! Я проспала почти весь день, а когда проснулась, то была такъ спокойна, какъ будто ничего не случилось. Не знаю ужъ почему, но у меня явилась глубокая увѣренность, что жабовцы примирились со мной. Вечеромъ я навѣстила жену Василя Игнатьича и вполне дружелюбно бесѣдовала съ нимъ о разныхъ постороннихъ предметахъ. Въ первые же дни послѣ нашихъ объясненій у меня удвоилась практика. Вы знаете, у крестьянъ гораздо больше больныхъ, чѣмъ у насъ; ихъ только лѣчить некому. Чуть не въ каждой избѣ кто-нибудь чѣмъ-нибудь непремѣнно боленъ. Есть болѣзни, съ которыми мы носимся Богъ знаетъ сколько, а тамъ человекъ молчитъ и терпитъ всю жизнь. Больше нечего рассказывать. Да, впрочемъ, вотъ еще... Дня черезъ два явились ко мнѣ старшина и урядникъ съ самымъ таинственнымъ

видомъ... Заперлись со мной въ комнатѣ, испуганные, встревоженные. Несли какую то околесицу, но въ концѣ-концовъ урядникъ, видимо недовольный моей несообразительностью, спросилъ меня официальнымъ тономъ: «Правда-ли, что у васъ здѣсь было возмущеніе крестьянъ?» Еще дня черезъ два пріѣхалъ исправникъ, выпилъ чаю, поговорилъ о постороннихъ предметахъ, но передъ отъѣздомъ все-таки спросилъ: «Не замѣтили-ли чего нибудь въ поведеніи мужиковъ?» Наконецъ, пріѣхалъ и земскій начальникъ. Этотъ ко мнѣ не заходилъ, а потребовалъ меня къ себѣ на въѣзжую квартиру. Я была занята и долго не являлась, такъ что когда пошла къ нему, то онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, собирався уѣзжать. Сидя въ экипажѣ, онъ спросилъ меня: «Что, мужланы вапи не бунтуютъ?» И, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: «Если начнутъ бунтовать, немедленно сообщите мнѣ». Тутъ онъ сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ и сказалъ кучеру: «Пошелъ!» Больше о нашемъ происшествіи никто не вспоминалъ.

Блѣдная дѣвушка видимо устала и не хотѣла больше говорить. Принесли чай, холодные пирожки и бутерброды съ ветчиной. Студентъ и дѣвушка усердно занялись ими, а старикъ опять заглядѣлся на обѣдающихъ братьевъ. Онъ нашелъ тамъ теперь значительную переměну. Братья сняли свои пальто; они кончили ѣсть, но имъ принесли кофе и ликеры. На ихъ лицахъ не осталось и слѣда отъ прежней озабоченности. Повидимому, они примирились съ возмущившимъ ихъ фактомъ, а можетъ быть просто рѣшили забыть обо всѣхъ прочихъ дѣлахъ, чтобы не мѣшать дѣлу пищеваренія. Ихъ румяныя щеки и влажные лбы, ихъ масляные глаза и лоснившіеся подбородки сіяли довольствомъ и радостью пріятныхъ ощущеній. Бесѣда ихъ теперь имѣла, повидимому, болѣе интимный и болѣе игривый характеръ. Они то близко наклонялись другъ къ другу и, тихонько смѣясь, разговаривали шопотомъ, то вдругъ откидывались на спинки стульевъ и громко хохотали. Однако, ихъ откровенная жизнерадостность не только не смягчала старика, но дала новую пищу его злобѣ. Ихъ шушуканье казалось ему неприличнымъ и пошлымъ; ихъ громкій смѣхъ онъ называлъ дерзкимъ и грубымъ. Онъ опять съ жадностью слѣдилъ за ними и придирался ко всякой мелочи, которая могла возбудить его ненависть. И ему страннымъ образомъ казалось, что каждый жестъ братьевъ дѣлается ими ему на зло. Господинъ съ маленькими бачками, приходившійся прямо лицомъ къ старику, сдѣлался предметомъ его особеннаго вниманія. Глядя на него, старикъ опять пришелъ въ то раздраженное состояніе, отъ котораго освободился, слушая рассказъ дѣвушки. Блѣдная дѣвушка сразу замѣтила странную переměну, случившуюся съ ея собесѣдникомъ, кото-

рый, казалось, совершенно забылъ объ ея существованіи; она только переглянулась со студентомъ, но не сказала ничего.

Взглянувъ на братьевъ, старикъ какъ разъ поймалъ моментъ, когда господинъ съ бачками приказалъ лакею подать стулъ для его цилиндра. То, какъ онъ, смакуя ликеръ, сжималъ губы и вытягивалъ щеки и какъ осторожно ставилъ рюмку на столъ, и то, какъ онъ держалъ эту чашку двумя пальцами и какъ онъ медленно подносилъ къ губамъ кофе и какъ пилъ его маленькими глотками, едва прикасаясь къ чашкѣ, и то, какъ торчали при этомъ остальные три пальца, и то, какъ онъ откидывался на спинку стула, какъ закладывалъ большой палецъ лѣвой руки подъ мышку, за жилетъ, и то, какъ онъ игралъ свободными пальцами этой руки, и то, какъ онъ вдругъ дѣлалъ серьезное лицо, чтобы затѣмъ прислухнуть громкимъ смѣхомъ, все это было подмѣчено и усчитано старикомъ и дало обильную пищу его злобнымъ чувствамъ къ обоимъ братьямъ.

— Посмотрите на этихъ господа!—сказалъ онъ дѣвушкѣ, замѣтивъ наконецъ, что она смотритъ на него и ждетъ объясненій.—Какъ только пришелъ поѣздъ, они тотчасъ же расположились обѣдать и до сихъ поръ сидятъ, ѣдятъ и пьютъ...

Дѣвушка улыбнулась.

— Вамъ смѣшно,—продолжалъ старикъ,—а меня возмущаетъ это самодовольство, это самоувѣренное наглое чревоугодіе. Я не могу видѣть этой священной проникновенности желудочными ощущеніями... Посмотрите, посмотрите, онъ даже глаза закрываетъ, когда тянетъ изъ рюмки ликеръ. Если бы я далъ волю своимъ чувствамъ, я подошелъ бы къ нимъ и сказалъ бы имъ кой-что. Я вытащилъ бы ихъ отсюда... Я кормилъ бы ихъ чернымъ хлѣбомъ съ водой...

— Не говорите такъ громко,—перебила его дѣвушка и засмѣялась.—Вы къ нимъ несправедливы. Развѣ вы не видите, что это несчастные труженики... Они дѣлаютъ работу никому ненужную. Можетъ ли быть чтонибудь хуже этого. Подумайте, сколько они трудились сейчасъ. Сначала имъ нужно было обсудить и составить меню обѣда, а развѣ сдѣлать это такъ легко? Затѣмъ, имъ нужно было прожевать и проглотить все это огромное количество пищи и напитковъ... А впереди имъ еще предстоитъ сложный процессъ пищеваренія...

Блѣдная дѣвушка не окончила своей защитительной рѣчи, потому что раздался звонокъ. Къ вокзалу подходилъ давно ожидаемый поѣздъ. Всѣ пассажиры, сидѣвшіе въ разныхъ углахъ, вдругъ засуетились, заспѣшили и, смѣшавшись въ одну кучу, устремились къ дверямъ. Студентъ и дѣвушка также вскочили и побѣжали впередъ, чтобы найти поудобнѣе мѣсто. Только братья спокойно сидѣли за столомъ, допивая ликеръ

и кофе, да старикъ, издали наблюдавшій за ними, также оставался на своемъ мѣстѣ и, точно очарованный, не могъ оторваться отъ нихъ. Наконецъ, послѣ второго звонка братья, не спѣша, вышли къ поѣзду. Тогда и старикъ пошелъ за ними. И онъ смотрѣлъ, какъ они шли, сопровождаемые двумя носильщиками, и возмущался медлительностью ихъ походы. Когда они вошли въ вагонъ перваго класса, старику хотѣлось еще взглянуть на нихъ въ окно. Странный видъ представлялъ изъ себя этотъ старикъ на высокихъ, тонкихъ ногахъ, въ короткомъ пальто, съ заложенными въ карманы руками, когда онъ, свирѣпо нахмутивъ сѣдые брови, заглядывалъ въ окно вагона.

— Господинъ, войдите въ вагонъ! — сказалъ ему кондукторъ. Но старикъ не обратилъ вниманія на эти слова и продолжалъ стоять возлѣ окна. Онъ едва успѣлъ вскочить въ вагонъ, уже когда поѣздъ тронулся.

Е. Ганейзеръ.

Подсѣжники.

Чуть запахнетъ снѣгомъ талымъ,
Чуть весной повѣтъ,
Въ сердцѣ грустномъ и усталомъ
Что-то робко зрѣтъ.
Робко зрѣтъ, разцвѣтаетъ,
Какъ подсѣжники бѣлый—
Сладко душу опьяняетъ
Ароматъ несмѣлый.
Есть въ немъ зовъ къ любви неадѣшной,
Къ пѣснямъ и свободѣ.
Точно хмѣлемъ, лаской внешней
Все полно въ природѣ.
Капли съ крышъ, шурша, струятся.
Бьется вѣтеръ въ окна.
Въ лужи мутныя глядятся
Вешнихъ тучъ волокна.
Мысли, чувства,—все въ разбродѣ.
Грудь щемить безъ боли...
Сердце къ счастью и свободѣ
Рвется поневолѣ.

А. М. Федоровъ.

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

знаменитой Молль Флендерсъ,

которая родилась въ Ньюгетѣ и въ теченіи своей шестидесятилѣтней разнообразной жизни, не считая дѣтскаго возраста, была двѣнадцать лѣтъ проституткой, пять разъ замужемъ (причемъ одинъ разъ за своимъ братомъ), двѣнадцать лѣтъ воровкой, восемь лѣтъ, какъ преступница, въ ссылкѣ въ Виргиніи и, наконецъ, разбогатѣвъ, стала жить честно и умерла въ покаяніи;
описано по ея мемуарамъ

Даніелемъ Де-Фо.

Переводъ съ англійскаго П. Камалевскаго.

НАПИСАНО ВЪ 1683 ГОДУ.

XVII.

Я возвращаюсь къ ремеслу воровки.—Меня ошибочно привлекаютъ къ ответственности.—Дѣло съ нипцомъ.

Я появлялась въ различныхъ видахъ на улицѣ. Одѣтая очень просто: на мнѣ было обыкновенное платье съ синимъ фартукомъ и соломенная шляпа, я помѣстилась у дверей гостинницы на Сентъ-Джонсъ-стритъ. Возлѣ этой гостинницы обыкновенно останавливались извозчики въ каретахъ и кибиткахъ, отвозившіе пассажировъ въ Бернетъ, Тотриджъ и другіе ближайшіе города; они собирались здѣсь всегда къ вечеру, ко времени отъѣзда; поэтому сюда являлось много пассажировъ съ тюками и связками, спрашивая того или другого извозчика, который могъ доставить ихъ куда было нужно; обыкновенно у дверей гостинницы можно было встрѣтить женъ носильщиковъ или служанокъ, готовыхъ по первому требованію отнести багажъ въ карету.

По странной случайности, въ то время, когда я стала у двери гостинницы, тамъ уже стояла другая женщина, жена одного носильщика, при каретѣ, ходившей до Бернета; эта женщина спросила меня, не ожидаю ли я какого нибудь пассажира въ Бернетъ; я отвѣтила ей, что жду свою хозяйку, которая отправляется въ Бернетъ.

Мы провели въ молчаніи нѣсколько минутъ, какъ вдругъ

кто то позвал мою сосѣдку; уходя, она просила меня, если буду съѣзжать въ Бернетъ, тотчасъ пойти за ней въ пивной домъ; я охотно согласилась, и она ушла.

Едва она исчезла, какъ изъ гостиницы вышла дѣвушка съ ребенкомъ, которая, пытая и обливаясь потомъ, спросила карету въ Бернетъ. Я быстро сказала ей:

— Здѣсь, сударыня.

— Вы состоите при Бернетской каретѣ?

— Да, милый другъ, что вамъ нужно?

— Мнѣ нужно два мѣста,—сказала она.

— Для кого же, моя милая?—спросила я.

— Для этой дѣвочки,—прошу васъ посадите ее въ карету, а я пойду за моей мистриссъ.

— Поторопитесь мой другъ,—сказала я,—иначе всѣ мѣста будутъ заняты.

У дѣвочки былъ въ рукахъ большой узелъ, я посадила въ карету ребенка, говоря:

— Вы бы хорошо сдѣлали, если бы оставили этотъ узелъ въ каретѣ.

— Нѣтъ,—сказала она, я боюсь, что его кто нибудь возьметъ у ребенка.

— Тогда, дайте его мнѣ.

— Возьмите,—сказала она,—но дайте слово, что вы будете внимательно смотрѣть за нимъ.

— Я отвѣчаю двадцатью фунтами, если нужно,—сказала я.

— Хорошо, возьмите узелъ. Съ этими словами она ушла.

Едва только она скрылась изъ виду, какъ я пошла къ пивному дому, гдѣ была жена носильщика; такимъ образомъ, если бы я ее встрѣтила тамъ, то сказала бы ей, что пришла отдать узелъ и позвать ее, какъ будто мнѣ нужно было куда идти и я не могла ожидать служанки; но такъ какъ я не нашла въ пивной жены носильщика, то отправилась дальше и повернула на Чартеръ-хаусъ-ленъ, пересѣкла Чартеръ-хаусъ-ярдъ, чтобы выйти на Лонгъ-ленъ, потомъ пришла въ ограду Сентъ-Бартлеми, откуда въ Литль-Бритенъ и чрезъ Блюкотъ-хоспиталь дошла до Ньюотъ-стритъ и вернулась домой.

Честь изобрѣтенія подобныхъ походовъ принадлежала не мнѣ, но одной женщинѣ, практиковавшей ихъ съ успѣхомъ, и я нѣсколько разъ пользовалась ими, хотя никогда не повторяла ихъ два раза подрядъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ; и дѣйствительно, въ слѣдующій разъ я сдѣлала такой же опытъ около Уайтъ-чапель, на углу Петикотъ-Ленъ, гдѣ стоятъ кареты, идущія въ Стратерартъ, Бау и ихъ окрестности; въ другой разъ я повторила его около Флайнгъ—хорсъ на Битопсъ-Гете, откуда въ то время отправлялись кареты въ Честонъ, при этомъ мнѣ всегда удавалось уносить съ собой какую нибудь добычу.

Однажды я стала на морскомъ берегу между товарными амбарами, куда приходили прибрежныя суда съ сѣвера, изъ Ньюкестля на Тайнѣ, Сендерленда и другихъ мѣстъ. Кладовыя были заперты, но къ нимъ подошелъ молодой человѣкъ съ письмомъ, ему нужно было получить здѣсь ящикъ и корзину, прибывшіе изъ Ньюкестля на Тайнѣ. Я спросила, есть ли у него увѣдомленіе на нихъ. Онъ показалъ мнѣ письмо, по которому можно было потребовать посылку, въ письмѣ значился реестръ товара, изъ котораго я узнала, что въ ящикѣ находилось полотно, а въ корзинѣ стеклянная посуда. Я прочитала, письмо, внимательно замѣтивъ имена отправителя и получателя, увѣдомленіе и реестръ; потомъ я попросила молодого человѣка придти завтра утромъ, такъ какъ смотритель кладовыхъ не обязанъ быть здѣсь ночью.

Какъ только онъ ушелъ, я быстро написала письмо, отъ М. Джона Ричардсона изъ Ньюкестля къ своему любовному двоюродному брату Джемми Коолъ, въ Лондонъ, которымъ онъ увѣдомлялъ, что имъ отправлено на такомъ то кораблѣ (я хорошо запомнила всѣ подробности) столько то штукъ толстаго холста, столько то штукъ голландскаго и такъ далѣе, описавъ все, что заключалось въ ящикѣ и въ корзинѣ съ хрустальной посудой отъ торговаго дома Хензиль; марка на ящикѣ 1. С. № 1, а на корзинкѣ адресъ помѣщенъ на этикетѣ, привязанномъ къ ней.

Спустя около часа, я отправилась въ кладовую и безъ малѣйшаго затрудненія получила весь товаръ. одно полотно стоило около 22 фунтовъ.

Я бы могла наполнить цѣлую книгу описаніями подобныхъ похожденій, которыя внушались мнѣ моей ежедневной изобрѣтательностью и которыя я совершала съ большою ловкостью и всегда съ успѣхомъ.

Но наконецъ на мнѣ оправдалась пословица: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить; дѣйствительно, я подвергалась многимъ опасностямъ, которыя хоть и не имѣли для меня рокового исхода, однакоже онѣ сдѣлали меня извѣстной и имѣли не послѣднее значеніе въ смыслѣ моей преступности вообще.

Теперь я стала одѣваться вдовой, впрочемъ безъ всякихъ особенныхъ цѣлей, а просто въ ожиданіи какойнибудь случайности; въ такомъ платьѣ я часто появлялась на улицахъ.

Однажды случилось, что въ то время, когда я проходила по Ковентъ-Гарденской улицѣ, раздался сильный крикъ, «воры! воры!» Вѣроятно, какіенибудь артисты сыграли штуку съ лавочникомъ, потому что ихъ преслѣдовали по обѣимъ сторонамъ улицы и, какъ говорили, между ними была одна женщина въ траурѣ; вотъ почему возлѣ меня скоро собралась

толпа и одни утверждали, что эта женщина я, а другіе говорили нѣтъ. Вдругъ ко мнѣ подбѣжалъ прикащикъ лавочника и громко клялся, что воровка была я. Такимъ образомъ меня схватили; но, когда толпа привела меня къ лавкѣ, хозяинъ прямо заявилъ, что я не та женщина, которую онъ видѣлъ, и хотѣлъ тотчасъ меня отпустить; но другой малый съ важностью замѣтилъ: «Подождите, пока придетъ М.. (другой прикащикъ), онъ узнаетъ ее». Такимъ образомъ меня задержали больше, чѣмъ на полчаса. Они позвали констебля и поставили его при мнѣ, какъ тюремнаго сторожа; въ разговорѣ съ констеблемъ, я спросила его, гдѣ онъ живетъ и чѣмъ занимается; онъ, не предвидя, что случится потомъ, сказалъ мнѣ свое имя и мѣстожителство, причемъ шутя замѣтилъ, что я еще услышу его имя, когда онъ отведетъ меня въ тюрьму. Вся прислуга дерзко относилась ко мнѣ и стоило большого труда удержать ихъ и не позволять бить меня; правда, хозяинъ былъ со мною вѣжливъ, тѣмъ не менѣе не хотѣлъ отпустить меня, хотя и соглашался, что я не была въ его лавкѣ.

Я нѣсколько возвысила голосъ и съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства сказала ему, что надѣюсь, онъ не удивится, если я потребую съ него удовлетворенія за такую обиду и прошу его послать за моими друзьями, съ цѣлью возстановить истину. Нѣтъ, сказалъ онъ, я не имѣю права допустить это, и вы можете предъявить такія требованія, когда будете у судьи. Видя, что я угрожаю ему, онъ началъ тоже стараться о томъ, чтобы посадить меня въ Ньюгетъ. Сказавъ ему, что теперь я въ его рукахъ, но скоро онъ будетъ въ моихъ, я овладѣла собой и сдержала гнѣвный порывъ; однако-же я попросила констебля позвать мнѣ привратника, что онъ и сдѣлалъ; потомъ я попросила дать мнѣ перо, чернилъ и бумагу, но они отказали мнѣ въ этомъ. Я спросила у привратника его имя и мѣстожителство. Онъ охотно отвѣтилъ; за тѣмъ я попросила его быть свидѣтелемъ ихъ обхожденія со мною и объяснила, что меня задержали здѣсь насильно и что онъ понадобится мнѣ въ другомъ мѣстѣ и не пожалѣетъ, если расскажетъ тамъ все, что видѣлъ здѣсь. Привратникъ отвѣтилъ, что онъ отъ всего сердца готовъ служить мнѣ.

— Но, мадамъ,—прибавилъ онъ,—позвольте услышать, что они отказываются отпустить васъ, чтобы я могъ потомъ исполнить все объяснить.

Тогда я обратилась къ хозяину лавки и громко сказала ему:

— Сэръ, вы сознаете, что я не та особа, которую вы ищете, и что я только въ первый разъ вошла въ вашу лавку; поэтому я требую, чтобы вы не задерживали меня здѣсь больше или объяснили причину моего ареста.

Этотъ господинъ, принявъ теперь болѣе надменный тонъ,

чѣмъ прежде, объявилъ, что онъ не сдѣлаетъ ни того, ни другого, пока не найдетъ этого нужникъ.

— Прекрасно, — сказала я, — обратясь къ констэблю и привратнику, — вы будете обязаны, госнода, повторить эти слова въ другомъ мѣстѣ.

— Да, мадамъ, — отвѣчалъ привратникъ. Констэбль тоже былъ недоволенъ поведеніемъ хозяина лавки и старался убѣдить его отпустить меня, такъ какъ было ясно, что меня взяли по ошибкѣ.

— Милостивый государь, — сказалъ насмѣшливо хозяинъ, — кто вы, мировой судья, или констэбль? Я отдалъ ее вамъ подъ стражу и потому прошу васъ: исполняйте свою обязанность.

Немного взволнованный констэбль съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Я знаю, сэръ, кто я и каковы мои обязанности; но я сомнѣваюсь, сознаете ли вы теперь то, что дѣлаете.

Они перекинулись еще немногими рѣзкими словами, а между тѣмъ безстыдные и въ высшей степени наглые прикащики стали варварски обходиться со мной, одинъ изъ нихъ и именно тотъ, который первый арестовалъ меня, объявилъ, что онъ хочетъ обыскать меня и началъ шарить по мнѣ руками. Я плюнула ему въ лицо и громко крикнула констэбля, прося его внимательно замѣтить, какъ обходятся со мной здѣсь. «Я прошу васъ, мистеръ констэбль, спросить имя этого негодяя», прибавила я, указывая на нахала. Констэбль сдѣлалъ ему приличный выговоръ, говоря, что онъ не понимаетъ, что дѣлаетъ, такъ какъ видитъ, что его хозяинъ не признаетъ во мнѣ воровку. «И я боюсь — добавилъ констэбль, что ему придется отвѣчать, если эта леди докажетъ, что она и гдѣ живетъ, и такимъ образомъ выяснится, что она не та женщина, которую вы ищете».

— Чортъ возьми, — вскричалъ безстыжій нахаль, будьте увѣрены, что это именно та самая леди; я готовъ присягнуть, что она была у насъ въ лавкѣ, и я самъ ей показывалъ штуку сатина, которую украли; вы убѣдитесь въ этомъ еще лучше, когда придутъ мистеръ Вильямъ и мистеръ Антоній (другіе прикащики); они тотчасъ признаютъ ее такъ же, какъ и я.

Въ ту самую минуту, когда говорилъ этотъ безстыжій негодяй, явились Вильямъ и Антоній и съ ними толпа народа, вмѣстѣ съ вдовой, за которую меня принимали. Всѣ они были въ поту и тяжело дышали; съ яростнымъ торжествомъ они тащили несчастную къ хозяину, стоявшему въ глубинѣ лавки, и громко кричали:

— Вотъ эта вдова, сударь. Наконецъ таки мы поймали ее.

— Что вы говорите? — спросилъ хозяинъ, — у насъ уже есть вдова, и М... утверждаетъ, что готовъ присягнуть въ томъ, что это она. — Тотъ, кого звали Антоніемъ, возразилъ:

— М... можетъ говорить все, что ему угодно, и присягать въ чемъ угодно; но вотъ вамъ женщина и вотъ что осталось отъ того сатина, который она украла и который я вытащилъ изъ подъ ея юбокъ своими собственными руками.

Теперь я начала понемногу приходить въ себя; я только улыбалась и не произносила ни слова; хозяинъ поблѣднѣлъ, констебль обернулся ко мнѣ и смотрѣлъ на меня.

— Пусть дѣлають, что хотять, мистеръ констебль, сказала я, не мѣшайте имъ.

Дѣло было ясно, и никто не могъ сомнѣваться. Оставалось одно: передать въ руки констебля дѣйствительную воровку; торговецъ очень вѣжливо сказалъ мнѣ, что его сильно огорчаетъ эта ошибка, но онъ надѣется, что я не объясню ее въ дурную сторону; каждый день съ ними продѣлываютъ подобные вещи, и потому ихъ нельзя осуждать за слишкомъ суровое обхожденіе, въ виду желанія выяснить истину.

— Не объяснять этого въ дурную сторону! — вскричала я; но какъ же я объясню въ хорошую? Если бы вы меня отпустили въ то время, когда вашъ наглый бездѣльникъ, арестовавъ меня на улицѣ, притащилъ къ вамъ и вы увидѣли, что я не та женщина, которую вы ищете, тогда, быть можетъ, я и не объясняла бы вашего поступка въ дурную сторону, имѣя въвиду тѣ многочисленныя продѣлки, которыя практикуютъ съ вами; но я не могу перенести вашего обхожденія со мной и особенно обхожденія вашего слуги! За все это я должна получить удовлетвореніе, и я его получу.

Тогда онъ вступилъ со мною въ переговоры и объяснилъ, что готовъ дать мнѣ всякое благоразумное удовлетвореніе, стараясь узнать отъ меня, чего я потребую. Я сказала, что я не желаю быть собственнымъ судьей и что законъ опредѣлитъ это; меня должны отвести въ судъ, тамъ онъ и услышитъ, что я скажу. Онъ отвѣтилъ, что ему нѣтъ времени сейчасъ идти въ судъ, а что я могу идти куда хочу; затѣмъ, обратясь къ констеблю онъ сказалъ, что тотъ можетъ отпустить меня, такъ какъ я оправдана. На это констебль спокойно отвѣтилъ:

— Сэръ, сейчасъ вы меня спрашивали, кто я, констебль, или мировой судья; вы требовали, чтобы я исполнялъ свои обязанности, и приказали мнѣ арестовать эту благородную даму; но теперь я вижу, что вы совсѣмъ не понимаете моихъ обязанностей, потому что хотите изъ меня сдѣлать дѣйствительно судью; однако я обязанъ сказать вамъ, что это не въ моей власти; я имѣю право по требованію арестовать чело-вѣка, но оправдать его можетъ только судъ; въ этомъ и состоитъ ваше заблужденіе, сэръ; такимъ образомъ, я обязанъ отвести ее въ судъ, нравится-ли вамъ это или нѣтъ.

Сначала торговецъ держалъ себя свысока съ констеблемъ,

но констэбл не былъ обыкновенный чиновникъ, а человекъ состоятельный, и потому не хотѣлъ отступить отъ своихъ обязанностей; онъ отказался освободить меня прежде, чѣмъ отвезетъ къ судѣ, на этомъ настаивала и я, и потому торговецъ сказалъ:

— Хорошо, ведите ее куда вамъ угодно, мнѣ же нечего ей больше сказать.

— Но, сэръ,—сказалъ констэблъ, я надѣюсь, что вы пойдете съ нами, такъ какъ я арестовалъ эту лэди по вашему требованію.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ торговецъ, повторяю, мнѣ нечего больше сказать ей.

— Извините меня, сэръ, но это необходимо въ вашихъ интересахъ, я прошу васъ объ этомъ; безъ васъ судья рѣшить дѣла не можетъ.

— Если вамъ угодно, мой другъ, отправляйтесь по своимъ дѣламъ, — сказалъ лавочникъ, — еще разъ повторяю, что не имѣю ничего сказать этой женщинѣ и именемъ короля требую отпустить ее.

— Сэръ,—сказалъ констэблъ, я вижу, вы не знаете, что такое констэблъ, и прошу васъ, не заставляйте меня прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ.

— Все равно,—отвѣчалъ торговецъ, вы и такъ очень строги со мной.

— Нѣтъ, сэръ, я не былъ строгъ съ вами: вы нарушили общественное спокойствіе, приведя съ улицы честную женщину, которая шла по своимъ дѣламъ и которую вы задержали въ лавкѣ, позволяя своимъ служащимъ дерзко и нагло обходиться съ ней, и вы еще говорите, что я былъ строгъ съ вами. Я думаю, напротивъ, что я дѣйствую слишкомъ слабо, не приказывая вамъ, именемъ короля, слѣдовать за мной и не приглашая любого прохожаго явиться сюда и оказать мнѣ помощь отвести васъ силой къ судѣ; вотъ чего вы не знаете и что я имѣю право сдѣлать; тѣмъ не менѣе, пока я не пользуюсь этимъ правомъ и еще разъ прошу васъ: идите за мной.

Несмотря на все это, лавочникъ отказался идти и сталъ говорить дерзости констэблу. Однако, послѣдній продолжалъ быть спокойнымъ, не выходя изъ себя; тогда я вмѣшалась и сказала:

— Мистеръ констэблъ, оставьте его въ покоѣ, не бойтесь, я найду средство вызвать его въ судъ; а пока обратите вниманіе вотъ на этого молодца, который набросился на меня въ то время, когда я мирно проходила по улицѣ. Вы сами были свидѣтелемъ его дерзкаго обхожденія со мной и потому позволите просить васъ отвести его къ судѣ.

— Хорошо, мадамъ, — отвѣчалъ констэбль и, обращаясь къ этому малому, онъ сказалъ:

— Пойдемъ, молодой человѣкъ, вы обязаны слѣдовать за нами, и я надѣюсь, что вы иначе думаете, чѣмъ вашъ хозяинъ, о власти констэбля.

- Молодой человѣкъ съ видомъ пойманнаго вора попытлся назадъ и посмотрѣлъ на своего хозяина, какъ бы прося у него защиты; послѣдній былъ настолько глупъ, что началъ поощрять его къ сопротивленію, и дѣйствительно въ то время, когда констэбль хотѣлъ схватить молодого человѣка, онъ началъ отбиваться отъ него; тогда констэбль, сваливъ его на землю, крикнулъ на помощь; мгновенно лавка наполнилась народомъ, и констэбль арестовалъ хозяина, приказчика и всѣхъ его служащихъ.

Первымъ дурнымъ слѣдствіемъ этой суматохи было то, что женщина, укравшая въ лавкѣ товаръ, скрылась въ толпѣ, вмѣстѣ съ двумя пойманными мужчинами. Были ли дѣйствительно эти послѣдніе виновны въ кражѣ, я не могу сказать.

Въ то же время въ лавкѣ собралось много сосѣдей, которые, узнавъ весь ходъ дѣла, объяснили лавочнику и убѣдили его въ томъ, что онъ былъ не правъ, такъ что наконецъ мы довольно спокойно отправились къ судѣ, въ сопровожденіи толпы, состоявшей по крайней мѣрѣ изъ пяти сотъ человѣкъ. Всю дорогу я слышала, какъ одни спрашивали, что это такое? А другіе отвѣчали, что лавочникъ арестовалъ вмѣсто воровки, которую поймали потомъ, благородную лэди, и теперь эта лэди арестовала въ свою очередь лавочника и ведетъ его въ судъ. Эти слова приводили въ страшный восторгъ толпу, которая постоянно увеличивалась, многіе, особенно женщины, кричали: «Гдѣ этотъ плутъ? Гдѣ лавочникъ?» Затѣмъ, увидя его, онъ съ криками: «вотъ онъ! вотъ онъ!», забрасывали его грязью; такъ мы шли довольно долго, пока наконецъ лавочникъ не попросилъ констэбля взять карету, чтобы избавиться отъ этого сборища. Карета была подана, я, констэбль, лавочникъ и его служащіе сѣли въ нее и поѣхали.

Когда мы пріѣхали къ судѣ, — это былъ старый джентльменъ въ Блумсбери, — то констэбль первый изложилъ ему сущность всего дѣла, потомъ судья обратился ко мнѣ и спросилъ, что я имѣю сказать? Прежде всего онъ потребовалъ объяснить, кто я и гдѣ живу; мнѣ было очень непріятно назвать свое имя и потому я неохотно объявила ему, что меня зовутъ Мери Флэндерсъ, что я вдова и мой мужъ, морской капитанъ, умеръ во время путешествія въ Виргинію; при этомъ я рассказала ему такія обстоятельства своей жизни, которыхъ онъ не могъ опровергнуть, прибавя, что я теперь живу въ городѣ съ такой-то дамой (я назвала имя своей гувернантки) и приго-

товляюсь къ отъѣзду въ Америку, гдѣ находится имущество моего мужа; что сегодня я пошла заказать для себя малый трауръ и не успѣла еще войти въ лавку, какъ на меня набросился этотъ малый, (при этомъ я указала на прикащика) съ такою яростью, что я страшно испугалась, и потащилъ меня въ лавку къ своему хозяину. Здѣсь хозяинъ лавки, несмотря на то, что самъ же не призналъ меня за воровку, не пожелалъ меня отпустить и приказалъ констэблю арестовать.

Потомъ я продолжала объяснять судѣ, какимъ образомъ меня оскорбляли всѣ служащіе въ лавкѣ, какъ они не позволили послать за моими друзьями, какъ привели въ лавку женщину, которая дѣйствительно украла товаръ, словомъ, я рассказала ему все до мельчайшихъ подробностей. Потомъ констэбль изложилъ свое дѣло; весь свой разговоръ съ лавочникомъ по поводу моего освобожденія, наконецъ, отказъ прикащика слѣдовать за нимъ, когда я этого потребовала, подстрекательства его хозяина, сопротивленіе того и другого, словомъ все, о чемъ я уже говорила.

Затѣмъ судья выслушать показаніе лавочника и его прикащика. Лавочникъ сказалъ по истинѣ длинную рѣчь на тему о томъ, какъ они ежедневно подвергаются большой потерѣ отъ воровъ и мошенниковъ, поэтому имъ всегда легко обмануться, и когда открылось его заблужденіе, то онъ былъ готовъ тотчасъ отпустить меня, и такъ далѣе.

Что касается прикащика, онъ имѣлъ мало что сказать, кромѣ того, что всѣ служащіе указывали ему на меня.

По окончаніи этихъ допросовъ, судья прежде всего любезно объявилъ мнѣ, что я свободна, и что онъ съ сожалѣніемъ видитъ, что прикащикъ былъ мало осмотрителенъ при своемъ горячемъ преслѣдованіи и такимъ образомъ принялъ невинную особу за преступницу; что если бы онъ потомъ не осмѣлился неправильно задержать меня, то я навѣрное простила бы ему первое оскорбленіе; что во всякомъ случаѣ онъ не въ правѣ дать мнѣ другое удовлетвореніе, какъ только объявить ему публичный выговоръ, что онъ и сдѣлаетъ; но онъ предполагаетъ, что я воспользуюсь всѣми правами, предоставляемыми мнѣ закономъ, и поэтому онъ обяжетъ всѣхъ присягой.

Что же касается нарушенія общественнаго спокойствія, — добавилъ онъ, — то въ этомъ отношеніи я могу дать вамъ полное удовлетвореніе, отправивъ обвиняемаго въ Ньюгетъ за совершенное имъ насиліе надъ вами и констэблемъ.

Дѣйствительно, онъ отправилъ прикащика въ тюрьму, а съ хозяина взялъ денежное обезпеченіе, и затѣмъ мы ушли; я съ удовольствіемъ видѣла, какъ поджидавшая насъ толпа встрѣтила ихъ обоихъ свистками и гиканьемъ, забрасывая комками чужез карету, въ которую они вошли; затѣмъ я отправилась домой.

Когда послѣ этой возни я пришла къ себѣ и рассказала все моей гувернантѣ, она начала смѣяться мнѣ прямо въ лицо.

— Отчего вамъ весело?—сказала я.—Вся эта исторія не такъ смѣшна, какъ вы воображаете; увѣряю васъ, я была страшно напугана шайкой этихъ негодныхъ плутовъ.

— Что я смѣюсь?—отвѣчала моя гувернантка.—Я смѣюсь потому, дитя мое, что, если вы съумѣете взяться за дѣло, то на вашу долю выпала такая добыча, какая вамъ не попадалась во всю вашу жизнь. Я обещаю вамъ, что вы заставите купца заплатить 500 фунтовъ проторей и убытковъ, не считая того, что вы еще можете получить съ его прикащика.

Но у меня явились по этому поводу совершенно другія соображенія; я объявила свое имя мировому судѣ, а я знала, что оно было хорошо извѣстно суду присяжныхъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ; я была увѣрена, что, если это дѣло дойдетъ до публичнаго разбирательства и представится надобность расслѣдовать мое общественное положеніе, то никакой судъ не присудитъ проторей и убытковъ особѣ съ такой извѣстностью, какъ я. Тѣмъ не менѣе, я была вынуждена начать формальный процессъ; поэтому моя гувернантка пріискала стряпчаго, который велъ большія дѣла и пользовался прекрасной репутаціей; въ этомъ отношеніи она была совершенно права, ибо, если бы я поручила дѣло какому нибудь пройдохѣ-крючкотвору или человѣку мало извѣстному, то я получила бы очень немного.

XVIII.

Я выигрываю процессъ.—Я обкрадываю двухъ маленькихъ леди.

И такъ, мы нашли стряпчаго и я сообщила ему всѣ обстоятельства дѣла; онъ увѣрилъ меня, что въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть вопроса о томъ, чтобы судъ не присудилъ большого вознагражденія за протори и убытки, и такимъ образомъ, сдѣлавъ мнѣ нѣкоторыя наставленія, онъ началъ преслѣдованіе моего купца, который, будучи арестованъ, внесъ залогъ и черезъ нѣсколько дней заявилъ ему, что онъ желаетъ окончить дѣло миромъ; онъ объяснилъ, что все произошло, благодаря его несчастному вспыльчивому характеру и что я очень рѣзко и оскорбительно говорила съ нимъ, что дало ему поводъ принять меня за воровку, и прочее и прочее.

Мой стряпчій очень ловко стоялъ за меня; онъ увѣрилъ его, что я богатая вдова, могу сама вести дѣло и имѣю зна-

чительныхъ друзей, которые ходатайствуютъ за меня и которые общались все, лишь бы только я начала преслѣдованіе, говоря, что они не пожалѣютъ и тысячи фунтовъ, лишь бы отомстить за нанесенное мнѣ нестерпимое оскорбленіе. Черезъ нѣкоторое время они снова пришли къ нему спросить, говорилъ-ли онъ со мной. Онъ отвѣчалъ, что говорилъ и что я болѣе склонна къ примиренію, чѣмъ мои друзья, которые принимаютъ близко къ сердцу нанесенное мнѣ оскорбленіе и подстрекаютъ меня не мириться. Послѣ долгихъ разговоровъ и совѣщаній они наконецъ остановились каждый на своей цифрѣ, но эти цифры были до того далеки одна отъ другой, что не было никакой надежды на соглашеніе; такимъ образомъ, переговоры были прерваны и купецъ предложилъ назначить совѣщаніе лично со мной, на что мой стряпчій охотно согласился.

Онъ посоветовалъ мнѣ, идя на это совѣщаніе, хорошо одѣться, чтобы купецъ могъ увидѣть, что я нѣчто большее, чѣмъ казалось въ то время, когда онъ меня арестовалъ. Въ виду этого, я надѣла новое полутраурное платье, желая подтвердить свое показаніе у судьи о томъ, что я вдова. И такъ, я одѣлась такъ хорошо, какъ можетъ одѣться вдова; моя гувернантка дала мнѣ прекрасное жемчужное ожерелье, которое замыкалось брилліантовымъ замкомъ, это ожерелье было у нея въ залогъ; сбоку у меня висѣли дорогіе золотые часы, такимъ образомъ, я представляла собой очень красивую особу; я обождала, пока мнѣ дали знать, что они собрались, и потомъ подѣхала къ дому въ каретѣ съ своей горничной.

Когда я вошла въ комнату, купецъ пришелъ въ удивленіе. Онъ всталъ и поклонился мнѣ, я едва обратила на него вниманіе и, пройдя мимо, сѣла на мѣсто, указанное мнѣ моимъ стряпчимъ, такъ какъ мы находились въ его домѣ. Когда всѣ сѣли, купецъ сказалъ мнѣ, что сначала не узналъ меня, при этомъ онъ началъ говорить мнѣ комплименты. Я отвѣтила, что я охотно вѣрю этому и потому надѣюсь, что онъ будетъ иначе относиться ко мнѣ.

Онъ сказалъ, что очень сожалѣетъ о томъ, что случилось, и предложилъ мнѣ 100 фунтовъ и уплату судебныхъ издержекъ; прибавя, что кромѣ того, онъ намѣренъ подарить мнѣ прекрасной матеріи на платье. Я требовала 300 фунтовъ, причемъ настаивала, чтобы это дѣло было напечатано въ газетѣ.

На послѣднее онъ не согласился ни за что. Наконецъ, благодаря ловкости и умѣнью моего стряпчаго, мой отвѣтчикъ согласился уплатить мнѣ 150 фунтовъ и черное шелковое платье, и такъ, по совѣту стряпчаго, мы кончили это дѣло, обязавъ купца заплатить вознагражденіе моему стряпчему и угостить насъ хорошимъ ужиномъ при окончаніи сдѣлки.

Когда я явилась за получениемъ денегъ, со мной пріѣхала моя гувернантка, одѣтая какъ княгиня, и тоже прекрасно одѣтый джентльменъ, который дѣлалъ видъ, что ухаживаетъ за мной; я называла его кузеномъ, а нашъ законникъ намекнулъ имъ, что это мой женихъ.

Купецъ очень любезно принялъ насъ и аккуратно заплатилъ все, что слѣдовало по уговору; эта исторія стоила ему 200 фунтовъ, если не больше. При послѣднемъ нашемъ свиданіи дѣло его приказчика близилось къ концу и купецъ началъ сильно просить меня за него; онъ разсказалъ, что этотъ приказчикъ имѣлъ прежде свою лавку, что у него есть жена и много дѣтей и теперь онъ совершенно разоренъ, такъ что не можетъ ничѣмъ удовлетворить меня и готовъ на колѣняхъ вымолить у меня прощеніе.

Когда мы сидѣли за ужиномъ, онъ привелъ этого несчастнаго, который теперь также признавалъ свою вину, какъ прежде нахально наносилъ мнѣ постыдныя оскорбленія; онъ представлялъ собою примѣръ полной низости души, онъ былъ жестокъ, могущественъ и безжалостенъ, когда сила была на его сторонѣ и теперь низокъ и подлъ, когда я имѣла надъ нимъ полную власть. Однако же, я прервала его поклонъ, сказавъ ему, что я прощаю ему, но желаю только одного, чтобы онъ ушелъ прочь.

Затѣмъ я одѣла очень хорошее платье и пошла бродить по улицамъ, но мнѣ не представлялось ничего до тѣхъ поръ, пока однажды я не вошла въ Сентъ-Джемскій паркъ. Здѣсь я увидѣла много изящныхъ леди, гулявшихъ по главной аллеѣ, и между ними дѣвочку, лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, которая ходила съ другой дѣвочкой, лѣтъ девяти, и я думала, что это ея сестра. На старшей я замѣтила богатые золотые часы и жемчужное ожерелье, съ ними былъ ливрейный лакей, но онъ, по принятому обычаю, не ходилъ по аллеѣ, и я видѣла, какъ онъ остановился у входа, причемъ старшая дѣвочка приказала ему ожидать ихъ здѣсь.

Услыхавъ, что они отпустили лакея, я подошла къ нему и спросила, кто такая маленькая леди? Потомъ мало-по-малу я разговорила съ нимъ, начала хвалить старшую, удивлялась ея красотѣ, прекраснымъ манерамъ и умѣнью держать себя такъ скромно и серьезно, какъ будто она была взрослая женщина; этотъ дуракъ развѣсилъ уши и разсказалъ мнѣ, что она дочь сэра Томаса Эссекскаго и имѣетъ большое состояніе; что ея мать еще не пріѣхала въ городъ и дѣвочка живетъ съ женой сэра Вилльямса въ ея квартирѣ на Суффолькъ-Стритѣ, затѣмъ онъ передалъ мнѣ много другихъ подробностей и между прочимъ сказалъ, что у нихъ есть горничная, ключница, что они держатъ карету, кучера и его, что эта ма-

ленькая лэди ведетъ себя также хорошо дома, какъ здѣсь; словомъ, я собрала отъ него всѣ свѣдѣнія, какія мнѣ были нужны.

Я была очень хорошо одѣта и также, какъ она, имѣла при себѣ золотые часы. Итакъ, оставя ливрейнаго лакея, я направилась въ ту сторону, гдѣ была моя лэди, и стала поджидать, пока онѣ, вернувшись назадъ, не подойдутъ ко мнѣ; лишь только мы поровнялись, я поклонилась имъ, назвавъ старшую ея именемъ, лэди Бетти. Я спросила ее, что она слыхала объ отцѣ, когда вернется въ городъ ея мать и какъ она вообще поживаетъ.

Я такъ дружески и свободно разспрашивала ее о всей семьѣ, что у нея не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ моихъ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ нимъ. Я спросила, почему она выѣхала гулять безъ мистриссъ Чаймъ (ихъ ключницы), такъ что ей приходится самой смотрѣть за мистриссъ Юдифъ, ея маленькой сестрой. При этомъ я начала длинный разговоръ по поводу ея сестры; я восхищалась красотой маленькой лэди, спрашивала, учится-ли она по французски, и вообще говорила имъ тысячу любезностей, какъ вдругъ показались гвардейцы и толпа бросилась смотрѣть въѣздъ короля въ Парламентъ.

Дамы побѣжали по аллеѣ и я помогла моимъ лэди устоять возлѣ ограды по одной сторонѣ этой аллеи, чтобы остаться на высокому мѣстѣ, откуда все было видно; я взяла маленькую лэди и подняла ее на своихъ рукахъ; между тѣмъ я постаралась такъ ловко снять золотые часы съ лэди Бетти, что она не замѣтила этого до тѣхъ поръ, пока толпа не прошла, и она не возвратилась на середину аллеи.

Я оставила ихъ въ тѣсной толпѣ и какъ бы впопыхахъ сказала:

— Милая лэди Бетти, смотрите за вашей сестрой.

Потомъ толпа меня отодвинула отъ нихъ и я сдѣлала видъ, что это мнѣ очень непріятно.

Въ такихъ случаяхъ давка скоро проходитъ и гдѣ король пройдетъ, тамъ мѣсто дѣлается свободнымъ, но по пути его слѣдованія толпа усиливается и тѣснится и я, пользуясь этимъ моментомъ, оставила моихъ маленькихъ лэди. Сдѣлавъ свое дѣло безъ всякаго непріятнаго затрудненія, я продолжала тѣсниться въ толпѣ, притворяясь, что хочу видѣть короля, такимъ образомъ, я пробилась впередъ толпы и дошла до конца аллеи. Король ѣхалъ по направленію къ главному военному штабу; я вошла въ пассажъ, который въ то время доходилъ до Гэймеркета, здѣсь я взяла коляску и убѣжала; я должна сознаться, что никогда не исполнила своего обѣщанія навѣстить лэди Бетти у ея родителей.

На минуту у меня мелькнула мысль остаться съ лэди Бетти до тѣхъ поръ, пока она замѣтитъ, что у нея украли

часы, и затѣмъ вмѣстѣ съ ней поднять тревогу, отвести ихъ въ коляску, сѣсть съ ними и доставить ихъ домой. Маленькая лэди была такъ очарована мной и такъ одурачена пріятными разсказами моими о ней и о моихъ отношеніяхъ къ ея родителямъ, что я могла надѣяться повести дѣло дальше и наложить свою руку по крайней мѣрѣ на ее жемчужное кольцо. Но я разсудила, что если ребенокъ и не заподозрить меня, то это могутъ сдѣлать другіе и если обыщутъ меня, тогда я буду открыта, поэтому я рѣшила уйти, довольствуясь тѣмъ, что приобрѣла.

Позже я случайно узнала, что маленькая лэди, замѣтивъ, что у нея исчезли часы, подняла въ паркѣ крикъ и послала своего лакея розыскать меня; она описала меня съ такимъ совершенствомъ, что онъ сразу узналъ, что это была та самая женщина, которая стояла съ нимъ въ паркѣ и долго разговаривала, разспрашивая о всей семьѣ; но я была далеко гораздо раньше того времени, когда она пришла къ своему лакею и рассказала ему это приключеніе.

XIX.

Я въ игорномъ домѣ.—Мои походы по ярмаркамъ.

Послѣ этого со мной случилось другое приключеніе, совершенно иного характера, чѣмъ все, что случалось до сихъ поръ; это произошло въ игорномъ домѣ возлѣ Ковентъ Гардна.

Здѣсь я увидѣла много народу; одни выходили, другіе входили, я же долго стояла у прохода вмѣстѣ съ другой женщиной, бывшей со мной; между другими я замѣтила одного джентльмена, который выдѣлялся своими пріятными манерами, и потому, подойдя къ нему, я сказала:

— Сэръ, позвольте спросить васъ, пускаютъ туда женщины?

— Да, мадамъ,—отвѣчалъ онъ,—вы можете и играть тамъ, если пожелаете.

— Да, я желаю, сэръ,—сказала я.

Послѣ этого онъ предложилъ провести меня, и я пошла за нимъ въ двери, затѣмъ онъ посмотрѣлъ въ комнату и сказалъ:

— Здѣсь играютъ, если хотите, можете попробовать счастья.

Я посмотрѣла тоже туда и, обратясь къ своей компаніонкѣ, сказала:

— Здѣсь только одни мужчины. Я не хочу рисковать.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ были очень учтивые люди и одинъ изъ нихъ, желая ободрить меня, сказалъ:

— Позвольте, мадамъ, вы, кажется, боитесь рискнуть одна; мнѣ всегда бываетъ удача, когда я играю съ леди; вы будете ставить на меня, если не желаете ставить на себя. Здѣсь десять гиней, поставьте ихъ за меня.

Я взяла деньги и положила, глядя на него. Я истратила ихъ по одной и по двѣ за разъ, и когда стаканъ перешелъ къ моему сосѣду, мой джентльменъ далъ мнѣ еще десять гиней и велѣлъ положить изъ нихъ за-разъ пять, а когда джентльменъ, у котораго былъ стаканъ, выбросилъ деньги, то оказалось, что мой джентльменъ, кромѣ своихъ, еще выигралъ пять гиней. Ободренный этимъ, онъ просилъ меня взять стаканъ и начать ставку, что было большимъ рискомъ съ его стороны; однако я держала такъ долго стаканъ, что выиграла ему всѣ деньги; много гиней лежало даже въ складкахъ моего платья; это было въ высшей степени удачно, потому что онъ взялъ столько же или вдвое противъ того, что я положила.

Послѣ этого я предложила джентльмену взять все золото, такъ какъ оно было его и я играла за его счетъ, почти не понимая игры. Онъ засмѣялся и сказалъ, что при моемъ счастьи рѣшительно все равно, умѣю ли я играть или нѣтъ; но я не должна оставлять игры. Затѣмъ онъ взялъ себѣ пятнадцать гиней, а на остальные приказалъ мнѣ начать снова. Я хотѣла показать ему, сколько у меня денегъ, но онъ сказалъ: «не надо, не надо, не говорите объ этомъ, я вѣрю вашей честности, но говорить объ этомъ нельзя, это значитъ искушать счастье». И такъ я опять начала игру.

Я играла довольно хорошо, хотя и утверждала противное, и играла очень осторожно; дѣйствительно въ складкахъ моего платья остался порядочный запасъ гиней; которыя я перевела въ карманъ, разумѣется, такъ ловко, что онъ не замѣтилъ этого.

Я играла очень долго и очень удачно для него, но въ послѣднее время, когда я держала стаканъ, игроки сдѣлали большую ставку и я смѣло метала на все и держала стаканъ съ ставками до тѣхъ поръ, пока выиграла около восьмидесяти гиней; но при послѣдней ставкѣ я проиграла около половины; тогда я поднялась и, боясь проиграть все, сказала ему:

— Прошу васъ, сэръ, продолжайте теперь сами, мнѣ кажется я выиграла довольно для васъ.

Онъ настаивалъ, чтобы я не бросала игры, но становилось поздно и я извинилась. Отдавая ему деньги, я сказала, что, надѣюсь, теперь могу наконецъ узнать сколько я выиграла въ его пользу; оказалось шестьдесятъ три гиней.

Если бы не было послѣдней несчастной ставки, я бы выиграла сто гиней. Я отдавала ему деньги, но онъ и хотѣлъ ихъ брать, пока я не взяла нѣсколько монетъ; онъ

требовалъ, чтобы я взяла, сколько нахожу нужнымъ. Я отказывалась и дѣйствительно не хотѣла сама брать денегъ, думая, что если онъ намѣренъ дать мнѣ что нибудь, то можетъ сдѣлать это самъ.

Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ джентльменовъ, услыхавъ нашъ споръ, закричалъ: «Отдайте ей все»; но я положительно отказалась отъ этого. Тогда другой сказалъ: «Джекъ, подѣлитесь съ ней пополамъ; развѣ вамъ неизвѣстно, что вы равноправны съ леди». Короче сказать, онъ раздѣлилъ выигрышъ пополамъ со мной, и такимъ образомъ я унесла тридцать гинеи, не считая сорока трехъ, которыя тихонько украла, хотя потомъ и сожалѣла объ этомъ, такъ какъ мой джентльменъ былъ очень великодушенъ.

И такъ, я принесла домой семьдесятъ три гинеи, при чемъ рассказала моей гувернанткѣ, какъ я была счастлива въ игрѣ. По ея мнѣнію, мнѣ не слѣдовало больше рисковать и я согласилась съ ней; я также, какъ и она, очень хорошо понимала, что значить игорная чесотка и какъ скоро я могу проиграть все, что приобрѣла.

До сихъ поръ мнѣ улыбалось счастье, и я также сильно богатыла, какъ и моя гувернантка, съ которой я дѣлилась всегда; теперь моя благородная дама стала заговаривать со мной о томъ, что намъ пора остановиться, пока все идетъ хорошо; но я не знаю, что за роковая судьба руководила мной: теперь я также была не расположена оставить свое ремесло, какъ раньше она не соглашалась на это. И такъ, въ этотъ роковой часъ мы, такъ сказать, отложили въ сторону всѣ подобныя мысли, я стала смѣлѣе и отважнѣе, чѣмъ когда либо, и мои постоянныя удачи сдѣлали мое имя такимъ знаменитымъ, какимъ не пользовался ни одинъ воръ въ подобнаго рода кражахъ.

Иногда я свободно принималась играть ту самую игру, какую вела прежде, что было не практично, хотя и не безуспѣшно; вообще же я появлялась въ новыхъ видахъ и старалась принимать новыя формы, выходя на улицу.

Настало шумное время года, когда большая часть населенія отправлялась за городъ, въ Тонбриджъ, Эпсомъ и другія подобныя мѣста. Городъ опустѣлъ, и я, полагая, что наша торговля пойдетъ здѣсь также слабо, какъ и остальная, отправилась въ концѣ года съ толпой народа въ Стоуръ-бриджъ на ярмарку, а оттуда въ Бери, въ Суффолькъ. Мы надѣялись на большіе барыши, но когда я увидала, какъ идутъ дѣла, то была очень недовольна, потому что кромѣ опустошеній кармановъ тамъ было мало такого, къ чему стоило бы приложить руки; тамъ не представлялось столько случаевъ для работы, какъ въ Лондонѣ. Такимъ образомъ, въ продолженіи дѣлаго пу-

тешествія я заработала золотые часы въ Бери и небольшой свертокъ полотна въ Кембриджъ, что дало мнѣ поводъ проститься съ этими мѣстами.

Моя комната находилась рядомъ съ комнатою одного голландца. Однажды, въ его отсутствіе я зашла къ нему, и втащивъ съ трудомъ къ себѣ его тяжелый чемоданъ, пошла на улицу, съ цѣлью найти возможность вынести его изъ гостинницы; долго я ходила, но мнѣ не представлялось никого, къѣмъ бы я могла для этого воспользоваться; городъ былъ не великъ, меня было легко замѣтить и потому я возвращалась въ гостинницу съ намѣреніемъ отнести чемоданъ назадъ и оставить его тамъ, гдѣ взяла. Но въ эту самую минуту я услышала, что какой то человѣкъ шумно торопить людей на ботъ, который, пользуясь приливомъ, сейчасъ отходить. Я позвала этого малаго и спросила:

— Скажите, мой другъ, какой это ботъ, на которомъ вы служите?

— Лодка изъ Ипсвича, мадамъ,—отвѣчалъ онъ.

— Когда вы отправляетесь?

— Сію минуту, мадамъ, а вы тоже туда ѣдете?

— Да,—сказала я,—не можете ли вы обождать, пока я вынесу свои вещи?

— А гдѣ ваши вещи, мадамъ?—спросилъ онъ.

— Въ этой гостинницѣ.

— Тогда я пойду за вами и отнесу ихъ на шлюпку,—любезно предложилъ онъ.

— Пойдемте,—сказала я и мы пошли съ нимъ.

Въ гостинницѣ была большая суматоха; только что пришелъ пакетъ-ботъ изъ Голландіи, вмѣстѣ съ тѣмъ пріѣхали двѣ кареты съ пассажирами изъ Лондона, которые отправлялись на другой пакетъ-ботъ въ Голландію, а кареты должны были уѣхать на другой день назадъ съ пассажирами, только что прибывшими изъ Голландіи. Въ этой суматохѣ я подошла къ конторкѣ расчитаться съ хозяйкой гостинницы, говоря, что я отправляюсь моремъ въ лодкѣ.

Эти лодки также обширны, какъ морское судно, и приспособлены для перевозки пассажировъ изъ Горвича въ Лондонъ; хотя ихъ называютъ лодками, однако онѣ вмѣщаютъ двадцать пассажировъ и десять или пятнадцать тоннъ груза.

Моя хозяйка очень любезно приняла отъ меня по счету деньги, но въ этой суматохѣ ее сейчасъ же куда то позвали и она ушла. Оставшись одна, я повела малаго въ свою комнату, дала ему чемоданъ или сумку, которая была очень похожа на чемоданъ, завернувъ ее въ старый передникъ; я послала его съ вещами прямо на ботъ, сама слѣдуя за нимъ; меня никто ничего не спросилъ объ этихъ вещахъ. Владелецъ чемодана сидѣлъ въ залѣ съ другимъ джентльменомъ за ужиномъ, гдѣ

они шумно разговаривали; такимъ образомъ, я чисто обдѣлала дѣло и отправилась въ Ипсвичъ; ночью никто не могъ узнать куда я уѣхала: въ Лондонъ на Горвичской лодкѣ, какъ я говорила хозянкѣ, или въ другое мѣсто.

Меня очень встревожили таможенные чиновники въ Ипсвичѣ, которые остановили мой чемоданъ, съ цѣлью осмотрѣть его. Я объявила, что не имѣю ничего противъ этого, но ключъ отъ чемодана находится у моего мужа, а онъ еще не приѣхалъ изъ Горвича; я дала такое объясненіе чиновникамъ, имѣя въ виду, чтобы имъ не показалось страннымъ, что въ случаѣ осмотра чемодана они найдутъ въ немъ только мужскія вещи. Они рѣшили во что бы ни стало открыть чемоданъ, я согласилась сломать замокъ, что было не трудно сдѣлать.

При осмотрѣ они не нашли никакой контрабанды, такъ какъ чемоданъ былъ уже раньше осмотрѣнъ, но я къ своему удовольствію увидѣла тамъ много прекрасныхъ вещей; особенно мнѣ понравились свертки французскихъ пистолей и голландскихъ дукатовъ, за тѣмъ тамъ лежали два парика, бѣлье, мыло, духи, бритвы и другія принадлежности необходимыя для всякаго джентльмена, а равно и для того, который пошелъ за моего мужа и котораго я предоставила самому себѣ.

Послѣ этого я возвратилась въ Лондонъ и хотя случайно, но благодаря послѣднему приключенію, я приобрѣла довольно значительную добычу. Однако, я никогда больше не предпринимала подобныхъ прогулокъ и не рѣшилась бы на это, если бы даже продолжала свое ремесло до конца жизни. Я рассказала своей гувернанткѣ исторію моихъ путешествій и ей особенно понравилось приключеніе въ Горвичѣ. Въ разговорѣ по этому поводу, она замѣтила, что воръ есть такое созданіе, которое чутко сторожитъ каждую человѣческую ошибку, желая извлечь изъ нея для себя пользу, и потому невозможно, чтобы при такой бдительности и такомъ стараніи ему не представилось много счастливыхъ случайностей; вотъ почему она думаетъ, что съ моимъ тонкимъ и превосходнымъ знаніемъ этого дѣла я не могу упустить ничего гдѣ бы то ни было и куда я ни пойду.

Съ другой стороны мораль всей моей исторіи заключается въ томъ, что она предоставляет каждому читателю сдѣлать изъ нея свои выводы, согласно его разумнію и понятіямъ; я же не берусь проповѣдывать имъ. Пусть опытъ несчастнаго и въ конецъ испорченнаго созданія послужить складочнымъ мѣстомъ полезныхъ предостереженій для cadaго, кто прочтетъ эту исторію.

XX.

Мое послѣднее покушеніе.—Меня отправляютъ въ Ньюгетъ.—Описаніе тюрьмы.—Меня навѣщаетъ моя гувернантка; ея заботы.

Теперь я приближаюсь къ новой эпохѣ моей жизни. Благодаря длинному ряду преступленій съ необыкновенно удачнымъ исходомъ, я совершенно очерствѣла и мнѣ уже никогда не приходила въ голову мысль бросить свое ремесло, которое, если судить по примѣру другихъ, должно было рано или поздно окончиться для меня полнымъ несчастьемъ и позоромъ.

Чтобы закончить описаніе моихъ преступленій, расскажу еще слѣдующее.

Я рискнула войти въ одинъ домъ, двери котораго были отворены, и взять двѣ штуки парчи съ разводами, полагая, что меня никто не замѣтитъ. Это не былъ мануфактурный магазинъ или лавка, а былъ просто жилой домъ, въ которомъ повидимому квартировалъ человѣкъ, продававшій товары торговцамъ, маклеръ или факторъ.

Желая сократить мрачную часть этой исторіи, скажу только, что на меня напали двѣ женщины, которыя бросились за мной съ криками, въ тотъ моментъ, когда я выходила изъ двери; одна изъ нихъ потащила меня назадъ, заставля войти въ комнату, въ то время какъ другая заперла за мной дверь. Я старалась подкупить ихъ добрыми словами, но я думаю, что два самыхъ вспыльчивыхъ драгуна не могли придти въ большую ярость, чѣмъ онѣ; онѣ рвали на мнѣ платье, оскорбляли меня и кричали на меня такъ, какъ будто хотѣли убить; потомъ вышла хозяйка, за нею хозяинъ, но и они были также жестоки.

Я ласково и нѣжно обратилась къ хозяину и сказала ему, что отворенная дверь и разложенныя вещи послужили для меня искушеніемъ, что я бѣдная и несчастная женщина; вѣдь нищета такъ ужасна, что немногіе могутъ устоять противъ нея; со слезами на глазахъ я умоляла его сжалиться надо мной. Хозяйка тронулась чувствомъ состраданія и готова была меня отпустить и почти склонилась къ тому же мужу, но грубые дѣвки побѣжали за констэблемъ прежде, чѣмъ ихъ послали; поэтому хозяинъ сказалъ, что теперь онъ не можетъ отказаться отъ обвиненія и долженъ идти къ судѣ, такъ какъ, если отпустить меня, то самъ будетъ подлежать отвѣтственности.

Присутствіе констэбля какъ громъ поразило меня, мнѣ казалось, что я проваливаюсь сквозь землю, я упала въ обморокъ и всѣ думали, что я дѣйствительно умерла; жена хозяина снова была тронута чувствомъ жалости и просила мужа отпустить меня на свободу, говоря, что они ничего не потеряютъ

отъ этого. Я предложила имъ заплатить за обѣ штуки парчи, не смотря на то, что не взяла ихъ, и сказала, что товаръ ихъ остался цѣлъ и потому съ ихъ стороны будетъ жестоко отправить меня на вѣрную смерть и требовать моей крови за одну мою попытку взять ихъ товаръ. Я объясняла констаблю, что я не ломала замка у двери и ничего не унесла, а когда мы пришли къ судѣ, то и ему я сказала то же, такъ что послѣдній почти согласился отпустить меня на свободу. Но та грубая дѣвка, которая первая набросилась на меня, утверждала, что я уже вышла съ парчей на улицу, но она остановила меня и потащила назадъ; на этомъ основаніи судья приговорилъ меня въ тюрьму и меня отправили въ Ньюгетъ, въ это ужасное мѣсто. Кровь застыла въ моихъ жилахъ, при одномъ этомъ названіи. Ньюгетъ! гдѣ столько моихъ товарищей сидятъ подъ замкомъ и откуда ихъ выпускать только для того, чтобы отвести къ роковому дереву; Ньюгетъ, гдѣ моя мать такъ много и глубоко страдала, гдѣ я увидѣла свѣтъ и гдѣ въ позорной смерти найду искупленіе своимъ грѣхамъ! И наконецъ, это тотъ Ньюгетъ, который такъ давно ожидаетъ меня и отъ котораго съ такимъ искусствомъ я такъ долго убѣгала.

И такъ, теперь я дѣйствительно въ тюрьмѣ; невозможно описать ужасъ, который охватилъ мою душу, когда меня заставили войти туда и когда, осмотрѣвшись вокругъ, я увидѣла всю мерзость этого отвратительнаго мѣста; я смотрѣла на себя, какъ на совершенно погибшую женщину; мнѣ оставалось думать только о смерти и то о самой позорной; адская суматоха, оранье, ругань, божба, клятвы, вонь, грязь, словомъ всѣ атрибуты ужасной скорби соединились здѣсь съ тѣмъ, чтобы показать эмблему ада или по крайней мѣрѣ его преддверіе.

Первое время я не спала нѣсколько ночей и дней въ этомъ ужасномъ мѣстѣ; долго я мечтала только объ одномъ счастьи— умереть, хотя у меня не было правильныхъ сужденій о смерти; поистинѣ ничто не могло исполнить такимъ ужасомъ мое воображеніе, какъ настоящая тюрьма; ничто не могло быть для меня отвратительнѣе того общества, которое находилось тамъ. О, я считала бы себя счастливой, если бы меня отправили во всякое другое мѣсто вселенной, только бы не въ Ньюгетъ!

И потомъ, какъ торжествовали тѣ ожесточенныя и презрѣнныя созданія, которыя попали туда раньше меня.

Что это? Мадамъ Флэндерсъ въ Ньюгетѣ, наконецъ то! Мери, Моли, Мольт Флэндерсъ здѣсь! Говорили, что самъ дьяволъ помогаль мнѣ такъ долго царствовать; онѣ ждали меня многіе годы и наконецъ я здѣсь! Въ ярости, издѣваясь надо мной, онѣ пачкали меня экскрементами, онѣ поздравляли меня, совѣтовали быть смѣлѣе, собраться съ силами и не падать ду-

хоть, говоря, что дѣла пойдутъ можетъ быть не такъ плохо, какъ я думаю; потомъ онѣ послали за водкой и пили за мое здоровье, но водку поставили на мой счетъ, объясняя, что я только что прибыла въ *колледжъ* (такъ они называли тюрьму) и что я навѣрно имѣю деньги, которыхъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ.

— Я спросила одну изъ нихъ, давно ли она здѣсь? «Четыре мѣсяца», — отвѣчала она. «Какое впечатлѣніе произвела на васъ тюрьма въ то время, когда васъ привели сюда?» — спросила я опять. — «Точное такое же, какъ и теперь, страшное и ужасное. Мнѣ казалось, что я попала въ адъ; да и до сихъ поръ я увѣрена, что живу въ аду», — прибавила она, но все это такъ естественно, что я уже больше не тревожусь этимъ».

— Вѣрно вамъ не грозитъ опасность въ будущемъ? — сказала я.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь; напротивъ, я уже осуждена, приговоръ произнесенъ, но я защищаю свою утробу, хотя я также беременна, какъ тотъ судья, который предалъ меня суду, и я ожидаю, что въ слѣдующую сессію меня призовутъ снова.

«Призвать снова», значитъ временно пріостановить исполненіе перваго приговора, вслѣдствіе заявленія подсудимой о своей беременности, и дать время выяснитъ справедливость или ложь ея заявленія.

— И неужели же васъ это не беспокоитъ? — спросила я.

— Но чтожъ я могу сдѣлать? Зачѣмъ горевать? Вѣдь если меня повѣсятъ, то я не буду больше здѣсь, вотъ и все.

Съ этими словами она повернулась и ушла, танцуя и пѣвая слѣдующую Ньюгетскую пѣсню:

„Если я буду висѣть на веревочкѣ,
Я буду слышать звонъ колокола *).
Таковъ конецъ несчастной Дженни“.

Я не могу сказать вмѣстѣ съ другими, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ, потому что никакими красками нельзя описать это ужасное жилище людей, и нѣтъ человѣка, который могъ бы представить, что происходитъ тамъ, не испытавъ этого самъ. Но какимъ образомъ этотъ адъ постепенно дѣлается естественнымъ и становится не только сноснымъ, но даже пріятнымъ, это можно понять только послѣ долгаго личнаго опыта, что и было со мной.

Въ ту ночь, когда меня отправили въ Ньюгетъ, я дала знать объ этомъ моей гувернанткѣ, которая, какъ и надо полагать, была страшно поражена этимъ извѣстіемъ; вѣроятно она также дурно провела эту ночь дома, какъ я въ Ньюгетѣ.

*) Колоколъ въ церкви Гроба Господня, въ который звонятъ въ день исполненія казни.

На слѣдующее утро она пришла увидаться со мной и дѣлала все, что могла, чтобы меня успокоить, хорошо понимая бесполезность своихъ стараній. Но во всякомъ случаѣ, говорила она, гнущаясь подъ тяжестью значить только увеличивать ея вѣсъ, и потому она тотчасъ пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы избѣжать того результата, который такъ сильно пугалъ насъ обѣихъ; прежде всего она нашла тѣхъ бѣшеныхъ дѣвокъ, которыя захватили меня, она старалась подкупить ихъ, она убѣждала, предлагала деньги, словомъ дѣлала все возможное, чтобы заставить ихъ отказаться отъ обвиненія. Она давала одной 100 фунтовъ, съ тѣмъ, чтобы она оставила мѣсто и не показывала противъ меня; но горничная была такъ настойчива, что, не смотря на свое жалованье 3 фунта въ годъ, она отказалась отъ этого, отказалась бы, какъ была увѣрена моя гувернантка, даже и тогда, если бы она предложила ей 500 фунтовъ. Затѣмъ она атаковала другую дѣвушку, которая не была такъ жестока, какъ первая, и одно время даже склонялась къ милосердію, но первая стала увѣщевать ее и помѣшала моей гувернанткѣ, угрожая донести, что она подкупаетъ свидѣтелей.

Потомъ моя подруга обратилась къ хозяину, то есть къ тому, чьи были вещи, и главнымъ образомъ къ его женѣ, которая еще высказывала сожалѣніе ко мнѣ; жена по прежнему оставалась та же, но хозяинъ сослался на то, что онъ связанъ своимъ судебнымъ обязательствомъ поддерживать обвиненіе.

Моя гувернантка предложила найти людей, которые отпущаютъ отъ дѣла это обязательство, но было невозможно убѣдить, что у него есть какой нибудь другой выходъ, кромѣ того, чтобы явиться въ судъ моимъ обвинителемъ. Такимъ образомъ противъ меня были три свидѣтеля — хозяинъ и его двѣ служанки, и я также вѣрно приближалась къ смертной казни, какъ было вѣрно то, что я живу сейчасъ, и мнѣ оставалось одно — готовиться къ смерти.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней я была вполне подавлена ужасомъ; передъ моими глазами стояла смерть; день и ночь мнѣ мерещились висѣлицы, злые духи и демоны; невозможно выразить, до какой степени меня истомилъ ужасъ смерти и мученія совѣсти, которая упрекала меня за мою прошлую порочную жизнь.

Меня навѣщали ньюгетскій капелланъ, онъ началъ свою обыкновенную проповѣдь; и всѣ его божественные разговоры клонились къ тому, чтобы я созналась въ своемъ преступленіи (онъ даже не зналъ, за что я сижу), чтобы я открыла все, что сдѣлала безъ чего, по его словамъ, Господь никогда не проститъ меня; его рѣчи были такъ далеки отъ того, чтобы тронуть мое сердце, что онъ нисколько не утѣшили меня; и

потомъ я замѣтила, что этотъ несчастный, проповѣдая мнѣ утромъ покаяніе, къ полдню напивался пьянъ; такое его поведеніе оскорбляло меня такъ, что скоро и его проповѣди опротивѣли мнѣ, и я, наконецъ, просила его не беспокоить меня больше.

Я не знаю, какъ случилось, но, благодаря неустаннымъ стараніямъ дѣятельной гувернантки, мое дѣло не рассматривалось въ ближайшей сессіи суда въ Чайдхолѣ, такъ что у меня еще оставалось два мѣсяца съ лишнимъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы дать мнѣ время приготовиться къ тому, что меня ожидаетъ; я должна была дорожить этой отсрочкой и употребить ее на раскаяніе, но я не сдѣлала этого. Меня, какъ и прежде, озабляло мое пребываніе въ Ньюгетѣ, и я не проявляла никакихъ признаковъ раскаянія.

Напротивъ, подобно тому, какъ вода въ горной пещерѣ осаждаетъ камень на все, на что она падаетъ по каплямъ, такъ постоянное общеніе со сворой адскихъ ищеекъ производило на меня то же дѣйствіе, что и на другихъ,—я превращалась въ камень; прежде всего я ступѣла и потеряла чувствительность, потомъ я стала грубой и впала въ забвеніе, наконецъ на меня нашло такое яростное безуміе, какъ ни у кого изъ нихъ; словомъ я приобрѣла общую любовь и совершенно приспособилась къ мѣсту, какъ будто я тамъ родилась.

Почти невозможно представить, чтобы природа человѣка могла извратиться до такой степени, чтобы сдѣлать забавнымъ и пріятнымъ то, что само по себѣ составляетъ полное бѣдствіе. Я думаю, нѣтъ такого положенія, которое было бы хуже этого; я была такъ интенсивно несчастлива, какъ можетъ быть несчастливъ человѣкъ, у котораго когда то была жизнь, здоровье и средства существованія.

Я обвинялась въ преступленіи, за которое законъ полагаетъ смерть; доказательства были такъ очевидны, что я не могла обжаловать приговоръ; я была такая извѣстная преступница, что не могла ожидать ничего, кромѣ смерти, и не могла допустить мысли избѣгнуть ее; а между тѣмъ моей душой овладѣла какая то странная летаргія; смущеніе, боязнь, горе не касались ея; первый страхъ прошелъ, и я могу сказать, что я не знала, кто я; мои чувства, мой разумъ и всего болѣе моя совѣсть уснули во мнѣ; въ теченіе сорока лѣтъ моя жизнь была ужасной смѣсью разврата, прелюбодѣянія, кровосмѣшенія, обмана и кражи; словомъ, съ восемнадцати и до шестидесяти лѣтъ я была причастна всѣмъ преступленіямъ, кромѣ убійства и измѣны. Теперь меня поглотили бѣдствія наказанія, у моей двери стояла позорная смерть, и тѣмъ не менѣе я не сознавала своего положенія и не думала ни о небѣ, ни объ адѣ; все это производило на меня не больше впечатлѣнія, чѣмъ уколъ жала; мое

сердце настолько ожесточилось, что я не просила милосердія у Бога, я не думала объ этомъ. Мнѣ кажется, что я набросала вѣрную картину одного изъ ужасныхъ человѣческихъ бѣдствій на землѣ.

XXI.

Мое изумленіе при встрѣчѣ съ мужемъ въ тюрьмѣ. — Меня приговариваютъ къ смерти. — Мое душевное состояніе.

Во время этого грубаго періода моей жизни меня постигла внезапная случайность, которая отчасти пробуждала во мнѣ то, что называютъ горемъ, о которомъ я начинала терять всякое представленіе. Однажды ночью мнѣ рассказали, что наканунѣ, тоже ночью, привели въ тюрьму трехъ разбойниковъ съ большой дороги, которые совершили грабежъ возлѣ Хаунслоутъ и которыхъ крестьяне преслѣдовали до Эгзбриджа, гдѣ послѣ мужественнаго сопротивленія они были взяты, причемъ многіе изъ крестьянъ ранены, а нѣкоторые убиты.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что мы, заключенные, сильно желали увидѣть этихъ бравыхъ и ловкихъ молодцовъ; о нихъ говорили, что еще не встрѣчали такихъ и что утромъ ихъ переведутъ на другой тюремный дворъ, гдѣ они будутъ пользоваться большей свободой и лучшимъ помѣщеніемъ, за что они заплатили главному начальнику тюрьмы. Итакъ, мы, женщины, стали на дорогѣ, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ; но какъ описать мое изумленіе, когда въ первомъ выходившемъ мужчинѣ я узнала своего ланкаширскаго мужа, съ которымъ я прожила нѣсколько времени въ Денстеблѣ и съ которымъ встрѣтилась потомъ въ Брикхилѣ, въ то время, когда вышла замужъ за послѣдняго мужа, какъ я уже говорила объ этомъ.

Я онѣмѣла отъ удивленія и не знала, что говорить и что дѣлать. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ въ эту минуту было то, что онъ не узналъ меня; я оставила своихъ товарищей и, насколько было возможно, быстро ушла изъ этого страшнаго мѣста и долго горько плакала.

— Жестокое созданье, — говорила я себѣ, сколько людей ты сдѣлала несчастными! Сколько ты привела въ отчаяніе и бросила въ когти дьявола!

Я обвиняла себя въ несчастіяхъ этого джентльмена. Онъ говорилъ мнѣ въ Честерѣ, что нашъ бракъ разорилъ его и привелъ его состояніе въ самое ужасное положеніе: думая, что я богата, онъ надѣлалъ долговъ, которыхъ никогда не могъ выплатить; такимъ образомъ, по его словамъ, ему оставалось одно: или поступить въ армію, или купить коня и отправиться въ

путешествіе; положимъ, я никогда не говорила ему, что у меня большое состояніе, и лично не принимала участія въ обманѣ, однакоже, я поддерживала это убѣжденіе и потому была главной причиною его дальнѣйшихъ несчастій. Неожиданность этой встрѣчи заставила меня углубиться въ себя и вспомнить все, что произошло со мной до сихъ поръ; я плакала день и ночь, такъ какъ мнѣ сказали, что онъ былъ начальникомъ банды и совершилъ столько грабежей, что Хайндъ, Уитней и даже Золотой фермеръ были карлики въ сравненіи съ нимъ; что онъ будетъ непременно повѣшенъ, такъ какъ противъ него существуетъ масса уликъ.

Меня поглотило горе; мое собственное положеніе меня мало беспокоило, когда я сравнивала его съ положеніемъ моего мужа; я осыпала себя упреками; теперь я оплакивала свои несчастія и свое паденіе такъ, какъ никогда прежде, и по мѣрѣ того, какъ я разбирала свое ужасное прошлое, во мнѣ пробуждалось глубокое отвращеніе къ этому мѣсту и ко всей этой жизни... Вообще я совершенно измѣнилась съ этихъ поръ и стала другимъ человѣкомъ.

Въ то время, когда я находилась подъ вліяніемъ моего горя, мнѣ объявили, что въ ближайшую сессію меня вызовутъ въ судъ и приговорятъ къ смертной казни. Но мнѣ возвратилась моя чувствительность; нахальство и наглость исчезли, сознаніе виновности начинало овладѣвать всѣми моими чувствами. Словомъ сказать, я принялась размышлять, а размышленіе есть вѣрный шагъ изъ ада къ небу, и вся та зачерствѣлость души, о которой я такъ много говорила, есть ничто иное, какъ полное отсутствіе мысли. Тотъ кто начинаетъ мыслить, начинаетъ сознать себя.

Лишь только я стала разсуждать, какъ первая, блеснувшая въ моей головѣ мысль выразилась въ слѣдующихъ словахъ:

— Боже мой, что будетъ со мной? Меня навѣрное казнятъ, и потомъ ничего, кромѣ смерти. Я не имѣю друзей, что мнѣ дѣлать? Я буду осуждена, это вѣрно! Боже мой, сжался! Что будетъ со мной?

Эти первыя мысли, такъ долго не пробуждавшіяся въ моей душѣ, были слишкомъ мрачны, скажете вы, но надо однако помнить, что онѣ были вызваны страхомъ за то, что ожидало меня, и потому въ нихъ не было и тѣни искренняго раскаянія. Я была ужасно подавлена, я была безутѣшна, у меня не было друга, которому я могла бы повѣрить свои скорбныя мысли, онѣ такою тяжестью лежали у меня на сердцѣ, что я по нѣскольку разъ въ день падала въ обморокъ въ нервномъ припадкѣ. Я послала за своей старой гувернанткой, которая, надо отдать ей справедливость, дѣйствовала какъ самый вѣрный другъ; она не оставила камня на камнѣ, чтобы помѣшать

присяжнымъ, рѣшающимъ преданіе суду, составить обвинительный актъ; она ходила ко многимъ, говорила съ ними, убѣждала, стараясь склонить ихъ на мою сторону и утверждая, что вещи не были похищены, дверь не была взломана, и проч. и проч. Но ничто не помогло; обѣ дѣвушки подъ присягой дали свои показанія, и присяжные установили въ моемъ обвинительномъ актѣ фактъ кражи со взломомъ.

Услыхавъ это, я упала въ обморокъ и, когда пришла въ себя, думала, что умру. Моя гувернантка вела себя со мной какъ родная мать, она жалѣла меня, плакала со мной, но ничѣмъ не могла помочь; къ довершенію всѣхъ ужасовъ, по всей тюрьмѣ только и говорили, что мнѣ не избѣжать смерти, и я часто слыхала, какъ онѣ толковали объ этомъ между собой, покачивая головой и жалѣя меня; однако, никто не подѣлился со мной своими мыслями, пока наконецъ одинъ тюремный сторожъ не подошелъ ко мнѣ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Итакъ, мадамъ Флэндерсъ, въ пятницу васъ будутъ сдѣлать (у насъ была среда); что вы думаете дѣлать?

— Я поблѣднѣла, какъ полотно, и отвѣтила:

— Богъ одинъ знаетъ, что я буду дѣлать.

— Что же! — продолжалъ онъ, я не могу васъ утѣшить; готовьтесь къ смерти; я не сомнѣваюсь, что васъ осудятъ, и такъ какъ вы провинились не въ первый разъ, то по моему вамъ нельзя разсчитывать на помилованіе. Говорятъ, ваше дѣло очень ясное и ваши свидѣтели такъ положительно обвиняютъ васъ, что противъ нихъ ничего нельзя возразить.

Это былъ ударъ, нанесенный мнѣ прямо въ сердце; долго я не могла произнести ни хорошаго, ни дурного слова; наконецъ, я разразилась рыданіемъ и сказала:

— Ахъ, что же мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? — отвѣчалъ онъ, вамъ надо найти пастора и поговорить съ нимъ; потому что, говоря правду, мадамъ Флэндерсъ, хотя вы и не имѣете сильныхъ друзей, но мнѣ кажется, что вы не принадлежите къ здѣшнему сорту людей.

Эти хотя и искреннія слова были для меня слишкомъ жестоки; онъ оставилъ меня въ полномъ смятеніи; всю ночь я не спала; теперь только я начала молиться, чего не дѣлала со смерти моего послѣдняго мужа. Я дѣйствительно могу сказать, что теперь я молилась; ибо я была такъ смущена, мой умъ былъ подавленъ такимъ ужасомъ, что хотя я плакала и постоянно повторяла: Боже мой, сжапись надо мной! но я не чувствовала себя грѣшницей, какою была въ дѣйствительности, я не исповѣдывала передъ Богомъ своихъ преступленій и не просила у него прощенія ради любви къ Іисусу Христу; я была вся поглощена своимъ положеніемъ, я думала только о

предстоящемъ судѣ, который приговорить меня къ смерти, и поэтому всю ночь кричала одно:

— Боже мой, что будетъ со мной? Боже мой, что мнѣ дѣлать? Боже мой, сжался надо мной!

Моя несчастная гувернантка была не меньше опечалена, чѣмъ я, искренно каялась въ своихъ преступленіяхъ, хотя никто не обвинялъ ее, несмотря на то, что она заслуживала того же, къ чему готовилась я, какъ говорила сама: втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ она укрывала у себя все, что воровала я и другіе, поощряя насъ на это. Она рыдала и металась, какъ безумная; ломая руки, она кричала, что она погибла, что надъ ней виситъ проклятіе неба, которымъ она осуждена, погубивъ всѣхъ своихъ друзей и посылая ихъ на эшафотъ; при этомъ она назвала десять или одиннадцать именъ, которыя, благодаря ей, нашли свой безвременный конецъ!.. Вотъ и теперь она служить причиной моей гибели, такъ какъ убѣждала меня продолжать мое ремесло, въ то время, когда я хотѣла его оставить. Но я прервала ее слѣдующими словами:

— Нѣтъ, моя матушка, не говорите этого; вы мнѣ совѣтовали бросить все, въ то время, когда я взыскала съ купца мои протори и убытки, то же вы говорили, когда я возвратилась изъ Горвича, но я не хотѣла васъ слушать и потому васъ не за что обвинять; я сама приготовила себѣ гибель.

Такимъ образомъ мы проводили съ нею цѣлые часы. И такъ, надежды не было; процессъ шель своимъ путемъ, и въ четвергъ я была переведена въ зданіе суда, а на слѣдующій день я должна была предстать предъ судьями. Я подала объясненіе противъ обвинительнаго акта, не признавая себя «виновной». Дѣйствительно, я имѣла право сказать это, потому что меня обвиняли въ кражѣ со взломомъ, то есть въ томъ, что я, выломавъ дверь, взяла двѣ штуки матеріи, цѣною въ 46 фунтовъ, которыя принадлежали Антонію Джонсону, а между тѣмъ я не только не ломала замка двери, но даже и не дотрогивалась до его ручки.

Въ пятницу меня привели въ судъ. Два или три дня я плакала и такъ ослабѣла, что въ четвергъ ночью крѣпко заснула. Благодаря этому, я явилась въ судъ въ болѣе бодромъ настроеніи духа, чѣмъ ожидала.

Когда началось разбирательство дѣла и обвинительный актъ былъ прочитанъ, я хотѣла говорить, но мнѣ сказали, что слѣдуетъ сперва выслушать свидѣтелей, а потомъ меня. Свидѣтелями были извѣстныя вамъ служанки, эти, такъ сказать, двѣ тугоуздыя лошади; и въ самомъ дѣлѣ, имъ было мало, что фактъ на лицо, но онѣ преувеличили его до послѣдней степени; онѣ клялись, что я совершенно завладѣла парчей, спрятавъ ее подъ платьемъ и выйдя съ ней за порогъ дома, такъ

что я совсѣмъ ушла и была на улицѣ, прежде чѣмъ онѣ успѣли схватить и, когда арестовали, то нашли на мнѣ матерію. Въ сущности это было вѣрно, но я настаивала, что онѣ арестовали меня прежде, чѣмъ я переступила порогъ дома, хотя это не имѣло особеннаго значенія, потому что я взяла матерію и готова была унести ее, если бы онѣ не захватили меня.

Я оправдывалась тѣмъ, что я ничего не украдала, а хозяйинъ ничего не потерялъ, что дверь была открыта и я вошла съ намѣреніемъ купить матерію, и если, не видя никого въ домѣ, я взяла въ руки штуку парчи, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что я имѣла намѣреніе украсть ее, такъ какъ я вынесла матерію только къ двери, чтобы посмотреть ее на свѣтъ.

Судъ не придавъ этому объясненію никакого значенія и обратилъ его въ шутки; мое заявленіе, что я понесла матерію въ свѣту подаю поводъ горничнымъ бевстыдно издѣваться надо мной; между прочимъ, онѣ говорили, что дѣйствительно товаръ мнѣ такъ понравился, что я тутъ же запаковала его и взяла съ собой.

Словомъ, меня обвинили въ кражѣ безъ взлома; послѣднее обстоятельство было плохимъ утѣшеніемъ, такъ какъ судъ первой инстанціи вынесъ мнѣ смертный приговоръ, а судъ второй инстанціи не могъ сдѣлать ничего иного. На другой день меня привели выслушать роковой приговоръ и, когда спросили, что я имѣю сказать въ пользу остановки исполненія приговора, я нѣкоторое время не могла выговорить слова; но когда кто то громко ободрилъ меня, совѣтуя объясниться съ судьями, въ расчетъ, что мое объясненіе обнаружитъ благоприятныя для меня обстоятельства, тогда я пришла немного въ себя и сказала, что у меня нѣтъ причинъ остановить исполненіе приговора, но я могу сказать, что я рассчитываю на снисходительность суда, потому что я не ломала двери и мой поступокъ не принесъ никому вреда, что хозяйинъ взятыхъ мною вещей готовъ былъ простить меня, о чемъ онъ дѣйствительно заявлялъ, что это было мое первое преступленіе и раньше я не судилась. Словомъ, я говорила такъ смѣло, какъ не ожидала, и говорила такимъ трогательнымъ тономъ, хотя сквозь слезы, но совершенно отчетливо, что видѣла, какъ нѣкоторые плакали, слушая меня.

Судьи были торжественно молчаливы; они снисходительно меня выслушали и позволили вполне высказаться, но, не отвѣтивъ на мою рѣчь ни да, ни нѣтъ, приговорили меня къ смертной казни. Этотъ приговоръ поразилъ меня, какъ сама смерть, я потеряла рассудокъ; я лишилась языка и не могла говорить; я лишилась глазъ и не могла поднять ихъ на Бога и людей.

Моя бѣдная гувернантка совершенно упала духомъ; она, утѣшавшая меня прежде, теперь сама нуждалась въ утѣшеніи: она то рыдала, то приходила въ бѣшенство и была внѣ себя, какъ сумасшедшая изъ Бедлама.

Скорѣе можно представить, чѣмъ описать то положеніе, въ которомъ я находилась теперь; передо мною ничего не было, кромѣ смерти; я не имѣла друзей, которые могли бы ходатайствовать о помилованіи, и мнѣ оставалось одно: прочитать свое имя въ приказѣ объ исполненіи казни, въ ряду другихъ пяти такихъ же несчастныхъ; и этотъ приказъ долженъ быть объявленъ въ слѣдующую пятницу.

Между тѣмъ, по просьбѣ моей бѣдной гувернантки, меня навѣстилъ пасторъ. Онъ серьезно увѣщевалъ меня покаяться во всѣхъ моихъ грѣхахъ и не шутить больше съ своей душой; онъ не обнадеживалъ меня избавленіемъ отъ смерти, такъ какъ ему хорошо извѣстно, говорилъ онъ, что я не могу ожидать этого; но совѣтовалъ искренно и всѣмъ сердцемъ обратиться къ Богу и вымолить у него прощеніе во имя Іисуса Христа. Онъ подтверждалъ свои увѣщеванія подходящими текстами Священнаго Писанія, которые побуждаютъ раскаяться самыхъ великихъ грѣшниковъ и отвращаютъ ихъ отъ дурного пути. Когда онъ кончилъ, онъ сталъ вмѣстѣ со мною на колѣни и началъ молиться.

Это было въ первый разъ, что я почувствовала въ своей душѣ признаки истиннаго раскаянія, я начинала съ ужасомъ разбирать свою прошлую жизнь и, имѣя передъ собой иную перспективу, что, я думаю, случается съ каждымъ въ подобныя минуты, я стала смотрѣть на все другимъ взглядомъ, чѣмъ прежде, и печали жизни представились мнѣ въ иномъ видѣ, чѣмъ прежде; въ моихъ мысляхъ явилось что то высшее, что заставляло меня не придавать никакого значенія тому, что я считала важнымъ и что теперь не имѣло никакой цѣны въ моихъ глазахъ. Слово «вѣчность» предстало предо мною со всѣми его непостижимыми дополненіями и во мнѣ родилось такое обширное познаніе міра, какого я до сихъ поръ не могла представить.

Добрый пасторъ былъ глубоко тронутъ, видя, какое вліяніе оказываютъ на меня его увѣщанія; онъ благословлялъ Бога, допустившаго его навѣстить меня, и рѣшилъ не оставлять меня до самой послѣдней минуты.

Прошло не менѣе двѣнадцати дней послѣ того, какъ мы получили приговоръ, и никто изъ насъ еще не былъ отправленъ на казнь; потомъ былъ присланъ приказъ объ исполненіи казни, въ которомъ между другими стояло и мое имя. Это нанесло страшный ударъ моимъ новымъ намѣреніямъ, сердце мое замерло и я два раза падала въ обморокъ, но не гово-

рила ни слова. Добрый пасторъ былъ глубоко опечаленъ этимъ и дѣлалъ все, чтобы успокоить меня, приводя тѣ же аргументы и съ тѣмъ же трогательнымъ краснорѣчіемъ, которымъ дѣйствовалъ прежде. Онъ пробылъ у меня такъ долго вечеромъ, что тюремные сторожа хотѣли дозволить ему остаться въ тюрьмѣ, если только онъ пожелаетъ быть запертымъ со мной, на что онъ не согласился.

Я очень удивилась, когда не увидѣла его на другой день, который былъ кануномъ казни; я была страшно обезкуражена и удручена; дѣйствительно, я почти всегда была въ обморокѣ, если не слушала его утѣшеній, которыми я такъ часто и такъ успѣшно пользовалась съ самаго перваго его посѣщенія. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ и подъ гнетомъ самыхъ ужасныхъ мыслей, какія можно только представить, я ожидала его до четырехъ часовъ, когда онъ вошелъ въ мою камеру. Надо замѣтить, что благодаря деньгамъ, безъ которыхъ здѣсь нельзя ступить шага, мнѣ сдѣлали снисхожденіе и не заперли въ яму вмѣстѣ съ другими осужденными на казнь, а дали отдѣльную маленькую комнату.

Въ моей груди сердце затрепетало отъ радости, когда я, еще не видя его, услышала у двери его голосъ, но пусть судятъ, какое волненіе охватило мою душу, когда онъ послѣ короткихъ извиненій въ томъ, что не пришелъ, объявилъ мнѣ, что онъ употребилъ это время для моей пользы и получилъ благопріятное увѣдомленіе отъ прокурора, который пересмотрѣлъ мое дѣло; словомъ, онъ принесъ извѣстіе объ отсрочкѣ моей казни. Онъ со всевозможными предосторожностями сообщилъ мнѣ то, что было вдвойнѣ жестоко скрывать отъ меня; ибо, какъ прежде перевернуло меня горе, такъ теперь перевернула меня радость: я упала въ обморокъ болѣе опасный, чѣмъ прежде, было не легко привести меня въ чувство.

На другой день въ тюрьмѣ произошла по истинѣ печальная сцена. Первое, чѣмъ привѣтствовало меня утро, былъ погребальный звонъ большого колокола въ церкви Гроба Господня. Лишь только онъ раздался, какъ изъ ямы осужденныхъ послышались мрачные стоны и крики пяти несчастныхъ, которые томились тамъ и которыхъ должны были казнить въ этотъ день за разные преступленія, въ томъ числѣ двухъ за убійство.

Къ ихъ стонамъ примѣшивался смѣшанный гулъ тюрьмы, гдѣ заключенные грубо выказывали свое сочувствіе несчастнымъ, идущимъ на смерть; ихъ горе выражалось различно: одни плакали, другіе посылали имъ жестокое ура съ пожеланіемъ счастливаго пути, третьи проклинали и осуждали тѣхъ, кто посылалъ ихъ на эшафотъ; многіе жалѣли осужденныхъ и весьма немногіе молились за нихъ.

Здѣсь почти не было мѣста такому душевному состоянію, чтобы я могла сосредоточить свои мысли и благословлять милосердное Провидѣніе, которое вырвало меня изъ когтей вѣчной смерти; но я молчала, какъ нѣмая, я была поглощена однимъ этимъ чувствомъ и была неспособна выразить то, что волновало мою душу; въ такихъ случаяхъ страсти слишкомъ сильно возбуждаютъ человѣка, чтобы онъ могъ управлять ихъ движеніемъ.

Все время, пока несчастные осужденные готовились къ смерти и священникъ Ньюгетской тюрьмы находился при нихъ, увѣщевая покориться приговору, все это время меня трясла такая сильная дрожь, какъ будто мое положеніе было то же, что и вчера; я была такъ взволнована этимъ внезапнымъ припадкомъ, что тряслась, какъ въ лихорадкѣ, я не могла ни смотрѣть, ни говорить и ходила, какъ помѣшанная. Едва ихъ посадили въ колесницу и повезли, — у меня неостало присутствія духа видѣть это, — едва ихъ повезли, говорю я, какъ ко мнѣ подступили слезы, я невольно начала рыдать и рыдала долго, не имѣя силъ остановить слезы.

Такой приступъ продолжался со мной около двухъ часовъ, я полагаю до тѣхъ поръ, пока всѣ несчастные не оставили этотъ міръ; затѣмъ меня охватила тихая и строгая радость покаянія. То было истинно восторженное чувство благодарности за спасенную жизнь, и этимъ чувствомъ я жила почти весь день.

XXII.

Мнѣ замѣняютъ казнь ссылкой. — Свиданіе съ Ланнаширскимъ мужемъ.

Спустя двѣ недѣли у меня явились основанія опасаться, что въ слѣдующую сессію меня включать въ приказъ объ исполненіи смертной казни; съ большими трудностями послѣ самой униженной просьбы мнѣ замѣнили казнь ссылкой; я пользовалась слишкомъ дурной извѣстностью и на меня смотрѣли, какъ на женщину, совершившую не въ первый разъ преступленіе, хотя въ данномъ случаѣ ко мнѣ относились не особенно справедливо, потому что передъ закономъ я не была рецидивисткой, такъ какъ судилась только въ первый разъ, чѣмъ и воспользовался прокуроръ предложивъ суду вновь пересмотрѣть мое дѣло.

Теперь я была увѣрена, что мнѣ оставили жизнь, хотя и сохранили ее при тяжкихъ условіяхъ; я была осуждена на изгнаніе, что было само по себѣ ужасно, хотя все же лучше смерти. Я не возражала ни противъ приговора, ни противъ выбора мѣста ссылки; когда передъ глазами стоитъ смерть и

особенно такая, какая меня ожидала, мы готовы на все, лишь бы избѣжать ее.

Теперь возвращусь къ моей гувернантѣ, которая опасно заболѣла и которая, видя приближеніе смерти отъ болѣзни, какъ я видѣла ее по приговору, покаялась; все это время она не была у меня, но когда поправилась и стала выходить, она тотчасъ пришла.

Я описала ей все, что произошло со мной за это время; я рассказала, какъ волновали меня приливы и отливы страха и надежды, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ я избѣжала своей роковой участи; бывшій тутъ же пасторъ выразилъ опасеніе, что я снова начну порочную жизнь, когда мнѣ придется попасть въ ужасное общество людей, обыкновенно отправляемыхъ въ ссылку. Дѣйствительно, я сама съ грустью думала объ этомъ, мнѣ было хорошо извѣстно, какихъ страшныхъ каторжниковъ высаживаютъ на берега Виргиніи, потому я и сказала своей гувернантѣ, что опасенія пастора имѣютъ свои основанія.

— Да, да!—отвѣчала она,—но я надѣюсь, что тебя не соблазнятъ такіе ужасные примѣры. Но лишь только вышелъ пасторъ, она сказала, что не слѣдуетъ падать духомъ, потому что, можетъ быть, найдется возможность устроить меня совершенно иначе, о чемъ подробнѣе поговорить со мною потомъ.

Я внимательно посмотрѣла на нее и замѣтила, что она имѣла болѣе бодрый и веселый видъ, чѣмъ обыкновенно; немедленно у меня возникли тысячи предположеній относительно моего освобожденія, но я не могла себѣ представить ни одного, которое можно было бы осуществить; однако я слишкомъ заинтересовалась этимъ, чтобы позволить ей уйти, не объяснившись въ чемъ дѣло. Она отказывалась, но такъ какъ я сильно настаивала, то она намекнула мнѣ на свои планы въ нѣсколькихъ словахъ:

— Есть у тебя деньги, или нѣтъ? Знала ли ты когданибудь женщину, которая отправлялась бы въ ссылку, имѣя въ карманѣ 100 фунтовъ, дитя мое?

Я сразу поняла въ чемъ дѣло, но сказала, что у меня нѣтъ основаній надѣяться на что либо, кромѣ самаго строгаго исполненія приговора, и такъ какъ на эту строгость мы должны смотрѣть, какъ на милость, то нѣтъ повода думать, что его не исполнять во всей точности. На это она отвѣтила только: попробуемъ, что можно будетъ сдѣлать... На этомъ мы разстались.

Послѣ этого я прѣбыла въ тюрьмѣ еще около пятнадцати недѣль,—почему такъ долго, я не знаю,—но въ концѣ этого времени меня посадили на корабль въ Темзѣ вмѣстѣ съ шайкой изъ тринадцати такихъ подлыхъ и такихъ ожесточенныхъ созданий, какихъ никогда не производилъ Ньюгетъ въ мое время;

дѣйствительно, описаніе всѣхъ ихъ безстыдствъ, дерзкихъ плутней, ихъ поведенія во время путешествія составило бы гораздо большій рассказъ, чѣмъ исторія моей жизни; у меня сохранились интересныя записки по этому поводу, подробно составленныя капитаномъ корабля и его помощникомъ.

Безъ сомнѣнія, надо полагать, что было бы бесполезно входить здѣсь въ описаніе тѣхъ незначительныхъ случайностей, которыя произошли со мной въ промежутокъ времени между окончательнымъ распоряженіемъ о моей высылкѣ и отправкой меня въ Америку. Исторія моя близится къ концу и потому для такихъ подробностей нѣтъ мѣста, но я опишу только обстоятельства, сопровождавшія мою встрѣчу съ моимъ ланкаширскимъ мужемъ.

Какъ я уже говорила, онъ былъ переведенъ изъ главнаго общаго отдѣленія въ обыкновенную тюрьму, на тюремномъ дворѣ, вмѣстѣ съ тремя своими товарищами, такъ какъ, спустя нѣкоторое время, къ нимъ прислали третьяго; здѣсь, я не знаю почему, они сидѣли цѣлыхъ три мѣсяца, въ ожиданіи суда. Вѣроятно, они нашли возможность подкупить свидѣтелей и потому судъ не имѣлъ доказательствъ для ихъ обвиненія. Наконецъ послѣ всевозможныхъ затрудненій судъ собралъ достаточно уликъ противъ двухъ, которыхъ и приговорили въ ссылку; но другіе двое, и одинъ изъ нихъ мой ланкаширскій мужъ, оставались еще въ подозрѣніи. Я полагаю, что противъ cadaго изъ нихъ у суда были ясныя улики, но по закону судъ обязанъ непременно допросить двухъ свидѣтелей, безъ которыхъ онъ не имѣетъ права рѣшить дѣла; тѣмъ не менѣе судъ постановилъ не выпускать ихъ изъ тюрьмы, въ полной увѣренности, что въ концѣ концовъ явятся такіе свидѣтели; какъ мнѣ кажется, съ этой цѣлью была сдѣлана публикація, въ которой объявляли, что въ тюрьмѣ заключены такіе то преступники и что каждый желающій можетъ ихъ видѣть.

Желая удовлетворить свое любопытство, я воспользовалась этимъ случаемъ и, заявивъ, что меня ограбили въ почтовой Денстэбльской каретѣ, я объявила, что желаю видѣть двухъ разбойниковъ съ большой дороги; отправляясь на тюремный дворъ, я переодѣлась и закутала свое лицо такъ, что его было почти не видно, и онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ меня узнать. Когда я возвратилась оттуда къ себѣ, то объявила всѣмъ, что я хорошо знаю обоихъ преступниковъ.

Тотчасъ по всей тюрьмѣ разнесся слухъ, что Молль Флэндерсъ хочетъ представить улики противъ одного изъ грабителей на большой дорогѣ, и что вслѣдствіе этого приговоръ о моей ссылкѣ будетъ отмѣненъ.

Они тоже узнали объ этомъ, и мой мужъ немедленно пожелалъ увидѣть эту Молль Флэндерсъ, которая такъ хорошо

знаетъ и хочетъ быть свидѣтельницей противъ него; поэтому я получила позволеніе пойти къ нему. Я надѣла свое лучшее платье, получивъ на это разрѣшеніе, и отправилась на тюремный дворъ, закрывъ лицо особенной повязкой; сначала онъ очень мало говорилъ со мной, онъ спросилъ знаю ли я его; я отвѣчала: «да, очень хорошо», такъ измѣнивъ голосъ, что это вмѣстѣ съ закрытымъ лицомъ лишало его возможности составить себѣ малѣйшее представленіе обо мнѣ. Затѣмъ онъ опять спросилъ, гдѣ я его видѣла, я отвѣчала: между Денстэблемъ и Брикхилемъ; причемъ, обратясь къ бывшему тутъ стражнику, я сказала, не можетъ ли онъ оставить насъ вдвоемъ; послѣдній очень вѣжливо удалился.

Едва только онъ вышелъ, какъ я заперла дверь, сняла свою повязку и, заливаясь слезами, воскликнула:

— Дорогой мой, вы не узнали меня?

Онъ поблѣднѣлъ и не могъ выговорить слова, какъ пораженный громовымъ ударомъ; будучи не въ силахъ сдержать свое изумленіе, онъ сказалъ только: «Поввольте мнѣ сѣсть». Потомъ онъ сѣлъ возлѣ стола, подперъ рукой голову и въ оцѣпенѣніи опустилъ глаза внизъ. Съ своей стороны, я сильно плакала и долго не могла выговорить слова, но потомъ, давъ волю своей страсти, я повторяла одно: «Дорогой мой, вы не узнали меня». На это онъ отвѣтилъ «Нѣтъ». Долго онъ не говорилъ ни слова. Чувство изумленія не оставляло его, наконецъ онъ поднялъ на меня глаза и сказалъ:

— Неужели вы такъ жестоки?—Я не поняла, что онъ хотѣлъ и отвѣчала:

— Неужели вы можете называть меня жестокой?

— Прийти ко мнѣ сюда, въ это проклятое мѣсто, сказалъ онъ, не значить ли это—оскорблять меня! Но вѣдь я не ограбилъ васъ по крайней мѣрѣ на большой дорогѣ?

Изъ этого я увидѣла ясно, что онъ ничего не знаетъ о моей несчастной жизни, и думаетъ, что я, услышавъ, что онъ здѣсь, явилась съ цѣлью упрекать его за то, что онъ меня бросилъ. Но я коротко объяснила, что пришла не для того, чтобы оскорблять его, а напротивъ, я пришла къ нему съ цѣлью взаимнаго утѣшенія, въ чемъ онъ убѣдится, когда я скажу ему, что мое положеніе во многихъ отношеніяхъ хуже его. Послѣднія слова его нѣсколько встревожили, хотя онъ и спросилъ меня, съ легкой насмѣшкой:

— Развѣ это возможно? Вы застаеъ меня въ Ньюгетѣ, между двумя приговоренными товарищами, и говорите, что ваше положеніе хуже моего.

— Такъ, сказала я, все это вѣрно, но если я вамъ объясню, что я приговорена къ смерти, тогда вы согласитесь, что мое положеніе хуже вашего.

Теперь онъ замолкъ, какъ будто у него отнялся языкъ... Мы съли и я рассказала ему изъ моей жизни все, что нашла удобнымъ, объяснивъ, что я впала въ крайнюю бѣдность, которая будто бы и бросила меня въ дурное общество.

— На мое несчастье, объясняла я, меня приняли въ тюрьмѣ за нѣкую извѣстную и знаменитую воровку Молль Флэндерсъ, о которой всѣ слыхали, но никто не видѣлъ... Но это, какъ ему хорошо извѣстно, не мое имя. Долго я рассказывала ему о томъ, что было со мною съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались; и между прочимъ, какъ я видѣла его въ то время, когда онъ не подозрѣвалъ объ этомъ, видѣла въ Брикхиллѣ, гдѣ его преслѣдовали и гдѣ я объявила всѣмъ, что знаю его какъ честнаго джентльмена. Благодаря моему заявленію, облаву прекратили, и констебль распустилъ верховыхъ по домамъ.

Онъ очень внимательно слушалъ всю мою исторію, многія подробности часто вызывали его улыбку, онъ находилъ ихъ интереснѣе своихъ. Но, когда я рассказала о Брикхиллѣ, онъ въ изумленіи воскликнулъ:

— Значить это вы, моя дорогая, остановили народъ въ Брикхиллѣ!

— Да, отвѣтила я и снова повторила рассказъ.

— Итакъ, вы мнѣ тогда спасли жизнь! Я счастливъ тѣмъ, что вамъ обязанъ ею, потому что теперь хочу отплатить вамъ тѣмъ же, я хочу освободить васъ, цѣною своей жизни.

Я объяснила ему, что ничего этого не надо, что это былъ бы очень большой рискъ, что не стоитъ подвергать себя случайности, ради ничего нестойущей жизни. «Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—эта жизнь для меня дороже всего на свѣтѣ, эта жизнь дала мнѣ новую жизнь, потому что до послѣдней минуты я никогда не подвергался такой опасности, какъ въ тотъ разъ».

При этомъ онъ рассказалъ мнѣ длинную исторію своей жизни, дѣйствительно очень оригинальную и занимательную исторію, изъ которой я узнала, что онъ вышелъ на большую дорогу за одиннадцать лѣтъ до того времени, когда женился на мнѣ; что женщина, называвшая его «братомъ», совсѣмъ не была его родственницей, а принадлежала къ ихъ шайкѣ; она вела съ ними переписку, жила постоянно въ городѣ, потому что имѣла очень много знакомыхъ; она сообщала точныя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, выѣзжавшихъ изъ Лондона, которые могли служить предметомъ богатой добычи; она думала прибрать къ рукамъ мое состояніе, въ то время когда привезла меня къ нему, но обманулась, потому что онъ не согласился на это; узнавъ отъ нея, что я очень богата, онъ рѣшилъ бросить свою удалую жизнь на большой дорогѣ и начать новую жизнь, не показываясь нигдѣ въ обществѣ, пока послѣдуетъ какая нибудь общая амнистія или пока найдетъ случай купить прощеніе при

помощи денег; но дѣла приняли иной оборотъ, и ему пришлось взяться за старое ремесло.

Долго онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ приключеніяхъ. Изъ нихъ особенно были замѣчательны ограбленіе почтовыхъ каретъ изъ Уэстъ-Честера возлѣ Ликфильда, гдѣ ему досталась большая добыча, и нападеніе на пять скотоводовъ на Западѣ, ѣхавшихъ на ярмарку изъ Бедфорда въ Уилтширъ за покупкой барановъ; за эти два раза онъ добылъ столько денегъ, что, по его словамъ, если бы онъ зналъ, гдѣ я находилась, то навѣрное принялъ бы мое предложеніе отправиться вмѣстѣ со мной въ Виргинію, гдѣ мы могли бы устроиться, приобрести плантацію или поселясь въ какой нибудь другой англійской колоніи.

Онъ написалъ мнѣ три письма, по указанному мною адресу, но ни на одно не получилъ отвѣта. Дѣйствительно, я очень хорошо знала, что эти письма я получила въ то время, когда была женой моего послѣдняго мужа, и не могла на нихъ отвѣтить...

Послѣ этого я просила его рассказать мнѣ сущность настоящаго дѣла и чѣмъ оно угрожаетъ ему. Онъ объяснилъ, что противъ него нѣтъ никакихъ уликъ, хотя его обвиняють въ трехъ послѣднихъ грабежахъ, изъ которыхъ, по счастливой случайности, онъ замѣшанъ только въ одномъ. Къ тому же противъ него имѣется только одинъ свидѣтель, чего для суда недостаточно; но судъ полагаетъ, что найдутся другіе, и потому, когда онъ увидѣлъ меня, то думалъ, что я пришла сюда именно съ этой цѣлью. Такимъ образомъ онъ полагаетъ, что, если никто не покажетъ противъ него, тогда его оправдаютъ, хотя онъ имѣетъ указанія, что, въ случаѣ его согласія, его отправятъ въ ссылку безъ суда; но онъ готовъ идти лучше на висѣлицу, чѣмъ въ ссылку, такъ какъ безъ ужаса не можетъ подумать о томъ, что его сошлютъ на плантацію, подобно тому, какъ римляне ссылали своихъ рабовъ въ рудники. Это общее мнѣніе всѣхъ джентльменовъ, которые, благодаря своей злосчастной судьбѣ, стали разбойничать на большой дорогой; казнъ положить конецъ всѣмъ земнымъ бѣдствіямъ; что же касается вопроса, что будетъ потомъ, то, по его мнѣнію, каждый человѣкъ скорѣе можетъ искренно раскаться въ теченіи послѣднихъ пятнадцати дней своего существованія, подъ вліяніемъ грядущей казни и жизни въ тюремной ямѣ для осужденныхъ, чѣмъ въ пустыняхъ и лѣсахъ Америки; что рабство и каторжные работы такіа вещи, до которыхъ не можетъ унизиться истинный джентльменъ; что онъ служить средствомъ заставить cadaго изъ нихъ сдѣлаться собственнымъ палачомъ; это гораздо хуже и у него не достанетъ терпѣнія даже думать объ этомъ.

Я употребила всю силу моего краснорѣчія, чтобы разубѣдить его въ его взглядахъ, прибавя самый краснорѣчивый доводъ женщины—слезы. Я говорила ему, что позоръ публичной казни долженъ подѣйствовать на джентльмена сильнѣе всякаго другого оскорбленія, какое онъ можетъ встрѣтить за моремъ, что во всякомъ случаѣ лучше жить, чѣмъ умереть отъ насильственной смерти; что ему будетъ не трудно приобрести расположеніе капитана корабля, такъ какъ обыкновенно это бываютъ люди съ прекраснымъ характеромъ, и что, ведя себя хорошо и особенно имѣя деньги, онъ всегда найдетъ возможность выкупить себя, по прибытіи въ Виргинію, особенно, если, какъ мнѣ кажется у него нѣтъ недостатка въ деньгахъ, которыя въ подобномъ положеніи являются единственнымъ вѣрнымъ другомъ.

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ, что не говорилъ мнѣ, что у него есть деньги. Я рѣзко перебила его, сказавъ, что изъ моего разговора нельзя было придти къ заключенію, что я ожидаю отъ него какой-либо помощи, если онъ и имѣетъ деньги; не смотря на то, что у меня ихъ немного, я не нуждаюсь, и скорѣе прибавлю къ его запасу, чѣмъ возьму у него; я предлагаю ему это не потому, чтобы не могла обойтись безъ его помощи, но думаю, что намъ лучше всего покинуть отечество и отправиться жить туда, гдѣ мы будемъ жить свободно, а не подъ гнетомъ воспоминаній о тюрьмѣ, гдѣ мы станемъ размышлять о нашихъ прошлыхъ бѣдствіяхъ, сознавая, что наши враги насъ забыли и что мы живемъ новыми людьми въ новомъ мірѣ, не зная никого, кто бы могъ напомнить намъ наше прошлое.

Я высказывала всѣ эти доводы такъ горячо и на всѣ его страстные возраженія я отвѣчала такъ убѣдительно, что наконецъ онъ обнялъ меня и сказалъ, что моя искренняя привязанность къ нему побѣдила его и что онъ приметъ мой совѣтъ и заставитъ себя подчиниться роковой судьбѣ, надѣясь найти поддержку въ такомъ вѣрномъ другѣ и товарищѣ по несчастью.

XXIII.

На борту корабля.—Письмо къ моей гувернанткѣ.—Мой мужъ отправляется вмѣстѣ со мной.

Но возвращаясь къ себѣ. Время моего отправленія приближалось. Моя гувернантка, продолжая быть моимъ вѣрнымъ другомъ, дѣлала попытки исходатайствовать мнѣ прощеніе, но я не могла получить его, не истративъ всего моего капитала; такимъ образомъ мнѣ пришлось бы приниматься за свое ста-

рое ремесло, что было хуже всякой ссылки, гдѣ я могла такъ или иначе существовать.

Въ февралѣ мѣсяцѣ мы въ числѣ тринадцати ссыльныхъ были сданы купцу, который производилъ торговлю съ Виргиніей, на корабль, стоявшій на якорѣ въ Дептфордъ-ригѣ. Тюремный офицеръ доставилъ насъ на бортъ корабля, и хозяинъ корабля выдалъ ему росписку въ полученіи.

Ночью надъ нашей каютой заперли люкъ и насъ помѣстили такъ тѣсно, что я боялась задохнуться отъ недостатка воздуха; на другой день утромъ корабль поднялъ якорь, и мы спустились по рѣкѣ до мѣста, извѣстнаго подъ именемъ Бьюгсбойсъ-Холь; говорили, что это сдѣлали по соглашенію съ купцомъ, чтобы лишить насъ всякой возможности бѣжать. Однако же, когда корабль сталъ здѣсь на якорь, намъ позволили выйти на палубу, хотя и не на шканцы, которые обыкновенно предназначаются для капитана и пассажировъ.

Когда по шуму шаговъ надъ моей головой и движенію корабля я замѣтила, что мы идемъ подъ парусами, то пришла въ сильное недоумѣніе; я боялась, что мы уйдемъ, не повидавшись съ нашими друзьями; но скоро я разубѣдилась въ этомъ, слыша, что бросаютъ якорь; въ то же время кто то сообщилъ, что утромъ намъ позволятъ выйти на палубу для свиданія съ тѣми, кто къ намъ пріѣдетъ.

Всю эту ночь я спала на голомъ полу, вмѣстѣ съ другими арестантами; но потомъ намъ отвели маленькія каморки, по крайней мѣрѣ тѣмъ, у кого были постели, и уголь для сундука или чемодана съ бѣльемъ, если кто имѣлъ его. Это необходимо прибавить, потому что у нѣкоторыхъ только и были тѣ сорочки, что на нихъ, и ни одного фартинга въ карманѣ. Однако же я не видѣла, чтобы они терпѣли большую нужду на кораблѣ, особенно женщины, которымъ матросы давали за деньги стирать свое бѣлье и пр., что давало тѣмъ возможность пріобрѣтать необходимое.

Когда на слѣдующее утро насъ выпустили на палубу, я спросила у одного изъ служащихъ, разрѣшать ли мнѣ послать на берегъ письмо моимъ друзьямъ, чтобы они, узнавъ гдѣ мы стоимъ, могли прислать мнѣ нѣкоторыя необходимыя вещи. Это былъ боцманъ, человѣкъ очень вѣжливый и пріятливый; онъ объяснилъ, что съ первымъ приливомъ въ Лондонъ отправится корабельный ботъ и онъ сдѣлаетъ распоряженіе доставить на немъ мое письмо.

Дѣйствительно, онъ доставилъ мое письмо въ руки гувернантки и привезъ отвѣтъ; передавая мнѣ письмо, онъ возвратилъ данный мною шиллингъ, говоря:

— Возьмите ваши деньги, онѣ не понадобились, письмо я доставилъ самъ.

Меня такъ удивило это, что сначала я не знала, что ему сказать, однако, послѣ небольшой паузы, я отвѣтила:

— Вы слишкомъ добры, сэръ; и было бы совершенно справедливо, если бы вы оставили деньги у себя за исполненіе моего порученія.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ,—мнѣ и такъ хорошо заплатили. Кто эта дама? Ваша сестра?

— Нѣтъ; она хотя мнѣ и не родственница, но мой самый дорогой и единственный другъ въ мірѣ.

— Вѣрно, что мало такихъ на свѣтѣ друзей. Вы знаете, она плакала, какъ ребенокъ, читая ваше письмо.

— О, да,—замѣтила я,—я увѣрена, что она не пожалѣла бы и ста фунтовъ, если бы могла вырвать меня изъ этого ужаснаго положенія.

— Неужели?—спросилъ онъ,—но я думаю, что я могъ бы за половину дать вамъ возможность освободиться... Онъ такъ тихо сказалъ эти слова, что ихъ никто не могъ услышать.

— Увы, сэръ,—отвѣчала я,—но это было бы такое освобожденіе, что если бы меня поймали, то я заплатила бы за него своею жизнью.

— Да, разъ вы уйдете съ корабля, надо быть очень осторожной, и въ этомъ отношеніи я ничего не могу сказать.

На этомъ мы пока прекратили разговоръ.

Между тѣмъ моя гувернантка, вѣрная до послѣдней минуты, передала письмо моему мужу въ тюрьму и получила на него отвѣтъ; на другой день, она пріѣхала сама, привезла мнѣ, во-первыхъ, такъ называемую морскую койку и обыкновенную домашнюю утварь; потомъ сундукъ, сдѣланный специально для моряковъ, со всѣми удобствами и наполненный всѣмъ, что мнѣ было необходимо; въ одномъ изъ угловъ этого сундука устроенъ былъ потаенный ящикъ, въ которомъ хранилась моя касса, то есть въ ней она положила столько денегъ, сколько я рѣшила взять съ собой. Я просила ее оставить у себя часть моего капитала, съ тѣмъ чтобы она купила и прислала мнѣ потомъ тѣ вещи, которыя понадобятся, когда я устроюсь, потому что деньги не имѣютъ особеннаго значенія тамъ, гдѣ все покупаютъ за табакъ; при самомъ большомъ благоразуміи было бы не выгодно вести ихъ отсюда.

Но мое положеніе въ этомъ отношеніи было совершенно особенное: я не могла отправляться въ ссылку безъ денегъ и безъ вещей, но съ другой стороны не могло не обратить на себя вниманіе то, что бѣдная арестантка, которая должна быть проданной тотчасъ какъ ступить на берегъ, везетъ съ собой большой грузъ различныхъ товаровъ; эти товары могли конфисковать; поэтому я взяла съ собою только часть своего капитала, оставя другую у моей гувернантки.

Она привезла мнѣ много другихъ вещей, но я должна была не особенно выставять ихъ на показъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не узнаю характера нашего капитана. Когда моя гувернантка вошла на корабль, я дѣйствительно думала, что она умретъ; у нея замерло сердце при мысли, что она разстается со мной въ такомъ положеніи; она плакала такъ безутѣшно, что я долго не могла съ ней говорить.

Тѣмъ временемъ я успѣла прочесть письмо отъ моего мужа, въ которомъ онъ говорилъ, что не можетъ такъ скоро собраться, чтобы отправиться со мной на одномъ кораблѣ; но главное, онъ начинаетъ сомнѣваться, чтобы ему позволили выбрать корабль по своему желанію, хотя онъ отправляется въ ссылку не по суду, а добровольно; если же, благодаря какому нибудь несчастію на морѣ или моей смерти, онъ не застанетъ меня тамъ, то это погубитъ его навсегда.

Все это представляло такія затрудненія, что я не знала, что дѣлать; я рассказала моей гувернанткѣ наше дѣло съ мужемъ, не открывая впрочемъ, что онъ мой мужъ, и объяснивъ только, что мы согласились ѣхать вмѣстѣ, если ему разрѣшатъ отправиться на томъ же кораблѣ, и что онъ имѣетъ деньги.

Теперь же главной заботой было устроить такъ, чтобы онъ могъ отправиться на одномъ кораблѣ со мной, чего мы наконецъ и достигли, хотя съ большими затрудненіями, при чемъ онъ долженъ былъ подвергнуться всѣмъ формальностямъ ссыльнаго каторжника, хотя отправлялся въ ссылку не по суду; это было для него большимъ оскорбленіемъ. Правда, его освободили отъ рабства и потому его не могли, какъ насъ, продать по прибытіи въ Виргинію, но за то онъ былъ обязанъ заплатить за свое путешествіе капитану, отъ чего мы были избавлены; все это привело его наконецъ въ такое недоумѣніе, что онъ, какъ ребенокъ, не могъ ничего дѣлать безъ указаній.

Между тѣмъ я провела цѣлыхъ три недѣли въ неопредѣленномъ положеніи: я не знала, будетъ ли со мною мой мужъ или нѣтъ, поэтому я и не могла рѣшить, въ какомъ смыслѣ принять предложеніе честнаго боцмана, что по справедливости казалось ему весьма страннымъ.

Въ концѣ этого времени мой мужъ прибылъ на корабль; онъ былъ раздраженъ и имѣлъ унылый видъ; его гордое сердце кипѣло гнѣвомъ и негодованіемъ на то, что его, какъ каторжника, привели и бросили на корабль три Ньюгетскихъ тюремныхъ сторожа. Онъ горько ропталъ на своихъ друзей, которые хотя и ходатайствовали о немъ, но встрѣтили большія затрудненія и имъ объявили, что ему оказана большая милость, потому что послѣ полученнаго имъ разрѣшенія на добровольную ссылку открылись противъ него такія улики, что

его слѣдовало предать суду. Этотъ отвѣтъ успокоилъ моего мужа, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что ожидало его послѣ суда, и теперь только онъ оцѣнилъ мой совѣтъ согласиться на добровольную ссылку; когда онъ успокоился и его раздраженіе противъ этихъ адскихъ ищеекъ, какъ онъ называлъ судей, прошло, лицо его прояснилось и онъ сталъ веселъ. Я сказала ему, какъ я счастлива, что мнѣ удалось второй разъ вырвать его изъ когтей. Онъ обнялъ меня и съ глубокой нѣжностью призналъ, что я дѣйствительно дала ему такой совѣтъ, лучше котораго нельзя было придумать.

— Дорогая моя, сказалъ онъ, — ты мнѣ два раза спасла жизнь! Отнынѣ она принадлежитъ тебѣ и я всегда буду слѣдовать твоимъ совѣтамъ.

Первой нашей заботой было опредѣлить наши средства; онъ откровенно объяснилъ мнѣ, что, когда его привели въ тюрьму, то у него былъ порядочный капиталъ, но жизнь тамъ, на правахъ джентльмена, приобрѣтеніе друзей и расходы по веденію процесса стали очень дорого, такъ что у него осталось всего 108 фунтовъ золотомъ, которые и находятся при немъ.

Главное наше неудобство заключалось въ томъ, что капиталъ въ деньгахъ не былъ производителенъ при поселеніи; я полагаю, что у моего мужа дѣйствительно не было денегъ больше того, сколько онъ говорилъ; но у меня въ то время, когда случилось со мной это несчастье, лежало въ банкѣ отъ 700 до 800 фунтовъ, которые находились въ рукахъ моей вѣрной подруги. Не смотря на то, что эта женщина была безъ принциповъ, она сохранила ихъ, и такимъ образомъ помимо тѣхъ, что я брала съ собой, у нея оставалось 300 фунтовъ моихъ денегъ; кромѣ того я увозила съ собой много цѣнныхъ вещей, между прочимъ двое золотыхъ часовъ, столовую серебрянную посуду и нѣсколько колецъ: и все это было краденное. Съ такимъ состояніемъ и имѣя шестьдесятъ одинъ годъ отъ роду, я пустилась въ новый міръ въ качествѣ ссыльной, которую изъ милосердія отправили за море вмѣсто того, чтобы отправить на висѣлицу. На мнѣ было старое, хотя чистое и необорванное платье, и на всемъ кораблѣ никому не было извѣстно, что я везу съ собой богатый грузъ.

Но такъ какъ у меня былъ большой запасъ очень хорошихъ платьевъ и бѣлья, то я просила уложить все въ два сундука и доставить на корабль, адресовавъ его на мое настоящее имя въ Виргинію; билетъ на этотъ багажъ былъ у меня въ карманѣ, въ сундукахъ вмѣстѣ съ платьемъ и бѣльемъ лежали всѣ цѣнныя вещи, часы, кольца и пр., кромѣ тѣхъ денегъ, которыя я спрятала въ бывшій со мною сундукъ въ потаенномъ ящикѣ. Открыть этотъ ящикъ постороннему лицу нельзя было, не разбивши въ куски всего сундука.

Теперь корабль начиналъ наполняться пассажирами, которыхъ размѣстили очень удобно въ большой и малыхъ каютахъ; только насъ каторжниковъ забили внизъ, я не знаю куда. Когда привели моего мужа, я обратилась къ боцману, уже представившему столько доказательствъ своего расположенія ко мнѣ сказала, что я такъ часто обращалась къ его помощи, что не хочу оставаться у него въ долгу и прошу принять отъ меня подарокъ. При этомъ я положила ему въ руку гинею и объяснила, что здѣсь мой мужъ и мы находимся въ самомъ несчастномъ положеніи: мы не принадлежимъ къ тому разряду людей, съ которыми мы прибыли сюда, и потому хотѣли бы знать, не можемъ-ли мы получить отъ капитана разрѣшеніе воспользоваться нѣкоторыми удобствами, за что мы охотно заплатимъ ему. Боцманъ съ удовольствіемъ принялъ деньги, обѣщая мнѣ свою помощь.

Потомъ онъ сказалъ намъ, что не сомнѣвается въ согласіи капитана, челоѣка съ прекраснымъ и добрымъ характеромъ, доставить намъ желаемыя удобства и что онъ отправится на берегъ при приливѣ и переговорить съ капитаномъ. На слѣдующее утро я спала дольше обыкновеннаго и, когда вышла на палубу, то увидѣла боцмана съ другими матросами, занятаго своимъ дѣломъ. Я съ нѣкоторой грустью смотрѣла на него, желая переговорить. Увидя меня, онъ самъ подошелъ ко мнѣ; но я, не давъ ему времени начать разговоръ, улыбаясь, сама начала такъ:

— Я боюсь, сэръ, что вы насъ забыли, потому что вижу, какъ у васъ много дѣла.

Онъ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Пойдите со мной, вы увидите, какъ я забылъ васъ.

И онъ повелъ меня въ большую каюту, гдѣ за столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ джентльменъ красивой наружности и что-то писалъ.

— Вотъ,—сказалъ боцманъ, обращаясь къ нему, та дама, о которой говорилъ вамъ капитанъ. Потомъ, повернувшись ко мнѣ, онъ прибавилъ:

— Я настолько не забылъ вашего дѣла, что отправился на домъ къ капитану и сообщилъ ему ваше желаніе воспользоваться вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ удобствами на кораблѣ; капитанъ прислалъ этого джентльмена штурмана, который покажетъ вамъ каюту и устроитъ все по вашему желанію, причемъ капитанъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что съ вами будутъ обходиться не такъ, какъ вы можете ожидать, но такъ же хорошо, какъ и съ другими пассажирами.

Тогда заговорилъ со мной штурманъ, не давъ мнѣ времени поблагодарить боцмана за его любезность; онъ подтвердилъ слова боцмана, прибавя, что капитанъ всегда радъ быть доб-

рымъ и милостивымъ, и особенно къ людямъ, которыхъ постигло несчастье. Потомъ онъ показалъ мнѣ нѣсколько каютъ, изъ нихъ однѣ были устроены возлѣ каютъ-компаніи, другія дальше, передъ каютой капитана, но не всѣ выходили въ большую общую каюту; онъ предложилъ мнѣ выбрать любую. Я взяла одну изъ послѣднихъ, гдѣ можно было превосходно помѣстить сундукъ, наши ящики и обѣденный столикъ.

Потомъ штурманъ объяснилъ мнѣ, что боцманъ далъ капитану такой прекрасный отзывъ о насъ, что послѣдній сдѣлалъ распоряженіе сказать намъ, что мы можемъ, если хотимъ, обѣдать съ нимъ во все время нашего путешествія, на общихъ условіяхъ со всѣми пассажирами, что мы можемъ сами сдѣлать запасъ свѣжей провизіи, если же нѣтъ, то у него ея будетъ достаточно, чтобы мы могли пользоваться его столомъ. Послѣ столь долгихъ и тяжелыхъ испытаній, все это для меня было такой новостью, что я какъ бы снова ожила. Я поблагодарила штурмана и сказала, что капитанъ можетъ назначить намъ какія угодно условія; потомъ я попросила его позволить мнѣ передать все мужу, который чувствуетъ себя не особенно здоровымъ и потому не выходилъ еще изъ каюты. Затѣмъ я пошла къ мужу; дѣйствительно, онъ былъ до того угнетенъ тѣмъ безчестіемъ, которое, по его словамъ, нанесли ему, что я едва узнала его; но потомъ, когда я рассказала какъ меня приняли и какъ мы устроимся на кораблѣ, онъ сталъ совершенно другимъ человекомъ: на его лицѣ снова появилась бодрость и сила. Справедливо говорить, что великіе умы переносятъ несчастья съ большимъ душевнымъ угнетеніемъ, чѣмъ обыкновенные люди.

XXIV.

Необыкновенная любезность нашего капитана.—Нагрузка товаровъ.—Въ дорогѣ.—Встрѣча съ братомъ.

Спустя нѣкоторое время мы поднялись наверхъ, мой мужъ поблагодарилъ штурмана за его доброе отношеніе къ намъ и просилъ передать тоже капитану, потомъ онъ предложилъ заплатить впередъ все, что отъ него потребуютъ за нашъ переездъ и удобства, которыми мы будемъ пользоваться во время путешествія. Штурманъ отвѣчалъ, что капитанъ пріѣдетъ на корабль послѣ полудня, и тогда мы сами переговоримъ съ нимъ объ этомъ. Дѣйствительно, въ первомъ часу явился капитанъ; это былъ очень милый и любезный джентльменъ, какимъ описалъ его боцманъ; онъ былъ въ восторгѣ отъ моего мужа и не захотѣлъ, чтобы мы заняли выбранную мною каюту, а по-

селилъ насъ въ одной изъ тѣхъ, которыя выходили въ общую; за все онъ предложилъ самыя умѣренныя условія. Видно было, что это не жадный человѣкъ, который могъ бы сдѣлать изъ насъ свою добычу; онъ взялъ всего пятнадцать гиней, считая въ этой суммѣ нашъ проѣздъ и содержаніе за все время путешествія.

Я имѣла разговоръ съ моей гувернанткой, которая навѣстила капитана, съ цѣлью поговорить съ нимъ. Она сказала ему, что надѣется найти возможность освободить своихъ несчастныхъ дѣтей, какъ она называла насъ, въ то время, когда мы переберемся за море; затѣмъ она спрашивала его, какъ намъ поступить для этого и что намъ необходимо взять съ собой для поселенія въ Америкѣ. Онъ, какъ опытный въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, сказалъ: мадамъ, вашей кузинѣ прежде всего необходимо найти лицо, которое купило бы ее, какъ невольницу, согласно условіямъ ея ссылки, и потомъ отъ имени этого лица она будетъ заниматься всѣмъ, чѣмъ угодно; такъ что они могутъ купить или уже обработанную плантацію, или пустую землю у правительства.

Потомъ она спросила его, не слѣдуетъ-ли сдѣлать запасъ необходимыхъ орудій и матеріаловъ для устройства плантацій. На это онъ отвѣчалъ: «конечно, это необходимо». Тогда она обратилась къ нему съ просьбой помочь ей въ этомъ дѣлѣ, говоря, что она приготовить все, чего бы это ни стоило; капитанъ составилъ списокъ вещей, необходимыхъ плантатору, на сумму отъ 80 до 100 фунтовъ; затѣмъ моя гувернантка закупила все такъ дешево и умѣло, какъ самый опытный виргинскій купецъ, прибавя всего вдвое, по моему указанію.

Эти вещи она нагрузила на корабль на свое имя, сдѣлавъ на товарной квитанціи передаточную надпись моему мужу и застраховавъ товаръ; такимъ образомъ въ этомъ отношеніи мы были совершенно обезпечены отъ всякихъ случайностей и бѣдствій.

Надо сказать, что мой мужъ отдалъ всѣ свои 108 фунтовъ на эти покупки моей гувернанткѣ; кромѣ того я прибавила изъ своихъ, не трогая, впрочемъ, того капитала, который оставила у нея. И такъ у насъ оказалось на лицо 200 фунтовъ; этихъ денегъ было болѣе чѣмъ достаточно для нашихъ цѣлей.

При такихъ благопріятныхъ и счастливыхъ условіяхъ мы перешли изъ Бьюбайгсхоль въ Грэвсендъ, гдѣ корабль стоялъ болѣе десяти дней и гдѣ капитанъ оказалъ намъ большую любезность, на которую по всей справедливости мы не могли расчитывать: онъ позволилъ намъ выйти на берегъ освѣжить свои силы, взявъ съ насъ слово, что мы не бѣжимъ, а мирно возвратимся на корабль. Въ сущности капитанъ могъ

быть увѣренъ въ томъ, что мы рѣшили отправиться въ Америку, такъ какъ трудно было предположить, чтобы мы, сдѣлавъ полный запасъ всего необходимаго для устройства хозяйства тамъ, остались здѣсь, рискуя на каждомъ шагѣ своей жизнью.

Такимъ образомъ мы вмѣстѣ съ капитаномъ вышли на берегъ и вмѣстѣ весело поужинали въ Грэвсендѣ, переночевали въ той же гостинницѣ и утромъ съ нимъ же возвратились на корабль. Въ Грэвсендѣ мы купили десять дюжинъ бутылокъ хорошаго пива, вина, цыплятъ и вообще всякой провизіи.

Все это время съ нами была моя гувернантка, она провожала насъ до Даунса съ женой капитана, съ которой и вернулась обратно. Я никогда такъ не тосковала, даже разставаясь съ родной матерью, какъ теперь, прощаясь съ ней... Съ тѣхъ поръ я не видѣла ее больше. На третій день по прибытіи въ Даунсъ, задулъ хорошій восточный вѣтеръ; десятаго апрѣля мы поставили паруса и, не останавливаясь нигдѣ, пустились въ открытое море; впрочемъ, сильный шкваль отнесъ насъ къ берегамъ Ирландіи, и нашъ корабль бросилъ якорь въ небольшой бухтѣ, возлѣ какой то рѣки, названія которой не припомню, хотя мнѣ и говорили, что эта рѣка идетъ изъ Лимерика и есть самая большая рѣка Ирландіи.

Задержанные дурной погодой, мы простояли здѣсь болѣе пяти дней, пока погода утихла; тогда мы снова подняли якорь и черезъ сорокъ два дня прибыли безъ особенныхъ приключеній въ Виргинію.

Когда мы приближались къ берегу, капитанъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что, судя по моимъ разговорамъ, я отчасти знакома съ условіями жизни въ этой странѣ и потому онъ предполагаетъ, что мнѣ извѣстенъ порядокъ, которому подчиняются всѣ ссыльные, по прибытіи сюда. Я ему отвѣтила, что я ничего не понимаю въ этомъ, а что касается моихъ здѣшнихъ знакомствъ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что я не возобновлю ихъ, до тѣхъ поръ, пока буду находиться въ качествѣ арестантки. Во всякомъ же случаѣ мы исполнѣ предоставляемъ ему себя и полагаемся на его помощь, согласно его любезному обѣщанію. Тогда онъ сказалъ, что необходимо найти мѣстнаго жителя, который купилъ бы меня, какъ невольницу, и принялъ бы на себя отвѣтственность за меня передъ губернаторомъ, въ случаѣ, если послѣдній потребуетъ меня къ себѣ. Я отвѣчала, что мы будемъ дѣйствовать такъ, какъ онъ намъ укажетъ. Такимъ образомъ онъ привелъ одного плантатора и переговорилъ съ нимъ о томъ, чтобы онъ купилъ меня какъ невольницу; относительно мужа онъ не имѣлъ такого распоряженія. Совершивъ всѣ формальности продажи, я послѣдовала за нимъ на берегъ. Вмѣстѣ съ нами былъ капитанъ, который

повелъ насъ въ какой то домъ,—я не знаю, была ли это таверна или что другое,—гдѣ мы выпили пуншу съ ромомъ и провели очень весело время. Спустя нѣкоторое время, плантаторъ выдалъ мнѣ свидѣтельство о моемъ освобожденіи и удостовѣреніе въ томъ, что я вѣрно служила у него; такимъ образомъ я была свободна и на слѣдующій день утромъ я могла отправляться куда мнѣ угодно.

За эту услугу капитанъ потребовалъ известное количество табаку, которое онъ былъ долженъ своему судохозяину и которое мы немедленно купили ему. Кромѣ того мы подарили ему 20 гиней, чѣмъ онъ остался очень доволенъ.

Я не буду входить здѣсь въ подробности, описывая колонию въ Виргиніи, гдѣ мы поселились по различнымъ соображеніямъ; достаточно сказать, что мы вошли въ большую рѣку Потомакъ, мѣсто назначенія нашего корабля, гдѣ мы и думали основаться, но потомъ измѣнили это намѣреніе.

Выгрузивъ всѣ наши товары и сложивъ ихъ въ амбарѣ, который мы наняли вмѣстѣ съ квартирой въ небольшой деревнѣ, я начала собирать свѣдѣнія о моей матери и братѣ (о томъ роковомъ моемъ братѣ, за котораго я когда то вышла замужъ, какъ въ своемъ мѣстѣ подробно рассказала объ этомъ). Послѣ недолгихъ розысковъ, я узнала, что леди М***, то есть моя мать, умерла, а мой братъ или мужъ живъ и, что всего хуже, онъ бросилъ плантацію, на которой я жила съ нимъ, и поселился съ однимъ изъ своихъ сыновей недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы высадились и наняли квартиру.

Сначала это привело меня въ смущеніе, но такъ какъ я была убѣждена, что онъ не узнаетъ меня, то скоро не только совершенно успокоилась, но и почувствовала сильное желаніе при первой возможности увидѣть его, но такъ, чтобы онъ меня не видѣлъ. Съ этой цѣлью, благодаря одной женщинѣ, я нашла ихъ плантацію и стала ходить около, какъ бы для прогулки, любуясь прекраснымъ пейзажемъ. Наконецъ, я подошла такъ близко, что увидѣла жилой домъ; тутъ мнѣ встрѣтилась женщина, которую я и спросила, чья это плантація? Она отвѣтила, указывая направо рукой:

— Вотъ идетъ джентльменъ, хозяинъ этой плантаціи, а съ нимъ и его отецъ.

— А какъ ихъ зовутъ?—спросила я.

— Я не знаю имени стараго джентльмена, но сына зовутъ Гемфри. Думаю, что такъ же зовутъ и его отца.

Вы, разумѣется, поймете, какое смѣшанное чувство радости и страха овладѣло мною, когда я сразу узнала своего собственного сына и своего мужа и брата. На моемъ лицѣ не

было маски, но я покрыла его густыми кружевами головного убора и потому была убѣждена, что послѣ двадцатилѣтняго отсутствія при неожиданной встрѣчѣ здѣсь, въ другой части свѣта, онъ никогда не узнаетъ меня. Когда они подошли къ намъ (я была съ одной женщиной, которую звали мадамъ Овенъ), то я спросила ее:

— Вы знакомы съ нимъ, мистрисъ Овенъ?

— Да,—сказала она,—когда онъ слышитъ мой голосъ, то узнаетъ меня, также какъ по голосу узнаетъ и другихъ. Здѣсь она мнѣ рассказала, что у него очень слабое зрѣнiе. Это такъ успокоило меня, что я сбросила съ лица кружева и они прошли мимо меня. Какое несчастье для матери видѣть такъ близко своего сына, прекраснаго молодого человѣка, хорошо сложеннаго, въ цвѣтущихъ жизненныхъ условіяхъ, и не смѣть признать его!.. Каждая мать, читая настоящія строки, пойметъ, какъ мучительно тоскливо сжалось мое сердце, съ какимъ страстнымъ чувствомъ, волновавшимъ меня до глубины души, я бросилась бы къ нему на шею выплакать свое горе, но тогда я не знала, что мнѣ дѣлать, какъ не знаю теперь, гдѣ найти слова, чтобы описать эту душевную тоску. Когда они отошли отъ меня, я слѣдила за ними до тѣхъ поръ, пока они совершенно не скрылись изъ виду. Потомъ я сѣла на траву, на то мѣсто, гдѣ они прошли, и, притворяясь, что хочу отдохнуть, я прилегла; когда же мистрисъ Овенъ отошла въ сторону, я, припавъ лицомъ къ землѣ, стала рыдать, цѣлуя слѣды его ногъ.

— Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ прежде этотъ джентльменъ, ходитъ оригинальная сказка,—говорила мистрисъ Овенъ, когда мы пошли далѣе.

— Какая?—спросила я.

— Говорятъ, что старый джентльменъ, когда былъ еще молодъ, жилъ въ Англіи, гдѣ влюбился въ одну молодую леди, такую красавицу, какой не видѣли здѣсь; онъ женился на ней и привезъ ее сюда къ своей матери, которая тогда была еще жива. Много лѣтъ онъ жилъ съ своей женой, имѣя отъ нея дѣтей; изъ нихъ вы только что видѣли его сына; но, спустя нѣкоторое время, старая мать, разговаривая съ своей невѣсткой, рассказала ей о нѣкоторыхъ очень дурныхъ обстоятельствахъ своей жизни въ Англіи; ея рассказъ привелъ въ сильное безпокойство и смущеніе ея невѣстку; когда же онѣ стали глубже изслѣдовать всѣ обстоятельства, то несомнѣнно оказалось, что старая леди была матерью своей невѣстки и что слѣдовательно ея сынъ былъ мужемъ своей родной сестры; это поразило ужасомъ всю семью и такъ разстроило всѣ ихъ дѣла, что имъ угрожало полное разореніе; наконецъ, жена его уѣхала въ нѣкую и съ тѣхъ поръ о ней ничего не слышно.

Легко представить, какъ сильно меня заинтересовала эта исторія, но трудно описать, какое глубокое впечатлѣніе она произвела на меня; я казалась удивленной и предлагала своей собесѣдницѣ тысячи вопросовъ относительно различныхъ подробностей этой исторіи, которыя ей были извѣстны въ совершенствѣ. Наконецъ я стала спрашивать о смерти матери и кому она оставила свое состояніе. Я помнила, что мать дала мнѣ торжественное обѣщаніе оставить мнѣ состояніе послѣ своей смерти и устроить дѣла такъ, чтобы я могла свободно вступить во владѣніе ея имуществомъ. Моя собесѣдница сказала, что не знаетъ ничего положительнаго въ этомъ отношеніи, но ей говорили, что моя мать оставила извѣстную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы эти деньги были отданы ея дочери, гдѣ бы она ни нашла, и что документы на эти деньги хранятся у того сына, котораго мы видѣли.

Это было слишкомъ хорошее для меня извѣстіе, чтобы не обратить на него вниманія, и легко понять, что въ моей головѣ родились тысячи мыслей и предположеній относительно того, что мнѣ дѣлать, какъ дать о себѣ знать, вообще должна ли я открыться сыну, или остаться ему неизвѣстной.

Такое неопредѣленное положеніе продолжалось очень долго; оно беспокоило моего мужа, который былъ увѣренъ, что я не вполне откровенна съ нимъ и скрываю отъ него истинную причину моихъ тревогъ; онъ часто говорилъ мнѣ, что его удивляетъ почему я не хочу вполне довѣриться ему и открыть все, тѣмъ болѣе, что мое горе такъ сильно, что причиняетъ мнѣ массу мученій. Дѣйствительно, я могла вполне довѣриться ему, но я не знала, какъ это сдѣлать, а между тѣмъ, тайна, скрытая во мнѣ одной, тяжелымъ камнемъ лежала на моемъ сердцѣ.

Единственнымъ моимъ облегченіемъ было то, что я настолько посвятила своего мужа въ свои дѣла, что онъ былъ убѣжденъ въ необходимости поселиться намъ въ другомъ мѣстѣ, и ближайшимъ предметомъ нашихъ разсужденій былъ вопросъ, куда намъ направиться. Мой мужъ былъ совершеннымъ иностранцемъ въ этой странѣ, зная только географическое ея положеніе; я же, которая до нынѣшняго дня, когда пишу эти строки, не понимаю значенія слова *географическій*, я имѣла только общее представленіе объ этихъ мѣстахъ изъ длинныхъ разговоровъ разныхъ лицъ, путешествовавшихъ туда и сюда. Но мнѣ было хорошо извѣстно, что Мерилендъ, Пенсильванія, Восточный и Западный Джерсей, Нью-Йоркъ и Новая Англія были расположены къ сѣверу отъ Виргиніи и потому имѣли климатъ болѣе холодный, чѣмъ здѣсь; я же чувствовала полное отвращеніе къ холоду и любила тепло; къ тому же я была стара и имѣла основаніе избѣгать холоднаго климата. Такимъ образомъ я предложила своему мужу

уѣхать въ Каролину, самую южную англійскую колонію; я тѣмъ охотѣе склонялась къ этому намѣренію, что могла во всякое время явиться сюда и заявить свои права на наслѣдство матери.

Но теперь опять представилось новое затрудненіе: я не могла подумать о томъ, что уѣду отсюда, не узнавъ тѣмъ или другимъ способомъ о завѣщаніи матери; съ другой стороны я не могла перенести мысли, что не увижусь съ своимъ прежнимъ мужемъ (братомъ) и своимъ сыномъ; но я хотѣла устроить это такъ, чтобы ни мой новый мужъ ничего не узналъ о нихъ, ни они ничего не узнали бы о немъ.

У меня было много различныхъ предположеній для достиженія этой цѣли. Мнѣ хотѣлось отправить мужа одного въ Каролину, чтобы затѣмъ поѣхать за нимъ, но это было невозможно, потому что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о жизни въ этой странѣ; кромѣ того, безъ меня, какъ истинный джентльменъ, онъ не только не умѣлъ ничего дѣлать, но и привыкъ къ праздной жизни, и я была увѣрена, что онъ скорѣе сталъ бы бродить съ ружьемъ по лѣсамъ, что составляетъ главное занятіе индѣйцевъ. И такъ повторяю, онъ скорѣе сталъ бы охотиться, нежели хозяйничать на плантаціи.

XXV.

Переселеніе въ Мерилендъ.—Свиданіе съ сыномъ.—Я получаю наслѣдство моей матери.

Въ силу такихъ соображеній, я продолжала настаивать передъ моимъ мужемъ на невозможности оставаться на берегу Потомака, гдѣ насъ скоро всѣ узнаютъ; я говорила ему, что намъ необходимо уѣхать въ другія мѣста, куда мы явимся съ такимъ же добрымъ именемъ, какъ всѣ переселенцы; мѣстные жители примутъ насъ очень привѣтливо, потому что всякая культурная семья приносить имъ нѣкоторое довольство и потому что прежнія условія нашей жизни имъ будутъ неизвѣстны.

Кромѣ того, я сказала ему, что у меня здѣсь много родственниковъ, поэтому я не рѣшусь объявить имъ свое имя изъ боязни, что они скоро откроютъ истинную причину моего пребыванія здѣсь, что поставило бы меня въ крайнее затрудненіе, а между тѣмъ у меня есть основаніе думать, что моя мать послѣ своей смерти оставила мнѣ значительное состояніе, о которомъ стоитъ позаботиться... Но теперь я ничего не могу сдѣлать, не объявивъ, кто я; потомъ-же, когда мы устроимся, я вернусь сюда подъ тѣмъ предлогомъ, что желаю увидѣться съ братомъ и племянниками, которые, узнавъ меня, примутъ

меня съ должнымъ уваженіемъ, и тогда я могу воспользоваться своими правами. Такимъ образомъ мы рѣшили искать для своего поселенія новаго мѣста, и нашъ выборъ палъ на Каролину.

Съ этой цѣлью мы начали наводить справки, когда корабль отправляется въ Каролину, и скоро насъ увѣдомили, что на другомъ берегу залива, какъ они называютъ, и именно въ Мерилендѣ, находится корабль, прибывшій изъ Каролины, нагруженный рисомъ и другими товарами, который скоро отправится обратно. При этомъ извѣстіи, мы наняли шлюпъ *), въ который нагрузили свои вещи и, пославъ, такъ сказать, послѣднее прости рѣкъ Потомакъ, отправились съ нашимъ багажемъ въ Мерилендѣ.

Это было длинное и непріятное путешествіе, и мой мужъ находилъ его хуже нашего длиннаго путешествія изъ Англіи, потому что погода была скверная, море бурное и судно небольшое и неудобное; кромѣ того мы находились въ ста добрыхъ миляхъ отъ верховьевъ рѣки Потомака, въ странѣ извѣстной подъ именемъ графства Уэстъ-Мерилендѣ; и такъ какъ эта рѣка самая большая въ Виргиніи, то во время дурной погоды мы часто подвергались большой опасности.

Наконецъ послѣ пятидневнаго плаванія мы прибыли къ мѣсту назначенія: я помню, что его называютъ Филипсъ Пойнсъ; здѣсь мы узнали, что назадъ тому три дня корабль, забравъ грузъ, отправился въ Каролину. Это было для насъ несчастіемъ, но я никогда не падала духомъ и сказала своему мужу, что такъ какъ мы не можемъ отправиться въ Каролину и такъ какъ страна, въ которой мы находимся, плодородна и прекрасна, то не лучше ли намъ устроиться здѣсь навсегда.

Немедленно мы высадились на берегъ, но не нашли удобнаго помѣщенія ни для себя, ни для нашего имущества; однако одинъ добрый квакеръ, котораго мы случайно тамъ встрѣтили, совѣтовалъ отправиться за шестьдесятъ миль къ востоку, то есть ближе къ устью бухты, гдѣ онъ живетъ самъ и гдѣ, по его словамъ, мы могли найти все необходимое; онъ такъ любезно приглашалъ насъ къ себѣ, что мы приняли его приглашеніе и отправились съ нимъ вмѣстѣ.

Здѣсь мы купили двухъ слугъ, то есть служанку англичанку, только что прибывшую сюда на корабль изъ Ливерпуля, и негра, что было необходимо каждому, кто думалъ поселиться въ этой странѣ. Честный квакеръ былъ очень полезенъ намъ; когда мы прибыли на мѣсто, онъ напелъ для склада нашихъ товаровъ удобный амбаръ и квартиру для насъ и нашихъ слугъ; черезъ два мѣсяца, по его совѣту, мы по-

*) Одномачтное судно.

лучили отъ правительства для плантаціи большой участокъ земли; такимъ образомъ встрѣтивъ здѣсь хорошій пріемъ, мы совершенно оставили мысль переселиться въ Каролину, мы заготовили большое количество земли и припасли матеріалы для построекъ; не прошло года, какъ мы распахали около 50 акровъ, часть земли огородили, посадили табакъ, хотя и не особенно много; кромѣ того развели огородъ, посѣяли пшеницу, желая сдѣлать запасы овощей, кореньевъ и хлѣба.

Теперь я убѣдила мужа позволить мнѣ снова переплыть бухту, чтобы увидѣться съ своими родными. Онъ согласился на это тѣмъ охотнѣе, что у него было на рукахъ много дѣла, помимо развлеченій съ ружьемъ; часто, смотря другъ на друга, мы сравнивали свою настоящую жизнь съ прошлой, сознавая, на сколько она была лучше не только жизни въ Нью-гетъ, но даже и того благоденствія, какимъ мы иногда пользовались въ то время, когда занимались своимъ порочнымъ ремесломъ.

Теперь наши дѣла находились въ очень хорошемъ положеніи; мы купили за 35 фунтовъ у мѣстныхъ колонистовъ столько земли, что намъ двоимъ было достаточно на всю нашу жизнь; что касается дѣтей, то я не могла ихъ имѣть.

Наша счастливая судьба не остановилась на этомъ; какъ я уже сказала, я переплыла заливъ, съ цѣлью посѣтить моего брата и бывшаго мужа, но теперь я остановилась не возлѣ той деревни, гдѣ они жили, потому что ѣхала по другой большой рѣкѣ, Рапаханакъ Риверъ, которая течетъ на востокъ отъ Потомака. Этимъ путемъ я достигла небольшого судоходнаго залива этой рѣки, по которому и пріѣхала къ другой большой плантаціи моего брата.

Теперь я окончательно рѣшила прямо явиться къ моему брату и сказать ему, кто я; однако же, не зная, будетъ-ли вообще ему пріятно мое столь неожиданное посѣщеніе, я сочла за лучшее написать ему сначала письмо. Въ письмѣ я объяснила, что пріѣхала не съ тѣмъ, чтобы напомнить ему наши старыя отношенія, которыя, надѣюсь, вполне забыты, но съ тѣмъ, чтобы обратиться къ нему за помощью, какъ сестра къ своему брату, въ надеждѣ, что мать оставила мнѣ какое-нибудь наслѣдство и что въ этомъ отношеніи онъ окажетъ мнѣ полную справедливость, особенно, принимая во вниманіе мое дальнее путешествіе.

Въ письмѣ я нѣжно вспоминала о сынѣ, который, какъ ему извѣстно, былъ моимъ ребенкомъ, хотя я столько же виновата въ нашемъ замужествѣ, сколько и онъ, такъ какъ въ то время мы оба ничего не знали о нашемъ кровномъ родствѣ; поэтому я надѣюсь, онъ не будетъ противиться моему самому горячему желанію хотя бы разъ видѣть своего дорогого

и единственного сына и снисходительно отнесется къ этой материнской слабости, къ тому, что я люблю свое дитя, въ то время, когда у него не сохранилось даже памяти обо мнѣ.

По моимъ соображеніямъ, получивъ это письмо, онъ долженъ будетъ немедленно передать его сыну, такъ какъ самъ онъ, по слабости зрѣнія, читать не могъ; но обстоятельства сложились лучше, чѣмъ я ожидала; оказалось, что мой братъ поручилъ сыну вскрывать и читать всѣ письма, полученные на его имя, и потому, когда посланный привезъ мое письмо, отца не было дома и сынъ прочиталъ его.

Когда мой посланный немного отдохнулъ, сынъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ, гдѣ живетъ леди, которая отправила съ нимъ это письмо. Посланный назвалъ ему мѣсто, гдѣ я остановилась,—это было въ семи миляхъ отъ его плантаціи. Тогда онъ приказалъ ему обождать, потомъ велѣлъ осѣдлать для себя лошадь и, когда она была готова, онъ вмѣстѣ съ двумя слугами и посланнымъ отправился ко мнѣ. Можете себѣ представить, какъ я изумилась, когда посланный, возвратясь, сказалъ мнѣ, что онъ не засталъ дома стараго джентльмена, но что ко мнѣ пріѣхалъ его сынъ, котораго я сейчасъ увижу. При этомъ извѣстіи я пришла въ сильное смущеніе, я не знала, чего мнѣ ожидать отъ сына, войны или мира. Во всякомъ случаѣ мнѣ недолго пришлось разсуждать, потому что вслѣдъ за посланнымъ вошелъ сынъ; остановясь въ дверяхъ и спросивъ что то посланнаго, онъ подошелъ прямо ко мнѣ, поцѣловалъ и обнялъ меня такъ горячо, что я чувствовала его порывистое дыханіе, какое бываетъ у ребенка, когда онъ рыдаетъ, но не можетъ кричать.

Я не могу ни выразить, ни описать той глубокой радости, которая охватила меня, когда я увидѣла, что онъ встрѣтилъ меня не какъ чужой человѣкъ, а какъ сынъ, который не зналъ до сихъ поръ, что такое мать; мы оба долго плакали, и наконецъ онъ первый воскликнулъ:

— Моя милая матушка, вы живы! А я не надѣялся когда нибудь васъ увидѣть.

Я не могла выговорить слова.

Когда наконецъ онъ успокоился настолько, что могъ говорить, то началъ разсказывать мнѣ, въ какомъ положеніи наши дѣла. Прежде всего онъ сказалъ, что не читалъ отцу моего письма и ничего не говорилъ о немъ, потому что состояніе, оставленное мнѣ его бабушкой, находится въ его рукахъ, въ чемъ онъ и дастъ мнѣ полный отчетъ; что касается отца, то онъ старъ и ослабѣлъ душевно и тѣлесно; онъ часто раздражается и сердится, почти ослѣпъ и ни къ чему не способенъ, такъ что онъ сильно сомнѣвается, чтобы онъ могъ спокойно обсудить такое щекотливое дѣло, какъ наше; поэтому онъ явился ко-

мнѣ самъ во первыхъ для того, чтобы удовлетворить своему сердечному желанію увидѣться со мной, и во-вторыхъ, чтобы дать мнѣ возможность, узнавъ положеніе вещей, обдумать вопросъ, могу-ли я открыться отцу, или нѣтъ.

Все это было ведено такъ благоразумно и съ такою предусмотрительностью, что я видѣла въ своемъ сынѣ чловѣка умнаго, которымъ мнѣ нечего было руководить. Я сказала ему, что меня нисколько не удивляетъ описанное имъ душевное состояніе его отца, потому что онъ тронулся разсудкомъ еще раньше моего отъѣзда, и главной причиной этого было то, что онъ не могъ убѣдить меня жить съ нимъ, какъ съ мужемъ, съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что онъ мой братъ; что такъ какъ ему лучше извѣстно настоящее положеніе его отца, то я готова присоединиться къ его мнѣнію и дѣйствовать по его указаніямъ; я не буду особенно настаивать на свиданьи съ моимъ братомъ; послѣ того какъ увидѣла своего сына и узнала отъ него пріятную для меня новость, что его бабушка передала въ его руки все, что оставила мнѣ, я не сомнѣваюсь, что теперь онъ, зная, кто я, не преминетъ, какъ говорилъ самъ, отдать мнѣ должное. Потомъ я стала разспрашивать его, когда и гдѣ умерла моя мать и сама рассказала ему столько подробностей изъ нашей семейной жизни, что въ немъ не могло зародиться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что я его мать.

Потомъ мой сынъ спросилъ у меня, гдѣ я живу и какъ я намѣрена устроиться теперь; я сказала, что я остановилась на Мерилендскомъ берегу этого залива въ плантаціи моего близкаго друга, который пріѣхалъ на одномъ со мной кораблѣ изъ Англіи, и что на этой сторонѣ залива, гдѣ живутъ они, у меня нѣтъ знакомыхъ. Тогда мой сынъ предложилъ мнѣ поселиться у него и жить съ нимъ, пока я захочу; что касается отца, то въ этомъ отношеніи я могу быть совершенно покойна, такъ какъ онъ не узнаетъ никого и никогда не догадается, кто я. Подумавъ немного, я сказала ему, что, хотя мнѣ будетъ очень тяжело жить далеко отъ сына, однако же я не могу себя представить, чтобы мнѣ было легко жить въ одномъ домѣ съ его отцомъ; я не могу допустить даже мысли остаться въ домѣ, гдѣ должна буду слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и постоянно сдерживаться, боясь измѣнить себя въ разговорѣ съ нимъ, какъ съ своимъ сыномъ, и тѣмъ выдать нашу тайну.

Онъ согласился, что все это было справедливо, и сказалъ:

— Но въ такомъ случаѣ, моя милая матушка, вы должны поселиться какъ можно ближе ко мнѣ.

Послѣ этого мы поѣхали на его лошади на одну плантацію, которая была смежна съ его другими плантаціями, и здѣсь онъ помѣстилъ меня, какъ у себя дома. Устроивъ меня, онъ отправился къ себѣ, обѣщая вернуться на другой день. На-

зывая меня теткой, онъ поручилъ бывшимъ тутъ людямъ, по-видимому его фермерамъ, относиться ко мнѣ съ должнымъ уваженіемъ; черезъ два часа послѣ его отъѣзда, онъ прислалъ мнѣ въ услуженіе горничную и маленькаго негра, они привезли провизію и ужинъ; такимъ образомъ, я чувствовала какъ будто меня перенесли въ другой міръ и почти начала сожалѣть, что привезла изъ Англіи своего ланкаширскаго мужа.

Впрочемъ, это сожалѣніе не могло быть искреннимъ; я такъ глубоко любила его, какъ онъ того заслуживалъ.

На другой день утромъ, только что я встала, какъ пріѣхалъ сынъ. Послѣ небольшой бесѣды, онъ прежде всего досталъ и отдалъ мнѣ замшевый кошелекъ съ пятьюстами пятью испанскими пистолями *), говоря, что эти деньги покроютъ мои дорожные расходы по путешествію изъ Англіи, потому что, хотя можетъ быть и не его дѣло спрашивать меня объ этомъ, но онъ полагалъ, что я не могла привезти изъ Англіи особенно много денегъ, такъ какъ этого не бываетъ съ тѣми, кто пріѣзжаетъ отсюда. Затѣмъ онъ вынулъ духовное завѣщаніе своей бабушки и прочиталъ его мнѣ; изъ него я узнала, что она оставила мнѣ плантацію на рѣкѣ Іоркѣ съ принадлежащими къ ней лугами, скотомъ и всѣми угодьями, сдавъ все на храненіе моему сыну до тѣхъ поръ, пока онъ узнаетъ, гдѣ я; послѣ моей смерти это имущество должно перейти моимъ наслѣдникамъ или тому, кому я пожелаю передать его; до вступленія во владѣніе, доходы съ имѣнія получаетъ мой сынъ, а если меня не окажется въ живыхъ, тогда все означенное имущество должно перейти къ моему сыну и его наслѣдникамъ.

Хотя эта плантація находилась очень далеко отъ плантацій сына, тѣмъ не менѣе онъ не сдавалъ ее въ аренду, а отдалъ въ завѣдываніе главнаго управляющаго, точно такъ же какъ и смежную съ нею плантацію отца; самъ же навѣзжалъ туда по три или по четыре раза въ годъ.

Я спросила его, сколько, по его мнѣнію, стоитъ эта плантація; онъ отвѣчалъ, что, если я захочу сдать ее въ аренду, то онъ дастъ мнѣ за нее около 60 фунтовъ въ годъ, если же я пожелаю жить тамъ, что было бы лучше всего, тогда она можетъ приносить дохода около 150 фунтовъ въ годъ. Наконецъ, если я думаю устроиться на другомъ берегу бухты или можетъ быть возвратиться въ Англію, тогда могу сдать плантацію ему въ управленіе, и онъ будетъ присылать мнѣ ежегодно табакъ цѣнностью на 100 фунтовъ, а иногда и больше.

Нѣжное обращеніе со мной моего сына, его доброта и

*) Пистоль равняется 5 рублямъ.

все, что онъ говорилъ, постоянно вызывали на моихъ глазахъ слезы радости; я плакала и едва могла сказать нѣсколько словъ. Наконецъ, я собралась съ силами, чтобы выразить ему свое удивленіе и радость, видя, въ какія хорошія руки моя мать передала оставленное ею состояніе. Я объяснила ему, что у меня нѣтъ другихъ дѣтей, поэтому я просила составить отъ моего имени актъ, которымъ я завѣщаю ему все послѣ моей смерти.

Между прочимъ, шутя и улыбаясь, я спросила его, почему онъ до сихъ поръ не женился. Онъ нѣжно отвѣтилъ, что въ Виргиніи очень мало женщинъ, но такъ какъ я говорила ему, что думаю возвратиться въ Англію, то онъ попросилъ меня прислать ему жену изъ Лондона.

Такова была сущность нашихъ бесѣдъ въ этотъ первый день, быть можетъ самый счастливый во всей моей жизни. Потомъ онъ ежедневно пріѣзжалъ ко мнѣ, большую часть времени проводилъ со мной и познакомилъ меня со многими своими друзьями, гдѣ меня принимали съ большимъ почетомъ. Я нѣсколько разъ обѣдала у него, и тогда онъ старался удалять своего полуживого отца, такъ что мы никогда не видѣли другъ друга. Я подарила сыну золотые часы, единственная цѣнная вещь, которая была со мной, я просила носить и цѣловать эти часы, когда онъ будетъ вспоминать обо мнѣ. Разумѣется, я не сказала ему, что украла ихъ у какой-то дамы, въ одномъ общественномъ залѣ въ Лондонѣ, но это замѣчаю мимоходомъ.

Долго онъ колебался и не хотѣлъ брать часовъ, но я настаивала, чтобы онъ взялъ ихъ; по лондонскимъ цѣнамъ эти часы стоили не многимъ меньше, чѣмъ его кошелькъ съ пистолетами, здѣсь же за нихъ надо было заплатить вдвое. Наконецъ, онъ взялъ отъ меня часы, поцѣловалъ ихъ и сказалъ, что будетъ считать себя въ долгу передо мной.

Спустя нѣсколько дней, онъ привезъ готовую дарственную записъ и нотариуса; я съ удовольствіемъ подписала ее и передала сыну вмѣстѣ съ сотней поцѣлуевъ. Я увѣрена, что ни одна мать не совершала съ такою любовью дѣловыхъ бумагъ съ своимъ сыномъ, какъ я. На другой день онъ привезъ мнѣ условіе на управленіе моей плантаціей за мой счетъ, причемъ доходы съ имѣнія онъ обязался передавать мнѣ или употреблять ихъ по моему назначенію, опредѣливъ этотъ доходъ не менѣе 100 фунтовъ въ годъ. Когда все было кончено, онъ сказалъ мнѣ, что, такъ какъ урожай этого года еще не собранъ, то я имѣю право получить съ него доходъ; поэтому онъ выдалъ мнѣ 300 фунтовъ, взявъ съ меня росписку въ полученіи дохода по первое января будущаго года.

Я прожила тамъ около пяти недѣль, хотя у меня нашлось бы дѣла и на большее время. Затѣмъ, послѣ самыхъ искреннихъ доказательствъ его любви и преданности, мы разстались.

Я уѣхала и черезъ два дня возвратилась здоровой и невредимой къ своему другу квакеру.

Я привезла для нашего хозяйства трехъ лошадей съ упряжью и сѣдлами, нѣсколькихъ свиней, двухъ коровъ и много разной утвари; все это были подарки моего дорогого и любящаго сына. Я рассказала мужу подробности моего путешествія, причемъ называла сына двоюроднымъ братомъ; прежде всего я объявила, что потеряла часы, и это онъ принялъ какъ большое несчастье; потомъ я рассказала о своемъ добромъ двоюродномъ братѣ, о томъ, что онъ передалъ мнѣ плантацію, которую я получила въ наслѣдство отъ матери и которую онъ сберегъ, все надѣясь рано или поздно передать ее мнѣ, что онъ же взялъ на себя управленіе этимъ имѣніемъ, причемъ я вынула 100 фунтовъ, говоря, что это мой годовой доходъ съ плантаціи. Наконецъ, я показала кожаный кошелекъ съ пистолетами и сказала:

— А вотъ, мой другъ, мои золотые часы!

Тогда, поднявъ руки къ небу, въ радостномъ восторгѣ, онъ воскликнулъ: Неужели же милость Божія можетъ коснуться и такой неблагодарной собаки, какъ я!

Затѣмъ я показала ему все, что привезла въ шляпкѣ, т. е. лошадей, свиней, коровъ и различные пожитки для нашей плантаціи; все это привело его въ изумленіе и исполнило его сердце благодарностью.

Такимъ образомъ, мы продолжали работать надъ устройствомъ нашей плантаціи, пользуясь помощью и совѣтами своихъ друзей и преимущественно совѣтами честнаго квакера; мы работали съ успѣхомъ, такъ какъ у насъ былъ хорошій основной капиталъ, какъ я уже говорила, который теперь увеличился прибавленіемъ 150 фунтовъ. Мы выстроили у себя прекрасный домъ, увеличили число рабочихъ и распахивали каждый годъ большой участокъ земли. На второй годъ я написала моей старой гувернанткѣ письмо, въ которомъ, подѣлившись съ ней радостями нашего успѣха, я дала указаніе, какое сдѣлать употребленіе изъ тѣхъ 250 фунтовъ, которые я ей оставила: я просила ее купить на нихъ много различныхъ товаровъ и прислать намъ. Она аккуратно исполнила мое порученіе.

На эти деньги мы получили различную одежду для меня и моего мужа; я особенно позаботилась о томъ, чтобы купить для него все, что можетъ доставить ему удовольствіе, какъ то: два прекрасныхъ длинныхъ парика, двѣ шпаги съ серебряными рукоятками, три или четыре превосходныхъ охотничьихъ ружья, красивое сѣдло съ футлярами для пистолетовъ, два пистолета, красный плащъ, словомъ всѣ принадлежности браваго джентльмена, какимъ онъ дѣйствительно и былъ; кромѣ

того мы получили много хозяйственныхъ вещей, бѣлья, платья и пр. Остальная часть присланнаго товара состояла изъ посуды, сбруи, орудій, платья для прислуги, сукна, шерстяныхъ матерій, чулковъ, башмаковъ, шляпъ и другихъ необходимыхъ вещей. Все было куплено отчасти по указанію квакера и доставлено намъ въ цѣлости на корабль; на немъ прибыли къ намъ три красивыя служанки, которыхъ наняла старая гувернантка; одна изъ нихъ забеременѣла отъ корабельнаго матроса, какъ она призналась потомъ, и черезъ семь мѣсяцевъ родила здороваго мальчика.

Полученіе этого груза изъ Англіи крайне удивило моего мужа, который, разсмотрѣвъ все, сказалъ мнѣ:

— Дорогая моя, что это значить? Я боюсь, мы много задолжали, и едва ли скоро выплатимъ такую большую сумму. Я улыбнулась и объяснила ему, что за все это уже уплачено; потомъ я рассказала, что, не зная впередъ, что случится съ нами во время нашего путешествія, я не взяла съ собой всего капитала, а часть его оставила въ рукахъ моей подруги; но теперь, когда мы хорошо устроились, я просила ее купить все, что онъ видитъ.

Онъ былъ пораженъ моими словами и, не отвѣтивъ ничего, началъ что то считать по пальцамъ, потомъ сказалъ:

— Пусть теперь никто не говоритъ, что я сдѣлалъ промахъ, когда женился въ Ланкаширѣ. Я думаю, что я ваялъ жену съ приданнымъ и, ей-Богу, съ хорошимъ приданнымъ.

Вообще у насъ собралось теперь довольно значительное состояніе, которое съ каждымъ годомъ увеличивалось, потому что наша плантація преуспѣвала въ нашихъ рукахъ и въ теченіи восьми лѣтъ, которыя мы тамъ прожили, мы достигли того, что она давала не менѣе 300 фунтовъ годового дохода.

Спустя годъ послѣ перваго моего свиданья съ сыномъ, я снова отправилась къ нему получить свой доходъ съ плантаціи. Когда я высадилась на берегъ, то узнала, что мой прежній мужъ умеръ и его похоронили пятнадцать дней тому назадъ. Надо сознаться, что это была не совсѣмъ непріятная для меня новость, потому что теперь я смѣла могла объявить себя тѣмъ, чѣмъ была, то-есть замужней женщиной; такимъ образомъ, прежде чѣмъ разстаться съ сыномъ, я сказала ему, что думаю выйти замужъ за того джентльмена, съ которымъ живу на плантаціи; и хотя я свободна была сдѣлать это раньше, тѣмъ не менѣе я боялась возбудить какую нибудь исторію, непріятную для моего мужа. Мой всегда нѣжный, любезный и почтительный сынъ и теперь принялъ меня у себя, заплатилъ мнѣ сто фунтовъ и снабдилъ различными подарками.

Спустя нѣкоторое время я дала ему знать, что вышла за-

мужъ и пригласила къ себѣ, мой мужъ тоже написалъ ему очень любовное письмо; прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда мой сынъ прїѣхалъ къ намъ. Въ это время мы получили изъ Англіи товары, и я сказала ему, что все это куплено на деньги моего мужа, а не на мои.

Надо замѣтить, что въ то время, когда умеръ мой несчастный братъ, я откровенно рассказала мужу всю мою исторію съ нимъ, а также и то, что тотъ, кого я называла двоюроднымъ братомъ, былъ мой собственный сынъ отъ этого рокового союза. Мужъ очень дружелюбно отнесся къ этому признанію, говоря, что онъ также отнесся бы къ нему и при жизни старика.

— И въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ, вы не виноваты ни въ чемъ;—трудно было предвидѣть такое роковое недоразумѣніе.

Такимъ образомъ всѣ недоразумѣнія между нами уладились и мы жили такъ счастливо и такъ хорошо, какъ только можно себя представить; теперь мы состарѣлись; я возвратилась въ Англію и мнѣ около семидесяти лѣтъ, а моему мужу шестьдесятъ восемь; я пережила на много лѣтъ срокъ моего изгнанія; не смотря на всѣ наши бѣдствія и несчастія, мы сохранили свое здоровье и бодрость духа. Мой мужъ остался въ Америкѣ устроить наши дѣла, и сначала я думала возвратиться къ нему, но потомъ, по его желанію, я измѣнила свое намѣреніе и онъ переѣдетъ тоже въ Англію. Здѣсь мы рѣшили провести остатокъ нашихъ дней, въ искреннемъ раскаяніи за свою дурную прошлую жизнь.

Бодларь, его жизнь и поэзія *).

Сорокъ лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ имя Шарля Бодлера впервые появилось на горизонтѣ французской поэзіи, и когда сборникъ его стиховъ, вышедшій подъ страннымъ и вызывающимъ названіемъ «Цвѣтовъ Зла», возбудилъ съ одной стороны цѣлый взрывъ негодованія и возмущенія, съ другой—горячія восхищенія и аплодисменты. Правительство Наполеона III, въ лицѣ полиціи нравовъ, вынесло этой книгѣ суровое осужденіе, признавъ ее противной религіи и нравственности, наложивъ штрафы на автора и издателя и предписавъ уничтоженіе части стихотвореній. Того же мнѣнія было о ней и большинство тогдашняго французскаго общества. Одни кричали, что авторъ безбожникъ и кощунъ; другіе—что онъ проповѣдуетъ развратъ, третьи—что онъ нарушаетъ всѣ общепринятые понятія объ искусствѣ и поэзіи. Съ другой стороны Викторъ Гюго изъ своего изгнанія писалъ огорченному поэту: «Я получилъ ваше благородное письмо и вашу прекрасную книгу. Искусство, какъ небесная лазурь, есть безконечное поле; вы только что доказали это. Ваши «Цвѣты Зла» блестятъ и ослѣпляютъ, какъ звѣзды. Продолжайте. Я кричу изъ всѣхъ силъ браво! вашему отважному духу. Позвольте мнѣ кончить эти нѣсколько [строкъ] поздравленіемъ. Вы получили одну изъ рѣдкихъ наградъ, какія можетъ дать существующее французское правительство. Вы осуждены во имя того, что оно зоветъ своей моралью и своимъ правосудіемъ. Это лучший вѣнокъ для васъ. Жму вашу руку, поэтъ». Эдуардъ Тьерри приравнивалъ въ то же время «Цвѣты зла» къ «Божественной комедіи» Данта и утверждалъ, что флорентинскій поэтъ не разъ узналъ бы въ этой книгѣ «свою мрачную фугу, свое ужасное слово, свои безжалостные образы и звучность своего мѣднаго стиха»... Еще съ десятокъ-другой знатоковъ поэзіи (Жоржъ-Зандъ,

*) При составленіи біографіи поэта мы пользовались существующими жизнеописаніями Теофила Готье и Эжена Крепе, а также 4 т. т. «Oeuvres complètes» 1886 г., перепиской Бодлера съ друзьями и дневникомъ «Mon cœur mis à nu». Переводныя стихотворенія, которыми мы цитируемъ въ настоящемъ этюдѣ, отчасти напечатаны въ разныхъ старыхъ журналахъ и въ сборникѣ «Стихотворенія Бодлера» (М. 1895. Ц. 1 р.), главнымъ же образомъ представляютъ новыя, нигдѣ еще не помѣщенные работы.

Флоберъ, С. Бевъ, Готье, маркизь де-Кюстинъ, Эмиль Дешанъ и др.) встрѣтили книгу съ восторгомъ и своими одобреніями поддержали въ авторѣ бодрость и мужество. Но фактъ осужденія *полиціей нравовъ* остался тѣмъ не менѣе надолго фактомъ въ общественномъ мнѣніи. Десять лѣтъ спустя, надъ свѣжей могилой поэта, друзьямъ его пришлось печатно доказывать, что онъ былъ не безбожникъ и развратникъ, а напротивъ — глубоко религіозный человѣкъ съ нѣжнымъ и любящимъ сердцемъ. Одинъ изъ друзей Бодлера, отговаривавшій его отъ изданія «Цвѣтовъ Зла», утверждая, что книга навсегда останется «пятномъ» на его имени, оказался правымъ въ своей наивности: даже и теперь, уже сорокъ лѣтъ спустя, имя Бодлера и у себя на родинѣ и за границей (между прочимъ и въ Россіи) пользуется нѣсколько двусмысленной репутаціей: не то, это — великій поэтъ, проповѣдникъ свѣтлыхъ стремленій и идеаловъ, не то писатель реакціоннаго значенія, извращенная натура, пѣвецъ грязи и самыхъ низкихъ пороковъ, отецъ современныхъ декадентовъ... Не безъинтересно было бы поэтому разобраться въ этомъ хаосѣ противорѣчивыхъ мнѣній и выяснить, наконецъ, какое мѣсто въ дѣйствительности принадлежитъ Бодлеру на современномъ Парнасѣ, плюсомъ или минусомъ слѣдуетъ считать его поэзію, развращающее или, напротивъ, возвышающее вліяніе можетъ имѣть тотъ интересъ, который, повидимому, возбужденъ въ послѣднее время и у насъ къ его поэзіи.

Переводить Бодлера на русскій языкъ началъ еще Курочкинъ, но только въ послѣдніе годы переводчики наши, такъ сказать, вплотную взялись за это дѣло, и въ Москвѣ вышелъ недавно даже цѣлый сборникъ, посвященный стихамъ Бодлера. Издатель этого послѣдняго общаетъ, между прочимъ, довести свою работу до конца. Устраняясь отъ оцѣнки самыхъ переводовъ, мы замѣтимъ только, что пока московскій сборникъ очень непохвалъ, что и самый подборъ пьесъ въ немъ показался намъ недостаточно характернымъ для французскаго поэта: отсутствуютъ такія вещи, какъ «Hymne à la Beauté», «La Béatrice», «La charogne», «Le crépuscule du soir», «Le crépuscule du matin», «L'âme du vin», «Le vin des chiffonniers» и, наконецъ, известное стихотвореніе въ прозѣ «Les Bienfaits de la Lune». Намъ кажется также совершенно непонятнымъ обиліе точекъ, разставленныхъ по всему сборнику. Чѣмъ онѣ вызваны? Многіе читатели, знающіе о Бодлерѣ по наслышкѣ, могутъ рѣшить, что это пропуски неприличныхъ мѣстъ, другіе — что въ нихъ кроется нецензурный смыслъ иного рода. Мы справились въ подлинникъ и нашли, что эти точки въ большинствѣ случаевъ вполнѣ невиннаго характера. Такъ въ стих. «Амуръ и Черепъ» выпущено почему-то слово «молиться», какъ легко догадаться по смыслу:

И Черепъ,—слышу я,—съ тоской
Не устаетъ.

Не знаемъ, какая цензура могла бы лишить правовѣрный че-

репъ права молиться. Не объяснить-ли лучше подобные пропуски небрежностью или излишней опасливостью самихъ издателей?..

I.

Шарль-Пьеръ Бодлеръ родился въ Парижѣ 21 апрѣля 1821 г. По его собственному признанію, многіе изъ предковъ его были идиотами или маньяками, и всѣ отличались «ужасными страстями». Старшій братъ его Клодъ (отъ другой матери) на 55 г. жизни былъ разбитъ параличомъ и умеръ, кажется, въ сумасшедшемъ домѣ почти въ одно время съ повѣтомъ. У матери послѣдняго, въ старости, также были парализованы ноги. Всѣ эти генеалогическія данныя невольно наводятъ на мысль, что Бодлеръ уже въ крови своей носилъ, быть можетъ, задатки той странной болѣзни, которая преждевременно свела его въ могилу и которая наложила такой горькій и темный отпечатокъ и на его талантъ и характеръ. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что и самъ поэтъ прибавилъ къ этимъ ненормальнымъ основамъ своей природы значительную каплю яда. Долгое время друзья его, и особенно Теофиль Готье, пытались реабилитировать въ этомъ отношеніи его память, называя вздоромъ ходившіе въ обществѣ слухи о злоупотребленіи гашишемъ и опиумомъ и утверждая, что Бодлеръ изъ любознательности только сдѣлалъ одинъ или два опыта съ однимъ изъ этихъ опасныхъ веществъ. Увѣренія друзей, казалось, подтверждались и тѣми словами самого поэта, которые находимъ мы въ интересномъ его сочиненіи «Искусственный Рай» («Поэма о гашишѣ» и «Пожираатель опиума»): «Человѣкъ не такъ покинуть и не такъ лишенъ честныхъ средствъ достичь неба, чтобы призывать себѣ на помощь фармацію и колдовство; ему нѣтъ необходимости цѣною своей души покупать опьяняющія ласки и любовь гурій. И что значить рай, который покупается цѣною вѣчнаго спасенія?» Однако обнародованная въ послѣднее время интимная переписка Бодлера не оставляетъ теперь никакихъ сомнѣній въ томъ, что онъ не былъ свободенъ отъ несчастной страсти къ наркотикамъ. Въ одномъ изъ писемъ 59 года онъ говоритъ: «Я очень мраченъ, мой другъ, а опиума нѣтъ». Въ дневникѣ 62 г. читаемъ: «Я культивировалъ свою истерію съ наслажденіемъ и ужасомъ». А въ письмѣ, относящемся къ 65 году (за два года до смерти) онъ уже прямо сознается: «лечившій меня докторъ не зналъ про то, что вѣкогда я домо употреблялъ опиумъ». Конечно, Бодлеръ не былъ знаменитымъ англійскимъ опиофагомъ Кинсеємъ, который цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ пожиралъ это наркотическое вещество, дойдя [подъ конецъ до 320 грановъ въ сутки (!), и который посмѣялся бы надъ французскимъ своимъ подражателемъ, какъ надъ ребенкомъ; но за то у Кинсея и здоровье было желѣзное: онъ имѣлъ силу воли отдѣлаться въ концѣ концовъ отъ своей несчастной слабости и прожилъ потомъ еще много лѣтъ въ полномъ здоровьи. Но

если Бодлъръ и не особенно злоупотреблялъ опиумомъ, пользуясь имъ только для успокоенія желудочныхъ и нервныхъ болей, которыми страдалъ съ молодости, то на его нѣжномъ, слабомъ отъ природы организмѣ и это могло оставить вредныя слѣды. Одно прибавлялось къ другому. Конечно, никто не споритъ, что не меньшую роль сыграли здѣсь и несчастія личной жизни, а также тѣ душевныя муки современнаго писателя, которые такъ ярко описываетъ первый біографъ поэта, самъ знаменитый писатель, Теофиль Готье: «При долговременности этой борьбы нервы раздражаются, мозгъ сгораетъ, чувствительность изощряется,—и вотъ приходитъ невровъ со всѣми своими страшными безнокойствами, безсонницами, полными галлюцинацій, неопредѣленными страданіями, болѣзненными капризами, безпричинной тоской, то безумнымъ порывомъ энергіи, то вялымъ безсиліемъ, съ поисками возбуждающихъ средствъ и отвращеніемъ ко всякой здоровой пищѣ».

Отецъ Шарля, Франсуа Бодлъръ, былъ также своего рода замѣчательной личностью. По показаніямъ поэта, онъ «носилъ сутану раньше, чѣмъ надѣть фригійскій колпакъ». Во всякомъ случаѣ онъ учился въ духовной семинаріи, былъ затѣмъ учителемъ въ какомъ-то колледжѣ и репетиторомъ у дѣтей герцога Шуазеля. У него были дружескія связи въ двухъ противоположныхъ кругахъ общества, въ аристократіи и среди революціонеровъ. Въ мрачныя дни террора онъ держалъ себя въ высшей степени мужественно и благородно, цѣлыми днями бѣгая по тюрьмамъ и судилищамъ, открыто заступаясь за наиболѣе скомпрометтированныхъ лицъ и для спасенія чужой жизни рискуя собственной головой. Онъ же, говорятъ, доставилъ ядъ знаменитому Кондорсе, когда не могъ спасти его. Крайній радикалъ по убѣжденіямъ, онъ былъ аристократъ по манерамъ и любви ко всему изящному. Онъ часто водилъ маленькаго Шарля по общественнымъ садамъ, гдѣ любилъ показывать ему статуи, и подъ его вліяніемъ у мальчика пробудилась необыкновенная страсть къ образамъ и пластическому искусству. Ему было десять лѣтъ, когда умеръ старикъ-отецъ. Овдовѣвшая молодая мать Шарля вскорѣ вышла вторично замужъ за блестящаго молодого офицера Опика, впоследствии генерала и маршала Людовика-Филиппа, и этотъ фактъ скорого забвенія памяти его любимаго отца образовалъ глубокую рану въ сердцѣ поэта, который долго послѣ того не въ силахъ былъ относиться къ матери съ той страстной любовью, какой любилъ ее въ послѣдніе годы жизни. Что касается вѣтчины, то у насъ нѣтъ основаній думать, что онъ дурно относился къ своему пасынку: напротивъ, онъ, повидимому, любилъ его по своему и мечталъ устроить ему такую же блестящую карьеру, какую одѣлалъ самъ; но въ немъ не было ни той сердечной нѣжности, ни той любви къ искусству, какія Шарль помнилъ въ своемъ отцѣ. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что съ ранняго дѣтства и до конца жизни онъ относился къ нему съ глубокой антипатіей...

Девяти лѣтъ Шарль поступилъ въ коллежъ въ Лионѣ. Любознательный и способный, онъ обладалъ крайне живымъ, беспокойнымъ умомъ, мѣшавшимъ усидчивости и внимательности, и успѣхи его въ коллежѣ были посредственны. Уже въ тѣ ранніе годы будущій поэтъ отличался независимымъ и оригинальнымъ характеромъ. «Удары, борьба съ учителями и товарищами, глухая тоска,—кратко говорить онъ объ этомъ времени въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ,—чувство одиночества всегда и вездѣ. Между тѣмъ очень живой вкусъ къ жизни и удовольствіямъ». На 16-мъ году онъ перемѣстился въ коллежъ Людовика Великаго въ Парижѣ и тамъ впервые началъ писать стихи, свидѣтельствовавшіе о ранней разочарованности «въ духѣ моднаго тогда байронизма. Въ 37—38 г. онъ совершилъ съ вѣточкомъ поѣздку въ Пиренеи, оставившую въ его душѣ сильныя впечатлѣнія, и отъ этого времени сохранилось одно стихотвореніе, озаглавленное уже въ духѣ «Цвѣтовъ зла» *Incompatibilité*, гдѣ встрѣчаются красивые и смѣлые образы въ родѣ «безмолвія, которое внушаетъ желаніе бѣжать, спастись отъ него». Въ 39 г. произошла какая-то невыясненная исторія, за которую Бодлеръ былъ исключенъ изъ коллежа передъ самымъ окончаніемъ курса.

Съ этого момента онъ началъ вести разсыянную жизнь, вызвавшую въ его родныхъ большое безпокойство. Имѣ, впрочемъ, извѣстна была только внѣшняя сторона этой жизни—дружба съ литературной богемой и женщинами двусмысленнаго общественнаго положенія, безпорядочное времяпрепровожденіе, нежеланіе вступать въ высшій свѣтъ, знакомство съ которымъ могло бы дать ему генеральское званіе вѣточка, отсутствіе какихъ-нибудь видимыхъ плодовъ того труда, о которомъ онъ постоянно мечталъ и говорилъ. То, что этотъ же періодъ жизни, столь безпорядочной и неприличной на ихъ взглядъ, былъ для молодого поэта и періодомъ глубокой внутренней работы, серьезной подготовки къ избранной дѣятельности, что для него не прошло даромъ знакомство съ самыми темными углами огромнаго города, съ грязными предмѣстьями, гдѣ копошится рабочій людъ, и жалкими мансардами, гдѣ ютится низшій сортъ богемы, все это было неизвѣстно и чуждо родителямъ Бодлера. Когда Шарль объявилъ имъ, что онъ рѣшилъ посвятить себя литературѣ, они были поражены, какъ громомъ. «Какъ изумились мы,—вспоминаетъ потомъ его мать объ этомъ періодѣ,—когда онъ вдругъ отказался отъ всего, что хотѣли для него сдѣлать, пожелалъ украсть у самого себя крылья и стать писателемъ... Какое разочарованіе въ нашей внутренней жизни, до тѣхъ поръ такой счастливой! Какая печаль!» Глухая семейная борьба длилась нѣсколько лѣтъ. Это по ея поводу написано Бодлеромъ, полное глубокой горечи и виѣстъ кроткой резиньѣи, «Влагословеніе», пѣвса которою открывается сборникъ «Цвѣтовъ Зла»:

Когда Поэтъ, по вогѣ Провидѣнья,
Увидѣлъ свѣтъ, испуганная мать,
Сжавъ кулаки, полна богохуленья,
Дитя и небо стала проклинять!

Уже въ это раннее время Бодлеръ завязалъ отношенія со многими крупными дѣятелями тогдашней литературы и искусства: Урліакомъ, Жераромъ, Бальзакомъ, Леваассеромъ, Делатюшемъ. Рассказываютъ, что Бальзакъ и Бодлеръ случайно набѣжали одинъ на другого во время прогулки, и это комичное столкновенье, вызвавшее у обоихъ смѣхъ, послужило поводомъ къ знакомству: полчаса спустя они уже бродили, обнявшись, по набережной Сены и болтали обо всемъ, что приходило въ голову. Бальзакъ сталъ однимъ изъ любимыхъ писателей и литературныхъ учителей Бодлера. Вѣщность послѣдняго въ тотъ свѣтлый юношескій періодъ друзья описываютъ самыми идеальными красками. Къ сожалѣнію, эта «божественная красота» скоро поблекла подъ зноимъ душевныхъ мукъ и жизненнаго горя; однако и впоследствии Бодлеръ сохранилъ лицо, обращавшее на себя общее вниманіе. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что одѣвался онъ всегда очень изящно и со вкусомъ, имѣя своимъ идеаломъ въ этомъ отношеніи данди во вкусѣ романовъ Ричардсона. Худошавый, тонкій, изысканно-просто одѣтый во все черное, онъ ходилъ медленными, мягкими и почти ретическими шагами...

Родители имѣли во всякомъ случаѣ достаточно мотивовъ тревожиться образомъ жизни своего сына. Въ ужасъ должны были придти они, прочитавъ, наприм., одно изъ тогдашнихъ его стихотвореній: «Не блестящая львица была моя любовница, рассказываетъ онъ съ циничной откровенностью: нечувствительная ко взглядамъ насмѣшливаго свѣта, красота ея цвѣтеть лишь въ моемъ печальномъ сердцѣ. Чтобъ купить себѣ башмаки, она продавала свою любовь; но смѣшно было бы, еслибы подлѣ этой безстыдницы я сталъ корчить изъ себя святошу, я, который продаю свою мысль и хочу быть писателемъ. Порокъ несравненно болѣе тяжкій: она носила парикъ» и т. д. Надо думать, что стихотвореніе это не есть цѣликомъ плодъ дѣйствительности, а по крайней мѣрѣ на половину является данью тому романтическому «бунту», который охватилъ французскихъ поэтовъ того времени; но и половины было достаточно, чтобы родители Шарля, страшно встревоженные, рѣшили принять относительно его крайнія мѣры. Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ семейныхъ сценъ, молодой поэтъ принужденъ былъ покориться и въ маѣ 1841 г. сѣлъ въ Бордо на корабль, который долженъ былъ ѣхать въ Индію. Мать Бодлера надѣялась, что путешествіе подѣйствуетъ на него отрезвляющимъ образомъ, дастъ другое направленіе его мыслямъ. Но съ первыхъ же дней пути самая мрачная печаль охватила юнаго странника, и вскорѣ тоска по роднѣ превратилась у него въ настоящую болѣзнь. Не радо-

вали его ни картины невиданной до тѣхъ поръ природы, ни яркія краски южнаго неба, ни горячее тропическое солнце—онъ съ каждымъ днемъ худѣлъ и таялъ, какъ воскъ. Впослѣдствіи самъ Бодлеръ, до крайности любившій всякія мистификаціи, рассказывалъ своимъ друзьямъ, будто онъ долгое время жилъ въ Калькуттѣ, занимаясь поставкой мяса для англійской арміи; благодаря этимъ фантастическимъ рассказамъ, создались цѣлыя легенды относительно его путешествія. Но біографическій матеріалъ безжалостно разрушаетъ всѣ эти легенды... Положительно извѣстно, что путешествіе длилось всего лишь десять мѣсяцевъ, и что капитанъ корабля, перепуганный болѣзнью Бодлера и уступая его собственнымъ настояніямъ, еще съ острова св. Маврікія или, самое большее, съ о. Бурбона отправилъ его на какомъ-то попутномъ кораблѣ обратно во Францію. Такимъ образомъ Индія-то онъ и не видалъ вовсе!.. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что эта короткая поѣздка въ тропическія страны оставила въ душѣ поэта неизгладимый слѣдъ, который мы находимъ всюду въ его произведеніяхъ: съ этихъ поръ мечты его постоянно уносятся на далекій востокъ, къ полуденному солнцу, подъ которымъ растутъ такіе странные цвѣты и деревья съ опьяняющими ароматами.

Если вечеромъ теплымъ осеннимъ закрою глаза я,
Отъ груди твоей жаркой вдыхая живой ароматъ,—
Мнѣ приснятся тотчасъ берега благодатнаго края,
Гдѣ лучи монотонные солнца такъ ярко горятъ.
Этотъ островъ гниивый, обломки цвѣтущаго рая,
Гдѣ на странныхъ деревьяхъ плоды наливные висятъ,
Гдѣ лучистыя очи смуглянокъ такъ вольно глядятъ,
И мужинамъ-атлетамъ дана граціозность таяла!
Предо мной оживаютъ картины счастливыхъ годовъ:
Гавань, полная мачтъ и надутыхъ слегка парусовъ,
Не успѣвшихъ забыть о летавшихъ надъ ними циклонахъ...
И напѣвы магносовъ въ сіяньи лазурнаго дня,
И томительный запахъ отъ рошъ тамариндовъ зеленыхъ,
Въ гармоничный сливаясь аккордъ, опьяняютъ меня!

Въ февралѣ 42 г. Бодлеръ вернулся въ Парижъ и, черезъ два мѣсяца достигнувъ совершеннолѣтія, получилъ свою долю отцовскаго наслѣдства. Старшій братъ Клодъ предпочелъ получить землю, Шарль—деньги. Кругленькаго капитала въ 75 тысячъ франковъ, казалось, было вполне достаточно для безбѣдной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ рукахъ вѣтреннаго поэта онъ скоро растаялъ и замѣнился еще огромными долгами, которые стали несчастьемъ и проклятьемъ всей его остальной жизни. Искренно или изъ желанія оригинальничать и поражать друзей, Бодлеръ утверждалъ, что вынесъ изъ своего путешествія культъ черной Венеры и не можетъ болѣе глядѣть на бѣлыхъ женщинъ. Дѣйствительность скорѣе подшутила надъ этой его страстью, и фигурантка одного изъ бѣлыхъ парижскихъ театровъ, въ которую Бодлеръ влюбился,

мулатка Жанна Дюваль, на всю жизнь забрала его въ руки. Связь эта была по истинѣ роковою для Бодлера. По единогласному свидѣтельству всѣхъ друзей и знакомыхъ поэта, въ этой Жаннѣ не было ничего замѣчательнаго: ни особенной красоты, ни ума, ни таланта, ни сердца, ничего, кромѣ безграничнаго эгоизма, корыстолюбія и легкомыслія. Но сойдясь съ нею и, быть можетъ, въ началѣ полюбивъ вполне искренно, Бодлъръ считалъ уже потомъ долгомъ чести не покидать до конца эту несчастную. Она всячески обманывала его, разоряла, вводила въ неоплатные долги, надѣвала ему петлю на шею, а онъ кротко и покорно выносилъ все, никогда никому не жалуясь, не пытаясь даже порвать эту несчастственную связь съ своей «*belle ignorante*», какъ называлъ онъ Жанну Дюваль въ стихахъ. Какъ большинство женщинъ цвѣтной расы, Жанна имѣла пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ и еще въ молодые годы была поражена параличомъ. Бодлъръ помѣстилъ ее въ одну изъ лучшихъ лечебницъ и, отказывая во всемъ себѣ, устроилъ тамъ самымъ комфортабельнымъ образомъ. Но, любя веселье и ненавидя отъ всей души скуку, Жанна, не успѣвъ еще хорошенько поправиться, поспѣшила выйти изъ больницы и поселилась на этотъ разъ въ одной квартирѣ съ поэтомъ. Надо думать, что этотъ періодъ совместной жизни съ фривольной, невѣжественной и взбалмошной женщиной былъ для него особенно тяжелъ, тѣмъ не менѣе онъ терпѣливо вынесъ нѣсколько лѣтъ такой жизни. Даже въ самые послѣдніе годы, находясь уже въ добровольномъ изгнаніи въ Бельгіи, въ когтяхъ полной нищеты, Бодлъръ не переставалъ помогать Жаннѣ; не забывала и она его, даже въ то время, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, продолжая громить письмами, въ которыхъ требовала денегъ и денегъ... Послѣ смерти поэта, впадъ въ страшную нищету, и она скорѣй умерла гдѣ-то въ госпиталѣ.

Конечно, такая несчастная связь не могла не оставить въ душѣ поэта мрачныхъ слѣдовъ. Живя въ такой средѣ, гдѣ мало встрѣчалось настоящихъ женщинъ, и судя о нихъ по Жаннѣ и по другимъ образчикамъ болѣею частью того же типа, онъ естественно долженъ былъ приобрести самые странные и дикіе взгляды на нихъ счетъ. Онъ считалъ женщину одною изъ обольстительныхъ формъ дьявола; онъ выражалъ даже удивленіе тому, что ее пускаютъ въ церковь...

Возрастающая нужда скорѣй запретила Бодлеру всякую роскошь. Съ 46 года уже онъ ходилъ по пустыннымъ улицамъ С.-Жерменскаго предмѣстья не въ модномъ черномъ костюмѣ, а въ рабочей блузѣ. Впрочемъ, извѣстнаго рода дендизмъ онъ умѣлъ сохранять даже и въ этомъ одѣяніи. Между тѣмъ выступать на литературную арену съ произведеніями своей музы Бодлъръ медлил. Слава объ его оригинальномъ и сильномъ талантѣ уже давно вышла изъ предѣловъ тѣснаго дружескаго кружка, гдѣ поэтъ любилъ

читать свои стихи нѣсколько монотоннымъ и пѣвучимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ властнымъ голосомъ, производившимъ на слушателей глубокое впечатлѣніе; но, тонкій цѣнитель красоты, онъ не спѣшилъ печататься и все исправлялъ, отдѣлывалъ и оттачивалъ форму своихъ произведеній. До чего доходила его строгость къ себѣ, показываетъ тотъ фактъ, что свое чудное стихотвореніе «Альбатросъ», читанное друзьями вскорѣ послѣ поѣздки въ Индію, онъ не рѣшился помѣстить въ первомъ изданіи «Fleurs du Mal», вышедшемъ въ свѣтъ пятнадцать лѣтъ спустя (57 г.)!.. Въ печати Бодлѣръ выступилъ впервые не стихотворцемъ, а критикомъ—сначала салоновъ живописи, а затѣмъ и литературы. Въ мірѣ французскихъ художниковъ до сихъ поръ принято считать, что Франція не имѣла художественнаго критика, равнаго Бодлѣру по тонкости вкуса, красоты и энергіи стиля. Всѣ его симпатіи склонялись на сторону нарождавшейся тогда школы реальной живописи, но любимымъ его художникомъ былъ Делякруа; изъ поэтовъ онъ больше всего любилъ пѣвца рабочихъ Пьера Дюпона, съ которымъ вмѣстѣ дрался потомъ въ июньскіе дни на баррикадахъ. Впослѣдствіи литературные вкусы Бодлѣра значительно отклонились въ сторону чистаго искусства: къ Беранже онъ чувствовалъ отвращеніе, къ Гюго равнодушіе, признавалъ только Шатобриана, Бальзака, Стендаля, Флобера, Банвиля, Готье, Мериме, де-Виньи, Леконта де-Лилля... Но въ 40-хъ годахъ, которые были періодомъ наиболѣе пышнаго расцвѣта и для его собственного таланта, онъ отличался горячими демократическими вкусами. Движеніе 48 г. увлекло въ свой потокъ и Бодлѣра. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ онъ имѣлъ какую-либо опредѣленную программу, принадлежалъ къ какой-нибудь опредѣленной демократической фракціи: вѣроятно все, что толкнули его въ революцію гуманитарные принципы вообще и сочувствіе къ рабочему классу, которое онъ пріобрѣлъ въ своихъ скитаніяхъ по грязнымъ предмѣстьяхъ Парижа (всѣ лучшія стихотворенія его въ этомъ родѣ, «Душа Вина», «Хмѣль Тряпичниковъ», «Сумерки», «Разсвѣтъ» и др. написаны въ бурный періодъ конца 40 гг.); но имѣло долю вліянія и личное озлобленіе противъ буржуазіи и правящихъ классовъ. Нѣкоторые изъ друзей видѣли, по крайней мѣрѣ, Бодлѣра, съ ружьемъ въ рукѣ стоявшаго во главѣ толпы и призывавшаго ее разрушить домъ генерала Опики, его вотчина... Одновременно съ участіемъ въ уличныхъ движеніяхъ, Бодлѣръ пытался служить демократическимъ идеямъ и на почвѣ журналистики, будучи редакторомъ одного эфемернаго революціоннаго изданія, выходившаго въ 48 г. въ Парижѣ. Но мечты были вскорѣ разбиты. Часть вождей демократіи погибла или бѣжала за границу (какъ Викторъ Гюго), часть опустила голову или отдалась волѣ реакціи. Созерцательная, кроткая натура нашего поэта не была пригодна къ боевой дѣятельности ни на полѣ уличной, ни на полѣ чернильной брани, и вскорѣ онъ почувствовалъ въ душѣ сво-

ей страшную пустыню. Протянуть руку правительству Наполеона III онъ не могъ и до конца остался въ сторонѣ отъ общественнаго пирога, который съ такой жадностью дѣлила тогда хищная толпа ренегатовъ, лицемерныхъ ханжей и раболовныхъ холоповъ; но для него невозможно было и продолженіе отношеній съ революціонерами, такъ какъ въ убѣжденіяхъ его, чуждыхъ до тѣхъ поръ какой-либо твердой обосновки, началась рѣзкая эволюція, кончившаяся прямой враждою ко всякому демократическому утопіямъ, мыслями о необходимости для современнаго общества католической религіи и политическаго абсолютизма, фантазіями о трехъ сословіяхъ—воиновъ, священниковъ и постовъ... Съ большой однако осторожностью надо относиться къ опредѣленію истиннаго смысла и значенія этой внутренней реакціи: поэтъ, написавшій «Отреченіе св. Петра», не могъ, конечно, быть правотѣрнымъ католикомъ, и папа навѣрное съ ужасомъ отшатнулся бы отъ такого сына своей церкви; правительство второй имперіи, присудившее къ уничтоженію сборникъ «Цвѣтовъ Зла», точно также не могло бы истолковать въ свою пользу бодлеровскій абсолютизмъ; наконецъ, и буржуазное общество, такими мрачными красками обрисованное въ его сочиненіяхъ, не могло считать его своимъ сторонникомъ. Политическіе и общественные взгляды Бодлера, поскольку они выразились въ его автобіографическихъ замѣткахъ, поражаютъ насъ своей дикостью и реакціонностью, но они не даютъ ключа къ этой своеобразной душѣ,—ключа, который можно сыскать только въ тѣхъ же «Цвѣтахъ Зла».

Съ конца 40 г., Бодлеръ началъ увлекаться также сочиненіями знаменитаго американскаго писателя Эдгара Поэ и усиленно переводить ихъ на французскій языкъ. Несомнѣнно, что у обоихъ авторовъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильное духовное родство, и благодаря ему то, Бодлеръ любилъ Поэ такой страстной, доходившей до болѣзненнаго обожанія любовью. Начиная съ 46 г., онъ переводилъ его вплоть до самой смерти въ 67 г., переводилъ съ изумительнымъ трудолюбіемъ, необыкновенной точностью и вѣрностью подлиннику, такъ что до сихъ поръ по справедливости признается образцовымъ и неподражаемымъ переводчикомъ американскаго поэта. До какой страстности доходила эта мистическая любовь Бодлера къ Поэ, видно изъ его интимнаго дневника послѣднихъ лѣтъ жизни, гдѣ на ряду съ покойнымъ отцомъ онъ считаетъ и духъ Поэ своимъ заступникомъ передъ высшимъ милосердіемъ...

Долго медлил Бодлеръ съ обнародованіемъ своихъ оригинальныхъ стихотвореній, и только лѣтомъ 1857 г. сборникъ «Цвѣтовъ Зла» увидалъ, наконецъ, свѣтъ. Автору было въ это время уже 36 лѣтъ...

«Цвѣты Зла» были динамитной бомбой, упавшей въ буржуазное общество второй имперіи. Выше мы говорили уже о приѣмѣ,

оказанномъ имъ во Франціи. Поэтъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ, раздавленнымъ несправедливымъ осужденіемъ его книги, какъ безнравственной и антирелигіозной. Онъ считалъ себя опозореннымъ, лишеннымъ навсегда чести... «Развѣ актеръ, выступающій на сценѣ, говоритъ онъ, — отвѣтственъ за роли преступниковъ, которыхъ онъ изображаетъ? Не имѣлъ ли я права, даже не былъ ли обязанъ съ возможнымъ совершенствомъ приноровить свой умъ и талантъ ко всевозможнымъ софизмамъ и видамъ развращенности своего вѣка?» Только девять лѣтъ спустя, въ минуту озлобленія другого рода, высказалъ онъ совершенно иную мысль о своей книгѣ въ одномъ изъ интимныхъ писемъ: «Въ эту жестоку книгу я вложилъ всю мою мысль и сердце, всю мою нѣжность и ненависть, всю мою религію... И если бы я написалъ противоположное, если бы клялся всѣми богами, что это произведение чистаго искусства, обезьянства, жонглерства, то я лгалъ бы самымъ безстыднымъ образомъ!»—И послѣднее мнѣніе, быть можетъ, даже вѣрнѣе: ужъ, конечно, «Цвѣты Зла» меньше всего можно назвать произведеніемъ чистаго искусства. Но въ томъ то и дѣло, что судьи поэта имѣли слишкомъ мѣдныя лбы, чтобы понять ихъ тенденцію, бившую прямо въ глаза каждому безпристрастному судѣ и цѣнителю. Ханжамъ и фарисеямъ не было дѣла до внутренняго смысла, до души произведенія, а важнѣе всего было соблюденіе чисто внѣшнихъ условій пуритана—и вотъ, «Цвѣтамъ Зла» былъ вынесенъ изъ полиціи нравовъ обвинительный вердиктъ. Собственно говоря, въ настоящее время, когда французскій натурализмъ приучилъ насъ къ такой страшной подчасъ откровенности языка, читатель, знакомый до тѣхъ поръ съ Бодлеромъ лишь по наслышкѣ, взявъ его книгу въ руки, не пойметъ даже смысла этого осужденія: гдѣ же тутъ цинизмъ, безнравственность? Вѣдь, не говоря даже о духѣ книги, въ смыслѣ формы, языка, это не больше, какъ ребяческій лепетъ въ сравненіи съ Золя, Мопасаномъ, Катюллою Мюндесомъ, Юисмансомъ и другими новѣйшими писателями? И въ самомъ дѣлѣ: главной причиной осужденія книги было, несомнѣнно, ея заглавіе, дававшее поводъ думать, что авторъ сочувствуетъ изображенному въ ней «злу», искренно считаетъ «цвѣтами» (хотя и цвѣты бываютъ вѣдь разныя?) всѣ нарисованные въ ней ужасы. Будь вся книга озаглавлена «Сплиномъ и Идеаломъ», какъ называется первый, самой большой и цѣнный отдѣлъ ея,—и осужденія, быть можетъ, не послѣдовало бы, а между тѣмъ «Сплинъ и Идеаль» даже больше подходило бы къ названію всего сборника, чѣмъ «Цвѣты Зла», и если поэтъ выбралъ все-таки послѣднее, то, конечно, отдавая главнымъ образомъ дань романтическому бунту своей молодости и природной страсти къ проиіи и мистификаціямъ всякаго рода.

Въ 61 г. выходитъ уже второе изданіе «Цвѣтовъ Зла», съ при-
бавленіемъ 35 новыхъ пьесъ, въ томъ числѣ «Альбатроса», «Ма-

леньныхъ Старушекъ», по поводу которыхъ Гюго выразился, что Бодлъръ создалъ «новый родъ трепета» (le nouveau frisson), и «Путешествія», этого оригинальнаго гимна смерти, который такимъ мрачнымъ аккордомъ заключается сборникъ.

Съ начала 62 г. мы видимъ поэта въ полной власти у его страшнаго недуга. Постоянныя нервныя боли, рвоты и головокруженія отнынѣ уже не переставали его мучить. Иногда онъ появлялся еще въ увеселительныхъ мѣстахъ, но мрачный, нелюдимый, пуган своимъ видомъ молодыхъ дѣвушекъ. Куда дѣвались его бывшее остроуміе, смѣнившееся теперь желчнымъ недовольствомъ всѣмъ окружающимъ, веселая болтливость и страсть къ фланерству! Влюбленный когда-то въ Парижъ, въ его шумную жизнь, въ его блескъ и грязь, роскошь и нищету, въ его красивыя приманки и гноящіяся язвы, теперь онъ чувствовалъ къ нему отвращеніе. Параллельно съ ходомъ болѣзни росли и долги, охватывая его желѣзнымъ кольцомъ нужды и нравственныхъ обязательствъ... Между тѣмъ, литературный заработокъ Бодлера былъ ничтоженъ. Этотъ родъ труда и вообще давалъ въ тѣ времена во Франціи очень мало, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ знаменитостей, а творческая производительность Бодлера была къ тому же удивительно невелика, благодаря отчасти его строгому отношенію къ своему таланту, а отчасти и лѣности. Трудолюбія, которое онъ такъ высоко цѣнилъ, ставя даже выше вдохновенія, въ немъ самомъ было очень мало, и сохранилось много анекдотовъ о томъ, къ какимъ уловкамъ прибѣгалъ онъ для обузданія своей лѣни, и какъ послѣдняя все-таки одерживала большую часть верхъ. Теперь, съ развитіемъ болѣзни, о большихъ литературныхъ заработкахъ нечего было и думать. Въ довершеніе несчастія, издатель Бодлера и другъ его, Пуле-де-Маясси, прогорѣлъ, и Бодлъръ, какъ всегда благородный и самоотверженный, счелъ своимъ долгомъ связать отнынѣ свою судьбу съ его судьбою и раздѣлить съ нимъ все послѣдствія краха. Наконецъ, онъ ухватился за предложеніе бельгійскихъ художниковъ прочесть въ Брюсселѣ рядъ публичныхъ лекцій объ искусствѣ и, уже совсѣмъ больной, поѣхалъ туда въ апрѣлѣ 64 г., окрыленный новыми надеждами. Первые лекціи имѣли огромный успѣхъ, но всѣ мечты вскорѣ разлетѣлись прахомъ, такъ какъ антрепренеръ надулъ его и вмѣсто обѣщанныхъ 500 франковъ за лекцію, сталъ платить сначала по 100, а потомъ и по 50 фр.,—сумма, совершенно недостаточная даже для скуднаго существованія. Скоро онъ возненавидѣлъ Бельгію всѣми силами души: и люди, и природа, все внушало ему здѣсь полное отвращеніе. Народъ бельгійскій кажется ему грубымъ, эгоистичнымъ, исполненнымъ всяческихъ пороковъ; деревья представляются черными, цвѣты лишенными запаха, Брюссель вонючей и грязной клоакой... Подъ вліяніемъ болѣзни и нужды, духъ поэта, и безъ того склонный къ меланхоліи, омрачается все сильнѣе и сильнѣе. Но вернуться немедленно въ Парижъ онъ не

хотѣлъ, такъ какъ рѣшилъ вернуться туда лишь со славой, исполнивъ всѣ свои обязательства. Онъ готовится къ книгѣ о Бельгии (отъ которой остались лишь отрывки), гдѣ хочетъ излить всю свою желчь противъ этой страны, всю свою ненависть къ этому народу... Много работать, однако, онъ не можетъ, потому что болѣзнь продолжаетъ дѣлать свое страшное дѣло и идетъ впередъ гигантскими шагами...

Вотъ какъ описываетъ Готье наружность Бодлера въ этотъ послѣдній періодъ его жизни: «Его фигура исхудала и какъ бы одухотворялась; глаза расширились, носъ заострился и сталъ какъ бы тверже; губы были таинственно сжаты и, казалось, хранили въ своихъ углахъ какую то саркастическую загадку... Къ румянымъ нѣкогда оттѣнкамъ щекъ примѣшались желтые тоны болѣзни и утомленія. Нѣсколько облысѣвшій лобъ выигралъ въ величинѣ и, такъ сказать, солидности; онъ былъ точно высѣченъ изъ самаго крѣпкаго мрамора. Тонкіе, шелковистые, длинные волосы, уже болѣе рѣдкіе и почти совсѣмъ бѣлые (въ 44 года), гармонировали съ этой фizioноміей, одновременно и старой и молодой, придавая ему почти жреческій видъ».

Нельзя равнодушно читать интимный дневникъ, въ которомъ поэтъ записываетъ съ такой трогательной, съ такой, подчасъ дѣтской откровенностью всѣ свои чувства и мысли послѣднихъ лѣтъ жизни. Идеалъ дандизма и желаніе возбуждать удивленіе свѣта своими причудами и оригинальностями давно исчезли въ немъ безъ слѣда и смѣнились другимъ, болѣе возвышеннымъ идеаломъ—нравственнаго совершенствованія. Одновременно съ этимъ, въ немъ вспыхиваетъ страстная любовь къ матери, желаніе хоть сколько-нибудь загладить все то горе, которое онъ причинилъ ей въ жизни... Отнынѣ все, что онъ заработаетъ, онъ будетъ дѣлить на четыре равныя части: одну для себя, другую для матери, третью для Жанны и друзей, четвертую для кредиторовъ. Вотъ его обязанности. Чтобы выполнить ихъ, нужно работать и работать, а для этого нужно здоровье. А чтобы стать здоровымъ, онъ долженъ построить свою жизнь по совершенно новому плану и прежде всего стать нравственно лучшимъ, чистымъ, воспитать въ себѣ любовь и жить любовью... Какія искреннія клятвы даетъ онъ себѣ и Богу, посвятить отнынѣ всю жизнь для достиженія этого новаго идеала! Какія горькія сожалѣнія срываются съ его устъ о напрасно потраченныхъ силахъ и молодости! Главное средство для своего духовнаго воздержанія онъ видитъ въ трудѣ и гигиенѣ: онъ откажется отъ всего возбуждающаго, станетъ жить скромно, умеренно, будетъ работать, какъ волъ, съ ранняго утра до поздняго вечера, и встрѣчая и кончая свой день теплой бесѣдой съ небомъ. И кто знаетъ: быть можетъ, новая жизнь и новыя наслажденія блеснутъ еще для него? Уплата долговъ, развитіе таланта, слава, обезпеченность и счастье матери и Жанны?.. Но, увы! жизнь не ждала и

говорила всѣмъ этимъ розовымъ мечтамъ: поздно!.. Чаша Бодлера пробилъ. Въ апрѣлѣ 66 г., параличъ разбилъ всю правую половину его тѣла и лишилъ языка. Съ этихъ поръ отъ него остается живой трупъ, и жизнь его превращается въ сплошную, мучительную агонію. Лѣтомъ, того же года, друзья перевезли его въ Парижъ и помѣстили въ хорошую лечебницу. Мать находилась при немъ почти неотлучно до дня смерти. Одно время казалось, будто болѣзнь поддалась усиліямъ врачей—больной началъ вставать, ходить и произносить нѣкоторые слова; но временное улучшеніе наступило лишь для того, чтобы разразиться затѣмъ окончательнымъ кризисомъ и уже навсегда притворить несчастнаго поэта къ постели. Только движеніемъ глазъ, всегда печальныхъ и кроткихъ, могъ онъ съ этихъ поръ выражать свои мысли и чувства, свою радость при посѣщеніяхъ друзей. Это ужасное положеніе, разрывавшее сердце матери и всѣхъ близкихъ, длилось очень долго. Смерть наступила лишь 31 августа 67 г., безъ всякихъ видимыхъ страданій, послѣ долгой, но тихой агоніи.

Бодлеръ умеръ 46 лѣтъ отъ роду.

II.

Приступая къ подробной характеристикѣ бодлеровской поэзіи и оцѣнкѣ ея значенія, мы прежде всего хотимъ отмѣтить ея изыяны, всѣ тѣ уродливые и болѣзненные придатки, которые расцвѣли потомъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ въ поэзіи его подражателей и которые людямъ, мало знакомымъ съ подлиннымъ образомъ Бодлера, позволяютъ считать его чуть-ли не главою современнаго декадентства и символизма. Что касается этого послѣдняго (символизма), то Бодлеръ повиненъ въ немъ лишь постольку, поскольку ни одинъ поэтъ не можетъ обойтись безъ употребленія символовъ и образовъ; относительно же декадентства слѣдуетъ сказать, что впервые слово это было примѣнено къ поэзіи Бодлера чуть-ли не имъ самимъ, хотя разумѣлъ онъ подъ этимъ словомъ совсѣмъ не то, что разумѣется подъ нимъ въ настоящее время. Говори о «декадансѣ», онъ имѣлъ въ виду ту высшую пору зрѣлости національной культуры и цивилизаціи, за которою наступаетъ одряхлѣніе и разложеніе, и которая представляетъ собою такое усложненіе всѣхъ сторонъ внѣшней и внутренней жизни человѣка, какой не знали предшествовавшія, болѣе наивныя эпохи. Такой порой для Франціи онъ считалъ моментъ 50-хъ годовъ, напоминавшій ему собою послѣдніе вѣка римской имперіи и ея литературы. Онъ полагалъ, что поэтъ такой эпохи долженъ обладать и языкомъ, отвѣчающимъ новымъ условіямъ, языкомъ «болѣе сложнымъ и обдуманымъ, полнымъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и изысканныхъ словосочетаній, языкомъ, расширившимъ до возможныхъ предѣловъ свои границы, почерпавшимъ свои сокровища во всѣхъ словаряхъ, мѣстныхъ, техническихъ,

берущимъ краски у всѣхъ палитръ, звуки у всѣхъ существующихъ инструментовъ, умѣющимъ приспособлять мысль къ вещамъ, которыя всего труднѣе поддаются выраженію, форму къ очертаніямъ наиболѣе смутнымъ и неуловимымъ, языкомъ, способнымъ передавать самыя тонкія признанія страстей, невроза, галлюцинацій, безумія». Таковъ былъ его идеалъ новаго стиля, и самъ онъ, по общему признанію критики, былъ великимъ мастеромъ слова и формы. Въ этомъ—и только въ этомъ своеобразномъ смыслѣ—онъ дѣйствительно былъ первымъ декадентомъ XIX столѣтія. По словамъ Теофиля Готье, тоже замѣчательнаго стилиста, Бодлъръ умѣетъ однимъ какимъ нибудь эпитетомъ, удачно и не банально выбраннымъ, выразить то, чего другой писатель не выразитъ и цѣлой страницей самаго краснорѣчиваго описанія. Особенно показалъ онъ это свое мастерство въ цѣломъ рядѣ небольшихъ прозаическихъ рассказцевъ, которые называлъ «*Les petites poèmes en prose*»,—название, заимствованное нашимъ Тургеневымъ въ его «стихотвореніяхъ въ прозѣ». То же ли самое видимъ мы однако у современныхъ декадентовъ и символистовъ, которые преслѣдуютъ, повидимому, совершенно другую цѣль: подборомъ своихъ эпитетовъ сдѣлать образъ менѣе всего доступнымъ человѣческому пониманію?

Гораздо серьезнѣе обвиненіе въ манерности, странности и изысканности самихъ образовъ, излюбленныхъ Бодлэромъ. Но есть натуры, говоритъ тотъ же Готье, которыя по природѣ своей манерны. Простота была бы для нихъ чистой аффектаціей и какъ бы вывороченной на изнанку манерностью. На все глядя онѣ подъ своеобразнымъ угломъ, мысли, наиболѣе тонкія, сложныя, напряженныя первыми рождаются въ ихъ мозгу, образы наиболѣе странныя, фантастическіе и далекіе отъ изображаемаго предмета поражаютъ ихъ раньше всего. Однако, что бы ни говорилъ Готье въ защиту своего любимца, нельзя отрицать, что натуры это во всякомъ случаѣ ненормальныя, болѣзненныя, и что именно въ этой-то сторонѣ бодлэровской поэзіи позднѣйшіе безыдейные подражатели и нашли всего больше матерьяла для своихъ уродливыхъ и нелѣпыхъ вдохновеній. То, что у Бодлэра было естественно и искренно, что вызывалось свойствами его натуры, они развили искусственно и намѣренно, добившись того, что здоровый читатель почти надъ каждой строкой ихъ писаній долженъ широко раскрывать глаза, пожимать плечами или даже разражаться хохотомъ...

Дѣйствительно, Бодлъръ проходитъ мимо всѣхъ тѣхъ явленій жизни, которыя поражаютъ мысль и чувство обыкновеннаго наблюдателя. Его вниманіе останавливаетъ на себѣ по преимуществу все необычное, странное, болѣзненное, таинственное, и это обстоятельство дѣлаетъ чтеніе его произведеній подчасъ довольно мучительнымъ дѣломъ. Рядъ самыхъ странныхъ, причудливыхъ картинъ и фантазмагорій проходить передъ его умственнымъ взоромъ. Вотъ скелетъ, пышно разодѣтый и украшенный цвѣтами, является на

балъ и видомъ своимъ замораживаетъ кровь въ жилахъ безпечныхъ танцоровъ. Внутри запертой на ключъ комнаты лежитъ на постели обнаженный и обезглавленный трущъ прекрасной молодой женщины, а рядомъ съ постелью, на ночномъ столикѣ, свѣтитъ ужасная голова. Сумасшедшій пьяница убиваетъ свою любимую жену, бросаетъ ее въ колодезь и засыпаетъ камнями. Влюбленные натываются во время прогулки чуднымъ лѣтнимъ утромъ на отвратительную картину разлагающейся падали... Переходить ли Бодлеръ къ менѣе трагическимъ коллизіямъ жизни, къ описаніямъ своего родного и горячо любимого Парижа, и тамъ онъ не можетъ отдѣлаться отъ страсти рисовать исключительныя черты и положенія, отъ скептическаго и траурнаго направленія своихъ мыслей. Плывающая по небу луна, окруженная цѣлымъ гаремомъ звѣздъ, не вызываетъ въ немъ образа влюбленныхъ, цѣлующихся гдѣ-нибудь «подъ сѣнью струй»; нѣтъ, она говоритъ поэту: «Я гляжу, какъ грудь, вскормившую тебя, сынъ оскудѣлыхъ дней, бѣла и притирая, надъ зеркаломъ твоя склонилась мать сѣдая»... Вотъ темный игорный притонъ, гдѣ знаменитые поэты проигрываютъ работу лучшихъ лѣтъ и гдѣ торгуютъ—«тотъ честью старую, та красотой своею», вотъ мрачный и холодный госпиталь «со вздохами молитвъ надъ омрадомъ нечистотъ». Мертвецы плачутъ на кладбищѣ о томъ, что никто не приносить имъ свѣжихъ цвѣтовъ. Гашишистъ созерцаетъ удивительную страну, полную лазури и блеска, гдѣ, «одѣвшись въ пестрые граниты, озера синія текли, на миллионы верстъ разлиты, къ краямъ невѣдомымъ земли». Утомленный писатель, съ развинченными нервами, бредетъ въ туманное утро по грязнымъ и пустыннымъ улицамъ предмѣстья и становится неожиданно жертвой страшной галлюцинаціи, которая до глубины души потрясаетъ его. Буканистъ продаетъ старую пыльную книгу, на обложкѣ которой изображенъ скелетъ, взрывающій землю лопатой,—и этотъ странный рисунокъ наводитъ поэта на мысль, что быть можетъ и тамъ, за предѣлами гроба, не кончается жизнь труда и лишеній...

Вотъ сюжеты, которые Бодлеръ любитъ и избираетъ по преимуществу. Какъ въ жизни любилъ онъ подчеркивать свою природную оригинальность, мистифицировать и даже запугивать знакомыхъ странностями и причудами своего характера, такъ и въ своей поэзіи любитъ поражать неожиданными и неприятными образами, точно смѣясь порой и надъ собою и надъ читателемъ. Тонкій цѣнитель красоты и мастеръ искусства, изъ какого-то непонятнаго побужденія, вытекающаго, очевидно, изъ глубины его природы, онъ портитъ иногда прекраснѣйшее стихотвореніе, неожиданно и, казалось бы, безъ нужды вплетая въ него какой нибудь рискованный образъ, какое нибудь одно слово, которое нарушаетъ художественность впечатлѣнія. Для примѣра укажемъ хотя бы на «Печаль луны», пьесу, исполненную такой нѣжной грусти и тонкой граціи. Но сравненіе луны съ дѣвушкой, ласкающей передъ сномъ «кон-

туры молодыхъ грудей», какъ-то шокируетъ ухо и возбуждаетъ нѣ-которую досаду. Или, только что давъ красивое описаніе острова Цитеры, этого острова «сладостныхъ тайнъ и сердечныхъ пировъ», надъ берегами котораго «гордый призракъ Венеры, какъ прежде когда-то, похонъ нѣги, витаетъ въ струяхъ аромата»,—сейчасъ же послѣ этого съ какимъ то отталкивающимъ реализмомъ рисуетъ онъ намъ разложившійся трупъ висѣльника въ «Поѣздѣ на островъ Цитеру»! Мучительская жилка вообще была въ натурѣ Водлера, ко-торый самъ говорилъ про себя:

Я—и ножъ и вмѣстѣ рана,
Беззащитная щека
И разаящая рука...
Кроткой жертвѣ, мнѣ, тирана
Сердце злобное дано.

И эта мучительская жилка отразилась и въ его произведеніяхъ.—Манерность письма и изысканность образовъ, въ связи съ нѣ-сколько преувеличенной любовью къ контрастамъ и тяжелымъ эффектамъ, дополняются у Водлера еще нѣкоторыми странностями второстепеннаго значенія, за которыми уцѣпились позднѣйшіе дека-денты, какъ за нѣчто существенное и по преимуществу цѣнное. Такъ извѣстно, что онъ съ дѣтства отличался необыкновенно тон-кимъ обоняніемъ, и что чувство это еще сильнѣе изощрилось подъ вліяніемъ путешествія въ тропическія страны съ ихъ роскошной, полной ароматовъ растительностью. Эту особенность своей органи-заціи онъ старается по возможности утилизировать и въ поэзіи: другіе поэты пользуются, главнымъ образомъ, цвѣтами и звуками—онъ пускаетъ въ ходъ также запахи и всевозможные оттѣнки аро-матовъ. Случайно найденный въ старомъ шкафу надбитый флаконъ съ бывшими въ немъ когда то духами вызываетъ въ его умѣ цѣ-лая картины прошедшаго, то радостнаго, то мрачнаго, и вполнѣ неожиданно для читателя поэтъ называетъ себя самого такимъ же грязнымъ, старымъ флакономъ, хранящимъ божественную эссенцію—воспоминаніе о погибшей любви... Фантазія еще болѣе капризная: аромать, который чудится ему въ платьи, въ самомъ тѣлѣ люби-мой женщины, переноситъ его въ далекую Индію, къ ея зеленымъ тамариндовымъ рощамъ и пѣснямъ моряковъ на берегу, залитомъ блескомъ лазурнаго полдня; погрузивъ лицо въ ея роскошную ше-велюру, онъ совершаетъ мысленно цѣлое путешествіе въ эту страну лазури и солища, упивается «смолой и мускусомъ тропическихъ лѣ-совъ» и, въ заключеніе, восклицаетъ:

Въ сапфиры съ перлами я уберу тебя—
О, будь, всегда лишь будь рабой моихъ желаній!
Ты не оаизь-ли, рожденный для мечтаній?
Не фляга-ль вѣчности, со дна которой я
Глотаю медленно вино воспоминаній?.. („Шевелюра“).

Сколько блестящихъ красокъ, искусства и поэзіи—и какая вмѣстѣ съ тѣмъ дикая, болѣзненная фантазія!—Бодлеръ подчеркиваетъ извѣстный въ физиологіи фактъ связи между свѣтовыми и звуковыми ощущеніями, но прибавляетъ къ нимъ также и обонятельныя:

Есть много запаховъ здоровыхъ, молодыхъ,
Какъ тѣло дѣтское,—какъ звуки флейты, нѣжныхъ!
Зеленыхъ, какъ луга... И много есть иныхъ,
Нахально блещущихъ, развратныхъ и мятежныхъ!
Такъ мускусъ, енисіамъ, пачули и бензой
Почуютъ экстазы чувствъ и бодрыхъ силъ прибой.

Не отсюда ли вышли всѣ эти «бѣлые павлины» скуки, «желтые собаки» ревности и прочія цвѣтныя нелѣпости современнаго символизма? Но какая и здѣсь огромная разница между подражателями и ихъ прототипомъ!

Изъ всѣхъ часовъ дня Бодлеръ любитъ по преимуществу сумерки, изъ всѣхъ животныхъ тѣхъ, которые наиболѣе пугливы и загадочны,—кошекъ, совъ, летучихъ мышей... Любовь къ кошкамъ доходила у него часто до смѣшного, хотя нельзя не сознаться, что онъ умѣлъ красиво описывать этого дѣйствительно граціознаго и привлекательнаго звѣрька:

Отъ книжной мудрости или нѣгъ любви уставъ,
Мы всѣ влюбляемся, поры достигнувъ зрѣлой,
Въ изнѣженность и мощь ихъ бархатнаго тѣла,
Въ ихъ чувствость къ холоду и домосѣдный нравъ.
Комфорта будучи и мудрости друзьями,
Ждутъ тишины онѣ и сумерокъ ночныхъ;
Эребъ въ свой экипажъ охотно впрягъ бы ихъ,
Когда бы сдѣлаться могли онѣ рабами!
Святошамъ и толпѣ онѣ внушаютъ страхъ.
Мечталъ, видѣлъ отъ серьезный принимаютъ
Тѣхъ сфинксовъ каменныхъ, которые въ пескахъ
Нездомыхъ пустынь красиво такъ мечтаютъ...
Ихъ чресла искръ полны, и въ трепетныхъ зрачкахъ
Песчинки золота таинственно блистаютъ.

Въ ряду чисто декадентскихъ чертъ Бодлера нужно еще отмѣтить его предпочтеніе искусства—природѣ, красоты, надъ которою прошлась сознательная рука художника,—всякой простой и естественной прелести, наконецъ, поры полной зрѣлости, близкой къ увяданію и упадку,—молодой и наивной свѣжести. Ниже мы увидимъ, что причины такого страннаго предпочтенія коренились въ основныхъ свойствахъ бодлеровскаго ума и сердца, въ тѣхъ высокихъ запросахъ, какіе предъявляли они къ жизни и человѣку. Къ сожалѣнію, самъ поэтъ не всегда отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, и потому они переходили у него нерѣдко въ простые капризы вкуса и чувства, говорившіе объ ихъ ненормальности и извращенности. Такъ извѣстно его желаніе

чтобы красивые женщины подчеркивали свою красоту еще искусным употреблением пудры, румянъ и других принадлежностей косметики...

Мы добросовѣстно перечислили всѣ главные недостатки бодлеровской поэзіи, вполне убѣжденные въ томъ, что они ея не исчерпываютъ и не характеризуютъ, являясь чисто вѣшными уродливыми чертами, за которыми скрывается глубокое внутреннее содержаніе. Духовно убогіе декаденты взяли и развили по своему эти черты, совершенно проглядѣвъ и оставивъ втунѣ то, что составляло душу и смыслъ этой больной, но серьезной и высоко симпатичной поэзіи. Къ анализу ея души мы теперь и приступимъ.

III.

Точно также, какъ Байронъ былъ созданіемъ революціонной эпохи и ея могучаго, протестующаго духа, Бодлеръ и его пессимистическая поэзія были порожденіемъ другой эпохи, когда нищета и подавленность однихъ, испорченность и развращенность другихъ классовъ достигаютъ своего апогея, а между тѣмъ, надъ этою бездною «зла», изъ которой несутся одуряющіе запахи его ужасныхъ «цвѣтовъ», не свѣтитъ уже маякъ надежды. Неудавшаяся революція 48 года и послѣдовавшій за нею государственный переворотъ 2 декабря погасили этотъ свѣточъ и водворили надъ Франціей и надъ всей Европой удушливый мракъ тоски и отчаянія. Мы не думаемъ, конечно, сравнивать величины талантовъ титана поэзіи Байрона и Бодлера, таланта несравненно менѣ крупнаго и замѣтнаго, но хотимъ только сказать, что какъ тотъ, такъ и другой, одинаково были выразителями духа своего времени, одинъ — начала нынѣшняго столѣтія, другой — середины и, пожалуй, даже конца его... Байронъ глубоко разочарованъ и въ прошлое и въ настоящемъ состояніи человѣчества, тому и другому равно гремѣть его проклятія. Но при всей «свирѣпой ненависти» его (выраженіе Гете о Байронѣ) къ современному человѣку и дѣламъ рукъ его, на днѣ его души остается лучъ вѣры, неумирающей вѣры въ человѣка вообще, надежды на лучшее будущее... Въ болѣе мелкое и мрачное время жилъ Бодлеръ, и его пессимизмъ, полученный въ наслѣдство отъ Байрона, успѣлъ сдѣлать значительный шагъ впередъ: онъ утратилъ вѣру въ самого человѣка, въ его душу, въ его будущее...

Отсюда тѣ безотрадныя картины, которыя Бодлеръ даетъ намъ въ своихъ «Цвѣтахъ Зла». Рисуя это ужасное зло, развратъ и пороки буржуазіи, грязь и нищету рабочихъ классовъ, онъ не находитъ у своей лиры ни одного утѣшительнаго звука, ни одного свѣтлаго тона. Въ большихъ городахъ зло и страданіе жизни наиболѣе всего концентрируются, и вотъ Бодлеръ является по преимуществу пѣвцомъ большихъ городовъ, Парижа въ особенности.

Въ «Le crépuscule du soir» и «Le crépuscule du matin» онъ даетъ небольшое, но столь яркое и сильное изображеніе Парижа, равнаго которому французская литература не знаетъ: Франсуа Коппе, стяжавшій себѣ первую славу на такихъ же изображеніяхъ Парижа, и Эмиль Золя, великій мастеръ этого рода описаній, оба только развили и расширили содержаніе маленькихъ стихотвореній Бодлера. Приведемъ цѣликомъ одно изъ нихъ.

Въ казармахъ, за рѣкой, пробилъ часъ зари,
И свѣжій утренникъ ужъ гаситъ фонари.
Толпа злоторныхъ сновъ прилипла къ изголовью
Кипучихъ юношей... Какъ глазъ налитый кровью,
Свѣтъ лампы замигалъ въ предутреннихъ лучахъ.
И въ этотъ смутный часъ, подобно ей, въ цѣпяхъ
Тѣлесной немощи душа безсильно бьется,
Дрожитъ, какъ огонекъ, и на свободу рвется!
Весь воздухъ—какъ лицо, залитое въ слезахъ:
Предметы зыблются въ причудливыхъ чертахъ...
Уже слышались кой-гдѣ людскія рѣчи
Съ охриплымъ отзвукомъ, и задымилась печь.
Писатель задремалъ, не выпустивъ пера.
И падшимъ женщинамъ уснуть пришла пора
Тупымъ, тяжелымъ сномъ безъ радости и муки,
Ничкомъ, раскинувши безжизненные руки...
Голь изнуренная, съ отрпьемъ на плечахъ,
Вздуваетъ угольки на жалкихъ чердакахъ;
Средь холода и мглы, въ липеньяхъ нищей доли,
Несчастныхъ роженицъ теперь ужаснѣй боли!
Какъ заглушенный плачъ сѣвось хлынувшую кровь,
Крикъ сильный гѣтуха, замолкнувъ, слышенъ вновь.
Сѣдой плыветъ туманъ, какъ море колыхаясь...
И въ глубинѣ больницъ, хрипы и задыхаясь,
Не мало горемыкъ отходитъ въ этотъ часъ!..
Межъ тѣмъ толпа гулякъ, трудами утомась,
Торопится домой, нога съ ногой въ разладѣ.
Въ зелено-розовомъ, трепещущемъ нарядѣ
Студеная зоря надъ Сеною пустой
Неспѣшно движется огнистой полосой,
И сумрачный Парижъ, старикъ трудолюбивый,
Протеръ уже глаза рукою нетерпѣливой.

Въ массѣ другихъ стихотвореній, посвященныхъ Парижу, Бодлеръ самъ развиваетъ отдѣльные углы этой широкой картины. Однако онъ не остается только холоднымъ и безстрастнымъ изобразителемъ нищеты, порока и разврата современнаго общества. Сочувствіе его всегда на сторонѣ несчастныхъ, униженныхъ и обездоленныхъ—это слишкомъ ясно чувствуется по той любви и нѣжности, съ которыми онъ рисуетъ ихъ.

Больница вздохами наполнилась... Едва-ли
Изъ этихъ бѣдняковъ, рожденныхъ для печали,
Найдетъ ужъ кто-нибудь вечернею порой
Опять душистый супъ въ кругу семьи родной;

Еще же больше тѣхъ, кто въ жизни нелюдиной
И не знавалъ во вѣкъ тепла семьи родимой!

Парижскіе рабочіе, обитатели отдаленныхъ предмѣстій пользуются особенными симпатіями Бодлера: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть его «Le vin des chiffonniers», гдѣ описывается пирушка тряпичниковъ.

Ненастье. Фонарей дрожащихъ слышенъ стукъ.
Чуть льется красный свѣтъ на лабиринтъ лачугъ
Предмѣстья стараго, гдѣ бурными дрожжами
Випитъ рабочій людъ, и грязь стоитъ морями.
Въ душѣ тряпичника, межъ тѣмъ, тепло и свѣтъ!
Качаясь, стучаясь о стѣны, какъ поэтъ,
Забывъ и помышлять о сыщикахъ коварныхъ,
Онъ весь излиться радъ въ проектахъ лучезарныхъ:
Законы издаетъ для всѣхъ племенъ земныхъ,
Вѣнчаетъ лавромъ жертвъ, ниспровергаетъ злыхъ
И подъ шатромъ небесъ, повисшихъ балдахиномъ,
Отважнымъ мнитъ себя и мощнымъ паладиномъ!
Старикъ, до времени согнутый и сѣдой,
Измоленный трудомъ, заботой и нуждой,
Уставшій подбирать вонючія тряпицы,
Отрыжку грязную прожорливой столицы,
Такъ онъ идетъ домой, въ свой уголъ бѣдняка.
Пропитанъ запахомъ пріятнымъ погребка,
Съ толпой товарищей,—и ихъ усы сѣдые
Висятъ, какъ предъ полкомъ знамена боевыя!
Предъ ними солнца блескъ, и флаги, и цвѣты...
И въ шумной оргіи (о, свѣтлыя мечты!)
Побѣдныхъ кликовъ, трубъ несутъ они свободу
И воскресенья вѣсть усталому народу!
Такъ бодрое вино, отрада всѣхъ живыхъ,
Пакетомъ золотымъ течетъ по жиламъ ихъ,
Надъ міромъ царствуя любовью и дарами
Вѣрный, чѣмъ короли желѣзомъ и бичами...
Надъ скорбной землей немолчный слыша стонъ,
.....
А хитрый человекъ прибавилъ сонъ янтарный,
Дитя любимое денницы лучезарной...

Зло проституціи, этой ужаснѣйшей изъ язвъ современнаго общества, также находитъ въ Бодлерѣ своего художника,—и съ какимъ нѣжнымъ сочувствіемъ, съ какой глубокой скорбью рисуетъ онъ намъ наивное дитя природы, жительницу малабарскихъ острововъ, собирающуюся ѣхать въ веселый Парижъ для того, чтобы стать тамъ одною изъ жертвъ нашей развращенной культуры:

Пластичностію формъ и граціею смѣлой
Внушила-бы зависть ты и самой гордой бѣлой!
Отъ бархатныхъ очей, горящихъ, какъ алмазъ,
Задумчивый артистъ не оторвалъ бы глазъ.
Цвѣтеу лазурныхъ странъ, тебѣ одно знакомо—
Раскуривать чубукъ для господина дома,
Изъ шалаша бродягъ-москитовъ прогонять,

Кувшины звучною водою наполнять
И по утру, едва зашелесть платаны,
На рынкѣ покупать фишашки и бананы.
Босая, ты идешь—куда зоветъ мечта,
И гнѣемъ цѣлый день, какъ птичка, занята.
Когда же въ мантии багряной вечеръ сходить,
Цыновку въ уголку постелешь,—и уводишь
Незримый духъ тебя въ міръ граціозныхъ сновъ,
Колибри золотыхъ и рѣзвыхъ мотыльковъ...
—Счастливое дитя! Зачѣмъ же край прекрасный
Покинуть хочешь ты для Франціи несчастной
И, съ тамариндами родными распростишься,
Пуститься въ океанъ, волненія не боишься?
Подъ хрупкой кисеей, открыта снѣжной вьюгѣ,
Какъ будешь плавать ты о лучезарномъ югѣ,
Когда, одѣвши грудь въ безжалостный корсетъ,
Ты будешь подбирать свой ужинъ и обѣдъ
На нашихъ мостовыхъ,—и тщетно взоромъ жаднымъ
Искать родимыхъ пальмъ въ туманѣ непроглядномъ!..

Въ ряду такихъ же теплыхъ стихотвореній, посвященныхъ нищетѣ и страданію, назовемъ еще «Маленькія старушки», «Смерть бѣдныхъ», «Душа вина», «Рыжей нищей», «Продажная муза» и др. Когда Бодлеръ переходитъ къ картинамъ роскоши и порока, онъ бываетъ скупъ на гнѣвные диатрибы и выраженія своихъ личныхъ чувствъ и отношеній къ нимъ, но отношенія эти всегда ясны для читателя («Игра», «Пляска смерти», «Хитѣль убійцы», «Оскорбленная луна» и др.). Изрѣдка, впрочемъ, онъ замѣняетъ этому вѣншему спокойствію и безстрастію и разражается мрачными проклятіями всѣмъ «ликующимъ, праздно болтающимъ, обогрязшимъ руки въ крови» и себѣ, живущему въ ихъ «стаѣ», прежде всего. Таковы «Испытаніе полночи» и «Что вамъ небо съ грядущими муками?»—стихотвореніе, оканчивающееся оригинальной угрозой: «На дѣтъ наслажденія найдете вы мѣсты!..»

Но и все человѣчество, безъ различія классовъ и положеній, представляется ему въ концѣ концовъ одинаково страдающимъ и несчастнымъ,—это безумное, кривляющееся человѣчество, такъ страстно ищущее наслажденій и радостей. Выпишемъ цѣликомъ аллегорію «Маска, статуя во вкусѣ Возрожденія».

Вглядимся въ этотъ перлъ межъ грацій флорентинскихъ:
Изящество и мощь, двѣ царственныхъ сестры,
Въ изгибахъ этихъ формъ укрылись исполненныхъ,
Все въ этой женщинѣ прекрасно, всѣ дары
Природной прелести въ ней слиты воедино.
На ложкахъ роскоши ея удѣлъ блистать,
Любовнымъ нектаромъ досуги чаровать
Первосвященника иль міра властелина!
А эти тонкія съ улыбкою уста,
Гдѣ сладострастіе до дерзости доходитъ,
Межъ тѣмъ какъ хитрый взоръ съ насмѣшливостью бродитъ
И властно говоритъ намъ каждая черта:

„Ко мнѣ вызываетъ страсть! Меня любовь вѣнчаетъ!“
 Съ какимъ величіемъ и царскимъ торжествомъ
 Веселый, рѣзвый видъ она соединяетъ!
 Приблизимся же къ ней, всю обойдемъ кругомъ...
 —О, неожиданность! О, дикій фарсъ искусства!
 У этой женщины, чьи формы божества
 Сулятъ счастливцу рай, всѣ обольщая чувства,
 Двукная сидитъ на шеѣ голова...
 Но нѣтъ! то маска лишь, пустое украшенье—
 Прелестное лицо съ улыбкой на губахъ:
 Вотъ, вотъ оно,—лицо безъ лжи и ухищренья,
 Своими корчами внушающее страхъ!
 Могучая рѣка твоихъ нѣмыхъ рыданій,
 О злополучная великая краса,
 Туманомъ и мои подернула глаза...
 О чемъ же плачешь ты, не одолѣвъ страданій?
 Краса небесная, у чьихъ бы ногъ легла
 Земля покорная, о чемъ твои печали?
 О томъ безумная тоскуетъ, что жила!
 И что живетъ теперь!.. Но, что острѣе стали
 Ея проникаетъ въ грудь, что съ головы до ногъ
 Бросаетъ въ дрожь ее,—увы! что такъ же надо
 Еще и завтра жить среди земного ада,
 И завтра, какъ вчера... И не назначенъ срокъ!

Это стихотвореніе, между прочимъ, одно изъ наиболѣе характерныхъ для всего Бодлера: онъ ни въ чемъ и нигдѣ не умѣетъ видѣть свѣта безъ тьмы, красоты безъ стоящаго рядомъ съ ней безобразія, радости безъ тѣни страданія; онъ мыслитъ и чувствуетъ контрастами, въ немъ живетъ вѣчная двойственность.

Здѣсь мы приблизились къ той сторонѣ бодлеровскаго пессимизма и къ тому отдѣлу его произведеній, которымъ онъ съ наибольшей охотой посвящаетъ свой талантъ и въ которыхъ этотъ послѣдній выразился всего ярче. Мы имѣемъ въ виду развинченность современнаго человѣка, его раздвоенность, изломанность, нервозность, тѣ болѣзненные и порой прямо психопатическія глубины его духа, которыя граничатъ съ областью психіатріи и судебной медицины. Во главѣ этого ряда стихотвореній, какъ ключъ, отмыкающій ихъ смыслъ, слѣдуетъ поставить удивительное по красотѣ формы и тонкости письма стихотвореніе въ прозѣ «Les bien-âits de la Lune». Бодлеръ былъ такимъ мастеромъ прозы, что подъ его рукой она звучитъ часто лучше стиховъ, и нашъ переводчикъ надѣется только стихами передать на русскомъ языкѣ эту упительную и вмѣстѣ страшную музыку.

Дары луны.

Капризная луна въ тотъ тихій часъ,
 Когда въ своей ты колыбелькѣ спала,
 Въ твоё окно взглянула и сказала:
 „Мнѣ эта дѣвочка по мысли“... И, спустяся
 По облачкамъ, дремавшимъ безмятежно,
 Проникла внутрь безъ шума. Кротко, нѣжно,

Какъ будто мать, простерлась надъ тобой
 И на тебѣ свои ступила краски:
 Позеленѣвъ, раскрылись странно глазки,
 Покрылись щеки смертной близной...
 И оттого-то, что въ порывѣ ласки
 Ночная гостя сладко такъ взяла
 Тебя за горло, навсегда осталось
 Желанье плавать у тебя!.. А мгла,
 Межъ тѣмъ, вокругъ чудесно озарялась:
 По спальнѣ свѣтъ струился голубой,
 Какой-то ядъ лучистый и живой,—
 И мыслилъ онъ и говорилъ, казалось:
 — „Отнынѣ ты—моя!.. Мой подѣлуй хранить
 Должна ты вѣчно. Будешь ты прекрасна.
 Но такъ, какъ я хочу. Ты будешь то любить,
 Что мнѣ покорно и подвластно:
 „Ночь, облака... безлюдье, тишину...
 Блескъ изумрудный водъ, съ краями неба слитыхъ,
 Многообразную, безводную волну
 Въ пустыняхъ, міромъ позабытыхъ;
 „Мѣста, гдѣ нѣтъ тебя; мужчинъ, которыхъ ты
 Лишь смутно будешь знать, какъ грезу сновидѣнья;
 Не здѣшнихъ климатовъ огромные цвѣты,
 Ихъ запахъ, полный раздраженья;
 „Во мракѣ спящій домъ, радъ комната въ глубинѣ
 И кошечъ, лазающихъ по клавишамъ роялей,
 Подобно женщинамъ стена въ тишинѣ
 Подъ звукъ невѣдомыхъ печалей»...
 — „И братьевъ ты найдешь въ собратяхъ по судьбѣ,
 Любима будешь ты моими лишь друзьями:
 Ты покоришь мужчинъ съ зелеными глазами,
 Которымъ горю я сдала, какъ тебѣ.
 „Тѣхъ, для кого въ ночи лепечетъ и блистаетъ
 Прибрежная волна и дальняя звѣзда,
 Кто любить женщину, которой никогда
 До двери гроба не познаетъ!
 „Кому такъ по-сердцу игра ночныхъ тѣней,
 Блужданье огоньковъ по кладбищамъ унылымъ,
 Цвѣты, подобные невѣдомымъ кадиламъ,
 И звѣри дикіе, эмблема ихъ страстей!“
 — И вотъ зачѣмъ, дитя, погибшее дитя,
 Моя голубка дорогая,
 Я здѣсь, у ногъ твоихъ лежу теперь, грустя,
 Ища въ глазахъ твоихъ, во всей тебѣ, родная,
 Слѣдовъ, оставленныхъ ужаснымъ божествомъ,
 Болдуньей-мамкою, во тѣхъ ночей безшумныхъ
 Отравленнымъ кормящей молокомъ
 Всѣхъ, всѣхъ лунатиковъ безумныхъ!..

Считаемо лишнимъ комментировать эти стихи. Мы находимся
 здѣсь въ области тонкихъ, едва уловимыхъ, болѣзненныхъ настрое-
 ній и чувствъ, существованіе которыхъ и страшную власть надъ
 душою людей «конца вѣка» нельзя отрицать, но ориентироваться
 въ которыхъ могутъ только поэтъ или врачъ. Возьмемъ еще другое
 стихотвореніе, гдѣ Воднеръ находитъ возможнымъ отнестись съ крот-

кимъ сожалѣніемъ и прощеніемъ даже къ такого рода страданіямъ, которыя должны бы въ сущности находить себѣ мѣсто въ домахъ для умалишенныхъ, по существующимъ же понятіямъ зовутся просто преступленіями и подлежатъ суду присяжныхъ. Передъ нами мрачная картина убранной съ изысканной роскошью и запертой на ключъ комнаты, гдѣ на постели лежитъ обнаженный трупъ прекрасной молодой женщины, съ небрежною свободой «раскрывшій весь сокровенный блескъ, всѣ чары красоты, ему дарованной природой». Страшная мысль мелькаетъ въ умѣ поэта о томъ, кто былъ убійца несчастной красавицы и что привело его къ этому мрачному злодѣйству:

Безлюдье, тишина, еще живая кровь,
 Нагого тѣла положенье,
 Все, все наводитъ мысль на мрачную любовь,
 На пиръ безумный преступленья,
 Восторги адскіе, лобзаній дикихъ адъ...
 И мнится—съ роемъ мыслей черныхъ
 Всѣ злые ангелы невидимо парятъ
 Межъ складокъ занавѣсъ узорныхъ!
 Она еще цвѣтокъ, развившійся съ зарей...
 Въ чаду непризнанныхъ мученій,
 Разверзъ-ли душу онъ для стаи роковой
 Порочныхъ чувствъ и вождельній?!
 Жестокій человѣкъ, чей ненасытный пылъ
 Не утолила ты, живая,
 Такъ пламенно любя,—о, счастливъ ли онъ былъ,
 Твой трупъ угодливый лаская?
 Отвѣтъ, нечистый трупъ! И, за косы себя
 Поднявъ трепещущей рукою,
 Скажи, ужасный ликъ: онъ прилепалъ, любя,
 Къ твоимъ зубамъ прости нѣмое?
 Вдали отъ зоркихъ глазъ кривдирчивыхъ властей,
 Отъ клеветы и поруганья,
 Въ могилѣ заключаешь таинственной своей,
 Спи въ мирѣ, странное созданье!
 Спи въ мирѣ!.. Твой супругъ отъ свѣта убѣжить,
 Но не отъ скорби: образъ милый
 Съ нимъ будетъ и во снѣ! Какъ ты, онъ сохранить
 Любовь и вѣрность до могилы! („Мученица“).

Конечно, только слѣпая вражда къ поэту могла бы утверждать, что въ этомъ ужасномъ стихотвореніи изображены его собственные симпатіи и вождельнія, но нельзя все же не удивляться тому искусству, съ какимъ онъ проникаетъ здѣсь въ самую глубину больной и искалѣченной души преступника. Ножомъ смѣлаго до дерзости анализа разбираетъ Бодляръ и душу всего современнаго человѣка, больной продуктъ этой блестящей на видъ и гордой культуры, не дающей въ концѣ-концовъ ни счастья, ни успокоенія, и подъ наружной мишурою скрывающей одну грязь и всевозможные недуги. Насмѣшливый духъ скептицизма разрушаетъ въ немъ рѣшительно всѣ иллюзіи.

И видитъ онъ меня отъ Бога вдалекѣ,
 Изнеможеннаго, изнышаго въ тоскѣ,
 Въ пустыняхъ скуки и томленья
 И тамъ, какъ въ тяжкомъ снѣ, рисуетъ предо мной
 Одежды грязныя и ранъ открытыхъ гной,
 И кровь, и ужасъ разрушенья!..

Среди этого ужаснаго душевнаго состоянія, даже любовь не является для поэта ангеломъ-хранителемъ, и въ толпѣ низкихъ демоновъ, потѣшающихся надъ его мрачной тоскою, онъ замѣчаетъ и ее, «царицу фей, свой рай и божество»:

Надъ горестью моею, какъ всѣ, она шутила
 И ласки грязныя врагамъ моимъ дарила...

Онъ обращается, наконецъ, къ собственной душѣ, надѣясь хоть тамъ отыскать свѣтлое исключеніе, но и тамъ видитъ все тотъ же «оазисъ ужаса въ пустынѣ мертвой скуки». И нечеловѣчскій вопль скорби и отчаянія срывается тогда съ его устъ, крикъ, которому трудно сыскать во всемірной литературѣ что-нибудь равное по своей трагичности:

Ахъ, Создатель! дай силу и мужество мнѣ
 Созерцать мое сердце и тѣло!..

IV.

Что же, однако, приковываетъ Бодлера къ этимъ болѣзненнымъ, уродливымъ, грязнымъ и преступнымъ сторонамъ человѣческаго духа и жизни? Что заставляетъ его съ такой любовью останавливаться на нихъ? Какъ могутъ грязь, зло, тьма и пороки служить источниками вдохновенія?

Изучая эту большую душу и эту скорбную поэзію, нельзя не видѣть, что весь мрачный скептицизмъ и вся злобная мизантропія французскаго поэта происходятъ именно изъ его страстнаго стремленія къ свѣту, изъ болѣзненной любви къ красотѣ и гармоніи, изъ невозможности увидать ихъ воплощенными въ жизнь и дѣйствительность. Идеалы любви, добра и красоты такъ могущественно владѣютъ его душой, такъ властно зовутъ вмѣстѣ съ собой въ какую то невѣдомую страну нравственнаго единенія и порядка, что въ немъ рождается свирѣпая ненависть къ матеріи, приковывающей его къ землѣ, къ ея грязи и убожеству,—и точно птица, замороженная ужасными глазами змѣи, онъ усиленно вглядывается въ эту грязь, въ это ненавистное ему зло и съ какимъ то сладострастіемъ отчаянія копается въ нихъ, измучивая себя и читателя, пока, наконецъ, могучимъ взмахомъ крыла не поднимется опять къ свѣтлымъ и лазурнымъ высямъ одухотворенности... Именно это-то не знающее усталости стремленіе къ идеалу, котораго онъ самъ хорошо не знаетъ, къ гармоніи и красотѣ всего сущаго, быть можетъ, и есть причина того, что Бодлеру особенно рѣзко бросаются

въ глаза всё болѣзненные и уродливыя явленія жизни, по преимуществу дающія сюжеты его стихотвореній. Во всемъ и вездѣ онъ ищетъ *живой*, одухотворенной, не знающей смерти красоты, которая могла бы служить ему путеводнымъ факеломъ надъ окружающими безднами мрака и ужаса, и, понятно, не находитъ ея въ явленіяхъ мертвой природы, въ замѣчательныхъ и преходящихъ формахъ бездушной матеріи. Отсюда его инстинктивный ужасъ передъ этою послѣдней, его ненависть къ ней, его желаніе, чтобы ко всякой естественной красотѣ всегда были примѣшаны нѣкоторые аксесуары искусства, слѣды—хотя бы искусственной и поддѣльной одухотворенности... Среди безплодныхъ и мучительныхъ поисковъ свѣточа, онъ готовъ бываетъ ухватиться и за пустой миражъ, за красивую маску, лишь бы дать хоть призракъ утѣшенія своему тоскующему сердцу... «О, что за дѣло мнѣ, эдема-ль чистой пери»,—восклицаетъ онъ въ экстазѣ отчаянія:

Сирены-ль темной взоръ мой разумъ освѣтили,
Мнѣ въ Безконечному невѣдомыя двери,
Давно желанныя, открыли?
Что мнѣ—отъ Бога ты, иль нѣтъ, когда ты—Дива
Со взглядомъ бархатнымъ, вся блескъ и ароматъ,
Съ кѣмъ эта ночь кругомъ глядитъ не такъ пугливо,
Мгновенья менѣе томить!..

Глубокій скептикъ и мизантропъ, Бодлъръ не является пѣвцомъ безусловнаго отчаянія. На днѣ души онъ всегда носитъ какой то спасительный огонь, который освѣщаетъ ему путь и не позволяетъ погрузиться въ нечистую тину жизни. Нельзя сказать, чтобы это было какое-нибудь опредѣленное религиозное чувство, вѣра въ безсмертіе души, въ загробныя воздаянія; еще меньше это какой-нибудь общественный идеалъ. Но мы не знаемъ, однако, другого поэта (за исключеніемъ развѣ Шелли), въ которомъ жило бы такое же отрастное порываніе къ идеалу,—идеалу, правда, смутному, неясному, не облеченному ни въ какія реальныя формулы, но не менѣе отъ того свѣтлому, лучезарному, неумирающему. Не даромъ одинъ изъ лучшихъ отдѣловъ сборника озаглавленъ «Спѣнья и Идеалъ»: то же названіе прекрасно подходило бы и ко всѣмъ шести отдѣламъ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ огромной мрачной библиотекѣ, которую поэтъ любилъ посѣщать украдкой, ему звучали два таинственныхъ голоса,—одинъ, самодовольный, утверждавшій, что земля есть сладкій пирогъ, и обѣщавшій ему подарить хорошій аппетитъ, другой, ласковый, нѣжный, чарующій слухъ и утѣшающій душу, пѣвшій среди вечернихъ сумерекъ: «Пойдемъ витать со мною за грань возможнаго, въ предѣлы тайнъ и сновъ!»—и поэтъ пошелъ за этимъ сладкимъ голосомъ. Онъ сталъ несчастнымъ, одинокимъ въ людской толпѣ. Со взоромъ, обращеннымъ къ небу, среди яснаго дня, онъ падаетъ въ ямы и служитъ предметомъ общихъ насмѣшекъ. Но таинственный голосъ постоянно утѣшаетъ его:

Безумецъ, не влани завѣтныхъ сновъ твоихъ—
У мудрецовъ не такъ они прекрасны!

И вотъ въ этотъ же край своихъ завѣтныхъ грезъ поэтъ приглашаетъ съ собой и любимую женщину. Все въ томъ край идеально-прекрасно, все обольщаетъ чувства, примиряетъ озлобленный умъ, утѣшаетъ изстрадавшееся сердце. «Все тамъ—порядокъ и красота, роскошь, спокойствіе и наслажденіе». Къ темъ этой Бодлеръ возвращается часто, съ особенной любовью: въ прозѣ и стихахъ у него есть поэмы, одинаково озаглавленные: «Приглашеніе къ путешествію». Въ стихотвореніи «Maesta et errabunda», гдѣ онъ точно такъ же восклицаетъ: «Я въ вагонѣ умчусь, улечу на фрегатѣ! Здѣсь отъ слезъ нашихъ грязь подъ ногами течетъ!»—звучитъ уже, правда, нота отчаянія въ томъ, что удастся отыскать гдѣ-нибудь на землѣ таинственный край любви и гармоніи:

Какъ далекъ онъ, увы, благовонный эдемъ,
Гдѣ подъ ясной лазурью все—радость и счастье,
Все, что любишь, достойно любви и участя,
Все, чѣмъ дышешь, дано для дыханія всѣмъ!
Какъ далекъ онъ, увы, благовонный эдемъ!

Но жажда идеала не можетъ умереть, и поэтъ судорожно хватается за малѣйшій проблескъ надежды: то онъ уносится къ днямъ невозвратнаго дѣтства, къ этому «зеленому эдему безгрѣховной любви, бѣготни, поцѣлуевъ, свиданій украдкой»; то къ первобытнымъ временамъ наивности и гордой наготы, къ свѣтлой юности человѣчества «со взоромъ голубымъ яскѣй воды проточной, богатой пѣсьями, безпечной подобно цвѣтамъ и птицамъ»; то подъ свѣтлое небо далекой Индіи, въ лазури и блескѣ которой онъ хочетъ видѣть хоть внѣшній образъ того идеала, по которому тоскуетъ его сердце; то, наконецъ, въ чарахъ поэзіи и вдохновенія надѣется онъ отыскать желанныя крылья, которыя подняли бы его духъ высоко надъ «заражающими земными миазмами», омыли въ свѣтозарныхъ лучахъ вѣчнаго солнца. Искусство, вообще, представляется ему высшимъ изъ всѣхъ даровъ, какіе небо дало человѣку; высшія произведенія его онъ называетъ «маяками» человѣчества, являющимися лучшимъ свидѣтельствомъ нашего достоинства... Отсюда вытекаетъ возвышенный взглядъ Бодлера на поэта, какъ на жреца и пророка,—одна изъ симпатичнѣйшихъ темъ его поэзіи.

Цѣлый рядъ другихъ стихотвореній проникнутъ тою же высокою одухотворенностью и властью духа надъ тѣломъ. Изъ нихъ особенно отмѣтимъ два: «Съ ужасной еврейкой, прекрасной, какъ мертвый изваянный мраморъ» и «Одухотворенный Разсвѣтъ». Однихъ только этихъ двухъ стихотвореній было бы вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть всѣ обвиненія Бодлера въ цинизмъ и развращенности. Цинизмъ всегда пользуется, главнымъ образомъ, намеками, тонкими словесными изворотами и хожденіями вокругъ да

около предмета. Бодлеръ не знаетъ искусства намековъ и въ своихъ описаніяхъ разврата всегда бываетъ прямъ, даже грубъ; но онъ остается при этомъ всегда серьезнымъ и глубоко-печальнымъ. Развратника онъ оттолкнетъ отъ своихъ описаній разврата, въ молодой невинной душѣ вызоветъ только отвращеніе къ нему и любовь къ тому яркому идеалу, который всегда витаетъ, грустя и плача, надъ его изображеніями грязи и порока.

Когда въ окнѣ разсвѣтъ румяный заблѣтаетъ
И строгій Идеаль, грустя, войдетъ за нимъ,
Тогда развратниковъ внезапно онѣмѣетъ:
Въ животномъ пробужденъ стыдливый серафимъ!
Въ душѣ униженной, но все еще томимой
Печалью жгучею и жадной райскихъ сновъ,
Вдругъ вспыхнула лазурь средь хмурыхъ облаковъ
И въ бездну свѣтлую влечетъ неодолимо!..

Но мало одного стремленія къ этому неуловимому и невѣдомому идеалу; человѣческая душа не можетъ на этомъ успокоиться: какъ найти его, гдѣ найти? Чѣмъ замѣнить среди этихъ невыносимыхъ страданій скуки, гнѣва и скорби? И вотъ нашъ поэтъ снова впадаетъ въ отчаяніе и поетъ похоронныя пѣсни всякой жизни и надеждъ.

Паскаля мысль одна вездѣ, во всемъ терзаешь...
— Ахъ! бездна все: мечта, желанье, дѣло, звукъ!
Я чувствую порой, какъ холодъ вѣтра вдругъ
По волосамъ моимъ отъ страха пробѣгаетъ.
Безмолвіе вездѣ—вверху, внизу, вокругъ...
Пространство безъ конца влечетъ и ужасаетъ...
На тѣхъ ночей моихъ Создатель вышиваетъ
Копшмары, полные многообразныхъ мукъ.
Увы! Я сна боюсь, какъ нѣкой темной ямы,
Куда и тянетъ насъ и гдѣ не видимъ дна мы.
Сквозь окна всѣ глядитъ безбрежность бытія,—
И, тяжестью ея подавленъ роковою,
Нирванѣ мертвой я завидую порою...
Мірѣ Чиселъ и Идей зачѣмъ покинулъ я!

Нужно ли пояснять, что въ страданіяхъ Паскаля поэтъ изображаетъ свои собственные. Его мрачное отчаяніе разрѣшается въ концѣ-концовъ такой страстной жадной небытія, для которой даже мракъ могилы не представляется спасительнымъ, такъ какъ и онъ есть не больше, какъ «целена, скрывающая міръ огромнаго былого», съ его міриадами исчезнувшихъ, но все-таки живущихъ гдѣ то въ мировой памяти существъ, скорбей и страданій...

И вотъ у поэта развивается съ теченіемъ времени культъ страданія, нѣчто въ родѣ *idée fixe* нашего Достоевскаго.

Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ золь источникъ водъ живыхъ.
Какъ сталь въ огнѣ, въ горнилѣ испытанья
Нашъ крѣпнетъ духъ для радостей святыхъ,—

заявляетъ бодлеровскій поэтъ, несущій людямъ свѣтъ и примиреніе и встрѣчающій съ нихъ стороны однѣ обиды и несправедливыя насмѣшки. И въ другомъ мѣстѣ толпа униженныхъ и оскорбленныхъ повторяетъ у него то же самое:

Благословенъ твой бичъ, карающій Отецъ!
Благословенна скорбь! Твоя рука сплетала
Не для пустой игры колючій нашъ вѣнецъ!

Эта кроткая покорность является однако у Бодлера не результатомъ какого нибудь мистическаго изуверства и фанатизма, и потому она придаетъ мягкій и высоко-духовный колоритъ всей его поэзіи. Этотъ колоритъ тихаго страданія лежитъ и на его описаніяхъ природы, крайне своеобразныхъ, всегда въ высшей степени одухотворенныхъ, проникнутыхъ грустной мечтательностью и близзенной красотой. Вотъ тѣсною кучкой стоятъ въ отдаленіи легкія вечернія облачка — въ нихъ чудятся поэту прошедшіе годы, «въ одеждахъ старины, съ повисшей головой»; легкій туманъ, встающій вечеромъ надъ рѣкой, превращается у него въ образъ Сожалѣнія, смутно поднимающагося со дна человѣческой души; луна, тѣниво мечтающая на темной лазури неба, въ кружевахъ бѣлыхъ облаковъ, роняетъ на землю слезинку, и эту чистую каплю, обломкомъ пала, находятъ поэтъ и прячетъ у себя на груди, боясь, чтобы у него не украдо ея ревнивое солнце; вечерній вѣтеръ на берегу моря кажется ему блуждающимъ и о чемъ то плачущимъ призракомъ; печальный стукъ непогоды о кровельный жолобъ вызываетъ въ его душѣ образъ бездомнаго, стараго духа, странствующаго и стонущаго, не находя нигдѣ пріюта... Таинственные сумерки; пышный закатъ солнца, мѣняющій ежесекундно нарядъ своихъ красокъ, трепещущихъ подобно сердцу въ моментъ разлуки, странно-багровый, точно окровавленный, закатъ; причудливыя очертанія вечернихъ облаковъ, похожихъ на огромныя саркофаги; туманъ, клубящійся надъ грязными предмѣстьями Парижа, наконецъ, самый Парижъ, гдѣ призраки снуютъ среди бѣлаго дня, «зацѣпляя собою прохожихъ», — таковы излюбленныя Бодлеромъ картины природы, и только нарядъ изображаетъ онъ болѣе мирныя, свѣтлыя и, такъ сказать, здоровыя ландшафты въ родѣ яркаго полдня, гдѣ пѣсни рождаются въ поляхъ подобно розамъ и мысли заводятся въ людскихъ головахъ; какъ душистыя, полныя меда соты въ пчелиныхъ ульяхъ...

Любовь къ женщинѣ въ произведеніяхъ каждаго поэта занимаетъ главное мѣсто; Бодлъръ также не ушелъ отъ власти этого общаго закона природы. Любви посвящено имъ значительное число стихотвореній. Къ сожалѣнію, намъ уже извѣстно, какъ несчастно сложилась въ этомъ отношеніи его личная жизнь и какое ложное представленіе получилъ онъ, благодаря этому, о женщинѣ, о ея роли и назначеніи, а слѣдовательно, и о любви къ ней. Въ тѣхъ женщинахъ, которыхъ онъ любилъ, онъ искалъ только граціи и красоты, а никакъ не ума и сердца; въ женщинѣ онъ не видѣлъ

товарища и соратника въ бояхъ жизни. Онъ допускаетъ, что и она также можетъ страдать и быть несчастной, но онъ хочетъ, чтобы и здѣсь она соблюдала положенный ей предѣлъ, была печальной лишь настолько, насколько это увеличиваетъ физическую красоту, и отнюдь не являлась въ скорби соперницей мужчины:

Не хочу я, о нѣжная дива,
Чтобы въ ужасѣ ночи больной
Ты, любимая только пугливо,
Мнѣ сказала хоть разъ горделиво:
„Я сравнивалась, о царь мой, съ тобой!“

Женскіе образы, которые Бодлеръ рисуетъ въ своихъ стихотвореніяхъ, всегда поэтому прелестны, граціозны, но неглубоки; бываютъ порой и загадочны, но тогда отъ нихъ вѣетъ холодомъ и безсердечіемъ сфинксовъ. «Милая лѣнивица», «очаровательная невѣжда», «ангелъ радости»,—вотъ ласкательные эпитеты, которыми онъ чаще всего награждаетъ своихъ любимыхъ женщинъ, любуясь ими, какъ красивыми маріонетками, терзая ихъ своими капризами и нервными взрывами. У него имѣется даже стихотвореніе, въ которомъ онъ выражаетъ свое полное презрѣніе къ женщинѣ, называя ее «низкимъ животнымъ», «царицей грѣховъ», призванной только для того, чтобы рождать геніевъ!.. Но истинный талантъ можетъ давать своимъ жрецамъ свѣтлыя откровенія,—и тотъ же Бодлеръ написалъ «Признаніе», въ которомъ звучитъ уже чисто-человѣческое отношеніе къ женщинѣ и вѣрное пониманіе той печальной роли, какую она играетъ въ современномъ обществѣ. Приводимъ это прекрасное стихотвореніе:

Разъ,—одинъ только разъ,—дорогая волшебница,
Ваша нѣжная ручка довѣрилась мнѣ
(Этотъ день еще ярко горитъ въ моей памяти,
Въ сокровенной ея глубинѣ).
Было поздно. Блеснувъ, какъ монета огромная,
Изъ-за кровель домовъ показалась луна,
И дремотная полночь струилась торжественно
Надъ Парижемъ, тепла и душна.
Осторожныя кошки скользили таинственно
Вдоль домовъ, въ подворотняхъ скрываясь отъ глазъ,
Словно тѣни родныя походкой безшумною
Провожая сочувственно насъ...
Вдругъ среди разговора, интимно расцвѣтшаго,
Задумчиваго, чуждаго мрачныхъ заботъ,
Изъ груди вашей звучной, изъ этого чуднаго
Инструмента, гдѣ радость живетъ,
Изъ груди лучезарной, какъ въ утро весеннее
Предразсвѣтной трубы ободряющій звукъ,
Нота вырвалась странная—жалкая, грустная,
Все собой пошатнувшая вдругъ!
Какъ больной, безобразный ребенокъ, котораго
Сторонились чужіе, краснѣли свои,
Который, въ чуланѣ скрываясь, заброшенный,
Долго жилъ безъ друзей и семьи,—

Бѣдный ангелъ! она, ваша нота крикливая,
 Горько пѣла: „Все—ложь на землѣ и обманъ,
 Все—минутный миражъ! Эгоизмъ человѣческій
 Всюду виденъ подъ маской румянъ...
 „Что за пошлая роль—быть красивою женщиной!
 Что за тягостный трудъ—танцовщицею быть,
 И безумьемъ объята и вѣсти умѣющей
 Въ машинальной улыбкѣ застыть!
 „Какъ нелѣпо на сердце людское рассчитывать,
 Какъ измѣнчиво все—красота и любовь!
 Все смѣшается въ общей корзинѣ забвенія,
 Возвратится въ ничтожество вновь“.
 Я не разъ призывалъ эту полночь волшебную,
 Эту даль, озаренную мягкой луной,
 И доверчивый шопотъ признанья ужаснаго,
 Какъ святыня, хранимаго мной!..

Мы не могли, конечно, исчерпать въ настоящемъ этюдѣ ни всѣхъ недостатковъ, ни всѣхъ достоинствъ и красотъ бодлеровской поэзии. Мы будемъ однако вполне удовлетворены, если читатель помучить хоть приблизительно вѣрное понятіе о несчастномъ поэтѣ, на памяти котораго и до сихъ поръ,—вотъ уже втеченіе сорока лѣтъ,—лежитъ «пятномъ» его замѣчательная, но должно понятая и мало оцѣненная книга.

П. Я.

БОРЦЫ.

Романъ.

XVI.

Черезъ три дня послѣ дебюта Капитона въ «Огненной землѣ» огромныя желтыя афиши, расклеенныя по угламъ улицъ, возвѣщали почтеннѣйшую публику о дебютѣ въ саду «Новое Эльдorado» «удивительнаго русскаго атлета», «никѣмъ до сихъ поръ не побѣжденнаго и получившаго первый рекордъ въ Европѣ борца Самсонова». Слогъ афиши сильно напоминалъ цвѣтистый, вдохновенный слогъ Хрисанфа Терентьича, а никѣмъ не побѣжденный борецъ «Самсоновъ» былъ никто иной, какъ увезенный благообразнымъ господиномъ въ ночь своего переаго торжества въ «Огненной землѣ» — Капитонъ.

Спиридонъ Поликарповичъ рвалъ на себѣ волосы, ходилъ какъ звѣрь, наводя страхъ на свою челядь, но сдѣлать ничего не могъ. На другой же день послѣ исчезновенія Капитона, къ Поросенкову явился господинъ въ черномъ сюртукѣ, съ портфелемъ, предъявилъ засвидѣтельствованную подлежащей властью довѣренность «крестьянина Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, села Глиницъ, Капитона Семенова Полоротова, выданную присяжному стряпчему Потаскалову, на веденіе всѣхъ его, Полоротова, дѣлъ, включая также высканія по векселямъ, роспискамъ, и всякимъ долговымъ обязательствамъ», и не попросилъ, не потребовалъ, а тихо, но съ нѣкоторымъ отгнкомъ настойчивости въ выраженіяхъ, *предложилъ* «г. Поросенкову» вручить ему, довѣренному, паспортъ Полоротова и причитающееся, по расчету, жалованье.

Обезумѣвъ отъ злобы, Поросенковъ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на господина въ черномъ сюртукѣ, и черный сюртукъ также смотрѣлъ на него и въ его взглядѣ было нѣчто, говорившее: «ахъ, если бы тебя прорвало, если бы ты меня хоть обругалъ какъ-нибудь, съ какимъ бы наслажденіемъ я показывалъ тебѣ Кузькину мать, на законномъ, конечно, основаніи.»

И долго так смотрѣли они другъ на друга. Наконецъ, Поросенковъ какъ-то особенно причмокнулъ, отвернулся отъ чернаго сюртука и произнесъ:

— Т-э-экъ-съ! Значить пачпортъ понадобился?

— Паспортъ и расчетъ! — поправилъ его черный сюртукъ.

— Какой же ему расчетъ? Кажись, онъ все у меня получил!

— Вы говорите «кажись», значить сомнѣваетесь? — съ чрезвычайно любезной улыбкой подхватилъ черный сюртукъ, — въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ помочь.

Онъ взялъ портфель, отомкнулъ его ключикомъ и, вынувъ листикъ бумаги, продолжалъ:

— Вотъ тутъ сосчитано все, до копейки! Съ васъ слѣдуетъ Полоротову три рубля шестьдесятъ семь копѣекъ.

— Позвольте, господинъ! Вѣдь я ему далъ тогда пять рублей! запротестовалъ Спиридонъ Поликарповичъ.

— Допустимъ, что вы ему дали *тогда* пять рублей! — чрезвычайно уклончиво и съ наилюбезнѣйшей улыбкой замѣтилъ черный сюртукъ, но если онъ и получилъ съ васъ означенную сумму, то никакъ не въ зачетъ жалованья, а какъ обѣщанную вами при свидѣтеляхъ награду.

— Тэ-экъ-съ! Что-же, сейчасъ, что-ли, платить?

— Избавили бы и меня и себя отъ излишнихъ беспокойствъ! отвѣчалъ черный сюртукъ.

— И почпортъ?

— О, обязательно!

Спиридонъ Поликарповичъ удалился въ сосѣднюю комнату и вынесъ оттуда паспортъ и деньги.

Получивъ то и другое, черный сюртукъ тщательно осмотрѣлъ паспортъ, пересчиталъ деньги, паспортъ положилъ въ портфель, а деньги въ карманъ и съ обычной любезностью предложилъ:

— Неудобно ли, я вамъ напишу росписку?

— Нѣтъ, ужъ что тамъ! — махнулъ рукою Поросенковъ, — за другими, вѣдь, не придете?

Черный сюртукъ съ чуткостью охотничьей собаки поднялъ голову и взглянулъ на Спиридона Поликарповича вопросительно-строга.

— Хе, хе! Я пошутить! смущенно замѣтилъ Поросенковъ, хотя чувствовалъ, что ему въ настоящую минуту вовсе не хотѣлось шутить.

Черный сюртукъ съ достоинствомъ поднялся со стула, съ достоинствомъ, издали, поклонился Спиридону Поликарповичу и, шагая подобно плохому актеру, изображающему короля, вышелъ изъ комнаты.

— Ну, Капитонъ! Вотъ такъ Капитонъ! — воскликнулъ,

оставшись одинъ, Поросенковъ,—вотъ такъ каналья! Ай да плутъ! Ахъ ты бестія! Эй, кто тамъ? Позвать сюда Порфирія! Живо!

Съ тѣхъ поръ, какъ благообразный господинъ «для пользы» Капитона такъ замѣчательно ловко и деликатно усадилъ его на извожничью пролетку, прошло всего три недѣли, а между тѣмъ въ этотъ чрезвычайно короткій срокъ на столько измѣнилось положеніе Капитона, что онъ, просыпаясь по утрамъ, все еще не могъ сообразить, начинается ли онъ день прежнимъ Капитономъ или новымъ, не имѣющимъ съ прежнимъ рѣшительно ничего общаго.

Онъ просыпался въ прилично мебелированной комнатѣ, на мягкой постелѣ подъ альковомъ и первой мыслью его была мысль о томъ, что у него есть деньги, много денегъ, такъ много, что, пожалуй, ихъ некуда дѣвать. На коврики передъ кроватью стояли прекрасно вычищенные лакеемъ мебелированные комнаты ботинки, и тутъ же лежали сафьяновые туфли. Всунувъ ноги въ туфли, Капитонъ подходилъ къ умывальнику, отъ котораго за нѣсколько шаговъ несло необыкновенно душистымъ мыломъ, умывался, вытиралъ лицо и шею хохлатымъ полотенцемъ и, посмотрѣвшись въ зеркало, краснорѣчиво докладывавшее о красотѣ его особы, садился за маленькій самоваръ пить чай съ мягкими, сдобными булочками.

Рѣдкій день Капитонъ не принималъ посѣтителей и не получалъ писемъ и записочекъ. Посѣтителямъ онъ всегда былъ радъ, но письма, а въ особенности записочки въ нязъныхъ, пахнущихъ духами разноцвѣтныхъ конвертикахъ приводили его въ смущеніе. Капитонъ, хотя и съ трудомъ, но разбиралъ, все-таки, по писанному, съ нѣкоторой натугой могъ бы еще написать традиціонное письмо въ деревню, уснастивъ его десяткомъ поклоновъ и просьбъ о «нерушимомъ» благословеніи и покрывъ такимъ же количествомъ кляксъ и чернильныхъ брызговъ, но уразумѣть смыслъ получаемыхъ имъ записочекъ и, что еще хуже, пытаться на нихъ отвѣчать—онъ рѣшительно былъ не въ силахъ.

Онъ не дошелъ еще до тѣхъ степеней культурности и благосостоянія, чтобы, подобно Фиргельдту и соотечественнику Барсукову завести секретаря, который бы велъ его корреспонденцію и вообще всѣ дѣла, но мысль о секретарѣ, хотя и въ туманномъ будущемъ, уже улыбалась ему. Главное—нужно было какъ нибудь устроиться съ письмами! А теперь, каждый разъ, какъ горничная вносила на подносъ два-три розовыхъ или нѣжно-зеленыхъ конвертика, Капитонъ начиналъ ощущать тревожное состояніе «подъ ложечкой» и тяжесть въ затылкѣ, точно ему приходилось принимать положеніе, извѣстное у борцовъ подъ названіемъ: «прот».

Хмурясь, дрожащими пальцами онъ разрывалъ конвертъ и пытался разобрать тонкій, какъ паутина, почеркъ невѣдомой корреспондентки. Тщетныя усилія! Эти нѣжныя, почти воздушныя очертанія буквъ вовсе не походили на выдолбленныя Капитономъ съ дѣтства «азы» и «буки»; онъ даже иногда сомнѣвался буквы ли это, или какіе нибудь кабалистическіе, условные знаки и, измучившись до испарины, пряталъ запяточки подъ замокъ, боясь любопытства знакомыхъ, а въ особенности атлетовъ-пріятелей.

Капитонъ уже зналъ, что значить зависть людей одинаковой профессіи и какъ нужно ея бояться; съ ними онъ выработалъ особенную манеру вести себя. Съ Барсуковымъ, однимъ изъ самыхъ неопасныхъ его соперниковъ, Капитонъ былъ остороженъ въ особенности. Съ нимъ онъ говорилъ только о немъ, и ни слова о себѣ.

— Ну, что, какъ поживаешь? — радушно привѣтствовалъ онъ его, — хочешь чаю?

— Пожалуй! — нехотя отвѣчалъ Барсуковъ, — съ утра такая жарница! Семнадцать градусовъ! Не знаю, какъ быть сегодня!

— А что?

— У меня большая борьба съ Бурдонэ! Жарко! Задохнешься!

— Коньякъ, говорятъ, помогаетъ!

— Вадоръ! Да вѣдь я не пью, ты знаешь!

Капитонъ зналъ какъ разъ обратное: что Барсуковъ пьетъ изрядно и далеко не одинъ коньякъ, но Барсукову нужно было, чтобы не только публика, но и знакомые думали, что онъ не пьетъ, не куритъ, что онъ постоянно тренируется, и Капитонъ молчалъ.

— Знаешь новость? восклицаетъ Барсуковъ, — опять приглашаютъ въ Саратовъ.

— Согласился?

— Ну ихъ! Что мнѣ тамъ дѣлать! И здѣсь хорошо! Тамъ столько не заплатятъ! А мнѣ нравится городъ! Публика меня любила. Въ послѣдній выходъ поднесли вѣнокъ... пожалуй, чуть не съ окно. Ленты, — во! Аршинъ двѣнадцать! И золотыми буквами: «Силачу-атлету Барсукову — благодарные купцы»!

Капитонъ зналъ, что тотъ все преувеличиваетъ и лжетъ, что у него есть, дѣйствительно, вѣнокъ, далеко не такой пышный, и, что самое главное, — купленный и поднесенный антрепренеромъ, но молчалъ.

— Меня и здѣсь публика любить не меньше! Знаешь... это между нами: я слышалъ, что собирается подписка на поднесеніе мнѣ медали!

Капитонъ опять молчитъ. И сколько бы ни лгалъ, ни

хвастался Барсуковъ, онъ все будетъ молчать, а про себя помнить и знать, что не далѣе какъ три дня тому, онъ, послѣ десятиминутной схватки въ швейцарской борьбѣ, уложилъ Барсукова; что тотъ никогда даже не пытался «выжать» такую тяжесть, какую онъ выжимаетъ шутя; что Барсуковъ трусь, падая поджимаетъ подъ себя руки, и его приходится ворочать, какъ околѣвшую лошадь.

Капитонъ знаетъ всѣ шутики, на какія пускаются профессиональные борцы и атлеты, знаетъ всѣ способы одурачиванья публики, знаетъ, въ особенности, потому, что и самъ бываетъ не чуждъ этимъ штукамъ и, боясь или невольно разоблачить когонибудь, или проговориться, или задѣть чьенибудь самолюбіе,—благоразумно молчитъ.

И его постоянное молчаніе, постоянное «себѣ на умѣ» придаютъ ему особенный вѣсъ и цѣну.

Уходить Барсуковъ, является ктонибудь другой. Та же похвальба успѣхами и любовью публики. Да что же мудреного? Всѣ они, съ легкой руки Хрисанфа Терентьевича и двухъ, трехъ его коллегъ — «знаменитые», «небывалые по силѣ въ Европѣ», «имѣющіе 1-й рекордъ въ мірѣ», «неустрасимые» и «непобѣдимые». А въ сущности—это люди невѣжественные, лѣнивые, борящіеся за существованіе, и принужденные сами ковать себѣ славу. Каждый изъ нихъ знаетъ, что слава—это звукъ трубы. Если никто не возьметъ трубы и не издастъ перваго звука,—труба сама собою не затрубитъ. Нужно, чтобы ктонибудь первый сдѣлалъ это! Все равно кто и въ силу какихъ мотивовъ. Хрисанфъ Терентьевичъ въ лучшемъ видѣ затрубитъ за двѣ красненькія бумажки, потомъ найдется такой, который сдѣлаетъ это за одну бумажку, и третій, которому особенно тяжело бороться за свое существованіе, охотно разыграетъ ту же арію за «синюху». Затѣмъ нужно создать себѣ «публику», сдѣлаться ея любимцемъ. Одинъ, какъ Барсуковъ, входитъ въ соглашеніе съ антрепренерами и на половинныхъ расходахъ покупаетъ себѣ вѣнокъ, другой, какъ Круксъ, заказываетъ медаль и подноситъ ее себѣ публично черезъ своего лакея, третій, какъ Атлантовъ, бросаетъ съ подмостковъ въ разношерстную толпу зрителей пригоршнями мелкія монеты, ставитъ въ саду бочку пива и наклеиваетъ на нее аншлагъ: «отъ русскаго борца Атлантова—его почитателямъ», а Фиргелдтъ и Бурдонъ показываютъ аттестаты, дипломы и вырѣзки изъ газетъ одинъ на нѣмецкомъ, другой на французскомъ языкахъ. И въ то же время всѣ они тренируются, упражняются и работаютъ съ такой страстностью, такъ усердно, какъ не работаетъ, можетъ быть, ни одинъ пахарь надъ матерью-землей потому, что ни къ чему другому они не способны.

И тому же самому очень быстро научился и то же самое съ тою же страстностью сталъ дѣлать Капитонъ. Первые уроки жизни, полученные имъ въ «Огненной землѣ», не пропали даромъ. Онъ понялъ, что для того, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни, нужно «дерзать», и дерзалъ до того, что иногда самъ себя становился на диво. Въ безумной вакханаліи обнаженнаго человѣческаго тѣла, крѣпкихъ мускуловъ и широкой грудной кѣтки, вакханаліи, охватившей не только публику всѣхъ слоевъ, но и антрепренеровъ и даже самихъ борцовъ,—Капитонъ нашелъ для себя одно изъ первыхъ мѣстъ и стоялъ на немъ твердо. О немъ писали въ газетахъ, о немъ говорили всюду, начиная съ великосвѣтскихъ гостинныхъ и кончая населенными фабричнымъ людомъ «углами», его карточки, съ сложенными на голой груди, изображавшими великолѣпное развитіе мускулатуры, руками, продавались въ эстампныхъ магазинахъ на ряду съ карточками теноровъ и первыхъ артистовъ и украшали будуары великосвѣтскихъ дамъ.

Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ его популярности были тѣ нѣжно-зеленые и розовые конвертики, хранившіе невидимыя Капитону посланія, которыя онъ пряталъ въ комодъ подъ ключомъ.

Капитонъ уже давно намѣтилъ человѣка, единственнаго могшаго безъ вреда и опаски открыть ему таинственный смыслъ этихъ кабалистическихъ посланій. Человѣкъ этотъ былъ — Порфирій, старый пріятель, «свой человѣкъ», впервые открывшій ему доступъ къ славѣ, изгнанный Порошенковымъ изъ «Огненной земли» и очень недурно устроившійся у Эрнеста, на Каменноостровскомъ. Капитонъ писалъ ему нѣсколько разъ, приглашалъ «побывать» и каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же, сурово-лаконическій отвѣтъ — «некогда». Наконецъ, онъ явился.

— Васъ спрашиваетъ какой то господинъ! сообщила вошедшая горничная.

— Изъ нашихъ?—спросилъ охорашивавшійся передъ туалетнымъ зеркаломъ Капитонъ.

— Нѣтъ! Какой то чужой! Еще не бывали!

— Приси!

Въ комнату вошелъ Порфирій въ новомодномъ пиджакѣ, сѣрыхъ панталонахъ и съ котелкомъ. Сѣденькіе бачки его были тщательно расчесаны, туго-накрахмаленный, изумительной бѣлизны воротникъ подпиралъ его старческія, одряблѣвшія, но гладко выбритыя щеки.

— Порфирій Ильичъ, другъ!—воскликнулъ Капитонъ, бросаясь къ старику и заключая его въ объятія.

— Постой, постой, сомнешь!—забормоталъ Порфирій,—привыкъ людей мять! Ну, почеломкаемся! Здоровъ ли?

Они поцѣловались.

— Наконецъ то пришелъ! Слава тебѣ Господи! Не хорошо, не хорошо, Порфирій Ильичъ, забывать старыхъ пріятелей!

— Затѣмъ забывать! Вѣкъ тебя буду помнить! отвѣчалъ Порфирій, деликатно кладя шляпу на комодъ и занимая мѣсто на диванѣ,—кабы не ты,—сидѣть бы мнѣ въ этой помойной ямѣ, а теперь я, слава Создателю, въ приличное мѣсто попалъ.

— Чего лучше! Ну, чѣмъ же мнѣ тебя угощать, Порфирій Ильичъ?

— А ничѣмъ!

— Водочки выпьемъ!

— Мало нынче я ее потребляю... Со свиданьемъ, развѣ!

— Со свиданьемъ необходимо нужно выпить! воскликнулъ Капитонъ, вышелъ въ корридоръ и отдалъ приказаніе горничной.

— Ну, что, Капитонъ Семенычъ, борешься? спросилъ Порфирій.

— Борюсь, Порфирій Ильичъ, борюсь!

— Какъ же, слышали! (Порфирій досталъ табакерку и зарядилъ носъ изряднымъ количествомъ «французскаго») значить и мои хлопоты тебѣ на пользу пошли.

— Спасибо тебѣ, Порфирій Ильичъ, вотъ какъ спасибо!

— Благодарить, другъ мой, не за что! (Онъ досталъ пенснэ, надѣлъ его на носъ и началъ смотрѣть висѣвшія на противоположной стѣнѣ фотографическія карточки и группы)... Не за что... не за что... это что же... все борцы?

— Борцы, Порфирій Ильичъ, вотъ и я тутъ! Справа!

— Вижу! (Порфирій посмотрѣлъ сперва на карточку, потомъ на Капитона, какъ бы сравнивая копію съ оригиналомъ).. Важно! Ишь какимъ молодцомъ стоишь! А это что за дѣвица? Или замужня—Богъ ее знаетъ.

— Это барышня! По проволоку ходите! А это вотъ акробатки: три сестры.

— Ну а ты еще проволочницу не завелъ?

— Нѣтъ, Порфирій Ильичъ! Куда ихъ!

— Такъ, такъ! (Порфирій сталъ обводить взглядомъ комнату).

— Комнатка хорошенькая... и мебелировочка ничего... Подъ пологомъ спишь, вотъ какъ! А это что же за гири?

— Для упражненій, Порфирій Ильичъ!

— Ага! Упражняешься, значить!

— Каждый день!

— Ишь ты!

Порфирій взялся за душку гири и приподнялъ ея уси-
ліемъ.

— Тяжела! сказалъ онъ, надуваясь, — сколько вѣсу то?

— Сто тридцать фунтовъ. И другая такая же.

— Слишкомъ три пуда, значить! Что же ты съ ними дѣлаешь?

— А вотъ!

Капитонъ сбросилъ пиджакъ, взялъ въ каждую руку по гирѣ, медленно приподнялъ надъ головой, потомъ согнулъ руки въ локтяхъ, подержалъ и медленно опустилъ.

— Ого, какъ ты это! удивился Порфирій, — какая въ тебѣ сила!

— Да, есть! Ну вотъ и водочка, и закуска! Выпьемъ Порфирій Ильичъ по старой памяти!

— Выпьемъ, выпьемъ! Да да! Сила большая! Большая сила!

Порфирій покрутилъ головой, взялъ рюмку водки, чокнулся съ Капитономъ, выпилъ и сталъ закусывать селедкой.

— Сколько же за комнатку платишь? — спросилъ онъ.

— Двадцать рублей!

— Такъ! Что же, комнатка хорошенькая, веселенькая!

— Ничего! А ко мнѣ Спиридонъ Поликарповичъ заѣзжалъ!

— Ну! Что ты! Зачѣмъ?

— Просить участвовать у него въ саду. Извинялся!

— Вонъ какъ! Ишь ты, въ гору пошелъ! Что же, будешь участвовать-то?

— Отчего нѣтъ! Сговорились. Хорошую цѣну дастъ! Осенью четыре моихъ выхода.

— Такъ, такъ. Ишь ты!

— Ну ка, Порфирій Ильичъ, по второй.

— По второй? Ужъ не знаю! Развѣ нужно?

— Обязательно!

Выпили по второй. Порфирій охотнѣе закусилъ ветчиною. Какое то необыкновенное благодушiе разлилось по его лицу, слезящiеся глазки заиграли.

— Отцу то... въ деревню, часто пишешь? — спросилъ Порфирій.

— Нѣтъ! съ нѣкоторымъ смущенiемъ отвѣчалъ Капитонъ.

— Что же такъ? Нехорошо! Не годится забывать родителей. Не такъ чтобы ужъ очень былъ занятъ? А?

— Занятъ было порядочно! Французскую борьбу изучалъ.

— Французскую? Гм! Такъ, такъ! Что же это нужно, что ли?

— Очень даже нужно, Порфирій Ильичъ!

— Ну, и что же? Произошелъ?

— Произошелъ! Эта борьба серьезная.

Капитонъ взялъ со стола и подаль гостю пачку фотографическихъ карточекъ, на которыхъ онъ и его учитель были изображены полунагими въ различные моменты борьбы. Пор-

фирий съ нѣкоторой конфузливостью и не безъ ироніи пересмотрѣлъ карточки, молча отложилъ ихъ всторону и вздохнулъ.

— Есть у меня къ тебѣ, Порфирій Ильичъ, маленькое дѣльце!—началъ Капитонъ,—будь другъ, разъясни, пожалуйста, что за штука! Да выпьемъ еще по одной!

— Что же, пожалуй, выпьемъ!

Капитонъ досталъ изъ комода нѣсколько штукъ разноцвѣтныхъ конвертиковъ, отъ которыхъ и теперь еще пахло духами, положилъ ихъ на столъ передъ Порфиріемъ и устремилъ на него выжидательный взглядъ.

— Это что же такое?—спросилъ Порфирій, взявъ одинъ конвертикъ, поднесъ его къ носу, потомъ началъ разсматривать.

— И самъ не знаю, Порфирій Ильичъ! Получаю по почтѣ, а читать не могу... ужъ больно неразборчиво, что-то. Прочитай ты мнѣ пожалуйста!—сказалъ Капитонъ.

Порфирій крикнулъ, досталъ пенс-нэ, надѣлъ его на носъ,—хотя оно ему собственно мѣшало и приходилось читать черезъ него,—и впился слезящимися глазками въ тонкіе штрихи записочки. Читая съ видимымъ затрудненіемъ, онъ даже перелилъ губами, краснѣлъ, напрягался, но все-таки дочиталъ, а когда дочиталъ, то положилъ на столъ и устремилъ на Капитона лукаво-проницательный взглядъ.

— Эге, братъ!—сказалъ онъ,—да это ни болѣе ни менѣе какъ билэду.

— Билэду?—удивился Капитонъ,—это что же такое?

— Билэду? Ну, какъ тебѣ объяснить? Скажемъ такъ, просто: любовная записка!

— Вонъ оно что! Отъ кого же записка-то?

— А ужъ это никогда не пишется. Особа эта... ну, какъ тебѣ сказать: анонимъ!

— Да что онъ писать-то?

— Не *онъ*, а она! Это дѣло женское. Женщина пишетъ.

— Какая же такая женщина?

— Ну, мало ли ихъ!—пренебрежительно отозвался Порфирій,—а прочитать, отчего же,—я прочту! Слушай!

Сидя, онъ широко разставилъ ноги, положилъ локти на столъ, и, держа записку въ нѣкоторомъ отдаленіи, началъ:

«Мой кумиръ»!

— Это что же такое: «кумиръ»?—спросилъ Капитонъ.

— Кумиръ? Ну, что кумиръ, что идолъ—все равно!—объяснилъ Порфирій.

— Такъ это что же она,—ругается?

Порфирій повернулъ къ нему голову, отрицательно показавъ ею и, не отвѣчая, продолжалъ:

«Мой кумиръ!»

Я купила вашу карточку, пришла домой, и стала ею любоваться! Какой вы красивый, мужественный! Какая у васъ великолѣпная грудь, какіе упругіе, могучіе мускулы! Скульпторъ могъ бы смѣло лѣпить съ Васъ статую. И какое у Васъ пріятное, нѣжное лицо! А эти глаза! Навѣрно они черные? Я такъ люблю черные глаза! Ахъ, Самсоновъ, что Вы сдѣлали со мною! Я влюблена въ Васъ, понимаете, влюблена такъ сильно и страстно, что непремѣнно хочу видѣть Васъ, говорить съ Вами! Приходите послѣ-завтра, въ среду, въ Лѣтній садъ. Я буду ждать отъ 3 до 4 ч. пополудни; пятая скамейка справа отъ входа съ набережной, на главной аллеѣ. Обожающая Васъ—Х».

Но Порфирій, вмѣсто «иксъ» произнесъ: «блудня» и бросилъ записку на столъ.

— Что, что?—воскликнулъ Капитонъ.

— Ничего! Подписи нѣтъ, стоитъ буква!—отвѣчалъ Порфирій,—да намъ и знать не нужно: кто да кто! Блудня,—одно слово! Наглядѣлся я на нихъ по ресторанамъ-то! Когда ты получишь эту цидулку?

— Не помню, Порфирій Ильичъ, должно на прошлой недѣлѣ.

— Хе, хе! И не пошелъ? Отлично!

Порфирій взялъ другую записку и началъ ее читать про себя.

— Ну, да!—сказалъ онъ,—почеркъ тотъ же! Жалуется, вишь, что не пришелъ! Ревнуетъ! Ахъ, блудни, блудни!

Вторая записка полетѣла на столъ. Порфирій взялъ третью.

— А эта ужъ прямо предлагаетъ и квартиру и столъ и всякое удовольствіе! Должно вдова? Такъ и есть! Ишь ты: «я совершенно свободна и одинока»... Одинока—иди въ монастырь, на черную работу, жиръ сбавляй,—а она—блудить! Ахъ, шельмы, шельмы!

— За что ты ихъ ругаешь, Порфирій Ильичъ?

— За что! А по твоему по головкѣ ихъ, что ли, гладить? «Блуди, молъ, блуди, матушка»! Нѣтъ, брать! И хорошо это я тебѣ скажу, что ты по писаному не гораздъ и на блудилище на это не пошелъ! И безъ тебя тамъ нѣтъ нашего брата есть достаточно. Навидался я на своемъ вѣку! И какъ вотъ такую надушенную штучку увидишь,—Порфирій съ омерзѣніемъ отсунулъ отъ себя записочку,—такъ и знаешь, что кромѣ пакостей ничего тамъ нѣтъ! Не любилъ я этого никогда,—молодъ былъ,—не любилъ, а теперь и подавно! Сожги!

— Ладно! Вечеромъ сожгу!—отвѣчалъ Капитонъ, сгребая записочки и пряча ихъ въ комодъ подъ замокъ.

Но онъ въ ту же минуту сказалъ себѣ, что этого никогда не будетъ. Его мнѣнія объ этихъ «биледу» и дамахъ, писавшихъ ихъ, были діаметрально противоположны мнѣнію Порфирія.

«Ладно!»—думалъ Капитонъ,—«пой Лазаря, старый хрѣнь! Такъ я тебя и послушалъ! Состарился—о монастырѣ заговорилъ, а молодой—поди тоже не мало куралесилъ! И названіе то какое сказалъ: «биледу»! Понятіе то, значить, есть! Тоже, гляди имъ въ зубы, старымъ псамъ».

— А вотъ что я тебѣ скажу, Капитонъ, — Никита Ивановичъ на тебя въ обидѣ!—началъ Порфирій.

— За что, Порфирій Ильичъ?

— Самъ знаешь за что! Ни разу не зашелъ, не хочешь уважать старика!

— Некогда, Порфирій Ильичъ!

— Толкуй: «некогда!» Минутку то могъ бы улучшить. Онъ тебѣ, самъ знаешь,—кромѣ добра...

— Знаю, Порфирій Ильичъ, и очень чувствую. Господи! Никита Ивановичъ мнѣ вмѣсто отца родного! Зайду, безпрѣмѣнно зайду! Какъ же!

— Старого забывать не нужно, голубчикъ, вотъ что! легонько погрозилъ пальцемъ Порфирій,—новое то такъ оно все хорошо да приятно, а откуда оно, это новое то явилось? Изъ стараго! Вотъ что! Люди, люди! Эхъ-хе-хе! Ну, я пойду! Ослабъ что-то! Водка эта у тебя крѣпкая, шутъ ее побери! Пойду. Спасибо на угощеньи! Прощай!

Порфирій взявъ котелокъ, пожалъ слабой, старческой рукою могучую руку Капитона и, слегка заплетаясь ногами, удалился.

Капитонъ быстро подошелъ къ комоду, досталъ записочки и съ жадностью началъ разбирать и изучать почеркъ.

Такъ вотъ оно что! Ему писали женщины! Не одна, а двѣ, а можетъ быть три, четыре. Значить, это правда, что ему рассказывали Круксъ, Атлантовъ, Львовъ и многіе другіе. Они этимъ хвастались, а онъ, дуракъ, молча выслушивалъ ихъ похвалъбу и пряталъ розовые конвертики подъ замокъ! Пряталъ,—когда ихъ нужно было держать на виду,—какъ всѣ эти господа держать карточки своихъ любовницъ,—нужно было показывать имъ эти записки, какъ они показывают свои аттестаты, дипломы, медали, кубки, вѣнки! Вѣдь эти записки—тѣ же аттестаты, значить реклама, а реклама—все! Нѣтъ, теперь то ужъ онъ не будетъ такъ глупъ! Вотъ онъ разложить ихъ на это фарфоровое блюдо, на самомъ виду, и пусть всѣ приходятъ, читаютъ и завидуютъ! А если ихъ накопится много? Десятокъ, два, три десятка! О! Барсуковъ первый лопнетъ отъ зависти! И отчего онъ не далъ тотчасъ кому-нибудь... ну, первому попавшемуся знакомому прочитать эти записки, отчего,

наконецъ, самъ не далъ себѣ труда посидѣть часъ, ну два надъ разборомъ записки и вымозжить изъ нея суть: часъ, мѣсто свиданія; зачѣмъ онъ такъ глупо, по дѣтски безпечно отнесся къ нимъ? Если бы онъ пошелъ на свиданіе... ну, хоть съ той «свободной, одинокой»... къ чорту тогда эта меблированная комната и тревожная, необезпеченная жизнь, и онъ бы могъ зажить тогда такъ, какъ живутъ Круксъ и Атлантовъ! О, дуракъ, дуракъ!

Капитонъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ по пути, на которомъ стоялъ, и прозрѣлъ, на этотъ разъ,—какъ это часто бываетъ съ людьми,—на собственной «ошибкѣ».

Но судьбѣ угодно было предоставить ему случай поправить ее. Черезъ мѣсяцъ послѣ посѣщенія Порфирія, Капитону предстояла борьба въ «Новомъ Эльдorado» съ однимъ изъ серьезныхъ своихъ противниковъ — Круксомъ. Эта борьба должна была быть «рѣшительною» послѣ первыхъ двухъ, въ которыхъ Круксъ, ссылаясь на разныя случайности, не призналъ себя побѣжденнымъ. Въ сущности ничего подобнаго не было, но антрепренеру Опойкову нужно было «затянуть», сколько можно разогрѣть интересъ публики, привлечь ее въ огромномъ количествѣ, и всѣ трое: борцы и Опойковъ вошли въ стачку. Хрисанфъ Терентьичъ въ стачку не вступилъ, но ему было поручено составить афишу по заранѣе намѣченному плану и онъ далъ волю своему талантливому перу, въ результатѣ чего на углахъ улицъ появилась громадная, цвѣтная афиша съ изображеніемъ двухъ борющихся, толстыхъ мужчинъ и извѣщавшая почтеннѣйшую публику, что «хотя г. Круксъ и былъ поверженъ г. Самсоновымъ, но, объясняя это тѣмъ, что онъ оступился,—потребовалъ реванша. Г. Самсоновъ съ ироніей согласился на реваншъ, который и будетъ представлять послѣднюю, рѣшительную борьбу безъ обозначенія срока, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ, будучи поверженнымъ, не коснется обоими плечами пола».

До одиннадцати часовъ публики, несмотря на всевозможныя приманки,—было очень мало, и вдругъ весь садъ переполнился ею. Вдоль забора выстроились ряды экипажей; изъ нихъ большинство было собственныхъ. Въ ложахъ и первыхъ мѣстахъ сидѣли зрители, обыкновенно никогда не посѣщавшіе не только «Эльдorado», но вообще никакихъ садовъ. Эта публика, въ числѣ которой было много дамъ, пріѣхала исключительно для борьбы.

Появленіе Капитона въ розовомъ трико было привѣтствовано радостнымъ движеніемъ толпы, и въ этомъ сказалась ея симпатія къ борцу.

Началась борьба. Тутъ уже не было стачки, — все равно, въ этотъ третій разъ кто-нибудь долженъ былъ быть побѣж-

деннымъ. Круксъ боролся старательно, надѣясь на случайность. Его ловкость изумляла Капитона. Борьба затянулась. Оба противника устали; Круксъ уже началъ задыхаться. Интересъ зрителей былъ доведенъ до высочайшей точки. Вдругъ Капитонъ обѣими руками обхватилъ противника сзади, — употребилъ приемъ, называемый «la ceinture de derrière», — приподнял его одною рукою, другую положилъ Круксу на шею, и черезъ секунду Круксъ лежалъ обоними плечами на полу.

Зрители разразились бурными аплодисментами. Выходя на вызовы, Капитонъ увидѣлъ, какъ изъ ложи сѣва сидѣвшая въ ней одна хорошенькая брюнетка среднихъ лѣтъ махнула ему платкомъ. Онъ поклонился ей.

Борьба утомляла его. Разгоряченный, тяжело дыша, онъ наскоро переодѣлся, наскоро распрощался со знакомыми и поспѣшилъ къ выходу изъ сада. Толпа запрудила выходъ; Капитонъ приостановился съ цѣлью переждать и вдругъ почувствовалъ, какъ чья то рука коснулась его локтя. Онъ обернулся. Передъ нимъ стояла въ роскошномъ, опушенномъ дорогимъ мѣхомъ манто та самая брюнетка, которая махнула ему платкомъ изъ ложи.

— Пожалуйста, monsieur, проводите меня до экипажа! — сказала она.

— Извольте! Съ удовольствіемъ! — отвѣчалъ Капитонъ, беря ее подъ руку и проталкиваясь черезъ толпу.

На тротуарѣ словно выросъ изъ-подъ земли посыльный.

— Вашъ экипажъ здѣсь! Пожалуйте за мной! — сказалъ онъ.

Капитонъ думалъ, что незнакомка покинетъ его. Но она крѣпко, даже слишкомъ крѣпко держала его за руку.

У тротуара стояла карета, запряженная парой сѣрыхъ рысаковъ. Посыльный открылъ дверцу, дама подобрала платье и оглянулась на Капитона.

— Ну, что же? — сказала она тономъ нетерпѣнія.

Капитонъ взялъ ее подъ руку, желая посадить, но она ухватила за его руку и потянула за собой... Онъ не успѣлъ придти въ себя, какъ очутился въ маленькой, двухмѣстной кареткѣ. Дверца хлопнула, лошади подхватили и каретка, какъ на пружинахъ, запрыгала по ухабамъ мостовой.

— Накоонецъ-то вы взяты въ плѣнъ! — сказала дама.

При мелькавшемъ свѣтѣ фонарей Капитонъ замѣтилъ, что она его пристально разглядываетъ. Въ кареткѣ было немного тѣсно, и оба они сидѣли плечомъ къ плечу.

— Я не знаю васъ, сударыня! — пробормоталъ Капитонъ.

— И не нужно! Зачѣмъ вамъ знать, кто я! Довольно того, что я васъ знаю! А я знаю васъ хорошо! Успѣла изучить...

— Куда мы ѣдемъ?

— Конечно ко мнѣ! Это васъ смущаетъ? Какой вы, однако

нелюбезный! Ужасно нелюбезный. Я писала вамъ два раза, назначала свиданія и вы не изволили придти!

Она говорила горячо, съ жестикуляціей. Въ кареткѣ сильно пахло духами и этотъ запахъ кружилъ голову Капитона. Онъ чувствовалъ себя какъ во снѣ. «Такъ это она!»—думалось ему, и онъ украдкой съ любопытствомъ поглядывалъ на брюнетку.

— А теперь вы мой! И будете моимъ, пока я васъ не выпущу! говорила дама, — мое поведеніе кажется вамъ страннымъ? Что дѣлать, если ничего другого я не могла придумать! Любовь не разбираетъ средствъ, а я васъ люблю! Вы это уже знаете! Да, знаете? Что же вы молчите? Впрочемъ не нужно! Мнѣ даже нѣтъ надобности знать, читали ли вы мои письма, направляюсь ли я вамъ!

Капитону приходило въ голову: ужъ не сумасшедшая ли это? Потомъ онъ сталъ припоминать разные необыкновенные случаи, похожіе на случай съ нимъ, о которыхъ рассказывали въ кружкѣ атлетовъ. Тогда Капитонъ не вѣрилъ и приписывалъ эти рассказы желанію похвастаться побѣдами надъ свѣтскими барынями, но вотъ теперь съ нимъ произошло то же самое! Ну, что-жъ, и отлично! Однако отъ непривычки онъ испытывалъ сильное смущеніе.

— Право, мнѣ все равно! въ какомъ то лихорадочномъ возбужденіи продолжала дама, — я свободна располагать собою какъ хочу! Свободна дѣлать, что вздумается и дѣлаю! Вотъ я увезла васъ! Ха, ха! Этакого великана, богатыря, человѣка, побѣждающаго всѣхъ, увезла женщина, баба! Баба, баба! — повторила она нѣсколько разъ.

Капитонъ молчалъ. Онъ чувствовалъ, какъ плечо дамочки все сильнѣе и сильнѣе нажимаетъ на его плечо.

— Правда, я баба! Была замужемъ, недолго, овдовѣла, а теперь хочу жить сначала. Слышите? Хочу... жить... хочу любить до самозабвенія... до смерти!..

Опьяненный ея пылкими рѣчами, отуманенный духотой, запахомъ духовъ, близостью гибкаго, горячаго женскаго тѣла, Капитонъ взялъ маленькую, узенькую, затянутую въ лайку ручку и инстинктивно сжалъ.

— Больно... больно! прошептала дамочка, откидываясь въ глубь кареты и прижимая головой къ плечу Капитона, — но это ничего... пусть... это хорошо, что больно... Милый мой, какой ты сильный... о, какой ты сильный!..

XVII.

Сентябрь мѣсяцъ застаётъ отдаленныя дебри Петербургской стороны въ самомъ непрезентабельномъ видѣ. Ежедневные

дожди «мукосѣи», два, три наводненія и презрительное отношеніе къ чистотѣ дворничковъ богоспасаемой мѣстности — превращаютъ большинство немощенныхъ улицъ въ болота — приютъ свиней и домашнихъ утокъ. Дикіе пока не рѣшаются присоединиться къ родичамъ и летать высоко къ поднебесью туда... туда... «wo die Zitronen blühen». Плуталова улица, не желая ничѣмъ отличаться отъ своихъ сосѣдокъ, тоже постепенно превращается въ болото. Садики, расположенные при домахъ этой улицы начинаютъ лысѣть съ быстротою, не уступающею быстротѣ облысѣнья головы какого-нибудь непутеваго жуира. Вѣтеръ поднимаетъ ихъ пожелтѣлые листья, просыпаетъ ихъ на дыравые, колеблющіеся мостки и покрываетъ ими поверхность болота. Обнаженные отъ зеленого убора, покривившіеся, выпѣвшіе дома Плуталовой улицы — походятъ на ряды инвалидов на смотру: у каждого есть какой-нибудь дефектъ, какая-нибудь вопіющая, оскорбляющая чувство эстетики и симметріи погрѣшность въ фасадѣ, и чуть ли не всѣ они на костыляхъ.

А дождь-мукосѣй такъ и сѣетъ и морской, неутомонный вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и бѣснуется, словно собирается окончательно порѣшнить съ домами-инвалидами. Но они живучи, эти инвалиды, и не только сами живутъ себѣ да живутъ, а подъ своими дыравыми крышами даютъ и приютъ и тепло многимъ настоящимъ инвалидамъ человѣческой породы.

Сквозь запыленную, жидкую зелень герани и олеандра неудачный борецъ въ жизни графъ Анатолій Петровичъ Гмызовъ смотрѣлъ въ окно своего кабинета на дворъ.

Половины пристройки нѣтъ, — она ушла на топливо, поэтому еще пуще заросшій травкою дворъ съ двумя трупами-дилижансами совсѣмъ уже походить на пустырь. Голодные грачи и вороны тщетно расхаживаютъ по этому пустырю; весною они таскали мочалу изъ козелъ дилижанса, теперь имъ не до гнѣздъ, хочется ѣсть, а ѣсть нечего.

— Глупая птица! думаетъ графъ, — и чего они тутъ вертятся? Есть крылья — лети, ищи себѣ прокормленія!

Потомъ ему приходитъ въ голову, что, можетъ быть, ужъ это было. Можетъ быть эти вороны облетѣли десятки верстъ, нигдѣ не находили пищи, а такихъ же какъ онѣ сами, голодныхъ воронъ, и вернулись къ мѣсту, гдѣ выросли. Авось, молъ, тутъ что-нибудь еще перепадетъ.

Исходя изъ этой мысли, графъ дѣлаетъ логическое заключеніе по отношенію къ самому себѣ. И онъ, въ сущности, та же ворона: леталъ, по всему свѣту леталъ, и даже не какъ ворона, а какъ соколъ леталъ, а прилетѣлъ къ Маланѣ Осиповнѣ, на пустырь.

— Что, братъ, не нравится? — говорятъ самъ себѣ графъ, — ну, какъ тебѣ будетъ угодно, а только это вѣрно! Общипан-

нымъ даже прилетѣлъ! Вѣдь ты, другъ мой, Анатолій Петровичъ, *definitivement* общипанъ по всѣмъ статьямъ.

Графъ отрывается отъ окна и подходитъ къ столу. На столѣ вчетверо сложенный листъ бумаги. Содержаніе этой бумаги кратко и графъ знаетъ его наизусть, но онъ, всетаки, развертываетъ листъ и читаетъ:

«Отклонено... за ненахожденіемъ въ дѣлѣ...

— Чортъ знаетъ! ворчитъ графъ, какой у нихъ слогъ! «За ненахожденіемъ»! Должно быть чиновникамъ очень пріятно сочинять такіа бумаги!.. Да и что тутъ сочинять? «За ненахожденіемъ въ дѣлѣ... отклонено...» и шабашъ! Воображаю этакое кувшинное рыло съ носомъ въ видѣ брюквы, съ черной повязкой на вздутой щекѣ, которое, скосивъ глаза, выводитъ съ наслажденіемъ: «отклонено»! У, чер-рти!..

Передъ печкой, гдѣ тлѣютъ и пищатъ сырыя дрова, вытянувъ переднія лапы и положивъ на нихъ голову лежитъ еще болѣе постарѣвшій и исхудавшій коричневый песъ.

Графъ садится на диванъ и долго наблюдаетъ тлѣющія дрова и собаку. Въ комнатѣ темнѣетъ, и оттого кажется, будто дрова начинаютъ разгораться. Вспыхивающія полоски свѣта перебѣгаютъ по протертому полу, достигаютъ ножекъ стула, на стѣнѣ начинаютъ обрисовываться тѣни. А дальніе углы комнаты, окно и безмолвная, словно застывшая на диванѣ длинная фигура графа—уже во тьмѣ.

Господи, какая скука, какая страшная, неизбывная скука!

— Сбогарь!

Коричневый песъ вздрагиваетъ, медленно, нехотя поднимается, потягивается, зѣваетъ и, не спѣша, подходитъ къ хозяину.

— Сбогарь, гопъ-ля-ля!

Старый песъ вскакиваетъ на диванъ, рядомъ съ хозяиномъ; и оба начинаютъ съ тоскою смотрѣть на тлѣющія дрова.

— Экъ у васъ какая темень! Не догадаетесь лампу засвѣтить!—говоритъ, появляясь въ дверяхъ, толстая женская фигура.

Слышенъ звукъ стекла, чиркаетъ спичка и на письменномъ столѣ начинаетъ разгораться лампа.

— Маланья Осиповна, я пропащій человекъ! раздается съ дивана,—я и Сбогарь мы оба куда негодные, старые псы.

— Сбогарь домъ караулить! По ночамъ лаетъ. Прошлую ночь лаялъ, лаялъ—надоѣлъ даже!

— И такъ, вы отдаете преимущество Сбогару? Вѣрно и вполне справедливо!

— Нечего жалостныя слова говорить! Надоѣло слушать! говорить Маланья Осиповна.

— Что же дѣлать, если я не умѣю лаять!

— А ну васъ, право! добродушно смѣется толстая Маланья Осиповна, — выдумщикъ, право выдумщикъ! Заприте ко за мною дверь, я за сахаромъ сбѣгаю, сахаръ весь вышелъ! Пить что то хочется.

— А мнѣ хочется напиться!

— Вотъ еще новость! На какіе-такіе капиталы?

Маланья Осиповна скрывается за дверью. Графъ встаетъ и идетъ слѣдомъ. Сбогаръ провожаетъ его скучливымъ взглядомъ.

На крыльцѣ графъ замѣчаетъ изящнаго молодого человѣка, раскланивающагося съ Маланьей Осиповной.

— Никъ! восклицаетъ графъ, — это ты? Какими судьбами? Что за маскарадъ?

— Я, дядя, я, собственной персоной! Pardon!

Молодой человѣкъ приподнимаетъ цилиндръ во слѣдъ удаляющейся Маланьи Осиповны, обнимаетъ старика и весело, молодо хохочетъ, обнаруживая два ряда ровныхъ, бѣлыхъ какъ молоко зубовъ.

— Опять какая нибудь недостойная авантюра! ворчитъ старикъ, провожая въ свою комнату молодого человѣка, да — еще пожалуй подъ бандеролью дяди! Шалишь, мой милый; на этотъ разъ нѣтъ моей бандероли!

— Ты угадалъ, дядя! говоритъ молодой человѣкъ, вынимая серебряный портсигаръ и протягивая его старику, — очень маленькая и очень невинная авантюра!

— Сигары! восклицаетъ старикъ, беря толстую, въ золотомъ ободкѣ сигару, — ну да, такъ и есть! Получилъ отъ отца деньги, удралъ изъ училища, переодѣлся, накупилъ разной бесполезной дряни и явился смущать покой стараго, суроваго монаха! Цѣлый рядъ преступленій!

Старикъ закуриваетъ сигару и откидывается на спинку дивана.

— О, дядя, дядя! восклицаетъ юноша, — будь хоть чуточку справедливъ! Это дрянъ, что ты куришь?

— Немного крѣпки! Я люблю изъ среднихъ.

— Знаю! Но тѣхъ не было. Куда это она ушла?

— Маланья Осиповна изволила выйти купить сахару.

— Значить, предстоитъ мѣщанское чаепитіе въ прикуску и приглядку... en deus!

— Молчать, негодный! Не смѣй оскорблять дядю въ домѣ, гдѣ онъ нашелъ свой предпоследній пріютъ! Сбогаръ, посмотри на этого молодого повѣсу и рѣши, не заслуживаетъ ли онъ, чтобы ты откусилъ ему носъ?

Но Сбогаръ стоялъ въ ногахъ молодого человѣка и, положивъ морду на колѣно, умильно смотрѣлъ на того.

— Предательскій песъ! воскликнулъ графъ, — замѣть, другъ мой, ибо то, что я скажу, можетъ, — чего не дай Богъ, ко-

нечно,—пригодиться со временемъ и тебѣ. Лукавство и предательство являются послѣдствіемъ лишеній. Бѣдняки предають другъ друга на каждомъ шагѣ! Сбогарь уже на этомъ скользкомъ пути. Онъ свелъ знакомство съ однимъ добродѣтельнымъ дворникомъ, получаетъ отъ него подачки и проводитъ съ нимъ ночи! О!

— Это старо, какъ міръ, дядя! И давнымъ давно всѣмъ извѣстно!

— И это ты мнѣ говоришь, птенецъ? О, tempora, o mores! На кухнѣ стукнула дверь.

— Маланья Осиповна? спросилъ молодой человѣкъ.

— Надо полагать!

— Ну, въ такомъ случаѣ, незачѣмъ терять золотого времени! Дядя, я тебя приглашаю отобѣдать со мной!

— Другъ мой, я обѣдалъ!

— Въ которомъ часу?

— Въ два.

— А теперь шесть! Человѣкъ перевариваетъ пищу втеченіе четырехъ часовъ...

— Прибавь: «а твою пищу, дядя, можно переварить въ полтора часа»! Но какія у тебя глубокія познанія въ физиологіи! Чортъ возьми, откуда сіе? Неужели ты читаешь?

— Изъ жизни! Читаю книгу жизни!

— Хе, хе! Молодецъ, Никъ! Постой, куда же мы поѣдемъ?

— Къ Эрнесту, дядя!

— Мило, но...

Графъ выразительно посмотрѣлъ на свой пиджакъ и панталоны.

— Мы возьмемъ кабинетъ.

— Не дурно! Постой, да у меня, помнится, была запасная сорочка!

Графъ подошелъ къ комоду, порылся въ ящикѣ, досталъ рубашку и отправился съ нею за ширму, ограждавшую часть дивана.

— Видишь ли, другъ мой,—продолжалъ старикъ, копошась за ширмой и высовывая изъ за нея то одинъ, то другой рукавъ рубашки,—я такъ съ дѣтства воспитанъ. Покойная матушка говаривала: «все что хочешь, n'importe quelle misère, но чтобы у тебя всегда были: чистое бѣлье и сапоги безъ заплатъ»! Ну-съ, теперь уговоръ!—сказалъ графъ, выходя въ бѣлоснѣжной рубашкѣ,—на обѣдъ я согласенъ, но на дальнѣйшее—ни-ни! Такъ и знай!

— Тамъ будетъ видно, дядя.

— Ничего не видно! Ты долженъ дать честное слово благороднаго человѣка, что все ограничится обѣдомъ! Чортъ возьми, долженъ же я соблюдать твою нравственность, polisson!

— Дядя! Ни слова о нравственности! Она не пострадает! Но, как честный человекъ, я долженъ тебѣ сказать, что у меня есть... маленькій планъ... совсѣмъ, совсѣмъ невинный планъ, о которомъ я тебѣ сообщу только за обѣдомъ!

— Противный мальчишка!

— Дядя, клянусь тебѣ, что тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго.

— *Voilà!* Я хочу тебѣ вѣрить, и вѣрю! Маланья Осиповна!—крикнулъ графъ, отворяя дверь въ кухню,—пожалуйте сюда!

— Ну, что тамъ еще!

— Маланья Осиповна, къ величайшему сожалѣнію я долженъ васъ покинуть и ѣхать обѣдать съ этимъ молодымъ человекомъ.

— А домой то когда будете?

— Это праздный вопросъ, Маланья Осиповна!

— А ну васъ совсѣмъ!—махнула рукою та и скрылась.

— Удивляюсь! Ты подкупилъ ее чѣмънибудь?—спросилъ старикъ.

— Пустяки!

— Отвѣчай: что ты привезъ?

— Ну, коробку конфетъ! Пустяки!

Старикъ подошелъ къ молодому человеку и морщинистой рукою молча провелъ по его, гладко остриженной, головѣ.

— Что же, ты готовъ, дядя?

— Совершенно, племянничекъ!

Они вышли. Сбогаръ провелъ ихъ до крыльца и, съ тоскою моргая глазами, смотрѣлъ, какъ они проходили темный, пустынный дворъ.

У воротъ ждала пролетка на резиновыхъ шинахъ. Дождь пересталъ, на небѣ показались звѣзды. Графъ откинулся на спинку сидѣнья, протянулъ ноги и съ удовольствіемъ вдыхалъ свѣжій воздухъ, смотря вдаль на двойной рядъ фонарей, красными точками освѣщавшій безлюдный Каменноостровский проспектъ.

У подъѣзда ресторана, освѣщеннаго электрическимъ шаромъ, стояла группа лакеевъ—большинство татаръ. Одинъ изъ слугъ, оказавшійся Порфиріемъ, сбѣжалъ на песокъ, отстегнулъ фартукъ и подъ руки помогъ сойти графу.

— Пожалуйста, ваше сіятельство!—тономъ глубочайшаго уваженія произнесъ онъ.

Слѣдуя за Порфиріемъ, дядя и Никъ прошли черезъ залу въ небольшой кабинетъ, выходившій окнами въ садъ.

— Обѣдать!—сказалъ Никъ.

Съ обычной неторопливостью, тихо, степенно и ловко, Порфирій мѣнялъ блюда, и, наливъ въ бокальчики золотистаго Ючисберга, удалился незамѣтно, какъ тѣнь.

— Ну, племянничекъ, скажи мнѣ теперь, что новаго въ свѣтѣ!—спросилъ графъ, отпивъ вина и откидываясь на спинку дивана.

— Маруся выходить замужъ.

— Вотъ какъ! За кого же?

— За Вѣтрицкаго.

— Кавалергарда?

— Нѣтъ. Онъ изъ «удѣловъ».

— А! Не знаю такого! Братъ того?

— Кузенъ. Человѣкъ съ хорошимъ положеніемъ.

— Да, но это, все-таки, не то, о чемъ она нѣкогда мечтала.

— Они любятъ другъ друга!

— А madame Fidonc, все еще спиритка?

— Да, немножко!

— Какъ немножко? Она вся была во власти спиритовъ.

— Теперь она занимается поэзіей.

— Что ты говоришь? Пишетъ стихи?

— Да! Символическіе!

— Какіе?—съ глубокимъ удивленіемъ спросилъ графъ.

— Символическіе!

— Что же это за стихи?

— Очень звучные... красивые... съ такимъ, немножко страннымъ содержаніемъ... Теперь это въ модѣ.

— Да что такое? Объясни мнѣ, пожалуйста!

— Лучше всего было бы процитировать, но я не помню ни одного. Трудно запоминаются! Видишь-ли, это дѣлается такъ: мы собираемся иногда, у tante Dorothée или у Вѣтрицкихъ, или еще у кого-нибудь, ну... и начинаемъ сочинять. Ктонибудь скажетъ строчку, только непременно, чтобы это было оригинально... другой скажетъ еще строчку... И совсѣмъ не надо, чтобы между ними была какая-нибудь связь.. Просто такъ!.. Ха, ха! Я теперь вспомнилъ: какъ-то мнѣ вадумалось пустить выраженіе: «мѣхъ моей души». Это произвело фуроръ!

— «Мѣхъ души»! Послушай, да вы всѣ сумасшедшіе! — воскликнулъ графъ.

— Ну, вотъ еще, дядя! Какіе сумасшедшіе! Просто такъ! Согласись, вѣдь это оригинально? Правда, оригинально?

— Оригинальность, другъ мой, не должна исключать здраваго смысла! Или вы просто дурачитесь, тогда Богъ васъ прости, или вы съ ума сошли!

— Ну, конечно, мы много дурачимся, но у Fidonc есть премилыя вещички! Знаешь, она беретъ какое-нибудь настроеніе... что-нибудь смутное, фантастическое, безъ всякой мысли, безъ всякаго содержанія... это бываетъ у каждого человѣка...

— Да, но человекъ обращается за помощью къ здоровому смыслу и при посредствѣ его изгоняетъ изъ головы чушь!

— Затѣмъ, если эта чушь красива, поэтична, если она дѣйствуетъ на чувство? Напримѣръ, этотъ большой бокалъ. Вглядишься въ него, не находишь-ли ты, что въ его толстомъ брюшкѣ, въ грани, въ подставкѣ,—есть что-то самоувѣренное? *Fidonc* такъ сейчасъ бы и написала: «самоувѣренный бокалъ, ты блестяешь гранью мірозданья!» Или что нибудь въ этомъ родѣ!

— Скажи, пожалуйста, когда ее отправятъ на 11-ю версту?

— Затѣмъ? Надняхъ она выпускаетъ сборникъ стиховъ... для своихъ, конечно! Это будетъ нѣчто удивительное!

— Напримѣръ?

— Во-первыхъ, на великобѣиной, изжелта-розовой китайской бумагѣ и очень узенькая, длинная книжка. Это модно! Виньетка такая: голая дѣвушка на скалѣ бросаетъ въ бездну покрывало, а въ тѣло дѣвушки со всѣхъ сторонъ вливаются блестящіе, тонкіе штрихи и, такъ сказать, образуютъ ореолъ. Заглавіе книжки: «Бриллиантовые острія».

— Ба, ба, племянничекъ, стой! Это заимствовано!

— Откуда?

— Изъ романа Золя—«*L'oeuvre*». Тамъ художникъ Клодъ изобразилъ огромную голую женщину, изъ живота которой исходитъ сіяніе. Только у Золя Клодъ представленъ сумасшедшимъ, а вѣдь вы считаете эту *Fidonc* особой здравомыслящей?

— Совершенно! Нѣтъ, дядя, сознайся, ты отсталъ и не можешь понять новаго направленія.

— Никто не въ состояніи понять сумасшедшаго, кромѣ его самого и такихъ же несчастныхъ, какъ онъ самъ. Ай, ай, племянничекъ, до чего вы доплясались съ вашими эксцессами! Неужели и ты такой?

— Нѣтъ! Вѣдь я не пишу стиховъ!

— Слава Богу!

— Кромѣ того, я занятъ другимъ!

— А, понимаю!

— Боюсь, дядя, что не понимаешь!

— Ну, полно! Ты велосипедистъ! Я знаю!

— Былъ! Но теперь мнѣ этотъ спортъ надоелъ! Я интересуюсь борьбой.

— Что? Какой борьбой? Часъ отъ часу не легче!

— Борьбой атлетовъ!

— Ахъ! Видѣлъ я на афишахъ! Ну, это низменно, другъ мой! Это для плебса!

— Ты ошибаешься, дядя! Мы всѣ, все наше общество страшно увлекаемся борцами. У насъ только и разговора, когда сойдемся! Во всѣхъ гостиницахъ ты увидишь карточки атлетовъ, даже у барышень, въ будуарахъ...

— Впрочемъ, если вамъ не о чемъ бесѣдовать...

— Ну, положимъ...

— Конечно, не о чемъ! Въ особенности молодежи вашего круга. Спорты... борьба,—что это такое? Не понимаю! Въ мое время, другъ мой, молодежь увлекалась философскими доктринами. Это были люди, ибо, если человѣка лишить разума, онъ перестаетъ быть человѣкомъ.

— Дядя, зачѣмъ такая несправедливость! Ты забываешь изреченіе: *mens sana in corpore sano!*

— Нѣтъ, другъ мой, помню отлично! Только вотъ *mens*—то у васъ, того, слабоватъ. Ничего твердаго, выработаннаго. Какія-то бессильныя шатанія, какъ у пьянаго! Ты не обижайся, другъ мой. Я знаю васъ! Теперь выдумали борьбу! Что это такое? Символическіе стихи, дѣйствующіе на душу, и грубая, физическая потѣха. Какое странное сочетаніе крайностей! Я понимаю борьбу за существованіе,—я вижу ее всюду, куда меня толкаетъ судьба, я понимаю борьбу за идею, за идеалы—было такое время и были такіе борцы,—но кулачная расправа... извини меня,—она мнѣ мерзитъ!.. А вы, ваше общество наслаждается ею. Но я знаю и тебя. Ты еще не такой, у тебя есть искра!

— Дядя, я боюсь! Боюсь, что если я тебѣ сдѣлаю одно предложеніе, ты скажешь, что во мнѣ погасла и эта искра!

— Легонькіе кутежи, другъ мой, искры не погасятъ. Хотя сегодня я не расположенъ кутить. Нѣтъ, нѣтъ! У меня большая непріятность! Два часа тому назадъ мнѣ казалось, что я могу заглушить хмѣлемъ эту большую непріятность, теперь я убѣжденъ, что этого не будетъ... Еще хуже! Впрочемъ,—довольно. Налей!

— Что же это за непріятность, дядя? Ахъ да, ты получишь отвѣтъ?

— Въ немъ вся суть!

— Отказъ?

— Ходатайство отклонено!

— Дядя, конечно, это тебѣ очень, очень непріятно. Но... Знаешь ли что... не подумай ли ты, что это даже... ну, однимъ словомъ, что это не Богъ знаетъ какая утрата...

— Утрата вашего общества? Конечно, другъ мой!—съ волненіемъ заговорилъ графъ, всталъ и началъ ходить по ковру кабинета.—Конечно, конечно. Въ особенности въ его настоящей стадіи. Среди васъ мнѣ нечего дѣлать. У васъ: «*bouche de miel, coeur de fiel!*» Въ сущности то же вездѣ, но у васъ дѣлается это безъ нужды, вы замерли въ условныхъ рамкахъ лжи и приличія. Мое общество — куда интереснѣе! Тутъ борьба за существованіе и какъ нѣчто вытекающее изъ нея — прогрессъ человѣчества! Кромѣ того я бѣднякъ, а бѣдняки у

васъ не мыслимы. Ну, да и огрубѣлъ я порядочно. Жизнь, которую я веду—не падить, нѣтъ, не щадить! Появись я въ вашихъ гостиныхъ,—меня сочтутъ за выходца съ того свѣта, Fidone напишетъ по этому случаю цѣлый рядъ символическихъ стихотвореній. Положимъ, мнѣ было бы только смѣшно. Смѣшно, что такъ у васъ боятся произнести мое имя, смѣшно, что тебя не пускаютъ ко мнѣ, и ты являешься какъ тать въ ночи. Но, другъ мой, есть вещи, которыхъ не трогаютъ смѣхъ, ты понимаешь? Я хочу называться своимъ настоящимъ именемъ. Я требую. И мнѣ оно нужно только для самого себя, только, замѣть!

Графъ снова заходилъ по кабинету большими шагами.

— Ты взволнованъ, дядя, ты страшно взволнованъ,—заговорилъ Никъ,—не выпить ли намъ еще? Это успокоиваетъ.

— Давай!

Порфирій принесъ новую бутылку Иоганисберга. Графъ залпомъ выпилъ бокальчикъ, но не переставалъ ходить изъ угла въ уголъ. Никъ полулежалъ на диванѣ, насвистывая мотивъ изъ новой оперы.

— Поѣдемъ куда нибудь?—предложилъ Никъ,—нужно разсѣяться!

— Куда же, другъ мой?

— Куда нибудь... хоть въ оперетку.

— Въ оперетку?—поморщился тотъ,—а впрочемъ, мнѣ рѣшительно все равно! Бываютъ, знаешь ли, такія настроенія, когда чѣмъ хуже — тѣмъ лучше, — когда даже хочется гадостей!

— Значить ѣдемъ?

— Повторяю: мнѣ рѣшительно все равно!

Никъ позвонилъ и расплатился.

Черезъ полчаса взмыленный рысакъ подвозилъ обоихъ къ саду Неметти. На открытой сценѣ шелъ первый актъ «Бокачіо». Углубленный въ свои мысли графъ почти не слушалъ. Когда дубовыя остроты исполнителей вызвали въ публикѣ взрывы смѣха, графъ, словно очнувшись отъ сна, поднималъ голову и съ удивленіемъ смотрѣлъ направо и налево. «Чему они смѣются?» спрашивалъ его недоумѣвающий взглядъ.

— Послушай, другъ мой,—сказалъ онъ Нику послѣ второго акта, отводя его въ глубину сада,—объясни мнѣ, пожалуйста, что это такое?

— У Смолиной пріятная фигура!

— А, это дѣло другое! Къ ней идетъ мужской костюмъ и она умѣетъ его носить! Но при чемъ тутъ Бокачіо? Я его не узнаю, не помню въ этомъ странномъ исполненіи!

— Видишь ли, дядя, онъ приспособленъ къ сценѣ.

— А! Приспособленъ! Теперь я понимаю! Кажется нынче

такая полоса? Ну Богъ съ нимъ, съ этимъ Бокачіо, слушать его я не намѣренъ.

— Я думаю мы могли бы напиться чаю? Вечеръ довольно свѣжій,—замѣтилъ Никъ, быстрымъ взглядомъ окидывая съѣжившуюся въ лѣтнемъ пальто фигуру дяди.

— Съ удовольствіемъ, другъ мой.

Бъ чаю Никъ потребовалъ рому. Графъ молчалъ, но когда подали ромъ, началъ усердно подливать себѣ въ стаканъ.

— Знаешь что, дядя? Здѣсь дѣйствительно скучно!—сказалъ Никъ, послѣ третьяго стакана,—теперь скоро одиннадцать... поѣдемъ посмотрѣть борьбу? Будь добръ, поѣдемъ!

— А, плутъ!—воскликнулъ старикъ,—теперь я тебя раскусилъ! Ты нарочно заставилъ меня проскучать цѣлый вечеръ, чтобы вести потомъ на какую-то борьбу. Сознайся, все клонилось къ тому?

— Не совсѣмъ, дядя, но я долженъ тебѣ сказать, что это отчасти входило въ мои расчеты! Борьба гораздо интереснѣе. Поѣдемъ, и увидишь!

— Другъ мой, я уже сказалъ тебѣ, что мнѣ рѣшительно все равно! Только отвѣть мнѣ, пожалуйста, на одинъ вопросъ! насъ тамъ не убьютъ?

— Убьютъ? На какомъ основаніи?

— А Богъ васъ знаетъ въ какой труппѣ происходитъ у васъ этотъ спектакль. На всякій случай не мѣшало бы захватить палку? А?

— Поѣдемъ, и увидишь! — многозначительно отвѣчалъ Никъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Баранцевичъ.

Юность.

На размашистыхъ крыльяхъ, съ вѣтрами
Юность насъ къ недоступному мчить,
Щедро путь усыпаетъ цвѣтами
И слезами ихъ страстно кропить.

Неудачи, коварство, измѣна,
Грузъ свинцовый попутныхъ заботъ,—
Все, какъ въ бурю налетная пѣна,
По поверхности жизни плыветъ.

Смѣйся, пой и люби безъ тревоги,
Пусть звучать твои пѣсни, какъ громъ.
Жизнь для смерти даруютъ намъ боги;
Только разъ мы въ безсмертьи живемъ.

Только разъ мы мечтой вдохновенной
Постигаемъ восторгъ не земной.
Только юность къ безсмертью вселенной
Пріобщается чистой душой.

А. М. Федоровъ.

Исторія какъ наука.

I.

«Чѣмъ служить для индивидуума разумъ, тѣмъ исторія служить для человѣческаго рода. Въ силу именно разума человѣкъ не ограничивается, подобно животному, узкою сферою непосредственно-настоящаго, но познаетъ и несравненно болѣе продолжительное прошлое, съ которымъ это настоящее связано, и изъ котораго оно вышло, и только черезъ это онъ пріобрѣтаетъ дѣйствительное пониманіе настоящаго и можетъ даже дѣлать выводы и о будущемъ». «Только въ исторіи народъ достигаетъ своего полнаго самосознанія, поэтому на исторію надо смотрѣть, какъ на разумное самосознаніе человѣческаго рода».

Едва ли можно болѣе вѣрно и краснорѣчиво опредѣлить значеніе исторіи въ умственномъ обиходѣ человѣчества, чѣмъ это сдѣлано Шопенгауэромъ въ приведенныхъ словахъ *). Мы привели, однако, ихъ не столько ради заключающейся въ нихъ положительной истины, сколько для того, чтобы показать, какъ съ подобнымъ, можно сказать, восторженнымъ отношеніемъ къ исторіи, какъ «самосознанію человѣческаго рода», можетъ совмѣщаться безпощадно-отрицательное и высокоумно-презрительное отношеніе къ ней, какъ къ *науке*. Исторія не имѣетъ права на мѣсто въ ряду наукъ въ собственномъ смыслѣ, «такъ какъ она не можетъ похвастаться такими же достоинствами, какъ прочія; въ ней нѣтъ основного характера всякой науки, т. е. подведенія знанія подъ общее понятіе; вмѣсто того она даетъ только координацію своихъ данныхъ. Поэтому нѣтъ никакой системы исторіи, какъ есть въ каждой изъ другихъ. Хотя она и даетъ знаніе, но она не наука, ибо нигдѣ она не познаетъ частнаго посредствомъ общаго... Науки, такъ какъ онѣ представляютъ изъ себя системы понятій, говорятъ всегда только о видахъ, а исторія говоритъ объ индивидуумахъ. Поэтому ее можно было бы назвать наукою объ индивидуумахъ, если бы въ этомъ выраженіи не было противорѣчія. Изъ этого же положенія слѣдуетъ, что науки говорятъ о томъ, что существуетъ

*) Шопенгауэръ. Миръ, какъ воля и представленіе, стр. 542.

№ 4. Отдѣлъ II.

всегда, а исторія только о томъ, что было разъ и чего уже болѣе нѣтъ» *). «Далѣе, исторія имѣетъ дѣло безусловно съ частнымъ и индивидуальнымъ, что неисчерпаемо уже по своей природѣ; поэтому она знаетъ все только приблизительно и на половину» **). Въ концѣ концовъ Шопенгауэръ приходитъ къ заключенію, что исторія въ сущности представляетъ собой «предметъ почти недостойный серьезнаго и труднаго изученія со стороны человѣческаго духа» ***).

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ суровый приговоръ вылился изъ-подъ пера знаменитаго пессимиста, и не одинъ крупный шагъ впередъ одѣлала тѣмъ временемъ историческая наука; и однако же оказывается, что «приговоръ» Шопенгауэра далеко не можетъ быть зачисленъ въ разрядъ «забытыхъ словъ». Время отъ времени, вплоть до нашихъ дней, продолжаютъ раздаваться голоса, варьирующіе на разные лады этотъ пессимистическій приговоръ объ исторіи, какъ наукѣ. Какъ на одинъ изъ новѣйшихъ вариантовъ въ этомъ родѣ, можно указать, ради примѣра, на недавно выпущенную брошюру, переведенную и по русски, подъ заглавіемъ «Соціологія и политика», въ которой авторъ, одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ соціологовъ, Гумпловичъ ****), между прочимъ развиваетъ отрицательный взглядъ на исторію, какъ науку, причемъ не только заимствуетъ у Шопенгауэра сущность его взглядовъ, но старается также не отстать по возможности отъ своего образца въ рѣзкости приговора и самоувѣренности тона, забывая, очевидно, что *quod licet Jovi, non licet bovi*. Въ интересахъ самаго дѣла, было бы гораздо лучше, еслибы Гумпловичъ, вмѣсто варьирования словъ Шопенгауэра и высокомернаго третирования историковъ, ограничился бы тѣмъ заявленіемъ, которое онъ дѣлаетъ на 19-й страницѣ своей брошюры, постаравшись, конечно, доказать послѣднее чѣмъ нибудь болѣе убѣдительнымъ, нежели одни голословныя сужденія и приговоры. Мы имѣемъ въ виду слѣдующее заявленіе Гумпловича: «Тезисъ Шопенгауэра, что исторія не наука, какъ онъ былъ формулированъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, до сихъ поръ остается не опровергнутъ». Гумпловичъ, очевидно, не отдаетъ себѣ отчета въ существованіи огромной разницы между его собственнымъ положеніемъ и положеніемъ, въ которомъ находился Шопенгауэръ. Одно — разсуждать объ исторіи, какъ наукѣ, до Ранке, Моиссена, Бокля, другое — разсуждать о томъ же предметѣ *послѣ* нихъ. Здѣсь вѣдь дѣло идетъ не просто о нѣсколькихъ именахъ авторовъ историческихъ сочиненій, а о нѣсколькихъ этапахъ въ прогрессивномъ движеніи исторической науки. Солидарность съ

*) Тамъ же, стр. 536.

**) Тамъ же, стр. 536.

***) Тамъ же, стр. 538.

****) Авторъ соч. *Rassenkampf und Grundriss der Sociologie*, оба соч. переведены на франц. яз. ,

«приговоромъ» Шопенгауэра диктуетъ Гумпловичу задачу—доказать, что этотъ приговоръ нисколько не потерялъ своей силы, не смотря на сдѣланный исторической наукой, за истекшія съ того времени восемьдесятъ лѣтъ, огромный шагъ впередъ. Гумпловичъ, однако, безусловно уклонился отъ этой задачи, чувствуя, быть можетъ, что дѣйствительно его положеніе хуже... Шопенгауэровскаго.

Но полемика съ Гумпловичемъ не входитъ въ нашу задачу; мы хотѣли отмѣтить тотъ фактъ, что отрицательный приговоръ надъ исторіей, произнесенный Шопенгауэромъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не приходится считать отошедшимъ въ область преданій.

Какъ это ни странно, но историки, съ своей стороны, оставались до послѣдняго времени довольно глухи къ раздававшимся время отъ времени, какъ эхо шопенгауэровскаго «приговора», голосамъ разныхъ скептиковъ по адресу исторіи и продолжали «идти своею дорогою», согласно извѣстному правоученію:

А ты своей дорогою ступай,

Полають—да отстануть...

Однако дѣйствительность до такой степени мало оправдывала увѣренность, выражаемую второй половиной правоученія, что атакуемые усомнились въ концѣ концовъ и въ непогрѣшимости первой его части. Дѣйствительно, въ послѣднее время и «цеховые» историки начинаютъ мало по малу подниматься на защиту историческаго знанія, которую они прежде снисходительно предоставляли «дилетантамъ» и «профанамъ». Мало того, они начинаютъ выступать не только какъ полемисты-защитники правъ своей науки отъ посягательствъ скептиковъ, но начинаютъ проявлять и самостоятельный починъ, въ смыслѣ положительнаго теоретическаго обоснованія и построения исторіи какъ науки. Новѣйшая серьезная попытка въ этомъ направленіи принадлежитъ одному изъ французскихъ историковъ Лакомбу. Сочиненіе послѣдняго *Histoire considérée comme science* вышло недавно и въ русскомъ переводѣ, подѣ произвольно и совершенно неосновательно измѣненнымъ заглавіемъ: *Соціологическія основы исторіи* *). Соціологія авторъ касается лишь вскользь и вовсе не вдается въ обсужденіе вопроса объ отношеніи ея къ исторіи, хотя, впрочемъ, и успѣваетъ мимоходомъ обнаружить довольно основательное... непониманіе сущности этого отношенія. Центръ тяжести изслѣдованія автора лежитъ какъ разъ именно въ томъ вопросѣ, который формулированъ въ заглавіи подлинника. Это—вопросъ объ исторіи, какъ наукѣ. Задача автора

*) Можно говорить объ историческихъ основахъ соціологии, но ужъ никакъ не о соціологическихъ основахъ исторіи. Отмѣчаемъ это, какъ одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ господствующей путаницы понятій, относящихся къ области исторіи и соціологіи. Мы надѣемся, въ другомъ мѣстѣ, побесѣдовать обстоятельнѣе объ этомъ предметѣ.

выяснить и опредѣлить тѣ условія, при которыхъ возможна исторія, какъ наука—равноправная и равноцѣнная по своему теоретическому достоинству съ науками въ собственномъ смыслѣ, съ науками *признанными*. «Впрочемъ»,—оговаривается онъ,—«я не претендую создать въ этой книгѣ систему исторіи, какъ науки; я хочу только выяснить тѣ пути, которые ведутъ къ этой цѣли (стр. 57)». Это въ сущности ни что иное, какъ болѣе скромная формулировка той же самой задачи, которую, въ болѣе рѣшительной формѣ, ставилъ себѣ еще Бокль. «*Исторія цивилизаций въ Англіи*» представляетъ собою первую серьезную попытку «поднять исторію на степень науки». Поставить вопросъ, формулировать проблему—представляетъ часто научную заслугу не менѣе важную, чѣмъ самое рѣшеніе вопроса. Вотъ почему сочиненіе Бокля не утратило своего значенія до сихъ поръ, не смотря на то, что давнымъ давно общимъ голосомъ критики признана несостоятельность его конструктивной попытки. Если Бокль не разрѣшилъ проблемы, то во всякомъ случаѣ онъ первый отчетливо сформулировалъ ее. Благодаря этому, сочиненіе Бокля никогда не потеряетъ вполне своего значенія, такъ какъ отмѣчаетъ собою важный моментъ въ развитіи исторической науки.

Тѣмъ непростительнѣе обнаруживаемое Лакомбомъ незнакомство съ своимъ главнымъ предшественникомъ въ этой области. Единственнымъ извиненіемъ, и то довольно сомнительнымъ, можетъ служить Лакомбу развѣ то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ онъ въ сущности раздѣляетъ лишь общій недостатокъ французскихъ ученыхъ, беззастѣночно широко пользующихся рецептомъ Конта относительно «мозговой гигиены». Въ продолженіе двадцати лѣтъ, говорить знаменитый творецъ «положительной философіи»,—я держался правила, въ видѣ нѣкотораго рода *мозговой гигиены* (*hygiène cérébrale*), не читать ничего, что бы имѣло, хотя бы даже только косвенно, отношеніе къ предмету моихъ настоящихъ занятій *). Можно усомниться въ спасительности такой умственной эпитеміи и по отношенію къ самому Конту; напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что его знаменитый *Курсъ положительной философіи* былъ бы свободенъ отъ нѣкоторыхъ крупныхъ промаховъ, при нѣсколько менѣе строгомъ воздержаніи автора отъ знакомства съ философійю своихъ предшественниковъ и современниковъ. Это съ одной стороны, а съ другой, инымъ усерднымъ не по разуму послѣдователямъ контовской «дѣты» не мѣшало бы помнить ту общеизвѣстную истину, что «что одному здорово, то другому—смерть». Оставляя пока открытымъ вопросъ о томъ, которая изъ двухъ частей этой истины болѣе оправдалась на Лакомбѣ, замѣтимъ лишь, что нѣсколько менѣе строгій умственный аскетизмъ въ духѣ Конта могъ бы, кажется намъ, оказаться еще болѣе полезнымъ для нашего

*) Cours de philosophie positive, т. VI: Préface personnel.

автора, чѣмъ для его образца. Немножко помѣтѣ воздержности по рецепту Конта могло бы, по крайней мѣрѣ, предохранить Лакомба отъ попутнаго открытія нѣкоторыхъ Америкъ, послѣ Колумба.

Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Возможно, что именно эта самая воздержность по части знакомства съ работами своихъ предшественниковъ спасла Лакомба отъ повторенія главной ошибки Бокля, заключавшейся, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ хотѣлъ въ исторіи, наукѣ существенно гуманитарной, приложить цѣликомъ и безъ всякихъ оговорокъ методъ естественныхъ наукъ, при чемъ онъ имѣлъ въ виду преимущественно науки о неодушевленной природѣ, т. е. науки физическія. Лакомбу посчастливилось благополучно миновать этотъ подводный камень, о который разбился корабль Бокля.

Но, спрашивается, тѣ новые «пути», которые Лакомбъ взялся показать мореплавателямъ, — свободны ли они-то отъ подводныхъ камней и мелей?

Послѣдуемъ за нашимъ мореплавателемъ, чтобы быть свидѣтелями либо его успѣха, либо его катастрофы на его новыхъ «путяхъ».

II.

Нельзя сказать, чтобы изложеніе Лакомба отличалось стройностью. При всей своей кажущейся ясности и литературной удобопонятности, оно далеко не отличается тѣми же свойствами съ внутренней, логической стороны. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно отличается, напротивъ, крайней разбросанностью, запутанностью и непослѣдовательностью. Чтобы изложить наивозможно кратко идейную суть сочиненія Лакомба, намъ необходимо, поэтому, прежде всего совершенно отрѣшиться отъ порядка изложенія самого автора, сосредоточивъ при этомъ все наше вниманіе исключительно на логической связи основныхъ идей его. Если всмотрѣться пристальнѣе въ послѣднюю, то не трудно уловить главные контуры лежащей въ ея основѣ логической схемы. Это въ сущности не что иное, какъ обыкновенный трехчленный силлогизмъ. *Определение науки вообще* составляетъ въ немъ первую посылку, *анализъ исторической дѣйствительности* — вторую, а *опредѣленіе сущности исторіи, какъ науки* — заключеніе.

И такъ, прежде всего, что такое наука вообще? «Наукою, говоритъ Лакомбъ, называютъ совокупность истинъ, т. е. положеній, устанавливающихъ, что между такими-то и такими-то явлениями существуетъ постоянное сходство. Напримѣръ, всѣ случаи паденія тѣла на поверхность земли имѣютъ между собою то общее, что тѣло падаетъ по вертикальной линіи. Такимъ образомъ, зная, что такое-то тѣло, напримѣръ, шпигъ собора въ Н при паденіи разрушилъ нѣсколько домовъ, мы не обладаемъ еще наукой; это просто свѣдѣніе или знакомство съ фактомъ, реальностью. Однако и конста-

тирование сходства не составляет еще последней цели науки. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и сходство въ сущности представляетъ лишь простую реальность. Для того, чтобы оно могло перейти въ разрядъ истинъ, необходимо другое условіе. Вернемся къ прежнему примѣру: однообразное паденіе тѣлъ становится истинной лишь тогда, когда мы открываемъ связь, существующую между этимъ явленіемъ и явленіемъ болѣе общимъ, всемірнымъ тяготѣніемъ» (стр. 8).

Говоря короче, наука, по Лакомбу, есть совокупность истинъ, констатирующихъ нѣкоторую постоянную связь явленій той или другой категоріи («сходственныхъ») съ нѣкоторымъ болѣе общимъ явленіемъ. Но констатировать постоянную связь между явленіями известной категоріи съ явленіемъ болѣе общимъ, это значитъ установить законъ въ научномъ смыслѣ. Наука, слѣдовательно, есть ни что иное, какъ знаніе о законахъ явленій. Такова въ сущности мысль Лакомба, которая служитъ исходной точкой его концепціи, въ качествѣ первой посылки лежащаго въ основаніи последней силлогизма.

Принципиальной оцѣнкой этой исходной идеи автора мы займемся ниже, а теперь перейдемъ къ ученію автора объ исторической дѣйствительности, которое, какъ выше замѣчено, играетъ роль второй посылки въ логической схемѣ исторіософской концепціи Лакомба.

Анализируя историческую дѣйствительность, Лакомбъ приходитъ къ тому заключенію, что «первичными факторами исторіи» являются нѣкоторыя «постоянныя силы», которыя онъ называетъ *потребностями* (*besoins*, стр. 33, 35, 36, 45, 47 и др.). Эти послѣднія авторъ понимаетъ, съ одной стороны, въ очень широкомъ, съ другой въ совершенно специальномъ смыслѣ. «Всякое дѣйствіе, говоритъ онъ, всякое стремленіе человѣка, направленное къ достиженію какой-нибудь цѣли, имѣетъ свою причину. Въ основѣ ея лежитъ какое-нибудь психическое состояніе, которое мы называемъ потребностью» (стр. 36). Потребности, поясняетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, дѣйствуютъ въ исторіи не какъ реальныя біологическія силы, а какъ почувствованные позывы (*sollicitations senties*, въ русскомъ переводѣ, передано неправильно: «сознанныя стремленія» стр. 35). И такъ, потребность есть все, что выводитъ человѣка изъ пассивнаго состоянія къ дѣятельности, — таковъ широкій смыслъ этого термина. Съ другой стороны, — потребность понимается Лакомбомъ въ нѣсколько необычномъ, специальномъ смыслѣ, именно — въ чисто субъективномъ. Потребность у него существуетъ по столько, по сколько она *ощущается* и, въ качествѣ известнаго *психическаго состоянія*, является мотивомъ человѣческой дѣятельности. Это не есть потребность въ общепринятомъ смыслѣ, а психическій результатъ потребности. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *психологической концепціей* историческаго процесса. Теорія далеко не новая, хотя и мало до сихъ поръ разработанная. Лакомбъ, впрочемъ,

внесъ въ нее одну оригинальную поправку, благодаря которой она перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ ее привыкли считать издавна: антитезой *экономической концепціи* историческаго процесса. Лакомбъ не только далеко отъ отрицательнаго отношенія къ экономическимъ факторамъ, а, напротивъ, отводитъ имъ первенствующую роль въ историческомъ процессѣ. «Благодаря физическому строенію чело-вѣка, говорятъ онъ (стр. 48), дѣятельность экономическая предше-ствуетъ у отдѣльныхъ людей всѣмъ другимъ видамъ дѣятель-ности. Она первенствуетъ надъ ними, и не въ одномъ какомъ-нибудь періодѣ жизни, но во всякое время, ежедневно. Только тогда, когда экономическій мотивъ уже совершилъ свое дѣло, выступаютъ на сцену остальные желанія, на удовлетвореніе кото-рыхъ остается тѣмъ болѣе времени и силъ, чѣмъ менѣе ушло ихъ на экономическую дѣятельность». Это вѣрно не только по отно-шенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, но, равнымъ образомъ, и относительно всякой общественной группы и всего человѣчества въ совокупности. «Извѣстное накопленіе цѣнностей обязательно предшествуетъ появленію умственной культуры» (стр. 54). Это общее правило Лакомбъ называетъ *«закономъ экономического пред-шества»* (*loi d'antécédence économique*). Подъ приведенными сло-вами Лакомба подписался бы любой «экономистъ». Но этотъ лаком-бовскій «экономизмъ» очень просто укладывается въ психологическую схему. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь экономическія силы дѣйствуютъ у него какъ потребности, а эти послѣднія, въ свою очередь, прояв-ляютъ свое дѣйствіе не иначе, какъ въ качествѣ «ощущаемыхъ позывовъ», т. е. нѣкотораго рода психическихъ состояній. Такимъ образомъ «экономика» Лакомба ничуть не думаетъ ссориться съ «психологіей». Однако онъ уживаются вмѣстѣ не на началѣ равно-правія, а на началѣ субординаціи. «Экономика» играетъ подчи-ненную роль по отношенію къ «психологіи», такъ какъ въ концѣ концовъ *первичными* историческими факторами являются всетаки психическія силы, на которыя сводятся, въ послѣднемъ анализѣ, всѣ дѣйствующія въ исторіи силы, не исключая и экономическихъ. Поэтому, мы имѣемъ право смотрѣть на концепцію Лакомба, какъ на видъ «психологизма» (а не «экономизма»).

Историческій «психологизмъ» допускаетъ различныя точки зрѣ-нія, смотря по тому или другому пониманію психологическаго субъекта. Тенъ, напримѣръ, связываетъ психологическую концепцію съ идеей *расы*, Лацарусъ и Штейнталь съ идеей «народнаго духа» (*Volksgeist*), Лебонъ комбинируетъ обѣ эти точки зрѣнія въ своей идее «расовой души» (*âme de race*). Общее всѣмъ этимъ кон-цепціямъ заключается въ *коллективности* психологическаго субъ-екта. Лакомбъ стоитъ какъ разъ на противоположной точкѣ зрѣнія, *индивидуалистической*. Въ противоположность крайнимъ коллекти-вистамъ, допускающимъ историческую реальность лишь за общест-венными группами—семьей, націей, государствомъ—и отрицающимъ

такую реальность за индивидуумами, онъ признаетъ, напротивъ, индивидуумъ единственнымъ реальнымъ субъектомъ историческаго процесса, отрицая при этомъ всякую объективную реальность за субъектами коллективными. «Выраженія *раса, народъ, армія, дворянство* и т. п., представляютъ собой лишь обобщенныя понятія, категоріи» (стр. 205). «Дѣйствія, приписываемыя этимъ воображаемымъ (коллективнымъ) организмамъ, сами по себѣ оказываются въ извѣстномъ смыслѣ воображаемыми. Въ дѣйствительности имѣется лишь совокупность дѣйствій, совершаемыхъ отдѣльными личностями болѣе или менѣе одновременно и сходственно» (стр. 205). «Исторія складывается единственно лишь изъ поступковъ, совершаемыхъ отдѣльными личностями».

Такимъ образомъ все содержаніе историческаго процесса сводится въ послѣднемъ анализѣ къ отдѣльнымъ поступкамъ отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ пунктѣ концепція Лакомба является, какъ мы уже замѣтили, прямой антитезой воззрѣнію Конта и новѣйшихъ коллективистовъ, въ родѣ Лебона и Гумпловича, которые доходятъ въ своемъ «коллективизмѣ» до отрицанія реальности личности *). Послѣднее, впрочемъ, является необходимымъ логическимъ атрибутомъ послѣдовательнаго коллективизма — либо въ видѣ исходной точки, либо въ видѣ конечнаго вывода. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково имѣетъ противъ себя какъ данныя непосредственнаго наблюденія надъ историческою дѣйствительностью, такъ и данныя отвлеченнаго анализа послѣдней. Въ отрицаніи реальности личности — лучшая критическая самоопѣнка послѣдовательнаго коллективизма; оно равносильно засвидѣтельствуванію собственнаго своего *testimonium paupertatis*, какъ исторической теоріи. Но и индивидуализмъ, въ свою очередь, обнаруживаетъ полную несостоятельность свою, въ качествѣ концепціи историческаго процесса, когда, не довольствуясь сведеніемъ всей *человѣческой дѣятельности* на отдѣльные индивидуальныя поступки, пытается привести къ тому же знаменателю и *всю историческую эволюцію*, забывая о той существенно важной роли, какую играютъ въ ней *біологическіе факторы*. Смѣна *человѣческихъ* поколѣній, *эволюціонная* измѣняемость *человѣческаго организма*, *вліяніе* *наслѣдственности* — индивидуальной и коллективной («расы»), все это такіе факторы исторической эволюціи, которые никоимъ образомъ не могутъ быть сведены на индивидуальную психологію («отдѣльные поступки отдѣльныхъ личностей»). Особенно важенъ фактъ постоянной смѣны поколѣній, сопровождающійся постоянными

*) «Какъ въ статическомъ, такъ и въ динамическомъ отношеніи, говоритъ Контъ, *человѣкъ, собственно говоря, есть не болѣе, какъ чистая абстракція, реально только человечество*, особенно въ порядкѣ умственномъ и нравственномъ». *Cours de philosophie positive*, т. VI, стр. 692. Гумпловичъ почти буквально повторяетъ эти слова Конта въ своемъ *Очеркѣ социологіи* равно какъ и въ болѣе раннемъ сочиненіи о *Борьбѣ расъ*.

качественными и количественными измѣненіями въ составѣ человѣческихъ группъ—въ частности, и человѣчества—вообще. Одно поколѣніе смѣнилось другимъ. Что это значитъ? Это значитъ, во-первыхъ, что прежніе актеры сошли съ исторической сцены и на смѣну имъ явились другіе, съ иными индивидуальными фizioноміями, съ иными способностями, наклонностями и вкусами. *Качественная перемѣна*. Но помимо тѣхъ или другихъ индивидуальныхъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ, послѣднихъ либо прибавилось, либо убавилось. *Количественная перемѣна*. Въ результатѣ непрерывной смѣны поколѣній является постоянное обновленіе состава «исторической труппы», съ постояннымъ количественнымъ колебаніемъ послѣдняго. Ясно, безъ дальнихъ разсужденій, какое рѣшающее значеніе должна имѣть смѣна человѣческихъ поколѣній на разыгрываемую на исторической сценѣ «комедію всемірной исторіи».

Любопытно, что Лакомбъ, который вообще выказываетъ наклонность къ отрицанію—мало впрочемъ обоснованному—вліянія біологическихъ факторовъ въ исторіи, самъ же выдвигаетъ фактъ «размноженія», какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ исторической эволюціи (стр. 325). Любопытно здѣсь именно то, что авторъ съ особенной настойчивостью отмѣчаетъ фактъ, о который въ сущности разбивается его теорія историческаго процесса, такъ какъ, въ качествѣ біологическаго факта, онъ не можетъ найти себѣ объясненіе въ *психологіи* — по той же причинѣ, по которой химическое явленіе не можетъ быть объяснено изъ біологіи, а физическое изъ химіи.

Впрочемъ, нѣтъ нужды подробно останавливаться на этой части теоріи Лакомба, уже по тому одному, что дальнѣйшее развитіе его идей сводится, въ своемъ конечномъ логическомъ результатѣ, къ отрицанію той самой индивидуалистической точки зрѣнія, которую онъ такъ рѣшительно выставилъ въ началѣ. Сейчасъ мы убѣдимся въ этомъ воочію, познакомившись съ тѣмъ *заключеніемъ*, которое онъ выводитъ изъ разсмотрѣнныхъ нами двухъ посылокъ.

Итакъ, съ одной стороны, конкретная историческая дѣйствительность состоитъ изъ отдѣльныхъ поступковъ отдѣльныхъ людей, безконечно разнообразныхъ и многообразныхъ въ своей конкретной индивидуальности. Съ другой стороны, наука занимается только тѣмъ, что есть сходственнаго и постояннаго въ явленіяхъ. Таковы тѣ двѣ посылки, которыя лежатъ въ основѣ логической схемы Лакомба. Посылки эти допускаютъ двоякое заключеніе, смотря по тому, которую изъ двухъ половинокъ слѣдующей диллемы принять за истину. «Если люди въ своихъ поступкахъ, въ своемъ поведеніи представляли когда-либо сходство, то это послѣднее можетъ сдѣлаться предметомъ общаго положенія; исторія же, по мѣрѣ накопленія подобныхъ положеній, можетъ сдѣлаться наукой» (стр. 9). Таковая первая часть диллемы. «Если же, напротивъ, жизнь чело-

вѣщества не представляютъ ничего однообразнаго, если поступки каждаго человѣка не имѣютъ ничего общаго съ поступками другихъ людей, то исторія никогда не будетъ наукой». Такова вторая часть дилеммы. Лакомбъ останавливается на первой части: исторія возможна, какъ наука, потому что существуетъ сходство какъ между отдельными индивидуумами, такъ и между отдельными индивидуумами поступками. Въ самомъ дѣлѣ, «у всѣхъ людей имѣются нѣкоторыя общія черты, нѣчто въ родѣ общечеловѣческой природы» (стр. 10). Это даетъ намъ право говорить о «человѣкѣ вообще» и различать въ каждой конкретной личности, съ одной стороны—«человѣка индивидуальнаго» (*homme individuel*), съ другой—«человѣка вообще» (*homme général*). Но дѣло въ томъ, что, «противопоставляя другъ другу человѣка вообще и человѣка какъ индивидуума, обязательно заключающихся въ каждомъ человѣчскомъ существѣ», «мы—сознается авторъ—въ сущности искажали дѣйствительность, ради удобства изложенія» (*sic*) (стр. 10). Авторъ чувствуетъ, что говорить о «человѣкѣ вообще», какъ о чемъ-то реальномъ, является, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, какъ будто бы анахронизмомъ. Совершенно вѣрно замѣчаетъ онъ, что «въ нашъ вѣкъ произошла реакція противъ предшествующаго. Прежде мыслители занимались главнымъ образомъ изученіемъ человѣка вообще; въ наше время признаютъ только человѣка даннаго времени и мѣста» (стр. 10). Человѣкъ даннаго времени и мѣста, или просто—«временный человѣкъ» (*homme temporaire*)—это нѣчто въ родѣ промежуточнаго звена между «человѣкомъ вообще» и «индивидуальнымъ человѣкомъ». Такимъ образомъ, «въ каждомъ человѣкѣ слѣдуетъ различать въ одно и то же время, во-первыхъ, *человѣка вообще*, затѣмъ—*человѣка временнаго* и наконецъ—*человѣка индивидуальнаго*» (стр. 7). «Человѣкъ индивидуальный, т. е. человѣкъ, какъ конкретная личность, взятая въ своей индивидуальной единичности, очевидно не можетъ быть, съ точки зрѣнія Лакомба, предметомъ исторіи, какъ науки, такъ какъ наука занимается не индивидуальнымъ и единичнымъ, а общимъ и сходственнымъ. Не можетъ быть предметомъ научно-историческаго изученія и «человѣкъ вообще», такъ какъ это, по собственному же признанію автора, не что иное, какъ абстракція, отвлеченное олицетвореніе общечеловѣческихъ свойствъ. Остается «временный человѣкъ». Вотъ онъ-то, по Лакомбу, и есть настоящій предметъ науки исторіи. Лакомбъ и называетъ его поэтому «историческимъ человѣкомъ» (*homme temporaire ou historique*) (стр. 113).

Но что же такое въ сущности представляетъ собой этотъ «временный или историческій человѣкъ», этотъ «промежуточный элементъ» между конкретной единицей—«индивидуальнымъ человѣкомъ» и абстрактной величиной—«человѣкомъ вообще»? «Прежде мыслители занимались, говорить онъ, главнымъ образомъ изученіемъ человѣка вообще; въ наше время признаютъ только чело-

вѣка даннаго времени и мѣста». Автору слѣдовало бы сказать болѣе точно, что «въ нашъ вѣкъ» за абстракціей «человѣка вообще» признается право на существованіе только какъ за методологическимъ орудіемъ дедуктивной демонстраціи, въ отвлеченныхъ наукахъ о человѣкѣ, а отнюдь не какъ за какою реальною сущностью; вотъ въ чемъ собственно заключается отмѣчаемая авторомъ «реакція нашего вѣка противъ предшествующаго», который дѣйствительно «искажалъ дѣйствительность», внося въ послѣднюю, въ качествѣ нѣкоторой объективной реальности, чистую абстракцію ума. «Въ наше время признають только человѣка даннаго времени и мѣста» — въ томъ смыслѣ, что объективная реальность признается современною мыслью лишь за конкретнымъ человѣкомъ, разсматриваемымъ въ конкретныхъ условіяхъ его существованія — временныхъ и пространственныхъ, т. е. въ органической связи съ данною исторической средой. Выдѣлить конкретнаго человѣка изъ данной исторической среды возможно лишь въ абстракціи, такъ какъ конкретно онъ неразрывенъ съ «средой» и «моментомъ». Каждый данный человѣкъ непременно носитъ на себѣ отпечатокъ своей «эпохи», и въ этомъ смыслѣ всякій конкретный индивидуумъ есть непременно «человѣкъ даннаго времени и мѣста». Такова современная точка зрѣнія на человѣка, какъ предметъ изученія. Про нее можно сказать, что это *историческая* точка зрѣнія *par excellence*, какъ потому, что она обязана своимъ происхожденіемъ историческому изученію человѣческаго прошлаго, такъ и еще болѣе потому, что это *единственная* точка зрѣнія, съ которой возможно научно-историческое изученіе человѣка. Въ этомъ смыслѣ Лакомбъ былъ бы правъ, называя «человѣка даннаго времени и мѣста» *историческимъ человекомъ*, такъ какъ исторія дѣйствительно изучаетъ человѣка не иначе, какъ въ органической связи съ «данными мѣстомъ и временемъ».

Въ этомъ смыслѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что лакомбовскій историческій человѣкъ очень далекъ отъ «этого смысла». Дѣло въ томъ, что, говоря о «человѣкѣ даннаго мѣста и времени», какъ его «признають въ наше время», Лакомбъ въ дѣйствительности имѣетъ въ виду нѣчто совсѣмъ другое, — нѣчто такое, что «въ наше время» имѣетъ столь же условное право на существованіе, какъ и «человѣкъ вообще». Въ самомъ дѣлѣ, что такое этотъ «временный или историческій человѣкъ», по представленію Лакомба? Подъ временнымъ или историческимъ человѣкомъ, говорить онъ, «мы подразумеваемъ человѣка вообще, измѣненнаго совокупностью своеобразныхъ условій, или — иначе сказать — спеціальною средою» (стр. 113). Другими словами, «историческій человѣкъ въ сущности — тотъ же человѣкъ вообще, побужденія и умственная дѣятельность котораго получили лишь особое направленіе вслѣдствіе спеціальныхъ условій, присущихъ данной эпохѣ» (стр. 51). Что же это значитъ? Да что же другое, какъ не то, что «временный или исто-

рический человекъ» Лакомба есть въ сущности такая же абстракция, какъ и отринутый имъ «человекъ вообще». Подобно послѣднему, это человекъ, лишенный своей конкретной индивидуальности. Отъ человека вообще онъ отличается лишь меньшей степенью отвлеченности, благодаря тому, что общечеловѣческія черты въ немъ пополнены болѣе частными чертами «данныхъ мѣста и времени». *Это не живая конкретная личность, въ ея конкретной исторической обстановкѣ, а все тотъ же абстрактный «человекъ вообще», только съ отпечаткомъ данной эпохи*; сотрите этотъ отпечатокъ—и вы получите чистаго «человѣка вообще». Историческій человекъ, «человекъ даннаго мѣста и времени», какъ его «признать въ наше время», есть *конкретный человекъ на данномъ историческомъ фонѣ*; «историческій человекъ» Лакомба—это на томъ же историческомъ фонѣ—*отвлеченный человекъ, «человекъ вообще»*.

Авторъ правъ, устраняя «человѣка вообще», какъ предметъ историческаго изученія, такъ какъ возведеніе абстрактной фикціи въ объективную реальность, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ явное «искаженіе дѣйствительности». Спасенія отъ такого «искаженія дѣйствительности» онъ ищетъ въ «человѣкѣ даннаго времени и мѣста», который, на повѣрку, оказывается лишь новою абстракціей. Такимъ образомъ, попытка исправить «искаженіе дѣйствительности» разрѣшается въ концѣ-концовъ лишь новымъ искаженіемъ послѣдней на тотъ же ладъ. Подъ именемъ «временнаго или историческаго человекъ», въ которомъ авторъ подмѣнилъ настоящій смыслъ собственнымъ созданіемъ своего доктринерскаго творчества,—онъ вводитъ въ исторію ту самую абстрактную фикцію, которую только что подвергнулъ ostracismу въ лицѣ «человѣка вообще». «Изгнанной» оказывается въ концѣ-концовъ не «искажающая дѣйствительность» абстракция, а составляющая самую душу исторической дѣйствительности живая, конкретная личность. Столь, повидимому, рѣшительный историческій индивидуализмъ разрѣшается, въ конечномъ результатѣ своемъ, въ условную схему, въ которой не остается никакого мѣста для живого индивидуальнаго человекъ: послѣдній, безъ всякихъ церемоній, выкидывается за бортъ исторической дѣйствительности, подлежащей научно-историческому познанію.

Но какъ же, спрашивается, быть при этомъ съ «поступками», изъ которыхъ, какъ самъ же Лакомбъ признаетъ, слагается историческая дѣйствительность? Вѣдь, когда онъ говоритъ, что «исторія слагается единственно лишь изъ поступковъ, совершаемыхъ отдельными личностями», то очевидно, что рѣчь идетъ не объ абстрактныхъ какихъ-нибудь «людахъ вообще», хотя бы и «отмѣченныхъ печатью эпохи», а о живыхъ, конкретныхъ индивидуумахъ, о тѣхъ «индивидуальныхъ людяхъ», которыхъ авторъ подвергнулъ рѣшительному ostracismу изъ подвѣдомственной исторической науки области. Какъ же тутъ быть?

Выхода изъ этого затрудненія Лакомбъ ищетъ въ своей классификаціи элементовъ исторической дѣйствительности, т. е. «поступковъ». Классификацію эту онъ пытается привести въ соотвѣтствіе съ трехсоставнымъ характеромъ своего «индивидуума». Подобно тому, какъ послѣдній совмѣщаетъ въ себѣ «человѣка вообще», «человѣка временнаго» и наконецъ—«индивидуальнаго», такъ и «всякое дѣйствіе носить тройную печать: *общаго, временнаго и единичнаго*» (стр. 12). Авторъ выясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ. «Положимъ, говоритъ онъ, что А женился на Б 19 сентября 1890 г. въ Римѣ, въ присутствіи В, Г, Д и т. д. Если обратить вниманіе на обстоятельства, сопровождавшія эту свадьбу, то нѣкоторыя изъ нихъ окажутся совершенно исключительными; но можно замѣтить и такія, которыя отличаются болѣе общимъ и даже всемірнымъ характеромъ. Тѣмъ, что эта свадьба происходила въ Римѣ, по церемоніалу, принятому въ этомъ городѣ, она походитъ на множество такихъ же свадебъ; а тѣмъ, что она совершена по католическому обряду, она похожа на всѣ католическія свадьбы. Далѣе, какъ союзъ между женщиной и мужчиной, заключаемый навсегда, она напоминаетъ безчисленные подобныя же акты, совершенныя въ разныя времена въ различныхъ странахъ. Наконецъ, съ точки зрѣнія полового стремленія, лежащаго въ основѣ брака, данный актъ является абсолютно всеобщимъ. Теперь, продолжаетъ авторъ, отбѣтимъ, съ другой стороны, тѣ черты, которыя дѣлаютъ данный актъ единственнымъ въ своемъ родѣ; таковы обстоятельства времени и мѣста, равно какъ и личныя особенности новобрачныхъ и свидѣтелей. Съ этой точки зрѣнія, подобный актъ никогда не случался ранѣе и никогда не повторится» (стр. 13). Такой анализъ одинаково приложимъ ко всякому другому конкретному акту человѣческой дѣятельности. «Стоитъ только внимательно присмотрѣться къ дѣлу, чтобы убѣдиться, что всѣ виды человѣческой дѣятельности представляютъ, помимо особенностей, общія и временныя черты». Напримѣръ, битва при Ватерлоо, «которая кажется единственнымъ въ своемъ родѣ, если смотрѣть на нее лишь съ известной точки зрѣнія, представляетъ въ то же время черты болѣе или менѣе общія, повторяющіяся во времени и пространствѣ». Или вотъ еще такой примѣръ. «Купля-продажа, рассматривая абстрактно, является экономическимъ учрежденіемъ, свойственнымъ всѣмъ народамъ. Но если я обращаю вниманіе только на обстоятельства времени и мѣста, на личность продавца и покупателя, на цѣну товара, на прибыль или убытокъ, полученные отъ сдѣлки, и наконецъ на соединеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ чертъ, то буду имѣть фактъ безусловно единичный» (стр. 13—14).

Замѣтимъ, что авторъ не выдержалъ до конца намѣченной было имъ трехчленной классификаціи исторической дѣйствительности, соотвѣтственно трехсоставному характеру своего «индивидуума». Начавъ съ указанія на «тройную печать» всякаго человѣческаго

дѣйствія, соответственно тройственности самого дѣйствующаго субъекта, отъ намѣченную вначалѣ трехчленную схему сводить на двучленную: вѣсто «тройной печати», мы имѣемъ лишь дѣй различныя точки зрѣнія. «Историческіе факты, какъ новосдневныя, могутъ быть разсматриваемы, какъ со стороны ихъ сходства съ другими, такъ и со стороны ихъ различія: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *учрежденіями*, во второмъ—просто съ *событіями*» (стр. 7). Нужно войти въ чисто условный смыслъ этихъ двухъ терминовъ: *событія* (*evenements*) и *учрежденія* (*institutions*). Одинъ и тотъ же фактъ, по мысли Лакомба, можетъ быть разсматриваемъ и какъ событіе и какъ учрежденіе: все дѣло въ точкѣ зрѣнія. «Для ясности и удобства изложенія, говорить онъ (стр. 14), мы будемъ называть фактъ, разсматриваемый какъ единичный — событіемъ, и тотъ же фактъ, разсматриваемый со стороны его сходства съ другими—*учрежденіемъ*». Слѣдовательно, напримѣръ, битва при Ватерлоо, разсматриваемая въ своей конкретной единичности, есть, по этой терминологіи, событіе; но она становится учрежденіемъ, если мы разсматриваемъ ее со стороны ея сходства съ другими битвами, т. е. какъ «битву вообще». То же самое можно сказать и относительно приведеннаго выше примѣра купли-продажи: тутъ также мы будемъ имѣть дѣло или съ «событіемъ» или съ «учрежденіемъ», смотря по нашей точкѣ зрѣнія на данный фактъ.

Легко видѣть, куда клонятся всѣ эти разсужденія автора. Наука, вѣдь, по его представленію, должна заниматься только *общимъ и сходственнымъ*, оставляя въ сторонѣ все *единичное и частное*. Единичное и частное въ исторической дѣйствительности представляется «индивидуальнымъ человѣкомъ» и «событіемъ», общее и сходственное—«учрежденіемъ», на ряду съ «временнымъ человѣкомъ». Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: исторія, какъ наука, должна имѣть дѣло лишь съ *учрежденіями* (на-ряду съ «временнымъ человѣкомъ»); что до *событій* (на-ряду съ «индивидуальнымъ человѣкомъ»), то до нихъ ей нѣтъ никакого дѣла. Дѣйствительно, Лакомбъ заявляетъ, безъ обиняковъ, что «*событіе, по самой природѣ своей, не можетъ стать предметомъ научнаго познанія*, такъ какъ не поддается уподобленію (*assimilation*, въ русскомъ переводѣ передано неточно: *обобщеніе*), составляющему первый шагъ науки» (стр. 7).

Замѣтимъ, что логическая послѣдовательность требовала отъ автора нѣсколько иной формулировки его мысли. Ему бы слѣдовало говорить о различіи двухъ намѣченныхъ имъ точекъ зрѣнія на содержаніе исторической дѣйствительности, а не о «природѣ событія», противоположной «природѣ учрежденія». Впрочемъ, это не единственный случай, что онъ не выдерживаетъ до конца самимъ же себѣ заданнаго тона и постоянно срывается съ него. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, начавъ съ *противоположенія двухъ точекъ зрѣнія на содержаніе исторической дѣйствительности*, отмѣчен-

ныхъ имъ терминами «событія» и «учрежденія», онъ кончаетъ тѣмъ, что начинаетъ *противоположать событія и учрежденія, какъ два различныя элемента послѣдней*. Разграниченіе двухъ точекъ зрѣнія превращается въ размежеваніе самой этой дѣйствительности. Чисто логическая противоположность двухъ точекъ зрѣнія, то-есть явленіе субъективнаго порядка, вдругъ, по шучьему велѣнію, по авторскому хотѣнію, превращается въ объективную противоположность двухъ категорій реальныхъ фактовъ. Соответственно этому странному логическому «превращенію», ненаучность извѣстной точки зрѣнія превращается у автора въ «противонаучность» самаго объекта изученія. Не та или другая точка зрѣнія уже оказывается противонаучной; противонаучной оказывается уже нѣкоторая часть самой дѣйствительности. Дѣйствительно, Лакомбъ, нисколько, повидимому, не подозревавшій всей чудовищности своего «открытія», дѣлитъ историческую дѣйствительность на двѣ «части», изъ которыхъ, по его мнѣнію, «одна должна быть доступна научному познанію, другая же—нѣтъ» (стр. 8). Въ составъ первой части входятъ «учрежденія», второй—«событія». А такъ какъ «событіе» ставится Лакомбомъ въ соотношеніе съ «индивидуальнымъ человѣкомъ», а «учрежденія» съ «временнымъ человѣкомъ», то концепцію автора можно представить съ слѣдующей наглядной схемою:

Историческая дѣйствит.	Познаваемая научно	Учрежденія.
		Временный человѣкъ.
	Научно непознаваемая	Событія.
		Индивидуальн. человѣкъ.

«Изучая исторію»,—говоритъ Лакомбъ,—«мы, понятно, должны становиться исключительно на эту точку зрѣнія» (стр. 8). Исторія только подъ тѣмъ условіемъ можетъ стать наукой въ собственномъ смыслѣ, если будетъ заниматься *исключительно* первую изъ этихъ двухъ «частей исторической дѣйствительности», состоящей изъ «учрежденій», въ связи съ «временнымъ человѣкомъ», предоставивъ другую «часть», состоящую изъ «событій», въ связи съ «индивидуальнымъ человѣкомъ», простой «эрудиціи», потому что только первая изъ этихъ «частей» «доступна научному познанію»; что до послѣдней, то она, «по самой природѣ своей», по своему «противонаучному характеру», «не можетъ стать предметомъ научнаго познанія» (стр. 6 и 16).

Таковъ окончательный результатъ, къ которому приходитъ Лакомбъ относительно условій научности исторіи, таково заключеніе изъ тѣхъ двухъ посылокъ, которыя, какъ мы видѣли, легли въ основаніе его теоретическаго построенія.

III.

Въ этомъ заключеніи, собственно говоря, центръ тяжести всего объемистаго трактата Лакомба, посвященнаго именно развитію и обоснованію этого положенія.

Развивать мысль правильную—значить ее *обосновывать*, развивать ложную мысль—значить *опровергать* ее. Лакомбъ самъ поможетъ намъ рѣшить, къ которой изъ этихъ двухъ категорій должна быть отнесена его теорія. Напомнимъ сущность послѣдней. Научная исторія должна имѣть дѣло исключительно съ учрежденіями, въ связи съ «временнымъ человѣкомъ»; «событіямъ», съ «индивидуальнымъ человѣкомъ» нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ научной исторіи. Не трудно было отвлеченно установить такое положеніе; совсѣмъ иное дѣло, когда авторъ попытался приложить свою абстрактную формулу къ дѣйствительному изученію исторической дѣятельности. Здѣсь оказалось, во-первыхъ, что «всякое учрежденіе начинается съ того, что какой нибудь человѣкъ впервые начинаетъ совершать какое-либо дѣйствіе, потомъ возникаетъ цѣлый рядъ подобныхъ же дѣйствій». «Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ, возникающее *учрежденіе* имѣетъ характеръ индивидуальнаго дѣйствія, т. е. *событія*. Точно также оно не прекращается сразу, а постепенно суживается и кончается такъ же, какъ и началось, въ видѣ индивидуальнаго дѣйствія, *событія*» (стр. 14—15). И такъ, «событіе», выгнанное изъ исторіи въ одну дверь, возвращается въ нее черезъ другую. Оказывается, что всякое «учрежденіе», въ своемъ началѣ, какъ и въ своемъ концѣ, есть всегда нѣкоторое «событіе»; а такъ какъ «научно познать» нельзя никакое данное «учрежденіе», не «познавъ» его начала и конца, то исторической наукѣ, къ великому огорченію Лакомба, волей-неволей приходится имѣть дѣло и съ «противонаучнымъ по природѣ своей» «событіемъ», что и признаетъ самъ авторъ, скрѣпя сердце (стр. 15), оставляя при этомъ читателя въ полномъ недоумѣніи относительно того, какъ совмѣстить въ одной концепціи признаніе безусловной невозможности «научно познать событіе» съ признаніемъ необходимости такого познанія въ извѣстныхъ случаяхъ.

Оставляя въ сторонѣ этотъ лишній примѣръ непринужденнаго обращенія автора съ логикой, замѣтимъ, что, не смотря на все усердіе и бдительность послѣдняго, изгнанный имъ «противонаучный элементъ» вторгается въ исторію еще и съ другой стороны. Историческій процессъ есть нѣкоторое поступательное движеніе, прогрессъ. Лакомбъ не только признаетъ это, но и указываетъ движущую силу этого прогресса. Это движущее начало есть «новшество или изобрѣтеніе» (*innovation ou invention*), вносимое въ исторію «индивидуальнымъ элементомъ» (другое названіе, употребляемое Лакомбомъ для «индивидуальнаго человѣка») (стр. 216). А такъ

какъ, согласно словупотребленію автора, всякое индивидуальное дѣйствіе есть *событіе*, то событіемъ же является и всякое «новшество и изобрѣтеніе». Дѣйствительно, по его собственному замѣчанію, «новшество—это то же, что событіе, разсматриваемое съ иной точки зрѣнія», т. е. съ точки зрѣнія прогресса.

И такъ, «противонаучная часть исторической дѣйствительности», наперекоръ всѣмъ усиліямъ и ухищреніямъ автора, со всѣхъ сторонъ неудержимымъ потокомъ врывается въ исторію, ломая и сокрушая на своемъ пути всѣ воздвигнутыя имъ искусственныя преграды. Логическій конецъ, къ которому приводитъ развитіе мысли Лакомба, представляетъ такимъ образомъ ея полное опроверженіе. Въ сущности авторъ продѣлалъ надъ своей идеей тотъ приемъ, который съ такимъ успѣхомъ прилагается въ геометріи. вмѣсто прямого доказательства извѣстной истины, берутъ ея антитезу и проводятъ послѣднюю до ея логическаго конца; очевидная нелѣпость конечнаго вывода служитъ въ этомъ случаѣ доказательствомъ предположительно отринутой истины. Именно съ такого рода «доказательствомъ отъ противнаго», путемъ *reductio ad absurdum*, имѣемъ мы дѣло и въ нашемъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если что дѣйствительно удалось доказать Лакомбу, то это—абсолютную невозможность исключить конкретно-индивидуальный элементъ изъ области историческаго «познанія», т. е. какъ разъ обратное тому, что онъ имѣлъ въ виду доказать.

Допустимъ, однако, что Лакомбу удалось вполне эманципировать историческую науку отъ «событія» съ неразлучнымъ его спутникомъ—«индивидуальнымъ элементомъ». Но мы знаемъ, что, по Лакомбу, этотъ самый «индивидуальный элементъ» составляетъ самую душу историческаго процесса, являясь *единственнымъ источникомъ историческаго движенія*; а разъ этотъ элементъ «не подлежитъ научному познанію», не можетъ ему подлежать и самый историческій процессъ, потому что безъ движенія нѣтъ и процесса, а движенія нѣтъ безъ «новшества и изобрѣтенія», какъ этого послѣдняго нѣтъ безъ «индивидуальнаго элемента» и «событія». Выходитъ, что собственный предметъ исторіи оказывается неподлежащимъ историческому изученію... Вотъ вѣдь къ чему проводить логическое продолженіе мысли Лакомба. Куда ее ни поверни, направо ли—противорѣчіе, налево ли—абсурдъ.

IV.

«Выяснить пути», ведущіе къ положительному разрѣшенію вопроса объ исторіи какъ наукѣ,—такъ опредѣляетъ Лакомбъ свою задачу. Мы видѣли, куда въ дѣйствительности ведутъ эти «пути».

Въ чемъ же дѣло?

Дѣло не въ отдѣльныхъ теоретическихъ недосмотрахъ и логическихъ промахахъ, въ которыхъ, впрочемъ, тоже нѣтъ недо-

статка у Лакомба,—но все-таки не въ этомъ дѣло, а въ *самой постановкѣ задачи*. Центръ тяжести ошибки лежитъ не столько въ отвѣтѣ, сколько въ самомъ вопросѣ. Ошибка Лакомба, которую онъ, впрочемъ, раздѣляетъ съ нѣкоторыми изъ своихъ предшественниковъ, заключается именно въ ложномъ пониманіи самаго вопроса о научности исторіи, пониманіе, которое «друзья» исторіи приняли на вѣру отъ «враговъ». Ошибочность этого пониманія заключается въ *ложномъ представленіи о сущности и задачахъ науки вообще*. Разница между «врагами» исторіи, въ родѣ Шопенгауера или Гумпловича, съ одной стороны, и «друзьями», въ родѣ Лакомба—съ другой, лишь въ томъ, что первые разсуждаютъ приблизительно такъ: наука вообще имѣетъ дѣло только съ *общимъ и постояннымъ*, ей дѣла нѣтъ *до единичнаго и индивидуальнаго*; исторія, какъ разъ наоборотъ, имѣетъ своимъ предметомъ именно частное, единичное, индивидуальное: слѣдовательно, исторія не есть и не можетъ быть наукой въ собственномъ смыслѣ. А «друзья», начиная свое разсужденіе съ того же самаго положенія, что наука занимается только *общимъ и постояннымъ*, т. е. категоріями и законами, а не *единичнымъ и индивидуальнымъ*, т. е. вещами и явленіями въ ихъ конкретной реальности, выводятъ отсюда совершенно иное заключеніе. Если—такъ разсуждаютъ они—наука вообще имѣетъ дѣло исключительно съ *общимъ*, а не съ *единичнымъ*, съ законами, а не съ явленіями, то надо, чтобы и исторія занималась только первыми и отказалась отъ послѣднихъ, и такимъ путемъ она можетъ стать наукой. Такова вѣдь въ сущности логическая подкладка теоріи Лакомба,—и не одного Лакомба. Если послѣдній, «въ простотѣ сердца», думаетъ, что ему удалось открыть совершенно новыя, никѣмъ еще не извѣданныя «пути», то это не болѣе, какъ одно изъ тѣхъ болѣе или менѣе невинныхъ самообольщеній, которыми авторъ обязанъ не иному чему, какъ своему излишнему усердію по части рекомендуемой Контомъ «мозговой гигиены». Лакомбъ и не замѣчаетъ, что въ сущности онъ кружится въ томъ же заколдованномъ кругѣ, изъ котораго не могли найти—да и не искали—выхода его предшественники. Прежде чѣмъ искать «новыхъ путей», необходимо разорвать этотъ заколдованный кругъ, въ которомъ всѣ «новые пути» оказываются лишь старыми, давнымъ давно проторенными тропинками. Необходимо покончить разъ навсегда съ отгѣченнымъ нами узкимъ и одностороннимъ представленіемъ о сущности и задачахъ науки,—представленіемъ тѣмъ болѣе страннымъ, что, не имѣя подъ собой никакихъ серьезныхъ теоретическихъ основаній, оно оказывается въ то же время въ рѣшительномъ разладѣ и съ фактическимъ положеніемъ дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано это представленіе, будто дѣло науки—заниматься исключительно *категоріями* вещей и *законами* явленій, а до самыхъ *вещей и явленій*, въ ихъ индивидуальной конкретности, ей нѣтъ никакого дѣла? Въ такомъ случаѣ, астрономія

тоже не наука, потому что она занимается не одними *отношениями*, но и *вещами*, не одними законами «небесной механики», но также и небесными тѣлами въ ихъ конкретной единичности. Если астрономъ изучаетъ поверхность луны или строеніе солнца (астрофизика), то не потому, что рассчитываетъ открыть при этомъ какой-нибудь новый законъ, а потому, что солнце и луна, *сами по себѣ, въ своей конкретной индивидуальности*, представляютъ научный интересъ. Затѣмъ, астрономъ изучаетъ не общія только *категоріи* небесныхъ тѣлъ, но и самыя эти *тѣла, въ ихъ конкретной единичности*; Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ и т. д. представляютъ научный интересъ, вѣдь, не въ качествѣ лишь экземпляра небесныхъ тѣлъ известной категоріи (планеты), но и сами по себѣ, въ качествѣ «единичныхъ явленій», отличныхъ отъ всякихъ другихъ «явленій» той же категоріи. Другими словами, астрономія имѣетъ дѣло не только съ видами, но также съ индивидуумами, вопреки Шопенгауэру, утверждающему, что [*«науки говорятъ всегда только о видахъ»*] и знать ничего не хотятъ объ «индивидуумахъ», и вопреки Лакомбу, признающему, неизвѣстно на какомъ основаніи, индивидуально-конкретный элементъ—«противонаучнымъ». Или взять геологію, за которой никто не думаетъ въ настоящее время оспаривать званіе и значеніе науки, и однако же она прежде всего имѣетъ въ виду не *общее и постоянное*, а *конкретно-единичное и индивидуальное*, въ видѣ *данныхъ въ дѣйствительности* геологическихъ образованій, пластовъ, наслоеній, вулканическихъ явленій и т. п., и никакихъ *законовъ* не отыскиваетъ, такъ какъ всякому извѣстно, что въ образованіи земной коры никакіе другіе законы не принимаютъ участія, кромѣ законовъ физики, механики и химіи, и потому ни одному геологу не приходило еще въ голову отыскивать особые геологическіе законы помимо законовъ обще-физическихъ. Вопреки Шопенгауэровскому опредѣленію задачъ науки, геологія говорить не «о томъ, что существуетъ всегда», а какъ разъ наоборотъ—«о томъ, что было разъ и чего уже болѣе нѣтъ». Каждое геологическое образованіе, каждый геологическій періодъ «былъ только разъ и его уже болѣе нѣтъ». И однако это ни мало не мѣшаетъ существовать *наукѣ* геологіи...

На примѣрѣ астрономіи и геологіи можно видѣть, что единичное и индивидуальное являются не только *средствомъ*, но также и *цѣлью* научнаго познанія,—что значеніе конкретного элемента не ограничивается *служебною* ролью, но что онъ представляетъ и *самостоятельный научный интересъ*. На примѣрѣ геологіи, кромѣ того, можно видѣть, что конкретное знаніе, являющееся необходимымъ ингредиентомъ всякаго опытнаго знанія, можетъ также получить и *самостоятельное значеніе* въ качествѣ *особой науки*.

Таково *фактическое положеніе дѣла*. Что касается *теоретическихъ основаній* того узкаго опредѣленія науки, исходя изъ котораго Лакомбъ дошелъ до своего воображаемаго открытія новыхъ

путей къ рѣшенію вопроса объ исторіи какъ наукъ—что до теоретическихъ основаній, то читатель тщетно сталъ бы искать ихъ у автора. Все дѣло основано, повидимому, на недоразумѣніи, которое раздѣляетъ, впрочемъ, не одинъ Лакомбъ. Недоразумѣніе это заключается въ представленіи, будто то узкое пониманіе науки, о которомъ идетъ рѣчь, является тѣмъ то вполне установленнымъ въ наукѣ и установленнымъ еще со времени Конта. Во всякомъ случаѣ, когда Гумпловичъ, стоящій въ данномъ случаѣ на одной почвѣ съ Лакомбомъ, съ обычной своей самоувѣренностью, заявляетъ что «понятіе науки такъ же далеко отъ историковъ, также плохо понимается ими, какъ до Коперника астрономы не могли себѣ уяснить идею вращенія земли» (*Соціологія и Политика*, стр. 19), то очевидно, онъ не подозреваетъ, что «непонимающіе историки» защищаютъ въ дѣйствительности не свое, ими специально изобрѣтенное пониманіе науки, а то, которое развивалъ не иной кто, какъ отецъ «положительной философіи» и которое, въ главныхъ чертахъ своихъ, остается господствующимъ и въ современной наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, только при крайне поверхностномъ знакомствѣ съ *курсомъ* Конта можно вынести то представленіе о наукѣ, съ какимъ мы встрѣчаемся, напримѣръ, у Лакомба или Гумпловича. *Курсъ* дѣйствительно посвященъ исключительно разсмотрѣнію *абстрактныхъ* наукъ; что до *конкретныхъ* наукъ, то имъ не отведено въ *курсѣ* никакого мѣста. Но свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что Контъ не считалъ ихъ *науками* въ собственномъ смыслѣ? Ничуть не бывало. Контъ самъ объясняетъ въ началѣ своего *курса*, что послѣдній будетъ посвященъ разсмотрѣнію однихъ только абстрактныхъ наукъ, во-первыхъ для того, чтобы въ виду обширности и сложности предмета «какъ можно болѣе сократить развитіе своего обширнаго труда» (*Cours de philosophie positive*, т. I, стр. 57) и во вторыхъ потому, что по его мнѣнію разработка абстрактныхъ наукъ должна предшествовать разработкѣ наукъ конкретныхъ (тамъ же стр. 58). Одно изъ основныхъ положеній Конта заключается въ томъ, что абстрактныя науки, т. е. науки, изслѣдующія постоянныя отношенія между явленіями, или говоря коротко—законы,—представляютъ собою необходимый базисъ для наукъ конкретныхъ, т. е. имѣющихъ дѣло съ самими явленіями, какъ они даны въ конкретной дѣйствительности. Прогрессъ послѣднихъ, такимъ образомъ, всецѣло зиждется на успѣхахъ, дѣлаемыхъ первыми. Въ самомъ дѣлѣ, что такое конкретная наука? Сплошь да рядомъ смѣшиваютъ конкретную науку съ наукой *описательной*, и этимъ недоразумѣніемъ объясняется, быть можетъ, отчасти и то отрицательное отношеніе къ конкретной наукѣ, съ которымъ сплошь да рядомъ приходится встрѣчаться. Описательная наука, конечно, не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ ряду наукъ,—это не есть наука въ собственномъ смыслѣ, а лишь подготовительная ступень послѣдней, простой каталогъ данныхъ, имѣющій значеніе лишь какъ матеріалъ

для научнаго зданія, не болѣе. Всякая опытная наука имѣетъ описательную часть, и будетъ ли эта часть самостоятельной дисциплиной или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ она есть необходимый антецедентъ науки въ собственномъ смыслѣ. Поэтому отождествленіе понятій науки конкретной и описательной, естественнымъ образомъ, приводитъ къ низведенію первой на степень простого склада матеріаловъ для настоящей науки. До какой степени Контъ былъ далекъ отъ подобнаго смѣшенія понятій, видно уже изъ того, что у него конкретная наука, въ противоположность описательной, не *предшестуетъ* абстрактной, а *слѣдуетъ* за послѣдней. Не конкретная наука служитъ подготовительной ступенью для абстрактной, а наоборотъ—абстрактная наука является подготовительной ступенью для науки конкретной; послѣдняя опирается на первую, какъ фундаментъ. По своему взаимному отношенію, два ряда наукъ—абстрактныхъ и конкретных—являются, съ этой точки зрѣнія, первыя—*основными*, послѣднія *производными*: *fondamentales* и *secondaires* (стр. 57), замѣтите: не *главными* и *второстепенными*, а *основными* и *производными*. Дѣло идетъ не о преимуществѣ однихъ надъ другими, а лишь о сущности взаимныхъ отношеній между двумя теоретически-равноцѣнными категоріями наукъ. Если задача абстрактныхъ наукъ заключается въ «открытіи законовъ, управляющихъ различными категоріями явленій», то задача наукъ конкретных состоитъ въ «приложеніи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи конкретныхъ существъ» (тамъ же, стр. 56). Таково, напримѣръ, отношеніе *общей физиологіи*, т. е. біологіи, къ *частной физиологіи*, т. е. зоологіи съ ботаникой. Первая, наука абстрактная, имѣетъ въ виду общіе законы, управляющіе явленіями живой природы; послѣднія, конкретныя науки, занимаются изученіемъ конкретныхъ формъ живой природы, какъ онѣ даны въ дѣйствительности, съ точки зрѣнія общихъ біологическихъ законовъ. «Въ такомъ же отношеніи стоятъ химія къ минералогіи. Химія изучаетъ *всѣ возможные комбинаціи молекулъ во всѣхъ возможныхъ условіяхъ*; минералогія имѣетъ дѣло лишь съ *данными въ реальной дѣйствительности комбинаціями, возникшими подъ влияніемъ данныхъ условій*». Поэтому, «не только всякій отдѣлъ конкретной физики предполагаетъ предварительную разработку соответствующаго отдѣла абстрактной физики, но при этомъ требуется даже знаніе общихъ законовъ, относящихся ко всѣмъ другимъ категоріямъ явленій» (тамъ же, стр. 57—58). Напримѣръ, конкретная «наука о землѣ» (геологія) требуетъ не только предварительнаго знакомства съ физикой и химіей, но также—съ одной стороны съ астрономіей, съ другой—съ біологіей («общей физиологіей», по терминологіи Конта), такъ какъ земля представляетъ собою, съ одной стороны—интегральную часть солнечной системы, съ другой стороны—животная жизнь на земной поверхности служитъ однимъ изъ факторовъ геологическихъ образованій (стр. 58). Многимъ представляется—и Лакомбъ не

чуждъ этого представленія, что изучать вещи и явленія въ ихъ конкретной индивидуальности значитъ отказаться отъ всякой *закономѣрности*. У Конта, который стоитъ неизмѣримо выше своихъ позднѣйшихъ учениковъ и комментаторовъ,—и не въ одномъ только этомъ отношеніи,—конкретная наука не только не исключаетъ точки зрѣнія закономірности, а напротивъ, послѣдняя является ея душой. Разница между конкретной и абстрактной наукой лишь въ томъ, что конечная цѣль послѣдней—познать законы явленій, конечная цѣль первой—познать самыя эти явленія съ точки зрѣнія законовъ, открытыхъ первой. Конкретная наука, въ своей идеальной видѣ, это такая система, въ которой всякое единичное, данное въ конкретной дѣйствительности явленіе находитъ себѣ полное объясненіе съ точки зрѣнія всеобщей закономірности. Задача конкретной науки—*самымъ дѣломъ*, а не въ идеѣ только, изгнать изъ опытнаго знанія всякую тѣнь случайности. Если абстрактная наука устраняетъ идею случайности изъ нашего *пониманія*, то конкретная наука довершаетъ это дѣло, изгоняя эту идею и изъ нашего *непосредственнаго опытнаго знанія*. Изгнаніе же идеи случайности изъ области знанія означаетъ собой триумфъ принципа закономірности. Задача конкретной науки сводится, въ своемъ идеальномъ результатѣ, именно къ осуществленію этого триумфа человѣческаго знанія. Конкретная наука, въ пониманіи Конта, является настоящимъ вѣнцомъ опытнаго знанія. Это въ сущности идеальное опытное знаніе, — тотъ мыслимый предѣлъ, къ которому наука стремится, никогда его не достигая. Да и что такое въ сущности самая наука, какъ не выраженіе стремленія человѣческаго ума къ идеалу знанія. Можно сказать, что наука—это *идеализмъ чело-вѣческаго ума*, какъ искусство идеализмъ чувства. И если наука вообще есть стремленіе чело-вѣческаго ума къ идеалу знанія, то послѣдній шагъ въ этомъ поступательномъ движеніи всегда остается за конкретной наукой, — послѣдней принадлежитъ всегда «послѣднее слово».

Намъ хотѣлось выяснить, до какой степени далеко былъ Контъ отъ того условно-узкаго пониманія науки вообще, съ какими мы сплошь да рядомъ встрѣчаемся въ наше время, особенно у людей, которые берутся за рѣшеніе вопроса объ исторіи, какъ наукѣ. Не трудно замѣтить, какой въ сущности крупный *шагъ назадъ* представляетъ собою это пониманіе новѣйшихъ ученыхъ сравнительно съ пониманіемъ плохо понятаго ими учителя.

V.

Что же слѣдуетъ изъ этого по отношенію къ вопросу объ исторіи какъ наукѣ?

А слѣдуютъ отсюда два очень простыхъ отвѣта, одинъ по адресу «враговъ», другой—по адресу «друзей» исторіи.

«Исторія не наука и не можетъ никогда таковой сдѣлаться», потому что занимается лишь *единичнымъ и частнымъ, индивидуальнымъ и конкретнымъ*, т. е. явлениями, а не *общимъ и сходственнымъ, не постояннымъ и неизмѣннымъ*, — однимъ словомъ — законами. — На эти слова «враговъ», послѣ всего сказаннаго, мы въ правѣ отвѣтить: «Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, наука ли исторія въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время, она во всякомъ случаѣ *можетъ* быть наукой, и именно — *конкретной* наукой, такъ какъ она имѣетъ дѣло съ живыми людьми, живущими и дѣйствующими въ данныхъ въ конкретной дѣйствительности условияхъ пространственныхъ и временныхъ».

Послушаемъ и другую сторону.

«Исторія до сихъ поръ не была и не есть наука, потому что занималась и продолжаетъ заниматься *частнымъ и единичнымъ, индивидуальнымъ и конкретнымъ*, а не *общимъ и сходственнымъ, постояннымъ и неизмѣннымъ*, однимъ словомъ — *вещами и явлениями*, а не *категоріями и законами*: для того, чтобы сдѣлаться наукой, она должна отказаться отъ первыхъ и заняться исключительно послѣдними».

На эти вѣщанія «друзей» отвѣчаемъ: «Такъ какъ науки занимаются не только законами и категоріями, но также вещами и явлениями, то, для того чтобы *стать* наукой, исторія совсѣмъ нѣтъ надобности *перестать* быть тѣмъ, чѣмъ она и не можетъ не быть, не переставши быть исторіей, — *конкретнымъ знаніемъ* прошлаго человечества, въ его цѣломъ и въ частяхъ».

Если что дѣйствительно мѣшало до сихъ поръ исторіи стать наукой, то во всякомъ случаѣ не то, что она занималась *явлениями и вещами*, а не *законами и категоріями*, а нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ другое... А что именно, — это уже особый вопросъ, который тѣсно связанъ съ другимъ вопросомъ: представляетъ ли исторія, при настоящемъ ея состояніи, науку въ собственномъ смыслѣ, и если нѣтъ, то чего ей не достаетъ для того, чтобы стать въ ряду признанныхъ наукъ равноправнымъ членомъ, а не жалкимъ изгоемъ — роль, на которую ныне, какъ мы видѣли, не прочь обречь ее на вѣки-вѣчныя. Но, повторяемъ, это уже особый вопросъ, который выходитъ за предѣлы нашей задачи, по существу отрицательной: на примѣрѣ Лакомба мы хотѣли показать принципиальную несостоятельность всякой попытки рѣшить вопросъ объ исторіи какъ наукѣ, при той по существу ошибочной постановкѣ, въ какой онъ обыкновенно принимается «друзьями» исторіи изъ рукъ ея «враговъ».

Но прежде чѣмъ поставить точку, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу *raison d'être* самого вопроса объ исторіи, какъ наукѣ, вопросъ о томъ, *есть* ли исторія наука, *можетъ* ли стать и *должна* ли стремиться къ тому, чтобы стать наукой, — вопросъ этотъ не есть ли самъ по себѣ *вопросъ праздный*? Споръ о немъ не есть ли въ концѣ концовъ *споръ о словахъ*?

Иные, повидимому, склонны къ положительному отвѣту на этотъ вопросъ. Но дѣло въ томъ, что вѣдь споромъ о словахъ можетъ быть споръ о какомъ угодно вопросѣ, разъ со «словами» не связывается никакихъ строго опредѣленныхъ понятій. Дѣло не въ предметѣ спора, а въ способѣ веденія послѣдняго. Вѣдь и споръ о томъ, человекъ ли женщина, можетъ быть «споромъ о словахъ», но онъ можетъ и не быть такимъ, — все дѣло въ томъ, какъ спорить. Даже споръ о томъ, честный ли человекъ А., или нѣтъ, — можетъ быть споромъ о словахъ, если одинъ изъ диспутантовъ, а то и оба вмѣстѣ имѣютъ лишь «условное понятіе» о честности. Дѣло рѣшается не сущностью спора, а отношеніемъ къ нему спорящихъ. Намъ могутъ замѣтить, что и при совершенно опредѣленномъ пониманіи спорящими «словъ», вопросъ по существу можетъ быть всетаки празднымъ. Совершенно вѣрно. Споръ о «стриженомъ или бритомъ» можетъ вестись съ полнымъ пониманіемъ терминовъ «брить» и «стричь», и отъ этого онъ ничуть не перестанетъ быть вполне празднымъ, потому что то или другое рѣшеніе «вопроса» въ данномъ случаѣ совершенно *безразлично*, какъ для спорящихъ, такъ и для самаго предмета спора. Совсѣмъ другое дѣло, однако, когда спорять объ А., честный онъ человекъ или нѣтъ; это не праздный вопросъ, потому что то или другое рѣшеніе его далеко *не безразлично*, какъ для спорящихъ, такъ и для А., служащаго предметомъ спора. Подобнымъ же образомъ, не празденъ и вопросъ о томъ, наука ли (если не фактически, то по крайней мѣрѣ, факультативно) исторія, потому что то или другое рѣшеніе его *не безразлично*, какъ для самаго предмета спора, такъ равно и для его участниковъ и свидѣтелей. До какой степени не безразлично, лучшее и наглядное доказательство тому — Шопенгауэръ, сужденіе котораго объ исторіи было приведено въ началѣ настоящей статьи. Наговоривъ кучу восторженныхъ комплиментовъ по адресу исторіи, онъ въ концѣ концовъ приходитъ, какъ мы видѣли, къ тому заключенію, что исторія въ сущности «недостойна серьезнаго изученія со стороны человѣческаго духа». И это вовсе не противорѣчіе предыдущимъ комплиентамъ, а лишь прямой выводъ изъ отрицательнаго рѣшенія вопроса объ исторіи, какъ наукѣ. Исторія «недостойна серьезнаго изученія», *потому что она — не наука*. Не наука, а просто нѣкоторое *знаніе*. А знаніе, само по себѣ, какъ извѣстно, цѣнности не имѣетъ. Вѣдь и любой номеръ «Гражданина» заключаетъ въ себѣ нѣкоторое «знаніе», и сколько еще... Однако, если спросить, «достойно ли это знаніе серьезнаго изученія со стороны человѣческаго духа», то вовсе нѣтъ надобности обладать пессимизмомъ Шопенгауэра, чтобы отвѣтить: «нѣтъ, не достойно». Почему же «недостойно»? Да потому, что *знаніе* лишь постольку «достойно серьезнаго изученія», поскольку оно есть *наука*, т. е. знаніе, одушевленное *идеями*, объединенное *системой*, руководимое опредѣленнымъ *методомъ*. Быть или не

быть наукой, — вопросъ этотъ для всякой данной области знанія такъ же мало празденъ, какъ мало былъ празденъ, напримѣръ, для древняго италика вопросъ о томъ, быть или не быть «римскимъ гражданиномъ». Быть наукой для известной области знанія то же, что для древняго италика — обладать правомъ гражданства *optimo jure*. Поэтому совершенно правильно говорить о *возведеніи* исторіи на степень науки; отрицательное рѣшеніе вопроса объ исторіи, какъ наукѣ, означаетъ собою, наоборотъ, нѣкоторое *низведеніе* послѣдней, — своего рода *diminutio capitis*. Вопросъ объ исторіи, какъ наукѣ, есть въ сущности вопросъ о томъ, представляетъ ли она собою «предметъ достойный серьезнаго и труднаго изученія со стороны человѣческаго духа».

Вопросъ этотъ оставался въ сущности открытымъ и послѣ отрицательнаго рѣшенія его Шопенгауэромъ, — онъ продолжаетъ оставаться открытымъ и послѣ положительнаго его рѣшенія Лакомбомъ, потому что оба эти рѣшенія, не смотря на діаметральную противоположность между собою, одинаково *фальшивы*. Источникъ фальши, какъ мы видѣли, у нихъ обоихъ одинъ и тотъ же: ложное, узко-односторонне пониманіе науки вообще, ея сущности и задачъ.

П. Ардашевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. Е. Заринъ. Повѣсти и рассказы. Спб. 1896.

А. Е. Заринъ. Говорящая голова. Сборникъ рассказовъ изъ жизни странствующихъ артистовъ. Спб. 1896.

Прочитавъ рассказы г. Зарина, мы, подобно Липочкѣ Островскаго, задали себѣ вопросъ: что хуже — ждать и не дожидаться или имѣть и потерять? Дѣло въ томъ, что каждый изъ рассказовъ г. Зарина возбуждаетъ въ читателѣ нѣкоторыя надежды и ожиданія, которыя до самаго конца не ослабѣваютъ, но и не исполняются. Очень странный писатель г. Заринъ. Рассказываетъ онъ недурно, концы съ концами сводить успѣшно, все вообще у него исправно, но въ читателѣ, вслѣдъ за возбужденными было надеждами, онъ вызываетъ одно недоумѣніе. Вѣдь этого мало рассказать; надо умѣть и хотѣть что нибудь *сказать*. Этого именно и хочется г. Зарину, который поэтому является передъ читателемъ въ соотвѣтственномъ видѣ: недурной наружности и въ лицѣ такое разсужденіе... фязіономія... поступки и много-много всего. Естественно, что читатель въ свою очередь нѣсколько подтягивается и какъ бы

настораживается: передъ нимъ вѣдь не фельетонный балагуръ, не „фитюлька“, а, повидимому „особа“, которая, того и гляди, поучать начнетъ. Что-жъ, учиться мы рады, и не потому только, что „вѣкъ живи, вѣкъ учись“, какъ говоритъ пословица, а просто потому, что поучительная рѣчь для насъ интереснѣе, занятнѣе, нежели легковѣсная болтовня „для разгулки времени“, какъ кто-то гдѣ-то выражается. Но тутъ-то вотъ и начинаются у насъ недоразумѣнія съ г. Заринымъ. Сначала все идетъ хорошо: рассказъ подвигается бойко, характеры начинаютъ обрисовываться рельефнѣе, идея все болѣе и болѣе выступаетъ изъ окутывающихъ ее беллетристическихъ покрововъ и прикрасъ, ваши надежды растутъ, но... рассказу ужъ конецъ, и не потому совсѣмъ конецъ, что фабула истощена и идея исчерпана, а просто потому, что у автора очевидно пороха не хватаетъ. Вотъ, примѣръ, исторія даровитаго еврейскаго мальчика Азріеля Лейзера. Ему страстно хочется посвятить себя наукѣ—не той, которая заключается въ талмудѣ, а настоящей наукѣ. Разумѣется, такое стремленіе приводитъ его въ столкновеніе съ окружающей средой, съ правовѣрнымъ еврействомъ, и рассказъ сразу пріобрѣтаетъ и психологическій, и общественно-бытовой интересъ. Но все оканчивается ничѣмъ. „Чего же думать-то! вдругъ съ отчаяніемъ почти крикнулъ Лейзеръ,—чего же думать!“ Послѣ этого слѣдуетъ строчка точекъ и „на другое утро“ „среди *равнодушной* природы стояла кучка любопытныхъ людей, *равнодушно* говоря: жидъ повѣсился!“ Лейзеръ повѣсился оттого, что кагалъ отказалъ ему въ выдачѣ паспорта. Всяко бываетъ, конечно; въ отдѣлѣ „происшествій“ въ любомъ номерѣ газеты можно найти такіе факты и въ каждомъ изъ такихъ происшествій заключается матеріалъ для рассказа, для повѣсти, иногда даже для романа, но задача художника начинается тамъ, гдѣ кончается задача репортера и хроникера. Г. Заринъ смѣшиваетъ двѣ эти задачи и оттого, начавъ какъ художникъ, онъ кончаетъ какъ репортеръ: хорошо намѣченные психологическіе мотивы остаются неразработанными, портреты превращаются въ силуэты, вмѣсто картины мы получаемъ очень мало замѣчательный этюдъ.

Слѣдующій по очереди рассказъ „Двѣ любви“ представляютъ собою неудачную варіацію на тему, на которую написано безчисленное множество удачныхъ варіацій. Далѣе, рассказъ „Первое разочарованіе“ очень оригиналенъ по замыслу, г. Заринъ опять оживляетъ наши, уже совсѣмъ было завядшія надежды, но и тутъ встрѣчаются промахи почти технического свойства, которые снова повергаютъ насъ въ бездну сомнѣній. Вотъ примѣръ. Героиня рассказа — дочь „министерскаго чиновника въ большихъ чинахъ“; у нея есть подруга — соот-

вѣтственнаго круга общества, конечно, но вотъ какъ на вечерѣ у этой подружки танцуютъ гости: „въ третьей фигурѣ, изображая тройку, онъ (дирижеръ танцевъ), какъ коренникъ, крутилъ головою, округлялъ ноги и ржалъ по лошадиному. Въ пятой—онъ прошелъ трепакомъ, въ шестой—крутя свою даму—онъ поднялъ ее на воздухъ и когда добрался до вымышленныхъ фигуръ, то впалъ словно въ изступленіе“. Баллетристическая неопытность это, что-ли, со стороны г. Зарина? Его описаніе живо напомнило намъ описаніе г. Альбова въ повѣсти „Конецъ Невѣдомой улицы“, но тамъ описывались танцы, происходившіе не на вечерѣ респектабельныхъ людей, а совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Слѣдующій разсказъ „Пушинка“ разрабатываетъ область собачьей психологіи, которая, оказывается, очень похожа на психологію человѣческую. Аллегорія, что-ли, это какая, думаетъ опять приунывшій читатель и переходитъ къ слѣдующей серіи разсказовъ, посвященныхъ „памяти Александра Ивановича Левитова“ (къ слову сказать, почти всѣ разсказы г. Зарина посвящены разнымъ литераторамъ, большею частью заслуженнымъ: гг. Полонскому, Шеллеру, Всеволоду Соловьеву и пр.). Разсказы, посвященные памяти Левитова, написаны въ духѣ и въ жанрѣ этого писателя. Предметомъ ихъ является сѣрая жизнь такъ называемой „голытьбы“ и едва-ли нужно говорить, что и въ этой области г. Заринъ остается вѣренъ себѣ, т. е. своей манерѣ или, еще точнѣе, своимъ недостаткамъ: сначала онъ обнадежитъ васъ, а потомъ непремѣнно обезкуражитъ. Богъ его знаетъ, что это за писатель такой, думаетъ читатель, закрывая книгу. Много есть писателей, которые подаютъ и все только подаютъ надежды, никогда ихъ не оправдывая, но въ первый разъ вижу такого писателя, который на одномъ десяткѣ страницъ подаетъ надежду, а на слѣдующемъ десяткѣ самъ же ее и отберетъ у меня.

Сборникъ разсказовъ г. Зарина „Изъ жизни странствующихъ артистовъ“ отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Литературная жилка (слово „талантъ“ было бы здѣсь слишкомъ громко), у г. Зарина несомнѣнно есть, но ему не достаетъ или опытности, или внимательности, или просто ужъ у него полетъ такой. Князь Алексѣй Ошметовъ увозитъ изъ какого-то увеселительнаго заведенія хордебалетную танцовщицу, еще не вступившую на „дорогу обычную“, и между ними происходитъ такой разговоръ: „Мнѣ до сихъ поръ кажется все это сномъ, сказкой, — прошептала она въ изнеможеніи. Онъ улыбнулся.—Нѣтъ, это жизнь. Вы испытываете ея первое прикосновеніе. Жизнь прекрасна, смерть страшна. Все говорить о смерти, но иногда жизнь коснется человѣка своимъ дыханіемъ, и онъ вдругъ очнется и пойметъ

всю прелесть бытія". Капельки чувства правды и эстетического такта достаточно, чтобы понять смѣшную несообразность такихъ тирадъ въ разговорѣ кафешантаннаго завсегдатая съ танцовщицей, и вотъ, однако же, г. Заринъ не понимаетъ. Отчего это? Намъ хотѣлось бы думать, что не отъ литературнаго безвкусія, котораго ужъ не излечишь, а именно отъ невнимательности, исправиться отъ которой нетрудно.

Гусли звончатъ. Пѣсни, были и разными стихотворенія Н. А. Панова. Слб. 1896.

Стихотворенія г. Панова появились въ отдѣльномъ изданіи съ большой помпой: къ книгѣ приложены портретъ и біографическій очеркъ автора, подписанный неизвѣстнымъ въ литературѣ именемъ „Сергѣй Рыбаковъ". Право г. Панова на такое великолѣпіе заключается совсѣмъ не въ его произведеніяхъ, а въ его судьбѣ, въ его происхожденіи: г. Пановъ—человѣкъ изъ народа, сынъ крѣпостного крестьянина. Въ настоящее время такое обстоятельство совсѣмъ не производитъ того эффекта, какой оно производило лѣтъ пятьдесятъ и болѣе тому назадъ,—вотъ что упустили изъ виду и г. Пановъ, и его біографъ. Профессоръ Дитятинъ, характеристика котораго была недавно помѣщена въ „Русскомъ Богатствѣ", былъ сынъ извозчика, но его права на общественное вниманіе заключаются не въ этомъ обстоятельстве, а въ его ученыхъ трудахъ и заслугахъ. Вотъ почему, оставляя въ сторонѣ крестьянское происхожденіе г. Панова, какъ фактъ, къ дѣлу не относящійся, мы просто спрашиваемъ: въ чемъ его заслуги? и какъ великъ размѣръ его таланта,—если только у него есть талантъ?

Г. Рыбаковъ, который является не только біографомъ, но и критикомъ, говоритъ на этотъ счетъ очень занимательныя вещи. „Появленіе поэта, избравшаго форму народной пѣсни для выраженія своихъ художественныхъ замысловъ, тѣсно связано съ неизбежнымъ теперь перерожденіемъ народнаго творчества... Въ настоящее время необходимъ починъ въ области не только лирической (какъ это было, по мысли г. Рыбакова, во времена Кольцова и Никитина), но исторически-бытовой... Этотъ починъ сдѣланъ авторомъ предлагаемой книги и сдѣланъ имъ не съ какой либо предвзятой цѣлью, а непосредственно, въ силу, такъ сказать, самодовлѣющей его любви къ народу". И такъ, г. Пановъ есть или будетъ въ исторически-бытовой поэзіи народа, т. е. въ народномъ эпосѣ, тѣмъ, чѣмъ былъ въ народной лирикѣ Кольцовъ... Вотъ это сильно сказано! Годится-ли, однако, г. Пановъ для такой роли? Судите объ этомъ сами, читатель, а мы даже комментировать опа-

саемся, такъ какъ г. Пановъ увѣренъ заранѣе, что мы, журналисты, ничего хорошаго о немъ не скажемъ: таковъ ужъ нашъ *литературный путь*.

✱
Литературный путь, гдѣ каждый
Изъ занятыхъ своей особой
Всегда соперника замѣтитъ,
А новичка открытой злобой
Иль тайной ненавистью встрѣтитъ,
Зане партійность, кружковщина
Не допускаютъ новой силы.

Ну, и пусть, не будемъ увѣрять г. Панова, что мы не чувствуемъ къ нему ни зависти, не ненависти. Вотъ вамъ образчикъ самостоятельнаго творчества г. Панова изъ области „исторически-бытовой“:

Думай думушку, бери одно лишь въ толкъ:
За тобою недомга—первый долгъ;
А потомъ—эхма, подумаешь о томъ!
Неотложная расплата съ кулакомъ...
Надо сына во солдаты проводить,
Надо дочку во замужество срядить...
Значить, все, что было ссыпано въ амбаръ,
Все до зернышка отправимъ на базаръ?
Оратаюшка! живи да не тужи,
Ты же, сивка, Оратаюшкѣ служи!

Это заключительный куплетъ стихотворенія „Оратаюшка“—такъ называется пахарь на слащаво-народническомъ языкѣ г. Панова. А вотъ образчикъ того, какъ г. Пановъ *исправляетъ* созданія непосредственнаго народнаго творчества:

На смерть Ваню лиходѣи привели:
Ваня скованъ по рукамъ и по ногамъ,
Тихо, молча поклонился до земли
Красну солнышку да Божиимъ церквамъ;
Встосковался, сталъ бѣгѣ полотна,
Посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на теремъ оный
Отшатнулася княгиня отъ окна,
Застонала, и душа изъ тѣла вонъ!

Это знаменитая народная пѣсня „Ванька-Клюшникъ“ въ передѣлкѣ г. Панова... Приведенные восемь стиховъ замѣняютъ собою вотъ эти два стиха народной пѣсни:

Иванушка въ петельѣ качается,
А княгиня-то въ теремѣ кончается.

Комментаріи излишни. Примѣровъ тоже достаточно.

Мы совсѣмъ не хотимъ унижать г. Панова и охотно согласимся, что его поэзія во всѣхъ отношеніяхъ выше современной непосредственно-народной поэзіи, создающейся подъ вліяніемъ фабрики и трактира. Г. Пановъ не напишетъ:

Дайте ножикъ, дайте вилку,
Заколю я мово милку и пр.

Но это и все, что мы можемъ сказать въ похвалу г. Панова. Представлять его поэзію какъ какой-то успѣхъ, какой-то шагъ впередъ, въ сравненіи съ старой народной поэзіей нашей, а въ самомъ г. Пановѣ видѣть современнаго Кольцова, „исправленнаго и дополненнаго“ согласно новѣйшимъ требованіямъ,—это такое невозможное преувеличеніе, которое естественно для рекламы, но непозволительно въ критикѣ. Любовь г. Панова къ народу, и даже „самодовлѣющую“ любовь, мы не отрицаемъ, но, во-первыхъ, въ этой любви, какъ въ явленіи исполнѣ стихійномъ, нѣтъ ровно никакой заслуги, а во вторыхъ, пародируя Суворова, мы скажемъ: „Помилуй Богъ! Все любовь да любовь! Надо и умѣнья сколько нибудь“.

М. Л. Гольдштейнъ. Впечатлѣнія и замѣтки. Киевъ. 1896.

Книжка г. Гольдштейна внушила было намъ честолюбивую мысль: не издать-ли намъ отдѣльною книгою собраніе своихъ рецензій, число которыхъ, надо полагать, достигло уже почтенной цифры? Pourquoi pas? Иадалъ же г. Гольдштейнъ собраніе своихъ репортерскихъ замѣтокъ — и мы не лыкомъ шиты! Насъ остановило только слѣдующее простое соображеніе: вѣдь такая „книга“ явится доказательствомъ не литературнаго величія, а литературнаго ничтожества нашего. Вѣдь это очень понятно: если человѣкъ безпрестанно ощупываетъ въ карманѣ свой кошелекъ, въ которомъ заключаются ровнымъ счетомъ три двугривенныхъ, то можно съ достовѣрностью сказать, что финансовыя обстоятельства этого человѣка не блестящи. А что сказать объ этомъ человѣкѣ съ тремя двугривенными, если онъ не только не конфузится своей бѣдностью, но искренно считаетъ себя чуть не богачомъ и во всеуслышаніе побрякиваетъ въ карманѣ своими монетами? А что подумать объ этомъ человѣкѣ, когда, по ближайшемъ разсмотрѣніи, даже двугривенные то его оказываются сфабрикованными изъ олова? Очевидно, если это не преступникъ, то просто какой-то маньякъ.

Г. Гольдштейнъ не просто репортеръ, а репортеръ съ остроуміемъ, какъ бываютъ гувернантки съ музыкой. Онъ не можетъ одѣлать своего дѣла, т. е. рассказать о происшествіи просто, а непременно съ разными вычурами и выкрутасами. Вотъ статья „Мертвый путешественникъ“: „Конечно, это шествіе печально. Но еще печальнѣе путешествіе мертведа по городу. Подобное *partie de plaisir* произошло въ Одессѣ. Изъ ночлежнаго пріюта постовымъ городовымъ былъ взятъ въ сани не-извѣстный больной субъектъ для отправки его въ городскую

больницу. Но безъ „документа“ въ больницу не принимаютъ. Поэтому его отправили въ участокъ. Здѣсь на вопросы о званіи и фамиліи больной ничего не отвѣчалъ, такъ какъ былъ уже мертвъ. Известно, что живой человѣкъ состоитъ изъ души, тѣла и паспорта. Мертвецу же не возбраняется не имѣть души, но обязательно требуется паспортъ“. Довольно, мы уже выписали *половину* статьи, и изъ такихъ-то „статей“ и состоитъ вся книжка г. Гольдштейна! Иногда впрочемъ авторъ бываетъ дѣйствительно забавенъ и не на свой счетъ, а на счетъ тѣхъ, надъ кѣмъ онъ забавляется. Такова напри- мѣръ статья „Фелъетонъ“.

А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ. Съ 29 рисунками. Изданіе А. И. Мамонтова. Москва. 1895. Цѣна 1 р.

Очень пріятное впечатлѣніе производитъ этотъ сборникъ статей историко-литературнаго содержанія, предназначенный, по мысли составителей, главнымъ образомъ для учащихся; и по выбору темъ, и по тону изложенія, и по цѣнѣ—онъ вполне пригоденъ для широкаго распространенія среди учащейся—въ старшихъ классахъ гимназій—молодежи. Содержаніе очерковъ достаточно пестро: широкія и продуманныя картины внѣшняго быта и общественной жизни въ статьяхъ „Максимъ Грекъ“ и „Худители наукъ въ Екатерининской сатирѣ XVIII вѣка“, этюды о народномъ творчествѣ въ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ—„Русскіе народные пѣвцы“ и „Петрушка“, литературно-біографическія характеристики писателей русскихъ и иностранныхъ. Большинство очерковъ захватываетъ темы, не входящія—или входящія иными своими сторонами—въ курсъ нашей средней школы и потому восполнять въ знаніяхъ своихъ молодыхъ читателей особенно нежелательные пробѣлы.

Составленные четырьмя авторами, „чтенія“ различны, конечно, и по изложенію, и по внутреннему достоинству, но все отмѣчены однимъ общимъ духомъ глубокаго уваженія къ свободѣ мысли и гуманности; все равнымъ образомъ полны сознаніемъ высокаго значенія просвѣщенія въ ходѣ культурной жизни—и дѣйствіе ихъ въ той аудиторіи, къ пониманію которой онѣ приурочены, можетъ быть лишь благотворно.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Языкъ и искусство. (Русская Библіотека № 8). Спб. 1895.

Въ этой брошюрѣ проф. Овсяннико-Куликовскій даетъ продолженіе своихъ цѣнныхъ работъ въ области популяризаціи и развитія глубокихъ и плодотворныхъ идей покойнаго

А. А. Потебни, труды котораго, несмотря на ихъ значеніе, остаются все еще достояніемъ небольшого круга специалистовъ. Трудность непосредственнаго знакомства съ сочиненіями Потебни не облегчается небогатой и мало содержательной литературой о нихъ. Яркимъ исключеніемъ изъ этихъ случайныхъ обзоровъ и оцѣнокъ то узко специальныхъ, то механически классификаторскихъ, являются статьи г. Овсяннико-Куликовского, дающія первое и довольно полное знакомство съ открытіями и методомъ покойнаго харьковскаго ученаго въ области исторіи языка, исторіи мысли и теоріи словесности. Последнее особенно важно, какъ по жизненности вопросовъ поэтики, етоль чуждой еще научнаго обоснованія, такъ и потому, что лекціи Потебни по теоріи словесности не были имъ изданы при жизни и сохранились лишь въ отрывочныхъ указаніяхъ и фрагментахъ записокъ.

Заслуга Потебни въ теоріи поэзіи заключается въ примѣненіи новаго метода. Исходя изъ аналогіи слова и художественнаго произведенія, онъ открылъ въ словѣ прообразъ и недѣлимый элементъ, кѣточку поэтическаго произведенія и такимъ образомъ положилъ начало, такъ сказать, целлюлярной поэтикѣ. По этому пути идетъ въ своей брошюрѣ г. Овсяннико-Куликовский. Онъ излагаетъ ясно, сколько позволяетъ ему мѣсто, ученіе объ участіи языка, въ его различныхъ функціяхъ, въ видѣ словъ и грамматическихъ формъ, въ апперцептивной дѣятельности мысли и довольно наглядно изображаетъ аналогичную, но болѣе сложную роль искусства въ той же работѣ. Языкъ и искусство являются для него, такимъ образомъ, не средствомъ передать другому готовую мысль, но способомъ создавать ихъ для себя, группировать комплексы представленій въ понятія, образы, типы и иные результаты—орудія обобщающей мысли. Основные идеи работы проф. Овсяннико-Куликовского могутъ считаться въ наши дни уже неотъемлемымъ достояніемъ науки. Движеніе, совершающееся въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе любопытно, что имѣетъ нѣсколько довольно далекихъ другъ отъ друга исходныхъ точекъ—и въ лингвистикѣ, и въ опытной психологіи, и въ исторіи новой литературы, и въ фольклорѣ—и отовсюду приходитъ къ одному результату. Станетъ ли поэтика на почву, указанную Потебней, будетъ ли она „исторической“, какъ у А. Н. Веселовскаго, или чисто психологической, какъ у Бэна или Дильтея—разница не велика, но одно несомнѣнно: метафизической она быть не можетъ. Отъ этого наслѣдія старой эстетики не вполнѣ свободна, къ сожалѣнію, книжка г. Овсяннико-Куликовского. Мы встрѣтили въ ней, напримѣръ, такое неосторожное и безразборное употребленіе термина *ритмъ*, какое совершенно не согласуется съ пріемами положительнаго

исслѣдованія. Сказать, что „подражательность“ есть по существу явленіе ритмическое“ значить только затемнить и привести къ неразложимости ясный терминъ, чтобы покрыть имъ разнообразныя явленія, связь которыхъ съ ритмомъ болѣе сложнаго характера, чѣмъ это кажется почтенному автору. Да и тамъ, гдѣ терминъ этотъ болѣе опредѣлительнъ, замѣчанія о немъ не вполне соотвѣтствуютъ какъ дѣйствительному его значенію въ теоріи искусства, такъ и современной разработкѣ соотвѣтственныхъ вопросовъ въ психологіи. Работы по сближенію ритма и симметріи, которыя, какъ нѣчто новое, предлагается исполнить авторъ, настолько многочисленны въ литературѣ со времени Гербарта, что, напримѣръ, у Лотце, въ его исторіи эстетики, разборъ ихъ занимаетъ цѣлую большую главу. Принципъ этого сближенія—то же начало, примѣненіе котораго въ теоріи искусства становится все шире и на которое, чтобы не заходить далеко, указывалъ Спенсеръ въ своихъ мелкихъ эстетическихъ этюдахъ о граціозности и стилѣ, начало минимальной затраты энергіи—мы можемъ добавить—при апперцепціи. Въ частности, извѣстное изслѣдованіе Земпера о стилѣ въ архитектурѣ даетъ въ началѣ блестящую попытку объединить явленія законмѣрности въ музыкѣ и пластикѣ. Такимъ образомъ, утверждать безъ оговорокъ, что архитектура явилась какъ „переводъ“ эмоціи съ „языка звуковъ“ на „языкъ линій“—какъ будто нѣсколько рискованно. Вопросъ о первичности категорій времени и пространства также далеко еще не можетъ считаться рѣшеннымъ въ пользу времени, такъ что „переходъ“ отъ времени къ пространству, отъ движенія къ покою, отъ ритма къ симметріи: надо бы обосновать чѣмъ нибудь или хотя сказать, что съ этимъ пока еще не всѣ согласны. Вундтъ, напримѣръ, считаетъ симметрію *наравнѣ съ ритмомъ* простѣйшимъ, — но не единственнымъ, —случаемъ порядка между отдѣльными частями представленія и выводитъ ея эстетическое дѣйствіе не изъ явленій, протекающихъ во времени, и не изъ области чувства слуха, а изъ привычки къ естественнымъ формамъ органическаго міра, представляющимъ такъ много образцовъ двусторонней симметріи. Напрасно также авторъ утверждаетъ, что „сочетаніе двухъ гармонирующихъ тоновъ ритмичнѣе однообразнаго звучанія одного“. Это просто ничего не значить: ни въ неизмѣнно продолжающемся звукѣ, ни въ одновременно звучащей группѣ консонирующихъ тоновъ—ритма совершенно нѣтъ, ибо нѣтъ *повода* расчленять ихъ во времени.

Мы не хотѣли этими частными замѣчаніями отвлечь вниманіе читателей отъ сущности брошюры г. Овсяннико-Куликовского, полной вѣрныхъ и интересныхъ мыслей; наоборотъ,

мы желали бы ей широкаго распространенія и новыхъ изданій—исправленныхъ и дополненныхъ.

Опытъ математическаго выраженія понятій и выводовъ этики. Статья Н. А. Шапошникова. М. 1896. Ц. 20 к.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла недавно въ Москвѣ брошюрка. Заглавіе еще не такъ курьезно: мало ли какое можно найти „математическое“ выраженіе любого понятія. Съ другой стороны, слово „Опытъ“ указываетъ на скромность автора, не претендующаго на совершенство своего труда. И однако, если бы эту брошюрку прочелъ кто-нибудь, незнакомый ни съ математикой, ни съ этикой, то рѣшилъ бы, что г. Шапошниковъ не то чтобы „выразилъ“ этическія понятія и выводы, а проникъ въ самый ихъ корень до такой степени, что нашелъ возможнымъ извлечь изъ этого корня всякій этический принципъ въ точнѣйшемъ видѣ; нашъ неопытный читатель остался бы подъ впечатлѣніемъ такого рода, что тутъ родилась цѣлая „общая теорія“, которая, говоря словами г. Шапошникова, „охватываетъ вполне“ всѣ этическія эмоціи. Можетъ быть, въ качествѣ одного изъ побочныхъ заключеній, отсюда у нашего читателя явилась бы мысль, что г. Шапошниковъ „скромнѣе во второмъ измѣреніи“ (скажемъ такъ, подражая г-ну Шапошникову), ежели столь блестящее открытіе назвалъ сѣренькимъ именемъ „опыта“.

Посмотримъ однако на брошюру съ другой точки зрѣнія. Допустимъ, что брошюру читаетъ гимназистъ 8 класса, который математику знаетъ достаточно для того, чтобы понимать г. Шапошникова, а этики если и не знаетъ,—бѣды большой, какъ сейчасъ увидимъ, нѣтъ: ибо г. Шапошниковъ только съ первыхъ словъ пугаетъ насъ, говоря, что его изложеніе „претендуетъ нѣсколько на философскую обработку“, а равно только съ первыхъ словъ скромничаетъ, объявляя, что задача его статьи „сводится лишь къ указанію самой основной идеи приложенія математики къ этикѣ“. Въ дальнѣйшемъ авторъ (что нашъ гимназистъ хорошо пойметъ) не просто „указываетъ идею“ такого приложенія, но — *изъ математическихъ формулъ выводитъ догматы этики*. Напримѣръ, рассказавъ подробно, какъ измѣняется площадь прямоугольника, діагональю котораго служитъ нѣкоторая линія, обозначающая у г. Шапошникова „общее фактическое стремленіе индивидуума“ (а это стремленіе представляетъ геометрическую сумму двухъ линій, представляющихъ, по г. Шапошникову, размѣры „чисто эгоистическаго“ и „чисто-альтруистическаго“ „потенціального стремленія“ индивидуума „при совершеніи нѣкотораго поступка“);—рассказавъ это, г. Шапошниковъ говорить въ за

ключеніе (стр. 13): „Итакъ, оказывается (!), что наибольшее нравственное довольство получается тогда, когда допущенныя стремленія (,) эгоистическое и альтруистическое (,) въ точности между собой уравнены“ (курсивъ нашъ).

Упомянутый гимназистъ навѣрное придетъ въ восхищеніе отъ логико-математико-этического генія г. Шапошникова, который нашелъ возможность дѣлать заключенія отъ прямоугольника къ наибольшему нравственному довольству и заключеніе это не оставилъ ни на капельку сомнительнымъ. Этого примѣра было бы достаточно для характеристики способа мышленія автора, но не можемъ удержаться отъ указанія на стр. 15, гдѣ г. Шапошниковъ такъ же сначала цѣлую страницу говоритъ о прямоугольнике и затѣмъ ошеломляюще умозаключаетъ: „Слѣдовательно (!!!), руководство заповѣдью альтруизма даетъ наивысшее удовлетвореніе“... etc. Въ понятіяхъ нашего гимназиста, особенно если онъ учился по довольно распространеннымъ учебникамъ г. Шапошникова и поэтому привыкъ считать его авторитетомъ, указанная вещь могутъ произвести рѣшительный и весьма пагубный переворотъ. Онъ можетъ, пожалуй, потребовать отъ своего инспектора математическаго доказательства имѣющей въ уставѣ теоремы о нехожденіи по улицамъ въ ночное время и т. д...

Однако, читатель, не думайте слишкомъ дурно о нашемъ авторѣ: онъ самъ знаетъ (стр. 29—30), что „найдутся такіе читатели, которые и послѣ прочтенія всего предыдущаго будутъ считать, что примѣненіе математики къ этикѣ... недостижимо“, которые „укажутъ на то, что проведеніе умозрительныхъ аналогій не есть еще научный синтезъ“. Совершенно вѣрно. Но хотя г. Шапошниковъ и специалистъ въ математикѣ (что не въ этикѣ, это хорошо видно), позволительно сдѣлать ему одно маленькое указаніе. Мы просто приведемъ слова хорошо извѣстнаго ему Бертрана изъ первыхъ параграфовъ его „*Traité d'Arithmétique*“: „*Les mathématiques sont la science de grandeurs; toutes les grandeurs cependant ne sont pas de leur ressort. Par exemple, quoiqu'un objet puisse être plus ou moins beau, plus ou moins utile,—l'étude du beau et de l'utile n'est pas une branche des mathématiques. Les mathématiques ne traitent què des grandeurs mesurables*“. А такъ какъ г. Шапошниковъ не измѣритъ никогда ни „эго-альтруистическаго стремленія“, ни „нравственнаго удовлетворенія“, то тѣмъ больше нѣтъ у него права строить произвольныя математическія схемы и втискивать въ нихъ якобы скрытыя тамъ этические правила. На стр. 24, поговоривъ сначала о векторахъ да о синусахъ, авторъ заявляетъ: „Предусматривая идею о свободѣ воли, слѣдуетъ предполагать“... Такъ-то и всѣ прочіе якобы выводы

авторъ „предусмотрѣлъ“, а потомъ уже сообразилъ свои натынутыя аналогіи.

Г. Шапошниковъ, очевидно, не подумалъ, какъ произвольно раздѣленіе воѣхъ душевныхъ движеній на три „неоднородныя или хотя бы обособленныя“ группы,—на стремленія эгоистическія, альтруистическія и идеалистическія. Если бы признать его теорію, то естественно было бы возобновить древніе споры о квадратной или треугольной формѣ души, которую, вѣроятно, пришлось бы признать координатнымъ треугольникомъ или треуграннымъ угломъ, на основаніи троякости приствующихъ ей стремленій.

Что такое гомеопатія. Д-ра Е. А. Дюкова. Изданіе харьковского общества послѣдователей гомеопатіи. Харьковъ 1895. Ц. 25 к.

Когда „ученный міръ“ волнуется какимъ нибудь великимъ открытіемъ, привѣтствуетъ появленіе какой нибудь новой теоріи въ родѣ, на примѣръ, цѣллюлярной патологіи Вирхова или фагоцитной патологіи Мечникова, когда по этому случаю провозносятся обычныя фразы, провозглашающія творцовъ этихъ теорій „благодѣтелями рода человѣческаго“—то всякій образованный человѣкъ, конечно, вполне понимаетъ, что человечество дѣйствительно сдѣлало шагъ впередъ къ достиженію господства надъ природою, къ огражденію себя отъ тѣхъ „естественныхъ“ бѣдствій, которыми въ такомъ изобиліи надѣленъ „царь природы“. Однако, всѣ эти ликования не должны затмѣивать истинный смыслъ благодѣянія великихъ открытій. Образованный человѣкъ не можетъ не видѣть, что большинство этихъ открытій, конечно, имѣютъ огромное значеніе для будущихъ людей, но для насъ, нынѣ живущихъ, а тѣмъ болѣе для тѣхъ изъ насъ, которые теперь уже больны (мы говоримъ здѣсь исключительно объ открытіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ медицинѣ), они не имѣютъ *никакого практическаго значенія*. Для человѣка, который въ данный моментъ боленъ, будетъ плохимъ утѣшеніемъ сознаніе того, что уже создана теорія, благодаря которой черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ откроютъ вѣрный способъ борьбы съ его болѣзнію. Наоборотъ, для него имѣетъ огромное и роковое значеніе сознаніе того, что современная медицина не можетъ помочь ему. А мы, вѣдь, знаемъ, какъ часто современная медицина, дѣйствительно, не можетъ помочь своимъ кліентамъ!

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, не удивительно, что постоянно появляются самозванцы пѣлители, провозглашающіе, что ими найдены вѣрнѣйшія средства для излеченія всевозможныхъ болѣзней. Неудивительно, что воѣ эти пасторы Кнеппы, Кузьмичи и т. п. господа всегда находятъ массу во-

сторженныхъ послѣдователей и почитателей: *Mundus vult decipi...*

Обыкновенно всѣ эти прославляемые способы лѣченія не переживаютъ своихъ изобрѣтателей, которые не создаютъ школы, не имѣютъ послѣдователей и не пытаются построить какую либо теорію, поддерживающую ихъ эмпирическіе пріемы. Но существуетъ одинъ способъ лѣченія, который не только на сто лѣтъ пережилъ своего основателя, не только создалъ нѣчто въ родѣ школы, но даже пытается создать для своего оправданія цѣлую теорію. Этотъ способъ лѣченія есть гомеопатія, созданная Гамеаномъ въ концѣ 18 вѣка. Конечно, оба эти свойства, отличающія гомеопатію отъ другихъ ненаучныхъ способовъ лѣченія, т. е. и ея сравнительная долговѣчность и существованіе у нея „теоріи“, связаны другъ съ другомъ. Когда дѣло сводится главнымъ образомъ на личное обаяніе цѣлителя, его способъ лѣченія, очевидно, не можетъ пережить его самого. Когда же существуетъ „теорія“, то своеобразная школа цѣлителей будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ находиться люди, считающіе нужнымъ поддерживать эту теорію. А гомеопатическая теорія такъ выгодно построена, что несомнѣнно долго еще будутъ существовать люди, которые будутъ считать нужнымъ поддерживать ее...

Выгодность построения гомеопатической гипотезы заключается, во-первыхъ, въ томъ, что, будучи сформулирована въ *повидимому* ясныхъ и простыхъ выраженіяхъ, она для дѣйствительно сознательнаго къ ней отношенія требуетъ такихъ знаній и такой способности къ отвлеченному мышленію, которые значительно выше средняго уровня; во-вторыхъ, благодаря своей воображаемой диаметральной противоположности принципамъ научной медицины, она является какъ бы естественнымъ утѣшищемъ всѣхъ тѣхъ, которые почему либо недовольны современною медициною.

Посмотримъ же, въ чемъ заключаются принципы гомеопатіи и какъ велика ихъ научная состоятельность. Авторъ разбираемой нами брошюры совершенно справедливо говорить, что суть гомеопатіи „сводится къ тремъ кардинальнымъ пунктамъ: *Similia similibus curantur*, изученію лѣкарственныхъ средствъ на здоровомъ человѣкѣ и небольшимъ дозамъ“ (стр. 33). О второмъ изъ этихъ принциповъ мы говорить не будемъ, какъ потому, что онъ есть только неизбежное добавленіе къ первому принципу, такъ, и *это мнѣ*, еще и потому, что научная медицина не менѣе гомеопатіи занимается изученіемъ дѣйствія лѣкарствъ на здоровый организмъ, только она къ этому прибавляетъ еще и изученіе дѣйствія этихъ лѣкарствъ и на больной организмъ. Принципъ *Similia similibus curantur* (подобное излѣчивается подобнымъ) гомеопаты,

въ томъ числѣ и нашъ авторъ, даже и не пытаются обосновать теоретически: они просто ссылаются на „факты“, которые поддерживаютъ этотъ принципъ. Д-ръ Дюковъ вполне откровененъ на этотъ счетъ. „Идея лѣчить подобное подобнымъ, говоритъ онъ на стр. 5, безъ сомнѣнія идея парадоксальная, но тѣмъ не менѣе она основана на фактахъ, непреложность которыхъ нисколько не возбуждаетъ сомнѣнія внимательныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей, чуждыхъ тенденціи отвергать факты безъ провѣрки, на основаніи только того простого соображенія, что факты эти кажутся непонятными“. Мы не будемъ долго останавливаться на томъ обстоятельстве, что побѣдоносные „факты“, на которые ссылается авторъ, существуютъ только въ нѣкѣхъ не провѣренныхъ повѣствованіяхъ самихъ гг. гомеопатовъ; мы обратимъ вниманіе на другую сторону вопроса и, къ удивленію г. Дюкова, скажемъ, что принципъ *Similia similibus curantur* мы отвергаемъ не какъ „непонятный“ и „парадоксальный“, а, просто, какъ вульгарно-неточный. Гг. гомеопаты употребляютъ терминъ „подобное“ въ самомъ неопредѣленномъ смыслѣ, надѣясь на сочувствіе той неразборчивой публики, для которой такіе симптомы, какъ „кашель“, „головная боль“ и т. п., суть простые термины, всегда самимъ себѣ равные. Будетъ-ли головная боль вызвана малокровіемъ, новообразованиемъ въ мозгу, воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ, тифомъ или чѣмъ другимъ, для этой публики всегда существуетъ только фактъ головной боли; и то средство, которое помогло въ одномъ случаѣ, охотно примѣняется и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Такая публика, конечно, не найдетъ ничего неточнаго въ слѣдующихъ словахъ г. Дюкова: „Какъ овидѣтельствууетъ который, ньютоновымъ яблокомъ, послужившимъ Ганеману къ созданію гомеопатіи, былъ опытъ съ хинной коркой, которую Ганеманъ принялъ внутрь въ большомъ количествѣ для провѣрки противорѣчивыхъ литературныхъ указаній о дѣйствіи хины, причемъ онъ пишетъ, что эта послѣдняя можетъ вызвать такіе же лихорадочные припадки, какіе бываютъ у больныхъ съ перемежающейся лихорадкой“ (стр. 4). Публика, повторяемъ, не найдетъ ничего неточнаго въ этомъ сообщеніи г. Дюкова, ибо она твердо знаетъ, что если человѣка „морозить“, то значитъ, у него „лихорадка“ и ему нужно дать хины. А того обстоятельства, что перемежающаяся лихорадка есть совершенно своеобразная болѣзнь, *непрямѣнно* предполагающая проникновеніе въ тѣло больного извѣстныхъ микроорганизмовъ; того обстоятельства, что человѣка можетъ „морозить“ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ; того обстоятельства, что Ганемана „морозило“, конечно, вслѣдствіе уменьшенія обмѣна веществъ и отравленія сердца слиш-

комъ большою дозою хины, что его также морозило бы и при отравленіи многими другими средствами; всего этого публика не знаетъ. Не знаетъ этого также и г. Дюковъ, или, по крайней мѣрѣ, не хочетъ знать... Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что гг. гомеопаты любятъ утверждать, будто научная медицина проповѣдуетъ принципъ: „противное излѣчивается противнымъ“ и поэтому они создали терминъ: аллопаты, аллопатія, которые и прилагаютъ къ научнымъ врачамъ и научной медицинѣ. Послѣ всего вышесказаннаго нѣтъ надобности заявлять, что утвержденіе гомеопатовъ ложно, что научные врачи не руководствуются неопредѣленнымъ принципомъ: „противное излѣчивается противнымъ“, что они, наоборотъ, стремятся свести всю медицину къ точнымъ и яснымъ физико-химическимъ терминамъ.

Перейдемъ теперь къ третьему и послѣднему принципу гомеопатіи, принципу безконечно малыхъ дозъ. Г. Дюковъ всюду говорить просто о „малыхъ“ дозахъ, точно научная медицина назначаетъ лѣкарства фунтами. Насколько малы дозы научной медицины, легко убѣдиться путемъ весьма простаго вычисленія. Возьмемъ, на примѣръ, морфій. *Высшая* доза морфія, дозволяемая нашей фармакологіей, равна 0,03 грамма; средній вѣсъ нормальнаго мужчины принимается равнымъ 78 килограммамъ; слѣдовательно, вѣсовое отношеніе высшей дозы морфія къ организму будетъ $\frac{0,03}{78,000} = \frac{1}{2,600,000}$. А если бы мы взяли для нашего примѣра атропинъ, доза котораго въ 30 разъ менѣе дозы морфія, то мы получили бы еще болѣе мелкую дробь. Слѣдовательно, говоря о гомеопатическихъ дозахъ, нужно имѣть въ виду не малыя дозы, а дозы неопутимо-малыя, практически безконечно-малыя. Слѣдуя гомеопатической фармакологіи, лѣкарственное вещество разжижается до такой степени, что въ каждой дозѣ не можетъ заключаться и одного атома лѣкарственнаго вещества; такъ что, собственно говоря, гомеопаты не имѣютъ права утверждать, будто они даютъ больнымъ то или другое вещество; ибо, слѣдуя ихъ теоріи, они даютъ только безконечно малую часть атома этихъ веществъ, а такъ какъ атомъ есть конечный предѣлъ дѣлимости извѣстной намъ матеріи, то безконечно-малыя части фосфора, ртути и т. д., *если бы они даже и существовали*, не могли бы уже называться фосфоромъ, ртутью и т. д., а были бы представителями какого-то новаго, невѣдомаго намъ вещества. Какое же соображеніе приводитъ г. Дюковъ для объясненія дѣйствія этого таинственнаго вещества? То самое, которое приводятъ и другіе гомеопаты и которое заключается въ совершенно *чолословномъ* утвержденіи, будто лѣкарства, приготовляемыя по гомеопатическому способу, приходятъ „въ состояніе,

какъ принято въ гомеопатіи называть, *потенцированное*, въ состояніи *динамизаціи*" (стр. 31). „Динамизація“ это—жупель во всякомъ случаѣ мудренѣе жупела: „металлъ“, котораго такъ боялись героини Островскаго, да онъ и придуманъ для болѣе мудреной публики...

Едва-ли нужно прибавлять, что г. Дюковъ не ограничивается своими псевдо-научными доводами, но прибѣгаетъ и къ другимъ приѣмамъ, которые, вѣроятно, найдутъ свою публику... Онъ и ссылается на „народную мудрость“ съ ея якобы гомеопатическими правилами: „клинь клиномъ вышибай“, „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчися“ (стр. 1); и сообщаетъ кому слѣдуетъ (стр. 46), что нѣкоторые высокопоставленные и даже очень высокопоставленные лица сочувствуютъ гомеопатіи, и рассказываетъ „страшные“ анекдоты о невѣжествѣ и жестокосердіи врачей (стр. 26—27). Однимъ словомъ, у него вы найдете весь тотъ арсеналъ, который пускается въ ходъ во всякой гомеопатической брошюрѣ...

Шарль Жидъ, проф. политической экономіи юридическаго факультета въ Монпелье. **ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ**. Перев. съ 4-го французскаго изданія Л. И. Шейниса. Спб. 1896. Изд. Ф. Павленкова.

„Посредственность въ смыслѣ *золотой середины*“,—говоритъ Шарль Жидъ,—не должна насъ пугать: древніе, которые въ этомъ отношеніи судили не хуже насъ, видѣли въ ней одно изъ условій счастья“ (стр. 258). Авторъ съ своей точки зрѣнія правъ: его книжка выдержала уже четыре изданія во Франціи, переведена на четыре же языка (англійскій, польскій, шведскій и румынскій) (стр. XV) и преподносится теперь русской публикѣ. Для автора это, именно, „счастье“; можно, однако, спорить о томъ, чтобы это было „счастье“ для читателей. Въ своемъ философскомъ „безпристрастіи“, которое усердно подчеркиваетъ переводчикъ (стр. XII), авторъ остановился въ общественномъ міросозерцаніи на баснѣ Мененія Агриппы „о членахъ тѣла и желудкѣ“ (92) и съ олимпійскимъ спокойствіемъ указываетъ „на живанномъ пирѣ“ „каждому овощу свое мѣсто“: ты рентьеръ—прекрасно, имъ и оставайся, ты рабочій—еще лучше, будь имъ и не ропщи, такъ какъ всѣ мы члены одинаго „организма“, а „желудокъ“ нуждается „въ рукахъ“ и „ногахъ“. Но есть люди, которымъ басня старика Мененія не по вкусу, которые хотѣли-бы улучшить свое положеніе. Это грустно, но это фактъ. Нашъ авторъ не только вѣжливъ, но и добръ. Онъ предупредительно указываетъ, что кромѣ взглядовъ Мененія бываютъ и другіе и для сооставленія тѣхъ и другихъ не прочь отъ удивительной эквилибристики, которая дѣлаетъ честь его остроумію. Вотъ, для при-

мѣра — въ теоріи прибыли. Авторъ задается вопросомъ, „по какому праву предприниматель присваиваетъ себѣ цѣнность, являющуюся продуктомъ труда его рабочихъ?“ (259—260). Затѣмъ излагаетъ на этотъ счетъ мнѣнія „экономистовъ“ и „соціалистовъ“. Первые утверждаютъ, что предприниматель имѣетъ право на прибыль, какъ инициаторъ производства, вторые считаютъ его „паразитомъ“, „спекуляторомъ“ и такого права за нимъ не признаютъ. Обѣ эти характеристики автору не нравятся: одна чересчуръ „жестка“, другая — „злая каррикатура“. Какъ же рѣшаетъ вопросъ самъ авторъ и какая точка зрѣнія выработана имъ? Вотъ это-то и трудно рѣшить, ибо затѣмъ на двухъ страницахъ идетъ поперемянное распаркивание въ обѣ стороны. Съ одной стороны нельзя не признаться, что „роль предпринимателя имѣетъ своей *raison d'être*“, ибо онъ „соединяетъ въ своей рукѣ разрозненные элементы и направляетъ ихъ къ общей цѣли“, съ другой стороны нельзя не сознаться, что „функция предпринимателя вредна постольку, поскольку она отнимаетъ возможность рѣшить проблему распредѣленія, обостряетъ распрю между трудомъ и капиталомъ“ и т. п.; „нельзя воспретить рабочимъ считать за собой право на воѣ эти богатства, созданныя трудами ихъ рукъ“ и т. д. и т. д. „Есть ли выходъ изъ этого положенія?“ „Можетъ быть *только два выхода*“: 1) вернуться къ изолированному производству самостоятельныхъ производителей, а такъ какъ этого нельзя, то 2) организовать „корпоративныя товарищества, пускающія въ ходъ орудія производства, составляющія ихъ же собственность“. Читатель думаетъ, что это и есть рѣшеніе вопроса авторомъ? Ошибаетесь. Не желая обижать „экономистовъ“ такимъ обиліемъ уступокъ „соціалистамъ“, на слѣдующей страницѣ послѣ указанія *только двухъ* названныхъ выходовъ, авторъ спѣшитъ заявить: „разъ мы допустили общественную функцию предпринимателя, намъ волей-неволей нужно допустить и законность прибыли“ (стр. 260—262).

На стр. 50 говорится, что „трудъ одинъ только и можетъ претендовать на титулъ дѣятеля производства; природа играетъ только безусловно страдательную роль“, а на стр. 74: „капиталъ можетъ быть образованъ двумя первичными факторами производства: трудомъ и природой; извѣстное выраженіе, что капиталъ есть „кристаллизированный трудъ“, было бы вѣрно, если-бы въ образованіи капитала не принимала участія и природа“. И такъ, составляетъ ли, по мнѣнію автора, природа факторъ производства или нѣтъ?

Еще одинъ примѣръ. Въ вопросѣ „о мѣрахъ для обезпеченія рабочихъ отъ несчастій“ авторъ убѣжденъ, что издержки, связанныя съ болѣзнями, могутъ быть вполне покрыты *обществами взаимопомощи*; даже и отъ несчастныхъ случаевъ у ра-

бочаго хватило бы средствъ застраховаться, но бѣда только въ томъ, что у него „не хватило бы воли сдѣлать это“; но не смотря на весь этотъ оптимизмъ автора, взятый имъ на прокатъ у „экономистовъ“, онъ дѣлается настолько смѣлымъ, что рѣшается утверждать недостаточность средствъ рабочаго для застрахованія себя на старость, на случай смерти и безработицы. Авторъ рѣшается (*horribile dictu*) даже „задать себя“ вопросъ, „не обязано-ли государство вмѣшиваться въ дѣло обезпеченія рабочаго класса отъ этихъ несчастій?“ Не будемъ ждать, чтобы авторъ такъ ужъ сразу и рѣшилъ этотъ новый вопросъ; довольно того, что онъ съ комической серьезностью заявляетъ: „нельзя еще пока судить о полезности и дѣйствительныхъ результатахъ“ германскаго рабочаго страхования, которое останется, однако, „во всякомъ случаѣ самымъ смѣлымъ опытомъ государственнаго социализма“...

Примѣры, въ родѣ приведенныхъ, можно множить до безконечности; укажемъ на всѣ разсужденія о собственности (стр. 241—255), о „неравенствѣ имуществъ“ (стр. 221 и слѣд.), о роли торговыхъ посредниковъ (стр. 97), о конкуренціи и монополіи (стр. 79) и т. д., и т. д.

Кромѣ такой эквилибристики, въ книгѣ г. Жюда встрѣчаемъ подчасъ и такую путаницу основныхъ понятій, которая можетъ произвести сумбуръ въ умѣ неподготовленнаго читателя. Взглянемъ хоть на теорію цѣнности. По мнѣнію автора, „цѣнность есть *желаемость* (*désirabilité*)“; „цѣнность—эта господствующая идея всей экономической науки — не означаетъ, слѣдовательно, ничего болѣе, какъ фактъ, что какая нибудь вещь болѣе или менѣе желаемая“ (27). Никто, конечно, не можетъ запретить никому называть столъ стуломъ и наоборотъ, лишь бы онъ это оговорилъ и объяснилъ. Но представители трудовой теоріи цѣнности это называютъ *полезностью*, а подъ словомъ *цѣнность* разумѣютъ нѣчто другое—тѣ *отношенія*, въ которыхъ товары обмѣниваются между собой; т. е. цѣнность, по этой теоріи, возникаетъ лишь *при обмѣнѣ*. Авторъ можетъ этого не признавать, но онъ обязанъ это знать. Но, смѣшавъ такимъ образомъ понятія, онъ обрушивается на трудовую теорію цѣнности, т. е. попросту воюетъ съ вѣтранными мельницами, и приходитъ къ утѣшительной для себя мысли, что онъ ее разбилъ, хотя и считаетъ долгомъ галантнаго человѣка выразить по этому поводу свое великодушное сожалѣніе (34). Только *послѣ* такой побѣды онъ начинаетъ новый § „о *мнѣнной* цѣнности“, изъ чего читатель долженъ заключить, что всѣ предшествующіе аргументы трудовой теоріи (блистательно опровергнутые авторомъ) относились не къ *мнѣнной* цѣнности, и ждать рѣшенія вопроса объ измѣреніи цѣнности самимъ авторомъ. На стр. 39

такое рѣшеніе дѣйствительно находится: „цѣнность вещи опредѣляется количествомъ вещей, на которое ее можно вымѣнять“, что является уже совсѣмъ неожиданнымъ послѣ всѣхъ предшествующихъ побѣдоносныхъ разсужденій о *полезности*. Но авторъ, начавъ съ ветхонавѣтной *désirabilité* и благополучно добравшись до „количества вещей при обмѣнѣ“, пугается, не слишкомъ-ли много уступокъ онъ сдѣлалъ трудовой теоріи, и старается сохранить умѣренность и золотую середину; это достигается тѣмъ, что онъ возвращается къ забытому эпизоду изъ исторіи трудовой теоріи цѣнности—къ опредѣленію Ад. Смита цѣнности трудомъ, который *можно приобрести* за данный товаръ (40). Но и этимъ не кончается еще вся эта абракадабра. Послѣ такихъ блужданій вокругъ да около трудовой теоріи г. Жидъ все таки не хочетъ признать трудъ мѣриломъ цѣнности, а принимаетъ таковымъ... благородные металлы (41—42) и, оставаясь послѣдовательнымъ, дѣлаетъ блистательное открытіе, что „слово *цѣнна* стало синонимомъ слова *цѣнность*“ (43). До сихъ поръ мы этого не знали и удивляемся, но удивленіе наше возрастаетъ еще болѣе, когда мы читаемъ *черезъ пять строкъ* слѣдующее: „не слѣдуетъ, однако, совершенно смѣшивать, какъ это дѣлаютъ профаны (!), цѣну съ цѣностью“ (43).

Размѣры этой замѣтки разрастаются настолько, что лишаютъ насъ возможности познакомить читателя съ другими частями книжки. А въ ней немало занятныхъ мѣстъ, которыя стоило бы подчеркнуть. Вотъ, напримѣръ, на стр. 269—270 авторъ рѣшительно не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы гдѣ нибудь заработная плата могла не возвышаться надъ тѣмъ уровнемъ, который необходимъ для поддержанія жизни рабочаго (хотя и не приводитъ тому рѣшительно никакихъ доказательствъ), а потому признаетъ „железный“ законъ заработной платы „оптимистичнымъ“ и „золотымъ“. Высокій интересъ далѣе имѣетъ взглядъ автора на процессъ обмѣна. Иные наивные люди думаютъ, что „всякій обмѣнъ, если онъ справедливъ, предполагаетъ *эквивалентность двухъ обмѣниваемыхъ цѣнностей*“ (курсивъ автора), но это—„чистый софизмъ, уже давно опровергнутый... Кондильякомъ“ (!). На самомъ же дѣлѣ, если я (авторъ) приобретаю, а купецъ продаетъ, то „каждый изъ насъ рассчитываетъ путемъ обмѣна *получить больше того, что онъ даетъ*“ (курсивъ автора)—и *оба мы правы*“ (курсивъ нашъ) (94).

Еще далѣе: подъ рубрикой „различныя формы ассоціаціи въ производствѣ“ разсматривается рабство, ассоціація хозяина и работниковъ, акціонерныя компаніи... Очевидно, авторъ не считаетъ для себя обязательнымъ установившійся смыслъ терминовъ.

„Литературную перспективу“ автора (если позволено такъ выразиться) характеризуетъ такая „опѣнка“ прежнихъ писателей: Ад. Смитъ „незаслуженно“ получилъ титулъ *отца* политической экономіи; за нимъ слѣдовали три „великихъ экономиста“: Мальтусъ, Рикардо и Жанъ Б. Сэй; записавъ такимъ образомъ этого послѣдняго въ великіе люди, авторъ успокоительно прибавляетъ: „съ этихъ поръ политическая экономія можетъ считаться окончательно установленной“ (2—3).

Вмѣсто „условія количества и производительности труда“ авторъ разсматриваетъ „четыре условія организаціи труда“: какія же это условія? 1) Ассоціація (въ вышеупомянутомъ смыслѣ), 2) фивіологическое раздѣленіе труда, 3) обмѣнъ и 4) кредитъ, т. е. винигреть изъ разныхъ отдѣловъ курса, притянутыхъ за волосы въ отдѣлъ о производствѣ, но какъ разъ безъ упоминанія о большинствѣ тѣхъ условій, которыми въ дѣйствительности опредѣляется сумма и производительность труда въ обществѣ. И т. д.

По вопросу о методѣ политической экономіи на стр. 8—10 встрѣчаются недурныя разсужденія о необходимости фактическаго изученія дѣйствительности экономическихъ явленій, а въ предисловіи (XV) заявляется, что для „студентовъ и просто образованныхъ людей“ „дидактическій методъ предпочтительнѣе историческаго изложенія“. Почему же? Почему это „студенты и просто образованные люди“ обязаны принимать на вѣру вѣщанія автора, а историко-статистическія подтвержденія этихъ вѣщаній сохраняются только для жрецовъ этихъ мистерій?

Не все, конечно, плохо въ книгѣ г. Жиды. Недурно его популярное изложеніе законмѣрности общественныхъ явленій (4—6), заслуживаетъ вниманія (для *французскаго* теоретика) его осторожное отношеніе къ трехчленному дѣленію (50), съ интересомъ читаются мѣста о „производительности“ капитала и кредита (69 и 153), о вліяніи машинъ на судьбу рабочихъ классовъ (197) и нѣк. друг.

Въ заключеніе два слова по адресу переводчика, дѣлаваго въ книгѣ, съ согласія автора, „кое-гдѣ дополненія и измѣненія“ (XIII). Г. Жидъ говоритъ, что „социалистическія системы остановились на 4-хъ формулахъ раздѣла продуктовъ“. Первая изъ нихъ — „каждому поровну“. Въ объясненіе упоминается Миносъ, Ликургъ, Ромулъ; затѣмъ — передѣлы общинныхъ земель „въ средніе вѣка во многихъ областяхъ Германіи и Англіи“ и *даже* въ наше время „въ Россіи и въ Азіи“. „Организація русскихъ общинъ или *мира* съ его періодическими передѣлами (каждые три года или рѣже) можетъ считаться примѣненіемъ системы раздѣла поровну“ (231). Выходитъ, 1) что вообще земельная община есть продуктъ „со-

ціалистическихъ системъ“, 2) что земельная община въ западной Европѣ существовала только въ *нѣкоторыхъ* областяхъ Германіи и Англіи, 3) что передѣлы въ Россіи совершаются чаще всего—разъ въ три года. Если переводчикъ имѣлъ право производить „дополненія и измѣненія“, то онъ обязанъ былъ, имѣя въ виду *русскихъ* читателей, выпустить, измѣнить, или по крайней мѣрѣ оговорить весь этотъ вздоръ, свидѣтельствующій о кругломъ невѣжествѣ г. Жида во всемъ томъ, что одѣлано литературой въ области изученія земельной общины.

Землевладѣніе и сельское хозяйство.—Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе М. и Н. Водовозовыхъ. М. 1896.

Появленіе въ русскомъ переводѣ нѣкоторыхъ статей по экономіи сельскаго хозяйства изъ названнаго нѣмецкаго изданія должно вызвать живѣйшее сочувствіе, такъ какъ оно, по справедливому замѣчанію предисловія, до извѣстной степени пополняетъ нашу весьма ограниченную литературу по прикладной экономіи Запада. Было бы, конечно, гораздо болѣе цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской читающей публики, если бы Handwörterbuch былъ переведенъ цѣликомъ и издателя, если бы они вняли за такое предпріятіе, оказали бы дѣйствительно весьма крупную услугу нашей экономической литературѣ. Сами же они справедливо говорятъ въ предисловіи, что „словарь этотъ является настоящей энциклопедіей, заключающей въ себѣ массу драгоценныхъ свѣдѣній по праву, статистикѣ, финансамъ и прикладной экономіи“. Не бѣда, если не воѣ статьи въ немъ „написаны въ тонѣ полного безпристрастія“. Не совсѣмъ ясно, что собственно издатели хотѣли сказать этимъ. За отсутствіе въ словарѣ литературнаго гасерства и подхалимства ручаются имена, изъ которыхъ составила редакція этого изданія съ проф. Конрадомъ во главѣ. Если же подъ „отсутствіемъ безпристрастія“ разумѣлась принадлежность авторовъ къ той или другой литературной школѣ, то совсѣмъ неосновательно выставлять такой доводъ противъ русскаго перевода всего словаря. Если издатели будутъ искать „полной объективности“, то можно опасаться, что они не обогатятъ русскую литературу больше никакимъ порядочнымъ изданіемъ, ибо каждый авторъ судитъ по своему крайнему разумѣнію и люди, несогласно мыслящіе, всегда могутъ „обвинять“ каждую—самую дѣльную—работу въ „субъективизмѣ“.

Разъ издатели остановились на мысли издавать только отдѣльныя статьи изъ Handwörterbuch, то о выборѣ этихъ статей говорить еще рано, такъ какъ, повидимому, передъ нами

лишь первый выпускъ цѣлой серіи изданій. Тѣ, которыя вошли въ него, расположены систематично и останавливаютъ вниманіе читателя послѣдовательно на главнѣйшихъ отдѣлахъ сельско-хозяйственной экономіи: на землевладѣніи (статьи общія теоритическія и статистическія, статьи о латифундіяхъ и парцеллированіи), на арендахъ, на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, товариществахъ, союзахъ, кредитѣ, на хлѣбной торговлѣ и сельско-хозяйственныхъ кризисахъ. При томъ значеніи, которое приобретаютъ все эти вопросы у насъ въ настоящее время, книжка должна быть прочтена съ большимъ интересомъ публикой, незнакомой съ подлинникомъ. Переводъ сдѣланъ весьма тщательно, живымъ литературнымъ языкомъ. Слѣдовало бы, однако, отмѣчать въ редакціонныхъ примѣчаніяхъ тѣ немногія мѣста, которыя, относясь къ Россіи, обнаруживаютъ въ авторахъ малое знакомство съ фактическими отношеніями въ нашей странѣ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Иліада Гомера. Переводъ Н. М. Минскаго. Изданіе К. Т. Садатенкова. М. 96. Ц. 75 к.

Собраніе стихотвореній В. Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тютчевскаго. Вып. XIII. Тифлисъ. 96. Ц. 20 к.

Элиза Ожешкова. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Изданіе журнала «Русская Мысль». М. 96. Ц. 1 р. 50 к.

К. М. Станюковичъ. Исторія одной жизни. Изданіе А. А. Карцева. М. 96. Ц. 1 р.

Жена. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. **Андрей Янскаго.** Кіевъ. 96.

В. П. Быстренинъ. Вѣрное средство. Разсказъ. Изданіе И. Г. Советова. М. 96. Ц. 5 к.

Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева. Съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ. Томъ первый. Подъ редакціей П. В. Выкова. Изданіе А. А. Плещеева. Спб. 96. Ц. 3 р. 50 к.

М. В. Крестовская. Артистка. Романъ. Спб. 96. Ц. 2 р.

М. В. Крестовская. Ревность. Бабушкина внучка. Торжество Юліи Андреевны. Спб. 96. Ц. 1 р.

М. В. Крестовская. Сынъ. Немудренныя. Семейныя непріятности. Имянинница. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Дѣти. Первое счастье. Спб. 96. Ц. 1 р.

Вл. И. Немировичъ-Данченко. Мгла. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Вл. И. Немировичъ-Данченко. Губернаторская ревизія. Повѣсть. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 96. Ц. 1 р.

Большое мѣсто. Романъ А. Д. Апраксина. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 96. Ц. 1 р.

Литературный сборникъ произведеній студентовъ С.-Петербургскаго университета, подъ редакціей Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго. Спб. 96. Ц. 3 р.

Починъ. Сборникъ общества любителей російской словесности на 1896 годъ. М. 96. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 96. Ц. съ перес. 3 р.

Сочиненія В. Г. Вѣлинскаго. Въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к., за томъ.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе пятое О. Н. Пошовой. Томъ II. Спб. 96. Ц. за всѣ четыре тома 7 р.

Ж. Мишле. О системѣ и жизни Вико. Историко-біографическій этюдъ съ приложеніемъ подробнаго перечня содержанія «Новой науки». Перев. съ франц. студента Н. Паромоннаго подъ редакціей проф. В. П. Бувежула. Изданіе А. Д. Корчагина. Харьковъ. 96. Ц. 40 к.

Генрихъ Сенкевичъ, какъ психологъ современности. Публичная лекція И. А. Гофштеттера. Съ портретомъ Сенкевича. Спб. 96. Ц. 30 к.

Столѣтіе оснопрививанія. Эд. Дженнеръ и его жизнь. Общеизвестная лекція д-ра М. К. Бурды. Изданіе Одесской городской аудиторіи для народныхъ чтеній. Одесса. 96. Ц. 6 к.

Луи Пастеръ, его жизнь и его открытія. Общеизвестная лекція д-ра М. К. Бурды. Изданіе Одесской городской аудиторіи для народныхъ чтеній. Одесса 96. Ц. 6 к.

Н. Карѣвъ. Историческое міросозерцаніе Грановскаго. Спб. 96. Ц. 40 к.

Н. Карѣвъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 6-е. Спб. 96. Ц. 50 к.

Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Сочиненіе Дж. В. Мармери. Пер. съ англійскаго. Изд. О. Н. Пошовой. Спб. 96. Ц. 1 р. 75 к.

П. Г. Мижухевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. Спб. 96. Ц. 30 к.

Труды перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу въ С.-Петербургѣ (5—12 апрѣля 1895 г.). Спб. 96. Ц. 2 р.

Organisme et société. Par René Worms. P. 96. Pg. 8 fr.

Владиміръ Вагнеръ. Вопросы зоопсихологіи. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

П. А. Никольскій. Основные вопросы страхованія. Казань 96. Ц. 3 р.

А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 96. Ц. 1 р. 10 к.

Основные вопросы политической экономіи. Левъ Вухъ. Часть первая. Интенсивность труда, стоимость, дѣйность и цѣна товаровъ. Спб. 96. Ц. 2 р.

Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Исслѣдованіе причины промышленныхъ застоевъ и бѣдности, растушей вмѣстѣ съ ростомъ богат-

ства. Средство избавления. Перев. съ англ. С. Д. Николаева, профессорный М. И. Туганъ-Барановскимъ. Изд. Л. Ф. Пантелеева. Спб. 96. Ц. 2 р.

К. В. Трубниковъ. Регулирование денежной системы. Спб. 96.

Проф. М. С. Корелинъ. Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Изд. редакціи журнала «Русская Мысль». М. 96. Ц. 80 к.

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Томъ третій. Перев. М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 96. Ц. 4 р.

Фредерикъ Массонъ. Наполеонъ I въ придворной и домашней жизни. Съ 12 рис. Перев. съ франц. Изд. С. Н. Кириллина. Спб. 96. Цѣна 1 р. 50 к.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Изд. 2-е, О. Н. Поповой. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Токвилъ. Старый порядокъ и революція. Переводъ подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. М. 96. Ц. 50 к.

И. В. Лучицкій. Крестьянская новоземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. (Второй отчетъ о командировкѣ за-границу). Киевъ 96. Ц. 75 к.

Рудольфъ фонъ-Іерингъ. Историко-общественныя основы этики. Перев. съ нѣмец. В. М. Гессена. Изд. І. Юровскаго. Спб. 96. Ц. 20 к.

Что такое нравственность? Т. Циглера. Перев. съ нѣм. Александра Острогорскаго. 2-е изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 96. Ц. 50 к.

К. Вагнеръ. Простая жизнь. Переводъ съ франц. С. Леонтьевой. Спб. 96. Ц. 1 р.

Сѣмена жизни. Изд. журнала «Вратская помощь» Н. А. Устиновича. Лента пятая. Саратовъ 96.

Джонъ Морлей. О компромиссѣ. Переводъ съ англ. М. Ц. Съ приложеніемъ статьи того же автора о воспитательномъ значеніи литературы. Изд. 2-е. М. 96. Ц. 75 к.

Законы. Дешевое изданіе для народа. Изд. Я. Канторовича. Спб. 96. — О священныхъ правахъ и преимуществахъ верховной самодержавной власти. Ц. 5 коп. — О преступленіяхъ противъ вѣрм. Ц. 5 коп. — О союзѣ брачномъ Ц. 10 к. — О союзѣ родителей и дѣтей. Ц. 5 к. — О нарушеніи общественнаго спокойствія. Ц. 5 к. — О преступленіяхъ противъ народнаго адравія. Ц. 5 к. — О преступленіяхъ противъ жизни, адравія, свободы и чести частныхъ лицъ. Ц. 10 к. — О преступленіяхъ и проступкахъ противъ собственности частныхъ лицъ. Ц. 10 к. — О духовныхъ завѣщаніяхъ. Ц. 5 к. — Объ опекахъ и попечительствахъ. Ц. 5 к.

И. И. Пантюховъ. О пещерныхъ и пещерныхъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ 96. Ц. 1 р.

Земля и люди. Всемирная географія, сочиненіе Э. Реклю. Швеція и Норвегія. Полный переводъ съ франц. П. Н. Краснова. Съ 75 рисунками. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 96. Ц. 1 р.

С. И. Шохоръ-Троцкій. Методика арифметики для учителей народныхъ школъ. Изд. 4-е. Спб. 96. Ц. 80 к.

Новый способъ нахождения общаго наибольшаго дѣлителя, дающій признаки дѣлимости на любымъ числа и функціи. Часть I. Составилъ А. А. Р. Спб. 96. Ц. 40 к.

Библиотека для самообразованія. Ремсенъ. Введеніе къ изученію

органической химіи или химіи углеродистыхъ соединений. Переводъ со 2-го англійскаго изданія Н. С. Дрентельна съ измѣненіями и дополненіями М. И. Коновалова. М. 96. Ц. 1 р. 75 к.

Женщина-врачъ М. И. Покровская. О вліяніи жилища на здоровье, нравственность, счастье и матеріальное благосостояніе людей. Спб. 96. Ц. 30 к.

Вліяніе школы на здоровье подростяующихъ поколѣній. (Докладъ Херсон. обществу врачей). Земск. санитарн. врача П. Ф. Кудрявцева. Херсонъ 96.

Санитарное состояніе низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній А. Д. Соколова. (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 96.

Объ утомленіи глаза. Д-ра мед. Р. Каца. Съ 2 рис. въ текстѣ. Спб. 96. Ц. 20 к.

С. С. Вермель. Головные боли, сущность, классификація и лѣченіе. М. 96. Ц. 40 к.

С. Ѳ. Шараповъ. Крестьянскій плугъ. Спб. 96. Ц. 10 к.

Сергѣй Шараповъ. По садамъ и огородамъ. Спб. 95. Ц. 30 к.

Сергѣй Шараповъ. По черноморскому побережью. Спб. 96.

Опыты опредѣленія наивыгоднѣйшихъ приѣмовъ при культурѣ табака-маюрки. Отчетъ по опытной табачной плантаціи Лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ за 1893 г. Спб. 95.

Отчетъ Лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ за 1894—95 г. Полтава 95.

Нефтеотопленіе паровыхъ котловъ. Составилъ инж.-технол. В. И. Бересневъ. Спб. 96. Ц. 35 к.

Эдуардъ Кларъ. Разрушеніе Закавказской жел. дороги въ 1895 г. (Изъ воспоминаній фотографа). Тифлисъ 96. Ц. 20 к.

Земскій сборникъ Черниговской губ. 1896. № 1. Изд. Черниговской губ. земской управы. Черниговъ 96.

Исслѣдованіе частновладѣльческаго скотоводства въ Саратовской губ., произведенное въ 1894 г. Изданіе Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ 95.

Проектъ нормальной сѣти училищъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Изд. Нижегородскаго уѣзднаго земства. Нижній-Новгородъ 96.

Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Вып. I. Изданіе Якутскаго статистическаго комитета. Якутскъ 95. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ г. Бердянскѣ за 1894—95 г., составленный Сергѣемъ Бычихинимъ. Бердянскъ 96.

Отчетъ Симбирской бесплатной народной бібліотеки-читальни въ память И. А. Гончарова за 1895 г. Симбирскъ 96.

Изъ Австріи.

Венгерскія дѣла въ собственной Австріи, т. е. въ Цислейтаніи, очень мало извѣстны. Венгры прилагаютъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы Европа какъ можно меньше знала, что дѣлается у нихъ дома; съ другой стороны, не щадя средствъ, рекламируютъ всякій мелкій фактъ, который могъ бы возвысить ихъ въ мнѣніи иностранцевъ. Вслѣдствіе этого, европейская печать очень много говоритъ о либеральныхъ реформахъ венгерскаго министерства, объ экономическомъ прогрессѣ Венгріи, объ успѣхахъ ея искусства и литературы, но ни словомъ не обмолвится о томъ, что венгерскій народъ страшно бѣдствуетъ, что не мадьярскія народности Венгріи подвергаются самой безпощадной денационализаци, что венгерское общество деморализировано, а чиновничество продажно. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что западно-европейская пресса, почерпаящая свѣдѣнія о Венгріи изъ венгерскихъ же источниковъ, пишетъ въ духѣ сочувственномъ венграмъ. Гораздо удивительнѣе, что и австрійская пресса дѣлаетъ почти то же самое. Это объясняется, во-первыхъ, малой распространенностью венгерскаго языка. Нѣмецкій или славянскій журналистъ Австріи принужденъ почерпнуть всѣ свои свѣдѣнія о политическихъ и общественныхъ дѣлахъ Венгріи изъ нѣмецкихъ органовъ, издаваемыхъ венгерскимъ правительствомъ. Эти же органы, какъ напр., «Pester Lloyd», сора изъ избы не выносятъ и предлагаютъ иностранному читателю только такіа свѣдѣнія, которые ничѣмъ не могутъ повредить венграмъ. Не ограничиваясь этимъ, венгры субсидируютъ не малое число австрійскихъ газетъ, которыя пишутъ похвальные гимны мудрости венгерскаго правительства, либерализму венгерскихъ банкировъ и биржевыхъ дѣльцовъ и венгерской культурѣ вообще. Корреспонденты австрійскихъ газетъ въ Венгріи—венгерцы, такъ какъ трудно найти въ Цислейтаніи нѣмца, достаточно знакомаго съ венгерскимъ языкомъ. Кромѣ того, подобный корреспондентъ почти всегда находится на изживеніи венгерскихъ капиталистовъ и, разумѣется, пишетъ, что этимъ послѣднимъ нравится. Свое грязное бѣлье венгерцы стираютъ у себя дома, а мадьярскія газеты переполнены такими разоблаченіями, которыя заставили бы сильно усомниться въ либерализмѣ и культурности мадьяръ тѣхъ, кто могъ бы читать эти газеты. Но все дѣло въ томъ, что мадьярскія газеты читаются только самими мадьярами. Ссорясь, полемизируя и ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ у себя дома, венгерцы тотчасъ же принимаютъ бла-

городный видъ, какъ только на нихъ устремляетъ взоры чужеземецъ. По отношенію къ заграничному общественному мнѣнію, венгерцы всѣхъ партій совершенно солидарны между собой, и ни одинъ изъ нихъ не станетъ ронять престижъ венгерскаго отечества внѣ Венгріи.

Только изрѣдка общественное мнѣніе Европы можетъ заглянуть за кулисы венгерскаго балагана, кажущагося, благодаря штукатуркѣ и фольгѣ, капитальнымъ, крѣпкимъ зданіемъ. Такъ было въ прошломъ году, когда громкій процессъ въ Мѳи-Васаргели пролилъ яркій свѣтъ на отчаянное, прямо сицилійское положеніе венгерскаго крестьянина, ограбленнаго помѣщиками и терроризируемаго жандармами и бюрократіей. Такъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда надѣлавшій много шума «меморандумъ» трансильванскихъ румынъ охарактеризовалъ отношеніе венгерскаго правительства къ подвластнымъ ему народностямъ. Въ настоящее время, въ виду наступающаго возобновленія австрійско-венгерскаго соглашенія, въ австрійской прессѣ (преимущественно, антисемитской) появляются многочисленные данныя для характеристики внутреннихъ дѣлъ Венгріи. Понятно, что къ свѣдѣніямъ изъ подобныхъ источниковъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, такъ какъ не всегда можно поручиться за ихъ полную достовѣрность; однако, по тому, какъ относится къ такимъ разоблаченіямъ официальная венгерская пресса, уже апріори можно рѣшить, что въ данномъ случаѣ дымъ не безъ пламени.

Ни для кого не тайна, что венгры пользуются въ Австріи преобладающимъ значеніемъ. Они господствуютъ у себя дома и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказываютъ сильнѣйшее вліяніе на дѣла Цислейтаніи. Благодаря своей энергіи, настойчивости и большой безцеремонности, венгры всегда умѣли пользоваться затруднительнымъ положеніемъ австрійскаго правительства. Послѣ 1867 г., когда австрійскому правительству, потерпѣвшему полное пораженіе въ войнѣ съ Пруссіей, приходилось плохо, венгры сумѣли во время выдвинуться на первый планъ и ловко забрали въ свои руки то, что предназначалось для всѣхъ народностей монархіи Габсбурговъ. Законъ 1868 г. призналъ венгерскій языкъ государственнымъ въ транслейтанской половинѣ монархіи, но вовсе не лишалъ правъ языковъ остальныхъ народностей Венгріи. Эти послѣднія сохраняли за собой право не только въ школахъ и гимназіяхъ, но также и въ судопроизводствѣ и въ сношеніяхъ мѣстнаго населенія съ административными властями. Однако, за исключеніемъ мадьяръ, да отчасти, пожалуй, еще румынъ, ни одна изъ народностей Венгріи не оказалась настолько созрѣвшей политически, чтобы воспользоваться своимъ правомъ въ должной мѣрѣ. Само собой разумѣется, что венгры не стали дожидаться, пока словаки, русины, сербы и т. д., поймутъ значеніе признанныхъ за ними правъ и научатся ими пользоваться.

Маленькій венгерскій народецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ чуждыми ему племенами, долженъ прилагать всѣ свои усилія къ тому, чтобы не утонуть въ славяно-романо-германскомъ морѣ. Еще Кошутъ сказалъ: «мадьяризируйте какъ можно скорѣе славянъ, румынъ и нѣмцевъ, иначе вы погибнете!» Этотъ завѣтъ знаменитаго борца за свободу венгерскаго народа прекрасно помнятъ его соотечественники. Что касается крутыхъ мѣръ денационализаціи, изобрѣтаемыхъ венграми, то въ этомъ отношеніи маленькой венгерской шукѣ могла бы позавидовать не одна большая акула.

Даже по официальной венгерской статистикѣ, мадьяры не составляютъ и половины населенія Венгріи. Если исключать Хорватію и Славонію, провинціи, пользующіяся совершенной автономіей и поэтому недоступныя для мадьяризаціи, то венграмъ остается поглотить трансильванскихъ румынъ, нѣмецкихъ (саксонскихъ) колонистовъ, сербовъ, словаковъ и русиновъ. Но и между этими народностями не всѣ поддаются насильственной мадьяризаціи. Во-первыхъ, румыны, — народъ живой, дѣятельный и энергическій, къ тому же пользующійся поддержкой своихъ единоплеменниковъ изъ сосѣдней независимой Румыніи, — рѣшили дать отпоръ мадьяризаторскимъ тенденціямъ венгровъ и путемъ послѣдовательной агитаціи между народомъ, на митингахъ, въ печати, въ издаваемыхъ заграницей брошюрахъ выяснили своему обществу сущность этихъ тенденцій, указали средства борьбы съ ними и начали эту борьбу. Теперь уже и сами венгры, употребляющіе для подавленія румынской агитаціи очень суровыя мѣры, приходятъ къ тому убѣжденію, что съ румынами невозможно сладить и нужно обратиться, главнымъ образомъ, туда, гдѣ ихъ попытки не встрѣчаются съ такимъ дружнымъ, энергическимъ отпоромъ.

Венгерскіе нѣмцы, благодаря своей культурности и нѣкоторой поддержкѣ извнѣ, тоже не легко поддаются мадьяризаціи. Врочемъ, нѣмцы (въ Семиградіи) довольно малочисленны, и поэтому венгры не особенно заботятся о томъ, чтобы ихъ помадьярить. Кромѣ этого, венгры, какъ тонкіе политики, прекрасно понимаютъ, что слишкомъ крутыя мѣры могутъ вызвать протесты со стороны нѣмецкой печати не только въ Австріи, но и въ Германіи. Можетъ получиться европейскій скандалъ, чего венгры, заботящіеся о симпатіяхъ Европы, крайне боятся.

Остаются сербы, словаки и русины. Сербамъ мы посвятимъ современное специальное письмо, въ настоящее же время займемся только положеніемъ словаковъ и русиновъ.

Словаки *) населяють сѣверную Венгрію, начиная отъ гра-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать словаковъ со словинцами (словенцами), населяющими Штирію, Крайну, Каринтію, Истрію и Горицу. Эти послѣдніе родственны сербо-хорватамъ и составляютъ отрасль юго-славянъ, между тѣмъ какъ словаки — западное славянское племя, родственное полякамъ и чехамъ.

ницъ Моравіи (восточная часть которой тоже населена словаками) до Шарншваго Потока, гдѣ они сливаются съ русинами. Они занимаютъ сплошной массой пятнадцать столицъ (комитатовъ). Кромя того словацкія поселенія, иногда въ видѣ весьма крупныхъ колоній, разсѣяны по всей Венгріи. Такъ, напр., недалеко отъ Будапешта находится большая словацкая колонія съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ. Языкѣ словаковъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ составляетъ какъ бы звено, соединяющее три языка: чешскій, польскій и малорусскій. На западѣ словацкій языкъ незамѣтно переходитъ въ чешскій, на сѣверѣ въ польскій, а на востокѣ въ малорусскій.

Словацкая національная литература существуетъ немногимъ болѣе ста лѣтъ. Съ XV по XVIII столѣтія словаки жили общей культурной жизнью съ своими чешскими соплеменниками, и литературнымъ языкомъ словаковъ былъ чешскій, который и теперь сохранилъ за собой господство у моравскихъ словаковъ. Чешскую литературу вмѣстѣ съ чешскимъ языкомъ и протестантизмомъ занесли въ Словацчину въ половинѣ XV столѣтія выходцы-гусситы изъ Чехіи.

Хотя чешскій литературный языкъ и оказалъ большое вліяніе на народную рѣчь словацкихъ массъ, однако, онъ ея не вытѣснилъ, и, когда въ концѣ XVIII вѣка началось движеніе, извѣстное подъ названіемъ національнаго возрожденія славянъ, оно не миновало и словаковъ. Чешскій языкъ, на которомъ писала крайне немногочисленная словацкая интеллигенція и который употреблялся въ богослуженіи словаковъ-протестантовъ, для словацкаго просто-народія былъ мертвымъ языкомъ. Между тѣмъ и въ Словачинѣ, какъ и вездѣ въ то время, интеллигенція подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей вѣка стала обращать большее вниманіе на народъ, пожелала превратить литературу въ достояніе массъ и вслѣдствіе этого начала употреблять народный языкъ. Главнымъ инициаторомъ этого направленія былъ священникъ Антонъ Вернолакъ (род. 1762 г.).

Вернолакъ оказалъ сильное вліяніе на своихъ современниковъ и вызвалъ значительное движеніе среди словацкой (преимущественно духовной) интеллигенціи. Въ 1792 г. появляется первое «Словацкое ученое общество» въ Тарнавѣ съ отдѣленіями въ другихъ словацкихъ центрахъ. Вокругъ Вернолака собираются первые національные словацкіе писатели, въ теченіе краткаго времени появляется довольно большое количество сочиненій на словацкомъ языкѣ, и такимъ образомъ начинается новая славянская литература.

Эта литература, развившаяся среди словаковъ-католиковъ, дала словакамъ большое число ученыхъ и популярныхъ богословскихъ сочиненій, довольно много филологическихъ работъ, немало хорошихъ книжекъ по сельскому хозяйству для народа, но между пер-

выми словацкими писателями не было ни одного поэта или беллетриста. Словацкая поэзія возникла среди словаковъ-протестантовъ, которые жили совершенно самостоятельной духовной жизнью, мало спосились со своими католическими земляками. У словаковъ-протестантовъ вліяніе чешскаго языка было гораздо сильнѣе, такъ какъ они были прямыми наслѣдниками чешскихъ выходцевъ временъ гусситизма и свято хранили завѣты Гусса, вмѣстѣ съ тѣмъ они глубоко чтили чешскій языкъ, на который была переведена ихъ главная святыня, т. е. Кралицкая біблія, и на которомъ были написаны ихъ богослужебныя книги. Примѣръ словаковъ-католиковъ повліялъ и на нихъ. И у нихъ появляются ученныя общества, которыя задаются цѣлю развивать народный языкъ, и у нихъ начинаютъ выходить сочиненія на словацкомъ языкѣ, основываются первые органы печати и т. д. Однако, между словаками, католиками и ихъ протестантскими родичами не было никакой связи. Обѣ отрасли одного и того же народа, раздѣленные только вѣроисповѣданіемъ, представляли какъ бы два чуждые, иногда враждебные лагеря.

Хотя въ самомъ концѣ XVIII столѣтія и въ теченіе первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка словацкая національная литература могла похвалиться довольно значительнымъ количествомъ сочиненій, однако, традиція прежняго литературнаго единства съ чехами все еще была жива, и многіе словаки, не порывая связи со своимъ роднымъ народомъ, писали по чешски. Между прочимъ Словацщина дала чешской литературѣ двухъ писателей, слава которыхъ распространилась далеко за предѣлы не только ихъ родины или Чехіи, но и всего славянства. Мы говоримъ о Янѣ Колларѣ, творцѣ «Дочери Славны», и объ историкѣ Шафарикѣ. Благодаря этимъ двумъ именамъ, и Словацщина приобрѣла извѣстность въ славянскомъ мірѣ. Идея «славянской взаимности», проповѣдуемая Колларомъ, оказала громадное вліяніе на развитіе національнаго сознанія среди мелкихъ славянскихъ народностей. Хотя Колларъ и не былъ сторонникомъ литературнаго сепаратизма словаковъ, однако, его дѣятельность, быть можетъ противъ его воли, сильно способствовала развитію самостоятельной словацкой литературы. Сборникъ сонетовъ Коллара, изданный подъ заглавіемъ «Дочь Славны» (1824), пробуждалъ въ сердцахъ словаковъ не только восторженную любовь къ миѣческой Славянщинѣ, но и искреннее желаніе работать на пользу собственнаго народа. Демократическія идеи, которыми были проникнуты стихотворенія Коллара, припались среди вышедшей изъ народа словацкой интеллигенціи и принесли обильные плоды.

Колларъ, какъ извѣстно, признавалъ только четыре славянскія литературы: русскую, польскую, иллирійскую и чешскую. Онъ ставилъ въ обязанность каждому славянину знать эти четыре языка, чтобы пользоваться плодами духовной жизни всей Славян-

щины, которая, какъ ему казалось, представляетъ нѣчто цѣлое, единое. Однако, тѣмъ не менѣе онъ не отрицалъ права на самостоятельное развитіе всякаго изъ славянскихъ нарѣчій: онъ только не вѣрилъ въ возможность того, чтобы литература маленькой народности получила выдающееся значеніе и могла соперничать на попрѣцъ цивилизаціи съ литературами крупныхъ національностей. Вслѣдствіе этого самъ Колларъ писалъ по чешски. Но чешскій языкъ его твореній не отличался особенной чистотой; въ нихъ то и дѣло попадались словацкимъ. Послѣдователи Коллара, хотя и одушевлялись его идеями, но ясно чувствовали, что чешскій языкъ, который они изучали по книжкамъ, не можетъ замѣнить имъ родного языка, на которомъ они говорили между собой ежедневно. Прозанческія сочиненія словацкихъ писателей еще довольно долго выходили на чешскомъ языкѣ, но уже первые словацкіе поэты видимо затруднялись писать свои произведенія по чешски. Въ этомъ отношеніи примѣръ Коллара не подѣйствовалъ. Голли, Халушка и другіе словацкіе поэты употребляютъ исключительно родной языкъ, хотя и не совсѣмъ чистый.

Однако, чешскій языкъ, лишенный правъ гражданства въ словацкой поэзіи, все еще игралъ очень важную роль въ культурной жизни словацкаго народа. Всѣ періодическія изданія словаковъ печатались если не на чистомъ чешскомъ, то во всякомъ случаѣ и не на словацкомъ языкѣ. Ихъ языкъ представлялъ какую то невообразимую смѣсь чешскаго литературнаго языка съ формами, выраженіями и словами, взятыми изъ различныхъ словацкихъ народныхъ діалектовъ. Это былъ жаргонъ, весьма похожій на тотъ, который употребляютъ и нынѣ послѣдніе могокане галиційской т. н. «москвофильской» партіи.

Окончательный поворотъ въ чистому народному языку относится въ словацкой литературѣ къ 40-мъ годамъ, когда на сцену выступила троица реформаторовъ: Людевитъ Штуръ, Іосифъ Гурбанъ и Михайлъ Годжа.

Поддерживаемый двумя своими пріятелями, Людевитъ Штуръ выступилъ въ защиту чистаго народнаго словацкаго языка, чѣмъ возбудилъ противъ себя все старшее, болѣе консервативное поколѣніе. Онъ издалъ въ 1846 г. въ Прессбургѣ брошюру подъ заглавіемъ «Словацкое нарѣчіе и необходимость писать на этомъ нарѣчій». Въ этомъ сочиненіи онъ привелъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу самостоятельнаго развитія словацкаго языка. Самымъ главнымъ доводомъ было, разумѣется, то обстоятельство, что словацкій крестьянинъ почти не понималъ чешскаго литературнаго языка. Штуръ ссылался на русскихъ, сербовъ, болгаръ, которые точно также возвели на степень литературнаго языка свои народныя нарѣчія, забросивъ церковно-славянскій, который прежде игралъ у нихъ совершенно такую же роль, какъ чешскій у словаковъ.

Реформаторскіе взгляды Штура встрѣтились съ оппозиціей и въ самой Словачинѣ и въ Чехіи. Почти всѣ чешскіе журналы строго осуждали сепаратистскія тенденціи Штура и его сторонниковъ, обвиняя ихъ въ узкомъ провинціализмѣ и т. д. Противъ Штура агитировалъ и Колларъ, который собиралъ со всѣхъ сторонъ мнѣнія недовольныхъ реформой и отсылалъ эти мнѣнія въ «Чешскій музей», бывшій въ то время тѣмъ то въ родѣ академіи наукъ. «Чешскій музей» издалъ мнѣнія, присланныя ему Колларомъ, отдѣльнымъ сборникомъ, озаглавленнымъ: «Голоса о необходимости единства литературнаго языка для чеховъ, моравянъ и словаковъ». Всѣхъ «голосовъ» было тридцать три. Между ними было и мнѣніе Шафарика. Этотъ послѣдній признавалъ, что нелегко сохранить литературное единство двухъ народностей, поставленныхъ въ различныя условія и развивающихся самостоятельно. Шафарикъ нисколько не отрицалъ значенія популярной литературы на словацкомъ языкѣ, онъ соглашался съ тѣмъ, что такая литература желательна для домашняго обихода, но она не должна отрывать словацкіе образованные классы отъ чеховъ. Шафарикъ особенно не нравилось, что сторонники Штура вводили особое, отличающееся отъ чешскаго, правописаніе.

Насколько заявленіе Шафарика было умѣренно, настолько требованія Коллара отличались рѣзкостью. Онъ былъ того мѣнія, что слѣдуетъ не размножать, а уменьшать количество славянскихъ языковъ. Колларъ полагалъ, что словаковъ такъ мало, что для нихъ не стоитъ основывать специальную литературу. Онъ яростно обрушивался на языкъ, употребляемый Штуромъ и его сторонниками, называя его кухоннымъ, свинопашескимъ, грубымъ и т. д. Штура онъ называлъ прямо измѣнникомъ и врагомъ. Вообще «голосъ» Коллара написанъ страстно, жельно и полонъ несообразностей.

Осенью 1846 г. Гурбанъ приступаетъ къ изданію существующаго и нынѣ мѣсячника «Slovenskie Pohľady». Въ первомъ же номерѣ появилась рецензія на «Голоса», въ которой опровергались всѣ аргументы Коллара. Защиту филологической стороны реформы принялъ на себя Штуръ, издавъ сочиненіе «Наука словацкаго языка». Годжа въ своемъ «Добромъ словѣ словакамъ» доказывалъ, что путемъ возведенія словацкаго языка на степень литературнаго словаки не только не обособляются, но приобретаютъ средство къ литературному общенію съ поляками, русскими и иллирами, потому что словацкій языкъ въ гораздо большей мѣрѣ, нежели чешскій, даетъ ключъ къ пониманію прочихъ славянскихъ языковъ. Годжа доказывалъ, что чешская литература еще настолько бѣдна, что словаки ничего не потеряютъ, если не будутъ ее знать въ совершенствѣ.

Послѣднимъ выстрѣломъ со стороны «библистовъ» (такъ назывались сторонники чешско-словацкой литературной смѣси) была

книжка профессора евангелическаго лицея въ Шавницѣ Стефана Лаунера «Слово къ своему народу». Это сочиненіе не содержало никакихъ дѣльныхъ аргументовъ въ пользу сохраненія той чудовищной смѣси, которую употребляли «библисты»: оно было сплошь наполнено грубой бранью. Приверженцевъ Штура Лаунеръ называетъ прямо сволочью, говоря: «штуровская сволочь хочетъ замѣнить ангельскій языкъ храмовъ тѣмъ говоромъ, на которомъ вы обращаетесь къ вашимъ коровамъ, быкамъ, собакамъ и свиньямъ. Люди, пишущіе по словацки, желаютъ подражать телятамъ, идиотамъ и груднымъ ребятамъ». «Эта несчастная сволочь достойна того, чтобы въ ея безбожные и нечистые рты пустить огня, который бы или сжегъ эту нечистоту отравленной ядомъ морды или, такъ какъ эта дрянь въ смрадѣ и пыли своихъ татарскихъ дыръ начинаетъ гнить, помогъ бы этому и превратилъ бы ее въ пепелъ».

Однако, ничто не помогало. Молодое поколѣніе держалось Штура и словацкаго языка. Введеніе народнаго языка въ литературу не замедлило вызвать очень важныя послѣдствія. Интеллигенція уже не чувствовала себя отдѣленной глубокой пропастью отъ народа. Наступаетъ сближеніе между интеллигентными представителями словацкаго народа и народными массами. Основываются различныя просвѣтительныя и экономическія общества, появляются бібліотеки и воскресныя школы, наконецъ, самымъ важнымъ результатомъ націонализаціи словацкой интеллигенціи было примыреніе католическаго и протестантскаго словацкаго духовенства, раздѣленнаго въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

На поприщѣ литературы замѣчается большое оживленіе. Появляется масса народныхъ изданій: календарей, брошюръ противъ пьянства, сочиненій поучительнаго и беллетристическаго содержанія. Два тогдашнія словацкія періодическія изданія приобрѣли большое число подписчиковъ. Наконецъ, появился дѣйствительно талантливый словацкій національный поэтъ—Андрей Сладковичъ.

Сладковичъ—одинъ изъ семнадцати сыновей бѣднаго сельскаго учителя, родился въ 1820 г. Поступивъ въ шавницкій лицей, Сладковичъ познакомился съ идеями Штура и сталъ ревностнымъ приверженцемъ самостоятельнаго развитія словацкаго народа. Въ 1840 г. Сладковичъ поступилъ на богословскій факультетъ въ Прессбургъ, а, спустя три года, поѣхалъ въ Галле. Будучи студентомъ тамошняго университета, Сладковичъ познакомился съ одной стороны съ эстетикой Гегеля, а съ другой—съ поэзіей Пушкина. Подаренный ему однимъ русскимъ знакомымъ «Онѣгинъ» произвелъ на Сладковича громадное впечатлѣніе, и въ первыхъ его стихотвореніяхъ замѣчается вліяніе великаго русскаго поэта.

Изъ современныхъ Сладковичу словацкихъ поэтовъ заслуживаютъ вниманія Само Халупка и Янко Крадь. Кромѣ этой троицы

корифеевъ словацкой поэзіи на литературное поприще выступилъ цѣлый рядъ поэтовъ, обогатившій молодую словацкую письменность громаднымъ количествомъ поэтическихъ твореній всякаго рода. Появились и авторы рассказовъ и повѣстей. Первое мѣсто между ними, безъ сомнѣнія, занимаетъ Янко Колинчакъ, авторъ многочисленныхъ беллетристическихъ произведеній изъ словацкой жизни. Янко Колинчакъ былъ сыномъ затурчанскаго протестантскаго священника, а мать его происходила изъ стараго дворянскаго (земанскаго) рода. Колинчакъ въ дѣтствѣ посѣщалъ семьи своихъ родственниковъ со стороны матери и наблюдалъ оригинальные нравы и обычаи прежняго словацкаго дворянства. Окончивъ философско-юридическій и богословскій курсъ въ Прессбургѣ, Колинчакъ отправился въ университетъ въ Галле, особенно излюбленный въ то время словаками-протестантами. Возвратившись на родину, Колинчакъ началъ писать повѣсти, подражая извѣстному польскому писателю Михаилу Чайковскому, казацкіе рассказы котораго пользовались среди словацкой молодежи громадной популярностью. Знакомство съ польской поэзіей, идеализировавшей шляхетскіе типы польскаго общества временъ Рѣчи Посполитой, побудило Колинчака заняться изображеніемъ словацкаго дворянства, которое онъ изучилъ еще въ дѣтствѣ. Его рассказы изъ жизни прежняго словацкаго дворянства снискали ему наибольшую славу.

Одновременно съ Колинчакомъ выступилъ на литературное поприще Іосифъ Милославъ Гурбанъ, авторъ историческихъ повѣстей, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ «Олейкарь», историческій рассказъ въ романтическомъ стилѣ. Вокругъ Колинчака и Гурбана группировалась цѣлая кучка болѣе или менѣе талантливыхъ повѣстеписателей и рассказчиковъ. Народный языкъ окончательно восторжествовалъ въ словацкой литературѣ, прекратился раздоръ между словаками различныхъ вѣроисповѣданій, и словацкая національная жизнь потекла нормальнымъ русломъ.

Однако, политическія событія конца 40-хъ годовъ прервали культурную дѣятельность словацкаго народа, а послѣдствія венгерской революціи и словацкой контръ-революціи замедлили правильное развитіе и словацкой литературы, и народнаго образованія, и политическаго самосознанія массъ.

По мѣрѣ того какъ возрастали притязанія мадяръ, среди другихъ народностей Венгріи: хорватовъ, сербовъ, румынъ и словаковъ стали все чаще и чаще раздаваться голоса протестующихъ. У словаковъ появилась масса брошюръ, доказывавшихъ всю неосновательность венгерскихъ претензій и право другихъ народностей на такое же самостоятельное развитіе. Однако ни эти брошюры, ни обращеніе словаковъ за помощью и поддержкой къ центральному правительству не принесли имъ рѣшительно никакой пользы. Императоръ принялъ очень милостиво словацкую де-

путацію, но эта аудіенція не привела ни къ какому результату. Агитація со стороны мадьярскихъ націоналистовъ все усиливалась.

Въ своемъ органѣ «Slovenskie narodne Noviny» Штуръ выступилъ въ качествѣ убѣжденнаго демократа, выдающаго въ дворянствѣ причину всѣхъ бѣдствій словацкаго народа. Онъ былъ избранъ депутатомъ въ прессбургскій мѣстный сеймъ и энергически отстаивалъ тамъ интересы народныхъ массъ, требуя освобожденія крестьянъ, введенія во всѣ школы народнаго языка, ограниченія правъ дворянскаго сословія и т. д.

Когда 1848 годъ принесъ и Венгріи цѣлый рядъ либеральныхъ реформъ, почти всѣ немадьярскія народности Венгріи восприняли духомъ. Румыны и сербы стали открыто выступать противъ преобладанія мадьяръ. Это движеніе охватило и словаковъ. По лицу всей Словакии созываются народные митинги, на которыхъ тысячи словаковъ утверждаютъ революцію, требующую рядомъ съ общевенгерскимъ сеймомъ сеймовъ областныхъ; въ этихъ сеймахъ каждая народность рѣшала бы всѣ касающіяся ея дѣла. Далѣе резолюція требовала введенія національнаго языка въ школу—низшую, среднюю и высшую; національныхъ знаменъ рядомъ съ общевенгерскими; словацкихъ начальниковъ и словацкой команды для верхневенгерской національной гвардіи; избирательнаго права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ; полной свободы печати; свободы сходавъ и обществъ; возвращенія народу отнятой земли и т. д.

Когда вспыхнула венгерская революція, словаки, подобно хорватамъ, подняли знамя контръ-революціи и стали поддерживать австрійское правительство въ его борьбѣ съ мадьярами. Во главѣ словацкихъ добровольцевъ стали Штуръ, Годжа и Гурбанъ. Все молодое поколѣніе словацкой интеллигенціи послѣдовало за ними. О нормальномъ ходѣ литературы нечего было и говорить. Словацкіе журналы прекращали свое существованіе одинъ за другимъ. Мѣсто журналовъ и книжекъ заняли прокламаціи, агитаціонныя брошюры и листки, наконецъ патріотическія стихотворенія, появляющіяся въ большомъ количествѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и мадырофильская словацкая пресса, служащая цѣлямъ Кошута и венгерской революціонной партіи, которая крайне лицемерно относилась ко всѣмъ требованіямъ немадьярскихъ національностей. Поддерживаемая, собственно говоря, даже основанная этой партіей, мадырофильская пресса и издаваемые сторонниками Кошута летучіе листки постоянно убѣждали словаковъ въ томъ, что венгры нисколько не думаютъ отнимать у нихъ ихъ языкъ, но дѣйствія кошутистовъ постоянно расходились съ ихъ словами. Любопытно, что на сторону мадьяръ перешли остатки прежнихъ «библистовъ». Въ ихъ воззваніяхъ и брошюрахъ Кошутъ рекомендуется въ качествѣ единственнаго друга

словаковъ. «Библнсты» откровенно склоняются къ тому мнѣнію, что венгерскій языкъ долженъ стать господствующимъ языкомъ во всей Венгріи.

Почти всѣ представители національнаго направленія въ словацкой литературѣ очутились въ рядахъ возставшихъ. Они приравнивали ремесло литераторовъ на дѣятельность воиновъ, агитаторовъ, конспираторовъ, организаторовъ повстанскихъ отрядовъ и т. д. Вожди словацкаго движенія Штуръ, Гурбанъ и Годжа подвергались не малой опасности, такъ какъ Кошутъ манифестомъ 17 октября 1848 г. вычеркнулъ ихъ изъ списка венгерскихъ гражданъ и объявилъ за поимку каждого награду въ 50 золотыхъ. Многие изъ словацкихъ писателей едва избѣжали висѣлицы, такъ какъ венгерцы приравнивали къ руководителямъ словацкаго движенія террористическія мѣры. Только въ іюлѣ 1849 г. венгерская революціонная республиканская корпорація провозгласила равноправность всѣхъ народностей Венгріи, но было уже поздно. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого Гергей капитулировалъ при Вилагошѣ, и венгерская революція была прекращена при помощи русскихъ войскъ.

Когда послѣ усмиренія венгровъ, австрійское правительство пожелало осуществить обнародованный уже 4 марта 1849 г. законъ о равноправности народностей, возникъ вопросъ объ официальномъ языкѣ въ Словаччинѣ. Къ этому времени среднесловацкій діалектъ, принятый Штуромъ и его сторонниками, господствовалъ въ литературѣ. Во время венгерской революціи само австрійское правительство издавало на этомъ языкѣ манифесты и прокламаціи къ словацкому народу. Литературный языкъ уже былъ выработанъ, не хватало только установившагося, опредѣленнаго правописанія. Этимъ воспользовался Колларъ, получившій въ Вѣнѣ кафедру славянской археологіи. Когда министръ внутреннихъ дѣлъ—Бахъ—обратился къ нему, какъ къ словаку, съ запросомъ относительно того, какой языкъ долженъ быть принятъ въ Словаччинѣ въ качествѣ официального, Колларъ составилъ пространную докладную записку, въ которой доказывалъ, что относительно словацкаго литературнаго языка и среди самихъ словаковъ нѣтъ установившагося мнѣнія, и поэтому будетъ лучше всего, если правительство станетъ употреблять въ сношеніи со словаками тотъ языкъ, который господствовалъ у послѣднихъ до этого столѣтія—т. е. чешскій. Опираясь на сильную чешскую бюрократію въ Вѣнѣ, Колларъ увѣрилъ Баха, что его мнѣніе есть мнѣніе большинства словаковъ, и такимъ образомъ чешскій языкъ сталъ официальнымъ языкомъ Словаччины.

Сторонники Штура и самостоятельности словацкаго языка были крайне огорчены такимъ неожиданнымъ успѣхомъ противниковъ. Хуже всего было то, что этотъ официальный чешскій языкъ вскорѣ превратился въ словацко-чешскую смѣсь, употреб-

ляемую «библистами», которые снова подняли голову. Оппортунистская часть штуровскаго лагеря мало-по-малу прижирилась съ такой новой реформой. Главнымъ образомъ духовенство, и протестантское и католическое, стало поддерживать литературу на официальномъ языкѣ, получившемъ названіе «старословенчины». Приверженцы «старословенчины», группировавшіеся преимущественно около официального журнала «Slovenske noviny», развивали довольно энергическую литературную дѣятельность, но уже очень скоро оказалось, что поворотъ къ «старословенчинѣ»—явленіе совершенно ненормальное, искусственное.

Словацкіе крестьяне повсемѣстно жаловались на то, что они не понимаютъ законовъ, напечатанныхъ на официальномъ языкѣ; въ словацкихъ народныхъ школахъ совершенно не годились чешскіе учебники; тѣ изъ словацкихъ изданій, которыя замѣнили народный языкъ чешскимъ, сразу теряли большую часть своихъ подписчиковъ. Вообще замѣтно было, что словаки въ большинствѣ случаевъ были недовольны реформой въ духѣ взглядовъ Коллара. Штуровцы снова стали защищать самостоятельность словацкаго языка. Они рѣшили выработать, наконецъ, одно правописание, которое соединило бы всѣхъ пишущихъ по словацки. Благодаря реформѣ правописанія и дѣятельной агитаціи штуровцевъ, большинство словацкихъ писателей и изданій вернулось къ концу 50-хъ годовъ къ родному словацкому языку, окончательно порвавъ связь съ искусственной «старословенчиной» и чужимъ чешскимъ литературнымъ языкомъ. Вопросъ о литературномъ языкѣ словаковъ былъ рѣшенъ окончательно и безповоротно, словацкая литература, за исключеніемъ нѣсколькихъ официальныхъ изданій и сочиненій старыхъ «библистовъ», приняла съ формальной стороны чисто-національный характеръ. Вся словацкая интеллигенція пришла къ тому убѣжденію, что средствомъ для просвѣщенія словацкаго народа можетъ быть только тотъ языкъ, на которомъ этотъ народъ говоритъ и который для него является единственнымъ доступнымъ языкомъ. Съ другой стороны, интеллигентные словаки поняли, что было бы излишней роскошью развивать двѣ литературы—одну для народа, а другую для интеллигентнаго класса; что если бы интеллигенція пользовалась другимъ, хотя бы и близкимъ къ народному языкомъ, то это отдѣляло бы ее глубокой пропастью отъ народа.

Словаки, ставшіе на сторону австрійскаго правительства во время венгерской революціи, надѣялись, что Австрія имъ поможетъ и обезпечитъ ихъ самостоятельное политическое развитіе. Восторженно встрѣчая молодого императора Франца-Иосифа, словаки выражали надежду, что всѣ словацкіе комитаты сѣверной Венгрии будутъ выдѣлены въ самостоятельную провинцію съ широкимъ самоуправленіемъ. Рескриптъ 8-го сентября 1850 года, казалось, долженъ былъ бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ не

только словаковъ, но и всѣхъ остальныхъ народностей Венгріи. Онъ обѣщалъ свободу, конституцію, равноправность всѣхъ племенъ, ненарушимое право сохранять и развивать свой языкъ, прямыя выборы въ сеймъ, свободу слова, печати и личности и т. д. Видѣливъ Воеводину для сербовъ, этотъ рескриптъ раздѣлилъ Венгрію на округа по народностямъ.

Надежды словаковъ ожили, но не надолго. Все еще продолжавшееся осадное положеніе связывало руки всѣмъ партіямъ. Мадьярская агитація, поддерживаемая и ренегатами—словацкими дворянами, не давала словакамъ покоя. Наконецъ, само австрійское правительство рѣшило взять обратно прекрасно звучащее обѣщаніе и держаться совершенно иной политики. Наступило господство абсолютизма и германизационной системы, новый законъ о печати придушилъ словацкую прессу. Главный органъ штуровцевъ «Slovenskie Pohľady» не могъ выходить, такъ какъ не нашлось никого, кто бы далъ установленный залогъ. Молодое поколѣніе словацкой интеллигенціи принуждено было получать образованіе на нѣмецкомъ языкѣ. Словацкое литературное движеніе замерло на нѣкоторое время. Одинъ Гурбанъ, возстановившій въ 50-хъ годахъ «Slovenskie Pohľady», старался поддерживать съ помощью небольшой группы писателей прежнія традиціи словацкой литературы. Мало по малу умолкнувшіе и прекратившіе на время свою дѣятельность словацкіе писатели снова начинаютъ писать и издавать книжки. Но уже не замѣчается прежняго воодушевленія. Политическая неудача отразилась на настроеніи словацкой интеллигенціи. Мѣсто прежней вѣры въ собственные силы занимаютъ надежды на помощь извнѣ...

Первымъ глашатаемъ такого панславизма явился въ 50-хъ годахъ Штуръ. Въ 1853 г. онъ написалъ по нѣмецки надѣлавшее много шума и изданное впоследствии и по русски сочиненіе «Славянство и міръ будущаго», гдѣ онъ развивалъ свои взгляды на задачу отдѣльныхъ славянскихъ племенъ и всего славянства какъ цѣлаго. Между взглядами Штура и его предшественника Коллара большая разница. Колларъ признаетъ только четыре литературы; онъ желаетъ, чтобы всѣ славяне изучали четыре главныхъ славянскихъ языка, чтобы славянскіе писатели посылали свои сочиненія во всѣ славянскія земли, чтобы каждый славянинъ по возможности путешествовалъ по славянскимъ землямъ и т. д. Штуръ, напротивъ, желаетъ, чтобы всякая, даже самая малая славянская народность развивала свою индивидуальность и свое нарѣчіе. Только такимъ путемъ, полагалъ онъ, можно достигнуть будущаго общеславянскаго единства и *культурнаго* сплоченія всѣхъ славянскихъ народностей. Будущее единое славянство приняло бы русскій языкъ въ качествѣ обще-литературнаго. Только тогда, когда славянство представляло бы собой нѣчто цѣлое, оно могло бы играть въ судьбахъ Европы такую же роль,

какъ романскій и германскій міръ. Два года спустя Штуръ померъ, и его идеи о будущемъ соединеніи славянъ не получили на первыхъ порахъ большого распространенія, тѣмъ болѣе, что новый поворотъ въ правительственныхъ сферахъ опять позволилъ словакамъ думать, что они чего нибудь да добьются.

Императорскій дипломъ 20 октября 1860 г. призвалъ народы къ участию въ дѣлахъ управленія. На основаніи этого диплома венгерскій языкъ признавался официальнымъ во всей Венгріи, но права мѣстныхъ языковъ все-таки были до нѣкоторой степени обезпечены: въ школахъ, въ судопроизводствѣ, въ низшихъ административныхъ учрежденіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ дипломъ обезпечивалъ свободу слова и убѣжденія, право подавать петиціи правительству и основывать общества.

Хотя венгры, прекрасно организованные и научившіеся уже извлекать для себя пользу изъ всякихъ концессій правительства, предназначаемыхъ для другихъ народностей, и дали понять словакамъ, что имъ никакъ нельзя ожидать большихъ успѣховъ, однако, словаки все же пытались воспользоваться своими новыми правами. Въ столицѣ Венгріи возникаетъ словацкая газета «Pestbudinske Vedomosti», которая принимаетъ на себя руководящую роль въ политической жизни словацкаго народа. По почину этой газеты въ Турчанскомъ Мартинѣ съѣзжается въ іюнѣ 1861 г. до трехъ тысячъ свѣтскихъ и духовныхъ представителей словацкихъ волостей, городовъ и округовъ.

Этотъ съѣздъ выработалъ обширный меморандумъ, который долженъ былъ стать исходной точкой цѣлой словацкой политики. На съѣздъ явились и представители словацкаго дворянства, которое по большей части тяготѣло къ венграмъ, но на этотъ разъ выступало въ качествѣ національно-словацкаго. Присутствовали на съѣздѣ и три депутата венгерскаго сейма, словацкіе дворяне, которые обѣщались представить меморандумъ сейму.

Меморандумъ ссылается на историческія права словаковъ, которые-де еще до появленія венгровъ владѣли подкарпатской территоріей, и требуетъ, чтобы всѣ права словацкаго народа были признаны и обезпечены на вѣчныя времена въ предѣлахъ, сплошь словацкой народностью населенныхъ. Словацкій языкъ долженъ быть признанъ официальнымъ въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ цѣлой словацкой территоріи, а венгерскій сохраняетъ права только въ сношеніяхъ съ центральными властями и въ пештскомъ сеймѣ, гдѣ, впрочемъ, допускается не только венгерскій, но и всякій другой языкъ каждой изъ народностей, населяющихъ Венгрію. Меморандумъ требуетъ учрежденія въ одномъ изъ словацкихъ городовъ словацкой юридической академіи, а въ пештскомъ университетѣ кафедры словацкаго языка и литературы. Кромѣ того, еслибы словаки, обитающіе внѣ этнографической словацкой территоріи, пожелали основать какое нибудь чисто-сло-

важкое просвѣтительное общество, то власти не должны имъ въ этомъ мѣшать.

Едва успѣли словацкіе представители, принимавшіе участіе въ сѣздѣ, вернуться домой, какъ по всей Словачинѣ началась агитація противъ меморандума, возбужденная венгерскимъ правительствомъ, венгерскими націоналистами и омадьярившимися словацкими дворянами. Появились многочисленныя протесты будто бы отъ словаковъ. Депутаты, которые взялись было представить меморандумъ венгерскому сейму, не явились въ сеймъ, притворившись больными. Впрочемъ, и самый венгерскій сеймъ былъ скорѣ распущенъ.

Тогда словаки, не надѣясь больше на исполненіе своихъ требованій венграми, обратились къ центральному правительству въ Вѣну. Одни подали петицію, въ которой повторили желанія, выраженные въ меморандумѣ. И дѣйствительно, скорѣ словаки почувствовали нѣкоторое облегченіе. Въ верхневенгерскихъ гимназіяхъ словацкому языку было отведено нѣкоторое мѣсто, въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ словацкій языкъ тоже сталъ приниматься во вниманіе. Наконецъ, словакамъ было дано право основывать частныя среднія учебныя заведенія, въ которыхъ преподаваніе велось бы на словацкомъ языкѣ.

Но главнымъ результатомъ было утвержденіе устава литературнаго общества «Словацкая Матица», которое должно было стать культурнымъ центромъ словацкаго движенія. Это общество было открыто въ 1862 г., а его капиталъ уже въ теченіе перваго года существованія «Словацкой Матицы» дошелъ до 100,000 гульденовъ. Матица была въ одно и то же время литературнымъ, ученымъ и издательскимъ обществомъ, она содержала быстро обогащавшійся археологическій, историческій и этнографическій музей и бібліотеку. «Матица» издавала сочиненія выдающихся словацкихъ писателей, этнографическіе матеріалы, научныя и популярныя книжки и т. д. Ея вліяніе на развитіе словацкой литературы и всего умственнаго движенія словаковъ громадно, хотя на первыхъ порахъ, когда она только начинала развиваться, ея дѣятельность была гораздо оживленнѣе, нежели впослѣдствіи. Съ теченіемъ времени одушевленіе ея членовъ и главныхъ работниковъ улеглось, энергія изсякла, и въ началѣ 70-хъ годовъ «Словацкая Матица» едва дышала.

Австрійско-венгерское соглашеніе 1867 года отдало въ полную власть венграмъ всѣ невенгерскія народности короны св. Стефана, и съ этого времени начинается продолжающійся и до сихъ поръ періодъ безпощадной мадьяризаціи.

Венгры постоянно и систематически отгѣсняли словацкій языкъ на задній планъ. По закону 1868 г. исключительное право рѣшенія, на какомъ языкѣ должно обучать въ народныхъ школахъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ лица или учрежде-

ніа, содержащія школы. Вслѣдствіе этого можно было бы предполагать, что въ Словацчинѣ, гдѣ школы содержатся на средства вѣроисповѣднѣхъ общинъ и волостей, преподаваніе ведется на словацкомъ языкѣ. Однако, въ дѣйствительности только изъ народныхъ школъ словацкій языкъ еще не совсѣмъ изгнанъ. Съ частными словацкими гимназіями мадьяры не церемонились; они попросту ихъ закрыли, и въ настоящее время словаки не имѣютъ ни одного среднего учебнаго заведенія. Въ 1879 году венгры, не смотря на отчаянные протесты румынъ, нѣмцевъ и словаковъ, ввели мадьярскій языкъ въ качествѣ обязательнаго предмета преподаванія и въ народныхъ школахъ. Въ настоящее время въ первомъ классѣ народнаго училища мадьярскому языку посвящается 17 часовъ въ недѣлю. Въ Венгріи существуютъ, кромѣ школъ венгерскихъ и инородческихъ, еще смѣшанныя. Венгерское правительство старается постепенно превращать словацкія школы въ смѣшанныя, пользуясь тѣмъ, что въ какомъ нибудь селѣ существуетъ два-три венгерскихъ (чаще всего еврейскихъ) семейства. Бываетъ, впрочемъ, и даже очень не рѣдко, что въ селахъ, гдѣ нѣтъ de facto ни одной мадьярской души, вводится преподаваніе на двухъ языкахъ: словацкомъ и венгерскомъ. Со временемъ, когда дѣти немного привыкнутъ къ чуждымъ звукамъ непонятнаго для нихъ языка, смѣшанная школа становится уже прямо венгерской. Это зависитъ отъ рвенія учителя, обыкновенно словака-ренегата, который такимъ образомъ желаетъ быстрее достигнуть повышенія по службѣ. Понятно, что тамъ, гдѣ школа служитъ исключительно только политикѣ, не можетъ быть и разговора о ея просвѣтительной роли. Ребенку вдабливаютъ нѣсколько сотенъ мадьярскихъ словъ, научатъ его повторять нѣсколько десятковъ мадьярскихъ фразъ и дѣло его обученія считается оконченнымъ, такъ какъ на это механическое вдабливаніе уходитъ столько времени, что его уже не остается на что нибудь болѣе полезное. Выйдя изъ школы, ребенокъ очень скоро забываетъ всю эту премудрость, такъ какъ, живя въ чисто словацкой средѣ, онъ не чувствуетъ необходимости сохранять познанія, приобрѣтенныя въ школѣ. Между тѣмъ и учитель и мадьярскія школьныя власти очень довольны: имъ удалось мадьяризовать нѣсколько десятковъ словацкихъ или русинскихъ дѣтей. Въ мадьярскихъ официальныхъ органахъ часто можно встрѣтить объявленіе, приглашающее «способнаго учителя, который могъ бы мадьяризовать въ возможно кратчайшій срокъ словацкое село».

Число смѣшанныхъ школъ въ Венгріи постоянно возрастаетъ, что свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ поверхностной мадьяризаціи. Дѣлается-ли мадьяризація фактическіе успѣхи среди словаковъ, трудно рѣшить. Что касается общаго числа словацкаго населенія, то оно съ 1867 г. не только не уменьшилось, но значительно уве-

лилось. Въ настоящее время, словаковъ даже по завѣдомо тенденціозной мадьярской статистикѣ три милліона—въ дѣйствительности же ихъ болѣе. Нельзя отрицать, что мадьяризація сильно распространяется среди словацкой интеллигенціи, между учителями, священниками, чиновниками и т. д. Но массы не мадьяризуются. Словацкій крестьянинъ только съ большимъ трудомъ можетъ выучиться языку, который такъ далекъ по своему характеру отъ его родного говора. Даже рабочіе-словаки, попадающіе въ Пештъ или въ какой-нибудь другой чисто венгерскій городъ, нисколько не теряютъ своего національнаго характера. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе еще и слѣдующее обстоятельство. Словаки—народъ чрезвычайно плодовитый. Семьи, въ которыхъ 12, 14 и болѣе дѣтей, въ Словачинѣ вовсе не рѣдкость. Мадьяры же, наоборотъ, представляютъ изъ себя племя вымирающее, искусственно поддерживающее свое существованіе. Если бы не ассимиляція инородческихъ элементовъ, преимущественно очень плодовитыхъ евреевъ и нѣмцевъ, то мадьярамъ уже въ ближайшемъ будущемъ угрожала бы весьма плачевная судьба. Они прекрасно понимаютъ это и всѣми силами стараются пособить горю. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ они начали брать у бѣдныхъ словаковъ, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ, дѣтей и отдавать ихъ въ семьи бездѣтныхъ венгерскихъ крестьянъ. Родители-словаки получаютъ, разумѣется, за это извѣстное вознагражденіе. Нѣкоторое время никто въ Венгріи не зналъ о такихъ радикальныхъ мѣрахъ венгерскихъ патріотовъ, заботящихся о судьбахъ своей народности, но, наконецъ, слухи объ этомъ проникли въ европейскую печать. Венгры, понятно, стали увѣрять, что это не что иное, какъ самая безкорыстная филантропія: вѣдь бѣдные родители освобождались отъ ненужной имъ обузы, да еще получали награду. Общественное мнѣніе нѣсколько иначе посмотрѣло на такую «филантропію» *suu generis* и назвало ее торговлей дѣтьми въ XIX ст. Въ настоящее время уже не отправляютъ изъ Словачины цѣлыхъ вагоновъ съ этимъ своеобразнымъ товаромъ въ Венгрію, но это еще не значитъ, что покупка словацкихъ дѣтей прекращена. Она идетъ, и довольно бойко, но не такъ открыто, какъ прежде. Хотя венгры и убѣждены въ томъ, что имъ удастся мадьяризировать все невенгерское населеніе Венгріи, но они пока довольствуются хотя бы и очень незначительными успѣхами. Такъ, напр., они стараются достигнуть прежде всего того, чтобы всякій житель Венгріи, къ какой бы онъ національности ни принадлежалъ, носилъ непременно чисто мадьярскую фамилію. Существуетъ специальное общество «Союзъ для мадьяризаціи фамилій», который задался цѣлью склонять людей, обладающихъ нѣмецкой или славянской фамиліей, мѣнять ее на чисто венгерскую. Этотъ союзъ постарался о томъ, чтобы плата за перемѣну фамиліи, равнявшаяся до 1881 г. пяти гульденамъ, была

уменьшена до 50 крейцеровъ, «чтобы даже самыя бѣдныя могли выказать свой венгерскій патриотизмъ», какъ гласитъ петиція союза, внесенная въ сеймъ.

Разумѣется, выказывать такой патриотизмъ принуждены главнымъ образомъ люди, поставленные въ зависимость отъ власти вышшихъ мадьяръ: прислуга, рабочіе, затѣмъ чиновники и т. д. Въ одномъ 1893 г. были мадьяризированы фамиліи 1021 семьи. Въ настоящее время ведется энергическая агитація въ пользу перемѣны невенгерскихъ фамилій на чисто мадьярскія по поводу предстоящаго юбилея тысячелѣтія существованія венгерскаго государства. Во многихъ венгерскихъ учрежденіяхъ чиновникамъ дано понять, что они могутъ рассчитывать на повышение, а кое-гдѣ и на продолженіе службы только подъ условіемъ перемѣны фамиліи. Особенно охотно мѣняютъ свою фамилію евреи. Въ одномъ 1886 г. 41 Конъ превратился въ Каллаевъ, 21 Вейссъ въ Фегеровъ, 12 Клейновъ въ Кишей, 9 Штерновъ въ Чиллагіи и т. д.

Кромѣ «Союза для мадьяризаціи фамилій» существуютъ различныя общества, задавшіяся цѣлю способствовать ассимиляціи инородческаго населенія съ венграми. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ «Культурный союзъ», въ составъ котораго входитъ нѣсколько десятковъ обществъ. «Культурный союзъ» располагаетъ капиталомъ, доходящимъ до милліона гульденовъ. Его ежегодный доходъ равняется 300,000, а расходъ болѣе 200,000. Самое богатое изъ обществъ, принадлежащихъ къ союзу—сѣмьградское, развивающее свою дѣятельность преимущественно на территоріи, населенной румынами. Самое энергическое изъ этихъ обществъ «Сѣверовенгерское»—для мадьяризаціи словаковъ. Рядомъ съ нимъ дѣйствуетъ «Венгерско-словацкое культурное общество». Капиталъ этого общества, доходящій до 100,000 гульд., перешелъ отъ «Словацкой Матицы», которая была закрыта венгерскимъ правительствомъ.

Венгры съ большимъ неудовольствіемъ слѣдили за дѣятельностью «Словацкой Матицы». Они вполне оцѣнили ея важное значеніе для словацкаго народа и только выжидали подходящаго случая, чтобы уничтожить ее. Случай не замедлилъ представиться. Надо сказать, что въ Люблянѣ (Laibach) существовала тоже «Матица», учрежденная словинцами, которая тоже называлась «*slovenska*», такъ какъ прилагательное отъ словъ «словакъ» и «словинецъ» одинаково. Въ 1874 г. во время торжественнаго открытія хорватскаго университета въ Загребѣ депутатъ отъ *словинской* «Матицы» выразился очень рѣзко о мадьярахъ и венгерскомъ правительствѣ. Венгерское правительство привязалось къ одинаковому названію обѣихъ «Матицъ» и распорядилось о закрытіи *словацкой* «Матицы» «вслѣдствіе славянской пропаганды». Весь капиталъ «Матицы» былъ конфискованъ и подаренъ вышеупомянутому «Венгерско-словацкому культурному обществу». Почти

стотысячный капиталъ обращается на цѣли противоположныя тѣмъ, для которыхъ онъ былъ собранъ всѣмъ словацкимъ народомъ. «Венгерско-словацкое культурное общество» издаетъ два словацкіе журнала съ венгерской тенденціей. Одинъ изъ нихъ «Slovenske Novine», стоящій шесть гульденовъ и выходящій четыре раза въ недѣлю, старается подорвать вліяніе національной словацкой газеты «Narodnie Noviny». Другой «Vlast a Svet» («Отечество и Міръ») стоитъ всего одинъ гульденъ въ годъ. Это иллюстрированное еженедѣльное изданіе съ изображеніемъ Унгаріи и видовъ Пешта на заглавной страницѣ, наполненное почти исключительно біографіями венгерскихъ королей и повѣствованіями о доблестныхъ подвигахъ мадьярскихъ, по большей части мифическихъ героевъ.

Что касается богатаго музея и книгохранилища «Матицы», то они закрыты. Рѣдкія коллекціи портятся, а книги и рукописи гниютъ, такъ какъ правительство, несмотря ни на какія просьбы словаковъ, не позволяетъ провѣтрить зданіе закрытаго музея.

Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Венгріи существуютъ безплатные курсы венгерскаго языка для взрослыхъ. Въ самомъ Пештѣ можно очень часто встрѣтить объявленіе на нѣмецкомъ языкѣ, гласящее, что всякій иностранецъ, поселившійся въ столицѣ Венгріи, непременно долженъ отплатить мадьярамъ за ихъ гостепріимство усвоеніемъ венгерскаго языка, которому онъ можетъ обучиться тамъ то и тамъ совершенно безплатно. Въ одномъ Прессбургѣ такихъ курсовъ болѣе двадцати. «Культурный союзъ» основываетъ въ чисто-славянскихъ и румынскихъ городахъ венгерскіе театры, которые обыкновенно пустуютъ, и фребелевскіе садки, въ которыхъ дѣти бѣдныхъ славянскихъ и румынскихъ родителей учатся говорить по-венгерски. Болѣе талантливые изъ нихъ получаютъ стипендіи. Изъ такихъ стипендіатовъ преимущественно выходятъ мадьяризаторы-священники и учителя.

Въ Венгріи существуетъ специальное «Школьное общество», которое основываетъ мадьярскія школы въ мѣстечкахъ и селахъ, обитаемыхъ невенгерскимъ населеніемъ. Венгерское правительство обложило все населеніе Венгріи специальнымъ налогомъ съ цѣлью собрать какъ можно больше средствъ для мадьяризаціи. «Культурный союзъ» получаетъ довольно значительную субсидію отъ венгерскаго сейма. Во многихъ ресторанахъ, кофейняхъ и магазинахъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, красуются копилки, въ которыя собирается обильная лепта на мадьяризацію. Не особенно давно «Культурный союзъ» постановилъ выдавать учителю по гульдену за всякаго ребенка изъ словацкой семьи, котораго онъ выучитъ читать по-венгерски.

Хотя de facto мадьяризація среди словацкихъ народныхъ массъ и не дѣлаетъ успѣховъ, несмотря ни на какія усилія мадьярскихъ шовинистовъ, однако, они достигли того, что ренегатство

крайне распространено среди образованного класса словацкого народа. Все словацкое дворянство давно уже перешло въ венгерскій лагерь. То же самое приходится сказать и о высшемъ духовенствѣ, которое парализуетъ всякую дѣятельность сохранившихъ еще свою народность сельскихъ священниковъ. Ни одинъ изъ такихъ священниковъ не достигнетъ высшей іерархической степени. Священника-словака, вѣрнаго своей народности, посылаютъ въ какое-нибудь захолустье, въ горы, въ самое бѣдное село. Очень многіе священники прикидываются ренегатами, чтобы только сохранить свое мѣсто.

Большинство словаковъ исповѣдуетъ католичество. Только небольшая часть ихъ—протестанты. Вотъ у этихъ то послѣднихъ, пользующихся нѣкоторой церковной автономіей, словацкій языкъ еще играетъ нѣкоторую роль въ качествѣ богослужебнаго языка. Но и тутъ правительство старается посвятить протестантскимъ словацкимъ общинамъ въ пасторы ренегатовъ. Генеральный конвентъ евангелической церкви издалъ постановленіе, на основаніи котораго чтеніе словацкихъ книжекъ вмѣняется пасторамъ въ каноническое преступленіе.

Національный гнетъ и отсутствіе всякихъ мѣропріятій для поднятія экономическаго благосостоянія народа способствуютъ тому, что изъ Словачины, а также и Угорской Руси эмигрируетъ ежегодно масса населенія. Эмигрируютъ только словаки, русины, отчасти евреи—мадьяры же никогда. Ежегодно эмигрируетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Трудолюбивое, работающее словацкое населеніе находитъ въ Америкѣ хорошій заработокъ. Очень многіе изъ эмигрантовъ возвращаются черезъ нѣсколько лѣтъ домой съ нѣкоторымъ запасомъ денегъ, что имъ позволяетъ покупать землю и становиться самостоятельными хозяевами. Изъ Америки присылается въ Словачину около милліона гульденовъ.

Эмиграція изъ сѣверной Венгрии очень неблагоприятно отразилась на интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ цѣны на рабочій трудъ сильно поднялись. Тогда венгерское правительство стало принимать мѣры къ тому, чтобы прекратить эмиграціонное движеніе. Оно обратилось съ просьбой къ гамбургскому и бременскому сенату, чтобы они запретили принимать капитанамъ кораблей венгерскихъ подданныхъ, не имѣющихъ паспортовъ. Однако, это ходатайство не имѣло успѣха. Тогда правительство отдало приказаніе жандармамъ ловить эмигрантовъ, отбирать у нихъ деньги и отправлять ихъ на родину. Однако, и это не помогаетъ, такъ какъ эмиграція не ослабѣваетъ, а эмигранты принуждены давать взятки жандармамъ, чтобы тѣ пропускали ихъ черезъ границу.

Положеніе словаковъ дѣйствительно тяжело, съ этимъ каждый согласится, но, все-таки, словацкая интеллигенція имѣетъ средства защиты, которыми, къ сожалѣнію, пользуется очень мало. Въ

Венгрія существуетъ довольно широкое мѣстное самоуправленіе, и еслибы словаки занялись энергической агитаціей между народомъ, то имъ удалось бы привести къ тому, что вся мѣстная администрація и всѣ суды были бы въ рукахъ словаковъ. Понятно, что такая агитація потребовала бы большихъ жертвъ и усиленной работы. Словацкая интеллигенція должна была бы прежде всего создать популярную политическую прессу, что вполне возможно, такъ какъ, что бы тамъ ни говорилось о мадыарскомъ терроризмѣ, свободы печати въ Венгріи гораздо больше, нежели въ Австріи. Путемъ агитаціи народныхъ листковъ, путемъ сходокъ, митинговъ и собраній словаки могли бы серьезно подготовить народъ къ политической борьбѣ. Словаки жалуются на страшный терроризмъ мадыарскихъ властей во время выборовъ, но вѣдь точно такой же терроризмъ не помѣшалъ галиційскимъ, польскимъ и русинскимъ крестьянамъ провести въ сеймъ полтора десятка своихъ депутатовъ. Разница между Галиціей и Словакиной только въ томъ, что въ первой втеченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ прогрессивная интеллигенція очень много работала для просвѣщенія и политическаго воспитанія народныхъ массъ въ то время, какъ среди словаковъ ничего подобнаго не было. Что среди словацкихъ крестьянъ можно многое сдѣлать, это доказываютъ успѣхи такъ называемой «народной партіи». Эта партія, по существу своему клерикальная, возникла очень недавно. Она была основана одной частью венгерской аристократіи и духовенствомъ, недовольными религіозными реформами венгерскаго правительства. Народная партія рѣшилась опереться на народные массы и выступить въ защиту интересовъ крестьянства. Она отбросила мадыаризаторскія тенденціи и обратилась къ словакамъ на ихъ языкѣ, основавъ газету «Krestian», которая вскорѣ приобрѣла около 10,000 подписчиковъ. Между депутатами, которыхъ удалось этой партіи провести въ сеймъ, находится и одинъ словакъ.

Еслибы словаки взяли за умъ и вмѣсто того, чтобы только жаловаться на мадыарскій гнетъ, принялись за организацію народа, они достигли бы нѣкоторыхъ результатовъ и не были бы свидѣтелями того, какъ словацкіе крестьяне избираютъ въ сеймъ исключительно правительственныхъ кандидатовъ, покупающихъ депутатскія полномочія за деньги, водку и колбасу. Однако, словацкая интеллигенція и до сихъ поръ ничего не дѣлаетъ, чтобы извлечь пользу изъ тѣхъ правъ, которыя обезпечиваетъ за ними венгерская конституція. «Вожаки» словацкой интеллигенціи надѣются самымъ серьезнымъ образомъ на то, что придутъ русскія войска и освободятъ словаковъ изъ подъ ига мадыаръ. Такіе взгляды прекрасно соотвѣтствуютъ видамъ этихъ послѣднихъ. Венгерское правительство лицемерно заявляетъ, что оно чувствуетъ большую симпатію къ словакамъ, ничего не имѣетъ противъ ихъ національнаго развитія, но никакъ не можетъ терпѣть у себя дома «пан-

славистскую» агитацію, угрожающую цѣлости венгерскаго государства. Венгерское правительство очень ловко пользуется всякой неосторожностью словацкихъ органовъ печати и устраиваетъ громкіе процессы, въ которыхъ словацкіе публицисты уличаются въ «панславизмъ», который *de facto*, какъ прекрасно понимаютъ и мадьярскія власти, вовсе не страшень...

Въ самое послѣднее время словаки начинаютъ думать о томъ, что нечего надѣяться на постороннюю помощь, а пора что-нибудь дѣлать. Вслѣдствіе этого мы видимъ ихъ вожаковъ на съѣздѣ немадьярскихъ народностей Венгріи, происходившемъ въ іюлѣ прошлаго года въ Пештѣ. Съ другой стороны, словацкая молодежь, посѣщающая пражскій университетъ и сталкиваясь съ чешской молодежью, начинаетъ понимать, какъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ все-таки можно достигать извѣстныхъ результатовъ, если только умѣючи взяться за дѣло. Нѣкоторые представители этой молодежи задумываютъ издавать, по примѣру чешскихъ прогрессистовъ, такъ называемая «Крейцеровыя» газеты, что въ Словачинѣ гораздо легче, нежели въ Чехіи, потому что въ Венгріи нѣтъ газетнаго штемпеля. И среди старшей интеллигенціи замѣтно нѣкоторое оживленіе. Ея органъ «Narodnie Noviny» въ этомъ году издается ежедневно, а сумма, собираемая на частную словацкую гимназію, достигла уже ста тысячъ гульденовъ.

Л. Василевскій.

Изъ Германіи.

Какъ разъ въ то время, когда сюда дошла потрясающая вѣсть о пораженіи африканскимъ дикаремъ Менеликомъ итальянскихъ войскъ, а вмѣстѣ съ ними и могущественнаго вершителя судебъ Италіи—Криспи, какъ разъ въ это время и нѣмецкая колоніальная политика понесла жестокий ударъ въ лицѣ одного изъ популярнѣйшихъ своихъ представителей. Этотъ герой нѣмецкой колоніальной политики является тѣмъ болѣе дикимъ дикаремъ, что на самомъ то дѣлѣ онъ отпрыскъ чисто тевтонской крови, родомъ европеецъ, и имѣетъ титулъ доктора философіи; имя ему—Карль Петерсъ. Какой то печальный рокъ тяготѣетъ надъ нѣмецкими колоніями въ Африкѣ: что ни годъ, то новый колоніальный скандалъ, всегда жестокий, но большей частью и негнѣный по сравненію со смѣлыми и рискованными авантюрами какого нибудь Джемсона. Года два тому назадъ мнѣ пришлось быть на засѣданіи рейхстага, обсуждавшего колоніальный бюджетъ. Это было любопытное засѣданіе. Депутатъ

Бибель принесъ съ собою цѣлую коллекцію розогъ, плетей, шниц-рутенговъ изъ кожи носороговъ и бегемотовъ и прочія милыя игрушки, которыми въ нѣмецкихъ африканскихъ колоніяхъ нѣмецкими цивилизаторами насаждается европейская культура. У кормила правленія стоялъ тогда Каприви, какъ извѣстно, относившійся съ большимъ скептицизмомъ къ африканскимъ благамъ. Ему принадлежить извѣстная фраза о томъ, что большаго несчастія нельзя было бы причинить Германіи, какъ еслибы вздумали подарить ей всю Африку, или: чѣмъ меньше Африки, тѣмъ здоровѣе для Германіи... И вотъ, когда Бибель положилъ помянутую коллекцію на столъ рейхстага, то по лицу Каприви пробѣжала болѣзненная мина. То же чувство стыда замѣтно было сначала и на лицахъ депутатовъ, не рѣшавшихся подойти къ столу и только изъ далека робко заглядывавшихъ на эти рѣдкія «вещественныя доказательства». Но парламентская жизнь не лишена нѣкоторыхъ проявленій политическаго цинизма. Поэтому съ теченіемъ дебатовъ депутаты, постепенно страхнувъ съ себя личину стыдливости, начали толпиться цѣлыми группами около стола, съ любопытствомъ разглядывали находящіяся тамъ предметы, съ живой улыбкой обмѣнивались впечатлѣніями,—дѣло, наконецъ, дошло до того, что они начали даже пробовать другъ на другѣ гибкость и упругость увѣсистыхъ плетей изъ бегемотовой кожи. Зрѣлище, способное внести юмористическую струю въ теченіе далеко не юмористическихъ преній: рѣчь шла тогда о подвигахъ камерунскаго канцлера Лейста. Въ слѣдующемъ году печать, политика и общественное мнѣніе были потрясены подвигами другаго колоніальнаго героя—ассесора Велана. Наконецъ, въ этомъ году выплыли наружу культурныя дѣянія челоуѣка, по сравненію съ которымъ Лейстъ и Веланъ невинные агнцы и котораго сторонники колоніальныхъ предпріятій причислили ужъ было къ лику свѣтлыхъ историческихъ дѣятелей.

Со времени Берлинской конференціи (съ декабря 1884 по февраль 1885 года) на которой представители 17 національностей признали независимость государства Конго,—началась какая то ожесточенная жажда африканскихъ завоеваній. Съ особенной жадностью набросились на «черный материкъ» Франція, Италія и Германія, стремясь поделить его между собою безъ остатка. Всѣ наперерывъ клялись въ благородствѣ своихъ побужденій: это-де счастье для дикарей Африки, что бѣлые люди Европы несутъ къ нимъ свою культуру; необходимо ихъ оградить отъ грабежей и варварствъ арабовъ, необходимо защитить ихъ отъ ихъ собственныхъ жестокостей, надо ихъ научить жить по христіански, по челоуѣчески, какъ живутъ бѣлые люди Европы... Въ настоящее время для всякаго ясно, что во всѣхъ этихъ благородныхъ завѣреніяхъ очень мало правды. Исторія колонизаціи писана кровью и слезами. Эта исторія есть сплошная цѣпь жестокостей и варварствъ, рабства челоуѣческой эксплуатаціи. Не дикій негръ возвышается до уровня

благаго европейца, а напротивъ, европеецъ становится часто дикаремъ; злоупотребляя средствами своего матеріальнаго превосходства, какъ оружіе, пушки, спиртъ, опиумъ и т. п., онъ легко опускается на культурную ступень чернаго человѣка.

Какъ бы то ни было, но колоніальная горячка, точно эпидемія, охватившая въ послѣднее десятилѣтіе европейскія государства, измѣряется слѣдующими успѣхами, достигнутыми завоевательными, торговыми и прочими путями:

Независимое государство Конго обнимаетъ . .	900.000	квадр. (англ.) миль
Французскія колоніи	1.900.000	»
Нѣмецкія	940 000	»
Итальянскія	547.000	»
Португальскія	710 000	»
Англійск. колоніи	Южно-африкан. комп.	750.000
	Центральн. африк. комп.	500.000
	Восточно-африк. комп.	700.000

Всего . 6.947.000 квадрат. (англ.) миль

Насъ занимають, конечно, нѣмецкія владѣнія въ Африкѣ. Читатель благоволитъ раскрыть карту Африки и онъ увидитъ слѣдующіе клочки африканской территоріи, доставшіеся Германіи. Клочки эти, впрочемъ, своимъ протяженіемъ подчасъ превосходятъ самую Германію, но качество ихъ не очень высокое. Другія страны, и прежде всего Англія, были много предусмотрительнѣе нѣмцевъ, захвативъ заблаговременно лучшія земли и оставивъ на долю Германіи наименѣе удобныя. Конечно, если вѣрить утвержденіямъ колонизующихъ народовъ, руководящихся якобы цивилизаторскими и христіанскими мотивами, то не все ли равно, удобныя тѣ земли или нѣтъ: были бы только темные люди, нуждающіеся въ свѣтѣ христіанства. Но мы какъ разъ теперь переживаемъ время такого ожесточеннаго колоніальнаго соперничества различныхъ государствъ, соперничества, вызываемаго менѣе всего идеалистическими соображеніями,—что о сути дѣла не можетъ быть двухъ мнѣній.

Если взглянуть на карту Африки, особенно на ея побережья, то прежде всего поражаешься, какъ весь материкъ испещренъ разнообразными красками. Невольно представляется, какъ различные народы: англичане, французы, испанцы, итальянцы и пр.—старались захватить себѣ столько земли и такого качества, какъ это только было возможно при наличныхъ обстоятельствахъ. Отсюда же понятно, что у болѣе раннихъ колонизаторовъ захваченныя территоріи имѣють болѣе округленный характеръ, между тѣмъ какъ земли запоздавшихъ расположены дробными участками на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Это особенно замѣтно на германскихъ владѣніяхъ: сѣвернѣе другихъ на побережьи Атлантическаго океана лежитъ область Того на Невольничьемъ берегу; дажѣ слѣдуетъ Камерунъ у залива Біафра; области Дамара и Нама-

куа отъ мыса Фрио до устья Оранжевой рѣки (за исключеніемъ Китоваго залива, принадлежащаго англичанамъ); эти области составляютъ т. н. Deutsch-Süd-West-Afrika. Если затѣмъ обогнемъ мысъ Добрый Надежды и подвинемся черезъ Трансвааль далѣе на сѣверъ, то встрѣтимъ обширную территорію невдалекѣ отъ владѣній Занзибарскаго султана. Это т. н. Deutsch-Ost-Afrika, арена культурныхъ подвиговъ д-ра Петерса.

Извѣстное торговое гамбургское общество «Ehrbater Kaufmann» первое обратилось въ 1884 году къ Бисмарку съ предложеніемъ водрузить нѣмецкое знамя на Невольничьемъ берегу и тѣмъ самымъ положить начало германской колоніальной политики. Командиру военнаго корабля «Софія» и извѣстному путешественнику Нахтигалю, назначенному вполнѣдствіи генеральнымъ консуломъ, удалось скорѣй подчинить значительную часть области Того германскому протекторату. Область, доставшаяся германской имперіи, занимаетъ береговую линію приблизительно въ 15 миль въ длину. Находящійся у меня подъ руками годовой отчетъ о состояніи нѣмецкихъ колоній въ Африкѣ и Австраліи (Приложеніе къ Deutsches Kolonialblatt за 1896) отмѣчаетъ утѣшительные результаты опытовъ плантацій въ Того. Въ этихъ плантаціяхъ и садахъ произрастаютъ перецъ, индиго, хлопчатникъ, пальмы, ананасы, бананы и апельсиновые деревья. На поляхъ туземцы разводятъ маисъ и кассаву. Отчетъ насчитываетъ свыше 70 изслѣдованныхъ до сихъ поръ туземныхъ поселеній съ населеніемъ приблизительно въ 15,000 душъ. Европейцевъ тамъ всего 88 человекъ: 79 нѣмцевъ, 6 французовъ и 3 англичанъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что большинство европейцевъ входитъ въ составъ администраціи, миссіи, военной команды. Отчетъ хоть и отмѣчаетъ ростъ мирнаго расположенія туземцевъ, тѣмъ не менѣе и въ отчетномъ году приходилось неоднократно усмирять и примирять ссорящіеся и бунтующія племена. Если сравнительно богатый край привлекъ такъ мало европейцевъ, то причина тому лежитъ въ крайне нездоровомъ климатѣ, дѣлающемъ возможнымъ лишь временное пребываніе въ Того.

Нѣсколько южнѣе Того Атлантическій океанъ, образуя заливъ Біафра, глубоко врѣзывается во внутрь темнаго материка. Противъ острова Фернандо-По подымается у самаго побережья могучая вершина Камеруна, отъ которой невдалекѣ открывается широкое устье рѣки того же имени. На болотистыхъ низинахъ рѣчной дельты растительность крайне убога. Но выше устья рѣки суживается, ея берега покрываются пальмами, мангровыми деревьями и роскошными группами пизанговыхъ и банановыхъ плантацій. Богатству растительности этого края соответствуетъ и разнообразіе животнаго царства. Но тотъ же бичъ, что въ Того, даетъ себя чувствовать и въ Камерунѣ: жестокий, крайне нездоровый климатъ дѣлаетъ совершенно невозможною правильную колонизацію. Изъ тѣхъ десятковъ тысячъ нѣмцевъ, что ежегодно покидаютъ отечество, за

цѣлыхъ 10—12 лѣтъ существованія Камерунской колоніи едва полторы сотни набралось въ Камерунѣ. Въ любопытной таблицѣ отчета указано 157 нѣмцевъ, остальные 73 европейца распределяются между 9 другими національностями; въ этомъ числѣ имѣется и трое русскихъ, двое изъ нихъ—миссіонеръ съ супругою, у третьяго русскаго занятіе не указано. Мы видимъ далѣе, что и этотъ сравнительно ничтожный составъ благаго населенія болѣе чѣмъ на половину измѣнился сравнительно съ предъидущимъ годомъ. 143 человека новыхъ европейцевъ прибыло сюда,—одинъ путемъ рожденія; 144 человека убыло отсюда,—14 умерло. Различныя формы лихорадки обуславливаютъ собою такую перетасовку въ населеніи. Слѣдуетъ и здѣсь имѣть въ виду, что подавляющее большинство благаго населенія приходится на долю администраціи, военной команды и миссіонеровъ; торговый и рабочій людъ насчитываетъ не полныхъ два десятка.

Въ земляхъ Дамара и Намакуа, лежащихъ къ югу отъ экватора, нѣмцы рассчитывали найти благодатную страну. Но и здѣсь далеко не повсюду можетъ продержаться европейскій колонизаторъ, и здѣсь коричневые гереро съ желтыми готтентотами не могутъ унять отъ жестокой борьбы между собою изъ-за скуднаго пропитанія. Здѣсь приходится уже содержать военную команду въ цѣлыхъ 540 человекъ, съ которыми въ прошломъ году были совершены походы противъ кауасъ-готтентотовъ и другихъ беспокойныхъ туземцевъ.

Колоніальныя завоеванія въ Западной Африкѣ были въ сущности пріобрѣтеніями уже ранѣе существовавшихъ нѣмецкихъ поселеній и торговыхъ факторій. Между тѣмъ земли Восточной Африки были добыты спеціальной экспедиціей, снаряженной колоніальнымъ нѣмецкимъ обществомъ на частныя средства и совершенной подъ главнымъ руководствомъ д-ра Петерса въ 1884—85 г. Путемъ договоровъ съ разными туземными князьками въ пользу колоніальнаго общества перешли земли Усагара, Нгуру, Усегва и Уками, заключающія въ себѣ до 3,000 кв. м. Въ 1885 г. германское правительство распространило на эти земли свой протекторатъ, сообщивъ объ этомъ европейскимъ державамъ и занзибарскому султану. Послѣдній протестовалъ было сначала противъ притязаній нѣмцевъ, но когда у Занзибара показалась германская эскадра, то султанъ отказался отъ протеста и призналъ германскій протекторатъ не только надъ упомянутыми землями, но и надъ владѣніями султана Виту (земли Суагели), уступленными еще ранѣе нѣмецкой торговой фирмѣ братьевъ Демгардтъ. Впослѣдствіи султанъ Занзибара предоставилъ Германіи и свободное пользованіе гаванью Даръ-Эс-Салама.

Въ настоящее время, послѣ 12 лѣтъ владѣнія этой колоніей, мы находимъ здѣсь, согласно поманутому отчету, съ небольшимъ 500 душъ европейцевъ. Изъ нихъ около двухъ третей приходится

на долю нѣмцевъ, въ числѣ другихъ національностей въ отчетѣ значится и одинъ русскій, служащій на строящейся тамъ желѣзной дорогѣ. Крайне неблагоприятныя климатическія условія и здѣсь не даютъ ужиться бѣлому человѣку. Мalaria, дизентерія, оспенныя эпидеміи составляютъ здѣсь горе не только бѣлаго, но и туземнаго населенія.

Во время послѣднихъ колоніальныхъ дебатовъ завѣдующій колоніальнымъ отдѣленіемъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ д-ръ Кайзеръ пытался набросать по возможности благоприятную картину нѣмецкаго колоніальнаго опыта въ Африкѣ. Изъ его изложенія явствовало, что совокупная торговля въ нѣмецкихъ колоніяхъ достигаетъ теперь 30 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ 10 милл. приходится на долю нѣмецкаго таможеннаго района. Въ различныхъ областяхъ восточной Африки образовались общества для разведенія плантацій съ капиталомъ въ 5—7 милл. м. Болѣе милліона кофейныхъ деревьевъ теперь въ полномъ цвѣтѣ. Въ Камерунской колоніи въ послѣднемъ году добыто было 60 центнеровъ табаку, свыше 2,000 центнеровъ какао. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ содержатся теперь на нѣмецкія средства 11 школъ, въ которыхъ туземцы обучаются нѣмецкой наукѣ. Число христіанскихъ миссіонеровъ растетъ съ каждымъ годомъ: не менѣе 19 протестантскихъ и католическихъ обществъ отправляютъ теперь свою миссію...

Этимъ несомнѣнно отраднымъ фактамъ слѣдуетъ однако противопоставить, что 300 милл. указаннаго общаго оборота торговли обходятся ежегодно въ 11 милл. м. субсидіи изъ государственныхъ средствъ. Въ общемъ государственная субсидія нѣмецкимъ колоніямъ за время ихъ существованія достигла суммы свыше 50 милл. марокъ. Колоніальное хозяйство до сихъ поръ совершенно не въ силахъ было обойтись безъ государственной помощи. Судя же по тому, что субсидія изъ года въ годъ растетъ (такъ въ Deutsch-Ostafrika вмѣсто 3.750,000 м. прошлаго года въ этомъ году потребовалось уже 4.350.000 м.), то системѣ субсидій еще не скоро предвидится конецъ. Разнаго рода ревнителіи колоніальной политики пускались въ Африкѣ во всевозможныя авантюры, прогаражи тамъ и все съ большей и большей настойчивостью обращались къ помощи казны. Во главѣ нѣмецкаго колоніальнаго общества стоятъ такія вліятельныя персоны, какъ князь Гогенлоэ-Лангенбургъ, герцогъ Альбрехтъ Мекленбургскій, графъ Арнимъ и др. И въ самомъ рейхстагѣ сидятъ не менѣе могущественныя ревнителіи. Не удивительно поэтому, что колоніальное вѣдомство не можетъ рѣшиться на оппозицію даже и тогда, когда убѣждено въ нецѣлесообразности требуемыхъ затратъ. Каприви, своей извѣстной фразой: чѣмъ меньше Африки, тѣмъ лучше для Германіи,—и теперь еще вызываетъ зубонный скрежетъ у африканскихъ патріотовъ. Но какъ же быть иначе этимъ патріотамъ? Своихъ средствъ у нихъ недостаточно, свѣжія со стороны не притекаетъ. Такъ, напр., нѣ-

мецкое восточно-африканское общество накануне банкротства. Между тѣмъ въ восточной Африкѣ носятъ теперь съ проектомъ центрально-африканской желѣзно-дорожной линіи, для которой это общество даетъ отъ себя лишь 100.000 марокъ, рассчитывая львиную долю потребныхъ денегъ достать удивѣрчивыхъ соотечественниковъ путемъ займа и государственной гарантіи. То обстоятельство, что колониальныя нѣмецкія общества страдаютъ хроническимъ недостаткомъ средствъ, указываетъ на крайне недостаточную популярность колониальной политики въ широкихъ слояхъ народа. Трудно придти въ восторгъ въ виду того факта, что сотни тысячъ народа идутъ ежегодно за море въ Америку, между тѣмъ какъ и тысячи душъ не набралось за 12 лѣтъ во всѣхъ африканскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Каждая изъ этой тысячи душъ обходится государству ежегодно въ 11.000 марокъ (11 милл. м. субсидіи). А что ввозится въ Африку изъ Германіи? Если разобратся въ тѣхъ 10 милл., что, по мнѣнію Кайзера, приходится на долю германскаго ввоза, то окажется, что все это предметы потребныя для самихъ нѣмецкихъ колонистовъ: пиво, вино, порохъ, оружіе, мыло, принадлежности амуниціи для военной и статской администраціи.

Что касается вывоза изъ африканскихъ колоній, то онъ также не представляется особенно многообещающимъ. Изъ восточной Африки въ 1894 г. былъ очень значительный вывозъ слоновой кости. Но это было случайное явленіе, вызванное беспокойствами въ Конго, направившими транспорты слоновой кости черезъ нѣмецкіе предѣлы. Съ все большимъ проникновеніемъ въ глубь Африки запасы слоновой кости будутъ вообще убывать, а приростъ слоновъ будетъ замѣтно сокращаться. Надѣялись было на золотые рудники въ Deutsch-Ostafrika, но этимъ мечтаніямъ и самъ д-ръ Петерсъ не придаетъ никакого значенія. Также мало значенія придаетъ онъ и табачнымъ плантаціямъ восточно-африканской колоніи.

Еще до того, какъ теперешнія земли въ юго-западной Африкѣ перешли во владѣніе германской имперіи, въ южныхъ частяхъ этой области значительные участки земли принадлежали англійскому синдикату. Англійскіе колонисты осѣли въ этихъ мѣстахъ уже на столько прочно, что нѣмецкіе пришельцы и думать не смѣли экспроприровать англійскія владѣнія, основанныя на разныхъ договорахъ съ туземными князьками. Напротивъ того, южно-африканское колониальное общество увидѣло себѣ вынужденнымъ войти въ соглашеніе съ англійскимъ синдикатомъ по проведенію дорогъ въ нѣмецкой области, по устройству гаваней и пр. Süd-Westafrika имѣетъ протяженіе приблизительноное въ 2,000 километровъ. Исслѣдовать такую область представляетъ не мало трудностей, особенно если регламентаціи по этому поводу исходить изъ Берлина. Между тѣмъ англичане уже издавна имѣютъ твердую точку опоры для тамошнихъ своихъ начинаній въ Капландѣ. Въ поискахъ за разнаго рода сокровищами нѣмецкіе колонисты наткнулись на какую то неопре-

дѣленную массу, похожую на грязный морской песокъ. Въ своемъ невѣдѣніи они не нашли эту грязную массу достойной вниманія. Между тѣмъ одинъ капландскій англичанинъ обратился къ южно-африканскому нѣмецкому обществу съ предложеніемъ сдать ему на нѣсколько лѣтъ эксплуатацію этой самой грязи. Общество обрадовалось предложенію и законтраговало себя на много лѣтъ. Грязь эта оказалась ничѣмъ инымъ какъ извѣстнымъ родомъ гуано (т. н. Felsenguano) и англичанинъ дѣлаетъ прекрасныя дѣла. Наличие гуано въ этой мѣстности не обезпечена однако на всегдашнія времена.

Одинъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ, нѣкій Германъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ затѣялъ было въ Süd-West-Afrika земледѣльческое хозяйство на очень широкихъ началахъ. Хозяйство, какъ утверждаютъ, обѣщало пойти очень хорошо, но было, къ сожалѣнію, разрушено ввбунтовавшимися князькомъ Гендрикомъ Витбей. Это было вообще жестокое время угрозъ со стороны племени Гереро.

Съ этой колоніей продолжаютъ тѣмъ не менѣе связывать сельскохозяйственныя надежды, хотя для этой цѣли по всѣмъ сдѣланнымъ опытамъ подходятъ лишь нѣкоторые участки колоніи. Чтобы съ нѣкоторымъ успѣхомъ вести сельское хозяйство, ферма не должна быть менѣе 30—40,000 моргеновъ. Это, конечно, условіе довольно исключительнаго свойства, объясняющееся характеромъ почвы и прежде всего недостаточнымъ орошеніемъ. Теперь образовалось частное общество, имѣющее въ виду созданіе разныхъ способовъ искусственнаго орошенія. Въ бюджетѣ этой колоніи за настоящій годъ значится для оросительныхъ цѣлей 20,000 марокъ государственной субсидіи. Но для орошенія этихъ песчаныхъ степей недостаточно десятковъ тысячъ. Въ Германіи имѣется особый синдикатъ для колонизаціи юго-западной Африки. Этому синдикату правительство подарило 300,000 моргеновъ земли вблизи Виндгоэа. Синдикатъ отъ себя продаетъ участки переселенцамъ по 50 пфени или по 1 маркѣ за моргенъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда среди нѣмцевъ не являлось ни охочихъ капиталовъ, ни охотниковъ-переселенцевъ, синдикатъ распространилъ проспектъ въ Англіи и, къ большому огорченію патриотовъ, приглашалъ англійскіе капиталы для сельскохозяйственныхъ предпріятій въ нѣмецкой Африкѣ. И тѣ немногіе нѣмецкіе переселенцы, которые пошли туда искать счастья въ качествѣ хлѣбопашцевъ, жестоко обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Почти всѣ они затѣмъ обратились къ торговлѣ, къ гарнизонной службѣ, къ извозному промыслу и т. п. Дѣйствительная колонизаціонная дѣятельность оказалась невозможной.

Для партіи католическаго центра, присоединившагося къ колониальной политикѣ князя Бисмарка, руководящими мотивами служили: распространеніе христіанства и упраздненіе рабства въ Африкѣ. Какъ плохо дѣла обстоятъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, тому служить доказательствомъ такой безпристрастный голосъ,

какой мы находимъ въ духовномъ журналѣ «Christliche Welt». «Не подлежитъ сомнѣнію, — говорится въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этого журнала, — что торговля рабами въ восточной Африкѣ изъ непосредственнаго сосѣдства съ нѣмецкими береговыми пунктами перенесена нѣсколько дальше къ Пембѣ и Занзибару. Не менѣе 5—6,000 рабовъ нагружается здѣсь на корабли. Несомнѣнно далѣе, что торговцы рабами пользуются услугами судовъ восточно-африканской (нѣмецкой) линіи, перевозя на льготныхъ условіяхъ рабовъ изъ одного мѣста въ другое. Несомнѣнно далѣе, что нѣмецкіе служащіе держатъ домашнихъ рабовъ, а рабынями пользуются какъ женами, которыхъ при отъѣздѣ изъ тѣхъ краевъ передаютъ въ пользованіе своихъ замѣстителей».

Согласно требованію брусельской противоневольнической конференціи 1890 г., въ послѣднее время былъ здѣсь выработанъ законопроектъ, карающій похищеніе и торговлю рабами. Какъ показалъ опытъ, такого рода законъ не въ состояніи достигнуть предположенной цѣли. Нѣсколько времени тому назадъ надѣлало много шуму дѣло гамбургскихъ купцовъ Велбера и Брома, а также извѣстнаго корабельнаго туза Вермана, производившихъ торговые операціи рабами подъ видомъ посредничества въ доставкѣ рабочихъ силъ. Въ законопроектѣ говорилось только о похищеніи и торговлѣ рабами, но держаніе рабовъ въ качествѣ домашнихъ слугъ оставалось внѣ кары. Поэтому европеецъ можетъ имѣть въ своемъ услуженіи рабовъ; точно также обладатель извѣстнаго количества рабовъ можетъ работать на европейца. Въ этомъ случаѣ рабство поступаетъ на службу такъ называемой европейской культурѣ и такимъ образомъ дѣлается предметомъ гораздо болѣе безпощадной эксплуатаціи, чѣмъ въ своемъ натуральномъ видѣ: рабъ становится производителемъ товаровъ.

Здѣсь кстати будетъ еще привести другую жалобу христіанскихъ миссіонеровъ, а именно: крайне обильный привозъ изъ Европы спиртныхъ напитковъ. Оказывается, что этотъ продуктъ составляетъ очень существенный предметъ ввоза, и туземецъ, тратя на «огненную воду» свои средства, не имѣетъ уже болѣе потребности въ другихъ товарахъ. Въ 1891 г. въ Камерунѣ было ввезено нѣмецкаго спирта на 539,000 марокъ, въ 1892 г. — на 550,000 м., въ 1893 г. — на 583,000 м., въ 1894 г. — на 981,000 м., Въ Того было ввезено въ 1894 г. нѣмецкаго спирта на 676,000 м.—30% всего ввоза. Ввозъ спирта доставляетъ, правда, казнѣ значительную сумму пошлиннаго сбора, но и туземное населеніе отъ него порядкомъ сатанѣтъ. Чѣмъ выше пошлина, тѣмъ болѣе крѣпкій спиртъ стараются привозить купцы. Затѣмъ, по мѣрѣ перевозки его въ глубь страны, къ нему подмѣшиваютъ воду изъ всѣхъ попутныхъ рѣчекъ и лагунъ. Количество спирта, ввозимаго изъ Германіи въ ея африканскія колоніи, измѣняется среднимъ числомъ 5 милл. марокъ. Раньше туда ввозилось

не мало и русского спирта, но съ введеніемъ вывозной преміи, вошедшей въ силу 1-го апрѣля 1895 г., русскій спиртъ былъ окончательно вытѣсненъ изъ оборота.

Духовенство жалуется еще на пропаганду того мнѣнія, что не христіанство, а исламъ представляется подходящей религіей для населенія Африки; оно протестуетъ далѣе противъ попытокъ поддерживать магометанскія школы съ помощью казенныхъ средствъ. Опытъ англичанъ, португальцевъ и др. колоніальныхъ странъ показываетъ однако, что они не останавливались и передъ такими мѣрами, если того требовали интересы хозяйственнаго преуспѣянія колоній.

Изъ приведенныхъ здѣсь крайне отрывочныхъ свѣдѣній о болѣе чѣмъ десятилѣтнемъ колоніальномъ опытѣ нѣмцевъ видно, что Германія досталась въ темной части свѣта земли, которыми болѣе опытные колонизаторы Африки пренебрегли. Въ этихъ земляхъ съ горемъ пополамъ можно вести торговлю, разводить плантаціи; для правильной же колонизаціи онѣ не пригодны. Никто не отрицаетъ, что хозяйство въ колоніяхъ велось до сихъ поръ черезъ пень-колоду. Но одни видятъ въ этомъ временное, преходящее явленіе, другіе отрицаютъ за африканскими колоніями всякую будущность, третьи наконецъ противятся колоніальнымъ начинаніямъ, потому что видятъ въ нихъ дорого стоющій спортъ, отвлекающій средства и вниманіе отъ насущныхъ нуждъ собственнаго отечества въ сторону дутыхъ военно-патріотическихъ авантюръ. Это оппозиціонное къ колоніальнымъ аферамъ отношеніе раздѣляетъ повидимому значительная часть нѣмецкаго народа, по скольку послѣдній интересуется общественными дѣлами. А тутъ еще на бѣду друзьямъ колоній что ни годъ, то новый африканскій скандалъ, подливающій свѣжее масло въ огонь противуколоніальной оппозиціи. Я обойду здѣсь подробности инцидентовъ Лейста и Велана, хотя еще до сихъ поръ эти инциденты не вполне исчерпаны. Извѣстно, что подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія канцлеръ Лейстъ былъ преданъ дисциплинарному суду въ Потсдамѣ; преданіе Лейста обыкновенному суду встрѣтило разныя формальныя препятствія. Дисциплинарный же судъ едва возвысился до приговора, согласно которому Лейстъ долженъ былъ быть переведенъ на службу съ нѣскольکو пониженнымъ рангомъ. Можно себѣ представить, какую бурю негодованія вызвалъ этотъ чудовищно-мягкій приговоръ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, собственно колоніальное вѣдомство, — сочло себя вынужденнымъ кассировать этотъ приговоръ и добилось того, что по приговору имперскаго суда Лейстъ вообще изгонялся съ государственной службы. Это самое большее, чего можно было добиться дисциплинарнымъ путемъ. Общественное мнѣніе однако не успокоилось на этомъ, такъ какъ за свои варварства, по законамъ страны, Лейсту надо бы вкусить каторги. Эти варварства въ главныхъ чертахъ сводятся къ чрезмѣрнымъ злоупотребленіямъ властью, къ ни-

чѣмъ не мотивированнымъ истязаніемъ подчиненнаго туземнаго населенія, къ нечистымъ связямъ съ черными женщинами, взятыми въ плѣнъ и содержавшимися въ заключеніи. Все это сѣяло недовольство въ туземцахъ и вызывало возмущенія. Но пока юстиція разбиралась въ разнаго рода формальностяхъ на счетъ примѣненія къ Лейсту уголовного уложенія, этотъ африканскій рыцарь далъ тягу и пытается теперь свое счастье въ Америкѣ.

Человѣколюбивое отношеніе потсдамскихъ судей къ канцлеру Лейсту послужило очевидно поощреніемъ къ подвигамъ другого камерунскаго героя, молодого ассессора Велана. Не уступая Лейсту по части усердія въ употребленіи своей власти, Веланъ еще отличался на своемъ спеціальному поприщѣ праведнаго судіи, именно—на поприщѣ вынужденія желательныхъ ему показаній у заподозрѣнныхъ имъ, но часто совершенно не виноватыхъ туземцевъ. Этотъ господинъ, творившій всякія злодѣйства въ Камерунѣ *), расчувствовался передъ судьями въ Потсдамѣ до того, что даже прослезился. Неудивительно, что и судьи расчувствовались сверхъ мѣры и приговорили Велана... къ 500 маркамъ штрафа! Для обыкновеннаго здраваго смысла этотъ приговоръ былъ прямо непостижимъ; это была грубая обида самыхъ элементарныхъ чувствъ человѣчности. Поэтому совершенно понятно, что, когда на послѣднихъ колоніальныхъ дебатахъ снова зашла рѣчь о Веланѣ, то депутатъ Бартъ предложилъ причислить его къ составу потсдамскаго дисциплинарнаго суда, и этотъ ядовитый протестъ д-ра Варта встрѣтилъ дружное одобреніе въ большей части депутатовъ рейхстага. Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ колоніальное вѣдомство сочло необходимымъ обратиться къ суду вышней инстанціи, въ которой дѣло Велана еще не окончено производствомъ.

Я не буду вдаваться здѣсь въ психологію чиновниковъ, которые, покуда они сидятъ въ берлинскихъ канцеляріяхъ, и мухи не обидятъ, а какъ только предназначаются для «культурной миссіи» въ африканскихъ колоніяхъ, то не знаютъ границы изувѣрствамъ и злодѣйствамъ. Намъ ждетъ другая фигура, не чета Лейсту и Велану, фигура крупная, на которой поэтому много рельефнѣе обнаруживается то сладострастіе безчеловѣчности, которымъ были одержимы молодые чиновники Камеруна и которое получило названіе тропической маніи величія. Въ послѣднее время въ нѣмецкой печати было много разговора о мировой политикѣ Германіи. Эти разговоры имѣли своимъ ближайшимъ источникомъ фразу, сказанную Вильгельмомъ II въ одной изъ его импровизаций и намѣчавшую перспективу всевѣтной политики Германіи въ параллель съ мировымъ господствомъ Англіи. Такого рода фразы производятъ здѣсь двойное впечатлѣніе: однихъ онѣ окрыляютъ пи-

*) Одной изъ любимыхъ забавъ Велана было скалпированіе живыхъ туземцевъ.

роками прозвѣтами и вдохновляютъ къ патріотическимъ дѣяніямъ, другихъ пугаютъ перспективой новыхъ налоговъ и непосильныхъ государственныхъ затратъ. Въ числѣ вдохновленныхъ той импровизацией, вѣриже—во главѣ ихъ сталъ въ настоящемъ случаѣ извѣстный африканскій дѣятель и завоеватель д-ръ Карлъ Петерсъ. Прикосновеніе къ дѣлу этого несомнѣнно очень рѣшительнаго человѣка усилило еще опасность легендарной Weltpolitik. Всякаго рода чудовищные морскіе планы, получившіе названіе Uferlose Flottenpläne, стали носиться зловѣщими призраками передъ напуганнымъ воображеніемъ.

Докторъ Петерсъ руководилъ экспедиціей въ восточной Африкѣ, затѣмъ былъ нѣкоторое время имперскимъ комиссаромъ въ тамошнихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ. Въ 1891 году вышла его большая книга «Die deutsche Emin-Pascha Expedition», переведенная на много языковъ и доставившая ему значительную извѣстность. Послѣ этого Петерсу была предложена должность начальника округа Танганайка, которую онъ однако отклонилъ, такъ какъ не хотѣлъ быть въ подчиненіи у губернатора Даръ-Эс-Салама, майора фонъ-Висмана. Правительству ничего не оставалось, какъ оставить его не у дѣлъ съ годовымъ окладомъ въ 6000 марокъ. Вотъ на этомъ то досугѣ Петерсъ и надумалъ взяться за пропаганду морскихъ плановъ. Снова начали интересоваться всплывшей на поверхности личностью африканскаго завоевателя; его книга объ экспедиціи на поиски Эмина Паши стала читаться на расхватъ. Наконецъ и рейхстагу пришлось посвятить Петерсу три дня колониальныхъ дебатовъ, названные стоустой молвой черными днями. Заходила рѣчь о Петерсѣ и на дебатахъ предъидущихъ годовъ, но никогда еще съ такой основательностью, какъ въ этотъ разъ. Матеріаломъ служила прежде всего собственная книга Петерса, да еще свѣдѣнія нѣмецкихъ и англійскихъ миссіонеровъ и другихъ источниковъ. Роль прокурора взялъ на себя депутатъ Вебель, послѣ того какъ еще раньше его въ нѣсколькихъ словахъ коснулся щекопливой материн консервативный депутатъ пасторъ Шаль.

Эти черные дни были въ то же время такъ назыв. большими парламентскими днями. Рейхстагъ изъ законодательнаго корпуса превратился на время въ высшее судилище надъ людьми, которыхъ потсдамскій дисциплинарный судъ нашелъ исполнительными, но нѣсколько не въ мѣру усердными чиновниками. Рейхстагъ привлекъ къ отвѣтственности и этотъ самый судъ и наконецъ доктора философіи Петерса, не привлекавшагося еще никакимъ судомъ.

Книга Петерса была предназначена для широкой гласности; по этому нельзя предположить съ его стороны преувеличеній къ собственному вреду. Но кто ознакомился съ ея содержаніемъ, тотъ не можетъ не удивляться, какъ этому откровенному человѣку могъ еще быть предложенъ отвѣтственный постъ въ Танганайкѣ. Дебаты рейхстага ознакомили съ книгой Петерса и болѣе широкіе слои нѣ-

мецкой публики. Остановимся и мы на нѣкоторыхъ образцахъ изъ книги Петерса. Трудно себѣ представить, среди какого возбужденія читались они въ собраніи рейхстага.

Петерсъ рассказываетъ въ началѣ книги о приготовленіяхъ къ экспедиціи для поисковъ Эмина Паши. Въ Занзибарѣ онъ набралъ извѣстное число туземцевъ племени Сомали въ качествѣ носильщиковъ и тотчасъ ввелъ тѣлесное наказаніе, которое и примѣнялъ съ неослабною строгостью. Въ составѣ экспедиціи былъ и отрядъ солдатъ. Носильщики Сомали, утомленные тяжелымъ путемъ подъ бременемъ непосильной ноши, норовили естественно отдышаться отъ работы, пытаясь при первой возможности уклониться отъ экспедиціи. Положеніе, конечно, очень непріятное. И вотъ Петерсъ, чтобы предупредить дальнѣйшіе побѣги носильщиковъ, обращается къ жестокому и воинственному племени Галласъ, среди котораго въ это время находился, съ приказаніемъ убивать каждого Сомали, который попадется имъ на пути... Въ теченіи своего пути онъ приходитъ въ страну племени Вадзага, со стороны которыхъ встрѣчаетъ нѣкоторый отпоръ. Въ наказаніе племени Петерсъ сжигаетъ всѣ деревни Вадзага, черезъ которыя проходитъ его экспедиція... «Чтобы дать внушительный примѣръ, мы въ одномъ случаѣ сожгли сразу шесть деревень Вадзага». Такъ похваляется въ своей книгѣ самъ д-ръ Петерсъ... Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней Петерсъ снова наталкивается на группу Вадзага. Часть изъ нихъ сидятъ въ кустахъ и на деревьяхъ, спинами въ сторону экспедиціи. Было очевидно, что у Вадзага не было враждебныхъ намѣреній относительно бѣлыхъ пришельцевъ. Тѣмъ не менѣе Петерсъ цокаетъ объ этомъ эпизодѣ въ слѣдующемъ характерномъ для него видѣ: «Какъ только заряды нашихъ винтовокъ пролились по ихъ спинамъ и нѣсколько туземцевъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ, противъ ихъ желанія съ необыкновенной быстротой повалились на землю, то Вадзага тотчасъ очистили поле... Только на холмѣ, къ западу отъ насъ, цѣлый день оставался сторожевой постъ Вадзага. Поѣвши, я направилъ экспедицію и противъ этого поста. Но люди, находившіеся на холмѣ, обратились ко мнѣ съ вопросомъ, почему-де мы въ нихъ безостановочно стрѣляемъ, вѣдь они совсѣмъ не хотятъ воевать противъ насъ... Зачѣмъ же вы сидите здѣсь на верху? спросилъ я ихъ.—Мы воюемъ противъ Вакамба, что сидятъ по другую сторону холма.—А, такъ, сказалъ я имъ въ отвѣтъ: въ такомъ случаѣ желаю пріятныхъ удовольствій!». Мы видѣли выше, съ какою строгостью д-ръ Петерсъ относился къ неисправнымъ носильщикамъ. Но вотъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги, онъ сообщаетъ объ участіи одного изъ своихъ исправнѣйшихъ носильщиковъ, который вслѣдствіе крайняго напряженія силъ заболѣлъ сухоткой... «Къ сожалѣнію, одинъ изъ взятыхъ мною изъ Даръ-Эс-Салама носильщиковъ отсталъ отъ нашей экспедиціи. Онъ долгое время страдалъ сухоткой и я уже давно освободилъ его отъ ноши. Львы, ры-

разсказываетъ о практиковавшемся его экспедиціей умыканія африканскихъ красавицъ.

Во время пребыванія въ Килиманджаро, Петерсъ взялъ себѣ въ наложницы красивую дѣвушку изъ племени Джатта, по имени Гиджатта, сестру князьки Манама изъ Мамба. Гиджатта очевидно тяготилась навязанной ей нѣжностью бѣлаго доктора философіи и завязала интимныя отношенія съ однимъ изъ слугъ Петерса, такимъ же какъ она чернымъ Мабруки. Узнавъ объ этомъ Гиджатта, д-ръ Петерсъ даетъ приказаніе повѣсить дѣвушку и любимого ею слугу. Офицеру экспедиціи, лейтенанту Бронсаръ фонъ-Шеллендорфу было поручено совершить казнь надъ молодыми людьми. Онъ однако уклонился отъ совершенія казни, которую считалъ убійствомъ. Тогда Петерсъ поручаетъ совершить экзекуцію помощнику завѣдующаго походнымъ лазаретомъ. Несчастные молодые люди на колѣняхъ умоляютъ даровать имъ жизнь, но пощады нѣтъ и они умираютъ на висѣлицѣ.

Когда этотъ образъ дѣйствія впоследствии обратилъ на себя вниманіе живущихъ тамъ европейцевъ и кромѣ того, какъ увидимъ ниже, имѣлъ довольно печальныя послѣдствія и для самихъ нѣмцевъ, то Петерсъ старался представить дѣло въ такомъ видѣ, что онъ велѣлъ повѣсить молодыхъ людей не изъ за ихъ любовной связи, а изъ опасенія съ ихъ стороны предательства, такъ какъ они-де занимались шпионствомъ... При такихъ обстоятельствахъ прямо не вѣроятно, чтобы офицеръ могъ уклониться отъ совершенія казни. Это была прямая его обязанность и за послушаніе передъ начальникомъ экспедиціи онъ долженъ былъ бы подвергнуться строгому дисциплинарному взысканію. Но ничего подобнаго въ колониальныхъ актахъ не значитъ... Вскорѣ послѣ этого инцидента Петерсъ хотѣлъ посѣтить руководителя англійской миссіей въ Моши, бисхофа Тукера. Предупрежденный объ этомъ посѣщеніи, англійскій бисхофъ пишетъ Петерсу, что съ убійцей не хочетъ имѣть ничего общаго. На Петерса это письмо произвело конечно очень непріятное впечатлѣніе, въ виду чего онъ спѣшилъ увѣдомить Тукера, что онъ... «былъ на повѣщенной дѣвушкѣ женатъ по африканскому обычаю и что согласно этому африканскому обычаю ему принадлежало право наказать смертью нарушительницу супружеской вѣрности...» Мотивировка любопытная во всѣхъ отношеніяхъ. Представитель нѣмецкой культуры и цивилизаціи въ Африкѣ женится тамъ на туземкѣ по закону дикарей и согласно этому закону вѣшаетъ ее за измѣну. Но такая расправа за невѣрность жестока даже съ точки зрѣнія африканскихъ обычаевъ. Простота нравовъ тамъ въ этомъ отношеніи самая неограниченная и измѣнница въ самомъ худшемъ случаѣ отдѣливается внушительной встрепкой. Повѣсить за такую вещь женщину значило бы для туземца лишиться цѣнности, рабочей силы, потому что женщина именно и трудится по преимуществу, на ней лежатъ необходимыя

жизненные заботы. Бисшофъ Тукеръ посѣлилъ отправить письмо Петерса въ Лондонъ, гдѣ оно и было напечатано въ органѣ англиской миссіи, Church missionary society.

Среди народовъ Африки, какъ извѣстно, господствуетъ обычай кровной мести. Согласно этому обычаю, Петерсъ, казвившій дѣвучку, погрѣшилъ противъ всего ее племени и за ее смерть долженъ мстить все ее племя. И мы видимъ дѣйствительно, что братъ Гиджагги, князекъ Мананія спѣшилъ къ старшему князю племени Джагга по имени Мели близъ Килиманджаро и подстрекаетъ его къ войнѣ противъ нѣмцевъ. Вскорѣ послѣ того Джагга идетъ войной противъ нѣмцевъ и въ этой войнѣ падаютъ жертвами германскіе офицеры баронъ Вюловъ и Вольфрамъ. Есть основаніе думать, что и слѣдующія восстанія туземцевъ были отвѣтомъ на образъ дѣйствія д-ра Петерса. Раздраженіе туземцевъ было такъ велико и неослабло, что даже въ 1894 г. двое нѣмецкихъ научныхъ изслѣдователей, д-ръ Лентъ и д-ръ Кретчеръ, были убиты туземцами.

Область Килиманджаро, въ которой Петерсъ поднялъ все верхъ дномъ и на много лѣтъ посѣялъ смуту и недовольство, принадлежитъ, по общему мнѣнію, къ самымъ плодороднымъ и многообшачающимъ мѣстностямъ. До Петерса тамъ служилъ лифляндецъ фонтъ-Эльцъ, подъ управленіемъ котораго царилъ полное спокойствіе и довольство. Эльцъ почему то долженъ былъ уступить мѣсто Петерсу, а самъ переведенъ былъ на службу въ Ньяссу. Услышавъ о похожденияхъ Петерса, онъ еще въ 1892 г. опубликовалъ открытое письмо Петерсу, гдѣ, ссылаясь на свой опытъ, онъ винить его во всѣхъ бѣдотвіяхъ, обрушившихся надъ несчастной областью... «Вы отвѣтственны,—такъ заключаетъ свое письмо фонтъ-Эльцъ,—передъ Богомъ и людьми за раззореніе цѣлующей мѣстности. Отвѣтственны за смерть нашихъ товарищей фонтъ-Вюлова и Вольфрама, нашихъ храбрыхъ солдатъ и сотенъ изъ племени Вадвагга. Но величайшій упрекъ, который я вамъ долженъ сдѣлать, слѣдующій: не необходимость понуждала васъ къ вашему кровавому образу дѣйствій,—нѣтъ: вамъ нужны были дѣла, которыя сдѣлали бы ваше имя популярнымъ въ Европѣ. Вы добились этой цѣли, г. докторъ, но я не завидую вамъ въ вашихъ подвигахъ, а Германія не можетъ быть вамъ благодарна!» Мы видимъ однако выше, что колониальное вѣдомство готово было поблагодарить Петерса должностью въ Танганайкѣ съ окладомъ въ 25.000 марокъ.

Когда депутатъ Бебелъ на послѣднихъ колониальныхъ дебатахъ выступилъ съ этими разоблаченіями противъ д-ра Петерса, то чувство мучительнаго стыда охватило всѣхъ его слушателей въ рейхстагѣ. Въ началѣ рѣчи на лицахъ нѣкоторыхъ близкихъ пріятелей Петерса, какъ графъ Арнимъ, можно было еще замѣтить насмѣшку, подавшую въ одномъ случаѣ поводъ оратору передъ лицомъ всей страны пригвоздить смѣющагося графа къ позорному

столбу. Но съ теченіемъ рѣчи даже самыя непоколебимыя колоніальныя ревнители съ поникшими головами стали внимать словамъ обвинителя. Имперскій канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ сочли за лучшее уклониться отъ участія въ неприятныхъ дебатахъ и все время защиты колоніальнаго вѣдомства возложили на начальника этого послѣдняго, д-ра Кайзера. Г. Кайзеръ несомнѣнно очень способный и свѣдущій въ колоніальномъ дѣлѣ человекъ. Въ предыдущіе годы ему удавалось съ большой легкостью пройти всѣ подводные камни, разбросанныя подъ его ногами колоніальной оппозиціей. Но на этотъ разъ онъ не могъ скрыть свое смущеніе и еще менѣе могъ преодолѣть всю обрушившуюся на него бѣду. Въ его рѣчи былъ лишь одинъ свѣтлый пунктъ,—это именно циркулярное распоряженіе канцлера относительно нѣкоторыхъ предѣловъ власти въ африканскихъ колоніяхъ, сдѣланное вскорѣ послѣ обнаруженія инцидентовъ Лейста и Велана. Все, что имъ было сказано относительно Петерса, было въ значительной степени документальнымъ подтвержденіемъ обвиненій Бебеля. Когда начальникъ колоніальнаго вѣдомства по актамъ прочитывалъ подробности управленія Петерса въ восточной Африкѣ, то германскій рейхстагъ представлялъ рѣдкое для этого солиднаго учрежденія зрѣлище.—Наглоты!.. Убійца!.. Его самого на висѣлицу!.. и тому подобныя крики слышались со скамей раздраженныхъ депутатовъ, когда г. Кайзеръ излагалъ исторію казней провинившихся негритянскихъ дѣвушекъ. Каково то было при этомъ самому герою этой печальной эпопеи, который имѣлъ мужество слушать эти дебаты съ трибуны!.. Рѣчь г. Кайзера никого не могла удовлетворить. Это ему тотчасъ и заявилъ вождь католическаго центра д-ръ Либеръ, сказавъ, что послѣ словъ начальника колоніальнаго вѣдомства Петерсъ является еще виноватѣй, чѣмъ послѣ рѣчи Бебеля. Само собою разумѣется, что партія центра, склонившаяся въ пользу колоніальной политики только подъ условіемъ распространенія христіанства и упраздненія рабства, считаетъ себя по преимуществу призванною контролировать колоніальныя дѣла съ нравственной точки зрѣнія. И вдругъ такіе пассажи и притомъ одинъ за другимъ. Чаша горечи переполнилась въ набожныхъ сердцахъ, и д-ръ Либеръ съ неоставляющей сомнѣній категоричностью заявилъ, что о «безбрежныхъ морскихъ планахъ» центръ и слышать ничего не хочетъ...

Утро вечера мудренѣе, — сказали себѣ друзья Петерса. Только на второй день дебатовъ сдѣланы были съ этой стороны попытки облить Петерса. Его личный другъ графъ Арнимъ даже заручился письмомъ Петерса, въ которомъ тотъ называлъ всѣ взведенныя на него обвиненія клеветой, отрицая свои связи съ туземными дѣвками, отрицалъ фактъ письма къ Туверу и т. д. Графъ Арнимъ прочелъ это письмо, построилъ на немъ свою защиту и даже не пощадилъ г. Кайзера, такъ слабо отстаивавшаго Петерса. Какъ много правды въ увѣреніяхъ Петерса, тому служить доказательствомъ

слѣдующій документъ, приведенный начальникомъ колоніальнаго вѣдомства въ свою защиту отъ нападокъ графа Арнимма. По распоряженію этого вѣдомства однимъ изъ его чиновниковъ былъ въ свое время составленъ протоколъ о совершенныхъ казняхъ. Протоколъ составлялся при участіи самого Петерса, который въ одномъ мѣстѣ протокола дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: «съ обѣими дѣвушками жила также одна женщина, убѣжавшая отъ князька Марсала. Это и есть приговоренная впослѣдствіи къ смертной казни... Она сдѣлалась чѣмъ то вродѣ любовной утѣхи на нашей станціи и я признаюсь, что въ первое время ея пребыванія на станціи разъ или два воспользовался ея ласками»...

Уже во второй день дебатовъ г. Кайзеръ могъ заявить рейхстагу, что на его докладѣ о ходѣ преній имперскій канцлеръ распорядился о возбужденіи судебнаго слѣдствія по дѣлу Петерса. Что дастъ судебное слѣдствіе—это покажетъ будущее.

Долго ли прожить чувство нравственнаго возмущенія, вызванное исторіей Петерса? Въ самый разгаръ схватки нечего было падать человѣка, который такъ скомпрометировалъ святое дѣло колоніальной наживы и капиталистическихъ авантюръ. Человѣкъ этотъ былъ ужъ очень посрамленъ, а между тѣмъ онъ въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ стоялъ во главѣ морскихъ плановъ; онъ въ самое послѣднее время вытѣснилъ изъ колоніальнаго общества принца Аренберга, занявъ тамъ вмѣсто принца постъ председателя. Этотъ человѣкъ былъ посрамленъ;—ничего не оставалось какъ пожертвовать имъ и спасти самое дѣло: колоніальныя предпріятія, морскіе планы. Но громадное значеніе послѣднихъ колоніальныхъ дебатовъ заключалось не столько въ личности Петерса, преступившаго требованія христіанской морали. Въ лицѣ Петерса была дискредитирована цѣлая система, заключающаяся въ пренебреженіи непосредственными, близкими дѣлами и нуждами страны ради проблематическихъ успѣховъ гдѣ то за тридцать земель. Со времени войны 1871 года морской бюджетъ Германіи увеличился въ семь разъ. Новѣйшіе морскіе планы имѣютъ въ виду усилить германскій флотъ въ степени, не соотвѣтствующей ни географическому положенію Германіи, ни ея колоніальному могуществу. Если рейхстагъ согласится на эти планы, то къ существующему уже бремени сухопутнаго милитаризма, поглощающаго около 500 мил. мар. ежегодно, прибавится еще новый Молохъ милитаризма морского. Этотъ Молохъ, выдвинутый теперь подъ видомъ заботъ о необходимости большей охраны колоніальныхъ владѣній, болѣе правильной защиты живущихъ въ чужихъ земляхъ нѣмцевъ, регулированія растущаго вывоза, поддержанія авторитета имперіи и т. д.,—этотъ Молохъ, благодаря исторіи Петерса, скроется теперь на неопредѣленное время съ лица земли вмѣстѣ съ героемъ этой исторіи. Въ этомъ и главное значеніе самой исторіи. Въ моральномъ отношеніи Петерсъ—этотъ Пизарро конца 19-го вѣка, былъ вполне мастеръ своего дѣла и не

хуже чѣмъ Пизарро и Кортесы 16-го вѣка. Эпоха научныхъ изслѣдованій и христіанскихъ миссій въ черной части свѣта окончилась съ такими личностями, какъ Ливингстонъ и Нахтигаль. Ихъ значеніе отодвигается теперь на задній планъ наступившею тамъ эпохой хищенія, раздоровъ, захватовъ и эксплуатаціи.

Любопытные образцы упомянутаго и всякаго помянутаго можно наблюдать теперь въ нѣмецкой прессѣ по поводу исторіи Петерса. Особенно въ той прессѣ, которая старается во что бы то ни стало отстоять своего божка-сверхчеловѣка. Противъ фактовъ, конечно, нельзя ничего поддѣлать. И вотъ остается со одной стороны проведеніе аналогій между Петерсомъ и другими колониальными героями печальной памяти, аналогій, изъ которой Петерсъ выступаетъ еще во всей прелесть германской добродѣтели. Съ другой стороны эта дружественная Петерсу, по преимуществу національ-либеральная пресса обрушивается на колониальныхъ обличителей съ обвиненіями въ недостатокъ патріотизма, въ посрамленіи отечества передъ лицомъ всей земли... Между тѣмъ въ другой части нѣмецкой печати то и дѣло являются разныя пикантныя подробности, дополняющія характеристику личности нашего героя. Вотъ между прочимъ одинъ примѣръ, рисующій Петерса не какъ африканскаго любовника, а какъ африканскаго авантюриста. По возвращеніи изъ Африки Петерсъ поселился въ одномъ изъ южно-нѣмецкихъ курортовъ. Врачу, лечившему его въ этомъ курортѣ, онъ вмѣсто гонорара уплачивалъ африканскими землями, которыя онъ прибрѣлъ на основаніи договоровъ, заключенныхъ съ туземцами и скрѣпленныхъ крестами вмѣсто подписи. Это были земли, уже ранѣе занятыя англичанами. Наивный врачъ, излечившій Петерса, обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ запросомъ на счетъ полученныхъ отъ кліента африканскихъ владѣній, но конечно не получилъ оттуда никакого отвѣта.

На этомъ мы и разстанемся съ г. Петерсомъ. Въ общественно-политическомъ отношеніи онъ, надо думать, мертвый человѣкъ, какъ выражаются нѣмцы. Въ этомъ отношеніи онъ дополнитъ собою ряды павшихъ здѣсь въ послѣднее время величинъ, вродѣ барона Гаммерштейна, Штеккера, извѣстнаго адвоката д-ра Фридмана и др. Быть можетъ еще какой нибудь досужій драматургъ возьметъ его героемъ своей пьесы и будетъ дѣлать хорошіе сборы. Въѣдь года два тому назадъ давалась здѣсь съ успѣхомъ пьеса «Стенли въ Африкѣ». Это была любопытная пьеса съ первобытными лѣсами, съ балетомъ декольтированныхъ негритянокъ и съ Стенли въ центрѣ африканской драмы. Въ него влюблена прекрасная дагомейка, роль которой, въ виду ея важности, играла сама директриса театра. Это была поучительная пьеса и давала хорошіе сборы.

А. Ковровъ.

Изъ Франціи.

Я въ читальнѣ знаменитаго Бонмарше, самаго колоссальнаго въ модныхъ базаровъ Парижа, да если не ошибаюсь, и цѣлаго міра. Каждый день въ 3^{1/2} часа пополудни, желающіе осмотрѣть достопримѣчательности этого своеобразнаго музея торговли, поджидаютъ въ читальнѣ особаго служащаго, который и водить ихъ по разнымъ помѣщеніямъ и повертываетъ къ нимъ казовымъ концомъ то ту, то другую сторону этого капиталистическаго фаланстера. Я пришелъ нѣсколько рано и, чтобы убить время, рассказываю по читальнѣ и сосѣднимъ галлереймъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ подробностяхъ общей, хорошо знакомой мнѣ картины магазина. По одну сторону меня,—громадный центральный залъ, нѣчто въ родѣ театра, который обѣгаютъ кругомъ нѣсколько этажей галлерей, и вверху, внизу, позади меня, впереди развертываются цѣлыя перспективы другихъ залъ, другихъ галлерей, которыя кажутся еще обширнѣе и длиннѣе отъ размѣщенныхъ повсюду большихъ зеркалъ. Куда ни повернешь глазъ, всюду развертываются настоящія выставки всевозможныхъ предметовъ, носящихъ довольно непереводимое названіе «*puces*» и состоящихъ изъ бѣлья, одежды, мебели, ковровъ, различныхъ бездѣлушекъ и пр. Дѣло передъ Пасхой: весь магазинъ переполненъ шумной нервной толпой покупателей, особенно покупательницъ; повсюду снуютъ безукоризненно одѣтые прикащики и прикащицы. Шуршанье развертываемыхъ матерій, гулъ нѣсколькихъ тысячъ паръ ногъ по паркету, восклицанія и вопросы «*clients*», отвѣты продавцовъ, звонъ монеты у безчисленныхъ кассъ и стукъ непрерывно ѣдущихъ омнибусовъ и каретъ, доносящійся съ улицы,—все это сливается въ одинъ общій шумъ, въ которомъ можно едва различить слова сосѣдей. Возвращаюсь въ читальню. Это большая зала или вѣрнѣе галлерей между двумя рядами колоннъ, на второмъ этажѣ, съ видомъ въ обѣ стороны на только что нарисованную мной общую картину магазина. Верхняя часть стѣнъ и потолокъ образуютъ изящный сводъ, разукрашенный позолотой, скульптурой и живописью. Посреди, почти во всю длину залы, громадный столъ съ цѣлой кучей французскихъ газетъ и журналовъ и кой-какими иностранными изданіями, а съ каждой длинной стороны стола 12—15 стульевъ для публики да по 2—3 стула на закругленныхъ углахъ. Проходя мимо Бонмарше, вы можете преспокойно войти въ читальню, занять мѣсто, если таковое окажется, и приняться за чтеніе газетъ или за писанье: къ вашимъ услугамъ чернильница, перья, бумага и конверты со штемпелемъ

магазина. За это съ васъ ничего не потребуютъ: вы составляете одинъ изъ элементовъ ловко поставленной рекламы этого гигантскаго магазина. Но вотъ вы оторвались и глянули на стѣны: всѣ онѣ почти до самаго верха увѣшаны картинами; а возлѣ-нихъ, на столикахъ, тумбахъ, на двухъ громадныхъ каминныхъ разставлены статуи, бюсты, большія и маленькія фигуры. Новый приѣмъ рекламы: Бонмарше предлагаетъ всѣмъ желающимъ живописцамъ и скульпторамъ выставить въ читальнѣ ихъ произведенія бесплатно въ теченіе шести недѣль. «Цѣль этой выставки—поставить художниковъ въ прямыя сношенія съ нашими кліентами»—гласятъ печатныя объявленія, развѣшанныя магазиномъ. И вы видите, что господа артисты не брезгаютъ этимъ любезнымъ приглашеніемъ: на каждой картинѣ, бюстѣ, статуѣ представлены фамилія, адресъ художника и цѣна, какую онъ назначаетъ за свое произведеніе. Картины и статуи эти по большей части второстепенныя и третьестепенныя и даже съ точки зрѣнія чисто денежной не идутъ, насколько я могъ замѣтить, выше 2000 фр. Но какъ бы то ни было, а художники и потребители эстетическихъ предметовъ отправляются въ Бонмарше и прибавляютъ здѣсь кое-что отъ себя къ неимовѣрному и безъ того уже движенію магазина. А тѣмъ временемъ, магазинъ успѣваетъ покрыть всѣ стѣны своей читальни картинами, за которыя онъ гроша мѣднаго не заплатилъ и которыя составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ постоянную выставку вѣчно мѣняющихся сюжетовъ...

И взоръ мой невольно обращается на чету геніальныхъ коммерсантовъ, Аристиду и Маргариту Бусико (Boucicaud), которые создали Бонмарше и мраморные бюсты которыхъ смотрятъ съ каминна своими мертвыми глазами на всю эту кипучую жизнь, всю эту сутолоку, все это движеніе грандіозныхъ капиталистическихъ колесъ. Хорошая машина! Образцовая мельница! Сколько человѣческихъ жизней перемололи, вѣроятно, эти всемогущіе жернова!... Но вдругъ я вспоминаю, что Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ засѣданіи 7-го декабря 1889 г., присудила золотую медаль фирмѣ Бонмарше за филантропію и образцовую организацію жизни ея служащихъ. И мнѣ становится стыдно и страшно: усомнившись въ безкорыстіи основателей Бонмарше, я потревожилъ ихъ тѣни. Мадамъ смотритъ на меня по прежнему добродушно, но у хитраго мосье, нормандца по происхожденію, какъ будто даже сбѣжала съ его каменныхъ устъ чуть замѣтная слащавая улыбка и онъ сурово и негодующе взираетъ на меня. Стойте смирно на каминѣ, благодѣтели человѣчества, не подражайте глупымъ шуткамъ статуи Командора! Отнынѣ я не позволю себѣ никакихъ неумѣстныхъ восклицаній: я заставляю говорить цифры и факты.

Часы у противоположнаго камина ударили разъ: три съ половиной! И около нихъ выросъ молодой красивый джентльмэнъ, съ черными коротко подстриженными волосами, такой же бородкой, въ безукоризненномъ сюртукѣ и ослѣпительной бѣлизны рубашкѣ. Сложивъ губы сердечкомъ, онъ слегка наклонился въ нашу сторону, мило улыбнулся по адресу дамъ и, какъ настоящій ораторъ, звучнымъ голосомъ, безъ запинки и съ приличествующими жестами, произнесъ: «честь имѣю просить лицъ, желающихъ осмотрѣть магазинъ, послѣдовать за мной: мнѣ будетъ крайне пріятно дать интересующимся этимъ вопросомъ необходимыя разъясненія и нѣсколько любопытныхъ цифръ». Изъ-за стола чистальни и съ боковъ ея поднялось человѣкъ двадцать: грузный пожилой господинъ съ важными манерами и, какъ оказалось сейчасъ же, напыщенной и резонерской рѣчью,—по всей вѣроятности, бывшій служащій въ какой нибудь конторѣ, а нынѣ праздный рантье; пара тонкихъ довольно красивыхъ миссъ, судя по выговору американокъ, съ краснымъ Бедекеромъ въ рукахъ; приземистый, юркій испанецъ съ невозможнымъ провозношеніемъ, оливковымъ цвѣтомъ лица и записной книжкой, нѣсколько провинціаловъ и парижанокъ и вашъ поворный слуга. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ по корридору, мы вошли въ большую комнату, завѣшанную темными сторами и освѣщенную массой газовыхъ рожковъ и электрическихъ лампочекъ. «Эта комната, заговорилъ ораторъ-чичероне, была устроена нами въ виду облегченія выбора матерій нашими кліентами. Вы, конечно, всѣ знаете, какіе невѣрные тоны вечернее освѣщеніе кладетъ на цвѣта: небесно-голубой кажется зеленымъ, gris-vertе розовымъ. И вотъ для того, чтобы дать возможность дамамъ ориентироваться въ тканяхъ и вечеромъ, Бонмарше устроилъ это отдѣленіе, освѣтивъ его электричествомъ, въ ту пору, когда еще мы не успѣли провести этотъ свѣтъ повсюду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, для кліентовъ нашихъ, которыя бы пожелали тутъ же судить, какой эффектъ ихъ платье будетъ имѣть на балу, при газѣ и свѣчакъ, въ ихъ услугамъ здѣсь и газовыя рожки». И попутно чичероне сообщаетъ нѣсколько цифръ, которыя даютъ намъ понятіе о размѣрахъ магазина.

Электрическихъ лампъ въ Бонмарше всего 3900, изъ которыхъ 400 лампъ съ вольтовой дугой системы Канса и 3500 лампочекъ накаливанія системы Эдиссона. Электричество это развивается полсотнею динамическихъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе 9 громадными паровыми машинами силою въ 1125 лошадей. Всѣ эти приспособленія находятся въ двухъ залахъ второго подвального этажа занимающаго 2500 квадратныхъ метровъ (около четверти десятины)... Испанецъ переспрашиваетъ, очевидно полагая, что ослышался. Рантье самодовольно повторяетъ слова чичероне, какъ бы желая раздавить иностранца подъ бременемъ парижскихъ чудесъ. Кто-то изъ насъ полюбопытствовалъ узнать, какую

площадь покрываетъ весь Бонмарше. «Десять тысячъ квадратныхъ метровъ», отвѣчаетъ проводникъ, «не считая службъ, конюшенъ и пр.». По нашему, значитъ, почти десятина. Охи, ахи, обѣ миссы вытянули шею и слушаютъ съ живѣйшимъ интересомъ; рантье торжествуетъ, а испанецъ-корреспондентъ торопится записывать. Мы узнаемъ тѣмъ временемъ, что паровыя машины распределяютъ по всему зданію не только свѣтъ, но и теплоту, движущую силу (элеваторы и пр.) и воду. Вода накачивается изъ двухъ колодцевъ подъ домою, глубиною одинъ въ 35 сажень, другой въ 47. Часть пара расходуется и на приготовленіе пищи для служащихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ...

Пройдя нѣсколько длиннѣйшихъ корридоровъ, мы поднялись этажомъ выше и очутились въ кухнѣ, величину которой трудно представить себѣ, не выдавъ ея въ полномъ ходу. А изъ краснорѣчивыхъ устъ проводника льются рѣчи и журчатъ похвалу хозяевамъ-филантропамъ. «Мосье и мадамъ Бусико ясно видѣли, сколько времени тратится понапрасну у служащихъ на то, чтобы уходить завтракать и обѣдать къ себѣ или въ ресторанъ; съ другой стороны они понимали, что стоитъ закупать провизію и готовить пищу въ громадномъ количествѣ для всѣхъ служащихъ, и общая экономія получится невѣроятная, а кухня будетъ замѣчательно здоровая и вкусная... И вотъ мосье и мадамъ рѣшили давать даромъ пищу всему персоналу дома»...—То-есть, значитъ, платя имъ часть заработной платы натурою и настолько же уменьшая имъ плату деньгами, проносится у меня въ головѣ. Но мои размышленія прерваны единодушными криками восторга моихъ сосѣдей: доброта хозяевъ, очевидно, прямо пропорціональна емкости котловъ и сковородъ, употребляемыхъ для приготовленія пищи! Котлы для супа—настоящіе металлическіе чаны съ крышками; они нагреваются горячимъ паромъ, и паръ же при помощи остроумно устроенныхъ гидравлическихъ прессовъ послушно и ловко поворачиваетъ эти громадныя массы, поднимаетъ и опускаетъ эти чудовищныя крышки: поварамъ, а ихъ двѣ дюжины, остается только надавливать на каучуковую грушу, дѣйствующую воздухомъ. Помѣшивавтъ они кипящую жидкость исполненными ложками, настоящими черпаками. Котловъ всего девять общаго вмѣстимостью въ 365 ведеръ: именно 3 изъ нихъ по 65 ведеръ, 2 по 37, 4 по 24. Отъ суповъ перешли къ жаренымъ. Вдоль стѣны тянутся какіе-то безконечныя чугунныя шкафы, отъ которыхъ пышетъ страшнымъ жаромъ. Нашъ проводникъ говоритъ два-три слова подошедшему поваренку: тотъ бѣжитъ къ одному изъ варовъ, а этотъ подходитъ къ какимъ-то рукояткамъ и начинаетъ поворачивать ихъ. Вдругъ передъ нашими глазами дверцы шкафовъ отворяются одна за другой, и взоръ нашъ падаетъ на длиннѣйшій рядъ рѣшетокъ, который убѣгаетъ далеко-далеко, превращаясь въ концѣ залы въ какую-то черную линію. «Это

спеціальныя печи для жаренія бифштексовъ и котлетъ; ихъ сразу, въ нѣсколько минутъ, готовятъ триста порцій», повѣствуетъ проводникъ. «А вотъ, продолжаетъ онъ,—особые аппараты, чтобы жарить картофель: они въ одинъ приемъ изготовляютъ 600 килограммовъ (около 37 пудовъ) картофеля»... Вотъ печи, гдѣ варятъ яица: ихъ намъ нужно 10,000 въ день... Вотъ аппараты для приготовленія кофе: въ полчаса они даютъ 300 литровъ (болѣе 24 ведеръ) напитку... Вотъ духовыя печи для подогреванія тарелокъ... Вотъ машина для рѣзки хлѣба тонкими ломтиками... Вотъ... И съ каждой новой перспективой, которая разворачивается въ этой чудовищной кухнѣ Гаргантюа, нашъ восторгъ становится все пламеннѣе и пламеннѣе, въ pendant къ окружающей насъ атмосферѣ, въ которой мы обливаемся потомъ вотъ уже минутъ десять...

Проводникъ подмѣчаетъ психологическій моментъ, когда зрители начинаютъ подумывать не только о щедротахъ основателей магазина, но и о жизни поваровъ, которые пѣлый день сами поджариваются здѣсь то на пару, то на газу, и уводятъ насъ на свѣжій воздухъ, въ длинную стеклянную галерею. Пройдя ее, мы приближаемся къ столовымъ и, оглябая съ наружной стороны кухню, откуда только что вышли, натягиваемся прежде всего на три большія кассы на манеръ тѣхъ, въ которыхъ раздаются билеты на желѣзныхъ дорогахъ, но только съ отверстиями пошире. Кассы эти продѣланы въ стѣнѣ кухни. Къ каждой изъ нихъ ведетъ особый корридоръ и у каждой виситъ большая черная доска, на которой крупными буквами написано мѣломъ: «телячьи котлеты», «ростбифъ съ картофелемъ», «баранье стегно» (*gigot de mouton*,—встаетъ сказать, любимое французское блюдо), и т. п. «Это меню сегодняшняго обѣда»,—снова раздается голосъ нашего чичероне: «каждый служащій имѣетъ право за завтракомъ на мясное блюдо по выбору, на блюдо овощей и на десертъ; за обѣдомъ на супъ, на мясное блюдо по выбору, на блюдо овощей и на десертъ. И вотъ сообразно выбираемому мясному, каждый становится, у той кассы, гдѣ написано подходящее ему блюдо, получаетъ его, затѣмъ направляется къ буфету, гдѣ ему даютъ утромъ и вечеромъ по пол-литра вина или же по бутылкѣ пива, смотря по желанію, и наконецъ идетъ въ столовую и занимаетъ тамъ мѣсто».

Чичероне проводитъ насъ мимо колоссальнаго буфета, гдѣ стоитъ цѣлое войско бутылокъ съ виномъ и пивомъ, и вводитъ насъ въ грандіозную столовую. Высокая сама по себѣ, она кажется приплюснутой отъ ея поразительной длины и ширины. Она освѣщена 80 окнами, тянется на 56 сажень и уставлена нѣсколькими десятками громаднхъ столовъ изъ краснаго дерева. «У насъ царитъ здѣсь равенство,—обращается къ намъ съ пріятной улыбкой провожатый: и пища и столы одинаковы для всѣхъ,

начиная отъ самаго зауряднаго приказчика и вплоть до лицъ, занимающихъ самое высое положеіе въ служебной іерархіи. Единственная разница столовъ, предназначенныхъ для начальства и стоящихъ по обонмъ концамъ залы, это—прикрывающая ихъ клеенка. Но клеенку мы найдемъ, впрочемъ, и на всѣхъ столахъ женской столовой. Здѣсь же мы въ мужской столовой. Всѣ служащіе обязаны принимать пищу въ самомъ зданіи. Только лѣтомъ отъ 15 іюня и до 15 сентября и зимою, въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ, начальники отдѣленій (*chefs de comptoir et de service*) имѣютъ право уходить къ себѣ домой обѣдать въ 6 ч. 55 м. вечера и уже не возвращаться въ магазинъ». Нашъ проводникъ направляетъ насъ отсюда въ женскую столовую гораздо меньшихъ размѣровъ и съ нѣскольکو лучшей обстановкой, затѣмъ указываетъ намъ черезъ стеклянныя двери на третью столовую, для кучеровъ и особыхъ приказчиковъ, которые развозятъ и разносятъ вещи на домъ: эта послѣдняя столовая была полна завтракавшими...

Слѣдуютъ новыя разъясненія чичероне. Число всѣхъ приказчиковъ и служащихъ въ Бонмарше, постепенно поднимаясь, дошло въ истекшемъ 1895 году до 4,800, изъ нихъ 3,600 приказчиковъ мужчинъ, 550 женщинъ и 650 кучеровъ, развѣдныхъ и разсылныхъ. Сообразно съ этимъ приходится готовить ежедневно 4,800 порцій, на что идетъ,—я перевожу на нашъ счетъ,—115 пудовъ мяса, 120 пудовъ хлѣба, 25 пудовъ коровьяго масла, 1,000 куръ или 550 кроликовъ (въ дни, когда эти жаркія замѣняютъ мясо). Супа, какъ мы уже видѣли, готовится 365 ведеръ, а яицъ потребляется 10,000. Вина и пива выпивается отъ 15 до 20 бочекъ. Приказчики и приказчицы завтракаютъ и обѣдаютъ тремя смѣнами, каждая смѣна въ 1,200 мужчинъ и 150—200 женщинъ. Каждая смѣна отдѣлена отъ слѣдующей промежуткомъ въ одинъ часъ: 50 минутъ полагается собственно на пищу, 10 минутъ на уборку и мытье посуды, провѣтриваніе столовой, приготовленіе новыхъ приборовъ. «Основатели магазина, говоритъ нашъ проводникъ,—обратили особое вниманіе на удобства дамскаго персонала: г-жи приказчицы не обязаны сами брать себѣ блюда, какъ мужчины; имъ прислуживаютъ какъ въ ресторанахъ (у насъ всей прислуги при столовыхъ болѣе 100 человѣкъ); количество вина и пива для нихъ не ограничено: и то и другое стоитъ на столѣ, и онѣ могутъ брать его, сколько заблагоразсудится... Мы, впрочемъ, до сихъ поръ не можемъ пожаловаться на злоупотребленія... Кроме того, какъ только наши дамы приходятъ утромъ въ магазинъ, имъ дается по чашкѣ кофе съ молокомъ или же шоколаду... Я долженъ, впрочемъ, замѣтить, что служащіе обоего пола сверхъ обычнаго числа блюдъ имѣютъ еще право, если пожелаютъ, взять дополнительную мясную порцію: благодарный пер-

сональ далъ ей знаменательную кличку «порція Бусико» въ честь нашего умершаго хозяина-филантропа»...

Желая разсѣять насъ среди этой затянувшейся лекціи о потребительныхъ священнодѣйствіяхъ, нашъ чичероне дѣлаетъ самый серьезный видъ и торжественно начинаетъ: «существенное отличіе мужской и дамской столовыхъ лежитъ, впрочемъ, даже и не въ привилегіяхъ прекраснаго пола, а въ нѣсколько разной картинѣ, которую представляютъ та и другая зала. Въ мужской столовой, гдѣ обѣдаютъ, какъ я только что сказалъ вамъ, 1,200 человѣкъ сразу, царитъ относительная тишина: каждый служащій пользуется этимъ временемъ, чтобы прочесть свою газету; разговоры доведены до минимума. Въ дамской столовой всего 200 приборовъ, но когдаходишьтуда, обыкновенно ничего не въ состояніи разслышать: дамы не любятъ заниматься политикой и предпочитаютъ мертвой бумагѣ живые разговоры»... Наша колонна фыраетъ, какъ одинъ человѣкъ. Острота особенно пришлась по вкусу испанцу, который радъ, что повалье быструю плавную рѣчь проводника, и не можетъ разогнуться отъ смѣха.

Проходя мимо столовой, гдѣ ѣли кучера и разъѣздные, чичероне объясняетъ намъ, почему тамъ стучать ножи и вилки въ этотъ, казалось бы, неурочный часъ. Дѣло въ томъ, что служащіе въ самомъ магазинѣ, продавцы, кассиры и пр., начинаютъ свой рабочій день въ строго опредѣленный часъ: Бонмарше открывается лѣтомъ въ 7³/₄ утра, зимою въ 8 часовъ, и съ самаго момента открытія въ магазинѣ уже должны находиться выбираемые по очереди служащіе; четверть часа позже всѣ рядовые приказчики должны быть на своихъ мѣстахъ, а еще пять минутъ спустя появляются приказчицы и завѣдующіе различными отдѣлами магазина. Точно также и закрывается Бонмарше въ опредѣленное по временамъ года время: мѣ 7 ч. 30 м. или въ 7 ч. 55 м. вечера. Сообразно съ этимъ устанавливается опредѣленный часъ для каждой смѣны въ завтракъ и обѣдъ: пока одна треть персонала въ столовой, двѣ трети въ магазинѣ къ услугамъ покупателей. Но для кучеровъ, разъѣздныхъ и разсылныхъ дѣло совсѣмъ другое. Отъ 5 ч. 30 м. утра, когда Бонмарше посылаетъ на рынокъ за провизіей, и до 5 ч. 30 м. вечера, когда выѣзжаетъ послѣдняя партія экипажей, отвозящихъ товары на станціи, цѣлыхъ 18 смѣнъ повозокъ покидаетъ ежедневно ворота магазина и возвращается опять. Понятно, что часъ завтрака и обѣда для кучеровъ и разъѣздныхъ зависитъ каждый день отъ часа выѣзда и возвращенія ихъ смѣны. Одни пріѣзжаютъ, другіе отправляются. Вотъ почему въ столовой, предназначенной для этой группы служащихъ, *идутъ и пьютъ цѣлый день*, тѣмъ болѣе, что лица этой категоріи ѣдятъ не два раза, какъ приказчики, а три раза...

Вотъ и само «отдѣленіе экспедицій». Пройдя нѣсколько корридоровъ, наша колонна входитъ въ громадную залу, передѣ-

ленную массою барьеровъ на множество особыхъ отдѣленій, каждое съ нѣсколькими приказчиками, сидящими за конторкой, и цѣлымъ штабомъ упаковщиковъ, писцовъ адресовъ и наклеивщиковъ. При входѣ въ каждое отдѣленіе надпись крупными буквами, — я копирую нѣсколько такихъ надписей: *Отдѣленіе I.* Сѣверо-восточные департаменты (Aisne), Арденны, Марнскій департаментъ и т. д., *Отдѣленіе V.* Нормандія; *Отдѣленіе XI.* Заграничныя экспедиціи. А. Бельнъ и т. д. и т. д. Въ общемъ эта зала, или вѣрнѣе этотъ безконечный рядъ залъ производитъ впечатлѣніе колоссальной товарной станціи, но съ большимъ числомъ кассъ и отдѣловъ, съ большимъ числомъ служащихъ и съ болѣе умѣлой и цѣлесообразной организаціей, чѣмъ на желѣзныхъ дорогахъ. По минутно элеваторы поднимаютъ сюда изъ магазина цѣлыя груды пакетовъ, отмѣченныхъ номерами провинціальныхъ или заграничныхъ адресатовъ. Сейчасъ же конторщиками отыскиваются соответствующія письма заказчика, составляется накладная, пишутся адреса. А тѣмъ временемъ отправляемыя вещи упаковываются. Весь механизмъ отправки, организація человѣческаго труда функционируетъ здѣсь такъ же правильно, безъ скачковъ и петрсеній, какъ и хорошо пригнанные части элеваторовъ. Раздаются выеликиванія номеровъ и городовъ; бойко бѣгутъ перья по бумагѣ, шуршитъ солома пакетовъ, стучитъ молотокъ, забивая гвозди; и платформы элеваторовъ протягиваются словно руки послушныхъ гигантовъ изъ «Тысячи и одной ночи», то принося, то унося товаръ...

Спускаемся мы нѣсколько этажей. Въ подвальномъ этажѣ, куда публика не допускается кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, совершается послѣдняя часть операций передъ окончательной отправкой товаровъ: съ элеваторовъ они складываются въ большія корзины, а оттуда уже на повозки. Я прерву на нѣсколько минутъ наше путешествіе съ проводникомъ и расскажу, какое зрѣлище представляетъ этотъ подвальный этажъ, куда мнѣ пришлось поспѣть однажды по необходимости. Я былъ съ такъ называемымъ «номеромъ кассы» (объ этомъ см. ниже) и сначала условился, чтобы всѣ мои покупки прислали на домъ, но потомъ рѣшилъ уплатить тотчасъ же и взять ихъ съ собой. Кассиръ далъ мнѣ разрѣшеніе спуститься внизъ, чтобы отыскать по «номеру кассы» мои вещи: въ подвальномъ этажѣ концентрируются не только товары, отправляемые иногороднымъ и заграничнымъ покупателямъ, но и тѣ покупки, которыя предстоитъ разослать по Парижу и окрестностямъ... Спускаюсь. Гигантская электрическая лампа въ центрѣ и масса меньшихъ лампъ по сторонамъ. Изъ стѣнъ торчатъ громадные желоба, на манеръ тѣхъ, по которымъ течетъ мука въ мельницахъ, но въ нѣсколько разъ объемистѣе; а подъ желобами корзины. Изъ желобовъ льется мощная струя пакетовъ и быстро наводняетъ корзины. Наполненные сейчасъ же отодви-

гнутся въ сторону, заминаясь пустыми, а содержаніе ихъ немедленно сортируется. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ то изъ одного, то изъ другого желоба попадали мои покупки, сдѣланныя въ различныхъ отдѣленіяхъ магазина; и служащіе по моему «номеру кассы» тутъ же соединили всѣ вещи, носившія этотъ номеръ, и вручили мнѣ ихъ.

Такъ какъ дѣло пошло насчетъ техническихъ удобствъ и цѣлесообразности организациі въ большихъ магазинахъ, то я позволю себѣ сдѣлать еще небольшое отступленіе и рассказать о томъ механизмѣ, который употребляется для отправки покупокъ въ другомъ громадномъ базарѣ Париза, занимающемъ первое мѣсто послѣ Бонмарше,—Луврѣ. Тамъ аппаратъ, концентрирующий пакеты, состоитъ изъ ряда наклонныхъ желобовъ, ведущихъ изъ этажа въ этажъ, и изъ движущихся между ними (при помощи электричества) горизонтальныхъ безконечныхъ ремней изъ холста, которые автоматически тянутъ пакеты отъ конца одного желоба до начала другого. На какомъ бы этажѣ и въ какомъ бы отдѣленномъ мѣстѣ Лувра вы ни сдѣлали закупки, ваши пакеты, хорошо перевязанные и съ написаннымъ адресомъ, бросаются тутъ же въ ближайшее развѣтвленіе безконечнаго холщоваго ремня и пойдутъ гулять изъ одного угла этажа въ другой, плыть по желобамъ изъ верхняго этажа въ слѣдующій, пока не приплывутъ въ нижнемъ этажѣ,—въ большой компаніи съ другими пакетами,—къ «сортировальному столу». Здѣсь они встрѣтятся съ волнами другихъ партій пакетовъ, которыя приплыли по другимъ развѣтвленіямъ ремня, и образуютъ цѣлый водоворотъ вещей. Обширный сортировальный столъ медленно вращается вокругъ своей оси, и кругомъ стоятъ служащіе, которые высматриваютъ пакеты, предназначенные для ихъ кварталовъ: каждый кварталъ имѣетъ своихъ служащихъ, развозящихъ вещи исключительно въ этомъ районѣ.

Это отступленіе мало, впрочемъ, отвлекаетъ насъ отъ нашего путешествія по Бонмарше: дѣло все идетъ объ отправкѣ. Во главѣ съ нашимъ провожатымъ, мы прошли мимо нижняго этажа, вышли на дворъ, затѣмъ на улицу, и перейдя ее, очутились снова во владѣніяхъ магазина, а именно въ конюшняхъ его. Конюшни эти свѣтлыя, очень чистыя и поражаютъ, какъ и все въ Бонмарше, своими размѣрами: въ каменномъ корпусѣ насчитывается съ каждой стороны 75 стойлъ, такъ какъ своихъ лошадей у магазина 150 (кромѣ сотни, которую онъ принаимаетъ). Въ сосѣднемъ каретномъ сараѣ стоитъ около ста повозокъ и ручныхъ тачекъ. Однихъ кучеровъ и конюховъ около 70. Что же касается до персонала, развозящаго вещи и такъ же, какъ въ Луврѣ, распределеннаго по кварталамъ, то въ настоящій моментъ (апрѣль 1896 г.) онъ состоитъ изъ 638 служащихъ, такъ называемыхъ, *livreurs*. Благодаря тому, что районъ каждаго служащаго строго специализированъ, онъ очень скоро узнаетъ постоянныхъ кліентовъ ма-

газина, а между ними научается различать вполне достойныхъ довѣрія отъ незаслуживающихъ его. Въ принципѣ Бонмарше продаетъ только на чистыя деньги, и какъ только вы купили вещь, вы должны заплатить за нее сейчасъ же, если берете съ собой, или по предъявленіи счета у себя на дому, если вы попросили прислать ее. Но если служащій нѣсколько разъ имѣлъ дѣло съ вами и вы каждый разъ платили аккуратно, онъ оставитъ вамъ вещь, и не дожидаясь вашей уплаты: иногда счетъ высылается вамъ вторично лишь черезъ нѣсколько недѣль...

«Кончая обзоръ собственно магазина и его службъ, я хотѣлъ бы сообщить лицамъ, почтившимъ насъ посѣщеніемъ, нѣсколько цифръ, которыя дадутъ понятіе объ оборотахъ Бонмарше: въ прошломъ году этотъ оборотъ дошелъ до 157 милліоновъ франковъ, изъ нихъ около 40 милліоновъ падаетъ на операціи иногородныя и заграничныя; остальное все представляетъ торговлю въ стѣнахъ Парижа и непосредственныхъ окрестностяхъ»... Среди новыхъ аховъ и оховъ, вызванныхъ этими цифрами, нашъ чичероне предлагаетъ намъ въ заключеніе осмотрѣть помѣщеніе, которое дается «бесплатно» одинокимъ приказчицамъ и холостымъ служащимъ магазина.

Выйдя изъ конюшенъ, мы входимъ въ сосѣдній домъ, принадлежащій магазину, и, поднявшись нѣсколько этажей, находимся у начала длиннаго, широкаго и выложеннаго корридора. Проводникъ подводитъ насъ къ двери одной изъ многочисленныхъ комнатъ, выходящихъ въ корридоръ. Кровать, столъ, два стула, ночной столикъ, паркетъ натертъ до невозможности, нигдѣ ни соринки. «Комната, которую вы видите, одна изъ 550 комнатъ, построенныхъ для нашихъ приказчицъ; всѣ онѣ во всѣхъ четырехъ этажахъ совершенно одинаковы: по комнатѣ верхняго этажа, гдѣ мы теперь находимся, вы можете ссудить о всѣхъ. Онѣ предназначены для одинокихъ дамъ и дѣвицъ, которыя не могутъ почему либо жить съ родными. Но половина нашего дамскаго персонала замужемъ; часть живетъ у родственниковъ, такъ что въ данный моментъ занято комнатъ 150—200. Въ каждомъ этажѣ двѣ горничныя назначены для уборки и для подаванія помощи ночью, если кто-нибудь внезапно сдѣлается боленъ. Правда, живущія здѣсь подчинены нѣкоторымъ правиламъ: онѣ не могутъ возвращаться вечеромъ позже 11 ч. в.; онѣ не могутъ принимать у себя мужчинъ, ни даже близкихъ родственниковъ, какъ отца или брата. За то у нихъ есть общій салонъ, въ которомъ онѣ собираются вечеромъ поговорить, поиграть, почитать»... И мы вошли за чичероне въ большой залъ, наукрашенный позолотой. У стѣнъ стояли библиотечные шкафы, въ глубинѣ видѣлось фортепіано, тамъ и сямъ на маленькихъ столикахъ были разложены разныя игры: шахматы, домино, гусекъ и т. п. Словомъ, салонъ хоть куда, съ

приличествующей мебели, и всё мы увиделись счастию приказчицъ Бонмарше.

А нашъ проводникъ распространился относительно другихъ великихъ и богатыхъ милостей, которыми администрація снабжаетъ служебный персоналъ. Онъ говорилъ о даровыхъ урокахъ пѣнія, музыки, фехтованья, англійскаго языка, причемъ упоминалъ, что лица, оказавшія особенные успѣхи въ послѣднемъ, посылаются для усовершенствованія въ языкѣ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонъ, и это на счетъ магазина; о ежемѣсячномъ балѣ служащихъ, который организуется въ день получки жалованья; о пенсіяхъ, страховыхъ кассахъ и участіи служащихъ въ прибыляхъ, о даровомъ докторѣ, и отсылалъ за подробностями къ особой книжечкѣ, носящей названіе «Посѣщеніе магазина Бонмарше, основаннаго Ари-стидомъ Бусико». Каждому изъ насъ далъ по экземпляру этой книжечки при концѣ нашего путешествія. Оно закончилось визитомъ къ дамамъ, ибо, сказавъ намъ, что нѣсколько сотъ приказчиковъ имѣютъ помѣщеніе отъ магазина въ № 106 по rue du Bac, онъ объяснилъ, что новаго имъ ничего не найдемъ тамъ, что поэтому идти туда не стоитъ и... еще разъ улыбнувшись, оставилъ насъ на порогѣ Бонмарше подъ живымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго...

Да, на человѣка свѣжаго, непосредственно отдающагося впечатлѣнію, эти громадныя магазины должны вліять очень сильно. Блескъ, красота, цѣлесообразность организаціи, наконецъ, картина всеобщаго благоденствія служащихъ,—всѣ эти гигантскіе котлы, выложенныя комнаты и даровые уроки англійскаго—сливаются въ одно общее представленіе объ Эльдорадо. Что же сказать о присяжныхъ защитникахъ современнаго капитализма? Эти то господа въ окончательномъ восторгѣ. Обращаюсь къ одному изъ такихъ пиндаровъ крупнаго капитала, нѣкому г. Жоржу Мишелю, который состоитъ секретаремъ редакціи въ пресловутомъ *L'Economiste français* и который далъ въ *Revue des deux Mondes* этюдъ о благодѣтельности этой «Экономической эволюціи». Пересчитавъ всяческія услуги, которыя большіе магазины оказываютъ всѣмъ и каждому, авторъ считаетъ возможнымъ резюмировать свой взглядъ на вопросъ такимъ образомъ: «Если торговля въ большихъ магазинахъ есть учрежденіе общественное, если доказано, что она—равноудѣляющая порядку вещей, который отвѣчаетъ экономическимъ и промышленнымъ потребностямъ, то ее нужно принять такъ, какъ она есть, со всѣми ея благодѣтельными сторонами и съ ея неудобствами, и со всѣмъ замѣшательствомъ, которое она вноситъ въ извѣстные частныя интересы» *). Обращаюсь къ дру-

*) Georges Michel, *Une évolution économique. Le commerce en grands magasins*; въ *Revue des deux Mondes*, январь 1892, стр. 156.

тому пѣвцу капитализма, виконту Жоржу д'Авенелю, который помѣстилъ сначала въ *Revue des deux Mondes* рядъ статей о разныхъ отрасляхъ современной экономической жизни, въ томъ числѣ о большихъ магазинахъ, а затѣмъ выпустилъ ихъ отдѣльной книжкой. Этотъ авторъ прямо относитъ къ разряду «наивныхъ сказокъ» все, что говорится о «деспотизмѣ крупныхъ магазиновъ» *) и доказываетъ всю благотворность ихъ вліянія.

Дѣйствительно,—прежде всего бросается въ глаза несомнѣнное удешевленіе товаровъ, ихъ большая доступность, или, какъ выражается и тотъ и другой только что цитированный нами писатель, «демократизація продуктовъ». Въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ подумать и еще не такъ давно, что знаменитыя, если не по прочности, то по красотѣ полу-шелковыя, полу-бумажныя ткани лонскаго фабриканта Пермезеля (Permezel) упадутъ въ цѣнѣ, благодаря конкуренціи крупныхъ магазиновъ, до 60 сантимовъ за метръ? Или, кто былъ бы въ состояніи предвидѣть 15—20 лѣтъ тому назадъ, что на своихъ періодическихъ распродажахъ—выставкахъ людныя базары доведутъ цѣну дамскихъ шведскихъ перчатокъ до 95 сантимовъ, т. е. по теперешнему курсу конфекъ до 35,—я говорю, конечно, о низшихъ сортахъ? А бархаты (шелковинъ!), который продается 1 ф. 95 сантим. за метръ? А фланель въ 75 сантим.? А шелковые корсажи съ двойнымъ рядомъ кружевъ по 20 фр.? И подобныя же неимоверныя цѣны вы найдете то для того, а то для другого круга товаровъ на упомянутыхъ выставкахъ; такихъ выставокъ въ крупныхъ магазинахъ полагается въ году среднимъ числомъ двѣнадцать. Но и въ обыкновенное время въ каждомъ изъ большихъ домовъ вы купите различные предметы по цѣнѣ, которая едва-едва превышаетъ сумму издержекъ производства у фабриканта и дѣлаетъ абсолютно невозможной всякую конкуренцію не только со стороны мелкаго торговца, но даже и со стороны какого-нибудь спеціального магазина, торгующаго тѣмъ или другимъ предметомъ.

Возьмите теперь, помимо цѣны, массу другихъ удобствъ для покупателя. Большинство русской публики знакомо, конечно, съ той системой торговли, которая состоитъ въ цѣломъ рядѣ уловокъ со стороны продавца и покупателя: одинъ запрашиваетъ, подсовываетъ дрянъ, наровитъ обвѣсгорить другого на цѣнѣ и качества товара; другой назначаетъ цѣну раза въ два-три менѣе запрашиваемой, коритъ даже и порядочный товаръ, хитритъ, увѣряя, что ему, собственно говоря, вещь то и ненужна, десять разъ выходитъ изъ лавки, даже уходитъ и возвращается лишь по усиленному приглашенію летящаго за нимъ молодца. Подумайте, сколько времени проходитъ въ этой стратегіи краснокожихъ, въ этой взаим-

*) Vicomte G. d'Avenele, *Le mécanisme de la vie moderne*; Paris, 1896, стр. 41 (въ главѣ *Les magasins de nouveautés*).

ной борьбѣ засадами и вылазками! Этотъ первобытный способъ торговли сохранился еще въ значительной степени во французской провинціи, мѣстами даже въ Парижѣ и носить названіе *vente au gros-cédé*. Но съ каждымъ днемъ онъ уменьшается и уменьшается подѣ влияніемъ большихъ магазиновъ. Здѣсь нѣтъ ни засадъ, ни барышничества: всѣ предметы не только продаются по опредѣленной цѣнѣ, но сама цѣна эта выставляется на вещи и притомъ обыкновенными цифрами, а не тѣми знаменитыми іероглифами, подѣ прикрытіемъ которыхъ продавецъ такъ основательно скальпируетъ васъ.

Другое удобство: въ большомъ магазинѣ вы имѣете возможность купить, не выходя, самые разнообразныя предметы, касающіеся одежды и омеблированія. А въ послѣднее время гигантскіе базары еще значительно расширили границы этого растяжимаго понятія, и напримѣръ въ Бонмарше и Луврѣ вы, сверхъ такъ называемыхъ *poucheautés* всякаго рода, можете уже найти и обыкновенную мѣдную посуду, и мелкія домашнія принадлежности— всѣ эти штопора, замки, половныя щетки, и дѣтскія коляски, и велосипеды,—и даже... свѣчи! Эта тенденція гигантскихъ базаровъ прокидывается все яснѣе и яснѣе, и противъ нея-то особенно вооружаются не только мелкіе торговцы, но даже и почтенные дома, торгующіе спеціальностями. Уже въ 1883 г. Золя въ своемъ «Дамскомъ раѣ» (я думаю, этотъ переводъ ближе другихъ передаетъ французское «*Au bonheur des Dames*») заставляетъ продавца суконъ Бюдо и торговца зонтиками Бурра изливать горькія жалобы на всемогущаго Муре, который продаетъ не только ситцы и сукна, но даже и всевозможныя вязаныя издѣлія, и бѣлье, и мѣха, и посуду. Еслибы я былъ поклонникомъ гегельянщины, я не преминулъ бы въ этомъ мѣстѣ построить лишній разъ законъ трехчленнаго развитія: теза—маленькая первобытная лавчонка, въ которой хвостикъ селедки торчитъ возлѣ тесемки и мѣднаго крестика; антитеза—рядъ крупныхъ спеціальныхъ домовъ, продающихъ одинъ исключительно женскія платья, другой шелки, третій часы и т. д.; синтезъ—современный гигантскій базаръ, который по формѣ воспроизводитъ разновалиберность товаровъ начальной лавочки, но по содержанію превосходитъ ее богатствомъ всевозможныхъ отдѣловъ и подѣ-отдѣловъ товаровъ. Но пока Бонмарше или Лувръ сведутся къ этому идеальному типу развитія, войдемъ въ нихъ и посмотримъ, какія удобства они представляютъ уже и теперь своими многочисленными отдѣленіями или «районами» (*rayons*), какъ они зовутся здѣсь.

Вы ѣдете на берегъ моря и желаете запасть всѣмъ необходимымъ: купальнымъ костюмомъ (во Франціи мужчины и женщины купаются тутъ же рядомъ, но въ особыхъ костюмахъ), флаanelовыми рубашками, палкой, зонтикомъ, шляпой, платьемъ для жены, бѣльемъ для дѣтей, раскидной палаткой и даже ящикомъ

для крокетной игры. Вы входите въ магазинъ и обращаетесь къ первому попавшемуся приказчику: гдѣ «районъ» купальныхъ костюмовъ?—Прямо, потомъ поворотъ направо, въ углу... Вы идете туда и обращаетесь къ одному изъ специальныхъ продавцовъ этого отдѣла, смотрите на качество матеріи, на прилепленную этикетку съ цѣной, выбираете. У продавца особая книжечка съ талонами. Когда вы взяли костюмъ, положимъ, за 15 фр., онъ спрашиваетъ васъ: «это все, monsieur?»—Нѣтъ, мнѣ надо еще зонтикъ. «Пожалуйте сюда», и продавецъ быстро черкаетъ какую-то букву, обозначающую названіе купальнаго костюма, и цифру 15 на талонѣ, потомъ то же самое на корешкѣ; талонъ отрываетъ, а книжечку оставляетъ у себя; наконецъ, дѣлаетъ свою отмѣтку на этикетѣ костюма (если продается ткань, то онъ достаетъ постоянно находящуюся у него маленькую печатку и оттискиваетъ чуть замѣтный знакъ на вещи). Съ костюмомъ на рукѣ, онъ подводитъ васъ къ слѣдующему району и передаетъ васъ на попеченіе новаго specialнаго продавца, которому онъ вручаетъ вашъ костюмъ и оторванный талонъ. «Мнѣ бы хотѣлось имѣть зонтикъ франковъ въ 12». — Вотъ хорошій шелковый за 12 фр. 95 сантимовъ, а вотъ другой за 11 фр. 95 сантимовъ *). «Дайте въ 12 фр. 95 сент.».—Это все? спрашиваетъ въ свою очередь новый продавецъ. «Нѣтъ, мнѣ надо соломенную шляпу».—Пожалуйте: это во второмъ этажѣ...—Снова повторяется операція съ талономъ и книжкой: новый продавецъ черкаетъ названіе предмета и цѣну на корешкѣ своей книжки и на талонѣ, отрываетъ послѣдній и подводитъ васъ къ третьему продавцу, уже въ «районѣ» шляпъ, которому онъ передастъ васъ самихъ, купленныхъ вами двѣ вещи и два оторванныхъ талона, одинъ его собственный, другой перваго продавца. И такъ вы путешествуете отъ отдѣленія къ отдѣленію, изъ этажа въ этажъ, и количество вашихъ закупокъ растетъ мало-по-малу: скоро продавецъ уже не въ состояніи тащить всѣ вещи на себѣ, а беретъ стулъ, кладетъ ихъ на него и двигаетъ по магазину; порою приходится употребить и корзину. И вотъ вы, наконецъ, подходите къ одной изъ многочисленныхъ кассъ, и послѣдній продавецъ васъ спрашиваетъ: «вы платите сейчасъ и берете пакетъ съ собой, или же послать вамъ на домъ?»—Плачу и беру съ собой... Продавецъ беретъ кипу талоновъ и начинаетъ выкрикивать: купальный костюмъ, 15 франковъ.—15 франковъ, повторяетъ громкогласно послышное эхо кассира.—Шелковый зонтикъ 11 франк. 95 сент.—

*) Интересный фактъ психологіи покупателя: вещь, которая носитъ этикетку скажемъ 11 фр. 95 сент.,—причемъ цифра франковъ печатается гораздо крупнѣе,—продается почти такъ же легко, какъ вещь за 11 фр. ровно. Попробуйте поставить 12 фр. и покупатель находитъ, что «это слишкомъ дорого для меня». Въ Парижѣ это всякій знаетъ.

11 фр. 95 сант.!. Не успѣлъ кассиръ еще записать послѣднюю цифру, какъ уже говоритъ вамъ, въ качествѣ настоящей счетной машины, общую сумму: 83 фр. 75 сант.!. И, смотришь, тѣмъ временемъ талоны продавцовъ очутились уже на длинной иглѣ передъ кассиромъ, а ваши закупки лежатъ передъ вами въ одномъ изящно сдѣланномъ пакетѣ. Плати и уходи!..

Но порою вамъ приходится прибѣгать при покупкахъ къ еще болѣе остроумной и упрощенной операціи. Дѣло въ томъ, что иногда требуемыя вами вещи находятся въ такихъ отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ магазина, что продавецъ не соглашается вести васъ далѣе, не желая тратить время—онъ лично заинтересованъ въ продажѣ предметовъ своего района—и потому проситъ васъ разсчитаться сначала въ ближайшей кассѣ, а затѣмъ идти въ отдаленные районы и тамъ повторять ту же операцію. Съ другой стороны, въ горячую пору, на распродажахъ, клиентовъ набирается такое множество, что ни продавцовъ, ни кассировъ—не хватаетъ, и у каждого района приходится долго дожидаться въ хвостѣ, пока освободится служащій. Предвидя такой случай, вы обращаетесь у самаго входа въ магазинъ, въ одной изъ центральныхъ кассъ, за «номеромъ кассы». Вамъ выдаютъ небольшую цвѣтную книжечку: цвѣтъ мѣняется по днямъ, и силу книжечка имѣетъ лишь на этотъ день. Въ книжечкѣ повторяется одинъ какой-нибудь номеръ,—скажемъ 23—въ большомъ количествѣ отпечатанныхъ клѣточекъ, каждую изъ которыхъ легко оторвать, такъ какъ она отдѣлена пунктиромъ, состоящимъ изъ ряда пробитыхъ точекъ. Выстѣ съ тѣмъ кассиръ записываетъ вашу фамилію и адресъ. Вооружаясь этой книжкой, вы устраняете всѣ лишнія препятствія. Вы подходите къ любому району, выбираете вещь по вкусу, указываете продавцу на нее и протягиваете книжечку ему: какъ бы онъ ни былъ занятъ, у него найдется время оторвать одну изъ номерованныхъ клѣточекъ вашей книжки, чтобы наклеить эту клѣточку на свою талонную книжку. Дальнѣйшая операція васъ не касается: вещи, выбранныя вами, пойдутъ съ вашимъ номеромъ, куда слѣдуетъ, поджидая другія вещи, которыя вы выберете въ другомъ районѣ. Вы переходите отъ района къ району, и такъ подходите къ выходной кассѣ, гдѣ вы взяли книжечку и куда должны возвратитъ ее. Если вы не условившись при самомъ началѣ уплатить въ магазинъ, то вамъ остается лишь идти домой: всѣ покупки будутъ привезены вамъ въ тотъ же день вечеромъ или, самое позднее, на слѣдующій день.

Третье удобство публички: находясь въ магазинѣ подъ вліяніемъ особаго рода гипноза, который отдѣляется отъ всей этой стройной арміи товаровъ, идущей на захватъ вашего кошелька, вы покупали безполезныхъ вещей и даже расплатились за нихъ тутъ же. Васъ на слѣдующій день прошибло раскаяніе: три четверти без-

дѣлушекъ ни къ чему. Успокойтесь, дорогой читатель, а особенно вы, прекрасная читательница: вы можете преспокойно отнести сами все купленное обратно или даже, простирая пропію до крайнихъ предѣловъ, написать въ магазинъ, прося прислать разѣдного за взятыми вещами,—магазинъ вамъ возвратитъ вашъ деньги, лишь бы этикетки съ накупленныхъ вещей не были сорваны, а сами вещи не были помяты, испачканы и пр. У Бонмарше вещи возвращаются даже по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и я знаю расчетливыхъ французовъ, которые, желая щегольнуть какимъ-нибудь костюмомъ на балу, берутъ вещь въ Бонмарше, надѣваютъ ее на торжество и ухитряются снова возвратитъ послѣ этого дарового проката. Другія, изъ категоріи нѣжныхъ матерей семейства, удерживаютъ нѣсколько дней какой-нибудь дѣтскій костюмъ, снимаютъ съ него покрой и уже сами шьютъ подобный же костюмъ на экономическомъ основаніи, а взятый преспокойно возвращаютъ. Ежедневно въ Бонмарше вещей возвращается на 5000 франковъ. Этикетки (съ отиѣтками прилазчиковъ) и должны сохраняться на тотъ конецъ, чтобы магазинъ могъ провѣрить, дѣйствительно ли была продана вещь и какимъ прилазникомъ. При страшной давкѣ въ этихъ магазинахъ, число однѣхъ замѣченныхъ кражъ простирается каждый годъ до 500—700 случаевъ, а всего вкрадется на нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. И есть такіе беззащитные кліенты, которые, станувши вещь, тутъ же хотятъ реализовать ее по полной стоимости и «возвращаютъ» ее немедленно магазину.

Упомяну для курьеза еще объ одномъ «удобствѣ»: въ Бонмарше и Луврѣ всякій, вошедшій въ магазинъ, можетъ преспокойно направиться въ спеціальныи буфетъ и тамъ получить задромъ любой прохладительный напитокъ; дѣтямъ же дается сверхъ того и пирожное...

Однако, и я самъ начинаю что-то впадать въ пиндарическое пареніе и не хуже гг. Мишеля и Авенеля рисую дѣятельность большихъ магазиновъ исключительно въ розовомъ свѣтѣ. Пора повернуть товаръ и изнанкой. Всѣ эти господа говорятъ намъ о созидющей функціи этихъ крупныхъ предпріятій: но развѣнать и разрушающей? Удобства потребителей не должны заслонять отъ насъ самой типичной стороны гигантскихъ базаровъ: всѣ они—колоссальные спекуляторы, скупщики и ростовщики, эксплуатирующіе и многія отрасли крупной промышленности, и безчисленныя мелкія мастерскія; всѣ они безжалостно устраняютъ мелкихъ пьавокъ-посредниковъ, только для того, чтобы вырости самими въ левіафановъ-паразитовъ капиталистическаго обмѣна. Прежде всего устранимъ легенду, приписывающую имъ выдающуюся роль въ сферѣ обобществленія производства. Конечно, есть несомнѣнно полезныя

функции их деятельности, где происходит обобществление труда в рамках планомерной организации: возьмите тысячные армии сортировщиков, упаковщиков, рассыльных и самих продавцов, вообще всех тех лиц, которые участвуют в сфере обращения товаров. Но ведь тут дело идет не о создании новой стоимости, а лишь об уменьшении тех непроизводительных издержек, которые фатально влечет за собой форма капиталистического обмена. «Незачѣмъ входить во всѣ подробности издержекъ, сопряженныхъ съ обращеніемъ, напр., упаковки, сортировки и пр. Общій законъ здѣсь тотъ, что всѣ издержки обращенія, которыя вытекаютъ лишь изъ превращенія формъ товара, неприбавляютъ послѣднему никакой стоимости. Это—лишь издержки для реализаціи стоимости или для перевода ея изъ одной формы въ другую. Капиталъ, вложенный въ эти издержки (включая сюда находящійся подъ его начальствомъ трудъ), принадлежитъ къ фактамъ капиталистическаго производства. Возмѣщеніе его должно быть почерпнуто изъ прибавочнаго продукта и образуетъ, если разсматривать классъ капиталистовъ въ его цѣломъ,—вычетъ изъ прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта, точно такъ-же, какъ для рабочаго является потеряннымъ то время, которое онъ употребляетъ на покупку жизненныхъ средствъ» *). Такимъ образомъ крупные магазины сокращаютъ въ сущности лишь непроизводительныя издержки по обращенію товаровъ. И несомнѣнно, если сравнить общую сумму ихъ прибылей съ общей суммой прибылей тѣхъ маленькихъ торговыхъ предпріятій, магазиновъ и лавокъ, которыя они раздавили, вытѣснили и замѣстили, то, несмотря на грандіозность цифръ, падающихъ на каждый крупный магазинъ, общій ихъ итогъ значительно умѣрненіе той дани, какую взимали прежде съ общества безчисленные мелкіе посредники. И какъ вы хотите, чтобы маленький торговецъ могъ выдержать борьбу въ этомъ отношеніи съ колоссальнымъ базаромъ, когда «по самымъ строгимъ вычисленіямъ, большой магазинъ можетъ процвѣтать, прибавляя лишь 12% къ цѣнѣ предметовъ, за которую онъ самъ ихъ приобрѣлъ, тогда какъ мелкій торговецъ принужденъ наивысшая по крайней мѣрѣ 36%, потому что общія издержки предпріятія и, слѣдовательно, доля продавца въ сбываемомъ имъ товарѣ уменьшаются по мѣрѣ увеличенія цифры оборота» **). Я приведу здѣсь цифры оборота и чистаго дохода, равно какъ процентное отношеніе послѣдняго къ первому для главнѣйшихъ крупныхъ магазиновъ Парижа въ 1893 г., по Авенелю ***):

*) *Das Kapital. Zweiter Band*; Hamburg, 1885, стр. 126.

**) Georges Michel, l. c., стр. 141.

***) G. d'Avenel, l. c., стр. 16—17, 33—34, 37—38 и 40.

Названіе магазиновъ.	Годовой оборотъ въ франкахъ.	Чистый доходъ	Въ %, годового оборота.
Бонмарше	150.000,000	8.000,000	5,33
Лувръ.	120.000,000	8.360,000	6,90
Самаритянка	40.000,000	?	?
Прекрасная садовница .	38.000,000	2.400,000	6,30
Весна	34.000,000	2.000,000	5,90

Ясно, что мелкому торговцу остается только закрыть свою лавочку: какъ ему существовать на 5 — 6 процентовъ съ оборота, когда у громаднаго большинства этой категоріи годовой оборотъ не достигаетъ и 50,000, ни даже 25,000 франковъ?

Но вѣдь до сихъ поръ дѣло идетъ о роли базаровъ въ сферѣ обращенія; а сторонники крупныхъ магазиновъ любятъ говорить о той концентраціи производства, которая получилась благодаря магазинамъ. Точно-ли эта созидаящая сторона играетъ такую роль въ жизни гигантскихъ базаровъ? Начнемъ съ того, что эти коммерческія чудовища почти никогда не имѣютъ своихъ собственныхъ фабрикъ, или, какъ говоритъ Авенель, «модные магазины, которые продаютъ столько вещей, поставили себѣ за правило не производить сами ни одной» *). Конечно, они представляютъ такой сбѣтъ разныхъ товаровъ, что цѣлыя фабрики добиваются работать исключительно на тотъ или другой магазинъ и могутъ жить одними этими заказами. Но здѣсь крупные магазины не столько создали эти фабрики, сколько воспользовались уже существовавшими условіями производства, которое въ общемъ идетъ къ округленію орудій труда. Главнымъ образомъ это относится къ производству фабрикатовъ, подлежащихъ еще дальнѣйшимъ манипуляціямъ, передъ тѣмъ, какъ быть непосредственно потребленными. Таковы ткани, бумажныя, шерстяныя и шелковыя, которыя, конечно, готовятся въ настоящее время почти исключительно на крупныхъ фабрикахъ.

Но возьмите хотя бы дальнѣйшую переработку этихъ тканей въ различныя части туалета,—отрасль, играющая столь важную роль во всѣхъ этихъ гигантскихъ магазинахъ, а для нѣкоторыхъ являющаяся даже исключительной спеціальностію, напр. для «Прекрасной садовницы» (Belle Jardinière), которая въ 1895 г. продала готовой одежды: 180,000 жилетовъ, 280,000 панталонъ и 300,000 инджаконъ, сюртуковъ и пальто. Вы жестоко ошибетесь, если подумаете, что эти громадныя цифры предметовъ производятся и въ соответственныхъ громадныхъ фабрикахъ. У всѣхъ крупныхъ магазиновъ существуетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ заведеній, зачастую небольшихъ мастерскихъ, живущихъ заказами базаровъ. Всѣ такія заведенія располагаютъ въ свою очередь, кромѣ постояннаго персонала, цѣлой арміей зависящихъ отъ нихъ мастеровъ,

*) G. d'Avenel, l. c., стр. 42.

къ которымъ они обращаются въ случаѣ надобности и которыхъ безбожно эксплуатируютъ. Этимъ и объясняется, почему параллельно съ развитіемъ «районовъ» хотя бы дамскихъ готовыхъ нарядовъ въ большихъ магазинахъ увеличивается въ Парижѣ и число швейныхъ: такъ въ 1866 officialный отчетъ насчитывалъ ихъ 14,000; въ 1886 г. мѣсто Барбера опредѣлялъ ихъ цифру уже въ 18,000; а въ настоящее время ихъ число превышаетъ 20,000. Подобное же явленіе обнаруживается и въ производствѣ изящной мебели (ébénisterie). Открытіе районовъ этихъ предметовъ въ большихъ магазинахъ повлекло за собою не концентрацію производства, а возникновеніе новыхъ мелкихъ мастерскихъ: въ этихъ послѣднихъ, а отнюдь не на громадныхъ фабрикахъ крупные базары и запасаются мебелью. Ростъ гигантскихъ магазиновъ повелъ такимъ образомъ во многихъ отрасляхъ производства не къ улучшенію технической стороны, при помощи округленныхъ средствъ производства, а къ распространенію и укрѣпленію системы эксплуатаціи рабочихъ цѣлой арміей посредниковъ.

Я уже вскользь упоминалъ объ этой Sweating system въ одной изъ своихъ корреспонденцій. Но нѣсколько дополнительныхъ строкъ прольютъ лишній свѣтъ на роль базаровъ. Возьмите, напр., Бонмарше, славящійся образцовымъ «филантропическимъ» характеромъ своей администраціи. Я уже раньше цитировалъ баснословно дешевыя цѣны нѣкоторыхъ женскихъ туалетовъ, наприимѣръ шелкового корсажа съ кружевами за 20 франковъ. Вы думаете, этотъ предметъ былъ произведенъ на фабрикѣ? Нисколько! Образцовая администрація выжидаетъ средину гѣта, когда работа въ дамскихъ мастерскихъ падаетъ до минимума, и масса швей выбрасывается на улицу. Тогда движимые чувствомъ «филантропіи» директора Бонмарше нанимаютъ за безцѣнокъ лучшихъ закройщицъ изъ лучшихъ мастерскихъ и заказываютъ имъ «придумать» (сбѣег) наиболѣе эффектную модель платья для будущаго сезона. Когда готова цѣлая серія такихъ моделей, Бонмарше обращается къ своимъ обычнымъ посредницамъ, хозяйкамъ мастерскихъ средней руки, и дѣлаетъ имъ заказъ на столько-то платьевъ по такимъ-то моделямъ и по такой-то цѣнѣ. Эти хозяйки въ свою очередь обращаются къ хозяйкамъ еще болѣе посредственныхъ мастерскихъ и сдаютъ имъ заказъ, выговаривая себѣ извѣстную комиссію. Эти мелкія портнихи находятъ совсѣмъ уже несчастныхъ мастерицъ, которыя возьмутся исполнить заказъ по еще болѣе низкой цѣнѣ. И въ концѣ концовъ вся эта опрокинутая пирамида, съ блестящимъ и филантропическимъ Бонмарше на верху, падаетъ острой вершиной на спину какой-нибудь бѣдной дѣвушки, которая за 14—15 часовъ труда получить отъ франка до полутора!...

Спекуляторъ, посредникъ, ростовщикъ—вотъ гдѣ сила современнаго базара. И мнѣ хотѣлось бы указать читателю на приемы,

какими громадные магазины пролагаютъ себѣ путь между среднихъ и мелкихъ конкурентовъ, которыхъ они давятъ сотнями и тысячами, подобно тому, какъ океанскіе пароходы однимъ движениемъ своимъ обращаютъ въ щепу всѣ суда, попадающіяся имъ на дорогѣ. Для этого намъ нужно обратиться не къ восторженнымъ поклонникамъ магазиновъ, въ родѣ гг. Мишеля и Авенеля, а хотя къ безчисленнымъ брошюрамъ, которыми «Лига для защиты интересовъ торговли и промышленности», основанная въ 1888 г. и состоящая изъ 80,000 членовъ—мелкихъ и среднихъ торговцевъ, и пр.,—думаетъ бороться противъ гигантскихъ базаровъ. Возьмемъ сначала приемы продажи. Каждый большой магазинъ складывается изъ значительнаго числа «районовъ» (до 50 въ Бонмарше, еще больше въ Луврѣ). Каждый районъ, подъ руководствомъ главнаго управляющаго (chef de rayon) считается въ извѣстныхъ предѣлахъ за совершенно самостоятельное цѣлое, какъ бы за особый торговый домъ. Онъ имѣетъ свой специальный бюджетъ прибылей и убытковъ; ему выдается опредѣленная сумма для операций изъ общей кассы. Дирекція магазина назначаетъ лишь управляющему каждому району достигнуть въ данномъ году извѣстнаго процента (скажемъ 15%) валового дохода съ оборота: въ остальномъ управляющій распоряжается по своему усмотрѣнію, покупаетъ товары своего района гдѣ ему заблагоразсудится и по какимъ угодно цѣнамъ, равно какъ назначаетъ цѣны за продаваемые ими разныя спеціальности на свой страхъ,—лишь бы былъ достигнутъ назначенный дирекціей общій валовой доходъ. Но въ этомъ-то опредѣленіи извѣстнаго процента валового дохода и заключается одинъ изъ секретовъ убійственной конкуренціи громаднаго магазина, состоящаго изъ нѣсколькихъ районовъ. Дирекція можетъ назначить въ данномъ году для даннаго района такой невысокій процентъ валового дохода, что онъ, можетъ быть, даже не покроетъ общихъ издержекъ района. Но какое ей дѣло до этого, если она вознаградитъ себя съ лихвой на общемъ доходѣ всего магазина, путемъ назначенія болѣе высокаго валового дохода для другихъ районовъ? Эта-то операція, носящая названіе «уравновѣшенія прибылей» (Compensation des bénéfices), и является въ рукахъ опытной дирекціи настоящей клавиатурой, на которой мастерски разыгрывается погребальный маршъ разныимъ специальнымъ домамъ. Напримѣръ, дирекція сообразила, что въ будущемъ году чистый доходъ магазина достигнетъ приблизительно такой-то цифры. Она желаетъ пожертвовать частью ея, чтобы привлечь публику къ себѣ отъ специальныхъ торговцевъ шелками, находя, что цѣна шелковъ слишкомъ высока, что конкуренція торговцевъ, стало быть, слишкомъ слаба и что магазинъ найдетъ вскорѣ же прямую выгоду отъ раззоренія конкурентовъ. И вотъ пускается въ ходъ всевозможная реклама, и въ газетахъ, и каталогами (въ Бонмарше, въ 1890 г. реклама стоила

4.745,000 франков!), и цѣна за шелкъ назначается не только ниже продажной цѣны, но ниже фабричной стоимости. Конечно, наплывъ покупателей достигаетъ неимоверныхъ размѣровъ, и эта артиллерія цѣнъ «себѣ въ убытокъ» (что уже не фраза для спеціального района шелковъ) будетъ до тѣхъ поръ громить въ одну точку, пока не обанкротится цѣнный рядъ шелковыхъ торговцевъ, и гигантъ-магазинъ не заберетъ себѣ въ руки ихъ кліентовъ и снабжавшія ихъ фабрики. Попробуйте, боритесь съ магазиномъ, который ежегодно продаетъ шелковыхъ тканей на 20 милліоновъ!.. Есть даже особые отдѣлы въ большихъ магазинахъ, которые постоянно продаютъ себѣ въ убытокъ и служатъ лишь для привлеченія публики, напримѣръ, нисшіе сорта перчатокъ.

Не менѣе интересна игра на клавиатурѣ милліоновъ и въ сферѣ покупокъ: если при продажѣ крупный магазинъ играетъ роль спекулятора, то здѣсь онъ занимается по преимуществу роотовщицествомъ, или навязываніемъ разныхъ тяжелыхъ условій своимъ поставщикамъ. «Магазинъ покупаетъ и продаетъ лишь на чистыхъ деньгахъ»,—такова знаменитая формула операціи, которую вичатся крупные базары. Что магазинъ продаетъ лишь на деньги, а не въ кредитъ, это—совершенно вѣрно. Но чтобы онъ и покупалъ тѣмъ же способомъ, то это положительная неправда. Счетъ какого-нибудь фабриканта, представленный завѣдующему райономъ, отмѣчается лишь въ спеціальной книгѣ района, но деньги не платятся сейчасъ же, а фабрикантъ долженъ ждать конца мѣсяца; въ концѣ же мѣсяца фабриканту выдается родъ векселя (relevé) на центральную кассу, но платится по этому векселю лишь по истеченіи 30 дней. Иначе говоря, большой магазинъ открываетъ себѣ даровой кредитъ на полтора-два мѣсяца у своихъ же поставщиковъ. Но, можетъ быть, поставщикъ прижатъ необходимостью къ стѣнѣ и желаетъ получить деньги немедленно: что же, можно и это, только въ такомъ случаѣ надо сдѣлать маленький учетецъ, о, совсѣмъ пустой учетецъ, 1% въ мѣсяцъ... или 12% въ годъ. Какъ вамъ нравится эта система брать проценты за свои собственные долги?

Но къ этому присоединяются еще нѣкоторые приемы: каждый поставщикъ крупнаго магазина знаетъ уже въ силу обычнаго «молчаливаго соглашенія», что съ нормальной суммы своей поставки онъ долженъ сбавить 3% въ пользу центральной кассы и 5% въ пользу района, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, что составляетъ еще 8%. И это не все: крупный магазинъ заказываетъ у васъ товаръ большими партіями, но беретъ его лишь частями, по мѣрѣ надобности. Въ складахъ магазина въ каждый данный моментъ помѣщается каждаго товара приблизительно лишь дней на двадцать средней продажи. Принимать мѣсто отъ себя магазинъ не хочетъ, а потому фабрикантъ обязанъ давать даровое помѣщеніе уже

давно купленному у него товару. Какъ вообще, у кого десять талантовъ, тому еще прибавится!

Мнѣ хотѣлось бы заключить этотъ этюдъ о большихъ магазинахъ нѣсколькими словами о положеніи служащихъ. Я беру для примѣра Бонмарше, который считается образцовымъ учрежденіемъ въ этомъ смыслѣ и представляетъ даже, по мнѣнію его восторженныхъ поклонниковъ, «республику трудящихся», ибо,—какъ увѣряютъ насъ эти трубадуры,—служащіе Бонмарше не только участвуютъ въ прибыляхъ дома, но даже являются его собственниками-акціонерами... Республика—да! Но въ родѣ венеціанской, съ массою безправныхъ гражданъ и деспотическимъ центральнымъ органомъ. Во главѣ—стоитъ триумвиратъ директоровъ (gérance), три выборныхъ диктатора, которые замѣнили по управленію прежнюю династію Буонико (мужъ умеръ въ 1872, жена въ 1887) и получаютъ каждый одного постоянного жалованья 200,000 фр. въ годъ. Подъ ними функціонируетъ аристократическій сенатъ, такъ называемый «совѣтъ» (conseil), состоящій изъ 15 высшихъ служащихъ, каждый изъ которыхъ получаетъ 55,000 фр. жалованья въ годъ и заправляетъ $\frac{1}{11}$ частью дома, приблизительно, значить тремя «районами» (изъ пятидесяти), давая такимъ образомъ общія указанія тремъ «районнымъ шефамъ». Въ самомъ низу скромно ютится «акціонерное собраніе», которое собирается разъ въ годъ и въ сущности вотируетъ безпрекословно декреты диктаторовъ, выработанные по соглашенію съ сенатомъ. Не думайте, впрочемъ, что это собраніе, если не блещетъ вліяніемъ, то импонируетъ хотя численностью. Изъ 4,800 служащихъ Бонмарше акціонеровъ не болѣе 400—450, а въ собраніи участвуютъ максимумъ 100. Разсчитъ нехитро сдѣлать. Номинальный капиталъ Бонмарше—20 миліоновъ франковъ. Онъ подраздѣленъ на 400 паевъ, которые впоследствии были разбиты въ свою очередь каждый на 8 частей, такъ что каждый пай соответствуетъ 50,000 франк. номинальнаго капитала, а каждая часть 6,250 франк. Но акціи эти цѣнятся теперь въ 320,000 фр. каждая, а часть не менѣе 40,000 франк. Откуда же взять такіа суммы рядовому приказчику? Вотъ и выходитъ въ результатъ, что въ 1893 г. всѣхъ паевъ и частей было распределено между всѣми служащими Бонмарше не болѣе 450. Кроме того, число отдѣльныхъ частей все болѣе и болѣе скопляется въ рукахъ наиболѣе крупныхъ служащихъ: по статуту общества, передача акцій постороннимъ лицамъ совершается лишь съ согласія абсолютнаго большинства голосовъ акціонеровъ, и крупные акціонеры послѣдовательно скупаютъ, по мѣрѣ дорожанія, одну часть за другой. Наконецъ,—самое главное—статутъ общества даетъ право участія въ собраніи лишь акціонерамъ, имѣющимъ не менѣе 4 полныхъ паевъ. Отсюда и выходитъ, что даже фиктивное участіе въ управленіи «республикой» принадлежитъ лишь 100 лицамъ (400 : 4)...

Но, перебиваютъ меня защитники «филантропическаго» Бонмарше: вы забываете обезпеченную жизнь обыкновенныхъ служащихъ, всевозможныя кассы и учрежденія, функционирующія при Бонмарше.—Я къ нимъ именно и перехожу. Рядовой приказчикъ, не участвующій какъ акціонеръ въ прибыляхъ, получаетъ однако, сверхъ постояннаго жалованья, извѣстный процентъ съ сдѣланныхъ имъ продажъ. Вы видѣли въ его рукахъ талонную книжку: вотъ по этой талонной книжечкѣ и по особому списку всѣхъ продажъ, сдѣланныхъ имъ въ теченіе дня, касса высчитываетъ особую «премію» каждому продавцу. Премія эта не одинакова: для шелковъ она не болѣе 2 проц. вырученной суммы, для болѣе дешевыхъ шерстяныхъ матерій она равняется 5 проц. и т. д. Въ концѣ года, ловкій продавецъ, которому постояннаго жалованья платится при началѣ не болѣе 400 фр., можетъ заработать, считая съ преміей, до 1,800 фр. Прибавьте къ этому участіе собственно въ прибыляхъ дома (пропорціонально жалованію), для служащихъ, пробывшихъ болѣе 5 лѣтъ, при помощи, такъ называемаго, общества «Предусмотрительности» (Prevoyance Boucicault), которое было основано въ 1876 г. и насчитываетъ въ настоящее время болѣе 2.286,000 фр. капитала. Прибавьте пенсіонную кассу, основанную въ 1886 г. для служащихъ, пробывшихъ въ домѣ болѣе 20 лѣтъ и получающихъ тогда право на отставку и пенсію въ размѣрѣ отъ 600 до 1,500 фр. въ годъ (смотри по жалованью): эта касса уже насчитываетъ болѣе 6.276,000 фр. Не забудьте, наконецъ, что служащій получаетъ «даровую пищу» и можетъ постепенно возвыситься до ранга завѣдующаго райономъ, члена совѣта и даже сѣсть на кресло всемогущаго диктатора,—по крайней мѣрѣ, въ теоріи и согласно поговоркѣ «плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ».

Я безпристрастно изложилъ казовую сторону жизни служащихъ въ Бонмарше. А изнанка? Начну съ того, что обращу вниманіе на скудость постояннаго жалованья. Люди начинаютъ съ 400 франковъ и по правиламъ должны являться въ Бонмарше уже вооруженными достаточной опытностью; прибавка же къ постоянному жалованью дѣлается буквально гомеопатическими дозами. Даровая кухня, которая обходится магазину менѣе 2 фр. въ день съ человѣка, даетъ администраціи возможность лишь уменьшать размѣры постояннаго жалованья: въ самомъ дѣлѣ, разсуждаетъ всемогущій капиталъ въ этомъ діалогѣ съ трудомъ, можешь ты питаться такъ вкусно и сытно на сторонѣ за 2 фр. въ день? Не можешь вѣдь? Тебѣ нужно для этого франковъ пять? И я имѣю полное право настолько же уменьшить тебѣ размѣры твоего постояннаго жалованья...

Премія съ продажи... Да, хорошая вещь, остроумная вещь — для самаго магазина. Это въ сущности приложеніе принципа естественнаго подбора и ожесточенной конкуренціи между служащими. Ловкій продавецъ, выдающійся приказчикъ, несомнѣнно, успѣютъ

въ концѣ года получить изрядный лишекъ. Но громадная масса среднихъ, обыкновенныхъ продавцовъ не много наживется. А между тѣмъ, благодаря приманкѣ «премія», капиталистическая машина можетъ работать при страшно высокомъ давленіи, и формируя готовую аристократію, выдѣляя ее изъ сѣрой массы служащихъ, заставляетъ всѣхъ и каждого напрягать всѣ свои усилія. Всякій продавецъ не только позволяетъ мотать изъ себя жилы, онъ самъ собственными руками прицѣпливаетъ ихъ къ грандіозному колесу эксплуатаціи, и блѣднѣя, худѣя, старѣя, сгараеъ въ этомъ адскомъ огнѣ интенсивнаго труда. Рабочій день длится лишь 10 часовъ. Но безконечно-длинный трудовой день торговца въ мелкихъ магазинахъ можетъ быть не «вѣщаетъ» и двухъ третей того «средняго общественно-необходимаго времени», которое заключено въ десятичасовомъ трудѣ прикащика Бонмарше. Никто, кромѣ нѣкоторыхъ высшихъ служащихъ и, на короткое время, женщинъ, не имѣетъ права садиться; весь день продавецъ напрягаетъ всѣ силы своего организма, пуская въ ходъ физическую мощь, практическую сметку, а въ высшихъ рядахъ іерархіи и совѣтъ недюжинное пониманіе обширныхъ коммерческихъ комбинацій. И что за образцовыя машины, что за гениально-выдрессированныя животныя вырабатываются изъ служащихъ Бонмарше подъ давленіемъ конкуренціи, изъ за приманки «премія» и для вящаго процвѣтанія магазина. Кассиры, которымъ дается маленькая премія за каждую найденную ошибку въ счетѣ, достигаютъ въ Бонмарше такого совершенства, что для не очень большихъ цифръ могутъ состязаться съ «арифметическими чудами», показываемыми за деньги, а въ среднихъ цифрахъ даже превосходить ихъ *). А завѣдующій райономъ? Трудно представить себѣ, чтобы человѣческая голова могла вмѣщать въ данный моментъ такую массу точныхъ положительныхъ знаній о цѣнахъ, качествахъ, мѣстахъ фабрикаціи разныхъ товаровъ, составляющихъ его специальность, именахъ фабрикантовъ, о сравнительной высотѣ тарифовъ по разнымъ линіямъ, о размѣрахъ пошлинъ въ каждомъ государствѣ, о почтовыхъ конвенціяхъ... Вся карта Европы, а потомъ и другихъ странъ свѣта, у него въ головѣ, и ему незачѣмъ лѣзть за справкою въ энциклопедію или специальную книжку, чтобы сейчасъ же, въ пылу заключенія коммерческой сдѣлки съ любой страной, сообразить, какъ выгодно и дешевле купить или какъ лучше и цѣлесообразнѣе продать. Помните крикъ восторга у Тона, когда онъ изображаетъ удивительную сложность психическаго механизма Наполеона I-го? Завѣдующій райономъ является такимъ Наполеономъ въ своей сферѣ! И все это, всѣ эти качества развиваются путемъ конкуренціи, которую

*) См. о томъ въ довольно интересной книгѣ: Alfred Binet *Psychologie des grands calculateurs et joueurs d'échecs*; Paris, 1894 г., въ особенности стр. 91 и слѣд.

пускаетъ въ ходъ громадная капиталистическая организація Бонмарше. За эти замѣчательныя способности платить въ сущности не самъ магазинъ, а та масса изломанныхъ жизней, раннихъ стариковъ, которую поставляютъ армія рядовыхъ служащихъ въ гигантскомъ базарѣ. Цѣною этихъ раздавливаемыхъ существованій вырабатывается изъ 4800 человѣкъ аристократія прилавка и биржи,— 400 владѣльцевъ акцій, 50 завѣдующихъ районами, 15 «сенаторовъ» и три всемогущихъ диктатора. Сложите эти цифры и вы увидите, что въ то время, какъ въ Парижѣ среднимъ числомъ въ торговлѣ на одного хозяина приходится три, много четыре служащихъ, въ «демократической республикѣ» Бонмарше ихъ приходится болѣе 10: вотъ оно, филантропическое-то учрежденіе, превращающее «работника» въ «полнаго хозяина акціонернаго общества»! А что сказать объ остальныхъ крупныхъ магазинахъ, которые далеко до Бонмарше по части организаціи служащихъ? Я бы посоветовалъ поклонникамъ этихъ магазиновъ пройти въ любомъ изъ нихъ и посмотрѣть на возрастъ служащихъ: вы найдете между ними очень много испитыхъ старческихъ фizioномій, но настоящихъ стариковъ никогда! Если вамъ исполнилось 45—50 лѣтъ, то васъ просятъ уходить изъ разряда продавцовъ: не годитесь! Конечно, ваше счастье, если вы успѣли дойти до высшихъ ступеней іерархіи! Но вѣдь такихъ даже и въ Бонмарше не болѣе 10%... А остальные? А остальные должны въ лучшемъ случаѣ надѣяться на пенсію въ 600—1500 фр. въ годъ, которую опять таки выдаетъ лишь «демократическій» Бонмарше; а въ худшемъ... умирать съ голоду, если имъ не удастся сколотить какъ нибудь деньжонокъ.

Заключеніе, къ которому я прихожу изъ изученія большихъ магазиновъ, таково. Они указываютъ намъ на значеніе коопераціи въ экономической жизни, удешевляя продукты, но въ данный моментъ создаютъ не столько обобществленіе производства, сколько широкую систему ростовщичества въ сношеніяхъ съ фабриками и возмутительную систему эксплуатаціи (Sweating system) между мелкими ремесленниками. Они уясняютъ для насъ всю мощь цѣлесообразной организаціи человѣческой дѣятельности, сводя общія издержки до минимума; но въ рамкахъ современности создаютъ прежде всего ту аристократію высшихъ служащихъ, тотъ главный штабъ, при помощи котораго слѣпой и глухой капиталъ орудуетъ арміями трудящихся. Они, наконецъ, ясно говорятъ намъ, что концентрація капиталистическаго обмѣна начинается забѣгать впередъ концентраціи капиталистическаго производства,—фактъ очень знаменательный...

Литература и жизнь.

Въ Петербургѣ было подѣ рядъ три случая нападенія на редакторовъ періодическихъ изданій: плевокъ, «символическое» или вполне реальное (это не выяснилось) оскорбленіе палкой и арапникомъ, наконецъ выстрѣлъ изъ револьвера. Всѣ три случая надѣляли столько шума и такъ много комментировались въ газетахъ, что мнѣ нѣтъ надобности рассказывать фактическія подробности этихъ печальныхъ событій: они еще у всѣхъ въ памяти. Не считаю также нужнымъ распространяться о томъ, что *argumentum baculinum* не есть надлежащій отвѣтъ на голосъ критики: это истѣна слишкомъ элементарная, хотя печати то и дѣло приходится ее напоминать. Но мнѣ кажется, что въ толкахъ, вызванныхъ плевокъ, арапникомъ и револьверомъ, все таки не затронуты нѣкоторыя стороны этихъ безобразныхъ явленій, заслуживающія, однако, самаго серьезнаго вниманія.

Останавливаясь на этихъ трехъ случаяхъ, мы естественно приходимъ къ обобщенію ихъ въ нѣкоторое нелестное для нашего цивилизованнаго общества, мало того, — ужасное цѣлое: вотъ наши нравы! Но затѣмъ можетъ наступить раздумье: можетъ быть, всѣ три случая только по видимости имѣютъ въ себѣ нѣчто общее, для современныхъ нравовъ характерное, типичное, и если судьба угодила насъ ими, однимъ за другимъ, въ такой короткій промежутокъ времени, то это чисто случайное совпаденіе, изъ котораго нельзя дѣлать какіе нибудь общіе выводы. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ случаѣ замѣшаны интимныя семейныя отношенія, не подлежащія публичному обсужденію, и виновникъ плевокъ былъ поставленъ этимъ обстоятельствомъ въ совершенно исключительное положеніе. Исключительность эта такова, что, вполне сознавая безобразіе расправы, я, признаюсь, не желалъ бы быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Второй случай нѣсколько проще, но все таки содержитъ въ себѣ не совсѣмъ обыденные элементы. Наконецъ, если, какъ можно думать, стрѣлявшій въ г. Меншикова бывшій земскій начальникъ г. Жеденовъ окажется больнымъ человѣкомъ, то и этотъ третій случай явится передъ нами чѣмъ то исключительнымъ, обобщенію не подлежащимъ. Такимъ образомъ, сгустившееся надъ нами мрачное облако какъ будто разсѣвается по клочкамъ въ пространствахъ...

Однако можно и, я думаю, должно посмотреть на дѣло съ иной точки зрѣнія. Общественная жизнь лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ даетъ явленія, повторяющія другъ друга съ буквальной точностью во всѣхъ подробностяхъ; и если мы, имѣя передъ собою рядъ однородныхъ, въ какомъ нибудь отношеніи, явленій, всегда будемъ разсматривать ихъ исключительно въ ихъ конкретной индивидуаль-

ной особенности, то сдѣлаемъ почти невозможнымъ изученіе общественной жизни. Конечно, слѣдуетъ избѣгать общихъ выводовъ изъ недостаточнаго числа фактовъ, но съ тремя ли только фактами мы имѣемъ въ настоящемъ случаѣ дѣло?

Писатели естественно были очень заинтересованы этими тремя фактами и съ большимъ или меньшимъ одушевленіемъ и краснорѣчіемъ, но единогласно выражали ту совершенно вѣрную мысль, что не годится возражать на печатное слово палкою, палкой и револьверомъ. Мнѣ кажется, однако, что при этомъ мои собраты по перу встали на не то что ложную, а неудовлетворительную точку, ограничивъ свое одушевленіе и краснорѣчіе кругозоромъ своей профессіи. Вотъ, напримѣръ, что писалъ въ «Новомъ Времени» г. Фингалъ:

«Въ концѣ вѣка, когда человѣчество уже не идетъ и не бѣжитъ по пути прогресса, а дѣлаетъ гигантскіе скачки, становится опаснымъ заниматься тѣмъ самымъ дѣломъ, которое помогло людямъ стать на такую высоту. Въ мирное писательское дѣло, въ писательскій кабинетъ, гдѣ идетъ тихая и важная работа мысли, врываются разбойники съ палками, плевками и порохомъ. Какъ тутъ быть? Какъ быть намъ, у которыхъ никогда не было никакого другого оружія, кромѣ мысли и этого маленькаго куска металла, помогающаго намъ изобразить наши мысли на бумагѣ, чтобы ихъ слышали и знали всѣ? Я ничего не имѣю даже противъ разбойниковъ. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы они пускали въ ходъ свои палки и пистолеты. Вѣдь это единственные доступныя имъ орудія. Но пусть они употребляютъ ихъ въ своихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ; пусть поднимаютъ палку противъ палки, а не противъ мысли. У быка нѣтъ другого орудія для борьбы, кромѣ пары роговъ, и было бы смѣшно, если бы мы требовали, чтобы быкъ боролся разумными доводами».

Такимъ образомъ, г. Фингалъ знаетъ только два рода палочныхъ столкновеній: во-первыхъ, между палочниками и палочниками, во-вторыхъ, между палочниками и писателями. На первыя онъ машетъ рукой,—декатъ, пусть дерутся, а противъ вторыхъ горячо протестуетъ, собственно потому, что у писателя нѣтъ иного оружія, кромѣ письменныхъ принадлежностей. Конечно писатель, какъ писатель, иного оружія не имѣетъ, но это не исключаетъ все таки для него возможности встрѣтить палку палкой же, хотя онъ это сдѣлаетъ съ оугубимъ отвращеніемъ. Фактически я онъ, разумѣется, можетъ оказаться въ невозможности защитить себя физической силой, но въ такомъ случаѣ онъ уравнивается со множествомъ неписателей, которые безпомощно претерпѣваютъ оскорбленія и наскія. И вотъ если мы примемъ въ соображеніе всю массу этихъ случаевъ, то получимъ прочную и широкую основу для нѣкоторыхъ обобщеній.

«Нужно твердо, разъ навсегда установить принципы,—продол-

жасть г. Фингалъ: на печатныя мѣнья или даже обвиненія можно отвѣчать только возраженіями или опроверженіями путемъ печати». Совершенно справедливо. Но мнѣ кажется, что этотъ принципъ долженъ быть распространенъ и на устное слово, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не имѣетъ формы «непечатнаго слова», которое уже само по себѣ составляетъ оскорбленіе. Вотъ что недавно сообщило «Восточное Обозрѣніе». Гдѣ то около Челябинска ѣхалъ по желѣзной дорогѣ инженеръ, Курманъ. Въ томъ же вагонѣ сидѣло нѣсколько дамъ и два какіе то молодые человѣка. Послѣдніе позволили себѣ неподходящіе для дамскаго общества разговоры и наконецъ прямо неприличныя выраженія по адресу присутствующихъ дамъ. Курманъ одѣлалъ имъ «въ очень вѣжливой формѣ» замѣчаніе, въ отвѣтъ на которое одинъ изъ нихъ ударилъ его кулакомъ такъ, что онъ упалъ, и не успѣлъ Курманъ подняться, какъ получилъ еще двѣ пули изъ револьвера и умеръ.

«Въ мирное писательское дѣло, въ писательскій кабинетъ, гдѣ идетъ тихая и важная работа мысли, врываются разбойники съ палками, плевками и порохомъ». Это отвратительно. Но вотъ въ какомъ то, не помню ужъ, провинціальномъ клубѣ два человѣка начинаютъ палить другъ въ друга изъ револьверовъ, причемъ однако попадаютъ не другъ въ друга, а въ совершенно мирныхъ и къ дѣлу непрічастныхъ обывателей. Конечно, въ клубѣ происходитъ не какая нибудь «тихая и важная работа мысли», а просто люди собираются для пріятнаго времяпровожденія, но это точно также не мѣсто для какой бы то ни было физической расправы, и собственно въ этомъ отношеніи клубъ ничѣмъ не отличается отъ писательскаго кабинета.

Та «тихая и важная работа мысли», которая совершается въ кабинетѣ писателя, должна обнимать и фактически обнимаетъ не только то, что происходитъ въ четырехъ стѣнахъ этого кабинета. Возьмите любой номеръ провинціальной или столичной газеты: почти въ каждомъ изъ нихъ вы найдете извѣстіе о какомъ нибудь насиліи или оскорбленіи, нанесенномъ какому нибудь мирному обывателю, отличающемуся въ этомъ отношеніи отъ писателя только тѣмъ, что у него нѣтъ и такого оружія, какъ перо. Единственное прибѣжище для такого оскорбленнаго или потерпѣвшаго насиліе обывателя есть судъ. Судъ и дѣлаетъ свое дѣло, но онъ является уже *post factum*, когда человѣкъ уже претерпѣлъ насиліе, униженіе, оскорбленіе или когда его уже нѣтъ на свѣтѣ, какъ нѣтъ инженера Курмана. Везъ сомнѣнія, гласный судъ имѣетъ и воспитательное значеніе, не только казня насильника, но и всенародно ставя его къ позорному столбу. Но, очевидно, въ нашей общественной жизни есть какія то теченія, пересиливающія это воспитательное значеніе суда. Нашъ общественный организмъ зараженъ какими то вредными микробами, для борьбы съ которыми организмъ вырабатываетъ или слишкомъ мало или недостаточно энергическихъ фагоци-

товъ. И нечего рассчитывать на успѣхъ самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдей по частному вопросу о палочныхъ вторженіяхъ въ писательскіе кабинеты, пока не очистится вся наша общественная атмосфера. Да и какое право имѣемъ мы, писатели, такъ обособлять свои кабинеты, мы, тихая и важная работа многи которыхъ въ томъ именно и состоитъ, чтобы распространять изъ своихъ кабинетовъ свѣтъ во всѣ углы и закоулки нашей родины. Я глубоко скорблю за г-жу Гуревичъ, но не угодно ли вамъ продумать и прочувствовать слѣдующую, напримѣръ, исторію, сообщаемую кievскою газетою «Жизнь и Искусство».

«Въ прошломъ году въ т—скомъ 2-классномъ училищѣ разыгралась слѣдующая возмутительная сцена. Одна изъ лучшихъ ученицъ, всегда получавшая награды и похвальные листы, 14-лѣтняя Ольга Л—ская, заподозрѣна была въ присвоеніи чужихъ камошъ. Завѣдующій училищемъ М—ко произвелъ тутъ же въ классѣ разслѣдованіе дѣла и когда, по его мнѣнію, фактъ присвоенія былъ установленъ, онъ назначилъ ей слѣдующее безчеловѣчное дисциплинарное взысканіе, немыслимое въ стѣнахъ школы въ сколько нибудь цивилизованномъ обществѣ: признанную виновною онъ приказалъ провести между построенными въ ряды во дворѣ учениками, которые должны были плевать на нее. Исполненіе этой нравственной экзекуціи онъ поручилъ достойному своего учителя стипендіату Б—ку, который долженъ былъ поступить въ учительскую семинарію, слѣдовательно, готовившемуся быть педагогомъ. Б—къ приказалъ двумъ ученикамъ вывести Л—скую во дворъ. Она сопротивлялась, кричала: «всѣ вы лжете!», стараясь вырваться. Б—къ, видя, что мальчики не могутъ справиться съ ней, замѣнилъ ихъ другими, болѣе сильными. Они потащили ее изъ класса во дворъ; она продолжала сопротивляться; во время борьбы у ея платья оборвались пуговицы, книги брошены были на землю. Во дворѣ построены были въ ряды ученики; у воротъ стояли постороннія лица. Когда Л—скую подвели къ рядамъ учениковъ, она вырвалась изъ рукъ юныхъ тирановъ и опрометью пробѣжала сквозь ряды учениковъ, пытаясь прорваться наружу, но это ей не удалось. Въ это время многіе ученики плевали—одни на землю, другіе на нее».

Эта возмутительная картина «педагогическаго» истязанія взята *Жизнью и Искусствомъ* изъ судебного протокола мирового судьи уманскаго округа.

«Судебное преслѣдованіе изувѣра-педагога было возбуждено отцомъ жертвы его изувѣрства. При разборѣ дѣла М—ко настаивалъ на прекращеніи дѣла, на томъ основаніи, что оно было уже на разсмотрѣніи и учебнаго начальства, и администраціи, онъ показавъ, что и отецъ потерпѣвшей въ кабинетѣ нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ. Мировой судья, однако, приговорилъ М—ко къ 2-хъ-мѣсячному аресту».

Съѣздъ призналъ дѣло неподсуднымъ мировымъ учрежденіямъ и передалъ дѣло прокурору.

Разъ дѣло разсматривалось въ судѣ, я не понимаю, почему кievская газета довольствуется инициалами или сокращенными именами дѣйствующихъ лицъ. Но это, конечно, не важно. Повторяю: я глубоко скорблю за Л. Я. Гуревичъ, но какими же скорбями скорбѣть за эту несчастную 14-лѣтнюю дѣвочку! Вѣдь Достоевскій съ его жестокимъ талантомъ нуженъ для изображенія претерпѣнныхъ ею душевныхъ мукъ. А эти «юные тираны»,—что вынесутъ они изъ жизни и что внесутъ въ нее, если не встрѣтятъ парализующихъ этотъ воспитательный опытъ вліяній! И вотъ, когда мы введемъ въ свой кругозоръ все множество этихъ случаевъ безобразнаго тиранства и самоуправства, намъ понятнѣе станетъ, что прискорбные эпизоды съ г-жею Гуревичъ, кн. Мещерскимъ и г. Меньшиковымъ суть только частности, не подлежащія обсужденію въ ихъ связи съ множествомъ другихъ явленій; что насъ угнетаетъ не специальное неуваженіе къ тихой и важной работѣ мысли, совершающейся въ кабинетахъ писателей, а неуваженіе къ личности вообще, во всѣхъ ея законныхъ и мирныхъ проявленіяхъ; что неуваженію этому мы учимся вонъ еще въ двухклассномъ училищѣ...

И потомъ—остается еще вопросъ о характерѣ той тихой и важной работы мысли, которая совершается въ нашихъ писательскихъ кабинетахъ. Въ кабинетѣ кн. Мещерскаго, напримѣръ, эта работа состояла въ проповѣди оглушенія мысли разными способами, въ проповѣди презрѣнія къ личному достоинству вообще, въ смакованіи розги, какъ спасительнаго воздѣйствія на умъ и чувства, въ частности. *Argumentum baculinum* и теперь, послѣ полученнаго имъ «символическаго» или реальнаго оскорбленія, сохраняетъ для кн. Мещерскаго свою прелесть. Говоря о происшествіи въ редакціонномъ кабинетѣ «Недѣли», онъ «глубоко скорбитъ объ участи несчастнаго Жеденева». Онъ, претерпѣвшій насилие, становится на сторону не такого же претерпѣвшаго, а насильника. Эта даже самоотверженно. Въ кн. Мещерскаго до такой степени вросло стремленіе къ оглушенію мысли всякими способами, что никакіе *medicamenta heroica* не могутъ его излѣчить отъ этой болѣзни. И пришлось бы, наконецъ, молча предоставить его той участи, которую онъ самъ себѣ съ такимъ упорствомъ готовитъ. Но дѣло въ томъ, что онъ заражаетъ атмосферу. Онъ давно уже окруженъ нѣкоторымъ комическимъ ореоломъ, и за послѣднее время, кажется, только гг. Подовцевы и приняли его слова *au sérieux*. Тѣмъ не менѣе, и капли, какъ извѣстно, продолжаютъ, наконецъ, камень, и изо дня въ день (теперь ужъ, впрочемъ, не изо дня въ день) повторяемое восхваленіе кулака, какъ противовѣса мысли, оставляетъ, наконецъ, свой слѣдъ въ общественномъ сознаніи. А вѣдь кн. Мещерскій не одинъ подвизается на этомъ поприщѣ. Есть и другіе ор-

ганы печати, болѣе или менѣе азартно рекомендующіе кулакъ, какъ самое лучшее оружіе въ борьбѣ съ мыслью вообще, съ тою или другою не нравящеюся имъ мыслью въ частности. Этотъ рекомендуемый кулакъ не всегда, разумѣется, реаленъ, а имѣетъ и тоже своего рода «символическій» характеръ. Это во всякомъ случаѣ стремленіе не аргументомъ отвѣтить на аргументъ, а такъ или иначе зажать ротъ противнику внѣ литературными средствами. Едва ли такой образъ дѣйствія заслуживаетъ титула «тихой и важной работы мысли», и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, вкладывая свою лепту въ общую сокровищницу насилія и самоуправства, вызываетъ рикошеты, въ свою очередь непріятные для самихъ «поднявшихъ мечъ». Сомнѣваюсь, чтобы и все, что дѣлается въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника», заслуживало названія тихой и важной работы мысли и способствовало воспитанію общества въ смыслѣ уваженія къ литературѣ. Даже не выходя за предѣлы литературнаго эпизода, вызвавшаго оскорбленіе г-жи Гуревичъ, мы имѣемъ ея собственное признаніе, что на страницы ея журнала попало нѣчто дѣйствительно непозволительное.

Итакъ, мы, писатели, бесспорно должны скорбѣть о случаяхъ съ г-жею Гуревичъ, кн. Мещерскимъ и г. Меньшиковымъ, но намъ, голосу страны, не подобаетъ себялюбивая точка зрѣнія, изолирующая эти возмутительные случаи отъ всей совокупности произвола и самоуправства, совершающихся въ родной странѣ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. А затѣмъ, намъ, писателямъ, слѣдуетъ подумать объ упорядоченіи нравовъ въ своей собственной средѣ...

Врачу, исцѣлился самъ!—скажетъ мнѣ г. Туганъ-Варановскій. Въ апрѣльской книжкѣ «Міра Божія» напечатана его статья «Экономическій факторъ и идеи», оканчивающаяся слѣдующими словами: «Не довольствуясь аргументами по существу (или, вѣрнѣе, по недостатку таковыхъ), г. Михайловскій прибѣгаетъ къ аргументамъ *ad hominem*. Это, разумѣется, его дѣло. Такъ напримѣръ, онъ полагаетъ, что «для г. Тугана 600 мучительнѣйшихъ смертей—сущіе пустяки»(?!). Что можно возразить на это? Состязаться съ г. Михайловскимъ на этой почвѣ я не имѣю никакого желанія. Но всему есть предѣлъ, и заявленія о грѣховности того или иного мнѣнія о факторахъ историческаго развитія («великій грѣхъ беретъ на свою душу г. Туганъ») кажется мнѣ довольно неожиданнымъ на страницахъ либеральнаго журнала»

Этими словами г. Туганъ-Варановскій хочетъ сказать что то очень ядовитое, едва однако мерцающее сквозь туманы «аргументовъ *ad hominem*» и «грѣховныхъ мнѣній». Я долженъ былъ бы, повидимому, посыпать свою посѣдѣвшую на литературной работѣ голову пепломъ и покаяться, что «Русское Богатство» не оправдало довѣрія г. Тугана-Варановскаго, а я лично, для самого себя «до-

вольно неожиданно», встрѣтилъ такого богатыря, передъ которымъ оказались безсильными мои литературные ресурсы, и я прибѣгъ къ «лукавому книжалу». Я могъ бы однако съ другой стороны развить мысль, выраженную въ редакціонномъ примѣчаніи въ статьѣ г. Гольдштейна «Живое и мертвое», напечатанной въ той же апрѣльской книжкѣ «Міра Божія»: есть «чистая наука», которая «всегда нравственна», но есть и такіе вопросы, въ которыхъ, по мнѣнію редакціи «можетъ быть рѣчь о нравственности или безнравственности («грѣховности») даннаго направленія». Но я не сдѣлаю ни того, ни другого: ни пепломъ голову свою не посыплю, ни развивать мысль редакціи «Міра Божія» не буду. Я просто возстаю на факты.

Фраза: «для г. Тугана 600 мучительнѣйшихъ смертей—сущіе пустяки» дѣйствительно есть въ моей статьѣ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы я уподоблялъ г. Тугана-Барановскаго Торквемадѣ, Нерону и другимъ любителямъ жестокихъ зрѣлищъ. Напротивъ, «ad hominem» у меня говорится слѣдующее: «Онъ, я увѣренъ, совсѣмъ не такъ жестокосердъ, чтобы ему было «вполнѣ и исключительно наплевать» на 600 мучительныхъ смертей; я увѣренъ, что случись на его глазахъ что нибудь подобное, онъ съ жаромъ противопоставилъ бы свои идеи идеямъ раскольничьаго попа (рѣчь идетъ о самосожигателяхъ) и свое краснорѣчіе его краснорѣчію» (Р. Б. № 1, стр. 54). Затѣмъ же г. Туганъ-Барановскій такъ самъ себя беспокоитъ?

Что касается его «мнѣнія о факторахъ историческаго развитія», то я считаю это мнѣніе невѣрнымъ и одностороннимъ, но никогда не называлъ «грѣховнымъ». Косвеннымъ образомъ мнѣ пришлось въ своей статьѣ даже заступиться за это мнѣніе, ибо я говорю, что г. Туганъ-Барановскій «компрометтируетъ защищаемый имъ тезисъ» и выражаю увѣренность, что съ этимъ согласится «всѣ сколько нибудь серьезные единомышленники г. Тугана» (ibid. 59, а также 65). Фраза: «великій грѣхъ беретъ на свою душу г. Туганъ» опять таки дѣйствительно есть въ моей статьѣ, но она относится не къ «мнѣнію» г. Тугана-Барановскаго, а къ тому, что онъ, будучи членомъ науки, способствуетъ распространенію «слѣпой вѣры», прикрывающей «критикой» и «наукой» (ibid. 61). Но тутъ я, по крайней мѣрѣ, понимаю, почему г. Туганъ-Барановскій такъ самъ себя беспокоитъ.

По этимъ двумъ образчикамъ читатель можетъ судить вообще о полемическихъ приемахъ г. Тугана-Барановскаго: все то онъ, по выраженію Гл. Успенскаго, «не въ то мѣсто попадаетъ». Не вижу поэтому надобности входить во всѣ подробности новаго произведенія г. Тугана-Барановскаго, да это было бы для меня и затруднительно, такъ какъ свои возраженія мнѣ онъ переплетаетъ съ возраженіями гг. Карѣву и Оболенскому, вслѣдствіе чего его аргументація получаетъ нарочито запутанный характеръ. Не могу

однако не воспользоваться некоторыми уроками, которые онъ, въ качествѣ специалиста, преподаетъ мнѣ, профану.

Онъ объясняетъ: «Въ своей статьѣ я говорю, что капиталистическая организація предполагаетъ три основныхъ формы дохода: ренту, прибыль и заработную плату. Г. Михайловскій и съ этимъ не согласенъ: «не капиталистическая организація предполагаетъ 3 основныхъ формы дохода, а наука знаетъ только эти 3 формы». Повидимому, г. Михайловскій полагаетъ, что формы дохода суть не историческія, а логическія категоріи, что рента, прибыль и заработная плата существуютъ при всякой организаціи хозяйства. Было бы любопытно, еслибы онъ нашелъ эти формы дохода хотя бы у ирокезовъ, о которыхъ рассказываетъ Морганъ» (М. Б. IV, 290). У ирокезовъ, о которыхъ рассказываетъ Морганъ, а также у многихъ другихъ, о которыхъ рассказываютъ многіе другіе, мы не найдемъ трехъ формъ дохода, но не въ ирокезахъ и дѣло. Г. Туганъ-Барановскій утверждалъ въ своей первой статьѣ, что «въ каждомъ обществѣ столько же классовъ, сколько формъ дохода въ нихъ существуетъ», а затѣмъ, указавъ *три* формы дохода, самъ насчиталъ «въ большинствѣ современныхъ обществъ» «по крайней мѣрѣ *пять* классовъ». Я же, предложивъ ему прибавить къ этимъ пяти еще такъ называемые непроизводительные классы, утверждалъ и утверждаю, что, на сколько бы классовъ это «современное общество» ни дѣлилось, въ немъ все таки будетъ не больше трехъ формъ дохода, а потому не вѣрно и общее положеніе г. Туганъ-Барановскаго: «въ каждомъ обществѣ столько же классовъ, сколько формъ дохода въ немъ существуетъ». Полагаю, что ссылка на ирокезовъ, о которыхъ рассказываетъ Морганъ, ничего въ этомъ моемъ утвержденіи не отнимаетъ.

Гораздо поучительнѣе другой урокъ, преподаваемый мнѣ г. Туганъ-Барановскимъ. Если читатель припомнитъ, я обвинялъ моего почтеннаго оппонента въ томъ, что онъ «даетъ своимъ читателямъ вполне извращенное понятіе объ исторической роли «отца политической экономіи», то есть Адама Смита, выставивъ на видъ лишь «идеи» Смита о благотворномъ значеніи свободной конкуренціи и умолчавъ о его роли въ развитіи теоретическихъ основъ науки, въ частности трудовой теоріи цѣнности. *Мимоходомъ*, возражая г. Туганъ-Барановскому, я замѣтилъ: «Положимъ, что «менѣе всего» Смитъ сочувствовалъ не фабрикантамъ и торговцамъ, а классу крупныхъ землевладѣльцевъ, *но дѣло теперь не въ этомъ*» (Р. Б. II, 159). Дѣйствительно, дѣло было не въ этомъ, но г. Туганъ-Барановскій, совершенно умалчивая о моемъ главномъ обвиненіи, ухватился именно за это побочное мимоходное замѣчаніе, сдѣланное, такъ сказать, въ скобкахъ, и обвиняетъ меня «въ полномъ незнакомствѣ съ предметомъ» и совѣтуетъ прочесть «Богатство народовъ». Затѣмъ онъ приводитъ двѣ-три выписки изъ книги Смита, въ которыхъ дѣйствительно сквозитъ неблаго-

приятное отношеніе къ торгово-промышленному классу и благо-приятное—къ классу землевладѣльцевъ. И г. Туганъ-Барановскій побѣдоносно спрашиваетъ: «Кажется, все это достаточно ясно?» Нѣтъ, недостаточно ясно. Дѣло въ томъ, что выписать изъ обширнаго сочиненія нѣсколько строкъ еще не значитъ опредѣлить его, характеръ въ цѣломъ. И я, въ свою защиту, позволю себѣ сослаться на мнѣніе человѣка, авторитетъ котораго г. Туганъ-Барановскій, надѣюсь, не станетъ отвергать. Одинъ ученый экономистъ говоритъ: «Мальтусъ, сочиненія котораго были въ высшей степени тенденціозны и всегда преслѣдовали опредѣленную политическую цѣль, выступилъ въ защиту землевладѣльческаго класса отъ тѣхъ нареканий въ безполезности, которымъ землевладѣльцы подвергались со стороны Адама Смита и его учениковъ. Такое отношеніе къ общественной роли земельной аристократіи со стороны Адама Смита вполне гармонировало съ революціоннымъ характеромъ той эпохи, во время которой писалъ Ад. Смитъ. Хотя Ад. Смитъ во многихъ мѣстахъ своей знаменитой книги говоритъ, что интересы торгово-промышленнаго сословія противоположны интересамъ всей націи, тѣмъ не менѣе вся книга его проникнута воззрѣніемъ, что торгово-промышленные классы представляютъ собою именную, если не единственную силу націи».

Цитируемый авторъ, очевидно, согласенъ со мной, а не съ г. Туганомъ-Барановскимъ. Онъ знаетъ тѣ «мѣста знаменитой книги Ад. Смита», которыя приводитъ г. Туганъ-Барановскій, но, не соблазняясь ими, говоритъ почти буквально то самое, что и я говорю: «менѣе всего Смитъ сочувствовалъ не фабрикантамъ и торговцамъ, а классу крупныхъ землевладѣльцевъ». И это, по мнѣнію цитируемаго автора, «вполнѣ гармонировало съ революціоннымъ характеромъ эпохи». А знаете ли, кто этотъ авторъ, столь согласный со мной и слѣдовательно, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, подлежащій обвиненію въ «полномъ незнакомствѣ съ предметомъ»? Никто иной, какъ самъ г. Туганъ-Барановскій... Цитированное мѣсто вы можете найти на стр. 392—393 его книги «Промышленные кризисы въ современной Англіи». Вѣроятно, въ качествѣ человѣка науки, г. Туганъ-Барановскій имѣетъ два прямо противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Я—профанъ, и такой роскоши позволить себѣ не могу...

Не довольно ли? Нѣтъ, еще одинъ пунктъ для характеристики полемическихъ приемовъ г. Тугана-Барановскаго. Вы помните его удивительную диссертацию о Дарвинѣ, который, дескать, потому выбралъ предметомъ своихъ занятій естествознаніе, что того требовали практическія задачи, выдвинутыя развитіемъ крупной промышленности. Теперь г. Туганъ-Барановскій возвращается къ этой темѣ и разливаетъ такое море учености и остроумія, что куда уже мнѣ вычерпать его своимъ скромнымъ ковшомъ! Для такой попытки надо быть въ веселомъ расположеніи духа. Мнѣ особенно нра-

вится тут побѣдоносный вопросъ: «развѣ дѣдъ и отецъ Дарвина жили на о—вахъ Фиджи, а не въ Англіи?» Ничего не могу возразить противъ заключающейся въ этомъ вопросѣ истины. Могу только изумляться обширности познаній г. Тугана-Барановскаго и его находчивости въ спорѣ. Только вотъ что замѣчу. Г. Туганъ-Барановскій говоритъ: «Г. Михайловскій не можетъ допустить, чтобы была какая нибудь зависимость между изслѣдованіями Дарвина и крупной промышленностью... Г. Михайловскій съ негодованіемъ отвергаетъ самую мысль о томъ, чтобы развитіе естествознанія находилось въ какой либо связи съ условіями хозяйства... Г. Михайловскій думаетъ, что Дарвинъ стоялъ внѣ всякаго вліянія соціальной среды»...

Да будетъ вамъ, мой многоуважаемый! Успокойтесь! Ничего подобнаго я не говорилъ. Вы почитайте. Я ужъ лѣтъ 25 тому назадъ вполне опредѣленно говорилъ о связи естествознанія вообще и теоріи Дарвина въ частности съ условіями хозяйства. Да и въ той статьѣ, изъ которой вы такія удивительныя заключенія на мой счетъ вывели, есть слѣдующія строки: «Теорія пассивно механическаго подбора приспособленныхъ и переживания, въ лютой борьбѣ за существованіе, лучшихъ и высшихъ организмовъ,—есть прямое отраженіе и какъ бы принципиальное оправданіе той бѣшеная общественной конкуренціи, въ которой развитіе крупной промышленности играетъ столь видную роль. Рекомендую эту тему г. Тугану» (Р. В. I, 64—65). Я ему благодарнѣйшую тему рекомендую, именно о связи теоріи Дарвина съ условіями хозяйства, а онъ говоритъ, что я «съ негодованіемъ отвергаю самую мысль» о такой связи... Связь несомнѣнно есть, но г. Туганъ-Барановскій «не въ то мѣсто попалъ», утверждая, что *выборъ занятій* Дарвина опредѣлялся практическими задачами, выдвигаемыми развитіемъ крупной промышленности. Немножко сложнѣе это дѣло...

Недавно появилась книга М. А. Антоновича «Чарльзъ Дарвинъ и его теорія». Это чрезвычайно почтенный трудъ, исполненный съ большою любовью, можетъ быть даже съ чрезмѣрною любовью. Не то, чтобы Дарвинъ не заслуживалъ величайшаго почтенія, не только какъ ученый, а и какъ человѣкъ,—напротивъ, всѣ біографы единогласно говорятъ о его высокихъ нравственныхъ качествахъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ даже, что въ немъ «величайшій умъ соединялся съ еще болѣе высокимъ характеромъ» (Грантъ Алленъ). И несмотря на огромность вклада Дарвина въ науку, каковая огромность могла бы, повидимому, совершенно заслонить его худыя ли, хорошія ли личныя качества,—тѣмъ болѣе, что отъ тревогъ практической жизни онъ сторонится,—даже энциклопедическіе словари отмѣчаютъ его скромность, добросовѣстность, честность, благородство характера и т. д. Словомъ, это дѣло безспорное: біографы Дарвина всѣ безъ исключенія почтительно преклоняютъ головы

передъ его нравственнымъ обликомъ. Но г. Антоновичу этого мало. Подобно тѣмъ рыцарямъ, которые, развѣзжая по бѣлому свѣту, намеренно вызывали непріятности по адресу своей дамы, чтобы сразиться за ея честь, г. Антоновичъ навязываетъ біографамъ Дарвина дурные объ немъ отзывы, которые, конечно, тутъ же и опровергаешь.

Г. Антоновичъ говоритъ: «Біографы Дарвина самымъ непозволительнымъ образомъ злоупотребляютъ его неумѣренной скромностью и его чрезмерно строгою требовательностью къ себѣ». Слѣдуютъ примѣры, изъ которыхъ, ради краткости, мы остановимся только на двухъ.

«Въ своей автобіографіи Дарвинъ откровенно и чистосердечно принесъ покаяніе въ томъ, что въ дѣтствѣ онъ любилъ сочинять небылицы для шутки и для эффекта. Слѣдовательно,—заключаютъ біографы,—онъ въ дѣтствѣ обнаруживалъ наклонность ко лжи. И что же это за ложь? Самая невинная продѣлка; онъ сорвалъ въ своемъ саду нѣсколько фруктовъ и спряталъ ихъ въ кустахъ, а потомъ приближалъ домой и сказалъ, что онъ, нашелъ въ кустахъ кучу фруктовъ, вѣроятно кѣмъ то украденныхъ и спрятанныхъ. Ну можно ли изъ этого выводиться, что Дарвинъ въ дѣтствѣ имѣлъ страсть лгать? И вѣроятно ли это въ человѣкѣ, вся натура котораго насквозь была пропитана правдивостью? И гдѣ это біографы видали такія отъ рожденія правдивыя натуры, которыя въ дѣтствѣ не сочинили бы подобныхъ небылицъ и подобной лжи?—Дарвинъ рассказываетъ, что въ бытность свою въ Единбургскомъ университетѣ, узнавъ, что отецъ можетъ оставить ему средства, достаточныя для существованія, разлѣнился, пересталъ заниматься медициной. Слѣдовательно,—заключаютъ біографы,—онъ былъ лживымъ молодымъ человѣкомъ, занимавшимся только для куска хлѣба; потому что, узнавъ о средствахъ отца, сталъ шлопаичничать, предавался спорту, кутежамъ и даже однажды былъ пьянъ, какъ самъ же сознается».

Какіе, подумаешь, мелкіе и злорадные люди эти біографы!—непремѣнно норовятъ разыскать какую нибудь слабость великаго человѣка и раздуть ее до размѣровъ, совершенно не соответствующихъ ея дѣйствительному значенію. Даже смерть великаго человѣка на заставляеть эти ядовитые языки прилипнуть къ гортани... И какая дрянная мелочность обвиненій: 73 года человѣкъ прожилъ, и одинъ разъ выпилъ лишнее,—какой мѣдный лобъ или лицемѣрную душу надо имѣть, чтобы одѣлать изъ этого факта упрекъ творцу «Пронсхожденія видовъ»? Или это уличеніе правдивѣйшаго человѣка въ лживости... Да, правъ, совершенно правъ въ своемъ негодovanіи г. Антоновичъ...

Нѣтъ, совершенно не правъ г. Антоновичъ. Похвальное дѣло—защита чистаго человѣка отъ не чистыхъ нападокъ; похвальное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для самаго защитника лестное, особенно когда рѣчь идетъ не только о чистомъ, а и о великомъ человѣкѣ, раз-

двинувшемъ наши умственные горизонты и составляющемъ гордость и славу науки. Но ради этого похвального и лестнаго дѣла не слѣдуетъ всетаки бросать незаслуженную тѣнь на людей, хотя бы даже и очень маленькихъ въ сравненіи съ великаномъ Дарвиномъ, но относящихся къ этому великану не менѣе почтительно, — скажу больше: не менѣе благоговѣнно, чѣмъ г. Антоновичъ. Я не знаю ни одного біографа Дарвина, который заслуживалъ бы негодованія г. Антоновича; напротивъ, какъ уже сказано, всѣ они распространяются въ похвалахъ высокимъ нравственнымъ качествамъ своего героя, хотя нѣкоторые изъ нихъ приводятъ и анекдотъ о будто бы найденныхъ фруктахъ и случай пьянства. Вопросъ въ томъ, — какъ приводятъ и какъ освѣщаютъ. Г. Антоновичъ не называетъ по имени ни одного изъ біографовъ Дарвина, возбудившихъ его негодованіе, а говоритъ вообще — «біографы», такъ что какъ будто даже всѣ они повинны въ грѣхѣ злоязычія и дрянной придирчивости. Возьмемъ же біографію, въ которой упомянутые случаи жи и пьянства выступаютъ, повидному, съ особенною яркостью. Это — біографическій очеркъ М. А. Энгельгардта, вошедшій въ составъ біографической бібліотеки Павленкова.

Въ оглавленіи этой біографіи встрѣчаемъ такіа слова: «наклонность ко жи въ дѣтствѣ», «отлыниваніе отъ науки», «посредственные успѣхи въ наукахъ». А подъ этими заголовками находимъ слѣдующее. Разсказавъ о мягкосердечіи юнаго Дарвина, г. Энгельгардтъ продолжаетъ: «Кстати упомянемъ здѣсь о другой чертѣ его характера. «Я долженъ признаться — разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи — что въ дѣтствѣ былъ очень склоненъ выдумывать неправдоподобныя исторіи съ цѣлью возбудить переполохъ. Такъ напримѣръ, я набралъ однажды въ саду моего отца кучу плодовъ, спряталъ ее въ кустарникъ и опрометью побѣжалъ сообщить, что я нашелъ кучу украденныхъ плодовъ». Къ этому показанію самого Дарвина біографъ прибавляетъ только слѣдующее: «Вотъ фактическое опроверженіе пословицы — каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку». А затѣмъ рѣчь идетъ уже совсѣмъ о другомъ (о занятіяхъ химіей). И только черезъ нѣсколько страницъ, говоря о правдивости Дарвина, біографъ замѣчаетъ: «наклонность выдумывать сенсационныя исторіи исчезла безслѣдно вмѣстѣ съ дѣтствомъ».

Очевидно, что, по крайней мѣрѣ, г. Энгельгардтъ отнюдь не заслуживаетъ упрековъ въ непочтительномъ или придирчивомъ упоминаніи о случаѣ съ кучей плодовъ. Онъ буквально приводитъ собственные слова Дарвина, а отъ себя прибавляетъ только то именно, что г. Антоновичъ предъявляетъ какъ бы въ пику злоязычнымъ біографамъ: онъ очень хорошо знаетъ, что «вся натура Дарвина насквозь была пропитана правдивостью», и именно это самое и хотеть сказать своимъ «фактическимъ опроверженіемъ» поговорки съ колыбелькѣ и могилкѣ. Скажутъ, можетъ быть, что не зачѣмъ было

и упоминать о такой мелочи, притомъ столь не характерной для человѣка. Едва ли это однако справедливо. Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія Дарвинъ выражаетъ сомнѣнiе, — на тѣ ли онъ факты обращаетъ вниманiе, которые его дѣйствительно заслуживаютъ. Это опасенiе очень характерно для молодого, мало подготовленнаго Дарвина, но въ послѣдствiи, потому ли, что самое это опасенiе дѣйствовало на него воспитательнымъ образомъ, или потому, что таковы ужъ были природныя свойства его ума, — Дарвинъ отличался особенною способностью замѣчать и склонностью отмѣчать факты, повидимому, чрезвычайно мелкiе, но представляющiе въ извѣстномъ освѣщенiи огромный интересъ. Въ виду этого можно съ большою увѣренностью а priori сказать, что если онъ счелъ нужнымъ внести въ свою автобіографію ту или другую психологическую черту, то она заслуживаетъ вниманiя. И дѣйствительно, дѣтская лживость — явленiе очень обыкновенное, но очень мало изученное. Мотивы ея, по всей вѣроятности, имѣютъ мало общаго съ мотивами лжи у взрослыхъ людей и требуютъ особаго вниманiя со стороны психологовъ и педагоговъ. Поэтому здѣсь дорого каждое наблюденiе, а признанiе Дарвина въ частности дорого именно потому, что кладетъ рѣзкую границу между дѣтскою ложью и ложью взрослыхъ людей. Я не слѣжу за педагогической литературой, но, случайно развернувъ только что вышедшую книгу Компере «Умственное и нравственное развитіе ребенка», увидалъ, что рассказъ Дарвина о будто бы найденныхъ плодахъ въ ней, худо ли, хорошо ли, утилизируется. И это совершенно понятно. Почему знать, можетъ быть отмѣченная біографомъ Дарвина «наклонность выдумывать сенсационныя исторiи» была зачаточной формой работы того могучаго воображенiя, которое въ послѣдствiи, обузданное изъ ряда вонъ выходящею наблюдательностью, позволило Дарвину обнять ходъ развитiя всего органическаго міра; можетъ быть, то, что въ дѣтствѣ, за неимѣніемъ матеріала, разрывалась ложью, стало въ послѣдствiи орудіемъ изысканiя истины. Во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ, и біографъ, упоминая объ немъ собственными словами Дарвина и сопровождающій ихъ вышеприведенными оговорками, ужъ, конечно, не наноситъ никакого оскорбленiя памяти великаго натуралиста.

Пойдемъ дальше. Въ томъ же біографическомъ очеркѣ г. Энгельгардта читаемъ: «Въ 1825 г., убѣдившись, что изъ школьныхъ занятій Чамръза не выйдетъ особеннаго прока, отецъ взялъ его изъ гимназіи и отправилъ въ Единбургскій университетъ подготовляться къ медицинской карьерѣ. «Вскорѣ однако — говоритъ Дарвинъ — я убѣдился, что отецъ оставитъ мнѣ достаточное для жизни состояніе; этого убѣжденiя было довольно, чтобы уничтожить всякое серьезное стремленiе изучать медицину». — Опять, какъ видите, подлинныя слова самого Дарвина, а отъ себя біографъ комментируетъ ихъ такъ: «Очевидно, интересъ, представляемый медициной, былъ слиш-

комъ узокъ и ограниченъ для Дарвина, интересовавшагося всей вообще природой». Кажется, тутъ нѣтъ уменія достоинствъ Дарвина...

О времяпровожденіи въ Кембриджѣ нашъ біографъ рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «По вечерамъ Дарвинъ и его товарищи нерѣдко собирались и проводили время довольно весело: пѣли пѣсни, играли въ карты и при случаѣ выпивали не вполнѣ умеренно. Объ этихъ вечерахъ у него сохранилось нѣсколько конфузливое воспоминаніе. Много лѣтъ спустя, его сынъ—еще ребенокъ—спросилъ его однажды, былъ-ли онъ когда-нибудь пьянымъ? Дарвинъ совершенно серьезно отвѣчалъ, что къ стыду своему долженъ сознаться, что однажды въ Кембриджѣ ему случилось выпить лишнее». Вотъ и все. Непосредственно за этимъ слѣдуетъ: «Добродушный, наивный, правдивый—наклонность выдумывать сенсационныя исторіи исчезла безслѣдно вмѣстѣ съ дѣтствомъ—онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ знавшихъ его и имѣлъ много друзей среди студентовъ и профессоровъ».

Г. Антоновичъ не называетъ г. Энгельгардта, какъ и вообще никого изъ «біографовъ». Но я не знаю ни одного изъ нихъ,—и беру на себя смѣлость утверждать, что и нѣтъ такого,—который заслуживалъ бы упрековъ г. Антоновича въ большей мѣрѣ, чѣмъ г. Энгельгардтъ, а послѣдній ихъ, очевидно, совсѣмъ не заслуживаетъ.

Сама по себѣ эта странная неумѣстность негодованія не представляетъ чего-нибудь важнаго,—хотя все-таки, зачѣмъ же бросать тѣнь на людей неповинныхъ,—но дѣло въ томъ, что это характерно вообще для почтеннаго въ другихъ отношеніяхъ труда г. Антоновича. Если разобранный случай можетъ быть объясненъ тѣмъ страстнымъ желаніемъ засвидѣтельствовать свои чувства уваженія и преданности, которыя руководили и рыцарями въ ихъ подвигахъ въ честь своихъ дамъ, то для другихъ полемическихъ неумѣстностей въ книгѣ г. Антоновича нѣтъ и этого объясненія. Казалось бы, что тема «Чарльзъ Дарвинъ и его теорія» настолько обширна, что въ книгѣ, ей посвященной, можно было бы исключительно на ней сосредоточиться. А между тѣмъ г. Антоновичъ, напримѣръ, «не можетъ удержаться», чтобы не сравнить съ Дарвиномъ г-жъ Смирнову, Головачеву-Панаеву и Веницкую (стр. 10—11). Разумѣется, сравненіе оказывается не въ пользу этихъ дамъ, но согласитесь, что отгнать на ихъ счетъ величіе Дарвина, пожалуй, и не было особенной надобности. Біографы—тѣ хоть какое нибудь отношеніе къ Дарвину имѣютъ, а тутъ ужъ подвернулись, какъ капитану Копѣйкину, люди даже вовсе посторонняго вѣдомства: ни Дарвинъ не зналъ о существованіи упомянутыхъ русскихъ писательницъ, ни эти писательницы не сказали ничего о Дарвинѣ. А если ужъ пошло на переименованіе людей, стоящихъ въ какомъ нибудь отношеніи ниже Дарвина, то не видно, почему этотъ списокъ ограничивается всего тремя именами...

Эти странные и совершенно ненужные прыжки въ сторону производят особенно непріятное впечатлѣніе въ третьей главѣ труда г. Антоновича, которая по своей задачѣ представляет особенный интересъ для большинства читающей публики. Рѣчь здѣсь идетъ о нравственно-политическомъ значеніи теоріи Дарвина. Извѣстно, что въ этомъ отношеніи теорія Дарвина съ самаго своего обнаруженія и до настоящаго времени вызывала и вызываетъ чрезвычайно горячіе споры и разнообразныя толкованія, тщательное разсмотрѣніе которыхъ могло бы составить интереснѣйшія страницы книги «Чарльзъ Дарвинъ и его теорія». Къ сожалѣнію, эта глава одна изъ самыхъ слабыхъ, что объясняется отчасти небрежностью, съ которою отнесся къ предстоявшей задачѣ авторъ, очевидно, считая ее гораздо болѣе простою и легкою, чѣмъ какова она въ дѣйствительности, а отчасти все тѣми же ненужными прыжками въ сторону.

Изложивъ нѣкоторыя нападки на теорію Дарвина съ нравственно-политической точки зрѣнія, г. Антоновичъ продолжаетъ: «Прежде всего нужно замѣтить, что ужъ еслибы теорія Дарвина, *заодно съ теоріей Маркса*, до такой степени благопріятствовала буржуазной конкуренціи и эксплуатаціи и своекорыстной плутократіи, то общественные представители этихъ элементовъ и ихъ естественные защитники и покровители встрѣтили бы объ теоріи съ распростертыми объятіями и съ шумными криками одобренія, чего, *какъ извѣстно, на дѣлѣ не было*, а было совсѣмъ противоположное. И въ настоящее время самыми ожесточенными противниками Дарвина, какъ и Маркса, оказываются тѣ сферы, которыя служатъ опорами и столбами буржуазной эксплуатаціи и всякой экономической и политической неправды».

Я подчеркнулъ два мѣста въ этой цитатѣ, дабы обратить на нихъ особенное вниманіе читателей.

«За одно съ теоріей Маркса». Причемъ тутъ Марксъ? Третья глава книги г. Антоновича, посвященная нравственно-политическому значенію теоріи Дарвина, занимаетъ всего 7—8 страницъ. Это и безъ того не особенно много для темы, столь значительной по своему смыслу и столь обширной по прикосновенному къ ней фактическому матеріалу. А нашъ авторъ находитъ возможнымъ и нужнымъ «заодно» прихватить и «теорію Маркса», которая вѣдь и сама по себѣ представляетъ сюжетъ достаточно обширный и сложный. Было бы, разумѣется, очень интересно выслушать мнѣніе г. Антоновича объ этомъ сюжетѣ, вызывающемъ нынѣ такъ много пререканій,—это способствовало бы, можетъ быть, «просіянію нашихъ умовъ». Но при такихъ условіяхъ, когда Марксъ является просто прихваченнымъ «заодно», я боюсь, что мысли г. Антоновича могутъ способствовать только вящей смутѣ. Онъ сочувственно дѣлаетъ большую выписку изъ книжки г. Бельтова, изъ которой однако только и видно, что г. Антоновичъ раздѣляетъ мнѣ-

нія г. Бельтова, а вынутая изъ всей цѣпи аргументаціи послѣдній, сама по себѣ эта выписка ни для кого не имѣетъ доказательной силы. Собственнымъ же мыслямъ г. Антоновича о «теоріи Маркса» остается такъ мало мѣста, что онѣ поневолѣ являются въ крайне поверхностномъ и двусмысленномъ видѣ. Напримѣръ: «Тѣ же, буквально тѣ же (что и теоріи Дарвина) упреки дѣлаются и дѣлались экономической теоріи Маркса». И т. д. Г. Антоновичу, повидимому, некогда или негдѣ было на отведенномъ имъ себѣ маленькомъ пространствѣ различить «экономическую теорію» Маркса отъ его философско-историческихъ взглядовъ. А это было бы очень и очень не лишнее теперь у насъ, когда склонны совсѣмъ забывать Маркса-экономиста и видѣть въ немъ по преимуществу историка. При этомъ выяснилось бы, что хотя одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ и изучать частную область хозяйственныхъ явленій, и строить ту или другую философско-историческую схему, но его заслуги въ той и другой сферѣ могутъ быть очень различны. И въ всякомъ случаѣ не годится валить то и другое въ одну кучу подъ именемъ «экономической теоріи».

Постараемся быть осторожнѣе г. Антоновича и оставимъ пока въ сторонѣ Маркса. Г. Антоновичъ полагаетъ, что «ужъ еслибы теорія Дарвина до такой степени благопріятствовала буржуазной конкуренціи и эксплуатаціи и своекорыстной плутоватіи, то общественные представители этихъ элементовъ и ихъ естественные защитники и покровители встрѣтили бы теорію съ распростертыми объятіями и съ шумными криками одобренія, чего, *какъ извѣстно*, на дѣлѣ не было, а было совсѣмъ противоположное».

Кому и откуда это «извѣстно»?

И восторги, и протесты, вызванные и вызываемые теоріей Дарвина, очень разнообразны. Тѣ вѣрныя или невѣрныя замѣчанія, опроверженія, дополненія, ограниченія, словомъ, вся та положительная или отрицательная критика, которая имѣетъ въ виду естественно-научную сторону теоріи, насъ здѣсь пока не интересуетъ. Но иза вычетовъ этой обширнѣйшей стороны дѣла, въ предѣлахъ вопросовъ, затрагиваемыхъ третьею главою книги г. Антоновича, мы встрѣчаемъ всетаки чрезвычайное разнообразіе мнѣній о теоріи Дарвина и выводовъ изъ нея. Оставимъ и здѣсь въ сторонѣ тѣ мнѣнія и выводы, которые предъявляются противниками теоріи, и остановимся лишь на «встрѣтившихъ теорію съ распростертыми объятіями и шумными одобреніями». Читатель, надѣюсь, оцѣнитъ такую постановку вопроса. Г. Антоновичъ уподобляется вѣщему Баяну, который, «если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подь облаками». Въ повѣи это выходитъ хорошо, красиво. Но когда дѣло идетъ о сложномъ явленіи въ его фактическихъ подробностяхъ, лучше не «растекаться» и не прихватывать «заодно» всего, что подь руку попадется.

Чтобы не повторять сказаннаго уже очень давно, я попрошу читателя заглянуть въ пятый томъ моихъ «Сочиненій», въ статьи «Теорія Дарвина и соціологическіе выводы изъ нея Густава Іегера» и «Теорія Дарвина и либерализмъ». Но напомнимъ всетаки нѣчто изъ послѣдней, написанной по поводу книги г-жи Ройе «Origine de l'homme et des sociétés» (1870). Г-жа Клемансъ Ройе—дама очень ученая и либеральная, переводчица «Происхожденія видовъ» на французскій языкъ и ярая дарвинистка. Она то ужъ несомнѣнно встрѣтила теорію Дарвина «съ распростертыми объятіями и шумными одобреніями». А вотъ каковы ея нравственно-политическіе выводы изъ теоріи. Еще до появленія упомянутой книги о происхожденіи человѣка и общества, если не ошибаюсь, въ предисловіи къ своему переводу книги Дарвина, она горячо протестовала, во имя теоріи, противъ демократическихъ принциповъ, практическое примѣненіе которыхъ, дескать, неизбѣжно понижаетъ уровень расы. Въ книгѣ о происхожденіи человѣка и общества Ройе развиваетъ эту мысль въ подробностяхъ. Напомню слѣдующія характерныя ея опасенія: «Въ Нагорной проповѣди есть достаточно элементовъ для ниспроверженія всего соціальнаго строя, и въ догматѣ естественнаго равенства всѣхъ членовъ человѣческаго рода, дѣтей одного Отца, заключается отрицаніе всѣхъ жизненныхъ условій цивилизованныхъ обществъ». Что дѣло идетъ именно о сочетаніи дарвинизма съ принципомъ «буржуазной конкуренціи», это видно изъ слѣдующихъ, напримѣръ, словъ Ройе: «Изученіе законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями, показываютъ, что... нѣтъ такой нелѣпой страсти, такого страннаго каприза, который не открывалъ бы человѣческой дѣятельности новаго поля и который не давалъ бы пропитанія извѣстному числу людей, коимъ безъ этой помощи пришлось бы погибнуть... Уничтожьте праздность, и вы уничтожите вмѣстѣ съ тѣмъ и капризъ, а слѣдовательно люди, удовлетворявшіе его, останутся безъ работы». Или еще: «Пора, если уже не поздно доказать массамъ, что справедливость и общее счастье состоятъ въ равенствѣ свободы и въ прогрессѣ путемъ неравенства, которое, превративъ животное въ человѣка, въ будущемъ можетъ произвести изъ людей божественную расу, которая будетъ управлять землею справедливо, въ радости и мирѣ».

Объ такой же «божественной расѣ» («тирановъ—позитивистовъ»), и на той же почвѣ общихъ принциповъ дарвинизма мечталъ Ренанъ («Dialogues et fragments philosophiques»).

Д. Ф. Штраусъ, включившій дарвинизмъ въ составъ своей «новой вѣры» («Der alte und der neue Glaube», 1873), писалъ: «Знаменательно, гдѣ напелъ свой принципъ англичанинъ (Дарвинъ): ему и не приходилось его искать, ибо онъ вокругъ себя, на своей родинѣ, видѣлъ дѣятельность и поразительные результаты этого принципа: конкуренціи. Дарвинова «борьба за существованіе» есть ничто иное, какъ давно намъ извѣстный общественный, промыш-

ленный (industrielles) принципъ, расширенный до степени принципа природы» (130) А объ себѣ Штраусъ говоритъ: «Я—буржуа (ein Bürgerlicher) и горжусь имъ быть. Что бы ни говорили о буржуазіи и какъ бы ни осмѣивали ее съ двухъ сторонъ, она остается ядромъ народа, очагомъ его нравовъ, умножающимъ его благосостояніе и служителемъ науки и искусства» (274). Соответственно этому относится Штраусъ и къ рабочему вопросу (279 и слѣд.).

Въ вышедшей недавно въ русскомъ переводѣ книжкѣ Гумпловича «Соціологія и политика» *) объясняется, что «теорія Дарвина обязана своимъ существованіемъ соціологическимъ изслѣдованіямъ Мальтуса» и что надлежитъ «эту теорію борьбы за существованіе примѣнить къ процессу соціальнаго развитія» (89). И именно въ томъ смыслѣ, что «главная пружина всей внѣшней и внутренней политики есть борьба соціальныхъ группъ за существованіе и развитіе благосостоянія путемъ эксплуатаціи, осуществляемой легче всего посредствомъ власти» (78).

Г. Антоновичъ допускаетъ существованіе «многихъ фигурирующихъ въ литературѣ полуобразованныхъ людей, которые, насытившись дарвиновскихъ фразъ и имѣя самыя низменныя понятія о человѣческомъ существованіи, страшно злоупотребляютъ фразою о борьбѣ за существованіе; такъ какъ по представленію такихъ людей существованіе есть единственно и исключительно только «шеура», то, по ихъ терминологіи, борьбою за существованіе называется только та дѣятельность, которая стимулируется низменными, пошлыми и алчными цѣлями, и потому всякій негодяй и преступникъ есть борецъ за существованіе, дѣйствующій по рецепту теоріи Дарвина».

Все это совершенно вѣрно: существуютъ и такіе полуобразованные люди, и такіе негодяи. Но не въ нихъ дѣло. Ни Густавъ Легеръ, ни Ройе, ни Ренанъ, ни Штраусъ, ни Гумпловичъ не могутъ быть названы полуобразованными людьми. Равнымъ образомъ не защищаютъ они завѣдомыхъ «негодяевъ», а къ «преступникамъ» даже очень строги (см., напримѣръ, разсужденія Штрауса о смертной казни, стр. 293 и слѣд.). И тѣмъ не менѣе ясно, что они встрѣтили теорію Дарвина «съ распростертыми объятіями и съ шумными криками одобренія», видя въ ней нѣчто, «благоприят-

*) М. 1895, переводъ С. Н. Прокоповича, изданіе Владиміра Бончъ-Бруевича. Кстати: изданіе это производитъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне непріятное впечатлѣніе. Я понимаю желаніе издателя познакомить русскую публику со взглядами Гумпловича. Но для этого слѣдовало выбрать одно изъ большихъ его сочиненій, а не публичную лекцію, хотя и дополненную для печати. Но и въ этой брошюрѣ издатель или переводчикъ счелъ себя вправе сдѣлать значительныя сокращенія. И ко всему этому надо еще прибавить плохой переводъ и множество опечатокъ. На стр. 88 «процессъ раздѣленія и дифференцированія совершилъ Гербертъ Спенсеръ». На стр. 42 и 43 Бастианъ пять разъ превращенъ въ какого то Бастиона. На стр. 10 и 11 Массаригъ пять разъ названъ Моссарикомъ. На стр. 100 приверженцы волюнтаризма называются «воломонистами». И проч., и проч., и проч.

ствующее буржуазной конкуренции и эксплуатации». Откуда же г. Антоновичу «известно», что этого не было? Нетъ, это было и есть, и я пока только этотъ фактъ и утверждаю, не касаясь вопроса о томъ — правы или неправы люди, дѣлающіе приведенные выводы изъ теоріи Дарвина.

Надо замѣтить, что объ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ писателей и ученыхъ г. Антоновичъ упоминаетъ въ своей книгѣ. Такъ упоминается Густавъ Іегеръ въ числѣ «солидныхъ и ученыхъ специалистовъ», применившихъ къ теоріи Дарвина (211). О г-жѣ Ройе приводится отзывъ самого Дарвина изъ его письма къ А. Грею: «Я получилъ нѣсколько дней назадъ французскій переводъ *Origin*, сдѣланный мадамъ Ройе, должно быть самою дѣльною и выдающеюся женщиною въ Европѣ: она горячая деистка... и утверждаетъ, что естественный подборъ и борьба за существованіе объясняютъ всю мораль, природу человѣка, политику и проч. и проч. Она сдѣлала много любопытныхъ и дѣльныхъ указаній и обѣщаетъ издать цѣлую книгу объ этихъ предметахъ» (325). (Эта обѣщанная книга и есть вышеупомянутая *De l'origine etc.*). Изъ Штрауса приведено нѣсколько строкъ, изъ которыхъ, между прочимъ, видно, что этотъ «философъ и критикъ-теологъ», какъ онъ самъ себя называетъ, считаетъ Дарвина «величайшимъ благодѣтелемъ человѣческаго рода» (323). Положимъ, въ подлинникѣ сказано немножко мягче: «однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей» (*als einen der grössten Wohlthäter*). Но эта маленькая дань пристрастія къ сгущенію красокъ не имѣетъ, разумѣется, существеннаго значенія. Гораздо интереснѣе то, что г. Антоновичъ не только не счелъ нужнымъ, въ главѣ о нравственно-политическомъ значеніи теоріи Дарвина, упомянуть о соответственныхъ выводахъ Ройе или Штрауса, не только скрылъ ихъ, но даже утверждаетъ, что таковыхъ, «какъ известно», вовсе и не было со стороны тѣхъ, кто встрѣтилъ теорію «съ распростертыми объятіями и шумными криками одобренія». А между тѣмъ въ существованіи отрицаемыхъ имъ явленій г. Антоновичъ могъ бы убѣдиться даже изъ приведенныхъ имъ словъ г. Вельтова: «Буржуазные писатели, — гласить, между прочимъ, эта цитата, — ссылаясь на Дарвина, въ дѣйствительности рекомендовали своимъ читателямъ не научные приемы Дарвина, а только зѣрскіе инстинкты тѣхъ животныхъ, о которыхъ у Дарвина шла рѣчь. Марксъ сходится съ Дарвиномъ; буржуазные писатели сходятся(?) съ зѣрами и скотами, которыхъ изучалъ Дарвинъ». Курсивъ въ этой цитатѣ принадлежитъ г. Вельтову, а вопросительный знакъ — г. Антоновичу. Не знаю, къ чему относится выражаемое этимъ вопросительнымъ знакомъ недоумѣніе г. Антоновича: къ неудачно ли выбранному слову «сходятся» или къ самой мысли о томъ, что «со зѣрами и скотами» сходятся такіе писатели, какъ напримѣръ г-жа Ройе, которую Дарвинъ считалъ «самою дѣльною и выдающеюся женщиною въ Европѣ». Вы видите, что дѣло выходитъ несравненно

сложнѣе, чѣмъ у г. Антоновича съ его рѣшительнымъ «какъ извѣстно».

Но сложность картины отношеній людей разныхъ взглядовъ къ теоріи Дарвина со стороны ея нравственно-политическаго значенія этимъ еще далеко не исчерпывается. Г. Бельтовъ не первый дѣлаетъ вышеприведенное сближеніе. Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1874 г.) Леопольдъ Якоби утверждалъ въ книгѣ «Die Idee der Entwicklung», что «Капиталъ» есть «продолженіе и дополненіе» трудовъ Дарвина. Въ самое недавнее время то же самое доказываетъ Бебель въ книгѣ «Die Frau» etc. Такимъ образомъ и люди взглядовъ совершенно противоположныхъ взглядамъ Ройе и т. п. устанавливають связь своего ученія съ теоріей Дарвина. Однако, противъ этого рѣзко протестуютъ многіе натуралисты. Изъ нихъ особенно интересно отмѣтить Эрнста Геккеля, котораго г. Антоновичъ справедливо называетъ «самымъ энергичнымъ и успешнымъ, самымъ горячимъ и воинственнымъ пропагандистомъ» дарвинизма. Самъ Дарвинъ высоко цѣнилъ Геккеля. Напримѣръ, онъ писалъ этому апостолу дарвинизма по поводу одного изъ сочиненій послѣдняго: «Что меня больше всего поражаетъ, это необыкновенная ясность и методичность въ изложеніи, какъ менѣе важныхъ принциповъ, такъ и общей философіи предмета. Ваша критика борьбы за существованіе представляетъ прекрасный примѣръ того, до какой степени ваши мысли ясны, чѣмъ мои. Все ваше разсужденіе о дистелеологіи привало меня въ восторгъ. Но было бы напрасно искать чего-нибудь особенно выдающагося; все кажется мнѣ превосходнымъ» (Антоновичъ, 219, 220). И этотъ дарвинистъ изъ дарвинистовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ возможности сближенія социаль-демократическаго ученія съ теоріей Дарвина («Der Monismus als Band Zwischen Religion und Wissenschaft», 1892). Столь же опредѣленно высказывается на этотъ счетъ другой выдающійся нѣмецкій дарвинистъ, зоологъ Оскаръ Шмидтъ («Darwinismus und Socialdemocratie» 1878), затѣмъ антропологъ Отто Аммонъ («Der Darwinismus gegen die Socialdemocratie», 1891), зоологъ Циглеръ («Die Naturwissenschaft und die socialdemokratische Theorie», 1894).

Это упорное нежеланіе дарвинистовъ стоять «заодно» съ тѣмъ, что они считаютъ непримиримымъ съ основными принципами дарвинизма, вызвало у Бебеля рѣзкія замѣчанія на ту тему, что представители науки («проф. Геккель и его сторонники, какъ проф. О. Шмидтъ, Гельвальдъ и другіе») состоятъ на службѣ у буржуазіи, которая оплачиваетъ ихъ старанія защитить ея интересы авторитетомъ науки. Г. Антоновичъ такъ горячо говоритъ о безстрашіи Геккеля въ борьбѣ со всякаго рода предрассудками и общепринятыми взглядами, что едва-ли согласится съ Бебелемъ. Но допустимъ, что Бебель правъ. Все же не правъ г. Антоновичъ.

Я думаю, что послѣ нашего очень бѣлаго и, разумѣется, далеко

не полного обзора литературы предмета, намъ извѣстно совсѣмъ не то, что считаетъ извѣстнымъ г. Антоновичъ. [Теорія Дарвина, помимо подтвержденій, дополненій, ограниченій и опроверженій на чисто естественно-научной, преимущественно біологической почвѣ, вызвала самыя противорѣчивыя сужденія въ примѣненіи къ общественной жизни. Не считая тѣхъ, кто либо совсѣмъ не признаетъ истинности теоріи, либо принимаетъ ее съ ограниченіями и дополненіями, либо, наконецъ, безъ всякаго къ ней отношенія изучаетъ общественную жизнь (вѣдь и авторъ «Капитала» всего раза два, да и то вскользь, мимоходомъ поминаетъ Дарвина); ограничиваясь лишь тѣми, кто цѣликомъ принимаетъ теорію и старается приложить ее къ явленіямъ общественной жизни,—мы и здѣсь встрѣчаемъ самыя рѣзкія и непримиримыя разногласія. Г. Антоновичъ говоритъ гдѣ-то въ своей книгѣ, что весь образованный міръ раздѣляется нынѣ на дарвинистовъ и не-дарвинистовъ. Это вѣрно или почти вѣрно, какъ указаніе на общее значеніе и широкое распространеніе теоріи, съ которой приходится такъ или иначе считаться всякому образованному человѣку, а тѣмъ паче людямъ науки; но это даетъ слишкомъ уже упрощенное представленіе о совокупности фактовъ, которымъ подводится итогъ приведенною фразою. Въ примѣненіи къ вопросамъ общественной жизни группа «дарвинистовъ» такъ же неоднородна, какъ и группа «не-дарвинистовъ». Какъ разсказывается въ сказкахъ: на небѣ солнце и въ теремѣ солнце, на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды. Въ теоріи Дарвина, совершенно отъ нея независимо, происходитъ извѣстная борьба мнѣній, та же, буквально та же борьба идетъ и подъ сѣнью теоріи. Кто изъ враждующихъ правъ въ своихъ притязаніяхъ найти опору въ теоріи Дарвина и даже правъ-ли кто бы то ни было изъ нихъ въ своихъ толкованіяхъ теоріи, и нѣтъ-ли еще какой-нибудь точки зрѣнія, которая способна дать правильное освѣщеніе вопросу,—это насъ теперь не занимаетъ; тѣмъ болѣе, что собственное г. Антоновича на этотъ счетъ мнѣніе, признаюсь, осталось для меня неяснымъ. Остановиться же на третьей главѣ труда г. Антоновича я считалъ нужнымъ вотъ по какимъ соображеніямъ.

Нынѣ чаще чѣмъ когда-нибудь можно встрѣтить въ печати указанія на необходимость «объективнаго» отношенія къ фактамъ причеиъ подъ объективностью разумѣется точность воспроизведенія фактовъ, какъ бы они ни были для насъ пріятны или непріятны. Это, разумѣется, прекрасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и элементарное правило, обязательное для всѣхъ и cadaго. Примѣненіе его не составляетъ даже, собственно говоря, заслуги; оно признается заслугою только при сопоставленіи съ нарушеніями правила. Тѣмъ не менѣе, напоминаніе объ этомъ элементарномъ правилѣ необходимо и полезно. Къ сожалѣнію, напоминающіе часто не по надлежащему адресу направляютъ свои поученія и столь же часто, иногда даже въ самый моментъ поученія, сами же и нарушаютъ препода-

ваемое ими правило. Такъ именно поступаетъ и г. Антоновичъ. Онъ много говоритъ о необходимости объективнаго отношенія къ фактамъ и горячо обличаетъ тѣхъ, кто ихъ извращаетъ въ угоду какой-нибудь моральной теоріи. Одно изъ его разсужденій на эту тему я приведу.

«Въ исторіи встрѣчаются крайне непріятныя вещи, возмущающія нравственное или эстетическое чувство, и историческія событія часто принимаютъ оборотъ крайне нежелательный и возмутительный для самого историка. Однако же историкъ долженъ бываетъ изображать этотъ оборотъ такимъ, каковъ онъ былъ, и никто не подумаетъ обвинять за это историка и исторію въ безнравственности или безсердечности, или давать предпочтеніе другому историкъ, который изображаетъ этотъ оборотъ не такъ, какъ онъ совершился, а такъ, чтобы онъ соответствовалъ нашимъ личнымъ моральнымъ и эстетическимъ симпатіямъ... Трезвое изслѣдованіе безжалостно разрушало теоріи, не соответствующія суровой дѣйствительности, и считало ихъ просто фантазіями, годными только для умовъ, не имѣющихъ мужества прямо взглянуть въ глаза дѣйствительности, *признать ее, какъ она есть, и потомъ уже сообразовать съ нею свои чувства и вкусъ*».

Если бы не нѣкоторая двусмысленность подчеркнутыхъ мною строкъ (объ нихъ скажу особо), то оставалось бы только сказать: вотъ золотыя слова! Къ сожалѣнію, однако, это только слова, отъ осуществленія которыхъ на дѣлѣ самъ г. Антоновичъ очень далекъ. «Суровая дѣйствительность», между прочимъ, такова, что среди представителей «буржуазной эксплуатаціи и всякой экономической и политической неправды» нашлось не мало людей, встрѣтившихъ теорію Дарвина «съ распростертыми объятіями и съ шумными криками одобренія». Но г. Антоновичъ «не имѣетъ мужества прямо взглянуть въ глаза дѣйствительности» и изображаетъ этотъ «крайне не желательный и возмутительный для него оборотъ не такимъ, каковъ онъ былъ, а такъ, чтобы онъ соответствовалъ его, г. Антоновича, личнымъ моральнымъ симпатіямъ». Онъ просто отрицаетъ фактъ, утверждая, что его, «какъ извѣстно, не было». Это эпизодъ очень характерный для людей, требующихъ «объективнаго отношенія къ фактамъ».

Но подъ объективизмомъ разумѣется иногда еще не только точное, а и безстрастное констатированіе факта. И въ этомъ отношеніи очень характерны подчеркнутыя мною строки. Я прошу сопоставить ихъ со слѣдующими словами г. Антоновича въ той-же третьей главѣ: «Трезвый естествоиспытатель, изучающій природу, старается познать и полюбить ее, какъ она есть фактически, считая идеальную природу фантазіей, а моральные укоры—по меньшей мѣрѣ излишними» (93). «Идеальная» природа очевидно значить здѣсь выдуманная, сочиненная, и такая природа есть, конечно, фантазія. Познавать природу слѣдуетъ, конечно, «какъ она есть фактически», иначе

это вовсе и не познание будет. Но почему мы должны «стараться полюбить» природу? Она въ этомъ вовсе не нуждается. Это уже нѣкоторый субъективный элементъ, и если онъ допущенъ въ формѣ «любви», то совершенно непонятно, почему онъ изгоняется въ формѣ не-любви. «Моральные укоры» по адресу природы, конечно, «излишни» въ утилитарномъ смыслѣ, но столь же излишни и восхваления, естественно сопряженные съ «любовью». Истинный, вполне послѣдовательный объективизмъ въ смыслѣ безстрастнаго констатирования фактовъ (если бы таковое было всегда и во всѣхъ случаяхъ возможно) одинаково отвергаетъ и порицаніе и хвалу, и ненависть и любовь. Но въ сторону любви и хвалы, оказывается, дѣлаются поправки. Такъ относительно природы, такъ и относительно исторической дѣйствительности: мы должны «признать ее, какъ она есть, и потомъ уже *сообразовать* съ нею свои чувства и вкусы». Но вѣдь «сообразовать» свои вкусы и симпатіи съ исторической дѣйствительностью можно и въ положительномъ и въ отрицательномъ направленіи. Разумѣется, надо узнать дѣйствительность, какъ она есть, но затѣмъ вѣдь не обязательно же непременно «любить» ее? или обязательно?

Въ заключеніе—«веселенькій пейзажище».

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», въ трехъ №№ (56, 57 и 62), напечатана статья г. Рейнгардта о Кетле. Рѣчь идетъ, между прочимъ, о приложеніи математики къ фактамъ общественной жизни.

«Означенный приемъ можетъ привести къ весьма интереснымъ результатамъ, выяснивъ, напримѣръ, появленіе на исторической аренѣ такихъ социальныхъ элементовъ, которые опредѣляютъ характеръ эпохи вслѣдствіе своей силы и вліянія. Сила же каждаго социального элемента обусловлена не только его юридическимъ положеніемъ, но главнымъ образомъ количествомъ солидарныхъ особей и материальнымъ богатствомъ, т. е. такими факторами, которые подчиняются вычисленію. Такъ какъ вычисленіе можетъ опредѣлить появленіе такой группы лицъ, материальное значеніе которой должно оказать весьма существенное вліяніе на всю массу народа, вліяніе, предъ которымъ значеніе другихъ факторовъ сведется къ весьма ничтожнымъ причинамъ, то этотъ приемъ можетъ совершенно точно разрѣшить волнующій въ настоящее время очень многихъ вопросъ: пойдетъ ли Россія въ экономической жизни тѣмъ же путемъ, какимъ пошла Западная Европа, или другимъ».

Что Россія пойдетъ въ экономической жизни по пути Западной Европы, это, конечно, вполне возможно. Но чтобы г. Рейнгардтъ могъ «совершенно точно» разрѣшить этотъ вопросъ при помощи математики,—въ этомъ я позволю себѣ сильно сомнѣваться. Въ пользу такого сомнѣнія говоритъ уже то обстоятельство, что г. Рейнгардтъ такъ и не далъ разрѣшенія, а только сказалъ: «могу».

«Я все могу, могущественный я человекъ»,—говорить кто-то изъ темнаго царства Островскаго. Вѣрю, что г. Рейнгардтъ могущественный человекъ, но всетаки подожду пока онъ дастъ обѣщанное рѣшеніе. А пока отмѣчу слѣдующее. Г. Рейнгардтъ припоминаетъ извѣстныя слова Ог. Конта, что къ фактамъ общественной жизни слѣдуетъ относиться безъ восхищенія и осужденія. Слова эти часто цитируются съ почтеніемъ, но весьма рѣдко воплощаются въ дѣло. Еще недавно слышалъ я ихъ отъ одного пріѣзжаго просвѣщеннаго провинціала, который и вообще разсуждалъ чрезвычайно сходно съ тѣмъ, что говоритъ г. Рейнгардтъ въ статьѣ о Кетле: точно онъ ее только что прочиталъ и цѣликомъ воспринялъ, буква въ букву. Но затѣмъ зашелъ какъ-то разговоръ о новой формѣ чиновниковъ одного министерства, и я не узналъ своего просвѣщеннаго знакомаго: онъ волновался до чрезвычайности, осуждая реформу, и горячо обвинялъ меня въ «деморализаціи» за то, что я, по привычкѣ ли петербургскаго жителя къ обилію и разнообразію мундировъ или, можетъ быть, по индифферентизму къ этого рода фактамъ,—неумлялся его волненію. Конечно, его горячая рѣчь не была научнымъ изслѣдованіемъ, но онъ стоялъ на научный почвѣ, ибо обсуждалъ реформу въ сферѣ причинъ и слѣдствій явленія. Каково же было мое удивленіе, когда недавно я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повторяетъ слова Ог. Конта: факты общественной жизни не подлежатъ ни восхищенію, ни осужденію, ибо, говоритъ, можно математическимъ приѣмомъ и т. д. Но я ему не повѣрилъ. Я подумалъ: ты говоришь о безстрастной математикѣ только тогда, когда ходъ вещей представляется тебѣ выгоднымъ или когда дѣло тебя не касается; а какъ только тебя непріятно задѣнетъ даже совершенный пустякъ, изъ спокойной лагури твоего объективизма загремѣтъ громъ и засверкаетъ молнія.

Ник. Михайловскій.

Русское Географическое Общество и его полувѣковая дѣятельность.

Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (1845—1895). Составилъ по порученію Совѣта Общества вице-предсѣдатель Общества П. П. Семеновъ при содѣйствіи дѣйств. члена А. А. Достоевскаго. Въ трехъ частяхъ съ картою, составленною генераломъ Коверскимъ. Спб. 1896 г.

Исторія полувѣковой жизни ученаго общества, которое можно назвать однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ славныхъ обществъ въ Россіи, дѣятельность котораго часто соприкасалась съ теченіями русской общественной жизни и въ этомъ отношеніи уступала немногимъ другимъ, въ родѣ вольноэкономическаго общества; исторія такого общества непременно должна быть весьма поучительна. Моментъ зарожденія общества, какъ можно заключать по нѣкоторымъ смутнымъ указаніямъ трехтомной исторіи, лежащей передъ нами, сопровождался разногласіями въ средѣ основателей его, да и послѣ обществу приходилось переживать не легкія испытанія. Исторія полувѣковой жизни Географическаго общества написана его вице-предсѣдателемъ П. П. Семеновымъ, который занимаетъ эту должность въ теченіи 23 лѣтъ. Никто, конечно, не могъ лучше написать вѣстный обзоръ этой дѣятельности и дать лучшую оцѣнку добытыхъ ею результатовъ, какъ самъ вождь этого ученаго собранія, жизненному такту котораго и умѣнью находить средства и исполнителей программъ, задуманныхъ въ Обществѣ, это послѣднее въ значительной степени обязано своими успѣхами и развитіемъ такой широкой дѣятельности. Исторія, написанная лицомъ, занимающимъ официальное положеніе въ Обществѣ, конечно, будетъ имѣть характеръ официального, спокойнаго обозрѣванія событій внутренней жизни общества. Въ ней не мѣсто разоблаченіямъ тайныхъ пружинъ, вызывавшихъ колебанія въ этой жизни; и дѣйствительно, трехтомная исторія общества перечисляетъ только одні услуги, оказанныя обществу, умалчивая о темныхъ мѣстахъ въ его жизни. Само собой разумѣется, въ такой длинный періодъ жизни общества въ немъ появлялись всякаго рода теченія; общество основалось еще въ то суровое время, когда господствовало крѣпостное право, когда въ войскахъ практиковались жестокія тѣлесныя наказанія *) и когда печать томилась подъ гнетомъ нѣсколькихъ цен-

*) Когда Туркестанъ былъ еще мало доступенъ для ученыхъ экспедицій, дорожили всякими средствами добыванія свѣдѣній о немъ и въ пограничныхъ городахъ любители географіи записывали показанія людей, случайно побывавшихъ въ Туркестанѣ, въ томъ числѣ и показанія бѣглыхъ русскихъ солдатъ, бѣжавшихъ въ Туркестанъ, а потомъ возвратившихся въ Россію и перенесшихъ «свою стрѣлу».

зурь, а затѣмъ оно должно было вмѣстѣ съ остальнымъ русскимъ обществомъ переживать горячую эпоху реформъ. Время, промежуточное между началомъ обновленія русскаго общества и первыми сессіями земскихъ собраній и новыхъ городскихъ думъ, было самымъ труднымъ для ученыхъ обществъ, потому что новыя политическія направленія, народившіяся въ русскомъ обществѣ, не довольствуясь печатью, стремились и къ другимъ способамъ оглашенія, искали трибуны и вторгались въ ученые общества, превращая ихъ въ арену преній по общественнымъ вопросамъ. Хорошо было бы, если бы завелся обычай рядомъ съ официальными исторіями издавать альманахи, составленные изъ воспоминаній лицъ, принимавшихъ живое участіе въ управленіи общества; это служило бы хорошимъ дополненіемъ къ официальной исторіи.

На первой порѣ жизни Географическаго общества въ немъ возникло разногласіе о правахъ совѣта общества; нѣкоторые изъ заправилъ общества настаивали на томъ, чтобы предсѣдатель общества избирался совѣтомъ, а не общимъ собраніемъ. Они считали такіе ли чѣмъ не стѣсненные «выборы», т. е. выборы общимъ собраніемъ, а не совѣтомъ, вредными въ настоящемъ и опасными въ будущемъ. Опасность отъ такого порядка выборовъ видѣли въ томъ, что выборъ «можетъ пасть на лицо, не извѣстное правительству или не пользующееся его довѣренностью; за кандидатовъ, предлагаемыхъ совѣтомъ, совѣтъ и ручается, за выборы же въ общемъ собраніи, произвождашіеся во мракѣ (?), иногда и подготовленные во мракѣ, никто не отвѣчаетъ». Однако, противоположное мнѣніе восторжествовало и послѣдующая жизнь оправдала его; страхи оказались напрасными. Обычное явленіе, что наши люди науки и вообще всякіе организаторы полезныхъ учреждений не довѣряютъ обществу и сомнѣваются, дороги ли другимъ лицамъ тѣ умственные интересы, которыми они сами волнуются. Общество было безгласно и потому загадочно, соединеніе въ группы для общаго дѣла затруднено и мало развито, поэтому такое недовѣріе учредителей къ массѣ, если не извинительно, то вполне понятно, особенно въ то отдаленное время. Славная исторія Географическаго общества можетъ служить предостереженіемъ отъ излишняго недовѣрія къ русской интеллигенціи. Географическое общество благополучно просуществовало пятьдесятъ лѣтъ; единственное событіе, омрачившее его жизнь,—закрытіе юго-западнаго отдѣла общества; причины закрытія пока не оглашены и можетъ быть окажется, что и эта печальная исторія основана на недоразумѣніи.

Работы Географическаго общества происходили въ трехъ научныхъ областяхъ: въ области общей географіи (физической и математической), въ области этнографіи и въ области статистики. Экспедиціи общества главнымъ образомъ были направлены на востокъ. Сибирь, Туркестанъ, Монголія и Тибетъ были по преимуществу ареной изслѣдованій русскихъ путешественниковъ, направляемыхъ Гео-

графическимъ обществомъ. Сѣверъ Сибири и центральная Азія были самыя не изслѣдованныя области на землѣ. Состояніе знаній о Средней Азіи было такое, что давало право Гумбольту выразиться, что мы лучше знаемъ поверхность луны, чѣмъ поверхность Средней Азіи. Естественно, что главное вниманіе Географическаго общества было обращено на эти страны. Однимъ изъ первыхъ его предпріятій было изданіе перевода той части колоссальнаго труда нѣмецкаго географа Риттера «Землеводѣніе Азіи», которая заключала въ себѣ описаніе азіатскихъ странъ, сопредѣльных съ нашимъ отечествомъ. На одной изъ страницъ своего сочиненія Риттеръ возлагалъ надежду, что загадочныя страны Азіи будутъ открыты и описаны русскими учеными; исполненіе этого завѣщанія нѣмецкаго географа сдѣлалось задачей общества. Его изслѣдованія Азіи начались съ Туркестана, который былъ ближе и доступнѣе; соосѣдній Китай еще не былъ открытъ для иностранцевъ. Первое путешествіе отъ Географическаго общества въ Туркестанъ, именно въ горную область Тянь-шаня, было совершено П. П. Семеновымъ, нынѣшнимъ вице-предсѣдателемъ общества, которому было поручено тогда переводить трудъ Риттера и дѣлать къ нему дополненія. Будущему руководителю общества выпало на долю открыть первую страницу этой дотогѣ закрытой книги; районъ, куда была направлена первая русская экспедиція въ центральную Азію, былъ промежуточный между Туркестаномъ и закрытымъ Китаемъ; онъ лежалъ на границѣ между двумя обширными областями, по которымъ главнымъ образомъ потомъ раздѣлились послѣдующія русскія экспедиціи. Вскорѣ китайское правительство сняло запрещеніе на вѣздъ въ Китай иностранныхъ путешественниковъ, а Туркестанъ былъ занятъ русскими войсками и обратился въ русскую провинцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался длинный рядъ экспедицій Русскаго Географическаго общества и въ Туркестанъ и въ Китай; П. П. Семеновъ, призванный къ участію въ крестьянской реформѣ, былъ отвлеченъ отъ прямого участія въ изслѣдованіи Азіи на мѣстѣ, но вслѣдъ за его экспедиціей начался рядъ экспедицій. Сѣверцова, направленныхъ въ Туркестанъ. Присоединеніе къ Россіи Амурской области вызвало рядъ ученыхъ экспедицій на Амуръ, въ Уссурийскій край и на Сахалинъ; на Уссури началъ свои первые изслѣдованія Пржевальскій, которому потомъ суждено было сдѣлаться пионеромъ въ изслѣдованіи Монголіи и Тибета. Въ слѣдовавшихъ за тѣмъ экспедиціяхъ принимали участіе многіе изъ лучшихъ русскихъ ученыхъ: Миддендорфъ, Максимовичъ, Шмидтъ, Мушкетовъ, Романовскій, Богдановъ (Мод. Ник.), Пявцовъ, Федченко и многіе другіе, менѣе знаменитые. Выдающееся положеніе между всѣми ними занимаютъ, конечно, Сѣверцовъ и Пржевальскій; они подѣлили Среднюю Азію между собой: Сѣверцовъ отдался всецѣло изученію Туркестана, Пржевальскій изученію Монголіи и Тибета. Открытіе морского пути къ устью Енисея привлекло вниманіе общества къ сѣверу Сибири

и вызвало рядъ русскихъ и иностранныхъ экспедицій къ сѣвернымъ берегамъ Сибири.

Внутренняя Россія не требовала послыки экспедицій; изслѣдованіе ея природы производилось мѣстными учеными учрежденіями и обществами, которыя разсыяны по губерніямъ, университетами, статистическими комитетами и т. п., но и сюда для рѣшенія нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ или для обслѣдованія Географическое общество посылало иногда экспедиціи, какъ, наприм., экспедиція Аксакова для изученія украинскихъ ярмарокъ, поѣздка Небольсина для изученія торговли съ Бухарой и Хивой, Гильфердинга для записыванія онежскихъ былинъ, экспедиція Чубинскаго для собранія этнографическихъ матеріаловъ въ юго-западномъ краѣ, Истомина и друг., для собранія пѣсенъ, цѣлый рядъ экспедицій для изслѣдованія хлѣбной торговли и пр. Здѣсь гораздо больше, чѣмъ посредствомъ экспедицій, общество дѣлало путемъ сношеній съ разсыянными въ провинціи собраніями и лицами, занимающимися наукой. Обширный матеріалъ, собранный посредствомъ этихъ сношеній, изданъ частью въ Сборникахъ общества, частью переданъ ученымъ специалистамъ и изданъ отдѣльно; такъ, наприм., свыше тысячи номеровъ народныхъ сказокъ, доставленныхъ собирателями въ общество изъ разныхъ концовъ имперіи, было передано московскому ученому Афанасьеву и составило существенный вкладъ въ изданныя имъ девять выпусковъ «Русскихъ народныхъ сказокъ». Кромѣ сношеній съ отдѣльными лицами, проживающими въ провинціи, провинціальная дѣятельность на пользу Географическаго общества усиливалась учрежденіемъ на окраинахъ имперіи отдѣловъ общества; такихъ отдѣловъ въ настоящее время пять: Кавказскій, Оренбургскій, Западно-сибирскій, Восточно-сибирскій и Амурскій; два отдѣла: Юго-западный и Сѣверо-западный прекратили свое существованіе, первый по волѣ правительства, второй вслѣдствіе холоднаго отношенія къ нему административной власти въ краѣ. Отдѣлъ Амурскій открылся съ филиальными отдѣленіями въ Читѣ и Кяхтѣ. Служебное значеніе отдѣловъ не столько состояло въ развитіи науки, сколько въ распространеніи любви къ занятіямъ ею въ провинціальномъ обществѣ. Необходимо выдвинуть эту миссію этихъ учреждений; собирая вокругъ себя провинціальныя умственные силы и сплочивая ихъ, отдѣлы Географическаго общества служили убѣжищами для людей, которые въ умственныхъ занятіяхъ искали спасенія отъ провинціальной скуки и ложнаго авторитета, царствующихъ въ провинціальныхъ салонахъ петербургскихъ праздношатающихся. Провинціальныя отдѣлы ободряющимъ образомъ вліяли на скромныхъ любителей науки, создавая имъ относительную прелесть жизни среди убійственнаго однообразія окружающаго. Бывали случаи, что молодой человѣкъ, благодаря покровительству отдѣла Географическаго общества, сначала находилъ примѣненіе своимъ силамъ и благороднымъ порывамъ въ провинціи, а потомъ выходилъ на болѣе ши-

рокую дорогу и становился доподлиннымъ ученымъ. Еще болѣе многочисленны были случаи, когда покровительство Географическаго общества приходило на помощь людямъ, вслѣдствіе увлеченія политическими идеями потерявшихъ положеніе въ обществѣ. Можно указать на многочисленные примѣры, когда гуманная поддержка высоко авторитетнаго общества привлекла къ служенію наукъ силы, которыя безъ нея или погибли бы безслѣдно или долго оставались бы въ недѣйствительномъ состояніи. Мы можемъ напомнить имена Дыбовскаго, обогатившаго науку изслѣдованіями фауны Байкала и Камчатки, получившаго потомъ кѣседуру въ Краковскомъ университетѣ; Годлевскаго, помогавшаго Дыбовскому въ антомологическомъ изученіи Прибайкалья; Косенопольскаго, принимавшаго участіе въ экспедиціяхъ Географическаго общества въ качествѣ ботаника, Чекановскаго, совершившаго нѣсколько геологическихъ экспедицій въ предѣлахъ Иркутской губерніи, а главнымъ образомъ на сѣверѣ Сибири; Витковскаго, занимавшагося раскопками и отыскавшаго впервые могилы каменнаго вѣка около Иркутска; Черскаго, создавшаго себѣ извѣстность своими изслѣдованіями геологическаго строенія береговъ Байкала; Сѣрошевскаго, большое сочиненіе котораго о Якутской области скоро явится въ печати; Пекарскаго, многолѣтній трудъ котораго, якутскій словарь, печатается въ Якутскѣ; Клеменса, бывшаго въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ секретаремъ Восточно-сибирскаго отдѣла и нынѣ доканчивающаго свои археологическія изслѣдованія въ сѣверной Монголіи; Ядринцева, имя котораго связано съ открытіемъ руноподобныхъ надписей на Орхонѣ; Щапова, антропологическіе и этнографическіе результаты туруханской экспедиціи котораго, къ сожалѣнію, сгорѣли въ большой пожаръ въ Иркутскѣ въ 1879 г. Талантливый юноша Худяковъ, занесенный судьбой въ Верхоянскъ, къ сожалѣнію, рано умеръ, не воспользовавшись поддержкой Географическаго общества, которая повиднѣ навѣрно явилась бы ему на помощь. Географическому обществу все таки наука обязана спасеніемъ единственно уцѣлѣвшаго изъ его, кажется, многочисленныхъ, рукописей сборника якутскихъ сказокъ, который стараніемъ общества и былъ изданъ. Въ семидесятыхъ годахъ, когда слухъ о печальной судьбѣ заброшеннаго въ такую даль молодого человѣка (онъ сошелъ съ ума) дошла до Петербурга, одинъ изъ лучшихъ публицистовъ того времени приготовилъ было статью, въ которой совѣтовалъ мѣстной администраціи воспользоваться интеллигентными людьми, водворенными въ томъ отдаленномъ краѣ, для изученія его, но по независящимъ обстоятельствамъ статья не появилась въ печати. Въ настоящее время взгляды на это у самой администраціи, повидимому, измѣнились. Мы можемъ указать на такіе примѣры: инженеръ Чернцовъ, стоявшій во главѣ ангарской экспедиціи, изучавшей пороги на р. Ангартѣ, съ разрѣшенія министра составилъ отрядъ своихъ помощниковъ изъ лицъ этой категоріи; статистическое бюро, учрежденное въ Иркут-

скѣ бывшимъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Игнатьевымъ, свою канцелярію составило изъ молодыхъ сибириковъ-студентовъ, высланныхъ на родину изъ столичныхъ университетовъ; теперь всѣ они состоятъ на государственной службѣ и считаются одними изъ самыхъ свѣдущихъ и полезныхъ чиновниковъ въ краѣ. Наконецъ въ настоящее время въ Якутской области производится изслѣдованіе якутской экспедиціи, состоящей подъ покровительствомъ Географическаго общества и составленной болѣе чѣмъ на половину изъ лицъ той же категоріи.

Историкъ Географическаго общества совершенно вѣрно говорить, что оно не было замкнутою корпораціею. Это былъ, по словамъ историка, «воздвигнутый передовыми русскими людьми стигъ, подъ который свободно собирались русскіе люди съ высокою цѣлью служить Россіи и способствовать своими трудами познанію русской земли и русскаго народа». Во второмъ и третьемъ десятилѣтіи по основаніи общества совершились великія реформы императора Александра II, «многіе изъ дѣятелей Географическаго общества играли (въ нихъ) весьма видную роль именно потому, что они тщательнымъ изученіемъ русскаго народнаго быта отчасти подготовили почву къ разрѣшенію великаго дѣла освобожденія народнаго труда». Нынешній вице-предсѣдатель общества и его историкъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ главной реформѣ императора Александра II; онъ состоялъ секретаремъ комитета, обсуждавшаго способы освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. На одной изъ слѣдующихъ страницъ онъ говоритъ: «Вѣкъ, въ которомъ возникло и дѣйствовало Русское Географическое Общество, на исходѣ, и черезъ пять лѣтъ всѣ дѣятели, поименованные въ этой книгѣ, будутъ уже людьми прошлаго вѣка, одинъ за другимъ уходящими на вѣчный покой. Но на будущіея дорогаго намъ общества мы, люди прошлаго, можемъ смотрѣть свѣтлымъ и спокойнымъ взглядомъ. Свободная и открытая для всѣхъ корпорація будетъ постоянно пополняться и обновляться тѣми лучшими людьми русскаго общества, которые, по собственному почину, отдадутъ лучшія свои силы изученію родной земли».

Лучшее наслѣдство, которое оставляютъ Обществу эти прошлые дѣятели, стоявшіе во главѣ его, заключается въ прекрасныхъ традиціяхъ, созданныхъ въ Обществѣ ихъ дѣятельностью. Общество можетъ спокойно смотрѣть на будущее и надѣяться, что жизнь его не оскудѣетъ, а въ окружающей Общество сочувствующей ему средѣ будетъ жить увѣренность, что люди, стоящіе въ центрѣ Общества, всегда будутъ съ завѣщаннымъ прежними дѣятелями пониманіемъ и деликатностью относиться къ индивидуальнымъ сердечнымъ влеченіямъ тружениковъ, разбѣянныхъ по лицу русской земли, не оскорбляя насиліемъ чужое сердце и чужую совѣсть.

Дневникъ журналиста.

Армянскія и турецкія дѣла.

I.

Съ основною историческою сущностью всего восточнаго вопроса мы ознакомились въ прошломъ *Дневникъ* и обѣщали сегодня заняться анализомъ его современнаго состоянія и въ особенности очень запутанными обстоятельствами армянскихъ дѣлъ. Послѣ дедукцій прошлаго раза, подготовившихъ насъ къ пониманію основныхъ историческихъ теченій Востока, мы теперь прежде всего займемся обзоромъ фактовъ, чтобы затѣмъ уже оба ряда данныхъ свести къ общему истолкованію.

Передняя Азія представляетъ, строго говоря, совершенно особую часть свѣта, одинаково отличаясь отъ Великой Азіи, отъ Европы и отъ Африки и одинаково являя черты сходства со всеми этими тремя сосѣдними материками, которыхъ Передняя Азія соединяетъ не только географически, но еще болѣе того исторически. Въ древности это страна нѣсколькихъ замѣчательныхъ семитическихъ и иранской цивилизацій, объединенныхъ подъ скипетромъ иранскихъ Ахеменидовъ. Въ средніе вѣка вся Передняя Азія явилась театромъ развитія и разцвѣта арабской цивилизаціи. Въ новѣйшее время, опять-таки она тѣмъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ странъ земнаго міра, что она объединена владычествомъ Ислама, который почти только здѣсь сохранилъ политическую самостоятельность и даже политическое господство. Съ длинною культурною исторіей, теряющей въ глубинѣ вѣковъ, невѣдомыхъ болѣе новымъ цивилизаціямъ Европы; съ населеніемъ, представляющимъ пеструю смѣсь и древнихъ культурныхъ, и новыхъ полудикихъ народностей, сошедшихъ сюда со всѣхъ сторонъ Старога Свѣта; съ контрастами природы, отличающими ея отдѣльныя части почти такъ же, какъ отличается природа Африки, Азіи и Европы; и за всѣмъ тѣмъ именно въ этихъ контрастахъ природы, въ этой смѣси племенъ, въ этомъ переплетѣ историческихъ завѣтовъ и преданій, находящая свое единство и свое отлчіе отъ окружающаго міра, Передняя Азія является vis-à-vis европейской цивилизаціи чужимъ и враждебнымъ міромъ, болѣе чужимъ и гораздо болѣе враждебнымъ, нежели Дальняя Азія, Индія, немусульманская Африка. Эта отчужденность, вмѣстѣ съ историческою солидарностью, завѣщанною исторіей, такъ часто взаимной; вмѣстѣ съ могущественными экономическими и политическими интересами европейскихъ державъ; вмѣстѣ съ хри-

стіанскими и гуманными чувствами европейских народовъ,—создаютъ такую сложность и затруднительность современнаго положенія, что найти для всѣхъ безобидное и справедливое рѣшеніе сталкивающихся историческихъ теченій становится все труднѣе. Объ этомъ, однако, послѣ, а теперь обратимся къ обзору Передней Азіи, какъ главнаго театра восточнаго вопроса въ настоящее время.

Передняя Азія, исторически и географически, слагается прежде всего изъ громаднаго иранскаго плоскогорія, окаймленнаго высочайшими вѣчно снѣжными хребтами Эльбруса, Пара-Памиза, Гинду-Куша, Соломоновыхъ горъ и Загроса, и изъ террасовидныхъ, гористыхъ склоновъ этихъ окраинныхъ хребтовъ: въ сторону Каспійскаго моря (древняя Гирканія) и Туранской низменности (Мервъ и Бактрія) на С., въ сторону Индіи (Кабулистанъ и Белуджистанъ) на В., въ сторону Индійскаго океана (лучшія части древней Персиды, нынѣ Фарса) на Ю. и въ сторону Месопотаміи (древняя Сузіана) на ЮЗ. На СЗ. Иранское плоскогоріе имѣетъ какъ бы продолженіе въ рядѣ меньшихъ плоскогорій, все понижающихся къ Западу; таковы плоскогорія древнихъ Арменій, Каппадокіи и Фригіи, точно также окруженныхъ окраинными хребтами, которые точно такъ же имѣютъ на своихъ выѣшнихъ склонахъ лучшія страны Передней Азіи: древній Понтъ въ сторону Чернаго моря, Виеинію, Іонію и Карію—въ сторону Архипелага, Ликію и Киликію въ сторону Средиземнаго моря и Верхнюю Месопотамію на ЮВ. въ сторону месопотамской низменности. Иранское плоскогоріе, хотя и обладаетъ многими оазисами, но вообще сухо и пустынно, особенно въ восточной своей части; къ западу отъ него лежащія плоскогорія становятся тѣмъ плодороднѣе и орошеннѣе, чѣмъ ближе къ Европѣ, при чемъ напр. въ сторону Виеиніи и Іоніи уже совершенно уподобляются характеру сосѣдняго Балканскаго полуострова. Такимъ образомъ, внутреннія плоскогорія Передней Азіи представляютъ какъ бы мостъ между Азіей и Европой, гдѣ особенности обоихъ континентовъ встрѣчаются, перемѣшиваются и постепенно переходятъ другъ въ друга. Напрасно мы искали бы такого переходнаго пояса между Азіей и Африкой. Гдѣ у потоковъ Тигра, Евфрата и Оронта теряются послѣдніе холмистые отроги Загроса и Тавра, тамъ кончается и природа Азіи. Непосредственно за Оронтомъ поднимающіяся горы Ливана и Антиливана, какъ и горы Гаурана, выходящія къ среднему теченію Евфрата, какъ и равнины, лежащія между этими хребтами,—носятъ уже рѣзко африканскій характеръ. Здѣсь все иное: геологическое и тектоническое строеніе, почва, климатъ, флора, фауна, человѣческія расы. Это азиатское продолженіе Африки—обширная и пустынная родина семитической расы, здѣсь образовавшейся, развившейся и размножившейся, отсюда не однажды распространявшейся на обширныя пространства во всѣ стороны, отсюда же подчинившей міръ своимъ религіямъ и здѣсь же въ своемъ старомъ домѣ нынѣ заключившейся послѣ того, какъ потеряла свои

громадныхъ политическихъ приобретѣнія (вавилонно-ассирійскія, финикійскія, арабскія).

Четыре плоскогорія, равныхъ какъ столъ и обгороженныхъ окраинными хребтами, очень печальныхъ и очень пустынныхъ, представляетъ собою внутренность этой азіатской маленькой Африки, повторяющей строеніе великой Африки, совершенно также какъ остальная Передняя Азія повторяетъ собою строеніе остальной большой Азіи. На вѣйшемъ склонѣ окраинныхъ хребтовъ расположены болѣе обитаемыя страны, имѣющія въ совокупности около $6\frac{1}{2}$ милліоновъ душъ *) населенія, причемъ едва ли и полмилліона наберется индо-европейцевъ и туранцевъ; остальные—семиты. Полоса отъ персидской границы до Средиземнаго моря (вилайеты Мосулъ, Цоръ и Алеппо = 1.394,884 жителей) является переходной не только по природѣ и естественнымъ условіямъ, но и по условіямъ историческаго существованія. Здѣсь прежде всего находимъ на почвѣ семитическаго кореннаго населенія значительную подмѣсь индо-европейскаго населенія (курды, армяне, греки и др.); здѣсь христіанское населеніе составляетъ всюду важный элементъ населенія; но, въ противоположность сѣвернѣе лежащимъ странамъ Арменіи и Малой Азіи и въ согласіи болѣе южной чисто-семитической области, туранскій элементъ здѣсь не входитъ въ составъ населенія въ сколько-нибудь замѣтномъ числѣ. Господство турковъ здѣсь только политическое и они здѣсь проживаютъ почти только какъ войско и чиновничество. Элементъ политическаго безпокойства во всей этой семитической части Передней Азіи (въ Сиріи и Месопотаміи) представляютъ: кочевыя племена бедуиновъ, занимающіяся разбоемъ, какъ промысломъ, и обузданіе которыхъ болѣе сильнымъ и болѣе порядочнымъ правительствомъ едва-ли бы составило много затрудненій; національная вражда между живущими рядомъ друзьями и маронитами, въ другихъ отношеніяхъ племенами мирными и культурными; фанатизмъ мусульманскаго населенія Южной Палестины, питаемый сосѣдствомъ Аравіи съ ея магометанскими святынями; но болѣе всего и главнѣе всего совершенное растлѣніе турецкой администраціи и совершенная распущенность турецкой солдатчины. Въ такихъ выводахъ и характеристикахъ сходятся всѣ безпристрастные наблюдатели всѣхъ странъ и народностей. Нѣсколько сложнѣе положеніе дѣлъ въ Малой Азіи и Арменіи, преимущественно интересующихъ въ настоящее время весь цивилизованный міръ.

*) Источниками для статистики населенія Азіатской Турціи послужили Stevers, Allgemeine Landeskunde. Asien. 1893. Mullhall, Dictionary of statistics; Statesman, Yearbook. 1895. Данные армянскаго константинопольскаго патріархата, представленныя державамъ въ 1890 году. Всѣ счисленія мало достовѣрны, что оговариваютъ всюду сами авторы, но лучшихъ не имѣется вовсе.

II.

Отличительною особенностью южной половины азиатской Турции является соединеніе рѣзко африканскаго характера природы съ этническою однородностью семитическаго населенія при почти полномъ отсутствіи турецкой колонизаціи и при распадѣ на два района, южный, типическій (съ исключительно семитическимъ населеніемъ и съ преобладаніемъ мусульманъ) и переходный, болѣе сѣверный (съ значительнымъ индо-европейскимъ и христіанскимъ населеніемъ, порою оспаривающимъ численное преобладаніе у семитовъ и мусульманъ). Съ другой стороны, сѣверная болѣе обширная и болѣе благоприятная для человѣческой жизни часть Азиатской Турціи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ только что сжато охарактеризованныхъ особенностей южной. Это—страна, въ древности называвшаяся Арменіей, Понтономъ, Каппадокіей, Пафлагоніей, Фригіей, Киликіей, Ликией, Каріей, Іоніей и Виеиніей, а нынѣ обозначаемая именами Арменіи, Курдистана, Анатоли и часто соединяемая подъ названіемъ Малой Азіи. Сюда не проникаетъ семитическая раса и коренными аборигенами являются народности индо-европейской семьи, армяне, курды, греки, зейбеки, лазы, юруки, тахтаджи, анзари, кизильбашы, іезиды. Зато именно сюда проникала въ значительномъ числѣ колонизація туранской расы. Вовсе не утвердившаяся въ Сиріи и Месопотаміи и сравнительно слабо колонизовавшая Европейскую Турцію, туранская раса нашла себѣ вторую родину именно здѣсь, на внутреннихъ плоскогоріяхъ Арменіи, Фригіи и Каппадокіи, въ меньшей степени въ окружающихъ горахъ и еще въ меньшей степени на вѣдшихъ побережьяхъ. Всюду однако турки составляютъ очень значительный элементъ населенія, а на внутреннихъ плато, повидимому, повсюду преобладаютъ, порою значительно. Турки всѣ мусульмане сунниты. Изъ курдовъ большинство сунниты, меньшинство—шіиты. Еще во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. нѣкоторая часть курдовъ была христіане; теперь христіанство въ ихъ средѣ совершенно исчезло, какъ и среди лазовъ, грузинскаго племени, населяющаго восточную половину требизондскаго вилайета. Представителями христіанства въ настоящее время являются только армяне и греки. Первыхъ, по самымъ смѣлымъ вычисленіямъ, опредѣляютъ (Sievers, Allgemeine Landeskunde. Asien. 1893), до трехъ милліоновъ шестисотъ тысячъ, а грековъ около милліона душъ. Statesman Yearbook опредѣляетъ численность населенія всего края въ 11 милліоновъ, такъ что мусульмане составляютъ шесть съ половиною милліоновъ, вообще около трехъ пятыхъ всего населенія. Въ числѣ мусульманъ курдовъ около милліона и мелкихъ народностей 350—400 тыс., такъ что на долю турковъ остается около пяти милліоновъ (при шести милліонахъ всѣхъ арійцевъ, раздѣленныхъ однако на три главныхъ и нѣсколько мелкихъ

народностей). Турки, такимъ образомъ не составляютъ большинства, но являются самою многочисленною народностью, сплоченною и однородною этнически, религіозно и политически. Опираясь на полтора милліона мусульманъ индо-европейской расы, турки безспорно господствуютъ надъ греко-армянскимъ меньшинствомъ, вдобавокъ далеко не солидарнымъ. Такимъ образомъ, насколько природныя условія сѣверной части Азіатской Турціи благоприятны, настолько, напротивъ того, условія историческія сложились здѣсь гораздо запутаннѣе и затруднительнѣе.

Мы бѣгло обозрѣли весь районъ, который въ существенныхъ чертахъ, географическихъ и историческихъ, имѣетъ очень много сходства. Существуютъ однако и нѣкоторыя различія. Съ ними надо теперь ознакомиться хотя бы въ общихъ чертахъ. По южному берегу Малой Азіи, на склонахъ высокаго лѣсистаго Тавра и на побережьи Средиземнаго моря простираются плодородныя и богатая отъ природы земли древнихъ Киликіи и Ликии. Эта прекрасно орошенная, богатая лѣсомъ и почвою, съ мягкимъ климатомъ и древнею культурою страна населена частью греками, здѣсь въ своемъ типѣ обнаруживающими значительную подмесь семитическаго элемента, частью потомками древнихъ аборигеновъ (андаріи въ Киликіи, тахтаджи и юрки въ Ликии) до эллинскаго періода, частью спустившимися сюда съ внутреннихъ плоскогорій турками. Нѣкогда это была хорошо населенная страна, богатая и культурная. Нынѣ, подъ вліяніемъ истребленія населенія турками и негоднаго многолѣтняго турецкаго управленія, она въ большомъ упадкѣ. Христіане составляютъ по всей вѣроятности меньшинство.

Очень сходный характеръ носить и сѣверное черноморское побережье Малой Азіи, земли древняго Понта, царства Митридата. Болѣе длинное и болѣе узкое, оно точно также является гористымъ и богато орошеннымъ склономъ лѣсистаго высокаго Понтійскаго кряжа. Мягкій климатъ, плодородная почва, древняя культура и составъ современнаго населенія еще болѣе сближаютъ черноморское побережье съ средиземноморскимъ. Греки и тутъ составляютъ значительный элементъ населенія, даже несомнѣнно преобладающій у Синопа и Самсуна, быть можетъ и у Требизонда. Такъ же и здѣсь сохранились потомки аборигеновъ до-эллинскаго періода. Это лазы, населяющіе горы трезизондскаго вилайета и берегъ моря между русскою границею и Требизондомъ. Турки тоже и сюда спустились съ внутреннихъ плоскогорій, составляя и тутъ меньшинство, которое превращается въ мусульманское большинство, благодаря магометанству лазовъ и курдовъ. Культурный, богатый и густонаселенный край въ древности, нынѣ онъ точно такъ же находится въ упадкѣ вслѣдствіе турецкаго истребленія культурнаго населенія и неисправимыхъ дефектовъ турецкаго управленія.

Какъ ни прекрасны природныя условія Киликіи, Ликии и Понта, они уступаютъ благословеннымъ землямъ западнаго Эгейскаго по-

бережья Малой Азіи, которое принадлежит къ лучшимъ странамъ на берегахъ Средиземнаго моря, столь богатыхъ прекрасными и благодатными странами. Карія, Іонія и Віеннія являлись въ древности истиннымъ земнымъ раю; были усыяны богатѣйшими, многочисленными, просвѣщенными городами, представляли собою сплошной роскошный садъ. Мягкія очертанія, богатое орошеніе, благодатный климатъ и плодородная почва дѣлають эту страну и въ настоящее время безспорно лучшею мѣстностью среди территорій, населенныхъ греческою расою. Потому что не надо забывать, что здѣсь и до сего времени преобладаетъ христіанское греческое населеніе. Меньшинство составляютъ турки, которые превращаются въ большинство въ сѣверной части, обращенной къ Мраморному морю. Значительныя армянскія колоніи въ городахъ здѣсь дополняются и армянскою колонизаціей въ селахъ, примѣшивающей къ коренному греческому населенію. Въ горахъ сохранились немногочисленные остатки аборигеновъ до-эллинскаго періода, именно омусульманенное племя зейбековъ. Турецкое управленіе является здѣсь единственною причиною сильнаго упадка, въ которомъ находится эта богатая и благодатная страна.

Иную природою, иную историческою судьбою и инымъ современнымъ состояніемъ отличаются внутреннія плоскогорія *обозрѣваемой нами части Оттоманской имперіи. Это травянистыя степи съ соленоводными внутренними бассейнами, окаймленныя высокими горами, изрѣзанныя хребтами, съ немногочисленными потоками, посылаемыми этими хребтами, и нѣсколькими крупными рѣками, вытекающими изъ окраинныхъ хребтовъ и затѣмъ ихъ прорывающими по пути къ морю. Суровый климатъ, скудная природа, рѣдкое населеніе, значительный контингентъ кочевниковъ въ его составѣ, значительное преобладаніе мусульманскаго элемента—таковы главныя характеристическія особенности этихъ внутреннихъ плоскогорій Передней Азіи. Чѣмъ западнѣе, тѣмъ они благопріятнѣе для жизни, мягче климатомъ, богаче растительностью, населеннѣе, осѣдлѣе. Къ востоку степи часто переходятъ въ пустыни, лѣсъ на равнинахъ исчезаетъ, потоки становятся маловоднѣе, климатъ суровѣе, кочевое населеніе многочисленнѣе. Къ востоку же усиливается контингентъ христіанскаго населенія въ составѣ осѣдлыхъ обитателей. Самое восточное плоскогоріе армянское въ особенности характеризуется всѣми этими отличительными чертами.

Армянское плоскогоріе состоитъ изъ вилайетовъ Эрзерумскаго, Ванскаго и Битлискаго и части вилайета Сивасскаго. Оно ограничено съ сѣвера Понтійскимъ хребтомъ, который здѣсь (слѣдуя повороту черноморскаго берега) отклоняется и въ русскомъ Закавказьѣ соединяется съ хребтомъ Кавказа. Хребты Тавра и Анти-тавра, ограничивающіе съ юга плоскогорія фригійское и каппадокійское, тоже отклоняются къ СВ. и раздѣляютъ армянское плато на нѣсколько замкнутыхъ бассейновъ: рр. Евфрата, Куры,

Аракса, озеро Ванъ и Гокчай. Отроги южно-персидскаго Загроса составляютъ южную грань армянскаго плоскогорія, самаго возвышеннаго между плоскогоріями азіатской Турціи, наиболѣе изолированнаго отъ умѣряющаго вліянія морей и наиболѣе открытаго вліянію внутренней Азіи. Все это дѣлаетъ климатъ Великой Арменіи (которая и занимаетъ армянское плоскогоріе) крайне суровымъ. Находясь подъ широтою Неаполя и Мадрида, это плоскогоріе (по даннымъ трехъ станцій, Александрополя, Эривани и Эрзерума) имѣетъ среднюю температуру, равную московской, между тѣмъ какъ лѣтній зной соотвѣтствуетъ температурѣ Александріи (въ Египтѣ) и Мальты. Растительность почти исключительно травяная, порою смѣняемая подлинною пустынею. Почти полное отсутствіе древесной растительности характеристично для этого суроваго края. Такова природа Великой Арменіи, съ юга граничащей съ Малой Арменіей, расположенной на склонахъ южныхъ окраинныхъ хребтовъ, спускающихся къ Месопотамской низменности и къ Сирійской горной странѣ. Вилаеты Мармуретскій, Діарбекирскій и часть Алеппскаго обыкновенно включаются въ понятіе Малой Арменіи. Природа Малой Арменіи богаче, климатъ мягче, воды обильнѣе. По религіозному составу населенія нѣтъ существенной разницы между обѣими Арменіями, которыхъ турки соединяютъ подъ однимъ наименованіемъ Курдистана.

По Statesman yearbook для 1894 г. населеніе пяти вилаетовъ Арменіи (Эрзерумъ, Ванъ, Битлисъ, Мармуретъ, Діарбекиръ) достигаетъ цифры 2.457,400 душъ. Изъ нихъ на долю армянъ приходится (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ 1880 году константинопольскою армянскою патріархіей иностраннымъ державамъ): въ Эрзерумскомъ—134 тыс., въ Ванскомъ и Батлисскомъ (гдѣ происходила знаменитая сассунская рѣзня)—252,500, въ Корнутскомъ (Мармуретскомъ?)—158,000 и Діарбекирскомъ 88,800, всего 632,000 душъ. По другимъ источникамъ армянъ должно быть больше, но едва ли армяне сами уменьшали численность своихъ соплеменниковъ. Скорѣе можно было бы ожидать противоположнаго... Возможно, что они представили лишь численіе мужского населенія. Въ такомъ случаѣ тахіпш ихъ численности можно считать около одного милліона двухсотъ тысячъ душъ обоюго пола, что ближе къ прежнимъ свѣдѣніямъ. Во всякомъ случаѣ армяне нигдѣ не составляютъ большинства населенія. Это подтверждается и статистикою населенія Карсской Области, перешедшей къ Россіи въ 1878 году, въ общихъ чертахъ составившей довольно типическую мѣстность Великой Арменіи. По русскому подсчету составъ населенія этой части Арменіи (для 1890 г.) оказался:

Турокъ и татаръ . . .	67,177 . .	38,5%
Армянъ и грековъ . . .	60,617 . .	35,0%
Курдовъ	26,356 . .	15,2%
Русскихъ и грузинъ . .	19,894 . .	11,3%

S=174,044 . . 100,0

Предполагая, что русских и грузинъ приблизительно замѣнять, съ одной стороны, мелкія народности, іезиды и кизиль-баши, а съ другой—сирійцы и персіане, въ значительномъ числѣ проникающіе въ вилайетахъ Малой Арменіи, мы могли бы оставить для армянъ тѣ же 35% (грековъ почти нѣтъ въ этой части, не имѣющей морского берега), т. е. около 860 тыс. душъ. Въ Эрзерумскомъ вилайетѣ курды должны составлять приблизительно такой же контингентъ, какъ и въ Карсѣ, но въ другихъ вилайетахъ они значительно численнѣе, тогда какъ турки къ югу становятся все менѣе численны. Наиболѣе освѣдомленные авторы принимаютъ общую численность курдовъ азіатской Турціи до одного милліона съ лишнимъ *) Ихъ поселенія проникаютъ однако въ вилайеты Сиваса и Аданы (Киликіи) на З. и въ вилайеты Алеппо, Цоръ и Моссулъ на Ю., такъ что ихъ численность въ вилайетахъ собственнаго Курдистана (Великой и Малой Арменіи) принимается около 800—900 тыс. душъ. Изъ остальныхъ 800 тыс. около 250—300 тыс. падаетъ на іезидовъ, кизиль-башей, лавовъ, персіанъ, сирійцевъ, грековъ, евреевъ, европейцевъ, и свыше полумилліона на османлисовъ, преобладающихъ въ Эрзерумскомъ вилайетѣ и быстро сокращающихся числомъ въ болѣе южныхъ. Такова наиболѣе вѣроятная статистика населенія этого края, хотя и въ ней достовѣрности не очень много. Она показываетъ, что армяне составляютъ около одной трети населенія, столько же курды и столько же остальные народности, причемъ турокъ немного болѣе одной пятой. Индо-европейцевъ, такимъ образомъ, надо считать преобладающимъ элементомъ (именно около четырехъ пятыхъ всего населенія), но раздѣленнымъ на двѣ крупныя народности и нѣсколько мелкихъ. Христіане составляютъ всюду меньшинство, которое даже въ соединеніи съ полуязычниками іезидами, всюду уступаетъ по численности мусульманамъ. Около милліона христіанъ и около полтора милліона магометанъ будетъ наиболѣе вѣроятнымъ распределеніемъ населенія по исповѣданіямъ.

Изъ этого бѣглаго обзора совершенно явствуетъ, что дѣйствительно соперничающими народностями здѣсь являются армяне и курды, почти одинаковой численности. Исторія предстоитъ рѣшить вопросъ, будетъ ли эта страна называться Арменіей, какъ она называлась въ древности и въ средніе вѣка, или Курдистаномъ, какъ ее нынѣ называютъ турки? Турецкое управленіе и здѣсь, конечно, является несомнительною причиною упадка, разоренія и обезлюженія, въ которомъ находится эта суровая, но не скудная страна. Менѣе устранимою и болѣе глубокою причиною нестроенія этого обширнаго края является этотъ рѣзкій и постоянный антагонизмъ

*) Кроме того, въ Персіи курдовъ считается семьсотъ тысячъ и въ Россіи около 100 тыс., такъ что общая численность этой народности должна достигать приблизительно двухъ милліоновъ.

двухъ численно преобладающихъ народностей, въ значительныхъ массахъ проникшихъ и въ сосѣдніе вилайеты Алеппо (сѣверная Сирія), Аданы (Киликія) и Сиваса (лежащаго восточною своею частью еще на армянскомъ плоскогоріи). Далѣе, на плоскогоріяхъ Малой Азіи армяне тоже составляютъ всюду довольно замѣтный контингентъ населенія, къ западу постепенно уступая мѣсто остаткомъ древняго греческаго (или вѣрнѣе, эллинизованнаго) населенія Фригіи, основательно истребленнаго турками. Вообще, можно считать, что на внутреннихъ плоскогоріяхъ Малой Азіи (не считая окрестныхъ хребтовъ, наружныхъ приморскихъ полосъ и восточной части Сивасскаго вилайета) численность населенія можетъ достигать $4\frac{1}{2}$ —5 милліоновъ, изъ коихъ $3\frac{1}{2}$ —4 милліоновъ турокъ и около милліона армянъ, грековъ, ирковъ (въ Каппадокіи, вилайетъ Коніи), русскихъ некрасовцевъ (тамъ же), черкесовъ (до 100 тьм.), евреевъ, иностранцевъ. Эти внутреннія плоскогорія Малой Азіи, вилайеты Сиваса, Коніи, Ангоры, частью Кастамуки и Бруссъ и составляютъ подлинную Турцію, главную опору османскаго и мусульманскаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ и въ Передней Азіи.

III.

Курдистанъ или Армения?

Исторія рѣшить этотъ вопросъ. Наше дѣло показать элементы рѣшенія при «естественномъ ходѣ вещей» и шансы цѣлесообразнаго исхода, какъ его можетъ продиктовать голосъ разума и совѣсти.

Армянъ можно считать аборигенами края. Еще со временъ Вавилонскаго царства клинообразныя надписи сохранили намъ извѣстіе о народѣ *Армина*, жившемъ къ сѣверу отъ Ассиріи и платившемъ дань монархамъ Вавилона и Ниневии. Сама Ассирія занимала нынѣшніе вилайеты Моссула, Мармурета и Діарбекира, частью Цора и Битлиса, т. е. кромѣ Верхней Месопотаміи, еще и всю Малую Армению. Народъ «Армина», предки нынѣшнихъ армянъ, жилъ, такимъ образомъ, на плоскогоріи Великой Арменіи. Его изображаютъ намъ упомянутыя надписи свѣтловолосымъ и голубоглазымъ, что должно было очень удивлять темныхъ вавилонянъ. Съ тѣхъ поръ потемнѣли и армяне, какъ и персы, и греки, и кельты, и многіе другіе арійцы, переселившіеся на югъ и здѣсь смѣшавшіеся съ темноволосыми и черноокими сосѣдями, семитами, тюрками, порою даже съ темнокожими хамитами (въ Индостанѣ, въ Сузіанѣ, филистимляне въ Палестинѣ). Во всякомъ случаѣ, армяне—народъ индо-европейскаго семейства, лингвистически и культурно сохранившій свою принадлежность этой семьѣ, но этнически испытавшій довольно значительную примѣсь семитическаго элемента (ассирійскаго и арамейскаго) и тюркскаго (мидяне, парсы и въ

новѣйшее время османскіе турки). Кромѣ Эриванской губерніи, армяне всюду въ Великой Арменіи потеряли численное преобладаніе, но зато сильно распространились и на югѣ, въ древнюю Ассирію, и на З. въ древнюю Фригію. Въ древности распространеніе ихъ было гораздо ограниченнѣе, но за то въ своей небольшой хатѣ они были хозяевами и не должны были сожительствоваť съ чужанами, враждебными и исполненными къ нимъ презрѣнія и ненависти.

Армяне называютъ себя *хайканами* по имени легендарнаго царя Гайка, основателя армянскаго царства. Уже не легендарнымъ царемъ является Тигранъ I, союзникъ персидскаго Кира, вмѣстѣ съ нимъ воевавшій въ 538 г. до Р. Х. подъ стѣнами Вавилона. Въ 514 году Дарій Гистаспъ низвергъ армянское царство и присоединилъ къ своей имперіи. Ксенофонтъ упоминаетъ объ армянахъ въ своемъ описаніи отступленія десяти тысячъ; они были культурнымъ земледѣльческимъ и скотоводческимъ народомъ. Послѣ низверженія персидской имперіи Александромъ Македонскимъ, Арменія долго составляла провинцію греко-сирійской монархіи Селевкидовъ. Эллинизация слабо коснулась армянскаго народа, который послѣдшилъ отложиться отъ Антиохіи и возстановить свою политическую независимость, какъ только римляне распатали могущество сирійскихъ грековъ.

Въ 150 году до Р. Х. основалось это второе армянское царство, черезъ три съ половиною столѣтія послѣ паденія перваго царства. Здѣсь утвердилась младшая линія парянскаго царскаго династіи Арсакидовъ, что гарантировало Арменію отъ завоеванія парянами и давало имъ могущественнаго союзника противъ Рима и Византіи. Зато именно Арменія постоянно служила театромъ войнъ между римлянами и парянами. Независимость Арменіи держалась до тѣхъ поръ, однако, покуда держалось парянское владычество въ Иранѣ. Когда же персы снова взяли верхъ, низвергли Арсакидовъ и основали вторую персидскую имперію, тогда пробилъ часъ и второго армянскаго царства. Оно было подѣлено между Византіей и Персіей въ 390 г. по Р. Х., просуществовавъ около пяти съ половиною столѣтій. За сто лѣтъ до паденія, при царѣ Тиридатѣ, армяне приняли христіанство.

Послѣ паденія персидской монархіи, Арменія большею частью стала достояніемъ арабовъ, которые здѣсь хозяйничали до половины IX вѣка, когда ослабленіе калифата и междоусобія среди мусульманъ дозволили армянамъ еще разъ возстановить политическую независимость, послѣ четырехъ съ половиною вѣковъ персидскаго и арабскаго владычества. Это третье армянское царство, управлявшееся династіей Багратидовъ, просуществовало всего неполныхъ два вѣка, съ 859 по 1045 г. по Р. Х., когда Арменію завоевалъ византійскій императоръ Константинъ VII. Его преемникъ императоръ Романъ IV уже въ 1071 г. вынужденъ былъ уступить Ар-

менію, какъ и значительную часть Малой Азіи, туркамъ-сельджукамъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени Великая Армения находится подъ властью турковъ, иногда подпадая подъ власть персіянъ. Въ Малой Армении Багратиды продержались въ видѣ полунезависимаго княжества еще около трехъ столѣтій. По имени Рубена, перваго князя Малой Армении, эта династія называется Рубенианами. Послѣдній ея представитель Левъ VI былъ лишенъ престола мамелюками въ 1375 г. по Р. Х. и умеръ въ 1393 г. Въ эпоху существованія рубенианскаго княжества и населилась Малая Армения армянами, выселявшимися изъ Великой Армении, гдѣ уже хозяйничала турецкая орда. Опустошительныя, истребительныя нашествія монгольскихъ ордъ Чингиза, татарскихъ ордъ Тимура, турецкой орды Османлисовъ, все поочередно видѣла и переносила несчастная страна, уже девять вѣковъ поработенная фанатическими и варварскими ордами. Только въ XIX вѣкѣ начинаются нѣкоторые проблески улучшенія.

Исторія Армении, какъ она нами вкратцѣ изложена только что, представляется интересною иллюстраціей восточнаго циклизма. Четыре царства основали поочередно армяне. Всѣ четыре сначала были воинственны и могущественны, потомъ приходили въ упадокъ и низвергались сосѣдями, которые на Востокъ всегда враги. Они должны были быть воинственны и могущественны: иначе на Востокъ нельзя существовать. Они должны были развивать военную силу, которая служила и для подавленія народа, для утвержденія власти грубаго, неумѣстнаго и деспотическаго высшаго класса, исполненнаго національной и религіозной нетерпимости. Объ узкомъ и нетерпимомъ націонализмѣ армянъ говоритъ еще Тацитъ. Этотъ націонализмъ и въ настоящее время является характерною чертою армянскаго народа. Онъ былъ причиною отложенія армянъ отъ православія и образованія особаго грегорианскаго исповѣданія, безъ него они не могли бы сохраниться въ теченіе девяти вѣковъ турецкаго ига. Но онъ же свидѣтельствуетъ, что элементы циклизма издавна носила армянская нація въ сердцѣ своемъ и что послѣдовательныя паденія четырехъ армянскихъ государствъ были результатомъ отнюдь не вѣшняго насилія только, но и внутренней эволюціи къ вырожденію правящихъ классовъ и упадку ихъ силы. Армения не знала ни полигаміи съ гаремомъ, ни кастъ съ невольничествомъ, этихъ самыхъ могучихъ факторовъ историческаго циклизма, но и деспотизма, духовной опеки и національной исключительности при женскомъ затворничествѣ и отсутствіи свѣтскаго просвѣщенія болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы вызвать вырожденіе правящихъ классовъ и циклизмъ сдѣлать закономъ національной исторіи. Это мы и видимъ въ Армении.

Въ 1827 году Россія отняла у Персіи часть Великой Армении.

Въ 1829 году къ этому краю присоединена была отъ Турціи еще Ахалцхская область, на велико-армянскомъ плоскогоріи. Эта русская

Арменія послужила исходомъ новой волны армянскаго возрожденія. Съ русскимъ завоеваніемъ, армяне получили доступъ къ свѣтскому просвѣщенію, а женщина армянская была выпущена изъ гнетнаго, вступила въ общество и начала приобщаться постепенно къ общественной и умственной жизни. Вмѣстѣ съ моногаміей и отсутствіемъ рабства это давало возможность постепенно переработать циклическій складъ армянской народности въ прогрессивный. Этой переработкѣ и положено начало и нѣтъ основанія сомнѣваться въ возможности и даже вѣроятности приобщенія армянской націи къ прогрессивному человѣчеству, въ возможности ея перемѣщенія изъ области историческаго циклизма въ область исторической прогрессивности. Владычество турецкой народности, прочно сложившейся по вполне законченному типу историческаго циклизма, служить однако серьезною помѣхою указанному процессу въ средѣ армянской народности, какъ долго служило такою же помѣхою грекамъ, румынамъ, сербамъ, болгарамъ. Упраздненіе турецкаго владычества является ли однако единственнымъ способомъ рѣшенія вопроса?

Второю главною народностью края являются, какъ мы знаемъ уже, курды, населяющіе турецкую Арменію въ томъ же числѣ приблизительно, какъ и сами армяне. Въ Малой Арменіи ихъ даже больше, нежели армянъ, и здѣсь въ горахъ древней Ассиріи и надо считать ихъ родину. Отсюда они сравнительно недавно распространились и на плоскогорія Великой Арменіи, особенно сильно занявъ бассейны озера Вана. Нѣкоторые писатели принимаютъ курдовъ за потомковъ ассирійцевъ, но ихъ индо-европейскій языкъ и индо-европейскіе народные нравы противорѣчатъ этому мнѣнію. Весьма возможно, однако, что потомки ассирійцевъ вошли въ составъ курдской народности, принявъ ея языкъ и нравы. По крайней мѣрѣ одно курдское колено называетъ себя ассурами и само считаетъ себя потомками знаменитаго народа, нѣкогда властвовавшаго надъ всею Переднею Азіей. Семитическая примѣсь легко замѣтна во многихъ колѣнахъ курдовъ. Основная раса, однако, аріійская и лучшіе изслѣдователи выводятъ курдовъ отъ кардуховъ, описанныхъ еще Ксенофонтomъ, въ тѣ времена жившихъ на тѣхъ же горахъ и въ томъ же полукочевомъ пастушескомъ быту, съ тою же любовью къ свободѣ, съ тою же внутреннею автономіей, въ тѣхъ же феодальныхъ кланахъ, воинственныхъ и непокорныхъ. Ни шахи Персіи, ни цари Антиохіи, ни императоры Византіи, ни калифы Багдада, ни султаны Османовъ никогда не могли похвалиться дѣйствительною властью надъ этимъ гордымъ, храбрымъ и свободолюбивымъ народомъ. И современные изслѣдователи, посѣтившіе Курдистанъ, единогласно свидѣтельствуютъ о нравственныхъ достоинствахъ курдовъ, чистотѣ нравовъ, вѣрности, храбрости, любви къ свободѣ. Если бы исторія Востока шла своимъ обычнымъ порядкомъ безъ вмѣшательства Европы, то въ настоящее время, при ослабленіи османскаго господства и при подавленности армянскаго элемента послѣ де-

вяти вѣковаго рабства, курды именно и явились бы тѣмъ свѣжизнѣ, еще не испорченными ни рабовладѣніемъ, ни рабствомъ народомъ, который способенъ бы былъ положить конецъ уже прошедшему всѣ свои предопредѣленные ступени турецкому циклу и начать новый... Но почему начать новый циклъ, а не прогрессивное развитіе?

Освобожденіе армянъ отъ турецкаго владычества является ли единственнымъ способомъ приобщенія ихъ къ прогрессу, — этотъ вопросъ мы задали себѣ выше. Теперь мы его дополнили другимъ, должно ли ожидать, что выступленіе курдовъ на историческое поприще будетъ лишь повтореніемъ извѣстныхъ этаповъ восточнаго цикла, или возможно, что начинающееся развитіе способно выйти на путь прогрессивности. Эти два вопроса объ армянскомъ и курдскомъ приобщеніи къ прогрессивному человечеству, т. е. къ свободному, самоуправляющемуся, свѣтски просвѣщенному человечеству, отказавшемуся отъ національной нетерпимости и отъ подчиненія женщины, эти два вопроса суть различныя стороны одной и той же исторической проблемы и ихъ удобно будетъ рассмотреть совместно. Начавшееся свѣтское просвѣщеніе армянъ и начавшееся освобожденіе армянской женщины, оба процесса, начавшіеся едва шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, подвинулись однако настолько, что вполне доказали свою жизнеспособность, свою способность къ развитію, а это и даетъ намъ основаніе для надежды, что армянскій народъ, хотя и преисполненный еще національной нетерпимостью и въ этой нетерпимости сохраняющій сѣмена вырожденія и циклизма, можетъ тѣмъ не менѣе рассчитывать на лучшую будущность, на переработку по прогрессивному типу. Нетерпимость и исключительность должны уступать передъ силой просвѣщенія, лишь бы этой силѣ не мѣшали неблагоприятныя внѣшнія условія. Христіанская религія, освящающая моногамію и допускающая свѣтское мышленіе, сохранила армянамъ сѣмена возрожденія, которыя и начали развиваться, какъ только хотя немного улучшились внѣшнія условія.

Иное состояніе видимъ мы у курдовъ. Ненеспорченные рабствомъ, сохранившіе простоту и чистоту нравовъ, сохранившіе національную и общинную свободу, совершенно чуждые національной исключительности, но объединенные чувствомъ національной солидарности, курды во всѣхъ этихъ отношеніяхъ счастливо отличаются отъ армянъ, а богато одаренные отъ природы, они могли бы имѣть передъ собою самыя свѣтлыя перспективы, если бы не исламъ, который они исповѣдуютъ и который является самою лучшею гарантіей цикличности, самою вѣрной помѣхой прогрессу. Исламъ имѣетъ немало преимуществъ, которыя привязываютъ къ нему его послѣдователей и обезпечиваютъ народныя массы отъ вырожденія. Не однажды указывали на обязательную трезвость мусульманъ и предписанную имъ опрятность, какъ на большія преимущества ислама.

Еще важнѣе демократическое равенство, узаконенное Кораномъ, и совершенное вытравленіе націонализма среди мусульманъ. Въ мусульманской странѣ нѣтъ и не можетъ быть ни сословной, ни національной розни. Всѣ мусульмане равны не только передъ Богомъ, но и передъ земными властями. Нѣтъ ни рабовъ, ни паріевъ, ни презираемыхъ кастъ, ни презираемыхъ національностей. Каждый мусульманинъ братъ по религіи каждому мусульманину и албанцы, турки, черкесы, курды, бедуины одинаково преданы общему мусульманскому отечеству, одинаково признаются полноправными и равноправными, одинаково пользуются взаимнымъ уваженіемъ и одинаково презираютъ не мусульманскую райю. Гдѣ же нѣтъ этой отвергнутой и безправной райи, населеніе пользуется полнымъ демократическимъ равенствомъ и совершенной взаимностью и солидарностью. Это отсутствіе рабства, кастъ и національной нетерпимости является лучшею гарантіей для массы противъ вырожденія и деморализаціи. Но уже въ только что отмѣченныхъ отношеніяхъ къ не мусульманской райѣ легко усмотрѣть элементы вырожденія и деморализаціи. Гдѣ многочисленно подчиненное мусульманамъ немусульманское населеніе, тамъ получаетъ широкое развитіе рабство, рабовладѣніе, угнетеніе, неравенство, нетерпимость. Эти факторы вырожденія коренятся однако въ самыхъ основахъ ислама, являются производными отъ нѣкоторыхъ существенныхъ особенностей мусульманскаго строя, особенностей, деморализующихъ и деградирующихъ магометанскіе народы и тогда, когда въ ихъ составѣ нѣтъ райи.

Обыкновенно указываютъ на фатализмъ, какъ на причину мусульманской косности. Нельзя отрицать значеніе фатализма, но не слѣдуетъ его преувеличивать. Вспомнимъ, что фатумъ былъ основой религіознаго мировоззрѣнія древнихъ грековъ и римлянъ, которые первые дали міру примѣръ прогрессивнаго типа цивилизаціи и проложили въ этомъ отношеніи пути и современному европейскому человечеству. Не забудемъ, что и кальвинизмъ провозгласилъ догматъ о предопредѣленіи, но, конечно, никто не назоветъ голландцевъ и французскихъ швейцарцевъ народомъ, осужденнымъ на косность и вырожденіе. Въ томъ случаѣ, когда религіозное мышленіе покрываетъ собою все національное мышленіе и является руководителемъ всѣхъ земныхъ дѣлъ, государственныхъ, общественныхъ и частныхъ, ученіе о предопредѣленіи можетъ сослужить очень опасную службу, но въ этомъ случаѣ оно комбинируетъ свое дѣйствіе съ вліяніемъ переразвитія духовнаго авторитета, подавившаго всякое свѣтское просвѣщеніе, всякую критику, всякое творчество. Это то состояніе полной духовной опеки и является главною основною причиною косности и вырожденія, а фатализмъ лишь усиливаетъ его значеніе. Это же состояніе полной духовной опеки и есть основной законъ ислама. Широкая арабская фантазія дала въ коранѣ отвѣтъ на всѣ философскіе, научные и общественные вопросы и не оставила мѣста для продолженія умственной жизни, для философіи,

науки и законодательства. Вышеуказанныя преимущества ислама (демократическое равенство и упраздненіе національной нетерпимости), вмѣстѣ съ заманчивыми обѣтами магометова рая, обезпеченнаго правовѣрному мусульманину, вмѣстѣ съ многовѣковой традиціей и многовѣковымъ вытравленіемъ навыковъ критики и умственнаго творчества, обезпечиваютъ исламу преданность народныхъ массъ, но столько же обезпечиваютъ умственную неподвижность, отсутствіе критической и творческой мысли, отсутствіе реформаторской дѣятельности, словомъ отсутствіе цѣлесообразности и торжество естественныхъ процессовъ, какъ они мною очерчены въ прошломъ *Дневникѣ*, процессы вырожденія и упадка.

Отсутствіе свѣтскаго просвѣщенія и совершенное исчезновеніе творческой и критической мысли являются и сами по себѣ вполне достаточною причиною историческаго циклизма, но исламъ не ограничивается утвержденіемъ этого одного фактора «естественности». Онъ овеиваетъ полигамію съ гаремомъ, какъ узаконенную форму семьи, и военный деспотизмъ, какъ предписанную религіей форму правленія. Каждой изъ этихъ причинъ, даже отдѣльно взятой, вполне достаточно для совершеннаго вырожденія и деморализаціи правящихъ классовъ. Къ тому же, какъ я старался показать въ прошломъ *Дневникѣ*, ведетъ и господство идеи избранности, идеи, столь свойственной мусульманскому міровоззрѣнію. Если прибавимъ уже упомянутое растлѣвающее вліяніе сожительства съ порабощенною и презираемою раей, вліяніе фатализма и фанатическую враждебность къ Европѣ, единственной носительницѣ прогрессивныхъ формъ быта, то едва-ли даже самое оптимистическое настроеніе оставить у насъ сколько нибудь надежды на возможность переработки мусульманской культуры по европейскому прогрессивному типу. Нѣкоторые указанныя преимущества ислама охраняютъ народныя массы отъ вырожденія тамъ, гдѣ мусульманское населеніе настолько численно преобладаетъ, что растлѣвающее вліяніе угнетенія безправной раи и господства не имѣетъ возможности сказаться въ сколько нибудь замѣтномъ масштабѣ, а по той же причинѣ (вслѣдствіе отсутствія безправнаго населенія, у котораго всегда можно отнять женщину) и полигамія не можетъ захватить народныя массы. За то правящіе классы находятся въ условіяхъ, какъ бы нарочито созданныхъ для вырожденія: и полигамія, и рабовладѣніе, и деспотизмъ, и совершенная духовная опека, и фатализмъ, и самоиѣніе избранности. И дѣйствительно, правящіе классы Турціи, Персіи, Бухаріи, Марокко находятся въ состояніи полнаго вырожденія и упадка. Умственная вялость, чудовищная порочность, почти поголовная продажность, полное отсутствіе инициативы, фанатическое невѣжественное самоиѣніе, лживость и вѣроломство, такъ жестоко характеризуютъ всѣ наблюдатели и исследователи мусульманскаго востока его правящіе и господствующие классы, но особенно правящіе и господствующие классы Турціи. Въ этомъ

отношенія въ Европѣ уже нѣтъ двухъ мнѣній: никакая реформа невозможна, потому что всякая реформа въ рукахъ турецкой администраціи будетъ пустымъ звукомъ. Возрожденіе возможно или путемъ, свойственнымъ Востоку, путемъ поднятія изъ сохранившихся еще народныхъ глубинъ новыхъ свѣжихъ наслоеній, которыя начнутъ новый циклъ, или же путемъ цѣлесообразно направленной эволюціи къ переработкѣ по прогрессивному типу.

IV.

Армянскій вопросъ юридически созданъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ 19 февраля 1878 года, а затѣмъ вошелъ и въ англо-турецкую конвенцію того же года и въ самый Берлинскій трактатъ. Санъ-Стефанскій договоръ выговорилъ армянамъ самоуправленіе и равенство, гарантированное составомъ провинціального управленія и организаціей христіанской жандармеріи. Важнымъ постановленіемъ было однако требованіе, чтобы реформы были введены прежде очищенія эрзерумскаго вилайета русскими войсками. Это гарантировало введеніе реформъ по крайней мѣрѣ этому вилайету. Англо-турецкая конвенція повторяла тѣ же требованія, распространила ихъ на другія провинціи азіатской Турціи, поставила подъ контроль англійскихъ агентовъ и подъ этими условіями гарантировала султану неприкосновенность его азіатскихъ владѣній, общая вмѣстѣ съ тѣмъ умирить русскія требованія въ Азіи. Англія на берлинскомъ конгрессѣ сдержала свои обѣщанія. Она настояла на сокращеніи русскихъ пріобрѣтеній въ Великой Арменіи; Баязетъ, Алашкертъ, Даяръ, Зивинъ, Деве-Боюинъ были возвращены туркамъ, уже отказавшимся отъ нихъ по Санъ-Стефанскому договору. Не менѣе серьезное значеніе имѣло и постановленіе, по которому Россія очищала эрзерумскій вилайетъ отъ всякой зависимости отъ проведенія реформъ, которыя взяты были подъ покровительство всей Европы. Такимъ образомъ, гарантія русской оккупациі была уничтожена и часть страны, уже освобожденной изъ подъ турецкаго владычества, была возвращена туркамъ. Общая гарантія Европы и спеціальныи контроль Англіи должны были замѣнить армянамъ эти преимущества Санъ-Стефанскаго договора. Между тѣмъ Турція, заплативъ англичанамъ за ихъ содѣйствіе Кипромъ, а австрійцамъ—Босніей и Герцеговиной, считала себя покровитавшеюся съ своими покровительницами, а постановленія берлинскаго трактата о реформахъ въ Арменіи и Македоніи приличной декорацией, въ родѣ тѣхъ, которыя она уже не однажды выставляла міру, всѣ эти гатти-шерифы и гатти-гуммаюны. Европа, однако, по инициативѣ Гладстона, попробовала было въ 1880 году настоять на выполненіи турецкихъ обѣщаній. Затѣмъ была цѣлая обширная дипломатическая переписка; писались ноты, и тождественныя, и коллективные; порта отписывалась и не скупилась словесными обѣща-

ніями. Мысль прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ со стороны соединенной Европы не встрѣтила сочувствія въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Соглашеніе не состоялось и все осталось по старому до 1894 года, когда разнеслась вѣсть о сассунской рѣзни. Это далеко не первая и вѣроятно не послѣдняя рѣзня христіанской райи. Въ одномъ только XIX вѣкѣ и считая только тѣ рѣзни, которыя стоили болѣе 10 тыс. душъ, Фр. Гринъ, американскій миссіонеръ, опредѣляетъ слѣдующіе итоги:

Въ 1822 г.	избиты греки, особенно въ Хіосѣ	50,000
» 1850 »	несторіанцы и армяне въ Курдистанѣ .	10,000
» 1860 »	марониты и сирійцы въ Ливанѣ и Дамаскѣ	11,000
» 1876 »	болгары въ Болгаріи	10,000
» 1894 »	армяне въ Арменіи, Сассунѣ	12,000

Итого 93,000

Эти цифры указываютъ на размѣры упомянутыхъ разгромовъ. Нижеслѣдующія извлеченія объясняютъ поводъ, по которому они произошли, и способы, которыми, они приведены были въ исполненіе.

Первое извлеченіе касается грековъ:

«Ударъ былъ задуманъ заранѣе. Султанъ Махмудъ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать на каждый успѣхъ греческихъ повстанцевъ приказаніемъ, чтобы въ беззащитныхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было никого, кромѣ женщинъ, дѣтей и безобидныхъ купцовъ, произведенъ былъ разгромъ; при этомъ жители подвергались насилію и уводились въ рабство. Послѣ первой побѣды Канариса, мирный торговый городъ Сидонія былъ немедленно сожженъ. Турецкій адмиралъ былъ разбитъ въ Самосѣ; по этой причинѣ на Кипрѣ въ теченіе 30 дней производилась рѣзня. Когда Паликаръ взялъ городъ Триполицу въ Морей, жители Кассандры во Фракіи были отданы шайкамъ арнаутовъ. Султанъ пожелалъ принять новыя репрессивныя мѣры, чтобы терроризировать райю. Онъ имѣлъ осторожность не остановить своего выбора на Критѣ, потому что тамъ его низамъ былъ бы встрѣченъ ружейными выстрѣлами. Хіосъ представлялъ легкую добычу; населеніе острова ничто не подозрѣвало, потому что всегда находилось въ хорошихъ отношеніяхъ съ Портой и даже отказалось принять участіе въ возстаніи Элады и острововъ. Хіоты всегда были самыми услужливыми, покорными и боязливыми изъ всей райи. Тайныя общества, пытавшіеся поднять греческій народъ, не удостоили даже сообщить этимъ островитянамъ свои проекты народнаго возстанія. 8 мая 1821 года неустрашимый Томбазісъ съ 15 бригами изъ Гадры и 10 шкунами изъ Псары, появился передъ островомъ, но такъ какъ его патріотическія предложенія были дурно приняты, то онъ удалился. Жители Хіоса, желая дать новыя доказательства своей покорности, послали туркамъ большія суммы де-

негъ, много заложниковъ и все свое оружiе: у нихъ были отобраны даже маленькiе ножи, которыми они рѣжутъ хлѣбъ. Въ это именно время, на Пасху 1822 г., капитанъ-паша бросилъ якорь въ бухтѣ, съ 7 судами и 8 фрегатами. Такъ какъ множество жителей, испуганныхъ видомъ этого флота, убѣжало въ горы, то ихъ вернули, общая имъ безопасность и отправивъ къ нимъ нѣкоторыхъ консуловъ, которые были настолько просты, что добросовѣстно позволили вовлечь себя въ этотъ гнусный обманъ. Турецкiй адмиралъ привелъ съ собой палачей, именно баши-бузукъ изъ Румелин, вейбековъ и юрукъ изъ Малой Азiи. Собралось также не мало искателей приключенiй, привлеченныхъ жаждой добычи и богатствами страны, изобилующей хлѣбомъ и золотыми монетами и славящейся женщинами. Въ назначенный для этого день весь этотъ сбродъ сѣлъ въ лодки, вооруженный пистолетами и ножами, и затѣмъ началась рѣзня. Для многихъ турокъ это избиенiе являлось не болѣе какъ грандіозною шуткой, исполненнымъ «бакшишемъ». Они рѣзали и жгли цѣлый день; а вечеромъ подсчитывали цѣну рабовъ, овецъ и козъ, загнанныхъ вмѣстѣ въ поруганныя церкви. Дѣти и женщины избѣгали смерти; молодость и красота опасали ихъ отъ избиенiя, чтобъ обречь или поворному насилiю или постыдной участи гаремнаго существованiя. Ихъ уводили длинными веревницами, выставляли на рынкахъ и продавали на базарахъ Смирны, Константинополя и Бруссы. Всѣ оказывавшiя сопротивленiе безпощадно убивались. Въ Местѣ одна молодая дѣвушка кричала и боролась съ арнаутъ; негодай схватить ее за распутившіеся волосы, откинулъ назадъ голову и отдѣлилъ ее саблей отъ туловища. Лицо, описывавшее эту сцену, было ея очевидцемъ».

Относительно избиенiя несторiанцевъ въ 1850 году Лайярдъ говоритъ, что по умерщвленiи 9.000 человекъ «1.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей спрятались въ горныхъ мѣстахъ. Бедеръ-ханъ-бегъ, офицеръ, занимавшiй видный постъ на службѣ у султана, не будучи въ состоянiи взять приступомъ укрѣпленiе, окружилъ его и выждалъ, пока осажденные подъ давленiемъ жажды и голода не оказались вынужденными сдаться. Тогда онъ предложилъ имъ пощаду подъ условiемъ сдачи оружiя и имущества; это условiе было закрѣплено клятвой на Коранъ, и послѣ этого на сцену были выпущены курды. Обезоруживъ плѣнниковъ, они начали безъ разбору умерщвлять ихъ и занимались убiйствомъ, пока не утомились; тогда немногихъ оставшихся еще въ живыхъ они сбросили со скалъ въ рѣку Забъ. Изъ 1.000 человекъ спасся только одинъ».

Относительно избиенiя маронитовъ и сирiйцевъ въ 1860 году сообщается:

«Неджибъ-паша, назначенный губернаторомъ Дамасскаго пашалыка, по возвращенiи Сирiи султану въ 1840 году, заявилъ одному негласному агенту британскаго консульства въ этомъ городѣ, не зная положенiя этого лица, что «турецкое правительство можетъ

поддержать свое владычество въ Сиріи, только истребляя христіанское населеніе». То, что Неджибъ-паша высказалъ въ качествѣ теоретическаго положенія, Куршидъ-паша примѣнилъ на практикѣ черезъ 20 лѣтъ послѣ приведеннаго заявленія. И такъ Неджибъ-паша въ 1840 г., Бедеръ-ханъ въ 1850, Куршидъ-паша въ 1860, Шефкетъ-паша въ 1876 и Цекки-паша въ 1894 г., послѣдовательно работали надъ благородной и гуманною задачей освобожденія Турецкой имперіи отъ излишка ея христіанскаго населенія!»

Нижеслѣдующіе факты относятся къ жасающимъ жестокостямъ, совершеннымъ баша-бузуками въ Болгаріи весной 1876 г. Приводимъ дословную выписку изъ предварительнаго доклада американскаго генеральнаго консула Евг. Шюллера представителю Соединенныхъ Штатовъ въ Константинополь, Горацію Мейнару: Филиппополь, 10 августа 1876 г. «М. Г., относительно жестокостей и рѣзни, произведенныхъ турками въ Болгаріи, имѣю честь довести вамъ, что я посѣтилъ города Адрианополь, Филиппополь и Татаръ Базарджикъ, а также селенія въ сосѣднихъ округахъ. На основаніи того, что я лично видѣлъ, узнать путемъ произведеннаго мною разслѣдованія и почерпнулъ изъ полученныхъ свѣдѣній, я установилъ слѣдующіе факты: Мятельныя селенія оказывали очень незначительное сопротивленіе или вовсе не сопротивлялись. Во многихъ случаяхъ они сдавали оружіе по первому требованію. Почти всѣ селенія, атакованныя башибузуками, были сожжены и подвергнуты разграбленію; такая же участь постигла и тѣ селенія, которыя были покинуты жителями. Населеніе нѣкоторыхъ деревень было избито, подвергшись самымъ ужаснымъ жестокостямъ; при этомъ были совершены насилія не только надъ женщинами и дѣвушками, но и надъ лицами другого пола. Эти преступленія совершались какъ регулярными войсками, такъ и баша-бузуками (не регулярными). Число сожженныхъ селеній въ округахъ Филиппополя, Ропчи и Татаръ-Базарджика достигаетъ по крайней мѣрѣ 65. Особенное вниманіе было обращено войсками на церкви и школы, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ были разрушены при помощи керосина и пороха. Трудно опредѣлить число болгаръ, убитыхъ въ нѣсколько дней во время безпорядковъ; но я склоненъ считать не менѣе 15.000 для тѣхъ округовъ, которые были поименованы мною... Одна деревня, не произведя ни одного выстрѣла, сдалась баша-бузукамъ, которыми командовалъ начальникъ сельской полиціи Ахмедъ-ага. Жителямъ была обѣщана пощада, тѣмъ не менѣе, какъ только оружіе было сдано, Ахмедъ-ага приказалъ разрушить селеніе и безъ разбора убивать жителей; около 100 дѣвушекъ были пока оставлены въ живыхъ для того, чтобъ удовлетворить сладострастіе побѣдителей, прежде чѣмъ подвергнуться смерти. Въ этой прекрасной долигѣ теперь не осталось ни одного дома. Изъ 8.000 жителей, сколько извѣстно, не осталось въ живыхъ и 2.000 человекъ. Ахмедъ-ага, руководившій рѣзней, получилъ потомъ орденъ и произведенъ въ

una-bashi. Эти жестокости были совершенно излишни для подавления мятежа, который, если и былъ, то имѣлъ ничтожные размѣры; къ тому же поселане вообще сдавались по первому требованію». Присоединяемъ еще бѣглое описаніе трехъ погромовъ, не вошедшихъ въ выше приведенный списокъ, потому что въ него не включены извѣстія, число жертвъ которыхъ не достигало за одинъ разъ 10.000 челоуѣкъ.

21 іюля 1867 г. британскій, русскій, французскій и итальянскій консулы въ Канеѣ на о. Критѣ отправили своимъ правительствамъ слѣдующую тождественную телеграмму: «Внутри острова произошло извѣстіе женщинъ и дѣтей. Власти не могутъ ни подавить беспорядковъ, ни прекратить эти жестокости. Во имя челоуѣколюбія настоятельно необходимо немедленно остановить враждебныя дѣйствія или перевезти женщинъ и дѣтей въ Грецію».

Согласно этому заявленію было послано къ Криту четыре французскихъ судна, три русскихъ, два итальянскихъ, три австрійскихъ и одно прусское.

С. Б. Норманъ, специальный корреспондентъ *The London Times*, сообщаетъ о насиліяхъ въ Арменіи въ 1877 г.

«Мнѣ невозможно было составить исчерпывающее описаніе, но со всѣхъ сторонъ, какъ съ турецкой, такъ и съ армянской, я слышу жалобные рассказы объ отчаяніи, царящемъ во всемъ Курдистанѣ: селенія покинуты, города брошены, торговля въ застоѣ, жатва готова для серпа, но некому собрать ее, мужья носить трауръ по своимъ обвѣченннымъ женамъ, дѣти — по убитымъ родителямъ; и это не есть дѣло державы, агрессивной политики которой никто не можетъ защищать: это — мрачныя дѣянія турецкихъ регулярныхъ войскъ надъ самыми мирными жителями Турціи, — дѣянія, совершители которыхъ хорошо извѣстны и тѣмъ не менѣе остаются безнаказанными... Простой пересказъ ужасовъ, совершенныхъ этими демонами, достаточенъ для того, чтобы привлечь виновныхъ къ достойному наказанію. Предметъ этотъ слишкомъ тягостенъ, для того чтобы нужно было еще огущать краски, если бы мое слабое перо и могло это сдѣлать».

Приводимъ нѣсколько случаевъ изъ цѣлаго ряда:

«Эта шайка также атаковала селеніе Корджотъ; женщинъ изнасиловали, а дѣвушекъ отвели въ холмы; войдя въ церковь, они сожгли библію и священныя изображенія и, поставивъ на алтарь чашу для причастія, по очереди оскверняли ее; церковную посуду они подѣлили между собою... Люди шейка Обейдула соревновали съ своими товарищами подъ флагомъ Джедалудина; они дѣйствовали между Ваномъ и лагеремъ Фанкъ-пани. Они атаковали и разграбили селенія Шакбаджи и Аднагамъ, уведя съ собой всѣхъ мальчиковъ и дѣвушекъ. Въ Кушарцѣ они произвели то же самое и, убивъ 500 овецъ, оставили ихъ гнить на улицахъ и тогда зажгли селеніе. Хоспъ, Ярапинъ, Аствадзавинъ, Богацъ и Арегъ

подверглись той же участи; церкви были разграблены и осквернены, могилы разрыты, молодежь обоихъ половъ уведена, хлѣбъ, который они не могли захватить съ собой, былъ уничтоженъ, а жители выведены голыми въ поля, откуда они съ ужасомъ видѣли свои дома, объятые пламенемъ».

Объ избиеніи іезидовъ около Мосула въ 1892 г.: «Іезиды представляютъ остатокъ языческой секты, которая никогда не была обращена въ мусульманскую вѣру. Ихъ священное мѣсто расположено недалеко отъ города Мосула, всего въ разстояніи одного дня ѣзды; тамъ же находятся и главныя ихъ селенія. *Дѣломъ 1892 года султанъ специально отправилъ въ Мосулъ офицера, по имени Ферикъ-Паша, которому поручено было исправить нѣкоторые недостатки управленія, собрать недоимки и обратить въ мусульманство іезидовъ.* Онъ пользовался неограниченною властью, и мѣстный губернаторъ былъ подчиненъ ему. Всѣ говорили, что ему обѣщана была опредѣленная сумма за каждого обращеннаго іезида. Онъ прежде всего послалъ къ нимъ учителей, чтобъ они обратили ихъ въ «истинную вѣру». Когда эта попытка окончилась неудачей, паша предложилъ іезидамъ выбирать между Кораномъ и мечомъ. Но такъ какъ іезиды все-таки не покорялись, то противъ нихъ подъ начальствомъ сына паши отправлены были войска, которыя предали мечу всѣхъ неуспѣвшихъ спастись бѣгствомъ и отказавшихся принять магометанство. Селенія іезидовъ были сожжены; многіе изъ нихъ безжалостно убиты, нѣкоторые подверглись пыткамъ, женщины и молодыя дѣвушки подверглись насилію и были уведены въ гаремы; при этомъ совершены были и другія жестокости, слишкомъ ужасныя, чтобъ описывать ихъ. Тѣ, которые убѣжали, пробрались въ горы Синжаръ, гдѣ они вмѣстѣ съ своими единоплеменниками - горцами, укрѣпились и успѣшно защищались противъ правительственныхъ войскъ».

Наиболѣе полное описаніе сассунской рѣзни 1894 г. находимъ у вышеупомянутаго Грина. Свѣдѣнія собраны на мѣстѣ отъ осѣдомленыхъ европейцевъ и очевидцевъ, въ томъ числѣ мусульманъ. Началось съ того, что нѣкоторыя селенія сассунской долины, ограбленныя курдами, не внесли подати. Съ этимъ совпали нѣкоторые аресты агитаторовъ.

«Въ концѣ мая 1893 г. агитаторъ не изъ мѣстныхъ жителей, Даматіанъ, былъ арестованъ около Муша. Правительство подозрѣвало, что въ Тальворикскихъ деревняхъ находили пріютъ такіе агитаторы, и отдало приказъ нѣкоторымъ курдскимъ вождямъ напасть на этотъ округъ; при этомъ оно приняло на себя отвѣтственность за всѣ убійства, которыя совершаютъ курды, и обѣщало послѣднимъ всю добычу.

Вскорѣ послѣ того, какъ Даматіанъ былъ доставленъ въ Битлисъ, въ первую недѣлю іюня мѣсяца бакрандійскіе курды начали собираться за Тальворикомъ. Поселяне, видя, что курды прибы-

вають съ каждымъ днемъ и достигаютъ уже нѣсколькихъ тысячъ человекъ, заподозрили ихъ намѣренія и стали готовиться. На восьмой день завязалась битва. Болѣе сильное положеніе поселянъ дало имъ возможность причинить значительный ущербъ непріятелю съ небольшими потерями съ своей стороны. При такихъ обстоятельствахъ генералъ-губернаторъ выступилъ въ Мушъ съ войсками и двумя полевыми орудіями и вступилъ въ округъ вблизи Тальворика, но считалъ ли онъ свои силы недостаточными или получилъ приказаніе не нарушать спокойствія, только онъ не произвелъ нападенія и ограничился тѣмъ, что держалъ осаду. Прежде чѣмъ удалиться, онъ, отдавъ заложниковъ, устроилъ свиданіе съ наиболѣе вліятельными людьми въ Тальворикѣ и спросилъ ихъ, почему они не подчиняются правительству и не платятъ податей. Они отвѣчали, что не возстаютъ противъ правительства, но не могутъ платить подати два раза, курдамъ и правительству. Еслибы правительство защитило ихъ, они платили бы ему подати. Отъ переговоровъ ничего не послѣдовало и осада продолжалась до тѣхъ поръ, пока выпалъ снѣгъ. Раннею весной курдамъ нѣсколькихъ племенъ было отдано приказаніе произвести нападеніе на деревни Сассуна, между тѣмъ войска были отправлены изъ Муша и Витлиса; они захватили при этомъ военные запасы и провіантъ и десять муловъ, нагруженныхъ керосиною (80 жбановъ). Весь округъ былъ осажденъ курдами и войсками. Деревни, подвергшіяся такимъ образомъ осадѣ, отъ времени до времени производили вылазки, чтобы добывать себѣ пищу. Однажды курды увели нѣсколько быковъ; владѣльцы послѣднихъ прослѣдили свой скотъ до курдскаго стана и увидѣли, что одинъ быкъ уже убитъ. Они потребовали выдачи остальныхъ, но имъ отказали въ этомъ; тогда поселяне удалились и черезъ нѣсколько времени вернулись съ нѣсколькими товарищами. Произошла стычка, въ которой двое или трое были убиты съ обѣихъ сторонъ. Курды представили своихъ убитыхъ властямъ въ Мушѣ. Власти немедленно начали собирать солдатъ, собрали отъ 8 до 10 таборовъ (полковъ). Курдовъ набралось до 20.000; кромѣ того около 500 человекъ кавалеріи гамидіе прибыли въ Мушъ. Сначала были выпущены курды, а войска не показывались. Нѣкоторыя части войскъ одѣлись въ курдскій костюмъ и помогали курдамъ съ большимъ успѣхомъ. Небольшіе отряды вступили въ нѣсколько деревень, заявляя, что пришли, чтобы защитить вѣрныхъ подданныхъ. Ихъ расквартировали по домамъ, но они поднялись ночью и перебили спавшихъ поселянъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Тогда началась рѣзня, длившаяся около 23 дней или, въ общемъ, съ середины августа до середины сентября. Ферикъ-паша (маршалъ Зекки-паша), послѣдній прибывшій изъ Эрзинкиана, прочиталъ фирманъ султана объ истребленіи и затѣмъ, держа указъ на своей груди, увѣщевалъ солдатъ не уклоняться отъ исполненія своего долга. *Въ послѣдній день августа, т.-е. въ юдовщину восшествія*

султана на престолъ, солдатъ особенно утѣщевали отличиться, и они произвели въ этотъ день самую зѣркскую рѣзню. Другой такой же день выдался нѣсколько раньше, когда пролетѣлъ удивительный метеоръ. Во время разгрома не дѣлалось никакого различія между лицами и селеніями, все равно, держались ли они спокойно и заплатали ли подати или нѣтъ. Было приказано произвести полную чистку. Въ одномъ селеніи священникъ со старѣйшинами явились къ офицеру, предъявляя ему квитанцію въ уплатѣ податей и заявляя о своихъ вѣрнопопаническихъ чувствахъ и прося пощады; но селеніе было окружено и жители переколоты штыками. Въ Галогюзанѣ много молодыхъ людей были связаны по рукамъ и ногамъ, положены въ рядъ, покрыты хворостомъ и сожжены живыми. Другіе были схвачены и изрублены на куски. Въ другомъ селеніи были схвачены священникъ и нѣсколько старѣйшинъ; имъ обѣщали свободу, если они укажутъ, гдѣ укрылись остальные жители; когда же плѣнные отказались выдать своихъ односельчанъ, всѣхъ ихъ, кромѣ священника, убили. Вокругъ шеи священника была надѣта цѣпь, которую тянули съ противоположныхъ сторонъ, онъ нѣсколько разъ почти былъ удушенъ, но его приводили къ жизни; затѣмъ поставлено было остриями вверхъ нѣсколько штыковъ, на которые подбросили несчастнаго. Жители одного селенія, обратившись въ бѣгство, собрали женщинъ и дѣтей числомъ около 500 человекъ, и помѣстили ихъ въ пещерѣ въ одномъ ущельѣ. Черезъ нѣсколько дней солдаты нашли ихъ и убили тѣхъ, которые не успѣли еще погибнуть отъ голода. Въ другомъ селеніи выбрано было 60 молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, — ихъ заперли въ церковь и затѣмъ солдатамъ было разрѣшено поступить съ ними по своему желанію, послѣ чего заключенныя были убиты. Въ третьемъ селеніи 50 избранныхъ женщинъ были пощажены; ихъ увѣщевали перемѣнить вѣру и сдѣлаться госпожами въ турецкихъ гаремахъ, но онѣ съ негодованіемъ отказались отречься отъ Христа, предпочитая подвергнуться участи своихъ отцовъ и мужей. Народъ собирали въ дома и затѣмъ поджигали послѣдніе. Во время одного такого пожара изъ пламени выскочилъ маленькій мальчикъ; его посадили на штыкъ и бросили въ огонь. Нерѣдко дѣтей поднимали за волосы и разрывали пополамъ или разрывали имъ челюсти. Беременнымъ женщинамъ вскрывали животы; старшихъ дѣтей оттаскивали за ноги. Красивая, недавно обвѣчанная пара убѣжала на вершину холма; солдаты настigli молодыхъ людей и сказали, что пощадятъ ихъ за красоты, если они примутъ исламъ, но мысль объ ужасной смерти, которая, какъ извѣстно было бѣглецамъ, должна была постигнуть ихъ, не помѣшала имъ исповѣдать Христа. Послѣднее столкновеніе произошло на горѣ Андокъ (на югъ отъ Муша), гдѣ нѣсколько тысячъ человекъ искали убѣжища. Курды посылались отрядами для нападенія на бѣглецовъ, но въ теченіе 10—15 дней не могли добраться до нихъ. Солдаты также направляли противъ армянъ свои горныя орудія и наносили

ими нѣкоторый уронъ. Наконецъ, когда осажденные пробыли нѣсколько дней безъ пищи и ихъ военные запасы истощились, войскамъ удалось достигнуть вершины безъ всякаго урона для себя, и едва ли кто-нибудь изъ бѣглецовъ спасся. Тогда все вниманіе было обращено на тѣхъ, которые были загнаны въ Тальворикскій округъ... Часть ихъ перебили ружейными выстрѣлами, а остальные были уничтожены саблями и пиками, такъ что въ концѣ концовъ отъ грудъ убитыхъ потекла настоящая рѣка крови. Если бы даже кто-нибудь получилъ возможность посѣтить округъ онъ могъ бы опредѣлить только приблизительно число жертвъ, потому что многіе трупы были свалены въ рвы и засыпаны землей, и теперь дождь уже смылъ слѣды ихъ могилъ. Тамъ, гдѣ такихъ рововъ не существовало, тѣла убитыхъ, перекоженные дровами, складывались въ кучи, обливались керосиномъ и сжигались. Но повидимому несомнѣнно, что селенія всего округа уничтожены. Одинъ курдскій вождь, явившійся со своими людьми слишкомъ поздно, напелъ, что ему ничего не осталось дѣлать и, повернувъ назадъ, овладѣлъ всей добычей, какой могъ, въ деревнѣ Манингъ (Maïneeg), около Гаводарика. Солдаты, находившійся въ карантинѣ, сказали, что онъ убилъ 5 человѣкъ, и что онъ убилъ между тѣмъ меньше, чѣмъ кто-либо другой. Другой сообщилъ, что онъ убилъ 100 человѣкъ. Какой-то солдатъ поссорился съ армяниномъ на битлисскомъ рынкѣ и кричалъ, что они убили тысячи и тысячи и скоро обратятся къ армянамъ, живущимъ въ городѣ. Повидимому, можно безъ опасеній сказать, что 40 деревень совершенно разрушены, и представляется вѣроятнымъ, что убито по меньшей мѣрѣ 16.000 человѣкъ. *Самая низкая цифра 10.000, но многіе считаютъ гораздо больше* *)).

Довольно, однако, съ насъ этихъ ужасныхъ сценъ. Ихъ слишкомъ достаточно, чтобы убѣдить самаго закоренѣлаго скептика въ томъ, что отпадна турецкаго господства является безусловно единственнымъ способомъ рѣшенія армянскаго и вообще восточнаго вопроса. Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Не говоря о томъ, что это невозможно безъ кровопролитной войны, является вопросъ, чѣмъ замѣнить турецкое господство? Въ Европейской Турціи, гдѣ за исключеніемъ Албаніи всюду христіанское населеніе составляетъ значительное большинство, рѣшеніе вопроса было проще. Освобожденіе Греціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, обезпеченіе черногорской независимости, учрежденіе автономіи на Критѣ и Самосѣ явились такими послѣдовательными рѣшеніями исторической проблемы. Въ настоящее время изъ двадцати милліоновъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ и острова Архипелага, лишь около пяти милліоновъ осталось подъ непосредственнымъ владычествомъ турковъ, и

*) «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.» М. 1896. Стр. 235 и слѣд.

остальные три четверти населенія, еще въ началѣ XIX вѣка находившіяся въ состояніи безправной и подавленной раи, уже освобождены и постепенно приобщаются къ европейской цивилизаціи. Значительно затруднительнѣе подобное же рѣшеніе въ оставшихся европейскихъ областяхъ Турціи. Во Фракіи эта затруднительность зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что паденіе турецкаго господства здѣсь связано съ новымъ господствомъ надъ проливами и Константинополемъ. Усиливается сложность положенія тѣмъ, что христіанское большинство Фракіи состоитъ изъ болгаръ и грековъ, находящихся въ постоянномъ антагонизмѣ. Такое же соперничество между греками, болгарами и сербами осложняетъ рѣшеніе македонскаго вопроса, но и тамъ узелъ затрудненій въ великодержавныхъ интересахъ, именно въ видахъ Австріи на Салоники и въ неодобреніи этихъ видовъ со стороны достаточно сильной группы державъ. Отказъ Россіи отъ господства въ проливахъ и отказъ Австріи отъ Салоникъ при раздѣлѣ Фракіи, Македоніи и Архипелага между греками, болгарами и сербами; или предоставленіе Россіи власти надъ проливами, Австріи—Салоникъ при упомянутомъ раздѣлѣ остальной территоріи—таковы два возможныхъ рѣшенія, которыя Европа и приметъ рано или поздно, если не предпочтетъ этому компромиссу великодержавныхъ и мѣстныхъ національных интересовъ войну безъ всякаго компромисса. Необходимость дать соответственную компенсацію другимъ державамъ является тоже серьезнымъ препятствіемъ къ немедленному упраздненію турецкаго господства въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ направленіе рѣшенія ясно: освобожденіе христіанскаго большинства и согласованіе нѣкоторыхъ первостепенныхъ политическихъ и экономическихъ интересовъ великихъ державъ.

Гораздо затруднительнѣе, запутаннѣе и сложнѣе рѣшеніе восточнаго вопроса въ Азіатской Турціи, гдѣ за исключеніемъ немногихъ мѣстностей всюду преобладаютъ мусульмане. Формула освобожденія не можетъ быть примѣнена даже къ Арменіи, сравнительно болѣе христіанской. Отдѣливъ Арменію отъ Турціи, мы получили-бы государство съ населеніемъ на одну треть только армянскимъ, на другую треть курдскимъ и на третью преимущественно турецкимъ. При самоуправленіи господство досталась бы курдамъ; того же они легко достигли бы силою. Армяны пришлось бы охранять европейскою оккупаціей. Вдобавокъ Арменія нигдѣ не имѣла бы доступа къ морю (ни къ Черному, ни къ Средиземному), что впередъ ставило бы новое государство въ самыя неблагоприятныя условія для развитія культуры, а включеніе вилайетовъ Тривизонда (со стороны Чернаго моря) и Алеппо (со стороны Средиземнаго), давая прекрасныя и выгодныя границы, еще усилило бы мусульманскій элементъ и вдобавокъ ввело бы новыя національныя соперничества со стороны грековъ, еирійцевъ, лавовъ, не склонныхъ подчиниться армянской супрематіи. Въ такихъ условіяхъ, при невѣжественномъ,

нетерпимомъ и возбужденномъ населеніи, это пятое армянское царство не могло бы существовать самостоятельно. Такимъ образомъ, армянскій вопросъ, какъ и вопросъ объ упорядоченіи дѣлъ въ другихъ частяхъ Азіатской Турціи, не можетъ быть рѣшенъ балканскимъ методомъ. Вмѣсто освобожденія необходима европейская оккупация и европейская администрація, которая лишь не скоро можетъ пересоздать внутреннія отношенія, препятствующія самостоятельному развитію.

Рѣшеніе вопроса только что указаннымъ путемъ вызываетъ съ другой стороны взаимное недоверіе и соперничество державъ. Рѣшеніе это едва ли осуществимо безъ кровопролитной войны, и не только съ Турціей, но и между соперничающими на Востокъ державами. Естественно, если державы колеблются передъ этою жестокою перспективою и предпочитаютъ отдѣливаться такими паллиативами, какъ всѣмъ хорошо извѣстныя турецкія «реформы»... Правда, есть одно рѣшеніе — общеевропейская оккупация, передъ которою Турція была бы безсильна и которая могла бы гарантировать странѣ внутреннюю безопасность, миръ, самоуправленіе и доступность свѣтскаго просвѣщенія, т. е. условія, способныя постепенно переработать типъ культуры и навыки населенія, подготовивъ его для самостоятельной жизни. Страна достаточно богата, чтобы оплатить издержки общеевропейской оккупации. Не мало извлекла бы Европа выгодъ и изъ экономическихъ сношеній съ возрождающимся краемъ. Моральное же значеніе такой рѣшимости со стороны соединенной Европы такъ очевидно, что не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

Едва-ли въ настоящее время можно ожидать этой рѣшимости, но опасеніе всеобщей войны такъ усиливается, желаніе ее избѣгнуть такъ натурально, а указанное рѣшеніе такъ для всѣхъ безобидно, что я не берусь предсказывать его совершенной невозможности въ будущемъ...

С. Юмаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Слухи и толки о денежной реформѣ.

Вопросъ о предстоящей денежной реформѣ привлекаетъ къ себѣ живой и широкій общественный интересъ. Въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время ни о чемъ, кажется, не говорятъ такъ много и такъ горячо, какъ о золотомъ и бумажно-денежномъ обращеніи, «девальваціи», «фиксациі курса» и тому подобныхъ мудреныхъ вещахъ, о которыхъ ранѣе рѣдко приходилось не только ду-

мать, но и слышать большинству обывателей. Разсужденіями на тѣмъ о томъ, какая судьба постигнетъ накопленное въ подвалахъ государственнаго банка золото съ открытіемъ широкаго и безпрепятственнаго размѣна бумажекъ, разольется ли оно «по каналамъ денежнаго обращенія» внутри страны, или, по прежде бывшимъ примѣрамъ, уплыветъ въ болѣе теплыя страны на западъ, а мы, какъ старуха въ сказкѣ о золотой рыбкѣ, останемся по прежнему въ ветхой избушкѣ, съ разбитымъ корытомъ въ видѣ обезцѣненныхъ бумажекъ—такими разсужденіями полны столбцы газетъ и большихъ, и малыхъ. Мудренныя слова и неслыханныя ранѣе имена финансовыхъ авторитетовъ такъ и пестрятъ предъ глазами читателя. Даже въ мелкой прессѣ онъ встрѣчаетъ ссылки на «профессора Лексиса» (который въ данную минуту играетъ въ нашихъ сужденіяхъ роль, нѣсколько напоминающую роль Алексиса де Токвиля въ устахъ щедринскихъ героев). Дебаты въ ученыхъ обществахъ собираютъ массы публики. Въ тѣснотѣ и въ духотѣ, въ атмосферѣ раскаленной не менѣе, чѣмъ споры сторонниковъ и противниковъ денежной реформы—толпы слушателей высжиживаютъ и выстаиваютъ длинныя вечера, усердно аплодируя ученымъ и неученымъ ораторамъ. Вольное экономическое общество посвятило уже пять засѣданій борьбѣ между «пессимистами» и «оптимистами» въ вопросѣ денежной реформы, и всѣ эти пять засѣданій залы его были переполнены внимательными и нервно-настроенными слушателями. Теперь дебаты перенеслись въ собранія общества содѣйствія торговлѣ и промышленности. Судя по газетамъ, и тамъ они привлекаютъ къ себѣ вниманіе очень широкихъ круговъ публики.

И этотъ почти лихорадочный интересъ совершенно понятенъ. Хотя намъ поясняютъ, что финансовое вѣдомство давно уже, «медленно и предусмотрительно» (*langsam und vorsichtig*—какъ говорить все тотъ же проф. Лексисъ) подготовляло реформу,—но рядовой обыватель все-таки очень мало къ ней былъ подготовленъ, и выработанный «въ типѣ министерскихъ канцелярій» проектъ свалился ему отчасти какъ снѣгъ на голову. А тутъ еще газеты оловѣстили слухъ, что осуществленіе реформы, объ основныхъ чертахъ которой публика только что узнала—опять-таки по газетнымъ, неофициальнымъ сообщеніямъ—должно послѣдовать немедленно, чуть не на-дняхъ. Нужно помнить при этомъ, что дѣло шло о такой реформѣ, которая могла коснуться каждого, кто что-нибудь продаетъ или покупаетъ на деньги, а не однихъ только профессиональныхъ торговцевъ или промышленниковъ. Естественно поэтому, что обыватель насторожился, а когда онъ услышалъ, что многіе ученые люди сомнѣваются въ успѣшности мѣръ, придуманныхъ въ финансовыхъ канцеляріяхъ для его облагодѣтельствованія,—то и встревожился.

Чтобы разсѣять эти понятныя тревоги и удовлетворить вполне законные запросы массы публики, необходима прежде всего широ-

кая гласность и широкое всестороннее обсужденіе предположеній объ урегулированіи денежнаго обращенія, выработанныхъ министерствомъ финансовъ. Надо думать, что финансовое вѣдомство не замедлитъ опубликованіемъ всѣхъ расчетовъ и матеріаловъ, послужившихъ основаніемъ для его проекта. Такія мѣропріятія, какъ измѣненіе системы денежнаго обращенія, мѣропріятія, которыми затрогиваются очень широкіе и существенные народно-хозяйственные интересы, не могутъ проводиться путемъ бюрократическимъ. Къ перекрестной ихъ провѣркѣ должны быть привлечены всѣ общественныя силы, которыя могутъ оказаться полезными. Во всякомъ случаѣ дѣло должно быть поставлено такъ, чтобы ознакомленіе съ фактической подкладкою законопроекта было доступно каждому, интересующемуся вопросомъ. Въ настоящее время оно стоитъ далеко не такъ. Во многихъ случаяхъ приходится довольствоваться простымъ вопросительнымъ знакомъ или строить разныя болѣе или менѣе гадательныя предположенія. Какъ бы то ни было однако, пока приходится разбираться въ вопросѣ хотя съ тѣмъ багажемъ, какой есть. Попробуемъ и мы, по мѣрѣ силъ, сдѣлать это въ излагаемыхъ ниже замѣткахъ.

Прежде всего, въ чемъ заключается сущность предположенной денежной реформы?

Основнымъ ея пунктомъ является возстановленіе *размѣстности кредитныхъ рублей* на звонкую монету.

Много десятковъ лѣтъ на нашихъ бумажкахъ значилась надпись, что «государственные кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государства и безостановочнымъ размѣномъ на звонкую монету изъ правительственнаго фонда», но, какъ извѣстно, *фактически* размѣнъ давно уже былъ прекращенъ и около сорока лѣтъ законнымъ платежнымъ средствомъ при сдѣлкахъ внутри страны служилъ неразмѣнный бумажный рубль. Такъ какъ по закону бумажнымъ деньгамъ присвоивалось при этомъ одинаковое со звонкою монетою хожденіе въ Имперіи, т. е. никто не имѣлъ права отказаться отъ платежа, который ему предлагался кредитными рублями (по нарицательной ихъ цѣнѣ)—и такъ какъ, съ другой стороны, на звонкую монету установилась въ торговлѣ цѣна высшая, чѣмъ на бумажные рубли—то звонкая монета (кроме мелкой размѣнной) совсѣмъ исчезла изъ обращенія и кредитный рубль остался *единственнымъ* платежнымъ средствомъ. Въ среднѣхъ прошлаго года, въ видѣ подготовительной мѣры къ возстановленію размѣна, разрѣшено было заключеніе сдѣлокъ на золото, т. е. на волю договаривающихся сторонъ было предоставлено включать въ сдѣлку условіе, что платежъ по ней долженъ производиться не бумажными деньгами, по ихъ нарицательной цѣнѣ, а золотомъ или бумажками по курсу (т. е. по той биржевой цѣнѣ, по которой онѣ

таксируются при международных расчетах). Эта мѣра должна была ввести золото въ обращеніе; но, насколько извѣстно, широкаго примѣненія въ жизни она не получила. Въ самое послѣднее время финансовое вѣдомство стало принимать золотую монету, по курсу 1 р. золотой за 1 р. 50 к. кредитныхъ, въ платежи и производить выдачи изъ казначействъ золотомъ по тому же курсу. Но законною платежною единицею всетаки остается бумажный рубль. Приѣмъ золота ни для кого не обязателенъ, а отъ приѣма кредитныхъ рублей—кромѣ случаевъ заранѣе договореннаго платежа звонкою монетою—никто не имѣетъ права отказаться.

Съ осуществленіемъ проектируемой реформы, звонкая монета снова сдѣлается законнымъ платежнымъ средствомъ, наравнѣ съ кредитнымъ рублемъ, а съ другой стороны, кредитный рубль сдѣлается размыннымъ.

Это правило въ сущности составитъ не нововведеніе, а только возстановленіе когда-то существовавшаго порядка. Но затѣмъ законопроектъ вводитъ и нѣсколько совершенно новыхъ началъ въ наше денежное обращеніе.

Основною монетою имперіи, по закону, считалось до сихъ поръ *серебро*. Хотя рядомъ съ серебряною чеканилась и золотая монета, но всѣ счеты велись на серебро. Теперь предполагается основною монетою сдѣлать монету *золотую*.

Дѣло въ томъ, что въ то время, когда создавалась наша монетная система, между обоими денежными металлами существовало довольно постоянное отношеніе по цѣнности, какъ 1 къ 15,5, т. е. стоимость 1 доли чистаго золота равнялась стоимости 15½ долей чистаго серебра. Съ тѣхъ поръ это отношеніе рѣзко измѣнилось. Подъ вліяніемъ ряда причинъ, о которыхъ здѣсь было бы слишкомъ длинно говорить, цѣнность серебра, особенно съ семидесятыхъ годовъ, стала быстро понижаться и теперь по отношенію къ золоту стоитъ вдвое ниже указанной нормы. Обезцѣненное и грозящее еще дальнѣйшимъ обезцѣненіемъ серебро является малопрігоднымъ матеріаломъ для основной денежной единицы. Поэтому новая реформа предоставляетъ эту роль другому, гораздо болѣе постоянному въ своей цѣнности денежному металлу — *золоту*. Отъ серебрянаго (номинальнаго) обращенія Россія должна перейти такимъ образомъ, по примѣру большинства другихъ европейскихъ государствъ, къ обращенію *золотому*.

По законопроекту денежной реформы золотая монета, составляя основную монету имперіи, имѣетъ платежную силу безъ ограниченія въ количествѣ. Серебряныя деньги остаются только для мелкихъ оборотовъ, какъ вспомогательная къ золотой единицѣ монета. Полноцѣнная серебряная монета *) будетъ обязательна къ приѣму

*) Въ настоящее время, какъ извѣстно, такою монетою являются четвертакъ, полтинникъ и рубль. Повидимому, тѣ же единицы останутся и впредь.

въ платежи (между частными лицами) въ количествѣ не свыше 50 рублей въ одинъ платежъ; въ казначейство же принимается въ неограниченномъ количествѣ. Въ уплату таможенныхъ сборовъ (которые съ 1876 г. взимаются золотомъ) серебряная монета принимается въ количествѣ не свыше 1 р. въ одинъ платежъ.

Золотая монета устанавливается новая. Теперешніе полумперіалы предполагается изъять изъ обращенія и взаимѣн ихъ выпустить новыя монеты по 10 рублей. На эту новую золотую монету и будутъ обмѣниваться бумажки, по нарицательной цѣнѣ, рубль за рубль, но сама новая монета, по содержанію въ ней золота, будетъ на $\frac{1}{3}$ дешевле теперешней. Въ настоящее время въ золотой 10-рублевой монетѣ (имперіаль, равный 2 полумперіаламъ) заключается 261,36 долей чистаго золота; въ новой десятирублевой монетѣ будетъ только 174,24 доли чистаго золота, т. е. каждый рубль новаго чекана будетъ равняться $66\frac{2}{3}$ метал. коп. прежняго чекана.

Такимъ образомъ размѣнъ бумажекъ, вводимый денежною реформою, будетъ производиться не по нарицательной стоимости этихъ бумажекъ на теперешнее золото, а по уменьшенной на $\frac{1}{3}$. Когда кредитные рубли были выпущены въ обращеніе, стоимость ихъ равнялась стоимости золотыхъ рублей (считая въ рубль 26,136 долей чистаго золота). Потомъ курсъ бумажныхъ рублей на золото сталъ падать; послѣ очень большихъ колебаній вверхъ и внизъ, за послѣднее время курсъ рубля остановился на высотѣ около $66\frac{2}{3}$ коп. мет. за 1 рубль кредитный (или что то же 1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 р. металл.). Это отношеніе и рѣшено принять за постоянное при проектированной реформѣ и сообразно съ нимъ открытъ размѣнъ кредитныхъ рублей на золото. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ, что называется «девальвацией», т. е. уменьшеніемъ признававшейся до сихъ поръ за монетою номинальной стоимости *). Въ сущности девальвация эта произошла уже давно, съ тѣхъ поръ какъ бумажные рубли *фактически* пали въ цѣнѣ по отношенію къ золоту. Проектируемый законъ только санкционируетъ этотъ фактъ. При этомъ форма предполагаемой девальвации является нѣсколько своеобразною. Не кредитный рубль приспособляется къ золотому, а наоборотъ, вводится новый золотой рубль, равный $\frac{2}{3}$ прежняго и соотвѣтствующій цѣнности рубля кредитнаго; такимъ образомъ въ обращеніи будетъ только одинъ рубль: и на бумажки, и на золото онъ будетъ стоить одно и то же, и при томъ этотъ рубль будетъ равенъ теперешнему кредитному рублю, т. е. счетная единица останется старая, привычная, на которую до сихъ поръ велись всѣ отѣнки

*) По буквѣ монетнаго устава денежная реформа не можетъ быть названа девальвацией, такъ какъ *законною* монетою считается серебряная, а серебряныя рубли стоятъ теперь ниже кредитныхъ. Но по отношенію къ золоту, на которое тоже до прекращенія размѣна кредитныя деньги мѣнялись по нарицательной цѣнѣ, размѣнъ по курсу 1 : $1\frac{1}{3}$ несомнѣнно является девальвацией.

во внутренних оборотах. Это приспособление золотой монеты къ те-перешней кредитной и составляет ту «девальвацию на выворотъ», которая служила темъ для столькихъ остротъ при дебатахъ о денежной реформѣ, хотя нельзя не согласится, что, съ точки зрѣнія интересовъ обывателя, сохраненіе обычной счетной единицы во всякомъ случаѣ представляется очень большимъ удобствомъ,—даже если оно и покупается созданіемъ такой золотой монеты, которая несоизмѣрима ни съ какой изъ монетъ, принятыхъ въ западной Европѣ.

Наконецъ, послѣднимъ существеннымъ нововведеніемъ, предложеннымъ денежною реформою, является измѣненіе *порядка выпуска* бумажныхъ денегъ. До сихъ поръ кредитные билеты выпускались за счетъ государственнаго казначейства, главнымъ образомъ для государственныхъ надобностей. Такой выпускъ на будущее время предполагается прекратить вовсе. Завѣдываніе выпускомъ операціею переходитъ къ государственному банку, который можетъ при этомъ выпускать кредитные билеты только для надобностей торговли и промышленности, т. е. будущія, выпущенныя банкомъ, бумажки будутъ уже носить на себѣ характеръ такъ называемыхъ *банкнотъ*. Отличіе банкноты отъ бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ за счетъ казначейства, заключается въ томъ, что выпускъ банкнотъ совершается или взаменъ внесеннаго въ банкъ золота, или имѣетъ основаніемъ какую нибудь срочную сдѣлку, ликвидація которой обезпечиваетъ ихъ погашеніе. Когда банкъ, напр., учитаетъ краткосрочный вексель и выдаетъ валюту его вмѣсто золота банковыми билетами, эти билеты или равная имъ сумма золота опять поступаетъ въ банкъ, когда настаетъ срокъ платежа по векселю. Такимъ образомъ (помимо обезпеченія разнѣннымъ фондомъ, который считается необходимымъ условіемъ всякой эмиссіонной операціи) банкноты имѣютъ еще добавочное обезпеченіе въ банковомъ портфелѣ (въ видѣ тѣхъ бумагъ, подъ которыя онѣ выданы).

Впрочемъ, превращеніе нашихъ кредитныхъ рублей въ банкноты въ собственномъ смыслѣ является еще дѣломъ отдаленнаго будущаго. Въ ближайшее къ намъ время главную массу бумажнаго обращенія будутъ по прежнему составлять кредитные рубль, выпущенные для государственныхъ надобностей.

Общее количество такихъ рублей теперь составляетъ 1.121 милл. Въ обезпеченіе ихъ разнѣна государственному банку передается накопленный въ настоящее время золотой разнѣнный фондъ въ суммѣ 500 милл. рубл. золотомъ настоящаго чекана или 750 милл. рубл. въ монетѣ новаго чекана. Слѣдовательно, золотомъ разнѣннаго фонда обезпечено около 67% всѣхъ обращающихся бумажныхъ денегъ. Но количество этихъ денегъ можетъ быть нѣсколько увеличено. Именно, по проектируемымъ правиламъ банкъ имѣетъ право выпускать бумажныя деньги (банкноты) до 1 миллиарда рублей съ обезпеченіемъ золотомъ на половину (т. е. 1 рублемъ золотымъ, новаго чекана, 2 рублей кредитныхъ), свыше 1 миллиарда кредитные

билеты могут выпускаться только под условиемъ полного металлическаго обезпеченія, рубль за рубль. Въ настоящее время разнѣнный фондъ состоитъ, какъ мы говорили, изъ 750 милл. рублей. Изъ нихъ 500 милл. обезпечиваютъ 1 миллиардъ кредитныхъ рублей. Сверхъ этого миллиарда имѣется еще 121 милл. кредитныхъ рублей. Они должны обезпечиваться уже рубль за рубль такимъ же количествомъ золотыхъ рублей разнѣннаго фонда. Затѣмъ въ этомъ фондѣ остается еще свободныхъ 129 милл. рублей. На эту сумму государственный банкъ и можетъ выпустить еще кредитныхъ денегъ, подъ обезпеченіе и разнѣннаго фонда, и съ своего портфеля. Такимъ образомъ общее количество кредитныхъ рублей можетъ дойти до $1\frac{1}{4}$ миллиарда. Обезпечивать ихъ будетъ разнѣнный фондъ въ 750 милл. рублей золотыхъ (новаго чекама). Значить, непокрытыми остаются 500 милл. рубл., или 40% всѣхъ бумажныхъ денегъ. Предполагается, что такое количество бумажныхъ рублей будетъ обращаться въ странѣ, не предъявляясь въ разнѣну, безпрепятственное теченіе котораго можетъ вполне гарантировать золотая наличность въ размѣрѣ 60% общей массы бумажно-денежнаго обращенія.

Вотъ тѣ основанія внесеннаго въ настоящее время въ государственный совѣтъ законопроекта о денежной реформѣ, которые сдѣлались извѣстными изъ газетныхъ сообщеній. Какую окончательную форму приметъ этотъ законопроектъ, если ему суждено стать закономъ, объ этомъ еще нельзя судить. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи приходится исходить изъ *условнаго* предположенія, что реформа осуществится въ томъ видѣ, въ какомъ она проектирована.

Какія же экономическія послѣдствія для страны она будетъ въ такомъ случаѣ имѣть? Чтобы разобраться отчетливѣе въ этомъ общемъ вопросѣ, необходимо рассмотреть раздѣльно два болѣе частные вопроса, въ него входящіе: во 1-хъ, что именно мы выиграемъ, если цѣль реформы осуществится, т. е. золотое обращеніе установится въ странѣ, и во 2-хъ, что мы проиграемъ, если исходъ реформы будетъ неудаченъ. Само собою разумѣется, что въ связи съ этимъ намъ необходимо придется коснуться и вопроса о томъ, какія данныя имѣются для того, чтобы предсказывать успѣшное осуществленіе задуманной реформы и, наоборотъ, насколько основательно высказываемыя опасенія, что урегулированіе денежнаго обращенія не будетъ достигнуто мѣрами, предложенными министерствомъ финансовъ.

Остановимся первоначально на первомъ изъ нагѣченныхъ выше вопросовъ. Предположимъ, что реформа удалась и попробуемъ одѣнить значеніе тѣхъ результатовъ, которыхъ можно отъ этого ждать.

Съ позволенія читателя, намъ приходится для этого сдѣлать маленькую экскурсію въ область элементарной теоріи денежнаго обращенія.

Бумажныя деньги въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ у насъ,—т. е. неразмѣнныя деньги, выпускаемыя государствомъ и обязательныя къ приему во всѣхъ внутреннихъ платежахъ, иными словами, имѣющія *принудительный курсъ*—основаніемъ своей цѣнности, во *внутреннихъ оборотахъ*, имѣютъ не отношеніе ихъ къ золоту (на которое онѣ не мѣняются и котораго, слѣдовательно не представляютъ), а именно закономъ предоставленную имъ платежную силу. Опытъ показываетъ, что при соблюденіи извѣстныхъ условій (главнымъ образомъ при отсутствіи чрезмѣрныхъ выпусковъ) такія деньги могутъ имѣть самостоятельное значеніе во внутреннемъ обращеніи страны, хотя онѣ ни въ какой мѣрѣ не обладаютъ товарными качествами. Но только во внутреннемъ. Для международнаго, мірового обмѣна деньги, черпающія силу въ кредитъ даннаго государства, не могутъ служить подходящимъ платежнымъ средствомъ.

Отсюда бумажно-денежное обращеніе неизбежно характеризуется извѣстною *замкнутостію* въ предѣлахъ страны. Бумажныя деньги обращаются *только* въ предѣлахъ выпустившаго ихъ государства, и потому *всѣ* выпущенныя деньги всегда находятся внутри этого государства. Эта замкнутость бумажнаго обращенія вызываетъ и его *малую эластичность, малую приспособляемость* къ условіямъ рынка, къ измѣняющемуся спросу на деньги. Такой спросъ далеко не представляетъ собою величину постоянную. Чѣмъ интенсивнѣе совершаются торговля и всякія другія, заключаемыя при посредствѣ денегъ сдѣлки, тѣмъ сильнѣе спросъ на деньги, и наоборотъ. Одно и то же количество денегъ, на одномъ и томъ же рынкѣ, въ разные моменты времени можетъ имѣть разное значеніе и разную цѣнность. Денегъ можетъ быть то слишкомъ мало, то слишкомъ много. Если въ странѣ обращаются такія деньги, которыя имѣютъ силу и внѣ ея, всемірныя деньги, одинаково спрашиваемыя повсюду,—то эти временныя излишки и недостатки денегъ выравниваются сами собою, механизмъ самаго денежнаго обращенія. Въ тѣ страны, гдѣ денегъ мало и гдѣ слѣдовательно онѣ дороги, направляется золото оттуда, гдѣ его слишкомъ много по условіямъ даннаго времени, и гдѣ поэтому цѣнность его стоитъ на болѣе низкомъ уровнѣ. Въ странахъ съ замкнутымъ обращеніемъ такіе приливы и отливы денегъ невозможны. Значить, или несоотвѣтствіе между количествомъ денегъ и потребностью въ нихъ будетъ давить на цѣны товаровъ (въ ту или въ другую сторону) и порождать другія ненормальныя явленія (или стѣсненія промышленности, или, наоборотъ, поощреніе спекуляціи при излишнемъ количествѣ денежныхъ знаковъ), или же урегулированіе обращенія должно быть достигнуто искусственными, правительственными мѣропріятіями.

Последніе случаи у насъ не разъ имѣли мѣсто, въ видѣ такъ называемыхъ «временныхъ выпусковъ» кредитныхъ билетовъ для нуждъ промышленности и торговли. Но, какъ показала опытъ, эти временные выпуски зачастую обращались затѣмъ въ постоянные. Изъять временно брошенные въ обращеніе деньги оказывалось гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ выпустить. Затѣмъ, регулированіе количества денежныхъ знаковъ въ странѣ по усмотрѣнію правительственныхъ органовъ всегда носить въ себѣ извѣстную опасность. И въ этой опасности лежитъ одинъ изъ главныхъ пороковъ бумажно-денежнаго хозяйства. Равновѣсіе цѣнъ въ странѣ,—при условіяхъ выпуска бумажекъ по усмотрѣнію правительства—всегда можетъ быть нарушено, не только вслѣдствіе ошибочнаго опредѣленія потребностей торговли и промышленности въ денежныхъ знакахъ,—но еще въ гораздо большей степени выпусками денегъ для прямыхъ государственныхъ потребностей. Исторія бумажныхъ денегъ показываетъ, что повсюду источникомъ происхожденія неразмѣнныхъ денегъ служили выпуски для покрытія экстренныхъ государственныхъ потребностей. У насъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, восстановленный канкринскою реформою, былъ снова прекращенъ послѣ выпуска свыше 375 милл. руб. на расходы по первой восточной войнѣ (крымской). Затѣмъ, уже въ періодъ неразмѣнности, вторая восточная война опять вызвала увеличеніе кредитныхъ билетовъ на 400 милл. руб. (150 милл. въ 1877 и 250 милл. въ 1878 г.). Само собою понятно, какія потрясенія въ установившихся оцѣнкахъ и денежныхъ отношеніяхъ должны вызываться такими рѣзкими измѣненіями въ *количествѣ* обращающихся денежныхъ знаковъ, не говоря уже о перетасовкахъ въ относительномъ распредѣленіи покупательной силы между разными группами населенія, которыя при этомъ неизбежно имѣютъ мѣсто.

Страны съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ никогда не гарантированы отъ подобныхъ потрясеній. Устойчивость и прочность хозяйственныхъ отношеній покоится здѣсь на благополучіи фиска и на сдержанности и благоразуміи финансоваго управленія.

Такимъ образомъ, если бы мы даже представили себѣ совершенно *удиненное* государство, которое само удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ, не нуждаясь въ торговомъ обмѣнѣ съ другими государствами—и здѣсь неразмѣнныя бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ являлись бы далеко не идеальнымъ орудіемъ обращенія. Но подобное предположеніе совсѣмъ не отвѣчаетъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ всѣ культурныя страны—и Россія въ томъ числѣ—находятся между собою въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ, являются членами одного мірового хозяйства. А отсюда возникаютъ новыя послѣдствія для бумажно-денежной системы. Разъ существуетъ международный обмѣнъ и международные платежи, то необходимо приходится считаться, для из-

вѣстной части оборотовъ, и съ международною платажною единицею—золотомъ. Отношеніе бумажныхъ денегъ къ золоту, безразличное для внутреннихъ оборотовъ, имѣетъ самое существенное значеніе для оборотовъ вѣшнихъ.

Продажныя цѣны ввозимыхъ чужеземныхъ товаровъ и покупныя туземныхъ, вывозимыхъ изъ страны, опредѣляются на золото. Внутри страны товары оцѣниваются на бумажныя деньги. Для экспортера, покупающаго, положимъ, хлѣбъ на внутреннемъ рынкѣ и продающаго его за границу, далеко не безразлично потому, сколько бумажнымъ рублемъ равняется то количество золота, на которое заграничный покупатель цѣнитъ доставленный ему хлѣбъ. Точно то же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ покупателямъ ввозныхъ продуктовъ (хотя въ данномъ случаѣ ихъ интересы противоположны интересамъ экспортеровъ). Вообще разъ страна вступаетъ въ международный обмѣнъ, для нея установленіе извѣстнаго отношенія стоимости своей бумажной единицы къ золоту получаетъ уже не счетное только, а реальное значеніе. Возникаетъ курсъ кредитныхъ денегъ на золото. Этотъ курсъ колеблется въ зависимости и отъ хода международныхъ расчетовъ, и отъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя такъ или иначе вліяютъ на судьбу кредитнаго рубля въ оборотахъ внутреннихъ. Если международный расчетный балансъ склоняется противъ страны съ бумажнымъ обращеніемъ (т. е. ей приходится уплатить болѣе, чѣмъ причитается получить), курсъ бумажныхъ денегъ падаетъ или, иными словами, лажъ на золото растетъ. Онъ растетъ и въ томъ случаѣ когда бумажныя деньги обезцѣниваются внутри страны, вслѣдствіе новыхъ выпусковъ, не вызываемыхъ нуждами промышленности, или вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ. Если къ совокупности этихъ причинъ, вліяющихъ на колебанія курса бумажныхъ денегъ, присоединится еще спекуляція, такіа колебанія могутъ принимать очень рѣзкій характеръ. Примѣры этого мы можемъ найти въ недавнемъ еще прошломъ нашего денежнаго рынка. Въ періодъ 1881—1894 г. разница между высшимъ и низшимъ курсомъ рубля въ теченіе одного и того же года доходила до 19,5%, 28,2% и даже до 36,7%.

Понятно, что, при такихъ размѣрахъ колебаній денежной валюты въ короткіе относительно промежутки времени, трудно найти почву для твердыхъ и правильныхъ коммерческихъ расчетовъ. Торговля въ значительной степени принимаетъ характеръ биржевой игры на разницу въ курсѣ.

Вліяніе колебаній въ курсѣ бумажныхъ денегъ и въ размѣрѣ лажа на золото не ограничивается только сферою международного обмѣна. Оно затрогиваетъ и болѣе широкіе хозяйственные интересы, отражаясь на цѣнахъ, устанавливаемыхъ на внутреннемъ рынкѣ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что движеніе *внѣшней и внутренней* цѣнности бумажныхъ денегъ,—т. е. цѣны ихъ на золото и покупательной способности по отношенію къ товарамъ, обра-

щающимся на внутреннемъ рынокѣ, никогда не идетъ вполне параллельно. Внутреннія цѣны всегда устойчивѣе внѣшнихъ. Перемены въ стоимости бумажнаго рубля на внѣшнемъ рынокѣ только очень медленно, неполно и неоднобразно для разныхъ видовъ сдѣлокъ и для разныхъ районовъ страны распространяются и на обороты рынка внутренняго.

Степень впечатлительности внутреннихъ цѣнъ къ колебаніямъ денежнаго курса много зависитъ отъ самаго характера внѣшняго ввоза. Если представить себѣ, что данная страна ввозитъ извнѣ только предметы роскоши или вообще продукты, потребляемые исключительно достаточными классами населенія, колебанія курса мало отразятся на положеніи главныхъ оборотовъ внутренняго рынка. Иначе стоитъ дѣло, если содержаніе ввоза составляютъ предметы массоваго потребленія или же сырье и полуфабрикаты, подлежащіе дальнѣйшей переработкѣ для изготовленія такихъ предметовъ.

Въ нашей таможенной статистикѣ воѣ предметы ввоза раздѣляются на 3 большія группы: 1) жизненные припасы, 2) сырые и полуобработанные матеріалы и 3) издѣлія. Самая большая группа вторая, сырые и полуобработанные матеріалы. За пятилѣтіе 1890—94 въ среднемъ за 1 годъ стоимость всего ввоза (по европейской границѣ) составляла 381,6 милл. рубл. Изъ этого числа приходилось на сырые и полуобработанные матеріалы 240,2 м. р., (т. е. 63%), на издѣлія 81,7 м. р. (21,5%) и на жизненные припасы 59,7 м. (или 15,5%) *). Если взять 7 наиболѣе крупныхъ статей ввоза (принадлежащихъ ко всѣмъ тремъ названнымъ группамъ), стоимость которыхъ составляетъ около половины стоимости всѣхъ ввозимыхъ товаровъ, то они расположатся въ послѣдовательномъ порядкѣ такъ: хлопокъ (76,4 м. р.), машины и аппараты (21 м. р.), шерсть (20 м. р.), чай (16,7 м. р.), краски и красильныя вещества (13,9 м. р.), уголь и коксъ (13,2 м. р.), издѣлія стальные, желѣзные и жестяные (11,8 м. р.) **).

Эти цифры показываютъ, что въ колебаніяхъ цѣнности рубля въ международномъ обмѣнѣ—отъ которыхъ зависитъ цѣнность ввозимыхъ товаровъ—заинтересованы не одни импортеры и экспортеры. Эти колебанія затрагиваютъ также и интересы болѣе широкихъ круговъ населенія, необходимо отражаясь и на оборотахъ внутренняго рынка.

Но, какъ мы уже говорили, измѣненіе въ цѣнности рубля по отношенію къ золоту на цѣнахъ внутренняго рынка никогда не отражается вполне и одновременно. Въ этомъ отношеніи поле денеж-

*) См. «Главнѣйшіе результаты денежнаго государственнаго хозяйства за десятилѣтіе 1885—94 г. М. Какшарова». Изд. минист. финансовъ. Спб. 1895.

**) Заимствуемъ эти данныя изъ работы г. Гулишамбарова «Обзоръ международного товарнаго обмѣна» (Спб. 1895, изд. м—ства фин.). Цифры относятся къ пятилѣтію 1889—93 г.

наго обращенія можно уподобить гладкой водной поверхности; бросите въ средину такой поверхности камень: въ мѣстѣ паденія образуется немедленно воронка, болѣе или менѣе глубокая; сотрясеніе передается затѣмъ и другимъ частицамъ жидкости, но чѣмъ далѣе отъ мѣста, куда попалъ камень, тѣмъ медленнѣе и тѣмъ слабѣе. Около воронки образуется рядъ концентрическихъ круговъ, причемъ самыя отдаленныя и самыя широкіе всколыхнутся всего позже и всего менѣе замѣтно. А за ними останутся и еще водныя массы, для которыхъ происшедшее отъ паденія камня сотрясеніе окажется совсѣмъ не чувствительнымъ. То же самое замѣчаемъ мы и по отношенію къ измѣненіямъ величины лажа и курса рубля. На предметахъ заграничнаго *своза* такія измѣненія отражаются непосредственно и въ полной или почти полной мѣрѣ. Если сегодня 10 рублей металл. стоили 12 рублей кредитныхъ, а завтра будутъ стоить 16 р., т. е. курсъ бумажнаго рубля упадетъ на 33%, то въ такой же мѣрѣ должны повыситься въ кредитныхъ рубляхъ и цѣны всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ изъ за-границы. За одну и ту же вещь, стоящую, положимъ, 20 франковъ, т. е. 5 р. металл., я сегодня платилъ 6 р., а завтра долженъ буду платить 8 р. Въ дѣйствительности, конечно, измѣненія цѣнъ не слѣдуютъ за измѣненіями курса такъ точно, извѣдывая въ день, не только въ розничной, но даже и въ оптовой торговлѣ, въ особенности при частыхъ колебаніяхъ курса. И здѣсь цѣны устанавливаются около извѣстной средней для данного періода, но во всякомъ случаѣ ихъ движеніе очень близко слѣдуетъ за измѣненіями курса. Гораздо слабѣе подобное соотвѣтствіе можетъ быть замѣчено на цѣнахъ такихъ продуктовъ, въ образованіе которыхъ предметы ввоза входятъ только частью. И между такими продуктами можно установить цѣлую длинную градацію, смотря потому, въ какой мѣрѣ въ составъ ихъ цѣны входятъ стоимости заграничныхъ товаровъ.

Если введенный изъ заграницы сырой продуктъ, положимъ хлопокъ, былъ подвергнутъ сравнительно небольшой переработкѣ и продается въ видѣ полуфабриката (бумажная пряжа), его цѣна чувствительнѣе ко всякимъ измѣненіямъ курса денегъ, чѣмъ цѣна продукта, явившагося въ результатъ дальнѣйшей переработки этого полуфабриката (бумажная ткань), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ въ суммѣ стоимости продукта большую часть составляетъ стоимость труда мѣстныхъ рабочихъ, которая или вовсе не измѣнилась, или очень мало измѣнилась подъ влияніемъ перемѣнъ денежнаго курса. Еще слабѣе будетъ влияніе колебаній цѣнъ ввозныхъ предметовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они входятъ въ составъ основного капитала тѣхъ или иныхъ предпріятій. Повышеніе цѣны машины, которая только небольшую часть своей стоимости переноситъ на продуктъ данного года, отразится на цѣнѣ этого продукта гораздо менѣе, чѣмъ повышеніе цѣны матеріала, потребляемаго въ одинъ оборотъ производства и т. д.

На цѣны мѣстныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ заграничнаго *отпуска*, колебанія курса дѣйствуютъ менѣе непосредственно, чѣмъ на цѣны предметовъ ввоза. По отношенію къ вывозу измѣненія въ цѣнѣ денегъ служатъ какъ импульсъ къ большому или меньшему его оживленію, а слѣдовательно, къ большому или меньшему спросу на вывозимые товары на внутреннемъ рынкѣ. Если, при той же цѣнѣ въ металлическихъ рубляхъ, стоимость отпускныхъ товаровъ по счету на рубли кредитные будетъ, при пониженіи курса, вышепрежняго, — то продавецъ этого товара будетъ получать извѣстную выгоду до тѣхъ поръ, пока точно также не повысится въ цѣнѣ и остальные предметы на внутреннемъ рынкѣ. Эта выгодность отъ экспорта создаетъ усиленный спросъ на вывозимые товары, который, въ свою очередь, долженъ вести къ повышенію ихъ мѣстныхъ цѣнъ, пока опять такіе возросшее предложеніе не покроетъ этого спроса. При движеніи курса въ обратную сторону, т. е. при тенденціи къ его повышенію, будетъ обнаруживаться движеніе спроса и цѣнъ въ направленіи, противоположномъ описанному и т. д.

Цѣны продуктовъ внутренняго производства и внутренняго же потребленія такого косвеннаго вліянія даже не могутъ на себѣ испытывать. Поэтому ихъ зависимость отъ внѣшней цѣны денегъ является гораздо болѣе слабою, и они очень медленно и очень неполно отражаютъ на себѣ перемѣны въ этой цѣнѣ. Наконецъ, всего слабѣ затрогиваются колебаніями курса цѣны труда, которыя — какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, гдѣ движеніе этихъ цѣнъ подвергалось систематическому изученію — вообще оказываются всего менѣе способными приспособиться ко всякимъ измѣненіямъ въ условіяхъ рынка.

Точно также неравномѣрно распределяются измѣненія цѣнъ, въ зависимости отъ курса денегъ, и по территоріи страны. И чѣмъ обширнѣе эта территорія, чѣмъ менѣе развиты въ ней пути сообщенія, чѣмъ слабѣ хозяйственные связи между отдѣльными ея частями — тѣмъ большіе размѣры можетъ принимать эта неравномѣрность.

Наконецъ, чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ отъ какихъ именно *причинъ* произошло измѣненіе даже на золото и курса рубля. Мы знаемъ, что курсъ этотъ колеблется не только подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, касающихся *внѣшняго* обмѣна, международныхъ расчетовъ, но точно также онъ отражаетъ на себѣ и всѣ другія вліянія, роняющія *внутреннюю* цѣнность денегъ. Курсъ есть очень чувствительный барометръ, показывающій *всякія* измѣненія въ положеніи бумажныхъ денегъ, и внѣ, и внутри страны. Если, напр., въ странѣ произойдетъ крупный выпускъ бумажекъ для государственныхъ цѣлей, — при неизмѣнившемся положеніи торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ и, слѣдовательно, при неизмѣнившемся спросѣ на деньги — цѣна денегъ на золото не упадетъ, хотя въ международныхъ расчетахъ непооред-

ственно никакого измѣненія не произошло. Во всѣхъ такихъ случаяхъ колебанія лажъ являются не столько *причиной* дальѣйшихъ измѣненій во *внутренней* цѣнности денегъ, сколько *показателемъ* этихъ измѣненій. Само собою разумѣется, что и самыя измѣненія въ цѣнахъ внутренняго рынка будутъ значительнѣе и глубже, когда они вызываются перемѣнами, непосредственно въ условіяхъ этого рынка происходящими, нежели тогда, когда толчкомъ для переоцѣнки товаровъ и услугъ являются исключительно обстоятельства международнаго обмѣна. Но и въ этихъ случаяхъ все-таки вліяніе пертурбирующихъ причинъ на внутреннихъ цѣнахъ сказывается слабѣе, чѣмъ на высотѣ курса, и распределяется между различными категоріями товаровъ приблизительно по той же схемѣ, которая намѣчена выше.

Вообще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между *курсомъ денегъ* въ международномъ обмѣнѣ и *цѣнами* рынка *внутренняго* есть вопросъ въ высшей степени сложный и трудный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ и въ высшей степени важный. Онъ является центральнымъ пунктомъ для опредѣленія *размѣровъ* того вліянія, которое оказываетъ существующая денежная система на общій ходъ народнаго хозяйства страны и размѣровъ тѣхъ улучшеній, которыхъ можно ожидать отъ преобразования этой системы. Въ виду очень большой сложности явленій денежнаго обращенія, находящихся подъ влѣяніемъ цѣлаго переплета разнообразныхъ условій, названный вопросъ требуетъ непремѣнно не только теоретическаго анализа, но и фактическаго, *статистическаго* изученія. Къ сожалѣнію, для русскихъ условий такое изученіе почти совсѣмъ отсутствуетъ. Сравнительное изслѣдованіе движенія цѣнъ на крупныхъ и мелкихъ рынкахъ, въ разныхъ районахъ страны, съ цѣлю выяснить, какіе именно факторы оказываютъ при этомъ наиболѣе сильное вліяніе и насколько сильна взаимная зависимость между разными областями нашего денежнаго обращенія—такое изслѣдованіе никогда не привлекало къ себѣ серьезнаго вниманія нашей официальной статистики. Это очень большой и очень чувствительный пробѣлъ. Степень важности и общехозяйственнаго значенія предстоящей денежной реформы была бы гораздо яснѣе и осязательнѣе, если бы мы могли имѣть болѣе отчетливое и точное представленіе о томъ, какъ складываются и какъ колеблются подъ вліяніемъ перемѣнъ въ цѣнности рубля денежные цѣны во всѣхъ отдѣлахъ народно-хозяйственнаго оборота.

Но все это касается, такъ сказать, *количественной* стороны вопроса, болѣе или менѣе точнаго *учета* народнохозяйственнаго значенія денежной реформы. По отношенію къ сторонѣ *принципіальной* все сказанное выше едва ли можетъ оставлять сомнѣніе, что переходъ отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому для интересовъ народнаго хозяйства даетъ несомнѣнный плюсъ,—какова бы ни была численная величина этого плюса. Непрочность и не

На цѣны мѣстныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ заграничнаго *отпуска*, колебанія курса дѣйствуютъ менѣе непосредственно, чѣмъ на цѣны предметовъ ввоза. По отношенію къ вывозу измѣненія въ цѣнѣ денегъ служатъ какъ импульсъ къ большому или меньшему его оживленію, а слѣдовательно, къ большому или меньшему спросу на вывозимые товары на внутреннемъ рынкѣ. Если, при той же цѣнѣ въ металлическихъ рубляхъ, стоимость отпускныхъ товаровъ по счету на рубли кредитные будетъ, при пониженіи курса, вышепрежняго, — то продавецъ этого товара будетъ получать извѣстную выгоду до тѣхъ поръ, пока точно также не повысится въ цѣнѣ и остальные предметы на внутреннемъ рынкѣ. Эта выгодность отъ экспорта создаетъ усиленный спросъ на вывозимые товары, который, въ свою очередь, долженъ вести къ повышенію ихъ мѣстныхъ цѣнъ, пока опять таки возросшее предложеніе не покроетъ этого спроса. При движеніи курса въ обратную сторону, т. е. при тенденціи къ его повышенію, будетъ обнаруживаться движеніе спроса и цѣнъ въ направленіи, противоположномъ описанному и т. д.

Цѣны продуктовъ внутренняго производства и внутренняго же потребленія такого косвеннаго вліянія лажъ не могутъ на себѣ испытывать. Поэтому ихъ зависимость отъ внѣшней цѣны денегъ является гораздо болѣе слабою, и они очень медленно и очень неполно отражаютъ на себѣ перемены въ этой цѣнѣ. Наконецъ, всего слабѣе затрогиваются колебаніями курса цѣны труда, которыя — какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, гдѣ движеніе этихъ цѣнъ подвергалось систематическому изученію — вообще оказываются всего менѣе способными приспособляться ко всякимъ измѣненіямъ въ условіяхъ рынка.

Точно также неравномѣрно распределяются измѣненія цѣнъ, въ зависимости отъ курса денегъ, и по территоріи страны. И чѣмъ обширнѣе эта территорія, чѣмъ менѣе развиты въ ней пути сообщенія, чѣмъ слабѣе хозяйственные связи между отдѣльными ея частями — тѣмъ большіе разимѣры можетъ принимать эта неравномѣрность.

Наконецъ, чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ отъ какихъ именно *причинъ* произошло измѣненіе лажъ на золото и курса рубля. Мы знаемъ, что курсъ этотъ колеблется не только подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, касающихся *внѣшнюю* обмѣна, международныхъ расчетовъ, но точно также онъ отражаетъ на себѣ и всѣ другія вліянія, роняющія *внутреннюю* цѣнность денегъ. Курсъ есть очень чувствительный барометръ, показывающій *всякія* измѣненія въ положеніи бумажныхъ денегъ, и внѣ, и внутри страны. Если, напр., въ странѣ произойдетъ крупный выпускъ бумажекъ для государственныхъ цѣлей, — при неизмѣнившемся положеніи торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ и, слѣдовательно, при неизмѣнившемся спросѣ на деньги — цѣна денегъ на золото немедленно упадетъ, хотя въ международныхъ расчетахъ непосред-

ственно никакого измѣненія не произошло. Во всѣхъ такихъ случаяхъ колебанія даже являются не столько *причиной* дальнѣйшихъ измѣненій во *внутренней* цѣнности денегъ, сколько *показателемъ* этихъ измѣненій. Само собою разумѣется, что и самыя измѣненія въ цѣнахъ внутренняго рынка будутъ значительнѣе и глубже, когда они вызываются перемѣнами, непосредственно въ условіяхъ этого рынка происходящими, нежели тогда, когда толчкомъ для переоцѣнки товаровъ и услугъ являются исключительно обстоятельства международнаго обмѣна. Но и въ этихъ случаяхъ все-таки вліяніе пертурбирующихъ причинъ на внутреннихъ цѣнахъ сказывается слабѣе, чѣмъ на высотѣ курса, и распределяется между различными категоріями товаровъ приблизительно по той же схемѣ, которая намѣчена выше.

Вообще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между *курсомъ денегъ* въ международномъ обмѣнѣ и *цѣнами* рынка *внутренняго* есть вопросъ въ высшей степени сложный и трудный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ и въ высшей степени важный. Онъ является центральнымъ пунктомъ для опредѣленія *размѣровъ* того вліянія, которое оказываетъ существующая денежная система на общій ходъ народнаго хозяйства страны и размѣровъ тѣхъ улучшеній, которыхъ можно ожидать отъ преобразованія этой системы. Въ виду очень большой сложности явленій денежнаго обращенія, находящихся подъ вѣдѣніемъ цѣлаго переплета разнообразныхъ условій, названный вопросъ требуетъ непремѣнно не только теоретическаго анализа, но и фактическаго, *статистическаго* изученія. Къ сожалѣнію, для русскихъ условій такое изученіе почти совсѣмъ отсутствуетъ. Сравнительное изслѣдованіе движенія цѣнъ на крупныхъ и мелкихъ рынкахъ, въ разныхъ районахъ страны, съ цѣлю выяснить, какіе именно факторы оказываютъ при этомъ наиболѣе сильное вліяніе и насколько сильна взаимная зависимость между разными областями нашего денежнаго обращенія—такое изслѣдованіе никогда не привлекало къ себѣ серьезнаго вниманія нашей официальной статистики. Это очень большой и очень чувствительный пробѣлъ. Степень важности и общехозяйственнаго значенія предстоящей денежной реформы была бы гораздо яснѣе и осязательнѣе, если бы мы могли имѣть болѣе отчетливое и точное представленіе о томъ, какъ складываются и какъ колеблются подъ вліяніемъ перемѣнъ въ цѣнности рубля денежные цѣны во всѣхъ отдѣлахъ народно-хозяйственнаго оборота.

Но все это касается, такъ сказать, *количественной* стороны вопроса, болѣе или менѣе точнаго *учета* народнохозяйственнаго значенія денежной реформы. По отношенію къ сторонѣ *принципіальной* все сказанное выше едва ли можетъ оставлять сомнѣніе, что переходъ отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому для интересовъ народнаго хозяйства даетъ несомнѣнный плюсъ,—какова бы ни была численная величина этого плюса. Непрочность и не-

На цѣны мѣстныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ заграничнаго *отпуска*, колебанія курса дѣйствуютъ менѣе непосредственно, чѣмъ на цѣны предметовъ ввоза. По отношенію къ вывозу измѣненія въ цѣнѣ денегъ служатъ какъ импульсъ къ большому или меньшему его оживленію, а слѣдовательно, къ большому или меньшему спросу на вывозимые товары на внутреннемъ рынкѣ. Если, при той же цѣнѣ въ металлическихъ рубляхъ, стоимость отпускныхъ товаровъ по счету на рубли кредитные будетъ, при пониженіи курса, вышепрежняго, — то продавецъ этого товара будетъ получать извѣстную выгоду до тѣхъ поръ, пока точно также не повысится въ цѣнѣ и остальные предметы на внутреннемъ рынкѣ. Эта выгодность отъ экспорта создаетъ усиленный спросъ на вывозимые товары, который, въ свою очередь, долженъ вести къ повышенію ихъ мѣстныхъ цѣнъ, пока опять таки возросшее предложеніе не покроетъ этого спроса. При движеніи курса въ обратную сторону, т. е. при тенденціи къ его повышенію, будетъ обнаруживаться движеніе спроса и цѣнъ въ направленіи, противоположномъ описанному и т. д.

Цѣны продуктовъ внутренняго производства и внутренняго же потребленія такого косвеннаго вліянія лажъ не могутъ на себѣ испытывать. Поэтому ихъ зависимость отъ внѣшней цѣны денегъ является гораздо болѣе слабою, и они очень медленно и очень неполно отражаютъ на себѣ перемены въ этой цѣнѣ. Наконецъ, всего слабѣе затрогиваются колебаніями курса цѣны труда, которыя — какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, гдѣ движеніе этихъ цѣнъ подвергалось систематическому изученію — вообще оказываются всего менѣе способными приспособляться ко всякимъ измѣненіямъ въ условіяхъ рынка.

Точно также неравномѣрно распредѣляются измѣненія цѣнъ, въ зависимости отъ курса денегъ, и по территоріи страны. И чѣмъ обширнѣе эта территорія, чѣмъ менѣе развиты въ ней пути сообщенія, чѣмъ слабѣе хозяйственные связи между отдѣльными ея частями — тѣмъ большіе размѣры можетъ принимать эта неравномѣрность.

Наконецъ, чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ отъ какихъ именно *причинъ* произошло измѣненіе лажъ на золото и курса рубля. Мы знаемъ, что курсъ этотъ колеблется не только подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, касающихся *внѣшнюю* обмѣна, международныхъ расчетовъ, но точно также онъ отражаетъ на себѣ и всѣ другія вліянія, роняющія *внутреннюю* цѣнность денегъ. Курсъ есть очень чувствительный барометръ, показывающій *всю* измѣненія въ положеніи бумажныхъ денегъ, и внѣ, и внутри страны. Если, напр., въ странѣ произойдетъ крупный выпускъ бумажекъ для государственныхъ цѣлей, — при неизмѣнившемся положеніи торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ и, слѣдовательно, при неизмѣнившемся спросѣ на деньги — цѣна денегъ на золото немедленно упадетъ, хотя въ международныхъ расчетахъ непосред-

ственно никакого измѣненія не произошло. Во всѣхъ такихъ случаяхъ колебанія лажя являются не столько *причиной* дальнѣйшихъ измѣненій во *внутренней* цѣнности денегъ, сколько *показателемъ* этихъ измѣненій. Само собою разумѣется, что и самыя измѣненія въ цѣнахъ внутренняго рынка будутъ значительнѣе и глубже, когда они вызываются перемѣнами, непосредственно въ условіяхъ этого рынка происходящими, нежели тогда, когда толчкомъ для переоцѣнки товаровъ и услугъ являются исключительно обстоятельства международнаго обмѣна. Но и въ этихъ случаяхъ все-таки вліяніе пертурбирующихъ причинъ на внутреннихъ цѣнахъ сказывается слабѣе, чѣмъ на высотѣ курса, и распредѣляется между различными категоріями товаровъ приблизительно по той же схемѣ, которая наметчена выше.

Вообще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между *курсомъ денегъ* въ международномъ обмѣнѣ и *цѣнами* рынка *внутренняго* есть вопросъ въ высшей степени сложный и трудный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ и въ высшей степени важный. Онъ является центральнымъ пунктомъ для опредѣленія *размѣровъ* того вліянія, которое оказываетъ существующая денежная система на общій ходъ народнаго хозяйства страны и размѣровъ тѣхъ улучшеній, которыхъ можно ожидать отъ преобразования этой системы. Въ виду очень большой сложности явленій денежнаго обращенія, находящихся подъ воздѣйствіемъ цѣлаго переплетя разнообразныхъ условій, названный вопросъ требуетъ непремѣнно не только теоретическаго анализа, но и фактическаго, *статистическаго* изученія. Къ сожалѣнію, для русскихъ условій такое изученіе почти совсѣмъ отсутствуетъ. Сравнительное изслѣдованіе движенія цѣнъ на крупныхъ и мелкихъ рынкахъ, въ разныхъ районахъ страны, съ цѣлю выяснить, какіе именно факторы оказываютъ при этомъ наиболѣе сильное вліяніе и насколько сильна взаимная зависимость между разными областями нашего денежнаго обращенія—такое изслѣдованіе никогда не привлекало къ себѣ серьезнаго вниманія нашей официальной статистики. Это очень большой и очень чувствительный пробѣлъ. Степень важности и общехозяйственнаго значенія предстоящей денежной реформы была бы гораздо яснѣе и осязательнѣе, если бы мы могли имѣть болѣе отчетливое и точное представленіе о томъ, какъ складываются и какъ колеблются подъ вліяніемъ перемѣнъ въ цѣнности рубля денежные цѣны во всѣхъ отдѣлахъ народно-хозяйственнаго оборота.

Но все это касается, такъ сказать, *количественной* стороны вопроса, болѣе или менѣе точнаго *учета* народнохозяйственнаго значенія денежной реформы. По отношенію къ сторонѣ *принципіальной* все сказанное выше едва ли можетъ оставлять сомнѣніе, что переходъ отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому для интересовъ народнаго хозяйства даетъ несомнѣнный плюсъ,—какова бы ни была численная величина этого плюса. Непрочность и не-

На цѣны мѣстныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ заграничнаго *отпуска*, колебанія курса дѣйствуютъ менѣе непосредственно, чѣмъ на цѣны предметовъ ввоза. По отношенію къ вывозу измѣненія въ цѣнѣ денегъ служатъ какъ импульсъ къ большому или меньшему его оживленію, а слѣдовательно, къ большому или меньшему спросу на вывозимые товары на внутреннемъ рынкѣ. Если, при той же цѣнѣ въ металлическихъ рубляхъ, стоимость отпускныхъ товаровъ по счету на рубли кредитныя будетъ, при пониженіи курса, вышепрежняго,—то продавецъ этого товара будетъ получать извѣстную выгоду до тѣхъ поръ, пока точно также не повысится въ цѣнѣ и остальные предметы на внутреннемъ рынкѣ. Эта выгодность отъ экспорта создаетъ усиленный спросъ на вывозимые товары, который, въ свою очередь, долженъ вести къ повышенію ихъ мѣстныхъ цѣнъ, пока опять таки возросшее предложеніе не покроетъ этого спроса. При движеніи курса въ обратную сторону, т. е. при тенденціи къ его повышенію, будетъ обнаруживаться движеніе спроса и цѣнъ въ направленіи, противоположномъ описанному и т. д.

Цѣны продуктовъ внутренняго производства и внутренняго же потребленія такого косвеннаго вліянія лажы не могутъ на себя испытывать. Поэтому ихъ зависимость отъ внѣшней цѣны денегъ является гораздо болѣе слабою, и они очень медленно и очень неполно отражаютъ на себя перемѣны въ этой цѣнѣ. Наконецъ, всего слабѣ затрогиваются колебаніями курса цѣны труда, которыя—какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, гдѣ движеніе этихъ цѣнъ подвергалось систематическому изученію—вообще оказываются всего менѣе способными приспособляться ко всякимъ измѣненіямъ въ условіяхъ рынка.

Точно также неравномѣрно распределяются измѣненія цѣнъ, въ зависимости отъ курса денегъ, и по территоріи страны. И чѣмъ обширнѣе эта территорія, чѣмъ менѣе развиты въ ней пути сообщенія, чѣмъ слабѣ хозяйственныя связи между отдѣльными ея частями—тѣмъ большіе размѣры можетъ принимать эта неравномѣрность.

Наконецъ, чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ отъ какихъ именно *причинъ* произошло измѣненіе лажы на золото и курса рубля. Мы знаемъ, что курсъ этотъ колеблется не только подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, касающихся *внѣшнюю* обмѣна, международныхъ расчетовъ, но точно также онъ отражаетъ на себя и всѣ другія вліянія, роняющія *внутреннюю* цѣнность денегъ. Курсъ есть очень чувствительный барометръ, показывающій *всякія* измѣненія въ положеніи бумажныхъ денегъ, и внѣ, и внутри страны. Если, напр., въ странѣ произойдетъ крупный выпускъ бумажекъ для государственныхъ цѣлей,—при неизмѣнившемся положеніи торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ и, слѣдовательно, при неизмѣнившемся спросѣ на деньги—цѣна денегъ на золото немедленно упадетъ, хотя въ международныхъ расчетахъ непосред-

ственно никакого измѣненія не произошло. Во всѣхъ такихъ случаяхъ колебанія даже являются не столько *причиной* дальнѣйшихъ измѣненій во *внутренней* цѣнности денегъ, сколько *показателями* этихъ измѣненій. Само собою разумѣется, что и самыя измѣненія въ цѣнахъ внутренняго рынка будутъ значительнѣе и глубже, когда они вызываются перемѣнами, непосредственно въ условіяхъ этого рынка происходящими, нежели тогда, когда толчкомъ для переоцѣнки товаровъ и услугъ являются исключительно обстоятельства международнаго обмѣна. Но и въ этихъ случаяхъ все-таки вліяніе пертурбирующихъ причинъ на внутреннихъ цѣнахъ сказывается слабѣе, чѣмъ на высотѣ курса, и распределяется между различными категоріями товаровъ приблизительно по той же схемѣ, которая наметчена выше.

Вообще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между *курсомъ денегъ* въ международномъ обмѣнѣ и *цѣнами* рынка *внутренняго* есть вопросъ въ высшей степени сложный и трудный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ и въ высшей степени важный. Онъ является центральнымъ пунктомъ для опредѣленія *размѣровъ* того вліянія, которое оказываетъ существующая денежная система на общій ходъ народнаго хозяйства страны и размѣровъ тѣхъ улучшеній, которыхъ можно ожидать отъ преобразования этой системы. Въ виду очень большой сложности явленій денежнаго обращенія, находящихся подъ воздѣйствіемъ цѣлаго переплета разнообразныхъ условій, названный вопросъ требуетъ непремѣнно не только теоретическаго анализа, но и фактическаго, *статистическаго* изученія. Къ сожалѣнію, для русскихъ условій такое изученіе почти совсѣмъ отсутствуетъ. Сравнительное изслѣдованіе движенія цѣнъ на крупныхъ и мелкихъ рынкахъ, въ разныхъ районахъ страны, съ цѣлю выяснить, какіе именно факторы оказываютъ при этомъ наиболѣе сильное вліяніе и насколько сильна взаимная зависимость между разными областями нашего денежнаго обращенія—такое изслѣдованіе никогда не привлекало къ себѣ серьезнаго вниманія нашей официальной статистики. Это очень большой и очень чувствительный пробѣлъ. Степень важности и общехозяйственнаго значенія предстоящей денежной реформы была бы гораздо яснѣе и осязательнѣе, если бы мы могли имѣть болѣе отчетливое и точное представленіе о томъ, какъ складываются и какъ колеблются подъ вліяніемъ перемѣнъ въ цѣнности рубля денежные цѣны во всѣхъ отдѣлахъ народно-хозяйственнаго оборота.

Но все это касается, такъ сказать, *количественной* стороны вопроса, болѣе или менѣе точнаго *учета* народнохозяйственнаго значенія денежной реформы. По отношенію къ сторонѣ *принципіальной* все сказанное выше едва ли можетъ оставлять сомнѣніе, что переходъ отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому для интересовъ народнаго хозяйства даетъ несомнѣнный плюсъ,—какова бы ни была численная величина этого плюса. Непрочность и не-

На цѣны мѣстныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ заграничнаго *отпуска*, колебанія курса дѣйствуютъ менѣе непосредственно, чѣмъ на цѣны предметовъ ввоза. По отношенію къ вывозу измѣненія въ цѣнѣ денегъ служатъ какъ импульсъ къ большому или меньшему его оживленію, а слѣдовательно, къ большому или меньшему спросу на вывозимые товары на внутреннемъ рынкѣ. Если, при той же цѣнѣ въ металлическихъ рубляхъ, стоимость отпускныхъ товаровъ по счету на рубли кредитныя будетъ, при пониженіи курса, вышепрежняго, — то продавецъ этого товара будетъ получать извѣстную выгоду до тѣхъ поръ, пока точно также не повысится въ цѣнѣ и остальные предметы на внутреннемъ рынкѣ. Эта выгодность отъ экспорта создаетъ усиленный спросъ на вывозимые товары, который, въ свою очередь, долженъ вести къ повышенію ихъ мѣстныхъ цѣнъ, пока опять таки возросшее предложеніе не покроетъ этого спроса. При движеніи курса въ обратную сторону, т. е. при тенденціи къ его повышенію, будетъ обнаруживаться движеніе спроса и цѣнъ въ направленіи, противоположномъ описанному и т. д.

Цѣны продуктовъ внутренняго производства и внутренняго же потребленія такого косвеннаго вліянія лажъ не могутъ на себѣ испытывать. Поэтому ихъ зависимость отъ внѣшней цѣны денегъ является гораздо болѣе слабой, и они очень медленно и очень неполно отражаютъ на себѣ перемѣны въ этой цѣнѣ. Наконецъ, всего слабѣе затрогиваются колебаніями курса цѣны труда, которыя — какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, гдѣ движеніе этихъ цѣнъ подвергалось систематическому изученію — вообще оказываются всего менѣе способными приспособляться ко всякимъ измѣненіямъ въ условіяхъ рынка.

Точно также неравномѣрно распредѣляются измѣненія цѣнъ, въ зависимости отъ курса денегъ, и по территоріи страны. И чѣмъ обширнѣе эта территорія, чѣмъ менѣе развиты въ ней пути сообщенія, чѣмъ слабѣе хозяйственные связи между отдѣльными ея частями — тѣмъ большіе размѣры можетъ принимать эта неравномѣрность.

Наконецъ, чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ отъ какихъ именно *причинъ* произошло измѣненіе лажъ на золото и курса рубля. Мы знаемъ, что курсъ этотъ колеблется не только подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, касающихся *внѣшняго* обѣна, международныхъ расчетовъ, но точно также онъ отражаетъ на себѣ и всѣ другія вліянія, роняющія *внутреннюю* цѣнность денегъ. Курсъ есть очень чувствительный барометръ, показывающій всякія измѣненія въ положеніи бумажныхъ денегъ, и внѣ, и внутри страны. Если, напр., въ странѣ произойдетъ крупный выпускъ бумажекъ для государственныхъ цѣлей, — при неизмѣнившемся положеніи торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ и, слѣдовательно, при неизмѣнившемся спросѣ на деньги — цѣна денегъ на золото немедленно упадетъ, хотя въ международныхъ расчетахъ непосред-

ственно никакого измѣненія не произошло. Во всѣхъ такихъ случаяхъ колебанія даже являются не столько *причиной* дальнѣйшихъ измѣненій во *внутренней* цѣнности денегъ, сколько *показателемъ* этихъ измѣненій. Само собою разумѣется, что и самыя измѣненія въ цѣнахъ внутренняго рынка будутъ значительнѣе и глубже, когда они вызываются перемѣнами, непосредственно въ условіяхъ этого рынка происходящими, нежели тогда, когда толчкомъ для переоцѣнки товаровъ и услугъ являются исключительно обстоятельства международнаго обмѣна. Но и въ этихъ случаяхъ все-таки вліяніе пертурбирующихъ причинъ на внутреннихъ цѣнахъ сказывается слабѣе, чѣмъ на высотѣ курса, и распределяется между различными категориями товаровъ приблизительно по той же схемѣ, которая намѣчена выше.

Вообще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между *курсомъ денегъ* въ международномъ обмѣнѣ и *цѣнами* рынка *внутренняго* есть вопросъ въ высшей степени сложный и трудный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ и въ высшей степени важный. Онъ является центральнымъ пунктомъ для опредѣленія *размѣровъ* того вліянія, которое оказываетъ существующая денежная система на общій ходъ народнаго хозяйства страны и *размѣровъ* тѣхъ улучшеній, которыхъ можно ожидать отъ преобразованія этой системы. Въ виду очень большой сложности явленій денежнаго обращенія, находящихся подъ воздѣйствіемъ цѣлаго переплета разнообразныхъ условій, названный вопросъ требуетъ не премѣнно не только теоретическаго анализа, но и фактическаго, *статистическаго* изученія. Къ сожалѣнію, для русскихъ условій такое изученіе почти совсѣмъ отсутствуетъ. Сравнительное изслѣдованіе движенія цѣнъ на крупныхъ и мелкихъ рынкахъ, въ разныхъ районахъ страны, съ цѣлію выяснить, какіе именно факторы оказываютъ при этомъ наиболѣе сильное вліяніе и насколько сильна взаимная зависимость между разными областями нашего денежнаго обращенія—такое изслѣдованіе никогда не привлекало къ себѣ серьезнаго вниманія нашей официальной статистики. Это очень большой и очень чувствительный пробѣлъ. Степень важности и общехозяйственнаго значенія предстоящей денежной реформы была бы гораздо яснѣе и осязательнѣе, если бы мы могли имѣть болѣе отчетливое и точное представленіе о томъ, какъ складываются и какъ колеблются подъ вліяніемъ перемѣнъ въ цѣнности рубля денежные цѣны во всѣхъ отдѣлахъ народно-хозяйственнаго оборота.

Но все это касается, такъ сказать, *количественной* стороны вопроса, болѣе или менѣе точнаго *учета* народнохозяйственнаго значенія денежной реформы. По отношенію къ сторонѣ *принципальной* все сказанное выше едва ли можетъ оставлять сомнѣніе, что переходъ отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому для интересовъ народнаго хозяйства даетъ несомнѣнный плюсъ,—какова бы ни была численная величина этого плюса. Непрочность и не-

устойчивость бумажно-денежной единицы, благодаря замкнутости бумажно-денежного обращенія и изолированности его отъ мірового денежнаго оборота и еще болѣе вслѣдствіе полной зависимости количества денегъ въ странѣ отъ произвола фиска—это первородный грѣхъ, *присущій* бумажно-денежному хозяйству. Замѣну бумажныхъ денегъ деньгами, представляющими собою товаръ, нѣтъ доступъ на всѣ рынки, и независимыми отъ усмотрѣнія финансоваго управленія, нельзя поэтому не считать шагомъ впередъ въ дѣлѣ урегулированія и упроченія денежныхъ отношеній.

Продолжая анализъ экономическихъ послѣдствій введенія у насъ золотого обращенія, мы должны остановиться еще на одномъ, косвенномъ результатѣ денежной реформы. Введеніе въ оборотъ «всемирныхъ денегъ» должно вести за собою и закрѣпленіе и оживленіе болѣе тѣсныхъ связей нашихъ съ «міровымъ» хозяйствомъ. А отсюда прежде всего мы можемъ ожидать прилива къ намъ «космополитическихъ» капиталовъ съ мірового рынка. Такой космополитизмъ капиталовъ является естественнымъ дополненіемъ космополитизма денегъ.

«Какъ деньги развиваются во всемірныя деньги, такъ и владѣлецъ товара развивается въ космополита. Космополитическое отношеніе людей между собою является первоначально только отношеніемъ ихъ, какъ владѣльцевъ товаровъ. Для товара, самого по себѣ, не существуетъ ни религіозныхъ, ни политическихъ, ни національныхъ границъ, ни границъ языка. Его всеобщій языкъ—цѣна, а его общая сущность—деньги. Но вмѣстѣ съ развитіемъ всемирныхъ денегъ, въ противоположность національной монетѣ, развивается космополитизмъ владѣльца товаровъ, какъ вѣра въ практическій разумъ, въ противоположность нравственнымъ, религіознымъ, національнымъ и другимъ предразсудкамъ, препятствующимъ обмѣну продуктовъ среди челоѣчества. Если то же самое золото, высадившись въ Англію, въ формѣ американскихъ eagles, становится совершеннымъ, а чрезъ три дня, попадая въ Парижъ, дѣлается наполеономъ, а чрезъ нѣсколько недѣль очутившись въ Венеціи, превращается въ дукаты, и притомъ сохраняетъ, однако, постоянно одну и ту же цѣнность, то владѣльцу товаровъ становится яснымъ, что національность—*«is but the guinea's stamp»* (только печать гиней). Высшая идея, въ которую для него превращается весь міръ, это идея рынка—*«всемирнаго рынка»**)».

До сихъ поръ бумажно-денежная система съ ея постоянными колебаніями денежнаго курса составляла преграду, задерживающую переходъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ, ищущихъ выгоднаго помѣщенія. Когда эта преграда будетъ разрушена,—высокій про-

*) «Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи» (Zur Kritik Politischen Oekonomie). Переводъ съ нѣмецкаго. Москва 1896, стр. 127.

центы, который могут давать у насъ деньги, несомнѣнно долженъ явиться стимуломъ для усиленной иммиграціи «сбереженій» западно-европейскихъ капиталистовъ.

Перспектива такой иммиграціи вызываетъ совершенно различныя заключенія со стороны органовъ нашей текущей печати, останавливавшихся на этомъ вопросѣ.

«Новости» считаютъ приливъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ фактомъ безусловно благоприятнымъ. Совершенно иначе настроены «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Россія—читаемъ мы въ статьи кн. А. Щербатова—стремясь къ упорядоченію своего финансоваго положенія, не должна забывать своихъ высокихъ историческихъ задачъ, своей народной самобытности. «Сильная не богатствами денежными, а силой нравственною, пускай и въ будущемъ Россія, учась у иностранцевъ всему полезному, основываетъ свое могущество на постепенномъ развитіи своей національности. Не сомнѣваясь ни минуты въ томъ, что русская народность справится съ какимъ угодно наплывомъ иностранцевъ, необходимо все-таки сознательно относиться къ таковому и признать, что наплывъ ихъ нежелателенъ и не только не принесетъ пользы, но послужитъ во вредъ правильному развитію русскаго жизненнаго строя».

Какъ видитъ читатель, въ разсужденіяхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» вопросъ переносится съ почвы экономической на другую, болѣе общую, такъ сказать національно-патріотическую. Мы не послѣдуемъ за почтенною газетою въ ея разсужденіяхъ, ибо, каково бы ни было ихъ достоинство, они во всякомъ случаѣ слишкомъ запоздали. Если можно вообще говорить о «національномъ капитализмѣ», то по отношенію къ русской капиталистической промышленности въ данный моментъ—это несомнѣнно уже поздно. Космополитическій капиталъ давно перешелъ чрезъ наши предѣлы и теперь вопросъ идетъ только о снятіи одно й изъ загородокъ, мѣшающихъ его движенію, а не о томъ, слѣдуетъ ли его вообще пускать или не пускать. Съ «покровительственными» пошлинами, въ пользу отечественной промышленности онъ уживается отлично, реализуя даже для себя не малую выгоду на счетъ русскаго потребителя. «Національные деньги» стѣсняютъ нѣсколько свободный приливъ иностранныхъ капиталовъ, но стѣсняютъ настолько же, какъ и всякое другое неблагоустройство въ странѣ,—не ставя ему непреодолимой преграды.

Вообще въ данномъ случаѣ болѣе существенное значеніе имѣетъ вопросъ о возможности большаго обилія капиталовъ въ промышленности, нежели собственно о національности этихъ капиталовъ. Капиталы эти—по крайней мѣрѣ въ той ихъ части, которая пойдетъ на производство—направятся, конечно, на поддержаніе ресурсовъ промышленности крупной. Значить извѣстное усиленіе нашей *крутой капиталистической промышленности* можетъ явиться однимъ изъ по-

слѣдствій реформы. Но однимъ обиліемъ денежныхъ капиталовъ развитіе промышленности еще не создается. Поэтому было бы столь же несомнѣтельно въ результатѣ нѣсколько большей доступности страны для иностранныхъ капиталовъ ожидать неминуемаго разцвѣта нашей промышленности, какъ и опасаться заполоненія ея иностранцами. Какъ бы то ни было, однако, для роста нашего производства вообще и крупной его формы въ частности денежная реформа этою своею стороною, т. е. большею доступностью и остью капиталовъ для промышленности, создастъ одно изъ условій несомнѣнно благоприятныхъ.

Наконецъ, слѣдуетъ указать на огромное значеніе устойчивой денежной единицы для устойчивости бюджетныхъ предположеній. Колебанія цѣнности денегъ причиняютъ и для финансовыхъ расчетовъ такое же неудобство, какъ и для торгово-промышленныхъ. По этому государственное хозяйство въ денежной реформѣ заинтересованно непосредственно и очень сильно.

До сихъ поръ мы рассматривали вопросъ объ экономическихъ послѣдствіяхъ денежной реформы съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства въ его цѣломъ. Но народно-хозяйственная организація страны, на теперешней ступени ея развитія, представляется настолько сложною и расчлененною, и различныя хозяйственныя группы, въ нее входящія, въ такой мѣрѣ неоднородны между собою, — что интересы цѣлаго не всегда совпадаютъ съ интересами всѣхъ его составныхъ частей. Если замѣна системы бумажнаго обращенія металлическою денежною системою, для народнаго хозяйства въ *общемъ*, представляется выгодною, отсюда нельзя еще заключить, чтобы то же было справедливо и по отношенію ко всѣмъ группамъ хозяйственныхъ интересовъ. Именно коренная особенность бумажно-денежнаго хозяйства, о которой мы говорили выше, — существованіе *двойной цѣнности* денегъ, внѣшней (опредѣляемой курсомъ на золото) и внутренней (выражающейся въ покупательной силѣ денегъ на внутреннемъ рынкѣ) можетъ создавать извѣстныя выгоды для отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ. Такъ прежде всего въ *колебаніяхъ* курса и въ ту, и въ другую сторону заинтересована *спекуляція*, играющая на этомъ курсѣ. Извѣстно, какіе крупныя размѣры принимала еще очень недавно на берлинской биржѣ игра непосредственно на курсѣ рубля. Такая игра происходитъ и на отечественныхъ, «національныхъ» биржахъ, не только фондовыхъ, но и товарныхъ, принимая очень разнообразныя формы и имѣя конечною своею цѣлью учсть и реализовать измѣненіе въ курсѣ денегъ *ранѣе*, нежели оно отразится на внутреннихъ цѣнахъ.

Въ народно-хозяйственномъ отношеніи такая спекуляція есть вещь безусловно вредная, и вопреки нашимъ патріотическимъ эконо-

номинамъ, мы можемъ найти очень мало утѣшенія въ томъ, что въ данномъ случаѣ игра ведется около «національных» денегъ, «отечественными» спекулянтами.

Затѣмъ есть очень могущественные интересы, для которыхъ можетъ быть выгодно *понижающее* движеніе курса, хотя такой выгоды для народнаго хозяйства *въ его цѣломъ* никакъ нельзя найти.

На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить тѣ хозяйственныя группы, интересы которыхъ связаны съ *экспортомъ* мѣстныхъ продуктовъ за границу. У насъ, по характеру нашего экспорта, главное содержаніе котораго составляетъ хлѣбъ и сырье, въ пониженіи курса, помимо торговцевъ-экспортеровъ, заинтересованы всего болѣе производители этого сырья, прямо или косвенно имѣющіе дѣло съ экспортомъ, главнымъ образомъ сельскіе хозяева. Нельзя поэтому, считать случайнымъ и то обстоятельство, что, при толкахъ о денежной реформѣ, наиболѣе рѣшительныя, принципиальныя противъ нея возраженія шли именно изъ лагеря публицистовъ, всегда поддерживавшихъ землевладѣльческіе интересы.

Понижающійся курсъ составляетъ извѣстную *премію* на вывозъ, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ штрафомъ на ввозъ. Цѣны вывозимыхъ предметовъ въ международной торговлѣ опредѣляются на золото. Чѣмъ дороже золото, тѣмъ большому числу кредитныхъ рублей будетъ равняться полученная продавцомъ, за отпущенный за границу товаръ, сумма золотыхъ денегъ. Если цѣна четверти пшеницы стоила, положимъ, 8 р. металлич. и курсъ стоялъ по 1 р. 20 к. кредитн. за 1 рубль металлическій, то за каждую четверть продавецъ получалъ 9 р. 60 к. кредитныхъ; при паденіи курса до 1 р. 50 к. и при той же металлической цѣнѣ хлѣба его выручка составитъ уже 12 р. Какъ мы знаемъ при этомъ, на внутреннемъ рынкѣ цѣны всѣхъ предметовъ ни въ какомъ случаѣ не возрастутъ немедленно въ такой же степени; значить, имѣя большее количество рублей, нашъ продавецъ получаетъ нѣкоторое приращеніе своей покупательной силы по отношенію къ мѣстнымъ товарамъ. Если мы предположимъ, для простоты, что экспортеромъ является непосредственно землевладѣлецъ и что издержки его заключаются въ платѣ его рабочимъ,—то вся разница въ цѣнѣ пшеницы до и послѣ паденія курса цѣликомъ составитъ его барышъ и барышъ этотъ онъ будетъ удерживать въ своихъ рукахъ до новаго измѣненія въ величинѣ лажа. Въ дѣйствительности, однако, дѣло не стоитъ такъ просто. Во-первыхъ, выгоды отъ паденія курса распредѣляются между нѣсколькими категориями лицъ, прикосновенныхъ къ экспорту. Помимо производителя, долю—и очень большую долю—участія въ нихъ имѣетъ и торговецъ-экспортеръ, и банкиръ, при помощи котораго реализуются сдѣлки, и наконецъ заграничный покупатель. Рѣдко бываетъ такъ, чтобы пониженіе курса денегъ происходило при неизмѣнной металлической цѣнѣ предметовъ вы-

воза. Обыкновенно и эта цѣна падаетъ одновременно, такъ что выгода для мѣстныхъ участниковъ экспорта реализуется только на счетъ разности между паденіемъ курса и паденіемъ металлической цѣны экспортируемыхъ товаровъ. Затѣмъ, прибыли, выпадающія на долю продавцевъ товара, мѣстная цѣна котораго повысилась вслѣдствіе пониженія курса кредитныхъ денегъ, ведутъ за собою усиленное предложеніе этого товара (послѣ нѣкотораго оживленія спроса), которое должно вести къ паденію цѣнъ. Такимъ образомъ чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени прибыли снова выравниваются и дѣла приходятъ въ прежнее, а можетъ быть даже и въ менѣе благоприятное для экспортирующихъ хозяевъ положеніе. Чтобы они могли выручать тѣ барыши, которые вызваны были пониженіемъ курса, нужно опять еще новое его пониженіе и т. д. Но непрерывное пониженіе курса нельзя себѣ представить. Поэтому при господствѣ бумажно-денежнаго обращенія интересы производителей предметовъ заграничнаго отпуска должны періодически испытывать угнетеніе, при сильнѣйшей понижательной тенденціи курса на повышательную. Если повышенія курса,—со свойственною имъ тенденціею понижать цѣну экспортируемыхъ товаровъ въ кредитныхъ рубляхъ—совпадаютъ съ такими періодами, когда, подъ вліяніемъ другихъ, помимо курса, обстоятельствъ, цѣны стоятъ на высокомъ уровнѣ, то тѣ и другія вліянія взаимно компенсируются, и производители вывозныхъ товаровъ не испытываютъ особыхъ стѣсненій вслѣдствіе возвышенія цѣны денегъ. Но если такое повышеніе произойдетъ въ періоды угнетеннаго состоянія цѣнъ,—его воздѣйствіе можетъ оказаться очень чувствительнымъ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, сельское хозяйство переживаетъ уже долго длящійся кризисъ, вызванный общимъ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ мировомъ хозяйствѣ. Для нашего хлѣбнаго экспорта паденіе цѣнъ, выраженныхъ въ золотѣ, смягчалось одновременнымъ паденіемъ денежнаго курса. Это обстоятельство, отчасти по крайней мѣрѣ, уравнивало потери, которыя несли хозяева отъ хлѣбнаго кризиса. Фиксация курса при продолжающемся пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ на мировомъ рынкѣ—если таковое будетъ имѣть мѣсто—заставитъ землевладѣльцевъ испытать послѣдствія такого пониженія въ полной мѣрѣ. Отсюда понятна тревога въ лагерѣ публицистовъ, стоящихъ на стражѣ землевладѣльческихъ интересовъ,—не рѣдко отождествляемыхъ ими съ интересами всего сельскаго населенія, всей «провинціи» или даже всей страны.

Другою хозяйственною группою—помимо экспортеровъ и производителей предметовъ отпускной торговли—которая заинтересована въ пониженіи денежнаго курса, являются производители товаровъ, конкурирующихъ со ввозимыми изъ заграницы,—въ русскихъ условіяхъ фабриканты. Если по отношенію къ вывозу па-

деніе курса создаетъ извѣстную премію, то для *ввоза* оно равнозначительно установленію добавочной охранительной пошлнны. Всѣ предметы ввоза на мѣстномъ рынкѣ дѣлаются дороже, такъ какъ прежняя ихъ цѣна въ металлическихъ деньгахъ теперь равняется уже большому количеству бумажныхъ рублей. Если, какъ это имѣетъ мѣсто у насъ, таможенная пошлина уплачивается обязательно золотомъ, то повышеніе стоимости ввозныхъ товаровъ на мѣстномъ рынкѣ будетъ вызываться двумя причинами сразу: мѣстному покупщику придется уплачивать большее количество кредитныхъ рублей и иностранному продавцу въ видѣ платы за товаръ, и фиску въ видѣ таможенной пошлнны.

Все, что ведетъ къ затрудненію сбыта иностранныхъ товаровъ, должно создавать извѣстное преимущество для отечественныхъ промышленниковъ, производящихъ тѣ же товары или такіе, которыми могутъ быть замѣнены вздорожавшіе иностранные. Но само собою разумѣется, что эта выгода фабрикантовъ можетъ быть куплена только на счетъ потребителей. Убытки отъ возвышенія цѣнъ на такіе предметы ввоза, которые не могутъ быть замѣнены тѣми же или однородными продуктами мѣстнаго производства, цѣликомъ падаютъ на потребителя, не создавая взаимнѣ выгодъ ни для какого класса мѣстныхъ производителей.

Помимо названныхъ группъ, никакіе другіе классы населенія ни прямо, ни косвенно не заинтересованы въ пониженіи денежнаго курса и происходящихъ отъ него измѣненіяхъ товарныхъ цѣнъ. Напротивъ, въ качествѣ *покупателей*, они могутъ только страдать; а въ качествѣ продавцовъ—могутъ лишь отчасти возмѣститъ повышеніемъ цѣнъ предлагаемыхъ товаровъ или услугъ, свои убытки, какъ покупателей. Всего болѣе это примѣняется къ тѣмъ лицамъ, которыя получаютъ свой доходъ въ видѣ опредѣленнаго жалованія или заработной платы. Какъ мы уже говорили, цѣна труда представляется наименѣ гибкою и наименѣ приспособляющеюся къ измѣненіямъ въ цѣнахъ другихъ товаровъ. Размѣры жалованья служащимъ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ или въ частныхъ предпріятіяхъ не видоизмѣняются сообразно съ движеніемъ цѣнъ на предметы потребленія. То же можно сказать и о разныхъ формахъ заработной платы, и при томъ, чѣмъ затруднительнѣе положеніе рабочаго, чѣмъ сильнѣе его нужда и чѣмъ менѣе вслѣдствіе этого онъ имѣетъ возможности диктовать условія найма—тѣмъ менѣе возможно ожидать возвышенія заработной платы, параллельнаго съ повышеніемъ цѣнъ на тѣ предметы, которые рабочій долженъ покупать. Такимъ образомъ и въ этой частной области мы можемъ отмѣтить ту же градацію въ характерѣ и степени вліянія, оказываемаго пониженіемъ цѣны денегъ и соотвѣтственнымъ возвышеніемъ цѣнъ товаровъ, какая можетъ быть установлена и для народнаго хозяйства вообще. Если изъ всѣхъ классовъ населенія всего тяжелѣе паденіе цѣны

денегъ можетъ отразиться на наименѣе обеспеченномъ классѣ представителей труда, то и внутри этого класса потери отъ этого паденія раздѣлятся между различными слоями рабочего населенія обратно пропорціонально степени ихъ состоятельности.

При теперешнихъ условіяхъ нашей деревни доходы отъ заработка, въ той или иной формѣ, составляютъ очень значительную долю общаго дохода массы крестьянства. По этому признаку все крестьянское населеніе можетъ быть раздѣлено на три группы: 1) крестьяне, живущіе исключительно отъ заработка; 2) отъ заработка и отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства и 3) исключительно отъ собственнаго хозяйства. Двѣ первыя группы несомнѣнно значительно превышаютъ по численности третью. Значитъ то, что было сказано выше объ интересахъ труда по отношенію къ колебаніямъ цѣны денегъ, примѣнимо и къ большинству крестьянскаго населенія или вполне (группа 1-я) или въ значительной части (группа 2-я).

Но и какъ землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ, производящій и частію продающій хлѣбъ, крестьянинъ, по крайней мѣрѣ въ массѣ, заинтересованъ далеко не въ такой мѣрѣ въ повышеніи цѣны этого хлѣба, *путемъ пониженія цѣнности денегъ*, какъ крупный производитель. Конечно, если бы, *при прочихъ условіяхъ равныхъ*, цѣна вывозимаго крестьяниномъ на рынокъ хлѣба повысилась, онъ могъ бы отъ этого только выиграть. Но когда повышение хлѣбныхъ цѣнъ является результатомъ паденія цѣнности денегъ, о немъ нельзя сказать, что оно происходитъ при прочихъ условіяхъ равныхъ. Если при этомъ производитель хлѣба выигрываетъ въ качествѣ продавца, то въ то же время проигрываетъ какъ покупатель другихъ продуктовъ, такъ какъ слѣдствіемъ паденія денежнаго курса должно явиться вздорожаніе первоначально цѣнъ ввозныхъ товаровъ, а потомъ и остальныхъ (хотя и не въ одинаковой мѣрѣ). Если доходъ отъ продажи хлѣба вообще невеликъ, то все его приращеніе можетъ быть поглощено увеличеніемъ расходовъ на личныя и хозяйственныя потребности. Въ мелкомъ хозяйствѣ мы можемъ встрѣтиться съ такимъ результатомъ, конечно, гораздо чаще, чѣмъ въ крупномъ. Съ другой стороны и самое повышение хлѣбныхъ цѣнъ вълѣдствіе оживленія экспорта тоже идетъ концентрическими кругами, изъ которыхъ самыя широкіе и самыя отдаленныя испытываютъ это вліяніе всего слабѣе и всего позже. До нихъ волна можетъ достигнуть, въ извѣстныхъ случаяхъ, уже тогда, когда начнется обратное теченіе цѣнъ.

Сводя вмѣстѣ все сказанное, мы видимъ, что при движеніи денежнаго курса *внизъ* выигрываютъ двѣ хозяйственныхъ группы: съ одной стороны экспортеры и производители хлѣба и другихъ предметовъ для заграничнаго вывоза, а съ другой—производители мѣстныхъ товаровъ, конкурирующихъ съ иностранными. Совершенно обратное вліяніе пониженіе курса оказываетъ на классы населенія, получающіе доходъ отъ продажи труда. Для нихъ оно сопряжено съ несомнѣнными потерями. Между этими крайними полюсами рас-

полагаются остальные классы населенія, причемъ однако численное большинство этого населенія ближе къ нижнему, нежели къ верхнему полюсу.

Намъ остается сказать два слова о значеніи пониженія денежнаго курса для всей страны, рассматриваемой какъ одно цѣлое, какъ единичное хозяйство, участвующее въ международномъ обмѣнѣ. Съ этой точки зрѣнія общій результатъ паденія цѣны денегъ не можетъ считаться благоприятнымъ, такъ какъ паденіе это равносильно обезцѣненію нашего вывоза и повышенію оцѣнки заграничнаго ввоза. При пониженіи курса, вывозъ усиливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и цѣна вывозныхъ товаровъ по расчету на золото. Наоборотъ ввозъ оказываетъ тенденцію къ сокращенію. За то же или за меньшее количество продуктовъ труда другихъ странъ, съ которыми мы обмѣниваемся, мы отдаемъ такимъ образомъ большее относительно прежняго количество труда національнаго. Вся страна въ цѣломъ отъ этого, конечно, остается въ убыткѣ, какія бы прибыли ни выручали разныя отдѣльныя группы населенія, такъ или иначе участвующія въ процессѣ международного обмѣна.

Мы не имѣемъ возможности остановиться здѣсь съ такою же подробностью на разсмотрѣніи результатовъ движенія курса въ обратную сторону, т. е. въ сторону *повышенія*. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что повышенія курса создаютъ въ движеніи цѣнъ тенденции обратныя тѣмъ, которыя вызываются паденіемъ цѣнности денегъ. Если это послѣднее, какъ мы видѣли, создаетъ родъ преміи на вывозъ и пошлины на ввозъ, то при повышательномъ движеніи курса, наоборотъ, поощряется ввозъ (такъ какъ предметы ввоза при той же стоимости на золото дѣлаются дешевле въ кредитныхъ деньгахъ и спросъ на нихъ долженъ, слѣдовательно, расти) и затрудняется вывозъ. Покупательная сила кредитныхъ денегъ повышается, наоборотъ товарныя цѣны должны дешеветъ; общій процессъ приспособленія цѣнъ къ измѣнившимся условіямъ рынка будетъ заключаться поэтому въ *пониженіи* всѣхъ оцѣнокъ, соотвѣтственно повысившейся цѣнности денегъ, т. е. движеніе пойдетъ въ направленіи противоположномъ тому, которое наблюдается въ періоды паденія курса. Но и въ данномъ случаѣ, названный процессъ переоцѣнки будетъ совершаться медленно, неполно и неравномѣрно. Болѣе сильныя экономически группы населенія скорѣе и легче найдутъ при этомъ возможность компенсировать невыгодныя для нихъ послѣдствія движенія курса, нежели тѣ классы населенія, которые терпѣли отъ низкаго курса. Поэтому тѣ выгоды, которыя эти классы могли бы теперь—при предположеніи прочихъ условій благоприятныхъ—получить вслѣдствіе пониженія *покупательной цѣны* предметовъ ихъ потребленія, оказываются часто иллюзорными и ни въ какомъ случаѣ не достигаютъ размѣровъ тѣхъ потерь, которыя причиняются паденіемъ цѣнности денегъ. Вотъ почему малодостаточное боль-

шинство населенія—поскольку его интересы вообще затрогиваются курсомъ денегъ— всего болѣе заинтересовано въ устойчивости и постоянствѣ денежной валюты.

При *колебаніяхъ* курса въ ту и въ другую сторону описанныя выше послѣдствія его пониженія и его повышенія не уравниваются взаимно, а скорѣе обостряются. Мы видѣли, что взаимная компенсація интересовъ, затронутыхъ перемѣнами въ цѣнности денегъ, и приспособленіе всѣхъ оцѣнокъ къ измѣнившимся условіямъ происходитъ на внутреннемъ рынкѣ очень медленно и постепенно. Если повышенія и пониженія курса поочередно смѣняются другъ друга, на короткихъ промежуткахъ времени, то такая компенсація должна встрѣчать огромныя затрудненія: въ то время, когда волна повышенія еще не достигнетъ тѣхъ категорій цѣнностей, которыя медленно поддаются измѣненію, можетъ наступить уже обратное теченіе, которое опять начнетъ понижать товарныя цѣны, съ тѣмъ чтобы новое паденіе денегъ погнало ихъ снова вверхъ и т. д. При такомъ положеніи дѣлъ колебанія товарныхъ цѣнъ будутъ сосредоточиваться главнымъ образомъ на крайнихъ, наиболѣе чувствительныхъ къ перемѣнамъ курса ступеняхъ набросанной выше схемы, не уравниваясь съ соответственными общими повышеніями или пониженіями всѣхъ оцѣнокъ. Это несомнѣнно откроетъ широкій просторъ для дѣятельности спекуляціи на разницу въ курсѣ, которая одна въ концѣ концовъ и реализуетъ прибыль отъ неустойчивости и непрочности денежныхъ оцѣнокъ.

Если характеризующія бумажно-денежную систему колебанія цѣнности денегъ отражаются, какъ мы видѣли, неодинаково на интересахъ разныхъ группъ населенія, причемъ то, что приноситъ однимъ изъ нихъ прибыль, составляетъ для другихъ потерю—то то же самое должно имѣть мѣсто и при *процессѣ перехода* отъ бумажнаго хозяйства къ металлическому. И здѣсь нѣкоторые интересы должны неминуемо пострадать, другіе—выиграть. Это примѣнимо къ обѣимъ формамъ восстановленія металлическаго обращенія—и путемъ *повышенія* цѣнности кредитныхъ денегъ до ихъ нарицательной стоимости, равной съ золотомъ, и путемъ закрѣпленія пониженного курса или такъ называемой *девальвации*. Въ первомъ случаѣ переходъ къ разнѣ и металлическому обращенію только тогда могъ бы произойти безъ потрясеній и жертвъ, если бы онъ совершился такъ сказать естественно, путемъ постепеннаго возрастанія цѣнности бумажныхъ денегъ, подъ влияніемъ роста торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, до полного ихъ равенства съ золотомъ. *Искусственное* повышеніе курса—путемъ выкупа и изытія изъ обращенія части бумажныхъ денегъ или иными способами—несомнѣнно должно вызывать значительныя перетасовки въ установившихся отношеніяхъ, въ особенности если низкій курсъ

установился уже давно и падение ценности денег достигло значительных размеров. Все кредиторы, по отдельным, заключенным до реформы, получают незаслуженный подарок, а дебиторы понесут незаслуженные потери, так как действительная ценность денег, которые одни должны будут получить, а другие уплатить, будет уже не та, при какой заключалась сделка.

Что касается *девальвации*, то судить об экономических последствиях, связанных с ее осуществлением, можно отчасти по тому, что сказано было выше относительно последствий *понижения* курса. Мы видели, что при таком понижении происходит процесс известного перераспределения покупательной силы между различными группами населения, процесс, в общем неблагоприятный для менее достаточных классов. Девальвация, закрепляя понизившийся курс, закрепляет вместе с тем и изменение отношений, явившихся в результате этого процесса.

Если фиксируемый при девальвации курс стоял долго на уровне близком к тому, который теперь закрепляется, то вредные последствия девальвации должны сказываться менее, так как большая относительно часть цѣн могла уже привыкнуть к условиям, созданным падением курса, но *с полной мѣрой* такое приспособление—как мы уже говорили—никогда не завершается. Поэтому всегда, при фиксации пониженного курса, интересы некоторой части населения должны страдать.

Но бывают, конечно, такие положения, при которых этим меньшим злом приходится жертвовать для избежания большего. Если естественное восстановление правильного обращения путем постепенного повышения ценности бумажных денег представляется невозможным, а между тем общия условия страны допускают осуществимость денежной реформы, то выбор той или другой из ее форм зависит от обстоятельств. При долговременном и глубоком относительно падении курса девальвация является не только наиболее предпочтительным, но и единственным возможным способом восстановления равнѣя.

Восстановление нарушенного металлического обращения сопряжено неизбежно с известными жертвами не только для отдельных групп населения. Оно покупается также и крупными жертвованиями цѣлой страны. Это более чѣм справедливо и по отношению к предстоящей у нас денежной реформѣ.

Правда, если брать во внимание только один настоящий момент, может казаться, что осуществление реформы не потребует никаких жертв ни от фиска, ни от страны. Но это только потому, что такая жертва—и при том очень чувствительная—уже принесена ранее.

Для того, чтобы можно было приступить к равнѣю, необходимы были двѣ главные подготовительныя мѣры: 1) достижение «благо-

приятнаго» торговаго баланса и 2) накопленіе достаточнаго металлическаго размыннаго фонда.

Благоприятный торговый баланс—это значитъ превышеніе вывоза изъ страны надъ ввозомъ. Такимъ образомъ по расчетамъ за обмѣняемые товары страна становится въ положеніе кредитора и можетъ этимъ путемъ покрывать другія свои долговныя обязательства предъ иностранцами. Россія вывозитъ за границу главнымъ образомъ хлѣбъ, ввозитъ же оттуда весьма разнообразныя товары, и въ обработанномъ, и въ полуобработанномъ, и въ сыромъ видѣ, огромная доля которыхъ идетъ на удовлетвореніе потребностей весьма широкихъ круговъ населенія. Благоприятный торговый балансъ у насъ достигнуть былъ, съ одной стороны, сжатіемъ ввоза путемъ очень высокихъ охранительныхъ, а частію же прямо запретительныхъ пошлинъ на продукты чужестранной промышленности, а съ другой — усиленіемъ хлѣбнаго экспорта. Но за высокія таможенныя пошлины расплачивается, и очень дорого, русскій потребитель, расплачивается вдвойнѣ, внося и пошлину фиску въ составъ цѣны покупаемыхъ имъ заграничныхъ товаровъ, и пошлину отечественнымъ «покровительствуемымъ» фабрикантамъ, поднимающимъ соответственно цѣны и своихъ издѣлій. Что касается хлѣбнаго вывоза, то до сихъ поръ еще очень большой вопросъ: что именно мы вывозимъ, дѣйствительно ли «излишки» произвимаго хлѣба, или же вывозъ идетъ на счетъ необходимаго потребленія; гораздо болѣе данныхъ имѣется въ пользу послѣдняго предположенія. Такимъ образомъ «благоприятный» балансъ купленъ очень дорогою цѣною. Конечно, не одними потребностями подготовить денежную реформу создалось такое направленіе нашей таможенной политики. На первомъ планѣ стояли здѣсь другіе болѣе сильные интересы,—но какъ бы то ни было установленіе и дальѣйшее поддержаніе благоприятнаго баланса является необходимымъ условіемъ введенія металлическаго обращенія.

Другое подготовительное условіе реформы—накопленіе металлическаго фонда — тоже получено далеко не даромъ. Какъ мы говорили выше, въ размынномъ фондѣ государственнаго банка сосредоточено въ настоящее время 500 милл. полноцѣнныхъ металл. рубл. Общіе запасы накопленнаго правительствомъ золота еще выше. По сообщенію, напечатанному въ № 8 «Вѣстн. Финансовъ», золота, принадлежащаго государственному казначейству и государственному банку, на 19 февраля 1896 г. состояло всего на 728¼ милл. рубл. По переводѣ на кредитные рубли, по теперешнему курсу (1 р. 50 к. кредитн. за 1 мет.) это составитъ слишкомъ миліардъ (1092,4 милл. р.). Такая громадная сумма накоплена изъ бюджетныхъ средствъ; получаемыхъ путемъ налоговъ и займовъ. Возможно это было только благодаря двумъ характернымъ чертамъ, которыя всегда были свойственны нашему государственному хозяйству, но съ особенною рѣзкостью выступили именно въ послѣдніе

годы относительнаго финансоваго благополучія—именно крайнему напряженію платежныхъ силъ населенія, съ одной стороны, и крайней экономіи въ удовлетвореніи даже наиболѣе настоятельныхъ и вопіющихъ культурныхъ потребностей его съ другой. Наши налоги не только не уменьшались, но наоборотъ, усиленно развивались за тотъ періодъ, когда превышеніе доходовъ надъ расходами сдѣлалось обычнымъ явленіемъ; точно также не сдѣлались отъ этого щедрѣе и ассигнованія на такіа нужды, какъ народное образованіе или помощь народному хозяйству.

Финансовое вѣдомство копило и приращало запасы и «свободную наличность» въ то время, какъ за податнымъ населеніемъ накоплялись неоплатныя недоимки. Теперь въ рукахъ казны находится цѣлый миллиардъ, $\frac{1}{4}$ котораго назначается на осуществленіе денежной реформы.

При сознаніи всей полезности этой реформы, все таки естественно можетъ возникнуть вопросъ: не слишкомъ ли дорогою цѣною она покупается. Не нарушается ли правильная перспектива нашихъ народно-хозяйственныхъ нуждъ сосредоточеніемъ всѣхъ усилий на урегулированіи денежнаго обращенія, т. е. на такой реформѣ, которая во всякомъ случаѣ касается болѣе поверхностныхъ, чѣмъ глубокихъ слоевъ нашего народнаго хозяйства. Значительная доля хозяйственныхъ оборотовъ тѣхъ классовъ населенія, взносами которыхъ главнѣйшимъ образомъ и создается государственный бюджетъ, совершается еще въ натуральной формѣ (припомнимъ, что наибольшая часть помѣщичьей земли обрабатывается крестьянами изъ доли или въ формѣ отработковъ). Затѣмъ и въ денежномъ хозяйствѣ многомилліонныхъ массъ сельскаго населенія «неустройство денежной системы» играетъ совершенно подчиненную и второстепенную роль сравнительно съ массою другихъ «неустройствъ», заставляющихъ крестьянина дешево и не во время продавать свой трудъ и продукты этого труда и, наоборотъ, дорого покупать то, что ему нужно, чтобы поддерживать свое существованіе и свою «платежную способность». При такихъ условіяхъ можно ли упорядоченіе денежнаго обращенія ставить въ край угла всей экономической политики государства?

Реакція противъ нѣкотораго преувеличенія значенія денежной реформы несомнѣнно отразилась на общественномъ отношеніи къ этой реформѣ.

Крупные размѣры тѣхъ жертвъ, которыя потребовались для возможности осуществленія размѣна, объясняютъ также и жгучесть опасеній за удачный исходъ реформы, которыя слышались и со страницъ печатныхъ органовъ и въ разсужденіяхъ ученыхъ обществъ. Вѣдь въ случаѣ неуспѣха мѣропріятій, проектированныхъ министерствомъ финансовъ, всѣ эти жертвы должны пропасть даромъ.

Мы подходимъ къ тому вопросу, около котораго сосредоточивалась главная часть дебатовъ по поводу денежной реформы: именно къ вопросу о томъ, останется ли золото, пущенное въ обращеніе, въ странѣ или уйдетъ за границу.

Къ сожалѣнію, наши замѣтки настолько перешли уже законные предѣлы, что мы можемъ только очень бѣгло коснуться этого вопроса, предоставляя себѣ еще вернуться къ нему впоследствии.

Нужно сказать, впрочемъ, что, не смотря на обиліе и печатныхъ, и устныхъ сообщеній по вопросу о будущихъ судьбахъ нашего золота, мы все таки находимся здѣсь въ области гаданій и предположеній. Въ данномъ случаѣ въ особенности приходится пожалѣть, что достойнѣе публики не сдѣлались всѣ тѣ фактическія данныя, цифровыя матеріалы и расчеты, которые несомнѣнно должны были быть собраны министерствомъ финансовъ для выясненія связанныхъ съ проектируемою реформою вопросовъ. Тогда быть можетъ хотя на нѣкоторыя стороны этой реформы было бы пролито болѣе свѣта.

Не имѣя возможности входить въ детальное обсужденіе вопроса, оградимся указаніемъ тѣхъ главныхъ условий, которыя и сторонниками, и противниками реформы признаются необходимыми для успѣшнаго ея осуществленія. Такихъ условий три. Это—во-первыхъ, благоприятный расчетный балансъ; во-вторыхъ, правильная организація выпуска и размѣна кредитныхъ билетовъ и въ-третьихъ, равновѣсіе государственнаго бюджета. Наличие этихъ условий необходимо для того, чтобы золото, пущенное въ обращеніе, оставалось въ странѣ и не отливало за границу.

Расчетный международный балансъ представляетъ собою явленіе очень сложное. Въ активъ его входятъ всѣ суммы, которыя данная страна должна получить изъ за границы; въ пассивъ—всѣ платежи, которые должны быть произведены за ея счетъ за границей. Понятіе расчетнаго баланса шире, нежели понятіе баланса торговаго, т. е. соотношенія между вывозомъ и ввозомъ товаровъ въ международномъ обмѣнѣ. Расчетный балансъ, кромѣ того, охватываетъ собою платежи по вѣншнимъ займамъ, за фрахты, перестрахованія, передвиженія денежныхъ капиталовъ и процентныхъ бумагъ изъ страны въ страну, платежи по разнымъ денежнымъ сдѣлкамъ частныхъ лицъ, расходы путешественниковъ и т. д. Если по всѣмъ расчетамъ страна должна получить больше, чѣмъ отдать, балансъ склоняется въ ея пользу, если платежи превышаютъ полученія—противъ. При неблагоприятномъ состояніи платежнаго баланса золото должно уходить изъ страны (если она его имѣетъ). Если золота нѣтъ, платежи покрываются или займами, или форсированнымъ расширеніемъ вывоза (соединеннымъ съ пониженіемъ международной цѣны вывозимыхъ товаровъ и паденіемъ курса денегъ отпускающей страны).

Въ какую же сторону склоняется русскій расчетный балансъ?

Имѣющіяся данныя не позволяютъ опредѣлить этого съ точностію. Болѣе или менѣе достовѣрно извѣстны только двѣ главныя статьи. Одна, стоящая въ активѣ, дается итогами торговаго баланса. По даннымъ нашей официальной статистики, стоимость вывоза товаровъ, начиная съ 1882 г., ежегодно превышаетъ стоимость ввоза. За десятилѣтіе 1885—94 г. такое превышеніе составляло въ среднемъ 222 милл. р. кред. въ годъ (съ колебаніями отъ 62 м. р. въ 1886 до 423 м. въ 1891 г.), съ другой стороны, сумма нашихъ платежей по государственнымъ вѣншнимъ займамъ—которая должна быть поставлена въ пассивѣ нашего баланса—опредѣляется въ 105 м. р. металл. или 157,2 м. р. кред. Если бы всѣ международные расчеты ограничивались этими двумя статьями, результатъ баланса можно бы было считать благопріятнымъ. Но въ дѣйствительности на этотъ результатъ оказываютъ вліяніе и другія категоріи расчетовъ, направленіе и численная величина которыхъ не могутъ быть опредѣлены съ точностію. Поэтому объ общемъ характерѣ нашего расчетнаго баланса въ настоящее время можно судить только приблизительно, по косвеннымъ признакамъ. Предполагаютъ, что онъ довольно близокъ къ равновѣсію и потому,—если бы золото сейчасъ циркулировало въ странѣ, оно или вовсе не отливало бы за границу, или отливало бы въ очень слабой степени.

Но можно ли считать такое равновѣсіе, если оно дѣйствительно существуетъ, устойчивымъ? Нарушить его можетъ нѣсколько причинъ; такъ, можетъ измѣниться къ худшему торговый балансъ; затѣмъ можетъ увеличиться наша задолженность; наконецъ, можно представить себѣ такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ къ намъ могутъ вернуться большія массы нашихъ процентныхъ бумагъ, находящихся за границей.

Въ подтвержденіе возможности измѣненія торговаго баланса приводятъ данныя о фактическомъ его движеніи за послѣднее время. За четырехлѣтіе 1887—90 г. среднее превышеніе вывоза надъ ввозомъ составляло 315 милл. р., въ слѣдующемъ четырехлѣтіи средняя эта уменьшилась до 196 мил., а если отбросить 1891 г., то за 3 послѣдніе отчетные года, 1892—94, перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ доходилъ только до 120 мил.,—т. е. много отставалъ отъ цифръ ежегодныхъ платежей по государственнымъ вѣншнимъ займамъ (157 мил. р.). Можно ли поручиться, что такое пониженіе не пойдетъ и далѣе? Вѣдь есть очень вѣскія данныя, чтобы считать нашъ хлѣбный отпускъ ненормально высокимъ и не соответствующимъ размѣрамъ нашей хлѣбной производительности и внутреннего потребленія. Если даже возможныя измѣненія въ торговомъ балансѣ и не сдѣлаютъ его изъ активнаго пассивнымъ, онъ всетаки можетъ оказаться не достаточнымъ для покрытія расчетовъ по долгамъ. Съ другой стороны, можетъ увеличиться и пассивъ международныхъ расчетовъ. Количество русскихъ процент-

ныхъ бумагъ, обращающихся за границей, составляетъ огромную сумму (внѣшнихъ долговъ выпущено до 2 миллиардовъ рублей золотомъ). Если, подѣ влияніемъ пошатнувшагося довѣрія къ устойчивости нашихъ финансовъ, значительная часть этихъ бумагъ направится назадъ въ Россію (а это вполне мыслимо, ибо внутри страны бумаги дольше сохраняютъ свой курсъ, чѣмъ за границей), расплаты за эти бумаги лягутъ тяжелымъ бременемъ въ пассивѣ платежнаго баланса. Наконецъ, новое увеличеніе задолженности страны можетъ быть вызвано и новыми государственными займами для покрытія государственныхъ потребностей, не укладывающихся въ рамки обыкновеннаго бюджета.

Если которая нибудь изъ этихъ возможностей перейдетъ въ дѣйствительность и влияние ея не будетъ при этомъ уравновѣшено какими нибудь обстоятельствами, дѣйствующими въ противоположномъ направленіи (напр., ожидаемымъ приливомъ капиталовъ изъ за границы)—равновѣсіе платежнаго баланса легко можетъ быть нарушено и золото размѣннаго фонда понадобится для ликвидаціи международныхъ расчетовъ.

Другое условіе для поддержанія правильнаго золотого обращенія лежитъ въ самой организаціи дальнѣйшихъ выпусковъ (размѣнныхъ) бумажныхъ денегъ.

Кореннымъ недостаткомъ бумажно-денежной системы являлась зависимость выпуска бумажныхъ денегъ отъ произвола финансоваго управленія. При такомъ порядкѣ всегда существовала опасность, что въ случаѣ экстренной государственной нужды фискъ прибѣгнетъ къ легкому способу ея удовлетворенія — посредствомъ работы печатнаго станка. Такъ случалось и на самомъ дѣлѣ.

При новомъ порядкѣ эмиссіонную операцію предполагается передать государственному банку. Но вѣдь этотъ банкъ только одно изъ подчиненныхъ учрежденій министерства финансовъ. Можно-ли считать его дѣятельность гарантированной отъ всякихъ случайностей?

Наконецъ, рѣшающее влияние на будущія судьбы денежной реформы должно имѣть общее положеніе государственнаго хозяйства. При устойчивомъ равновѣсіи бюджета шансы удачнаго проведенія реформы приобретаютъ значительное подкрѣпленіе: при такихъ условіяхъ не будетъ необходимости ни въ давленіяхъ на государственный банкъ, ни въ увеличеніи долговъ государственнаго казначейства, неизбежно отражающихся и на платежномъ балансѣ. Съ другой стороны не будетъ также оставаться мѣста и для тѣхъ неблагоприятныхъ явленій, которыя обусловлены падающимъ довѣріемъ къ кредитоспособности государства. Но за то поворотъ финансоваго благополучія на пониженіе можетъ имѣть послѣдствія двойнѣ фатальныя: вынужденными выпусками кредитныхъ денегъ, для покрытія дефицитовъ и экстренныхъ расходовъ, или усиленными займами фискъ можетъ и самъ разстроить денежную сис-

тому; кромѣ того его затрудненія неизбѣжно вызовутъ за собою и другія опасныя для правильнаго обращенія кредитныхъ билетовъ и золота явленія.

При такомъ положеніи, когда полмилліарда кредитныхъ билетовъ остаются не покрытыми металлическимъ фондомъ, паника, вызванная сомнѣніемъ въ устойчивости размѣна, всегда можетъ сдѣлать его и въ дѣйствительности неосуществимымъ.

Такимъ образомъ вопросъ о судьбахъ денежной реформы есть болѣе всего вопросъ о прочности нашего финансоваго благополучія.

Жертвы, которыхъ она уже потребовала даже въ приготовительномъ періодѣ, какъ было указано, очень велики. Между тѣмъ самая ея успѣшность зависитъ въ огромной степени объ устойчивости фундамента всякой финансовой политики—средствъ населенія. Итакъ, величайшая осторожность въ проведеніи реформы и затѣмъ усиленное вниманіе къ развитію производительныхъ силъ страны, требующихъ дальнѣйшихъ очень значительныхъ преобразованій—вотъ что диктуется самимъ положеніемъ вещей и серьезною мѣрой. Въ этомъ, кажется, слѣдуетъ видѣть и источникъ того безпокойства и тѣхъ возраженій, которыя раздавались въ обществѣ и прессѣ, не всегда со стороны однихъ принципиальныхъ противниковъ металлическаго обращенія.

Н. Анненскій.

II.

Общество и печать.—Обостренные отношенія.—„Прививка прессы“ и ее проводящія ее явленія.—Инцидентъ Жеденева и его значеніе.

Дѣлать какія бы то ни было обобщенія и подсчеты въ области такъ называемаго общественнаго настроенія очень трудно. Если однако взять на глазомѣръ наиболѣе замѣтные факты послѣднихъ годовъ, то, кажется, съ большой степенью вѣроятности можно сказать, что въ обществѣ нашемъ проявляется теперь (правда, очень скромное) движеніе къ подъему элементарно-общественныхъ интересовъ. Вопросы народнаго образованія и школы, вопросы земскаго и вообще мѣстнаго самоуправленія, вопросъ объ освобожденіи бывшаго крѣпостнаго населенія отъ позорнаго наказанія, давно уже уничтоженнаго для остальныхъ сословій, судъ и административное начало, наконецъ вообще предѣлы взаимныхъ правъ и обязанностей разныхъ факторовъ мѣстной жизни,—все это всплываетъ теперь по всей поверхности нашего отечества, облекаясь въ живыя формы конкретныхъ столкновеній и мелкихъ конфликтовъ, ищущихъ правомѣрнаго разрѣшенія. Прислушавшись къ основѣ

нотѣ этого элементарнаго общественнаго броженія,—мы должны съ полною несомнѣнностію признать за нимъ тенденцію къ законности, къ установленію тѣхъ или другихъ сколько нибудь устойчивыхъ основаній, нормирующихъ взаимныя отношенія дѣйствующихъ въ обществѣ силъ. Провинціальная пресса, наименѣе пожалуй принципиальная въ отвлеченномъ смыслѣ,—наиболѣе полно отражаетъ въ себѣ это доминирующее теченіе нашей жизни. Обличительная струя бьетъ въ ней въ послѣдніе годы съ особенною силой, а то обстоятельство, что она пробивается и находитъ выходъ, несмотря на суровыя условія провинціальной цензуры, доказываетъ ясно, что опирается она на слишкомъ ужъ безспорное начало законности противъ всяческихъ правонарушеній. И дѣйствительно—явное нарушеніе закона составляетъ постоянное содержаніе огромнаго большинства обличительныхъ статей въ мѣстныхъ органахъ, а апелліація къ восстановленію нарушеннаго права—является ихъ неизмѣннымъ выводомъ.

Казалось-бы, что со всякой точки зрѣнія эта «тенденція» заслуживаетъ лишь всяческаго сочувствія и поддержки. Кто-то, если не ошибаемся, Ив. Серг. Аксаковъ сказалъ, что идеаломъ общественнаго порядка съ точки зрѣнія нашихъ «охранителей» является огромное кладбище, безжолвно и безстрастно внемлющее монотонному чтенію канцелярскаго протокола. Очень можетъ быть, что такое кладбище и дѣйствительно болѣе полно осуществляетъ идеаль «тишины и спокойствія», но рѣчь идетъ все таки о жизни, а въ жизни шумной и пестрой то или другое дѣйствительно широкое явленіе не рождается и не исчезаетъ по произволу. Такимъ образомъ и скромное, но очень широкое движеніе въ глубокихъ слояхъ общества, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, представляется тоже въ значительной степени стихійнымъ, и рациональное отношеніе къ нему требуетъ лишь закономѣрнаго направленія того, что идетъ изъ непосредственной глубины самой жизни. Съ этой точки зрѣнія все растущая областная печать, со всеми ея «безпокоящими» обличеніями, апеллирующими къ началамъ законности, является именно факторомъ порядка и успокоенія. Между тѣмъ всякому, кто хоть поверхностнымъ образомъ слѣдитъ за нашими «направленіями» въ столичной прессѣ, не можетъ не броситься въ глаза то странное обстоятельство, что именно такъ называемое «охранительное» большинство ея органовъ рѣзко становится въ оппозицію большинству, всегда и безъ исключеній выступая противъ тѣхъ, кто апеллируетъ къ «существующимъ законоположеніямъ», и за тѣхъ, кто стремится такъ или иначе «наступить на законъ» во имя излюбленныхъ охранителями тенденцій. Провинціальная-же печать огуломъ обвинялась въ «либерализмѣ», далеко впрочемъ не всегда ей присущемъ, такъ какъ, повторяемъ, обличительная струя областной печати бьетъ не изъ доктрины, а есть самый непосредственный результатъ самой непосредственной жизни.

Между тѣмъ, повидимому совершенно достаточно было-бы и тѣхъ волчцовъ и терній, которые пока полагаются на долю этой печати по штату, а отчасти сыплются на нее и изъ сверхсѣтныхъ назначеній, даже непосредственно изъ обывательской среды. Н. К. Михайловскій отмѣчаетъ въ своей статьѣ этого мѣсяца нѣсколько весьма яркихъ случаевъ самосуда по отношенію къ журналистамъ, случаевъ, всколыхнувшихъ столичную прессу. Мы-же здѣсь хотимъ рассмотреть ихъ въ связи съ тѣмъ скорбнымъ матеріаломъ, который доставляютъ въ этомъ отношеніи послѣдніе годы провинціальной жизни.

Петербургскіе инциденты болѣе или менѣе извѣстны: кн. Мещерскій въ 13 № своего «Гражданина» помѣстилъ пасквиль противъ г-на Половцева, сына сына котораго сочинилъ съ своей стороны достаточно убѣдительнымъ отвѣтомъ нѣкоторые «жесты съ палкой» и еще жесты съ арапникомъ въ квартирѣ редактора «Гражданина». Въ журналѣ «Сѣв. Вѣстникъ» была напечатана совершенно не-дозволенная статья, самымъ грубымъ образомъ разоблачавшая интимную жизнь и оскорблявшая самыя законныя чувства даже третьихъ лицъ. Въ результатъ одинъ изъ оскорбленныхъ явился въ редакцію журнала и, съ своей стороны, грубо оскорбилъ г-жу Гуревичъ. Послѣдняя сама изложила (съ письмъ въ редакцію «Нов. Времени») подробности происшествія, и намъ пріятно отмѣтить, что письмо это отзывается правдивостью и достоинствомъ. Правда, оно не снимаетъ съ журнала тяжелаго упрека въ помѣщеніи совершенно не-дозволенной замѣтки (такъ какъ и для самой г-жи Гуревичъ «не подлежитъ сомнѣнію, что интимная жизнь живыхъ людей не должна быть достояніемъ печати»), но все-таки подчеркиваетъ лишній разъ неумѣстность и грубость личной расправы, тѣмъ болѣе, что повидимому г-жа Гуревичъ совершенно искренно пыталась отыскать способъ для возможнаго литературнаго удовлетворенія.

Наконецъ 20-го марта въ редакціи газеты «Недѣля» бывшій земскій начальникъ г. Жеденовъ выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ въ руку г. Меньшикова. Этотъ случай рѣзко отличается отъ обонихъ предыдущихъ, и мы имѣемъ полное основаніе выделить его въ категорію случаевъ чисто облачного характера, къ которымъ теперь и приступаемъ.

По многимъ причинамъ, о которыхъ рѣчь впереди, случаи этого рода въ провинціи имѣютъ характеръ гораздо болѣе серьезный, чѣмъ въ столицахъ. Провинція не ограничивается символами, въ родѣ «жестовъ» и даже плевокъ. Не проходитъ мѣсяца, чтобы провинціальная пресса не заносила какого нибудь боя, какой нибудь травли, какого нибудь доноса, какой нибудь засады, наконецъ порой самой жестокой расправы со своими «писателями». Не пытаюсь, разумеется, исчерпать здѣсь соответствующій матеріалъ, приведемъ наиболѣе яркіе образчики явленій этого рода. Вотъ, напримѣръ, письмо г. Занозова,

корреспондента «Самарской газеты», подвергнувшись нападенію въ Уфѣ: «дѣло (пишетъ онъ) произошло на площади, въ 9 часовъ вечера, когда я шелъ съ господиномъ К. Кто-то сзади окликнулъ меня по имени, прося остановиться. Я остановился; окликнувшій съ разбѣга ударилъ меня желѣзной палкой по головѣ и скрылся за уголъ, прежде, чѣмъ я опомнился отъ удара и крикнулъ на помощь. К., ушедшій было впередъ, тоже растерялся, тѣмъ болѣе, что мнѣ немедленно понадобилась медицинская помощь. Исторія, какъ видите, несложна»,—незловиво прибавляетъ корреспондентъ въ заключеніе*). Такая же «несложная исторія» и въ то же самое время произошла въ Таганрогѣ, гдѣ на вокзалѣ избили заведующаго мѣстнымъ отдѣленіемъ «Приазовскаго края». «Орудіе—палка, били по головѣ и спинѣ, причина—газетныя обличительныя замѣтки»,—лаконично сообщалъ объ этомъ случай корреспондентъ. «11 сентября, въ 9½ час. вечера,—пишетъ въ «Кіевское слово» въ 1895 г. третій не-счастливецъ изъ Острога, Волынской губ.,—я шелъ въ городъ по Красногорской улицѣ. Мѣсто это самое глухое и пустынное. Поровнявшись съ домомъ исправника, я услышалъ позади себя шумъ. Было темно; шагалъ въ 60 тускло горѣлъ фонарь. Оглянувшись, я замѣтилъ, что изъ засады (старой башни) выскочило человекъ 8... впереди этой толпы выдѣлялись фигуры 3-хъ предводителей. Передній командиръ скорымъ маршемъ повелъ на меня всю шайку. Предчувствуя недоброе, я поспѣшилъ выхватить изъ чехла имѣвшійся, къ счастью, у меня въ карманѣ револьверъ, но въ это время шайка окружила меня со всѣхъ сторонъ, и главнокомандующій занесъ надъ моей головой руку съ какимъ то тупымъ орудіемъ. Закрывшись лѣвой рукой, я правой произвелъ выстрѣлъ въ упоръ, которымъ, какъ оказалось потомъ, прострѣлилъ ему у плеча правую руку. Разбойники смѣшались и побѣжали. Когда немного разсѣялся дымъ произведеннаго мною выстрѣла, я замѣтилъ, что убѣгавшій внизъ «храбрецъ» предводитель потерялъ пальто возлѣ фонаря, и затѣмъ всѣ трое спрятались въ ближайшей гостинницѣ. Стоявшій на углу Дубенской улицы урядникъ Маркевичъ имѣлъ наблюденіе съ 8 ч. вечера за сговаривавшейся шайкой, участниковъ знать въ лицо и по фамиліямъ и, спѣша на выстрѣлъ, какъ разъ столкнулся съ потерявшимъ пальто храбрецомъ, у котораго на правой рукѣ замѣтилъ дымящееся круглое пятно... Заявлено было тотчасъ же исправнику, записано показаніе урядника, какъ главнаго свидѣтеля. Но такъ какъ нападавшіе оказались съ положеніемъ и вѣсомъ, то полиція не рѣшилась произвести допросъ виновниковъ разбойничьяго нападенія и поступить съ ними по закону. Тогда мною была послана телеграмма въ Кіевъ по начальству, съ просьбой о «зависящемъ распоряженіи».

Какъ видите, это уже цѣлый эпизодъ изъ какого нибудь захва-

*) Сам. Газ., 1894, № 222.

тывающаго романа, но что здѣсь всего интереснѣе, это разумѣется опять та «простота», съ которой разыгрывается вся исторія. Главный предводитель потерялъ пальто, «намѣченъ» пулей, имена участниковъ извѣстны, урядникъ почтительно слѣдитъ за всей шайкой съ 8 ч. вечера, но такъ какъ дѣло идетъ объ избіеніи простаго корреспондента «лицами съ положеніемъ и вѣсомъ»,—то полиція не рѣшается даже произвести опросъ этихъ лицъ, чтобы узнать, на какомъ собственно основаніи имъ было угодно нападать съ тупыми орудіями и дреколіями на мирнаго обывателя города Острога. И замѣчательно, что газета, изъ которой мы цитируемъ (въ перепечаткѣ) это письмо—не сообщаетъ ничего о томъ, имѣло ли какое нибудь дальнѣйшее теченіе это дѣло, въ результатѣ котораго, во всякомъ случаѣ, явилось кровопролитіе. Очевидно и эта исторія на мѣстѣ показалась слишкомъ простой и обычной, чтобы изъ за нея стоило беспокоить «извѣстныхъ въ городѣ лицъ» какими либо разспросами.

Это было въ сентябрѣ прошлаго года. Октябрь и ноябрь далъ опять нѣсколько мелкихъ стычекъ, которыя такъ «просты», что и отмѣчать ихъ не стоитъ. Но вотъ, въ декабрѣ мы опять читаемъ (Волгарь, № 339), что въ Саратовѣ, на одной изъ малолюдныхъ улицъ мѣстный прис. повѣренный Л. Г. Богуславскій напалъ на фельетониста «Саратовскаго Дневника» (г-на Марковича.) Въ то время какъ послѣдній садился на извозчика, Богуславскій нанесъ ему ударъ и поспѣшилъ скрыться. Для болѣе-же успѣшнаго бѣгства и безопасности, г. Богуславскій нанялъ здороваго верзилу, который долженъ былъ спасать его отъ соотвѣтствующаго воздаянія, въ томъ случаѣ, если бы послѣ удара г. Марковичъ былъ еще способенъ къ преслѣдованію и воздаянію. Оказалось по справкамъ, что г. Богуславскій еще ранѣе избилъ женщину, а г., Марковичъ этого поступка весьма не одобрилъ, отозвавшись въ фельетонѣ, что субъекты, позволяющіе себѣ подобное обращеніе съ женщинами, «въ благоустроенномъ обществѣ терпимы быть не могутъ». Г. Богуславскій напелъ, что его честь поругана и для ея возстановленія прибѣгъ къ помощи нанятаго верзилы. Если не ошибаемся, г. М. послѣ этого нападенія тоже нуждался въ дѣятельной медицинской помощи.

Такъ вотъ какъ «опровергаютъ» писателей въ провинціи. Передъ этими «простыми исторіями» совершенно меркнуть болѣе или менѣе символическіе «жесты съ палками» и плевки, которые позволяютъ себѣ «культурный» Петербургъ по отношенію къ редакторамъ. Правда, поступокъ г. Жеденева имѣетъ уже болѣе серьезный, въ полной мѣрѣ «областной» характеръ, но вѣдь зато и самъ г. Жеденевъ есть человекъ областной, и мы даже позволяемъ себѣ полагать, что, въ сущности, мѣсто его подвига избрано случайно. У г. Жеденева вышла «непріятность» еще и по службѣ, приходилось объясняться въ Петербургѣ, такъ ужъ заодно въ Петербургѣ-же онъ

и восстанавливаетъ свою честь, задѣтую печатью. Иначе, вѣроятно, пуля, попавшая въ г. Меньшикова, направила-бы въ редактора какой нибудь самарской, саратовской, а можетъ быть и казанской газеты...

Ниже мы еще вернемся къ г. Жеденеву, а теперь прибавимъ къ сказанному, что «тупое орудіе», револьверъ, палка, желѣзный шкворень и т. д. не всегда являются первыми въ борьбѣ обывателя съ прессой. «Изобидѣвшійся муравейникъ»,—пишетъ напр. тотъ-же острожскій корреспондентъ, подвергшійся нападенію 8 человекъ у «старой башни»,—старался меня слопать жалобами по начальству, потомъ обращеніемъ въ суды, потомъ другими способами»,—и лишь послѣ неудачъ во всѣхъ этихъ инстанціяхъ задумана месть своими средствами. «Доносы, особенно же обвиненія въ политической неблагонадежности—это первое оружіе, за которое хватаются заинтересованныя персоны, задѣтыя обличеніями»,—пишутъ въ другой газетѣ,—и всегда въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ болѣе или менѣе наивное обращеніе къ начальству, съ просьбой о высылкѣ вреднаго человека изъ города». Порой эта наивность принимаетъ размѣры по истинѣ готическіе. Такъ еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, по словамъ «Кіевскаго Слова», въ Остерскомъ уѣздѣ Черниговской губ. «принять уѣзднымъ земскимъ собраніемъ для надлежащаго направленія докладъ, въ которомъ говорится приблизительно слѣдующее: въ послѣднее время изъ Остерскаго уѣзда появляется въ періодической печати масса сообщений, компрометирующихъ мѣстныхъ обществ. дѣателей вообще, а земскихъ въ особенности. Авторомъ всѣхъ этихъ корреспонденцій является такой-то (имя рекъ). Такъ какъ дальнѣйшія его писанія могутъ окончательно деморализовать (!) уѣздное населеніе, то мы, такіе-то, рѣшили возбудить кодатайство объ изысканіи мѣръ къ прекращенію вредной дѣятельности корреспондента, о чемъ просимъ доложить т. начальнику ц-бернии. Собраніе единогласно приняло этотъ докладъ». (Смоленскій В—къ, № 157,—1895).

Это обращеніе къ репрессіи административнаго характера кажется многимъ вполне естественнымъ и наиболее подходящимъ по отношенію къ прессѣ. 23 августа 1891 года, въ собраніи уполномоченныхъ т. наз. «всероссійскаго купечества» въ Нижнемъ-Новгородѣ изыскивались средства для обузданія фельетониста, и предсѣдатель объявилъ съ неподражаемой простотой, что онъ обратится къ г. губернатору «т. сказать келейно». Такъ и занесено въ протоколъ: «просить г. предсѣдателя доложить о семъ г. главноначальствующему на зависящее распоряженіе» (Волгарь, 1891, № 201). Интересно, что предсѣдателемъ, такъ просто разрѣшившимъ вопросъ, является извѣстный С. Т. Морозовъ, который, по словамъ г. Дѣдлова въ «Недѣлѣ», сохранилъ всѣ привычки и традиціи «истаго студента». Въ 1892 году «такъ сказать келейно» жаловался на прессу не менѣе посвященный казанскій голова, С. В. Дьяченко,

нѣчто въ этомъ же родѣ имѣло недавно мѣсто въ Нижнемъ, со стороны перваго еще гор. головы изъ «образованныхъ», Л. Н. Дельвига. Какъ видите, въ этомъ отношеніи крупные провинц. центры и «культурные», повидимому, дѣятели не особенно далеко ушли отъ обывателей какого нибудь города Осы, которые, по выраженію мѣстнаго корреспондента, когда другіе средства не дѣйствуютъ,— «придумываютъ такое средство, которое бы дало имъ поводъ просить начальство о томъ, чтобы оно запретило писать заподозрѣнному лицу» (Волжск. В—къ, № 85). Надо думать, что не всегда вопли остаются безъ результата, и порой дѣло заходитъ такъ далеко, что напр. въ гор. Самарѣ, по поводу какого-то недоразумѣнія между редакціей газеты и телефонной станціей, начальникъ станціи г. Густомѣсовъ (цитирую изъ Самарской газ., № 126,—1895 г.) позволилъ себѣ въ крайне рѣзкой и не деликатной формѣ пригрозить закрыть не только телефонъ для газеты, но и... самую газету «на три мѣсяца» (почему не на большій срокъ?—иронически спрашивается газета). А вотъ и еще картинка, иллюстрирующая взгляды на права корреспондента со стороны нѣкоторыхъ «представителей власти». «Къ нѣкоему кишиневскому жителю,—писали въ Волжск. Вѣстникъ (1895,—№ 171),—кстати сказалъ корреспонденту газеты,—внезапно является мѣстный «блюститель» и требуетъ его въ участокъ. Черезъ нѣсколько минутъ обыватель подъ конвоемъ полицейскаго торжественно препровождается по городу. Догадливые лавочники соображаютъ, что поймали мазурика. Знакомые съ испугомъ сторонятся отъ «арестованнаго», блюститель, гордо поддерживая шашку, шагаетъ рядомъ, зорко наблюдая, чтобы «арестантъ» не задать стрелкача. Приходятъ въ участокъ, арестованный требуетъ объясненія причинъ, но причины можетъ объяснить только приставъ, а приставъ нѣтъ. Ждутъ въ дежурной участка, потомъ корреспондента ведутъ (опять подъ конвоемъ!) къ полицмейстеру, и тутъ все объясняется: отъ г. корреспондента требуются «нѣкоторые дополнительные свѣдѣнія» по поводу его корреспонденціи для доставленія оныхъ заинтересовавшемуся корреспонденціей губернатору».

Это впрочемъ уже опять одна изъ тѣхъ «слишкомъ простыхъ» исторій, которыя не стоитъ отмѣчать за ихъ повседневность. Надѣюсь, всего сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить положеніе представителей печати въ провинціи. Въ послѣднемъ № «Камско-Волжскаго Края» (№ 88) мнѣ попадаетъ опять заглавіе «Корреспондента ищутъ!»...

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что «съ теченіемъ времени» факты этого рода не убываютъ...

Вопль «корреспондента ищутъ» не сходитъ со столбцовъ газетъ, то и дѣло говорятъ о злодѣяніяхъ корреспондентовъ въ думахъ, нападаютъ чаще, бьютъ ожесточеннѣе и сильнѣе. Совершенно понятно, что это своеобразное «одушевленіе» можетъ навести на

самыя печальныя мысли. Мы, однако, не думаемъ, чтобы это могло знаменовать регрессъ въ нашихъ правахъ. Дѣло, по нашему мнѣнію, объясняется проще—совокупностію трехъ причинъ: во-первыхъ, расширяется, вслѣдствіе роста прессы, самое поле битвы; является новая газета, съ нею—новый спросъ на корреспондента, а съ появленіемъ послѣдняго обыватель, до тѣхъ поръ проживавшій въ безмятежномъ спокойствіи,—видитъ себя въ необходимости готовить на защиту тупыя орудія, шкворни и всяческое дреколіе. Нужно не малое время для того, чтобы отъ первой, такъ сказать, свѣжести непосредственныхъ обывательскихъ побужденій перейти сначала къ наивной жалобѣ по начальству, потомъ къ ухищренному доносу въ политической неблагонадежности, и наконецъ при неблагопріятномъ исходѣ всѣхъ этихъ попытокъ,—узнать, что есть превосходная статья закона, гласящая о такъ называемой диффамаци. Пока весь этотъ процессъ ассимиляціи новаго явленія, вызывающій нѣчто въ родѣ горячешнаго бреда, пройдетъ всѣ свои стадіи и та или другая мѣстность возвысится до пониманія неудобствъ даже пресловутой диффамаци *) —смотришь, сосѣдняя губернія вступаетъ въ свою очередь въ первый періодъ болѣзни, которую можно было-бы смѣло назвать «прививкой прессы».

Итакъ, съ этой точки зрѣнія — усиленіе количества случаевъ обывательской репрессіи, какъ она ни безобразна по существу,—никакого еще регресса не знаменуетъ. Намъ скажутъ, однако, что примѣры «просвѣщенныхъ гонителей прессы», вроде г. Морозова или барона Дельвига подѣ это объясненіе не подходятъ, такъ какъ они-то никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ сонму непосредственныхъ захолустныхъ обитателей. Совершенно вѣрно. Здѣсь мы имѣемъ дѣло со второй изъ намѣченныхъ нами причинъ: привитая уже въ данной мѣстности, газета сначала дерзаетъ обличать только самую мелкоту: прикащика, извозчика, прислугу, мелкаго домовладѣльца. Скоро, однако, и писатель, и цензоръ ближе осваиваются съ цензурнымъ уставомъ, который, хотя и въ очень узкихъ предѣлахъ, даетъ однако возможность подняться съ критикой нѣсколько выше. И вотъ, тѣ самые господа, которые съ удовольствіемъ почитывали «Листки» и «Вѣстники», пока они воевали внизу,—начинаютъ беспокоиться и метаться при первыхъ признакахъ, указывающихъ на то, что волна подымается выше, при первыхъ-же попыткахъ затронуть критически ихъ собственную дѣятельность. Такимъ образомъ второй періодъ «прививки» захватываетъ въ той же мѣстности новые слои, — и мы слышимъ опять

*) 6 сент. 1895 г. въ бунинской думѣ состоялись пренія по вопросу о возбужденіи преслѣдованія противъ корреспондента. Управа предлагала начать процессъ о диффамаци. Дума рѣшила начать дѣло о клеветѣ. «Такое рѣшеніе дѣла едва-ли пришлось по сердцу управѣ,—пишутъ въ «Волгарѣ» (№ 250,—1896 г.), такъ какъ при этомъ можно предъявлять доказательства правдивости сообщенія».

возбужденный бредъ и мечты о «келейныхъ» мѣрахъ, мечты, для осуществленія конхъ, разумѣется, теперь уже гораздо болѣе шансовъ. Вотъ почему этотъ періодъ «прививки прессы» всюду имѣетъ характеръ затяжной, хроническій, менѣе острый, но пожалуй болѣе мучительный и тяжелый,—и мы не знаемъ еще мѣстности, гдѣ бы его можно было уже теперь считать вполне законченнымъ. Всюду еще гг. Дыченки, Морозовы и бар. Дельвиги полагаютъ, что назначеніе мѣстной прессы—обличать лавочника за дурно-выпеченный хлѣбъ и прославлять «многоуважаемыхъ» за ихъ «благодѣянія обществу».

Наконецъ, третья причина, усиливающая до известной степени дѣйствіе двухъ первыхъ,—лежитъ въ томъ элементарно-общественномъ броженіи, которое мы отмѣтили въ самомъ началѣ. Просыпающіеся инстинкты общественной самостоятельности, несмотря на свой до очевидности лояльный характеръ, натываются нерѣдко на инертное сопротивленіе въ различныхъ факторахъ той же общественной среды,—сопротивленіе, присваивающее себѣ, по какому-то недоразумѣнію, характеръ исключительной благонамѣренности, въ сущности же не имѣющее опоры ни въ какихъ законныхъ основаніяхъ. Это обостряетъ въ дѣйствующихъ слояхъ общества интересъ къ вопросамъ закона и права, къ вопросамъ о точныхъ нормахъ, сколько нибудь устойчиво регулирующихъ взаимныя отношенія различныхъ факторовъ мѣстной жизни. При этомъ одни съ нѣкоторымъ удивленіемъ узнаютъ, что, въ сущности, законъ никогда не давалъ имъ тѣхъ «прерогативъ», которыми они съ давнихъ поръ привыкли пользоваться, другіе начинаютъ понимать, что они до сихъ поръ пользовались своими непрекаемыми правами въ размѣрахъ слишкомъ ограниченныхъ. Это, какъ мы сказали, вызываетъ тысячи конфликтовъ, самаго повидимому мелочнаго характера, при всемъ своемъ разнообразіи объединенныхъ однако общою наклонностью къ точному опредѣленію «существующаго» права. Это придаетъ довольно глубокій принципиальный характеръ многимъ, повидимому, случайнымъ явленіямъ мѣстной жизни, и совершенно понятно, что пресса не остается чуждой этому процессу. А разъ она (сознательно или не вполне сознательно, бываетъ и это)—къ нему приобщилась,—ея работа приобретаетъ новый характеръ. Во многихъ еще мѣстахъ мы можемъ наблюдать въ провинціальной прессѣ наивно-дидактическій тонъ, какъ бы выдѣляющій газету изъ мѣстной жизни, ставящій ее выше всѣхъ состоящихъся партій и побуждающій провинціального «писателя» относиться свысока вообще къ обывателю, ко всѣмъ его дѣламъ и дѣлишкамъ... Газета представляется чѣмъ-то вродѣ ковчега, одиноко торчащаго на верхушкѣ Арарата, надъ міромъ, сплошь залитымъ моремъ обывательской пошлости. Къ счастью, во многихъ мѣстахъ этотъ періодъ «прививки», сопровождаемый въ самой прессѣ чѣмъ-то въ родѣ бреда величія—уже проходитъ и газета становится очень суще-

ственнымъ орудіемъ въ скромной, но живой работѣ общественной мысли надъ не менѣ скромнымъ, но и не менѣ живымъ матеріаломъ мѣстной жизни. А разъ это случилось,—періодъ «прививки» можно считать благополучно законченнымъ; газета ассимилируется, навстрѣчу газетѣ идетъ уже та или другая часть общества, выдающего въ ней серьезное орудіе для своей работы. Самое газетное обличеніе изъ обще-дидактическаго поученія, или болѣе или менѣ раздражающаго, но въ сущности очень невиннаго смѣха надъ обывательской дикостію, превращается въ принципиальное освѣщеніе явленія съ той или другой точки зрѣнія. Совершенно понятно, что эта работа уже значительно серьезнѣе и глубже... Вмѣсто приказчика, продаващаго недоброкачественный продуктъ, вмѣсто извозчика, дерзко потребовавшаго на чай, вмѣсто анонимаго обывателя, уличаемаго въ выливаніи помоевъ на улицу,—въ игръ оказывается общественный дѣятель и его правильно или неправильно понимаемые «принципы».

Таковъ именно инцидентъ г. Жеденева, начавшійся при общемъ благоволеніи прессы къ г. Жеденеву и закончившійся крупной ссорой и даже выстрѣломъ...

Слѣдя за провинціальною жизнію по газетамъ, мы встрѣтили ровно два года назадъ слѣдующее странное извѣстіе изъ села Лопуховки Камышинскаго уѣзда: «Давшая прекрасные результаты общественная виноторговля чуть было не погибла. Пріѣхалъ въ наше село для производства слѣдствія о поджогѣ и. д. судебного слѣдователя Жабицкій, страдающій, какъ говорятъ, психическимъ разстройствомъ, и, собравъ въ волостное правленіе крестьянъ, объявилъ имъ, что ихъ земскій начальникъ отвезенъ въ Петербургъ и тамъ заключенъ въ тюрьму (?) и что теперь крестьяне должны винныя лавки передать кабатчикамъ, пожарную команду разогнать и пріютъ сиротскій уничтожить, старшинѣ же Заплатинскому онъ сказалъ, что за постройку пріюта онъ посадить его въ тюрьму и самый пріютъ растащить баграми по кускамъ... Присутствовавшимъ крестьянамъ г. Жабицкій велѣлъ передать своему обществу, что деньги, потраченныя на пріютъ, оно можетъ взять съ земскаго начальника. Среди крестьянъ началась дѣятельная агитація кабатчиковъ, а черезъ день общество постановило приговоръ о передачѣ винныхъ лавокъ въ руки частныхъ виноторговцевъ и объ уничтоженіи пожарной команды. Міроѣды же, у которыхъ отняты были сиротскія надѣльныя души и у которыхъ жили потопниками и няньками теперешніе питомцы пріюта, стали агитировать въ пользу передачи дѣтей и ихъ земельныхъ надѣловъ снова въ ихъ, міроѣдовъ распоряженіе. Дѣло кончилось бы печально для сиротъ. Но мѣстный земскій начальникъ (г. Жеденевъ), услышавъ о народномъ волненіи, поступилъ изъ отпуску и

поддержалъ готовья рушиться учрежденія. Объ *агитаціи* г. Жабицкаго составленъ актъ и представленъ въ губернское присутствіе, которое, какъ слышно, *дастъ дѣлу законный ходъ* *).

Происходила эта странная «агитація» судебного слѣдователя въ началѣ 1894 года, и всякаго знакомаго съ атмосферой «современной» деревни (особенно за послѣдніе годы) возьметъ большое сомнѣніе—дѣйствительно-ли тутъ была агитація и дѣйствительно-ли г. Жабицкій сумасшедшій. Правда, говорить о томъ, что г. земскій начальникъ увезенъ въ Петербургъ, что «пріютъ растащатъ баграми по кускамъ» и т. д. могъ только человѣкъ ненормальный. Но гдѣ не все то говорится въ самомъ дѣлѣ, что пишется въ актахъ, особенно заинтересованными лицами, и очень легко можно предположить, что все это выросло изъ простого разговора крестьянъ съ проѣзжимъ чиновникомъ о законѣ.—«Есть такой-то законъ?»—спрашиваетъ одна сторона.—Нѣтъ, такого закона нѣту—отвѣчаетъ другая. И этого порой достаточно, чтобы самая добросовѣстная справка свѣдущаго человѣка выросла въ событіе. Или мы сильно ошибаемся, или г. Жабицкій и донинѣ благополучно исправляетъ свою должность, никакого *законнаго хода* его словамъ навѣрное не дано и развѣ только ему шепнули, что разговоръ о законѣ въ районѣ пріютовъ г-на Жеденева является довольно щекотливымъ. Какъ бы то ни было, приведенное извѣстіе говорить во 1-хъ о томъ, что уже въ началѣ 1894 года въ крестьянской средѣ существовало сильное недовольство затѣями г-на Жеденева, и во 2-хъ, что какъ непосредственное его начальство, такъ и мѣстная пресса стояли въ то время явно на его сторонѣ.

Въ томъ-же 1894 году, 19 сентября г. Жеденевъ читалъ докладъ объ устроенныхъ имъ «Сельско-хозяйственныхъ пріютахъ» въ засѣданіи воронежскаго отдѣла моск. общ. сельскаго хоз. (докладъ напечатанъ въ 18 № «Справочнаго листа воронежск. выставки 1894 г.») «Случалось-ли вамъ, мм. гг., видѣть крестьянскаго сироту?»—спрашивалъ докладчикъ. Если въ деревнѣ вамъ встрѣтится ребенокъ, зимою въ жестокой морозъ въ разорванной шубенкѣ, въ огромныхъ сапожищахъ, изъ которыхъ торчатъ голые пальцы, и на головѣ, вмѣсто шапки, клокъ волосъ; черезъ плечо большая до земли полотняная сумка,—то вы навѣрно увидѣли сироту. Вглядываясь въ такого ребенка, вы увидите изможденное лицо, съ постоянно испуганнымъ выраженіемъ глазъ, какъ будто ребенокъ боится, что вы хотите его ударить; на тѣлѣ струны, среди которыхъ кипать насѣкомыя».

Картина, нарисованная г. Жеденевымъ, очень трогательна, но адресована неправильно. Такихъ дѣтей, дѣйствительно, легко встрѣтить на дорогахъ, но это далеко не всегда сироты. Часто холще-

*) Напечатано въ «Сарат. Дневникѣ», цитирую изъ «Волгари» 4 апр. 1894, № 76.

вую суму надѣваетъ любящая материнская рука и, конечно, никакими пріютами этого искоренить невозможно. Что же касается специально сиротъ, то, правда, что деревня дѣлаетъ для нихъ не очень много, а то, что она дѣлаетъ, организовано довольно стихійно. Но кое-что она все таки дѣлаетъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ при докладѣ г. Жеденева справедливо замѣтилъ, что въ каждомъ обществѣ для сиротъ отводится надѣлъ и выбираются опекуны. Опекунскими дѣлами вѣдаетъ общество. Разъ общество назначаетъ опекуна, надѣломъ пользуется послѣдній; усадебное мѣсто сиротъ, иногда съ садомъ и огородомъ, тоже находится въ управленіи опекуна. Самъ сирота, лишь только достигъ онъ 3—4-лѣтняго возраста, уже дѣлается полезнымъ семьѣ опекуна въ качествѣ такъ называемой «наньки» (особый терминъ для названія 4—7-лѣтней дѣвочки или, безразлично, мальчика), 6—7 лѣтъ онъ является сторожемъ птицы, далѣе пастухомъ свиней, овецъ, а наконецъ, 12—13 лѣтъ онъ уже ходитъ за бороной.

Это совершенно справедливо и при этомъ порядкѣ картина нарисованная г. Жеденевымъ, относится не столько къ сиротамъ, сколько къ дѣтямъ нищенствующихъ семей. И дѣйствительно, въ приведенной выше корреспонденціи мы видимъ, что рѣчь идетъ о какихъ-то «мироѣдахъ», добивавшихся *возвращенія имъ сиротъ* съ ихъ надѣлами. Потомъ мы слышали о бунтахъ и о томъ, что въ нихъ принимали участіе бабы. Это опять указываетъ, что трогательная картина бродячихъ сиротъ закрываетъ собою нѣсколько иную дѣйствительность. Если дѣти жили у «мироѣдовъ» въ нанькахъ и пастухахъ, то они уже не бродили съ сумами, и пріютъ г-на Жеденева очевидно не столько подбиралъ сиротъ на дорогахъ, сколько отнималъ ихъ у семей, гдѣ они, можетъ быть, уже прижились. Г. Жеденевъ говоритъ, что это все были семьи «мироѣдовъ». Но почему же непременно мироѣдовъ! Во многихъ другихъ мѣстахъ мы знаемъ, что міръ, въ сущности, довольно разумно распределяетъ сиротъ, что ихъ часто берутъ бездѣтныя, и на любомъ многочисленномъ сходѣ вы непременно встрѣтите одного-двухъ такихъ пріемышей, полноправно представляющихъ дворы своихъ пріемныхъ отцовъ. На эту сторону «Жеденевской реформы» печать, какъ кажется, обращаетъ слишкомъ мало вниманія, а между тѣмъ, она очень существенна. Легко приписать «мироѣдамъ» все, что намъ не нравится въ деревнѣ. Но, какъ ни стихійны въ ней тѣ или другія обычные формы, нельзя не признать, что въ нихъ не все отрицательно, что много въ нихъ есть гуманнаго, простаго, истинно христіанскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, распорядившись чисто по казенному, отбирать сиротъ у всѣхъ «мироѣдовъ» — г. Жеденевъ вызвалъ не мало самыхъ потрясающихъ драмъ во многихъ семьяхъ и, если бы опросить самихъ опекаемыхъ такъ по казенному сиротъ, — то мы, быть можетъ, услышали бы много поучительнаго, способнаго ослабить сочувствіе къ «добрымъ намѣреніямъ»

г-на Жеденева, и перенести его на другую сторону. А если такъ, если действительно бывали и такіе случаи, то очевидно, что, устраивая свои «казенные» пріюты и принудительно посягая на обычный деревенскій порядокъ призрѣнія, г. Жеденевъ въ сущности посягалъ на явленіе живое и болящее. И мы нисколько не сомнѣваемся, что во время «бабьихъ бунтовъ» противъ пріютовъ—слышались въ числѣ другихъ и истинно материнскіе вопли бабьихъ сердецъ, уже привязавшихся къ своимъ «пастухамъ и нянькамъ» (не забудемъ, что такъ называютъ въ деревнѣ и родныхъ дѣтей извѣстнаго возраста). И вотъ почему, безъ всякихъ агитацій, деревня считала самаго г-на Жеденева чуть не антихристомъ, а его пріюты антихристовой затѣей *).

Очевидно, земскому начальнику г. Жеденеву приходилось или слѣдить за тѣмъ, чтобы устранить по возможности злоупотребленія опекой на почвѣ существующей и давно сложившейся организаціи, или придумать новую систему. Къ сожалѣнію, онъ выбралъ послѣднее. Мы говоримъ къ сожалѣнію совсѣмъ не потому, чтобы признавали существующій порядокъ не требующимъ никакихъ измѣненій, но мы полагаемъ только, что реформаторскіе таланты не всегда полагаются по штату всякому чиновнику и законодательная дѣятельность, въ сущности, не есть и не можетъ быть прерогативой каждаго земскаго начальника. Когда же эта дѣятельность не ограничивается попытками насажденія чего нибудь новаго, но и посягаетъ предварительно на грубую ломку того или другого бытоваго, по существу законнаго явленія,—то она прямо становится преступленіемъ. Многія газеты очень восторгаются «замѣреніями» г. Жеденева, а въ «Новомъ Времени» высказывается благодушное пожеланіе, чтобы онъ самъ, даже послѣ «бунтовъ» и послѣ выстрѣла въ г. Меньшикова—получилъ возможность «продолжать» далѣе свои опыты. Авторъ этой замѣтки забываетъ, что опыты производились надъ живыми людьми и потребовалъ уже не мало не только пожертвованій, но и прямыхъ «жертвъ» со стороны сельскихъ обществъ. Если-бы напр. частный приставъ той петербургской части, гдѣ проживаетъ авторъ указанной замѣтки—пожелалъ издавать свои законы, вводить принудительную филантропію и безъ всякихъ основаній отнимать изъ семей ранѣе законно взятыхъ пріемышей,—да еще въдобавокъ облагать обывателей самовольно данными на свою филантропію,—то вѣроятно авторы благодушныхъ замѣтокъ отнеслись бы къ этому не столь сочувственно. Между тѣмъ г. Жеденевъ поступалъ именно такъ. Онъ во 1-хъ самъ призналъ себя способнымъ реформаторомъ, во 2-хъ издалъ въ своемъ участкѣ новые законы и уничтожилъ старыя законоположенія высшей власти о правахъ сходовъ (запретивъ на сходахъ даже обсуж-

*) Объ этомъ говорилъ и самъ Жеденевъ въ докладѣ. См. «Ниж. Лист.» 1896 г., № 57.

деніе вопроса объ обременительности расходовъ на содержаніе приюта), и затѣмъ, прямо уже превышая свою власть, вступилъ на этой почвѣ въ борьбу съ сельскими обществами, имѣвшими законное право—не желать и противудѣйствовать его затѣямъ.

Мы не знаемъ, конечно, какъ это совмѣстительство должности реформатора, законодателя и земскаго начальника отражалось на послѣдней и единственно законной функціи г-на Жеденева—несомнѣнно однако, что реформаторомъ онъ оказался совершенно неудачнымъ. Приюты вышли дорогіе, плохіе, мертворожденные и кромѣ того легли тяжелымъ бременемъ на населеніе. Въ своемъ докладѣ г-нъ Жеденевъ увѣрялъ, что крестьяне «даютъ средства очень охотно». Но мы видѣли, что еще за годъ до доклада ему уже приходилось справляться съ «волненіемъ», вызваннымъ фантастической агитаціей г. Жабицкаго. А послѣ этого «бунты» и волненія шли crescendo. 21 сентября 1895 г. сельско-хозяйственная коммиссія составила для камышинскаго земскаго собранія докладъ, въ которомъ говорится, что «хозяйство въ приютахъ ведется плохо, надзоръ за дѣтьми оставляетъ желать очень многого, грамотность находится въ зачаточномъ состояніи. Самая идея г. Жеденева—устройство приютовъ на началахъ самостоятельнаго ихъ существованія—совершенно непримѣнима къ жизни»: «Существующіе приюты въ ихъ настоящемъ видѣ, совершенно не оправдываютъ того, что о нихъ сообщалось г. Жеденевымъ. Это не образцовыя фермы, расцвѣтшія сельско-хозяйственныхъ знаній среди населенія, а просто благотворительныя учрежденія, требующія, какъ и всякія такого рода учрежденія, постороннихъ средствъ на свое содержаніе». И при томъ учрежденія, устроенныя весьма плохо: «ѣздившій для осмотра приютовъ членъ коммиссіи И. Г. Штырковъ отъ себя добавляетъ, что хлѣбъ въ Тарасовскомъ приютѣ былъ въ 1895 г. *изъ прѣлого зерна*». (Р. Вѣд. 1896, № 54). И т. д. Оказалось такимъ образомъ, что г. Жеденевъ по его собственнымъ словамъ,—не встрѣтилъ сочувствія «ни снизу, ни сверху» (Нижегор. Лист., № 57, 28 февр. 1896 г.); крестьяне, которымъ приюты стоили очень дорого *) и которые справедливо считали ихъ организацію совершенно нераціональной—стремились составлять приговоры объ ихъ закрытіи; г. Жеденевъ этому препятствовалъ, отсюда возникали волненія. Пресса, какъ мы видѣли—сначала относившаяся къ г. Жеденеву и его приютамъ очень сочувственно,—вскорѣ поняла, что въ сущности г. Жеденевъ нарушилъ и затопталъ гораздо больше, чѣмъ создалъ и устроилъ,—и скорѣ о лопухинскомъ реформаторѣ и его мертворожденныхъ затѣяхъ создавалась цѣлая литература. Но г. Жеденевъ не желалъ уступить и продолжалъ законодательствовать въ своемъ участіи съ благою цѣлью,

*) Кромѣ сиротскихъ надѣловъ, г. Жеденевъ настоялъ на прирѣвкѣ уже прямо крестьянской земли и, кромѣ того, обращать на приюты доходы отъ общественныхъ кабаковъ.

пока, наконецъ, этой его дѣятельности не положило конецъ начальство.

Г-ну Жеденеву пришлось объясняться въ Петербургѣ. Между этими дѣлами, 20 марта, онъ зашелъ въ редакцію «Недѣли», въ которой незадолго передъ тѣмъ была напечатана статья «Красноярскій бунтъ» (№ 10). Въ ней излагалась вся эта трагикомическая исторія непризнаннаго камышинскаго Оуэна, и г. Жеденевъ нашелъ, что его особенно оскорбляетъ фраза, «будто онъ, г. Жеденевъ, уговаривалъ открыть общественную виноторговлю только для пробы, на полгода, но впослѣдствіи крестьяне узнали, что приговоръ составленъ на годъ, и затѣмъ эта торговля продолжалась противъ желанія общества цѣлыхъ три года». Г. Жеденевъ потребовалъ, чтобы редакція въ слѣдующемъ № передъ нимъ извинилась. Завѣдывающій редакціей М. О. Меньшиковъ (за отъѣздомъ редактора за границу) предложилъ г. Жеденеву доставить свое письменное возраженіе, которое, по принятому обычаю, могло бы быть напечатано въ «Недѣлѣ». Г. Жеденевъ заявилъ на это, что *званіе дворянина не позволяетъ ему возражать и оправдываться*; приходя все въ большее и большее волненіе, онъ повторилъ, что объясняться не желаетъ, ни письменно, ни устно; считаетъ, что указанной фразой онъ оскорбленъ и, если редакція не выполнитъ его требованія, то онъ заставитъ ее сдѣлать это. «Вызываю васъ, милостивый государь, на дуэль! Прошу прислать секундантовъ!» Его просили успокоиться, увѣряя, что все, что совмѣстно съ достоинствомъ его и редакціи, будетъ сдѣлано. Но г. Жеденевъ выхватилъ револьверъ и заявилъ, что, въ такомъ случаѣ, онъ убьетъ г. Меньшикова тутъ же на мѣстѣ. Въ комнатѣ, гдѣ происходило все это, были дамы изъ конторы редакціи, всѣ просили его успокоиться, но онъ кричалъ: «прошу васъ отойти, я сейчасъ буду стрѣлять! Я его убью!» Послѣдовалъ выстрѣлъ, и г. Меньшиковъ раненъ (легко) въ руку.

Мораль этой исторіи совершенно ясна и было бы очень желательно, чтобы ее усвоили всѣ гг. Жеденевы Русской земли: нельзя создавать отдѣльные источники законодательной власти въ каждомъ земскомъ участкѣ, и если въ какомъ нибудь районѣ самое упоминаніе о законѣ ведетъ къ опаснымъ «волненіямъ», то, конечно, нужно убирать изъ него не законъ, а г-на начальника, который поставилъ себя къ закону въ столь щекотливыя отношенія. Далѣе, изъ всѣхъ совѣстительствъ—совѣстительство роли Роберто въ Оуэновъ съ должностью земскаго начальника является самымъ опаснымъ и ведущимъ къ трагическимъ конфликтамъ... Наконецъ, еще одно, быть можетъ, самое важное заключеніе. «Не будьте отцами!»—таково, если не ошибаюсь, было заглавіе одного изъ маленькихъ писемъ А. С. Суворина, посвященныхъ институту земскихъ начальниковъ. Заглавіе необыкновенно удачное, стоящее нкой длинной статьи. Теперь почтенная газета, повидимому, уже забыла эту точку зрѣнія. Но намъ

кажется, что имѣть одного только отца—есть неотъемлемое право всякаго человѣка, а крестьянское населеніе должно имъ пользоваться въ той же мѣрѣ, какъ и остальные люди.

О. Б. А.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“

по сбору пожертвованій на постановку памятниковъ на могилахъ писателей.

Остатокъ къ 1-му Апрѣля	1048	р.	10	к.
Поступило въ Апрѣлѣ:				
Отъ Н. Г. Г.	200	»	—	»
» В. А. С.	100	»	—	»
» Молодыхъ Сибирскихъ военныхъ				
Почитателей изъ Омска	6	»	—	»
» Я. П. Литинца	1	»	—	»
<hr/>				
Итого .	1355	р.	10	к.

Отъ комитета Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій.

За Невской заставой, отъ Обводнаго канала и до деревни Славянки, на протяженіи болѣе чѣмъ 15-ти верстъ, по обоимъ берегамъ Невы, почти непрерывной цѣпью тянутся фабрики и заводы. Здѣсь сосредоточены всевозможные виды производства: желѣзодѣлательное (заводы Обуховскій, Невскій механическій, Александровскій сталелитейный, громадныя желѣзнодорожныя мастерскія), фабрики ткацкія, бумагопрядильныя, ситцевыя, суконныя (Паль, Губбартъ, Торнтонъ), бумагодѣлательная фабрика Варгунина, заводы стеариновый, химическій, кирпичные, цементные, лѣсные биржи (Громова, Лебедева, Русанова), ультрамариновый заводъ, Императорскіе фарфоровый и стеклянный, карточная фабрика и т. д.; всего болѣе 32 фабрикъ и заводовъ.

Населеніе этой мѣстности (Шлиссельбургскаго участка), достигающее солидной цифры 60 тысячъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ рабочихъ, ихъ семей и лицъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ фабрикамъ и заводамъ. Такой составъ населенія налагаетъ особый отпечатокъ на всю мѣстность. Въ рабочіе дни и часы тихія, пустынные улицы кажутся безлюдными, но за то по вечерамъ, послѣ «шабаша» и особенно по праздникамъ, картина совершенно мѣняется: весь рабочий людъ высыпаетъ на улицы и запруждаетъ ихъ до такой степени, что мѣстами едва возможно пройти по панели или проѣхать по улицѣ. Кабаки и другія питейныя заведенія набиты биткомъ. Свои свободные часы здѣшній рабочий рѣдко проводитъ дома, что вполне понятно: квартиры рабочихъ, большою частью, грязны, зловонны и страшно переполнены. Въ лучшемъ случаѣ рабочий толкается безцѣльно по улицѣ, а не то идетъ въ питейное заведеніе, гдѣ и спускаетъ свои послѣдніе гроши; а заведенія эти въ изобиліи и близко, подъ рукой: въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ хоть одного, а въ нѣкоторыхъ по два и по три. Знатокъ мѣстныхъ нравовъ утверждаетъ, что рабочіе оставляютъ здѣсь не менѣе половины заработка.

Въ 1885 году, среди мѣстной интеллигенціи зародилась мысль устроить на разумныхъ и нравственныхъ началахъ праздничныя развлеченія для рабочихъ, съ цѣлью отвлечь этихъ послѣднихъ отъ пьянства и дать имъ возможность удовлетворить столь присущую каждому человеку потребность временами развлечься, повеселиться, отвести душу, безъ ущерба для кармана, здоровья и нравственности. По инициативѣ извѣстнаго общественнаго дѣятеля, Владиміра Павловича Варгунина, нынѣ умершаго, и Михаила Сергѣевича Агафонова, состоялся кружокъ лицъ, который, собравъ по подпискѣ около 1300 рублей, огородилъ заборомъ пустопорожнее мѣсто, поставилъ на немъ павильонъ для музыкантовъ, небольшую эстраду для представленій и открылъ этотъ импровизованный садъ для публики, взимая за входъ по 10 копѣекъ съ человѣка. Въ саду игралъ военный оркестръ, пѣлъ хоръ солдатъ-пѣсенниковъ, увеселялъ народъ балаганный дѣдъ; на открытой сценѣ давались небольшія пьески, пантомимы; продажа крѣпкихъ напитковъ не допускалась. Эта первая скромная попытка имѣла большой успѣхъ (на 25 гуляньяхъ перебывало болѣе 64 тысячъ человѣкъ), что еще болѣе утвердило кружокъ въ мысли о необходимости устройства для народа разумныхъ развлеченій и побудило его расширить и развить свою дѣятельность.

Отсылая желающихъ ознакомиться подробно съ исторіей дѣятельности кружка въ брошюрѣ Е. П. Карпова «Десятилѣтіе народныхъ гуляній за Невскою заставой», укажемъ лишь на главные фазы развитія этого дѣла. Въ 1888 году гулянья были переведены въ прекрасный паркъ, арендованный у Калининскаго пивовареннаго Товарищества; здѣсь былъ выстроенъ деревянный открытъ

театръ, поставлены карусели, качели, кегель-банъ, стрѣльбище, американскія горы, устроена открытая площадка для танцевъ; на открытой сценѣ, кромѣ дивертиссента и маленькихъ пьесъ, стали ставить произведенія Островскаго, Гоголя, Потѣхина и др. Число посѣтителей съ каждымъ годомъ росло.

Въ 1891 году кружокъ, занявъ у 44 лицъ изъ 4% 44500 руб., купилъ у Калинкинскаго Товарищества паркъ и 4 деревянныхъ дома и сталъ хлопотать объ утвержденіи устава. Въ томъ-же году уставъ былъ утвержденъ, и кружокъ преобразился въ Невское Общество устройства народныхъ развлеченій, которое поставило себѣ задачей доставленіе мѣстному рабочему населенію нравственныхъ, трезвыхъ и разумныхъ развлеченій, какъ-то: народныхъ гуляній, чтеній, концертовъ, спектаклей, танцевальныхъ вечеровъ и т. п., а также устройство хоровъ изъ рабочихъ, читальнъ, дѣтскихъ садовъ. Общество, отнюдь не преслѣдуя коммерческихъ цѣлей, стремится къ наибольшей доступности и удешевленію устраиваемыхъ имъ уличныхъ развлеченій.

Лѣтнія гулянья идутъ очень хорошо; на 27—29 гуляньяхъ ежегодно перебивается болѣе 100 тысячъ посѣтителей; любовь къ театру замѣтно привилась; во время представленій передъ открытой сценой собирается до 2000 человекъ, гулянья несомнѣнно вліяютъ смягчающимъ образомъ на мѣстные нравы: стало меньше пьянства, дракъ, исчезли кулачные бои.

Но гулянья устраиваются только лѣтомъ; зимой-же, въ часы досуга, рабочій, по прежнему, обреченъ на безцѣльное шатанье по улицамъ и посѣщеніе кабаковъ. Поэтому, передъ Невскимъ Обществомъ, съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности, встала необходимость постройки большого каменнаго зданія для народныхъ развлеченій, или временнаго, по крайней мѣрѣ, большого каменнаго театра. Не имѣя средствъ для осуществленія такого громаднаго предпріятія, Общество пока приспособило подъ зимній театръ второй этажъ одного изъ своихъ деревянныхъ домовъ. Зрительный залъ этого театра вмѣщаетъ не болѣе 250 человекъ, а потому, хотя зимніе спектакли, устраиваемые по праздникамъ кружками любителей, посѣщаются рабочими такъ же охотно, какъ и лѣтніе, но они доставляютъ развлеченіе сравнительно ничтожному числу рабочихъ и кромѣ того, опять-таки вслѣдствіе небольшого числа мѣстъ и необходимости назначать низкія цѣны, даже при даровомъ трудѣ исполнителей, театръ не окупаетъ расходовъ по постановкѣ спектаклей. Въ виду этого, въ декабрѣ прошлаго года комитетомъ Общества снова былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ большого каменнаго зданія для народныхъ развлеченій, которое вмѣщало-бы зрительный залъ на 1600 человекъ, залъ танцевальный, гимнастическій, бібліотеку, читальню, чайную, быть можетъ музей.

14 марта настоящаго года, комитетъ созвалъ экстренное общее собраніе членовъ Общества, на обсужденіе котораго внесъ проектъ

и смѣту предполагаемой постройки. Представлено было три проекта: небольшого зрительнаго зала на 680 человѣкъ, стоимостью приблизительно въ 40—50000 рублей, большого театра на 1600 человѣкъ — въ 100000 рублей и зданія народныхъ гуляній — въ 150000 руб. Комитетъ предложилъ собранію построить зданіе по одному изъ представленныхъ проектовъ на пожертвованія и на 4% ссуду отъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу. Но, конечно, Обществу было-бы трудно покрывать проценты и погашеніе большого займа безъ ущерба въ веденіи предпріятія; оно могло-бы выдержать заемъ не болѣе какъ въ 50000 рублей; всю-же остальную недостающую сумму придется собрать пожертвованіями.

Собраніе рѣшило приступить немедленно къ сбору пожертвованій, выразивъ надежду, что столь благое дѣло, какъ наполненіе досуга рабочаго человѣка здоровыми, разумными и нравственными развлеченіями, найдетъ откликъ въ нашемъ обществѣ, которое и поможетъ Невскому Обществу воздвигнуть первое въ Россіи большое зданіе народныхъ развлеченій.

Пожертвованія принимаются у предсѣдателя общества И. И. Ферветтеръ (фабрика Губбартъ за Невской заставой) и у казначея Н. П. Варгунина (за Невской заставой, собств. домъ).

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Пл. Свободы, 1

Отъ Комитета Общества вспомошествованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности Общество вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета считало одною изъ главныхъ своихъ задачъ «принятіе мѣръ къ удешевленію жизни студентовъ» (§ 2 п. 2 устава Общества). Къ числу такихъ мѣръ, конечно, прежде всего должно бы принадлежать снабженіе студентовъ здоровою пищею.

Среди студентовъ С.-Петербургскаго Университета болышинство составляютъ провинціалы, часто не имѣющіе родныхъ въ Петербургѣ. Такимъ молодымъ людямъ приходится нерѣдко довольствоваться самою скудною и плохою пищею и даже жить впроголодь. Неудивительно поэтому, что въ своемъ официальном отчетѣ (годовой актъ 8-го февраля 1895 г. стр. 78) г. университетскій врачъ, констатируя многочисленныя желудочныя заболѣванія у своихъ пациентовъ, объясняетъ ихъ «неудовлетворительностью по качеству, а еще чаще и односторонностію и недостаточностію студенческаго питанія».

Единственнымъ выходомъ изъ этого печальнаго положенія явилось бы устройство студенческой столовой.

До сихъ поръ, при отсутствіи средствъ, желаніе комитета открыть столовую не могло увѣнчаться успѣхомъ. Но нужда обостряется и принимается даже угрожающій характеръ, въ виду почти ежегодно посѣщающихъ Петербургъ холерныхъ и тифовыхъ эпидемій, и комитетъ рѣшилъ не останавливаться передъ трудностями предпринимаемаго дѣла. Примеръ Москвы, гдѣ, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, существуютъ двѣ столовыя, въ которыхъ ежедневно бесплатно обѣдаютъ 500 студентовъ, свидѣтельствуетъ какъ о степени этой нужды, такъ и о выполнимости поставленной комитетомъ задачи, при сочувствіи общества.

Комитетъ, постановивъ устроить столовую въ Петербургѣ, сознаетъ однако, что такъ какъ большая часть отпускаемыхъ имъ пособій (въ видѣ долгосрочныхъ, безпроцентныхъ ссудъ) идутъ на вѣносъ платы за лекціи и другія нужды студентовъ, то помощію на уплату за обѣды въ столовой могутъ воспользоваться не болѣе 40 студентовъ; между тѣмъ число нуждающихся гораздо значительнѣе, а потому на расширеніе этой стороны дѣятельности комитета предназначенъ особый капиталъ, собираемый въ память бывшаго Товарища Предсѣдателя Общества, профессора О. Ф. Миллера, извѣстнаго своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ молодежи и отдававшего на нужды ея всѣ свои средства. Пока собрано около 1500 р.; требуется, конечно, несравненно болѣе.

Въ виду этого комитетъ, рассчитывая на отзывчивость русскаго общества, обращается ко всѣмъ, кому дорого просвѣщеніе родного края, кто возлагаетъ надежды на молодое поколѣніе и желаетъ видѣть его окрѣпшимъ для будущей полезной работы.

Комитетъ надѣется найти откликъ на свой призывъ не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, на мѣстахъ родины нуждающихся студентовъ.

Всякую помощь, въ какой бы формѣ она ни выразилась, въ денежныхъ или пожертвованіяхъ, хотя бы въ самомъ маломъ размѣрѣ, или въ устройствѣ публичныхъ лекцій, концертовъ, спектаклей, — комитетъ приметъ съ глубокою благодарностію, будучи твердо увѣренъ, что дружныя усилія всѣхъ сочувствующихъ людей дадутъ возможность осуществить вѣзную комитетомъ на себя задачу.

Посылки по почтѣ проситъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Университетъ, Комитетъ Общества вспомошествованія студентамъ, съ означеніемъ, что деньги жертвуются «на столовую».

Въ Петербургѣ пожертвованія принимаютъ слѣдующія лица: Предсѣдатель Общества, Сенаторъ П. П. Семеновъ (Вас. о-въ, 8 л., 39), Н. А. Артемьевъ, (Рузовская, 13), А. И. Бевадь (Почтамтская, 20), И. И. Боргманъ (Вас. о-въ, Среди. просп., 17), Н. С. Грабаръ (Свѣтной переулокъ, 3), В. В. Ефимовъ (Разстанная, 14), Н. И. Карѣвъ (Вас. о-въ, 10 лин., 9), В. А. Лебедевъ (Вас. о-въ,

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Б. лин., 10), Н. А. Меншуткинъ (университетъ, зданіе химич. лабораторіи), И. С. Ремезовъ (Больш. Московская, 3), А. Д. Соколовъ (Чернышевъ переул., 20), К. К. фонъ-Фохтъ (Пантелеймоновская, 11), Г. В. Бартольдъ (Вас. о-въ, Больш. просп., 4), К. Н. Бауеръ (Невскій, 108), И. П. Дюковъ (Полтавская, 3), А. И. Камнина (Больш. Московская, 8), В. А. Мясотинъ (Коломенская, 15), С. Ө. Ольденбургъ (Вас. о-въ, 2 лин., 11) и М. И. Свѣшниковъ (Гагаринская наб., 20); даѣе, книжный магазинъ «Новаго Времени» (Невскій, 38) и дѣлопронсводитель Общества А. Ф. Адамовичъ въ канцеларіи университета.

Настоящее обращеніе и прилагаемыя при семъ препроводительныя бланки просить распространять среди сочувствующихъ лицъ, причемъ комитетъ въ этомъ отношеніи особенно разсчитываетъ на услуги многочисленныхъ учениковъ и почитателей покойнаго О. Ө. Миллера, достойнымъ памятникомъ которому будетъ служить собираемый капиталъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступилъ въ продажу

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

произведеній СТУДЕНТОВЪ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, подъ редакціей и съ предисловіями А. В. Григоровича, А. П. Майкова и Я. П. Полонскаго, въ пользу Общества вспомошествованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Цѣна 3 руб.

СОЧИНЕНІЯ

Вл. В. ЛЕСЕВИЧА.

Опытъ критическаго изслѣдованія основначалъ позитивной философіи. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Письма о научной философіи. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Этюды и очерки. Цѣна 2 р. 60 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Что такое научная философія? Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Изданіе Вл. В. ЛЕСЕВИЧА:

«Дѣтскій сборникъ». Очерки и рассказы для дѣтей старшаго возраста. Съ 8 картинками и 3 политип. Спб. 1892 г. Ц. въ коленкор. пер. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Никита и его дочери. В. И. Водовозова. Морскія и прѣсноводныя животныя. А. М. Никольскаго. Въ березкѣ и подъ березкой. А. Е. Кутузовой. Дѣтство и юность Томаса Склиннера. Дорджи, бурятскій мальчикъ. А. В. Потаниной. Жертва. А. Н. Вѣтчикова. Падающія звѣзды и метеориты. В. Н. Агафонова. Въ деревнѣ на Рождество. А. Н. Анненской. Барбось въ роли героя. Юліи Безродной. Адамовъ Пикъ. Эрнеста Геккеля.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ Петербургской конторѣ журнала «Русское Богатство» и въ Московскомъ отдѣленіи конторы.

Подписчики «Русскаго Богатства», пользуются уступкой, равной стоимости пересылки.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ библиотеки войдетъ около 200 бюграфій замѣчательныхъ людей.

Вышли отдѣльными книжками 170 бюграфій слѣдующихъ лицъ:

I. Представители религій и церкви: Будда (Сакіа Муни), Григорій VII, Густъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Савонарола, Торквемада, Цвингли.—Аввакумъ (глава рус. раскола), патриархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Висмаркъ, Гарибальди, Гладстонъ, Грахъ, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье.—Воронцовъ, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмельницкій.

III. Ученые: Беккариа и Бентамъ, Вокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Линней, Ляйбницъ, Мальтусъ, Милль, Мотескье, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Вертъ, Воггинъ, Ковалевская, Добачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Беконъ, Дж. Бруно, Гегель, Кантъ, Оттольдъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Сенека, Спиноза, Шопенгауеръ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталоцци, Фрайлинъ.—Каравинъ (основатель хар. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стенли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гуттенбергъ, Дагеръ и Нипсъ (изобрѣтатели фотографіи), Лессепсъ, Ротшильдъ, Стефенсонъ и Фултонъ (изобрѣт. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—Демидовъ.

VIII. Писатели русскіе и иностранные.

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Вальзакъ, Берне, Беранже, Воккачио, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Дантъ, Дефо, Диккенсъ, Жоржъ Зандъ, Золя, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Милтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шиллеръ, Джоржъ Элиотъ.

Русскіе писатели: Аксаковъ, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибоедовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щадринъ), Сенковский (баронъ Врамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамской, Перовъ, Оедотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гарриксъ. Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Цѣна каждой книжки 25 к. Бюграфіи продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова.

(Спб., Лештуковъ пер., № 12).

Приготавливаются къ печати бюграфіи слѣдующихъ лицъ:

Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, Екатерины II, Лютера, Магомета, Макиавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Ренана, Сократа и Платона, Суворова, Гл. Успенскаго, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Шекспира и др.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ О. Н. ПОПОВОЙ.

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ второй томъ сочинений

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Критическія статьи 1858 и 1859 гг.

третій томъ печатается.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Цѣна по подпискѣ безъ пересылки
ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Вышла и разослана вторая часть I тома сочинений

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.

Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго отбора или сохраненіе извѣстныхъ породъ въ борьбѣ за жизнь. Переводъ (безъ пропусковъ) съ шестого исправленнаго и дополненнаго англійскаго изд., проф. К. Тимирязева. Съ вступительнымъ вступительнымъ словомъ проф. К. Тимирязева.

ВТОРОЙ ТОМЪ ПЕЧАТАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Цѣна по подпискѣ за два тома безъ пересылки

ТРИ РУБЛЯ.

Подписка на соч. Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина принимается въ С.-Петербургѣ, Спасская ул., д. № 15, въ конторѣ журнала «НОВОЕ СЛОВО» и въ отдѣленіи конторы. Спб., Невскій пр., д. № 54, бібліотека «Черкесова».

Продолжается подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ «НОВОЕ СЛОВО» (изданіе О. Н. Поповой).

Цѣна на годъ (съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.) 10 руб. съ пересылкой, на полгода 5 рублей.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Гольцевъ В. А. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 45 коп.

Каталогъ изданій высылается бесплатно.

ОТКРЫТА ТРЕХМѢСЯЧНАЯ ПОДПИСКА

съ 1-го Апрѣля по 30-е Іюня

на издающійся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету «Недѣльная хроника Восхода».

Цѣна съ доставкой и перес. на три мѣсяца—три руб.)

Подписывающіеся на годъ съ 1-го Января платятъ 10 р. и получаютъ журналъ съ 1-го №.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Только-что поступили въ продажу:

Элизе Реклю. ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ. Всемирная географія. I выпускъ **ШВЕЦІЯ и НОРВЕГІЯ.** Полный переводъ съ французскаго. П. Н. Краскова. Съ приложеніемъ государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистическихъ таблицъ и библиографическаго указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 75 рисунками. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

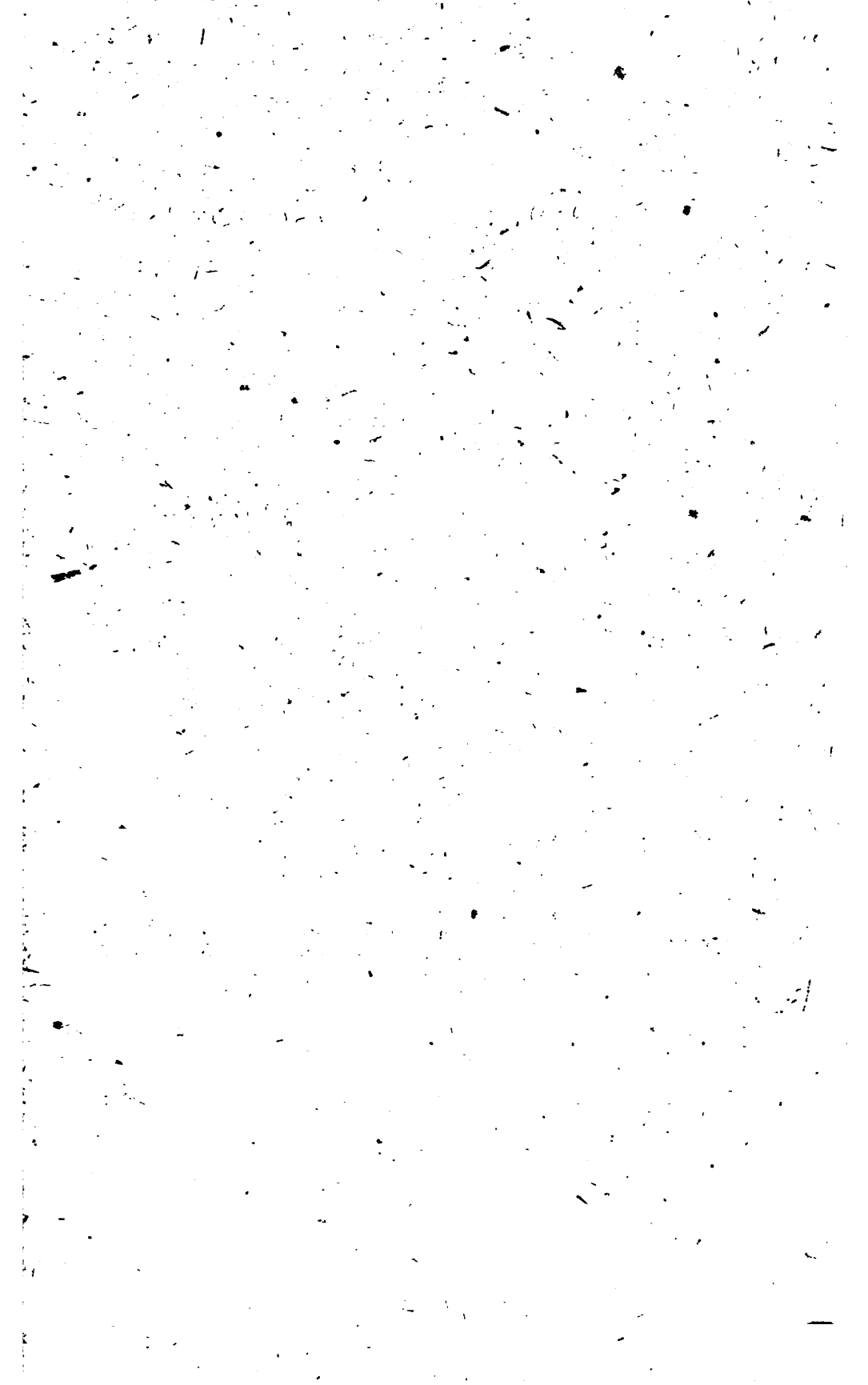
Дж. В. Мармери. ПРОГРЕССЪ НАУКИ, его происхожденіе, развитіе, причины и результатъ. Переводъ съ англійскаго съ приложеніемъ библиографическаго указателя русскихъ переводовъ классическихъ и научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Древнія знанія. — Методъ изслѣдованія. — Наука въ древности. — Прогрессъ въ античномъ мірѣ. — Прогрессъ у арабовъ. — Прогрессъ въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія. — Многочисленныя причины научнаго прогресса. — Рожеръ Бэконъ. — Характеръ Возрожденія. — Ученые XV и XVI столѣтій. — Современная наука: Ботаника. — Анатомія зоологія и палеонтологія. — Физиологія. — Біологія. — Антропологія. — Филологія. — Соціологія. — Геологія. — Химія. — Математическія науки. — Астрономія. — Физика. — Изобрѣтатели. — Значеніе приборовъ и инструментовъ. — Итоги послѣднихъ четырехъ вѣковъ развитія наукъ. — Страны, гдѣ развились науки. — Общія слѣдствія. — Матеріальныя слѣдствія научнаго прогресса. — Значеніе научнаго прогресса въ нравственномъ отношеніи.

Приложеніе: Знаменитые люди науки. — Опредѣленіе наукъ. — Библиографическія примѣчанія въ книгѣ Мармери.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», Спб., Спасская, 15, или ея отдѣленія, Спб., Невскій, 54, бібліотека «Черкесова», за пересылку не платятъ (исключая изданій, выходящихъ о подпискѣ, Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина).

Складъ изданій въ книж. маг. Н. П. Карбасникова, С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Widener Library

3 2044 098 421 670

